И.О.Гавритухин, А.М.Обломский

ГАПОНОВСКИЙ КЛАД И ЕГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Посвящается
учителям наших учителей:
П.Н.Третьякову, Б.А.Гракову и Г.Ф.Корзухиной

Институт археологии РАН
Курский областной археологический музей

И.О.Гавритухин, А.М.Обломский

ГАПОНОВСКИЙ КЛАД И ЕГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

При участии
И.Р.Ахмедова
А.В.Мастыковой
В.Ю.Малашева
В.Е.Родинковой
О.А.Щегловой

Москва 1996

Редакторы
д.и.н. Г. Е. Афанасьев
д.и.н. И. П. Русанова

Фотографии и фотокомпозиция
В. П. Шаповалов

Оригинал-макет
О. А. Горяйнов

Редакционная коллегия серии
И. О. Гавритухин
Н. В. Лопатин
А. М. Обломский

Издание осуществлено на средства ТОО **"Новые строительные технологии"**

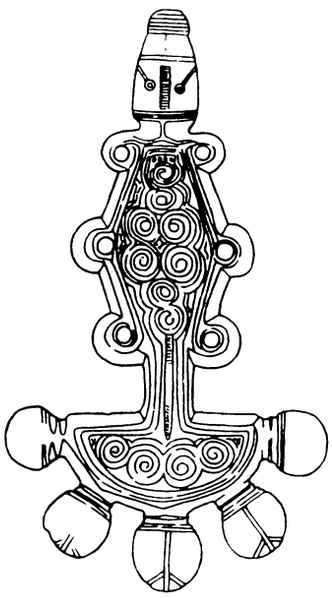
© И. О. Гавритухин, А. М. Обломский, 1996 г

ISBN 5-7312-013-7

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР

АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

ВЫПУСК 3



Серия основана в 1990 г.
С.А.Плетнёвой и И.П.Русановой

Москва

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Kursk Regional Museum of Archeology

I.O.Gavritukhin, A.M.Oblomsky

Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context

With contributions by
I.R.Akhmedov
A.V.Mastykova
V.Iu.Malashev
V.E.Rodinkova
O.A.Shcheglova

Moscow 1996

The World of the early Slavs
The Archeology of the Slavs and their neighbours
Issue 3

Seria was founded in 1990 by S.A.Pletniova and I.R.Rusanova

Moscow

Оглавление

Введение *(И.О.Гавритухин, А.М.Обломский)* 4

Глава 1. Описание комплекса находки

1. Поселение Гапоново и обстоятельства находки клада (А.М.Обломский) 7

2. Каталог предметов Гапоновского клада 10
1. Женские украшения *(А.М.Обломский)* 11
2. Поясная гарнитура *(А.М.Обломский)* 14
3. Конская сбруя *(И.Р.Ахмедов, А.М.Обломский)* 16
4. Прочие изделия из металла *(А.М.Обломский)* 16
5. Бусы *(А.В.Мастыкова)* 16

Глава 2. Типологическое определение инвентаря

1. Детали ременной гарнитуры (И.О.Гавритухин) 22
1. Общие замечания 22
2. Цельные двучастные накладки 24
3. Т-образные бляшки 25
4. Горизонтальносимметричные накладки 27
5. Комплект поясной гарнитуры: щитовидная накладка, пряжка с аналогичной обоймой и наконечник ремня 28
6. Наконечник с боковыми фигурными выступами 31
7. Прорезные наконечники с прямыми или слегка прогнутыми боками 32
8. Псевдопряжки 32
9. Ременные наконечники коробочкой 35
10. З-образные накладки 35
11. Овальные пряжки без металлической обоймы 35
12. Обломки прессованных накладок 36

2. Фибулы (И.О.Гавритухин) 36
1. Пальчатые фибулы 36
2. Широкопластинчатая подвязная фибула 38

3. Удила (И.Р.Ахмедов) 39

4. Бусы (А.В.Мастыкова) 42
1. Стеклянные бусы 42
2. Коралловые бусы 44
3. Янтарные бусы 45

5. Комплектность клада и реконструкция гарнитур (И.О.Гавритухин, О.А.Щеглова) 47

6. Группы днепровских раннесредневековых кладов (И.О.Гавритухин, О.А.Щеглова) 53

Глава 3. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий *(И.О.Гавритухин)*

1. Вводные замечания 58

2. Балканские провинции Византии 60

3. Крым 63

4. Среднее Подунавье (Карпатская котловина) 69

5. Кавказ 76
1. Закавказье 77
2. Восток Северного Кавказа 79
3. Центральная часть Северного Кавказа (Северная Осетия) 80

4. Кисловодская котловина **81**
5. Черноморское побережье Кавказа **83**

6. Поволжье и Приуралье **84**

7. Синхронизация хронологических колонок и место в этой системе днепровских кладов 1-й группы **89**

Глава 4. Культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в третьей четверти I тыс.н.э.

1. Колочинская культура (А.М.Обломский) **96**

2. Пеньковская культура (А.М.Обломский) **108**

3. Инородные компоненты в зоне пеньковской культуры (А.М.Обломский) **121**
1. Инумации с вещами круга древностей антов **121**
2. Ремесленные центры **123**

4. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы (Е.В.Родинкова) **124**

5. Памятники волынцевского типа,их специфика и генезис **130**
1. Термин "памятники волынцевского типа" *(О.А.Щеглова)* **130**
2. Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения *(А.М.Обломский, О.А.Щеглова)* **131**
3. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга *(И.О.Гавритухин, О.А.Щеглова)* **133**

6. Датировка начальных фаз культуры Луки Райковецкой (И.О.Гавритухин) **136**

Глава 5. (Вместо заключения). Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады *(И.О.Гавритухин, А.М.Обломский)*

1. Вводные замечания **140**

2. Начало эпохи средневековья **140**

3. Седьмой век **144**

Приложение 1. Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка *(В.Ю.Малашев)* **149**

Приложение 2. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками *(В.Е.Родинкова)* **155**

Литература и архивные материалы **163**

Список сокращений **174**

Summary **175**

Иллюстрации **178**

Contents

Introduction ... 4

Chapter 1. Description of the find complex

1. Gaponovo - the site and how the hoard was found (*A.M.Oblomsky*) ... 7
2. Catalogue of the artifacts ... 10
   1. Female ornaments (*A.M.Oblomsky*) ... 11
   2. Belt furniture (*A.M.Oblomsky*) ... 14
   3. Horse harness (*I.R.Akhmedov, A.M.Oblomsky*) ... 16
   4. Other metal objects (*A.M.Oblomsky*) ... 16
   5. Beads (*A.V.Mastykova*) ... 16

Chapter 2. Typological definitions

1. Elements of the strap furniture (*I.O.Gavritukhin*) ... 22
   1. General notes (Introduction) ... 22
   2. Solid bi-partial strap mounts ... 24
   3. T-form strap mounts ... 25
   4. Horizontal-symmetrical strap mounts ... 27
   5. Set of belt-fittings: shield-formed strap mount, buckle with shield-formed plate, strap-end ... 28
   6. Strap-end with figured projections on the sides ... 31
   7. Open work (cut through) strap-ends with straight or slightly curved sides ... 32
   8. Pseudo buckles ... 32
   9. "Box-shaped" strap ends ... 35
   10. "Omega-shaped" strap mounts ... 35
   11. Oval buckles without plate ... 35
   12. Pieces of pressed strap mounts ... 36
2. Fibulae (*I.O.Gavritukhin*) ... 36
   1. Radiate-head fibulae ... 36
   2. Fibulae with foot turned under, with widened arch ... 38
3. Bit (*I.R.Akhmedov*) ... 39
4. Beads (*A.V.Mastykova*) ... 42
5. Hoard composition and sets reconstruction (*I.O.Gavritukhin, O.A.Shcheglova*) ... 47
6. Groups of early medieval hoards in the Middle Dnieper basin (*I.O.Gavritukhin, O.A.Shcheglova*) ... 53

Chapter 3. Dating of the Dnieper hoards group 1 by means of synchronisations with the finds of other regions (*I.O.Gavrituchin*)

1. Introduction ... 58
2. Byzantine Balkan Provinces ... 60
3. Crimea ... 63
4. Middle Danube valley ... 69
5. Caucasus ... 76
6. Volga-Ural region ... 84
7. Synchronization of regional chronological scales and the chronological position of the Dnieper hoards group 1 ... 89

Chapter 4. Archeological cultures of the Middle Dnieper region and the left bank of the Dnieper-river in the third quarter of the I Millennia AD

1. Kolochin archeological culture (*A.M.Oblomsky*) ... 96
2. Pen'kovka archeological culture (*A.M.Oblomsky*) ... 108
3. Components of the other cultures in a Pen'kovka-culture zone (*A.M.Oblomsky*) ... 121
   1. Inhumations with the finds of the Antes' antiquities" ... 121
   2. Craft centres ... 123
4. Metal dress-fittings and ornaments as chronological indicators in Kolochin and Pen'kovka cultures of the third quarter of the I Millennium AD in the Middle Dnieper region and on the left bank of the Dnieper-river (*V.E.Rodinkova*) ... 124
5. Volyntsevo-type sites, their specific features and genesis ... 130
   1. On the termini "Volyntsevo-type sites"(*O.A.Shcheglova*) ... 130
   2. Some peculiarities of the Volyntsevo-type sites and their questionable nature (*A.M.Oblomsky, O.A.Shcheglova*) ... 131
   3. The dating of the initial phases of the Volyntsevo-type antiquities (*I.O.Gavritukhin, O.A.Shcheglova*) ... 133
6. The dating of the initial phases of the Luka Raikovetskaia culture (*I.O.Gavritukhin*) ... 136

Chapter 5. Left Bank of the Dnieper-river at the dawn of the Middle Ages: the dynamics of the cultural and historical processes and the hoards (*I.O.Gavritukhin, A.M.Oblomsky*) ... 140

Addition 1. The pottery from the Mokraia Balka burial place as a bases for periodisation (*V.Iu.Malashev*) ... 149

Addition 2. Early-Medieval sites of the Middle Dnieper region and the left bank of the Dnieper-river with the chronological indicating finds (*V.E.Rodinkova*) ... 155

Bibliography and Archive materials ... 163

List of abbreviations ... 174

Summary ... 175

Illustrations ... 178

Введение

Важнейшей целью данной работы является полная публикация материалов клада, найденного на поселении колочинской культуры у села Гапоново. Несмотря на то, что подобные находки стали известны почти столетие тому назад и неоднократно привлекали внимание ряда первоклассных специалистов, едва ли можно утверждать, что наши знания об этих интереснейших комплексах отчетливы и могут служить надежным подспорьем в понимании истории района их распространения. Более трех десятилетий известны и иные памятники этой территории, синхронные кладам, но контраст между бедными материалом, относительно кратковременными небольшими поселениями, небогатыми редкими могильниками и, другой стороны, кладами, сравнимыми по составу и уровню исполнения ряда вещей с комплексами ведущих варварских культур того времени, породил дополнительные вопросы, не сделав общую картину более понятной.

На наш взгляд, решение многих проблем, связанных с изучением истории и культуры населения Среднего Поднепровья, Днепровского Левобережья, Днепровско-донецкого водораздела и части бассейна Северского Донца, то есть областей, где в эпоху великого переселения народов известны клады, подобные Гапоновскому, напрямую зависит от уровня публикации и первичной обработки материалов. Сразу оговоримся, что термины "днепровские клады" или "культуры Днепровского Левобережья" мы используем в нашей монографии лишь потому, что они стали традиционными, хотя территория, которая в этом случае подразумевается, имеет более широкие границы (рис.1).

К сожалению, возможности для получения достаточно целостного представления о кладах, схожих с Гапоновским, весьма ограничены. До сих пор основным источником для этого являются статьи А.А.Спицына и Б.А.Рыбакова, по жанру скорее интерпретационно-концептуальные, чем публикационные [Спицын 1928; Рыбаков 1953]. Соответствующий современным требованиям каталог, содержащий сведения о 15 кладах и свод вещей, связываемых с их кругом, был составлен Г.Ф.Корзухиной к началу 1970-х гг.. До сих пор эта замечательная работа не опубликована и доступна лишь узкому кругу специалистов, имеющих возможность работать в архиве ИИМК в Санкт-Петербурге.

Находки последних десятилетий вводились в научный оборот несколько более оперативно, хотя лаконичность сведений позволяет рассматривать эти публикации как предварительные. Прорисовки и краткая характеристика небольшого, но очень интересного клада из Вильховчика, дошедшего, по мнению автора публикации, с утратами, приводятся в книге О.М.Приходнюка, посвященной раннесредневековым памятникам Среднего Поднепровья [Приходнюк 1980, *с.93, 99,129*], позднее эти сведения были дополнены фотографиями [Славяне ... 1990, *с.234*]. Фотографии и описание пяти вещей из дошедших до специалистов остатков клада из Цепляево Первого приведены А.Г.Дьяченко, статья которого содержит и ряд ценных наблюдений над технологией изготовления составляющих этот комплекс предметов [Дьяченко 1978]. Клад ювелира, найденный при раскопках поселения Большие Будки, опубликован вполне на уровне современных требований В.М.Горюновой, начавшей его систематическое изучение [Горюнова 1992; там прочие ссылки]. Остатки клада из Валуек в печати лишь кратко упомянуты [Шрамко 1962, *с.264*].

Указанные находки специфичны по составу или очень не полны; набор представленных в них вещей на фоне встреченных в других кладах этого круга весьма ограничен, поэтому внимание к давно известным комплексам вполне оправдано. Образцовый каталог Мартыновского клада, тщательно подготовленный Л.Пекарской и Д.Киддом, и великолепно изданный, является хорошим поводом для исследователей [Pekarskaja Kidd 1994]. Эта книга отнюдь не делает ненужной параллельную публикацию того же комплекса [Приходнюк и др. 1991], наоборот, появляется возможность полнее представить вещи. Почти одновременная, запоздывшая на 80 лет, републикация одной из старейших находок весьма симптоматична. Это свидетельство давно назревшей необходимости создания полноценной базы источников предоставляющей возможность работы с материалами днепровских кладов широкому кругу специалистов. В этом отношении весьма показателен отказ Л.Пекарской и Д.Кидда от решения ряда вопросов, связанных с интерпретацией Мартыновской находки, ведь столь представительный комплекс впервые предстает перед читателем в необходимой полноте информации.

Особенностью современного этапа изучения кладов является требование полной публикации входящих в их состав вещей, а также сведений о том, где и каким образом эти комплексы были найдены. Этот этап должен был начаться в 1970-х гг. каталогом Г.Ф.Корзухиной. Случилось так, что он начался на 20 лет позже введением в научный оборот клада из Больших Будков и параллельным изданием полноценного описания вещей одного из первых и, наверное, самого известного комплекса (из Мартыновки). На очереди давно готовящийся к публикации свод Г.Ф.Корзухиной, обработка материалов Трубчевского клада, предварительное издание которого готовится В.А.Падиным для журнала "Российская археология", и подготовка каталогов остальных находок. Мы надеемся, что **первая**, публикационная **глава** нашей книги займет своё место в этом ряду.

Гапоновский клад не так богат, как, например, Мартыновский, зато составлявшие его вещи дошли до нас практически полностью. Публикуемый комплекс вполне можно характеризовать как наиболее комплектный среди "представительных" и наиболее представительный среди "комплектных". Эта особенность и определяет значение Гапоновского клада на фоне прочих днепровских.

Круг проблем, для изучения которых днепровские клады являются первоклассным источником, очень широк. Нами выбраны вопросы, связанные с исследованием историко-культурного

контекста гапоновской находки и комплексов того же круга. Прежде всего, речь идет о двух аспектах этой проблематики: во-первых, о традициях и культурных контактах людей, оставивших клады, во-вторых, об исторических событиях, связанных с сокрытием этих комплексов. Вполне естественно, в постановке проблем отразились не только ключевые, с нашей точки зрения, вопросы в изучении днепровских кладов, но и круг научных интересов авторов. Сказанное объясняет структуру и содержание аналитической части нашей книги.

Вторая глава книги посвящена Гапоновскому кладу как комплексу вещей, что подразумевает характеристику его составных частей, анализ их соотношения и определение круга аналогичных явлений. Важнейшими ограничениями здесь были ориентация исследования именно на изучение культурного контекста и потенциал тех аналитических разработок, на которые мы могли опираться. В печати уже отмечалось, что уровнем типологического определения, наиболее подходящим для изучения культурного своеобразия вещей, является выделение "узких вариантов", сочетание которых дает картину более выразительную и конкретную, чем, например, рассмотрение того же набора предметов в рамках более широких разрядов классификации: типов, серий и т.п. [Гавритухин 1991]. В данной работе вычленение и анализ узких вариантов был возможен лишь для наиболее выразительных деталей поясной гарнитуры и фибул.

Предлагаемые определения функций некоторых вещей из клада, реконструкции представленных в нем гарнитур и наборов, конечно же, очень гипотетичны, а клады, очевидно, не самый надёжный источник в подобных изысканиях. Мы сочли возможным изложить ряд наблюдений в этой области, поскольку считаем указанные аспекты очень важными для изучения своеобразия, связей и традиций культуры людей, оставивших клады. Извиняет нас и то, что другого источника для рассмотрения очерченного круга вопросов среди раннесредневековых памятников Поднепровья попросту нет. Кроме того, в отечественных исследованиях уделяется незаслуженно мало внимания реконструкциям, позволяющим по возможности целостно и наглядно представить облик носителей изучаемых культур.

Предлагаемая группировка раннесредневековых кладов Поднепровья ориентирована, в соответствии с указанными акцентами аналитической части исследования, прежде всего на рассмотрение вопросов хронологии комплексов и их локальной или культурной специфики. Изучение вероятных различий в статусе, половозрастных, профессиональных и т.п. характеристиках людей, которым принадлежали клады, потребовало бы иной типологии и, наверное, дополнительных специальных методик. Подтверждение правильности предлагаемого понимания групп комплексов или вещей, построения типологических рядов, предположений о направлениях культурных влияний, наконец, историческая интерпретация рассматриваемых феноменов невозможны без их максимально точной абсолютной хронологии. Многие неясности и спорные моменты в изучении кладов связаны, как нам кажется, со слишком обобщенной, часто неоправдано широкой хронологией вещей, найденных в этих комплексах.

Представленные в **третьей главе** хронологические изыскания не претендуют на создание полноценной синхронизационной системы опорных шкал Восточной Европы и Евразийской степи, хотя для дела, начатого А.К.Амброзом, некоторые предлагаемые заметки, возможно, не бесполезны. Наша задача ограничивалась оценкой аргументов для определения абсолютной хронологии кладов, близких Гапоновскому, поэтому мы сосредоточили внимание на культурах, где встречены близкие поднепровским хронологически показательные вещи, которые дают возможности для абсолютного датирования, прежде всего, по совстречаемости с монетами. Последнее условие поясняет почему мы не рассматривали хронологию древностей, например, правобережных притоков Волги или юго-восточной Прибалтики, несмотря на важность материалов этих культур для понимания поднепровских. Степень детальности предлагаемых очерков зависит от уровня изученности хронологии культур и их потенциала в решении задач данной книги. Максимально жесткая синхронизационная сетка является не только необходимым условием оценки локальных шкал, что после работ А.К.Амброза стало очевидным, но и призвана сделать более наглядным место Гапоновского и близких ему кладов в кругу комплексов с аналогичными вещами, а также нужна для определения их "узкой" даты.

В главах 2 и 3 нам приходится очень часто обращаться к материалам достаточно представительного ряда комплексов и единичных находок. Чтобы не перегружать текст ссылками, сведения о важнейших памятниках, содержащих аналогии поясной гарнитуре и фибулам Гапоновского и близких ему кладов, вынесены нами в историографические части соответствующих параграфов или глав. **В приложениях 1 и 2** даны специальные исследования, не связанные жестко со спецификой нашей работы, но на которые мы считаем нужным опереться.

В четвертой главе рассматривается этнокультурная ситуация, сложившаяся в Среднем Поднепровье и Днепровском Левобережье в эпоху великого переселения народов, а также изменения, произошедшие в регионе в конце 7 – первой половине 8 вв. Необходимость включения этого раздела в монографию вызвана тем, что Гапоновский клад найден на памятнике колочинской культуры, и, кроме того, типичные для него и схожих комплексов украшения происходят с поселений и могильников колочинской и пеньковской культур, а также из погребений с трупоположениями, которые распространены на юге лесостепи Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Обойти вниманием традиции, характерные для указанных древностей, было бы не правильным. Целый ряд вещей (некоторые варианты фибул и деталей ременной гарнитуры), а также ансамбль женских украшений, входящих в состав днепровских кладов, имеет локальное распространение. Датирование этих предметов и комплексов без учета местной специфики было бы некорректным.

Несмотря на довольно существенные достижения, которые были сделаны в исследовании раннесредневековых культур Поднепровья, Днепровского Левобережья и бассейна Северского

Донца в последние два десятилетия, многие вопросы остаются дискуссионными. Спектр их весьма обширен: от общей хронологии этих культур до проблем происхождения и дальнейших судеб населения, оставившего раннесредневековые памятники. Во многом противоречия в воззрениях исследователей обусловлены отсутствием полноценной характеристики археологического комплекса этих общностей. Четвертая глава, по этой причине, написана в ключе подведения итогов известного. Мы пытались выяснить, какие из сведений, содержащихся в литературе, посвященной раннему средневековью Поднепровья, можно считать достоверными на современном уровне исследований, и, по возможности, отсечь те положения, которые "кочуют" из работы в работу без достаточных на то оснований.

Особый параграф четвертой главы посвящен находкам украшений на памятниках в ареале колочинской и пеньковской культур (список этих находок приводится в приложении 2), прежде всего с точки зрения их хронологии и определения круга аналогов, указывающего на культурные связи. Доступные нам данные свидетельствуют, что днепровские клады попадают в землю в конце существования пеньковской и колочинской культур, т.е. в момент резкого изменения этнической и общеисторической ситуации в регионе. Чтобы прояснить смысл этого изменения, в состав главы включен очерк о волынцевском культурно-хронологическом этапе, который сменяет колочинско-пеньковский период истории Поднепровья. Важен для данной темы и обзор хронологии перехода от пражской культуры к культуре типа Луки Райковецкой, поскольку истоки сахновского компонента волынцевского археологического комплекса связаны с древностями, близкими типу Луки Райковецкой на Правобережье Днепра.

Если глава 1 посвящена вводу в оборот новых источников, а главы 2, 3, 4, при всей дискуссионности некоторых из высказанных положений, связаны с оценкой возможностей некоторых категорий археологического материала, наиболее важных для анализа Гапоновского клада, то в **главе пятой** поставлена задача дать комплексную картину культурных традиций и исторических процессов на территории Днепровского Левобережья, без учета которых древности круга Гапоновского клада не могут быть поняты. Спектр необходимых для решения этой проблемы источников значительно шире чем тот, который мы могли затронуть в аналитических частях нашей работы, поэтому обоснование некоторых наблюдений и реконструкций, нужных для создания целостной картины, конспективно. Мы отдаем себе отчет, что все основные положения 5-й главы более или менее гипотетичны и на современном уровне наших знаний часто не могут быть однозначно приняты. И все же мы считаем подобный очерк необходимым, прежде всего, для того, чтобы представить себе смысл сделанного и наметить перспективы дальнейших исследований.

Мы завершаем нашу книгу рабочими гипотезами, позволяющими, как нам кажется, наиболее адекватно интерпретировать имеющиеся материалы для реконструкции историко-культурных процессов на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в первые столетия средневековья. Именно такой жанр, в противоположность автореферативному пересказу написанного в предшествующих частях, представляется наиболее уместным для завершающей главы нашего исследования и заставляет нас дать 5-й главе подзаголовок "вместо заключения".

Пользуясь случаем, мы приносим **благодарность** всем, без кого подготовка и публикация нашей книги не была бы возможна: Е.Ю.Архиповой, сотруднице Левобережной раннеславянской экспедиции ИА РАН, которая сумела уговорить нашедших клад рабочих из поселка Кореново отдать большинство вещей экспедиции и зафиксировать место находки, археологам из Москвы Ю.В.Зуйкову и О.В.Шаровой, руководивших работами на шурфе 1 и траншее 2 поселения Гапоново, археологам из Курска В.В.Енукову, А.Н. Апалькову и директору Кореневского завода низковольтной аппаратуры "Рубильник" С.Л.Рохлину, оказавшим существенную помощь при сборе той части предметов из клада, которую находчики не отдали сразу, коллективу Курского областного музея археологии, который оказывал разнообразную техническую помощь при подготовке монографии к печати, а также администрации ТОО "Новые строительные технологии", на средства которого осуществлялось это издание. Авторы испытывают глубокую признательность и выражают особую благодарность В.М.Обломской, И.В.Гавритухиной, Д.А.Киселёву и А.В.Скобову, Д. Рэйфилду, взявшим на себя самый тяжелый труд по подготовке настоящего издания к печати. Мы благодарны также всем, кто способствовал работе нашего коллектива материалами, советами, просто благожелательным отношением.

Глава 1. Описание комплекса находки

1. Поселение Гапоново и обстоятельства находки клада

Клад обнаружен на многослойном поселении, которое находится 2,5 км к северо – северо-востоку от северной окраины с.Гапоново (Красноктябрьское) Кореневского района Курской обл. на территории пионерского лагеря завода по производству низковольтной аппаратуры "Рубильник" пгт.Коренево. Памятник занимает мыс высотой 2-3 м, образованный пересечением первой надпойменной террасы левого берега р.Сейм и долины р.Крепны. К западу от мыса в 10-15 м от края террасы находится оз.Маковье – обширный залив Сейма. Наблюдения за обнажениями культурного слоя (различные мелкие ямы, кротовины и т.п.) показали, что археологический материал распространен, приблизительно, в пределах территории пионерлагеря, т.е. селище имеет размеры 130x150 м (рис.2). Южная часть поселения занята посаженным сосновым лесом, центральная – свободна, задернована (на ней находится футбольное поле). Постройки лагеря расположены вдоль долины Крепны на северном крае мыса и у забора – на южном. Именно здесь, в лесу, и находилась база Левобережной раннеславянской экспедиции Института археологии РАН в июне 1994 г.

Как и большинство подобных комплексов, клад был найден случайно: местными рабочими во время прокладки водопровода к бане пионерлагеря в месте, обозначенном на плане цифрой I (рис.2). Присутствовавшей в это время на базе заведующей камеральной лабораторией ЛРЭ Е.Ю.Архиповой (весь наличный состав экспедиции находился на раскопках поселения позднеримского времени "10-ый Октябрь") удалось зафиксировать место находки и собрать большинство предметов. Впоследствии при деятельной помощи директора завода С.Л.Рохлина и археологов из Курска В.В.Енукова и А.Н.Апалькова у местных рабочих удалось получить недостающие вещи. Клад, таким образом, дошел до нас, практически, в полном составе.

Отвалы водопроводной траншеи были тщательно просеяны, в месте находки клада заложен **шурф I** площадью 7,5 кв.м. Общая толщина культурного слоя в этом месте составляет 94-98 см. Из них верхние 10 см приходятся на дерн, который подстилает серая гумусированная супесь. Материком повсюду на памятнике является светлый песок, на фоне которого довольно четко "читались" контуры сооружений (рис.4).

Керамика, происходящая из слоя шурфа, по своей культурно-хронологической принадлежности делится на 2 группы. Первую составляют обломки лепных сосудов раннего железного века юхновской и лесостепной скифской культур с плотным тестом. Фрагменты лепных горшков второй группы содержат примесь крупного шамота в рыхлом тесте. Стенки их – довольно толстые, днища, как правило, имеют закраину. На поверхности сосудов видны следы небрежного заглаживания пальцами. Судя по черепкам, преобладают слабопрофилированные, близкие к баночным округлобокие формы, реже встречаются тюльпановидные, ребристые и баночные горшки (рис.5). Сосуды, как правило, лишены орнаментации. Такая керамика типична для колочинской культуры северной части Днепровского Левобережья.

На всех площадях, исследованных на памятнике, керамика этих 2-х групп абсолютно преобладала, хотя кроме нее и встречались отдельные предметы эпох неолита и бронзы. В слое шурфа I, например, найден обломок неолитического горшка с ямочной орнаментацией и несколько изделий из кремня. По глубинам в шурфе 1 керамика распределялась следующим образом.

Глубина	*Ранний железный век*		*Колочинская культура*	
	Количество	%	Количество	%
0-0,2	208	60	141	40
0,2-0,4	47	55	40	45
0,4-материк	23	55	19	45

Общее количество материала резко уменьшается от 1-го штыка к материку, соотношение же между культурно-хронологическими группами находок независимо от уровня залегания почти одно и то же: керамика раннего железного века преобладает, хотя и незначительно, над средневековой. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что на позднем (средневековом) этапе существования селища культурный слой был основательно перемешан, по крайней мере в том месте, где находится шурф I.

Клад залегал в культурном слое. По сообщениям находчиков и сведениям Е.Ю.Архиповой, составляющие его вещи представляли собой плотное веретенообразное скопление, ориентированное вертикально по отношению к материку. Верх скопления находился на глубине 25 см от дневной поверхности, а основание – на глубине 98 см. На этом уровне была обнаружена умбоновидная подвеска, не замеченная местными рабочими. Яма, в которой был закопан клад, в слое не прослеживалась. Каких-либо следов погребения близ места нахождения комплекса не было. В древности вещи были помещены в мешок или завернуты в ткань, отпечатки которой сохранились на поверхности свинцового лепешковидного слитка (рис.31: *14*) и на окислах железа, покрывавших часть спинки широкопластинчатой фибулы.

На уровне материка прослежена ***яма-погреб***. Она имела круглую форму и диаметр 95 см по верхнему краю, 80 см – в нижней части. С запада находилось место входа подпрямоугольной формы размерами 84x40 см с уплощенной ступенькой. Контуры объекта зафиксированы на гл. 74 см, ступенька – на уровне 100 см, дно погреба – на гл. 148 см; заполнение представляло собой серую однородную супесь. Из него происходит лепная керамика раннего железного века и обломки сфе-

роконических предметов, соответственно, 58 и 25 единиц. В значительно меньшем количестве (12 фрагментов) обнаружены черепки колочинских горшков. Дата и культурная принадлежность объекта по составу материала, из него происходящего, не достаточно ясна, однако не исключено, что яма относится к раннему железному веку, а немногочисленная колочинская керамика занесена в ее заполнение кротами. Доля находок раннего железного века в погребе значительно превышает средние показатели по культурному слою.

Администрация завода запретила расширить шурф 1 до размеров раскопа. Удалось лишь получить разрешение на вскрытие двух небольших полян в лесу около западного края мыса (рис.2). Там были заложены траншея II и раскоп III, размерами, соответственно, 12 и 24 кв. м. На каждом из этих участков были обнаружены остатки средневековых сооружений, в т.ч. и 4-х построек, которые представляли для экспедиции наибольший интерес. К сожалению, деревья и кусты помешали сделать прирезки, необходимые для исследования этих объектов полностью. Целиком в пределы раскопа III "вписались" лишь постройка 1.

Постройки имеют общую нумерацию по всему памятнику, ямы обозначались номерами отдельно для каждой исследованной площади.

Траншея II находится в 80 м к юго-западу от юго-восточного угла шурфа I. Общая толщина культурного слоя составляет 45-61 см. Отсчет глубин на траншее II и раскопе III велся от ***единого репера***, за который был принят уровень дневной поверхности северо-восточного угла раскопа III. Дерн имел толщину около 10 см. Его подстилал слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 40-44 см. Ниже (до материка) залегала тонкая прослойка серой супеси, но более светлой, чем верхние напластования (рис.6).

Постройка 2. Верхняя часть заполнения объекта проявилась непосредственно под дерном в виде аморфного темного пятна, занимавшего всю южную половину траншеи и не имевшего отчетливо выраженных границ. Находки в пределах пятна распределялись следующим образом.

Пласт	*Ранний железный век*		*Колочинская культура*	
	Количество	%	Количество	%
1	47	45	57	55
2	21	40	31	60

Материал из пятна брался отдельно от находок из культурного слоя вне его по двум пластам толщиною по 20 см каждый. Отсчет глубин в пределах пятна велся от основания слоя дерна.

В таблице учтена лишь керамика. Кроме нее при разборке пласта 1 найдены обломки 6-ти глиняных вальков – "сфероконусов", характерных для юхновской культуры. Необходимо отметить, что керамика раннего железного века сильно фрагментирована, а колочинская представлена крупными обломками (рис.7:*1,2,10,16*). Из первого пласта, происходит также 1 фрагмент венчика лепного сосуда эпохи бронзы и 2 отщепа кремня, а из второго – 1 обломок стенки горшка того же периода и 4 отщепа.

Точно контуры постройки 2 были прослежены лишь на материке на гл. 37 см от репера. Большая часть сооружения находится за пределами вскрытой площади. В границах раскопа оказался сравнительно небольшой участок длиной 3,0-2,5 м и шириной 2,2 м. Плоский пол зафиксирован на уровне 70-81 см. На полу в 1 м к северу от края котлована находилась яма от столба овальной формы (24 х 40 см) глубиной 16 см.

Заполнение сооружения стратифицировано. Верхний его горизонт толщиной 28-30 см представляет собой темную гумусированную супесь. Ее подстилает тонкая (10-15 см) прослойка серой супеси (рис.6). Вдоль борта котлована от уровня фиксации контуров сооружения до его пола залегала прослойка углистого песка толщиной около 7-8 см. Распределение керамики по глубинам показано на таблице.

Глубины и слои	*Ранний железный век*		*Колочинская культура*	
	Количество	%	Количество	%
темная супесь:				
шт.1	11	21	40	79
шт.2	5	12	35	88
нижний серый слой:	4	17	19	83

Как и в "тёмном пятне" выше материка, в заполнении постройки 2 наиболее крупными фрагментами представлена колочинская керамика. Из заполнения, кроме того, происходит 1 фрагмент горшка эпохи бронзы, 3 мелких обломка вальков сфероконической формы и 1 небольшой кусочек железного шлака. Таблицы, приведенные выше, наглядно демонстрируют тенденцию увеличения доли колочинской керамики от верхнего уровня "темного пятна" к полу объекта. Учитывая все эти данные, можно заключить, что сооружение относится к средневековому периоду существования памятника, а более ранний материал попал в заполнение объекта из культурного слоя.

Постройка 2 перекрывает ***яму II-3***. Одновременными они быть не могли, т.к. яма от столба-опоры кровли постройки находится слишком близко. Яма II-3 в пределы траншеи вошла частично. Размеры исследованного участка составляют 140 х 60-80 см. Сооружение представляло собой погреб со ступенькой-сходом. Диаметр наиболее глубокой части ямы – не менее 80 см, ширина ступеньки – 50 см, длина – не менее 70 см. Контуры объекта зафиксированы на гл. 77 см, дно – на уровне 131 см. Выше ямы на гл. 66 см прослеживались остатки сгоревшего дерева в виде полосы угля длиной 30 см и шириной до 10 см. Из заполнения объекта (серая однородная супесь) происходят около полутора десятков фрагментов колочинских горшков (рис.7:*13*) и отдельные мелкие черепки сосудов раннего железного века. Яма относится к периоду средневековья.

Яма II-1 (рис.6). В пределы траншеи вошла почти полностью. Контуры прослежены на уровне материка на гл. 32-38 см, дно находилось на гл. 77 см. В плане – округлая, диаметром по верхнему краю около 110 см, в нижней части – 55-60 см. В заполнении (серая однородная супесь)

обнаружено 14 фрагментов колочинских сосудов и 1 мелкий обломок сфероконического валька .

Яма II-2 (рис.6). Исследован лишь небольшой участок сооружения размерами 70x24-35 см. Объект зафиксирован на поверхности материка (гл. 25 см), дно находилось на уровне 55 см. В западной его части прослежена ямка от столба диаметром 20 см и глубиной 18 см. В заполнении сооружения (серая гумусированная супесь) обнаружен венчик сосуда эпохи бронзы и обломок верхней части горшка раннего железного века с заглаженной верхней частью, а также отдельные невыразительные лепные черепки.

Яма II-4 (рис.6). По стратиграфии относится к эпохе бронзы (частично перекрывается развалом сосуда этого периода). В заполнении, тем не менее, встречены отдельные колочинские черепки, занесенные в яму, вероятно, кротами.

Керамика из культурного слоя приводится на рис.7:*15-28*. Распределение ее показано на таблице.

Глубины	*Ранний железный век*		*Колочинская культура*	
	Количество	%	Количество	%
0-0,2	—	—	10	100
0,2-0,4	31	15	173	85
0,4-материк	14	40	21	60

В слое, кроме того, встречались обломки "сфероконусов". Из него происходит, также кремневый наконечник стрелы.

Северо-восточный угол **раскопа III** находится в 20 м к югу от юго-западного угла траншеи II. Общая толщина культурного слоя составляет 70-80 см. Из них верхние 8-10 см приходятся на дерн. Ниже залегает слой темно-серой супеси мощностью 20-54 см. Его подстилает серая супесь толщиной 5-44 см. Граница между средним и нижним слоями читается недостаточно четко, поэтому на профилях раскопа она в большинстве случаев обозначена пунктиром (рис.8,9).

Объекты, расположенные на площади раскопа, делятся по уровням фиксации контуров на 3 яруса или горизонта. К первому из них относится постройка 1, прослеженная в верхнем темном слое, ко второму – постройка 4 и ямы, выявленные в нижнем слое серой супеси, к третьему – сооружения, зафиксированные на поверхности материка. Западная часть раскопа на ширину 25-170 см испорчена военной траншеей. Находки, обнаруженные в ее пределах, переотложены.

Горизонт 1 (рис.10). После того, как был снят слой дерна, в центральной части раскопа обозначилось обширное черное пятно без отчетливо выраженных контуров. Материал из него брался отдельно от находок из культурного слоя. Кроме немногочисленных мелких обломков сфероконусов, 2-х отщепов кремня, наконечника стрелы из того же материала, небольшого куска железного шлака, в "толще пятна" встречались обломки лепных "скифских", юхновских и колочинских сосудов. Последние отличались более крупными размерами. Распределение массового материала показано в таблице.

Глубины	*Ранний железный век*		*Колочинская культура*	
	Количество	%	Количество	%
10-30 см	41	40	103	60
30-55 см	49	35	90	65

Керамика из темного пятна приводится на рис.11:*3,7,9*. Пятно являлось верхней размытой частью заполнения ***постройки 1***, контуры которой были прослежены на гл. 55-56 см на фоне более светлой супеси нижнего горизонта культурного слоя (рис.10). Размеры сооружения – 2,8x3,2 м по верхнему краю и 2,3x3,4 м на уровне пола. В плане постройка – прямоугольная, плоский пол находился на гл. 63-70 см. С учетом мощности пятна, глубина котлована составляла, таким образом, около 40 см от предполагаемого уровня впуска. Северная стенка прослеживалась нечетко и не зафиксирована в профиле северного обреза раскопа III (рис.10,8,9). В северо-западном углу сооружения находился очаг в виде близкой к овалу в плане глинобитной площадки без субструкций размерами 70-75 x 60 см и толщиной 3-4 см. Поверхность очага была сильно обожжена, глина растрескалась. Участок пола около него был окрашен древесным углем.

Материал из постройки ниже уровня фиксации контуров брался по двум группам. Первую составила керамика, залегавшая выше "развала 1", который представлял собой два крупных обломка плоского диска (рис.11:*10*). Ко второй группе относятся фрагменты сосудов, найденных ниже "развала 1" до уровня "развала 2": несколько черепков крупного горшка со следами грубого заглаживания щепкой поверхности (рис.11:*5*). Из постройки происходит выразительный комплекс колочинской керамики. В значительно меньшем количестве встречены обломки горшков раннего железного века, которые были сильно измельчены. Найдены также мелкие фрагменты сфероконических глиняных изделий, отщеп кремня, обломок железного ножа с прямой спинкой (гл.52 см: рис.11:*12*). Всего обнаружено 36 фрагментов "скифских" и юхновских сосудов и 74 – колочинских горшков, т.е. в заполнении, соответственно, 33 и 67%. Вторую группу составляют 16 (22%) "ранних" черепков и 56 (78%) средневековых. С пола происходит и небольшой фрагмент стенки черняховского гончарного сосуда с лощеной поверхностью (рис.11:*11*). Вряд ли он может датировать сооружение, которое является самым поздним по стратиграфии на раскопе, но, тем не менее, он служит указанием на то, что наиболее ранние объекты колочинского горизонта памятника должны относится к 5 в.н.э.

По уровню залегания к верхнему горизонту раскопа относятся обломки глиняного биконического пряслица из слоя (рис.12:*13*).

Горизонт 2 (рис.13). Составляющие его сооружения явно не одновременны, поскольку они частично перекрывают друг друга. Самым поздним из них, очевидно, является яма III-2, которая накладывается на яму III-1 и край постройки 4, а самым ранним – яма III-4, перекрывающаяся в свою очередь постройкой 4.

Яма III-2 (рис.13). В плане – круглая, имеет диаметр 80 см по верхнему краю и 74-76 см в

нижней части. Контуры прослежены на глубине 73 см, дно находилось на уровне 98 см. Заполнение, как и у всех сооружений 2-го горизонта, представляло собой серую гумусированную супесь, выделяющуюся несколько более темным цветом на фоне нижних, относительно светлых, напластований. Из объекта происходит около 20-ти фрагментов колочинских сосудов, в т.ч. обломок венчика усеченно-конического горшка (рис.12:10).

Яма III-1 (рис.13). В плане – овальная, размерами по верхнему краю 160 х 135 см, в нижней части – 90х100 см. Контуры прослежены на глубине 74 см, дно находилось на уровне 112 см. В заполнении обнаружено несколько невыразительных лепных черепков.

Постройка 4 (рис.13). В пределы раскопа вошел лишь край ее котлована длиной 1,8 м и шириной до 0,8 м. Верхние контуры зафиксированы на глубине 68 см, дно - на уровне 121 см. В заполнении найдено около 20 мелких фрагментов лепных горшков, как скифского времени, так и колочинских. Интерес представляет обломок днища гончарного черняховского сосуда с шероховатой поверхностью.

Яма III-4 (рис.13). Исследована приблизительно наполовину. По-видимому, была круглой, диаметром 160 см по верхнему краю и 104 см по дну. В заполнении находок не было.

Из индивидуальных находок ко второму горизонту относятся обломок глиняного биконического пряслица, обнаруженный в культурном слое на глубине 82 см (рис.12:*14*). У западного борта ямы II-1 залегал развал скифского сосуда (гл.72-85 см).

Горизонт 3. На этом уровне сооружения также частично накладываются друг на друга: яма III-3 перекрывает край постройки 3.

Яма III-3 (рис.14). В плане – овальная. Размеры по верхнему краю составляют 150 х 120 см, в нижней части – 95 х 55 см. Заполнение всех объектов 3-го горизонта, в т.ч. и ямы 3, представляло собой серую однородную супесь. Из ямы происходит около 20-ти фрагментов лепных сосудов, среди которых преобладают колочинские (рис.12:*8*). Найдена,также стенка гончарного черняховского горшка или миски с лощеной поверхностью.

Постройка 3 (рис.14). Очень сильно повреждена перекопом. Фактически, сохранился нетронутым лишь один из углов и два участка стен углубленного в материк котлована длиной 1,2 и 3,8 м. Контуры прослежены на глубине 87-89 см, дно находилось на уровне 100-109 см. Из заполнения происходит фрагмент глиняного биконического пряслица (гл.95 см: рис.12:*13*), колочинская и "скифская" керамика, причем первая преобладает и представлена более крупными черепками (рис.12:*1,4-7*). Кроме того найдено 2 мелких фрагмента стенок сосудов эпохи бронзы. На глубине 96 см находилось скопление обломков лепных сосудов, из которых удалось реконструировать нижнюю часть горшка.

Яма III-5 (рис.14). В плане – круглая. Диаметр по верхнему краю составляет 100 см, по дну – 60 см. Контуры прослежены на глубине 101 см, дно зафиксировано на уровне 139 см. Из керамики, найденной в заполнении, удалось реконструировать нижнюю часть колочинского горшка (рис.12:*9*).

Керамика, обнаруженная в культурном слое раскопа вне сооружений, приводится на рис.12:*2,3*. Таким образом, клад происходит с поселения **колочинской культуры**, которое, судя по стратиграфии, лучше всего прослеженной на раскопе III, существовало довольно долго. Наиболее ранние объекты средневекового горизонта памятника, как показывает обзор материалов, относятся к 5 в.н.э.(по находкам отдельных фрагментов черняховской гончарной керамики и специфического биконического пряслица с воронковидными основаниями, характерного для позднеримского времени). Из-за отсутствия хронологических индикаторов большинство сооружений памятника нельзя продатировать более точно, чем в рамках периода существования культуры в целом.

В такой же степени не ясен вопрос: функционировал ли колочинский посёлок в Гапоново непрерывно в течение длительного отрезка раннего средневековья или памятник заселялся несколько раз, в результате чего и образовалось 3 строительных горизонта построек и ям на краю террасы Сейма? Можно лишь констатировать, что поселение не переживает финала колочинской эпохи. Ни на одной из исследованных площадей (а они расположены довольно далеко друг от друга на разных участках селища) не обнаружено ни керамики, ни характерных предметов последующего, волынцевского периода.

Материалы, происходящие с памятника, включая клад, переданы в Курский государственный областной музей археологии.

2. Каталог предметов Гапоновского клада

В состав клада входят 411 предметов. Анализы металла не производились, данные в каталоге определения основаны на впечатлении при внешнем осмотре и, конечно, предварительны.

1. Женские украшения

1. Лобные венчики пластинчатые, с закрученными трубочкой концами, серебряные (рис.15) – 2 экз. На одном из предметов помещен орнамент в виде косого креста прочеканенного насечками "елочкой", концы которого оканчиваются четырьмя вписанными друг в друга окружностями, выдавленными с обратной стороны пластины (рис.15:*2а*). Второе изделие неорнаментировано. Оба предмета скручены на манер обручей. Размеры орнаментированного – 54,5x4,4-4,5 см; без орнамента – 57x4,7-4,9 см; диаметры окончаний, соответственно, 5 и 7 мм; толщина пластины – не более 0,5 мм.

2. Гривна с петлевидными концами бронзовая (рис.16:*1*) – 1 экз. Изготовлена из круглого прута толщиной 3-7 мм. Заготовка сужена к окончаниям. Концы обмотаны уплощенной проволокой шириной около 2 мм. Общие размеры изделия 23,8 x 20 см.

3. Гривны с расширенными концами, неорнаментированные, бронзовые (рис.16:*2,3*; 17:*1,2*), целые – 2 экз, в обломках – 2 экз. Изготовлены из прутьев толщиной около 3 мм, на концах – около 5 мм. Две целые имеют диаметр 14,4 и 15 см. Остальные две сбломаны и деформированы.

4. Аналогичные изделия с орнаментом в виде прочеканенных зигзагов на концах, с 2-х сторон от зигзагов расположены по 2-3 полосы (рис.17:*3,4*; 18:*1-4*) – не менее 5-ти экз. (4 целых; обломки гривен, помещенные на рис.17:*3* и 18:*4*, могут принадлежать одному изделию). Характер и толщина заготовки – такие же, как и у предыдущих. Диаметры целых изделий – 14,4; 13,7;13; 13,2 см.

5. Аналогичное изделие с орнаментом в виде насечек, расположенных "елочкой" на концах (рис.18:*5*) – 1 экз. Диаметр – 12,8 см.

6. Подвески С-овидные, со спиральным окончанием, из бронзы или очень плохого серебра, часто определяемые как височные кольца (рис.19:*1,2*) – 2 экз. Концы, на которых не было спиралей, у них обломаны. Первая изготовлена из ребристого в сечении дрота толщиной 3 мм. Дужка частично обмотана плоской проволокой толщиной чуть меньше 2 мм. Длина обмотки – 5 см, общая длина фрагмента (без учета кривизны) – 9,5 см, ширина спирального окончания – 2,6-2,8 см (рис.19:*1*).

Заготовка второй подвески представляет собой круглую в сечении проволоку толщиной чуть меньше 3 мм, в месте спирального окончания – 1-1,5 мм. Первые два витка спирали (от центра) обмотаны тонкой проволокой диаметром около 0,8 мм. Дужка на длину 2 см также обмотана проволокой, но более толстой (около 1,5 мм). Общая длина сохранившейся части изделия – 12 см, диаметр спирального окончания – 2,5 см (рис.19:*2*).

Не исключено, что первоначально в кладе была еще одна подобная подвеска. Возможно, именно ей принадлежали кусочек спирали и несколько мелких фрагментов дужек (рис.19:*3*), хотя это и недостоверно.

7. Подвески двуспиральные (очковидные), серебряные, из круглой в сечении проволоки диаметром около 2 мм (рис.19:*5-14*). Их всего – 9 экз.: 7 целых и 2 фрагментированых. Семь из них имеют гладкие окончания (рис.19:*5,9-14*), у двух они дополнительно обмотаны проволокой из бронзы, ромбической в сечении, толщиной около 1,5 мм (рис.19:*6,7*). Одно кольцо снабжено сверху обоймой для подвешивания (рис. 19:*8*). Размеры целых изделий (высота и ширина в основании): 5,6x6; 5,3x5,2; 5,4x6; 5,7x6; 5,6x5,8; 5,6x6,4; 5,6x6,2 см, размеры прямоугольной по форме обоймы с отверстием для штифта – 2x1,3 см.

8. Аналогичная подвеска с двумя креплениями для привешивания каких-то предметов на спиральных концах, бронзовая (рис.19:*4*) – 1 экз. Толщина заготовки (круглой проволоки) – около 2,5 мм, размеры изделия – 5,6x6,1 см, диаметр спиралевидных окончаний – 2,8-2,9 см. Крепления для подвесок имеют трапецевидную форму и размеры (с ушком) около 2x1 см (высота и нижнее основание). Они изготовлены из бронзовых пластин толщиной около 0,3-0,5 мм, согнутых пополам. С обеих сторон креплений нанесен орнамент в виде параллельных краям линий и перпендикулярных им насечек, прочеканенных с лицевой стороны. На каждом из креплений имеется по одному отверстию.

9. Обоймы для подвешивания двуспиральных колец, серебряные (рис.20:*8-15*) – 9 экз. Они аналогичны той, которая находилась на одной из очковидных подвесок (рис.19:*8*). Изготовлены из прямоугольных пластин толщиной около 0,5 мм с небольшим прогибом посередине, загнутых сверху и снизу. На всех изделиях имеются отверстия для штифтов и в большинстве случаев сами штифты. Целые экземпляры имеют размеры (высоту и ширину): 2x1,2; 1,9x1,3; 2x1,4; 1,9x1,3; 1,8x1,2 см, толщина внутреннего пространства, которое охватывает обойма – 5-7 мм.

10. Подвески "умбоновидные", из бронзы (рис.20:*1-7*; 21:*1-7*) – 14 экз.: 6 более или менее целых, прочие – в обломках.

Представляют собой плоские круглые изделия с полусферическим выступом в центре, изготовленные из пластин толщиной около 0,5 мм. Имели обоймы для подвешивания из согнутой пополам прямоугольной пластины, прикрепленной к изделию штифтом. Диаметры подвесок –5,6-5,8см, круглых выступов – 2,3-2,7см. Сохранив-

шиеся целыми обоймы имеют длину с лицевой стороны от 1,8 до 2,4 см, ширину - 1-1,2 см. Все они, кроме одной, орнаментированы 2-3-мя линиями вертикальных глубоких насечек, создающих в центре гофрированную поверхность. Пять обойм, кроме вертикальных, имели горизонтальные насечки в нижней части. На одной из обойм вертикальных линий не было, а ниже горизонтальной были помещены короткие вертикальные штрихи (рис.21:*5*). Петли обойм имели ширину от 2 до 5 мм

11. Пронизи спиралевидные, бронзовые (рис.21:*8-19*) 12 экз. Имеют разную длину (2,5; 1,8; 2,8; 1,8; 1,6; 3; 3; 0,8; 1,7; 2,6; 2; 0,7 см), но приблизительно одинаковый диаметр (4-6 мм). Часть изделий, видимо, обломана. Пять пронизей изготовлены из треугольной в сечении проволоки, семь из плоской ленточной. Ширина проволоки во всех случаях около 2 мм.

12. Трубочки-пронизи гофрированные, серебряные (рис.22:*1-6*) – 6 экз. С лицевой стороны покрыты неглубокими вертикальными насечками. Пять полностью сохранившихся трубочек имели вдоль всего изделия ложбинку. Длина изделий составляет 3,7-4 см, высота – около 1 см, ширина - 0,6-0,8 см. Изготовлены из серебряного листа толщиной около 0,5 см.

13. Трубочки-пронизи гладкие, бронзовые (рис.22:*7-15*) - 9 экз., из них – 8 целых. Длина – от 4 до 6,9 см, диаметр - 4-5 мм. Сделаны из листа толщиной около 0,5 мм, шов не запаян.

14. Подвеска трапецевидная, из бронзового листа толщиной 0,5 мм (рис.23:*21*) – 1 экз. Верхний край, видимо, обломан, но не намного. Орнамент в виде валиков и шишечек прочеканен с обратной стороны. Высота сохранившейся части изделия – 3,7 см, ширина - 1,8-3 см.

15. Подвески трапецевидные, большие, бронзовые, укрепленные на очковидной подвеске (рис.23:*16*) - 2 экз. Очковидная подвеска изготовлена довольно небрежно из бронзовой проволоки толщиной около 1,5 мм, сохранилась в 2-х обломках. Ее высота составляет 4 см, ширина спирального завитка – 2 см. Обе трапецевидные подвески одинаковы, в верхней части их бока резко суживаются. Толщина заготовки и техника нанесения орнамента аналогичны подвеске ***Кат.N14***. Высота левой подвески – 7 см, ширина вершины – 1,3 см, ширина в месте крепления ушка – 3,5 см, в основании - 4,4 см. Параметры правой, соответственно - 7,1; 0,8; 3,4 и 4,6 см. Ушки размерами 1,6x0,9 и 1,7x0,9 см изготовлены из сложенных пополам прямоугольных пластин толщиной не более 0,5 мм. К подвескам они прикреплены штифтами, под один из которых для прочности подложен кусочек бронзового листа.

16. Подвеска или накладка, литая, круглая, пластинчатая, бронзовая, без орнамента (рис. 23:*15*) – 1 экз. Толщина – около 1 мм, диаметр – 4-4,2 см. В верхней части с обратной стороны имеется плоское ушко с отверстием диаметром 3 мм.

17. Колокольчики конические, литые, из бронзы, без орнамента (рис.22:*16,17*) – 2 экз. Первый, сохранившийся целым, слегка деформирован, отчего он стал подпрямоугольным снизу. Высота изделия без ушка - 1,2-1,3 см, предполагаемый диаметр основания - 1,6-1,8 см. Сверху внутри имеется маленькая петелька для подвешивания язычка, который не сохранился. Ушко имеет форму, близкую овалу, но плоскую вершину. Его высота – 0,8 см, ширина - 0,6 см, размеры отверстия - 0,6x0,4 см (рис.22:*16*).

У второго колокольчика край частично обломан, хотя общая форма не изменена. Внутри маленькая петелька с наростом окислов железа (остатки язычка). Ушко по форме усеченно-ромбическое, высотой 0,7 см и такой же ширины. Диаметр круглого отверстия – 2 мм (рис.22:*17*).

18. Аналогичные изделия, орнаментированные полосами, параллельными основанию (рис.22:*18,19*; 23:*19,20*) – 4 экз. Два из них имеют по две орнаментальные полосы: в средней и нижней части изделия (рис.23:*19,20*). По форме они одинаковы: конический корпус оканчивается усеченно-ромбическим ушком. Нижний край одного из колокольчиков слегка завальцован (рис.23:*20*). Высота этого экземпляра - 1,4 см, диаметр – 2 см, высота ушка – 0,8 см, ширина – 0,8 см, диаметр отверстия – 4-5 мм.

Параметры второго, соответственно: 1,4; 2,1; 1,1; 0,9 см; 5-7 мм. У обоих колокольчиков петелька для подвешивания язычка покрыта комком окислов железа.

На корпусах остальных колокольчиков нанесено по одной орнаментальной полосе - в средней части. Эти вещи сохранились хуже: обе слегка деформированы и частично обломаны снизу. Как и ранее описанные, по форме они одинаковы: коническое тулово оканчивается усеченно-овальным ушком. Параметры первого экземпляра (рис.22:*18*) – 1,7; 2,3x1,4; 0,8; 0,8 см; 5 мм, второго - 1,5; 1,7x2; 1; 0,8 см; 3-4 мм (рис.22:*19*). У первого вокруг внутренней петельки заметны окислы железа, у второго они отсутствуют.

19. Подвеска-колокольчик призматическая, четырехгранная, с валиком по основанию и выступами на углах, деформированная, бронзовая (рис.23:*23*) – 1 экз. Как и предыдущие, отлита в форме. В верхней части корпуса помещена петля для подвешивания размерами 7x5 мм. Язычок также оформлен в виде петли, более длинной, чем сам колокольчик. Высота последнего без учета ушка и шипов – 1,7 см, длина одной стороны основания – 1 см, вершины – около 0,5 см. На корпусе заметен каплеобразный выступ, возможно, имевший орнаментальное значение.

20. Подвеска вытянутая, коническая, полая, бронзовая (рис.23:*22*) - 1 экз. Отлита очень небрежно и дополнительно не обработана: на боку заметны наросты бронзы технологического происхождения. Высота подвески - 2,5 см, диаметр верхнего основания – 0,7 см,нижнего – 1,4 см. По верхнему и нижнему диаметрам изделия проходят слабо выраженные рельефные валики.

21. Фибулы пальчатые, большие, бронзовые, парные (рис.25; 26:*2*) – 2 экз. Оба изделия отлиты в одной форме. Общая длина каждой фибулы - 17,4 см. Головной щиток имеет сегментовидную форму. Его длина составляет 5 см, высота - 2,5 см. По краям расположены 2 валика, поле щитка занято 4-мя рельефными спиралевидными композициями различного размера и формы (от округлой до подпрямоугольной). Щиток окаймлен 5-ю пальцеобразными отростками высотой от 1,6 до 2,2 см и шириной от 1,5 до 2 см. На выпуклой стороне отростков нанесен орнамент в виде трех сходящихся в одну точку полос, каждая из которых состоит, в свою очередь, из 2-х - 3-х линий. Ближе к щитку расположена еще одна орнаментальная полоса, ориентированная перпендикулярно высоте отростка. При переходе к щитку каждый из отростков суживается. Их шейки украшены 2-мя полосами – канелюрами. С обратной стороны щитка, около дужки, на расстоянии 1,5 см друг от друга находятся 2 держателя оси пружины. Они имеют трапецевидную форму, ширину 0,7-1,1 см, высоту 0,7 см. Диаметр отверстия составляет 0,3 см. На одной из фибул сохранились железный стержень, укрепленный между держателями, и остатки железной иглы, верхняя часть которой согнута в виде петли вокруг стержня (рис.24).

Дужка фибулы, соединяющая сегментовидный и четырехугольный щитки изделия (головку и ножку), рельефная. Ширина дуги – 1,6 см, длина – 3 см. Она украшена 3-мя рельефными выступами-ступеньками при переходе к ножке и головке. В центре дужки расположен массивный продольный валик с мягким ребром в верхней части, по обеим его сторонам находится по три небольших валика-ступеньки.

Щиток ножки по форме близок к ромбу. Его высота составляет 5,2 см, ширина – 3,3 см, причем линия наибольшего расширения находится в 1,8 см от края дужки. Поле щитка занято рельефными спиралями, образующими композицию в виде стилизованного растения, края окантованы рельефным ребристым валиком. По бокам щитка находится 6 симметричных отростков. Два ближайших к дужке представляют собой крючки, согнутые в кольца диаметром 0,9 см с продольными ребрами. Средние по форме близки к неправильным овалам размерами 0,7-0,8x1,2 см с прочеканенным снаружи колечком циркульного орнамента на каждом. Третья пара имеет аналогичную форму и орнаментацию, но отличается чуть меньшими размерами (0,7x1 см). С обратной стороны щитка ножки, ближе к дужке, находится приемник в виде изогнутой крючком пластины размерами 0,9 x 0,8 см. От него до края ножки проходит выпуклый валик – след литейного канала.

Изделие оканчивается массивным отростком неправильной овальной формы размерами 4x2 см с мягким продольным ребром. На поверхности отростка нанесены 4 поперечные полосы из параллельных линий и 4 циркульных "глазка". Форма отростка и его орнамент образуют композицию в виде стилизованной головы животного.

Следует отметить, что обе фибулы отличает некоторая небрежность исполнения. Завитки спирального орнамента неаккуратно обработаны еще в форме: на их краях отчетливо видны заусеницы из-за грубой подрезки острым предметом. Как уже отмечалось, отростки-"пальцы" имеют разные размеры, полуовальные отростки на ножке – разную, хотя и близкую, форму. Циркульный орнамент нанесен не всегда в центре отростков, хотя стремление к этому очевидно и т.д.

22. Фибула широкопластинчатая, прогнутая, подвязная, бронзовая (рис.25:*1*) – 1 экз. Все изделие вырезано из одной металлической пластины толщиной 0,4-0,5 мм. Пружинящее устройство, вероятно, было шарнирным. От железной иглы остались только окислы на головке изделия. Ось шарнира крепилась на двух пластинчатых крючках с прямоугольной прорезью между ними. Спинка полуциркульно изогнута, ее размеры – 4,5x2,4 см (без учета кривизны). Ножка имеет стреловидную форму, длину 4,2 см, ширину – 2,5 см. Край ножки переходит в пластинчатый приемник. Конец приемника раскован в проволочку, которая подвязана в месте соединения дужки и ножки. Общая высота изделия (с держателями шарнира) - 9,5 см. Орнаментация фибулы весьма скромна: вдоль краев ножки и дужки нанесены 2 параллельные линии. Продольная полоса из 3-х параллельных линий проходит по центру изделия. На окислах, покрывающих головку, видны отпечатки ткани, в которую был завернут клад.

23. Фибулы пальчатые, большие, бронзовые, парные (рис.25:*3*; 26) – 2 экз. Обе отлиты в одной форме. По общему облику, строению корпуса, способу крепления пружинящего аппарата близки ***Кат.N 21***. Отличаются формой ножки, некоторыми деталями орнаментации, тщательностью отделки и размерами.

Общая высота каждой фибулы – 19 см. Ширина головного щитка – 6,5 см, его высота - 3,3 см. Щиток окантован по краю двумя рядами рельефных ребристых валиков, переходящих в валики, украшающие дужку. На поле щитка помещены два S-видных завитка, образованные 4-мя спиралями правильной формы. Из 5-ти пальцевидных отростков 4 имеют одинаковые размеры: 2x2,1 см, и лишь центральный – несколько большие: 2,5x2,3 см. На шейках отростков расположены по две каннелюры, на выпуклых частях 3-х средних "пальцев" нанесен прочерченный орнамент в виде "куриной лапки", отделенный от шейки дополнительной полосой. На двух крайних "пальцах" имеется только эта полоса.

Размеры дужки – 2x1,5 см. В центре ее находится продольный округлый рельефный валик, по обеим его сторонам – по три ступеньки. По две из них с обеих сторон переходят в валики, расположенные вдоль края головки и ножки. У краев центрального валика, имеются насечки, расположенные перпендикулярно ему. Щиток ножки по форме близок правильному ромбу размерами 7x3,8 см, который ограничен двумя острыми рельефными валиками. Площадь этого щитка занята крестообразной композицией из S-видных завитков. Все шесть отростков на щитке имеют одинаковую форму: это полукольца, причем отверстия 4-х верхних окружены валиками. Размеры четырех отростков одинаковы – 1,5x1,2 см; оба наиболее удаленных от дужки отростка – несколько меньше (1,2x0,8 см).

Край ножки фибулы отделен канелюрами. Эта часть корпуса довольно массивна – 3,2x2,2 см. Форма этого "отростка" и композиция из насечек, "глазков" циркульного орнамента, нанесенная на поверхности, напоминают голову животного.

24. Кольцо с заходящими окончаниями, бронзовое, один конец заострен (рис.22:*20*) – 1 экз. Без орнамента, изготовлено из дрота диаметром 2 мм, размеры вещи – 3,7x3,3 см.

25. Два кольца бронзовых, сцепленных вместе (рис.22:*21*). Оба изготовлены из круглого дрота. Конец меньшего из них обмотан бронзовой спиралью. Размеры массивного – 2,1x1,7 см, диаметр дрота – 3-4 мм, один конец уплощен. Толщина проволоки другого кольца – 1,5 мм, размеры – 2x1,2 см, один конец заострен.

26. Кольцо бронзовое (рис.22:*23*) – 1 экз. Один конец расплющен, на нем нанесен орнамент в виде насечек. Диаметр изделия – 2 см, толщина проволоки – 2,5 мм.

27. Кольцо с заходящими друг за друга окончаниями, бронзовое (рис.22:*22*) – 1 экз. Один конец расплющен. Изготовлено из уплощенного дрота шириной 2,5, толщиной 1 мм. Общие размеры – 1,2x1,4 см,

2. Поясная гарнитура

28. Пряжка В-образная, крупная, с гранеными рамкой и язычком, литая, серебряная (рис.23:*13*) – 1 экз. Имеет В-образные очертания рамы с двумя внешними мягкими гранями и вырезами, украшающими выступы в ее задней части. Отверстие для просовывания конца ремня – прямоугольное. Общие размеры изделия – 5x3,4 см, выреза – 3,4x0,9 см. Рама пряжки – полая внутри, максимальная толщина стенок – около 2 мм. Не сильно нависающий на раму слегка прогнутый полый язычок имеет две грани и довольно высокий подтреугольный выступ. Толщина стенок язычка – такая же, как и у рамы.

29. Обойма от пряжки (очевидно, от описанной выше ***Кат.N 28***) полуовальная, литая, с прорезью посередине, серебряная (рис.23:*14*) – 1 экз. К пряжке "подходит" по размерам выступов-креплений. Их края обломаны. Форма обоймы и прорезей близка к сегментовидной. На краях изделия заметна одна мягкая грань. На конце щитка имеется рельефный узкий выступ, такой же, как и на обоймах псевдопряжек (***Кат.N 30***). Толщина изделия – не более 0,5 мм, общие размеры – 3,6x2,7 см.

30. Псевдопряжки В-образные, с подвижными язычками и обоймами, литые, серебряные (рис.27; 28) – 10 экз. Рамы изделий, язычки и обоймы изготовлены в одних и тех же формах и впоследствии дополнительно обработаны. Сохранившиеся целыми экземляры незначительно отличаются друг от друга окончаниями язычков, крепившихся к ремню на обоймах.

Рамы пряжек имеют В-образную форму с ребристым выступом под язычком. На раме находятся три отверстия: два круглых диаметром 6 мм каждое и одно прямоугольное размерами 1,7x0,5 см в месте крепления язычка и обоймы. Вокруг отверстий имеются небольшие овальные площадки, края которых образуют мягкие грани. Язычок слабо изогнут по скату рамы. Он незначительно выступает за ее пределы. На поверхности язычка присутствует продольное ребро и небольшой ромбовидный выступ.

Форма всех обойм близка к полуовальной. Они не имеют орнамента, если не считать мягкой грани по краю и узкого подтреугольного выступа на конце. Обойма крепится к раме при помощи загнутой пластины с вырезом посередине. На конце пластины находится шпенек для приклепывания изделия к ремню. Еще одна такая же заклепка-крючок имеется с внутренней стороны у конца обоймы.

Рама, язычок и обойма – полые внутри. Их толщина не превышает 1 мм. При небрежной отливке на рамах двух пряжек образовались каверны.

Полностью сохранились лишь три изделия (рис.27:*1-3*). У шести утрачен язычок, а еще у одной пряжки он обломан. У одного экземпляра пополам сломана обойма, у другого – повреждено крепление обоймы к раме пряжки и ремню. Целые псевдопряжки имеют следующие размеры: пряжка – 4,2x2,5 см, обойма – 3,7x2,8 см.

31. Наконечник пояса литой, с прорезями по бокам и в центре, серебряный, со вставкой (рис.23:*18*) – 1 экз. Имеет две прорези (дуговидную и круглую) на концевом щитке и одну – в верхней части. В последней сохранилась вставка из бесцветного прозрачного стекла. Под стекло подложен снизу листик серебряной фольги. Общие размеры изделия – 5,3x3,4 см. Вдоль краев заметна мягкая грань, на конце – подтреугольный выступ. К ремню наконечник крепился при помощи трех крючков, расположенных в линию вдоль оси изделия с его внутренней стороны. Наконечник внутри – полый. Его толщина составляет около 1 мм.

32. Накладка поясная в форме геральдического щита, литая, серебряная, с прорезью (рис.23:*17*) – 1 экз. Имеет вставку из синего прозрачного стекла. Под стекло накладки подложена частично сохранившаяся серебряная фольга. Накладка имеет размеры 3,5x3 см. По краю проходит мягкая грань, на конце находится подтреугольный выступ, с противоположной стороны – полуовальная выемка. Для крепления к поясу служат два крючочка, расположенные в средней части внутренней стороны.

33. Накладки литые, серебряные, поясные, прямоугольные, ажурные (рис.29:*10-15*) – 6 экз. Отлиты в одной форме. Состоят из двух примыкающих друг к другу прямоугольных полей ,на большем из которых находятся композиция из прорезей в виде усложненного креста, а на меньшем – в виде галочки и двух кружочков. Большее по размерам поле отделено от меньшего уступом.

В верхней и нижней частях большего поля есть параллельные прочерченные линии, в нижней части меньшего поля – рельефный валик с тремя мягкими гранями. Общие размеры каждого изделия - 5,2x2,6 см, толщина – около 1 мм. Для крепления к ремню служили 3 крючка, расположенные по одной линии с внутренней стороны изделия вдоль его продольной оси.

34. Пряжка вертикально-овальная, с язычком и подграненной полой рамкой, бронзовая (рис.29:*9*) – 1 экз. Рама имеет размеры 2,5x1,6 см, две грани и утолщение в передней части. В месте, где язычок должен ложиться на рамку, расположена перпендикулярная передней части рамки орнаментальная полоса, состоящая из серии параллельных прочерченных линий. Язычок не прогнут, в сечении – подтреугольный, с загнутым концом, не сильно выступающим за край рамки.

35. Рамка вертикально-овальной пряжки с утолщенной литой передней частью, бронзовая (рис.29:*8*) – 1 экз. Сечение заготовки – круглое, толщиной 3-5 мм. Размеры изделия – 2,4x1,6 см.

36. Накладки поясные, З-образные, с двумя круглыми прорезями, литые, бронзовые (рис.29:*6,7*) – 2 экз. Отлиты в одной форме. Общие размеры каждого изделия – 2,7x1,7 см, вдоль края проходит мягкая грань. От каждого из двух отверстий на поверхности изделия отходят по две прочерченных линии. У одного экземпляра они ориентированы перпендикулярно длинной оси, у другого – под углом друг другу. Толщина накладок – около 1 мм. Для крепления к ремню служат два крючка на внутренней стороне.

37. Накладки поясные, в виде двух симметричных щитков с двумя прорезями сверху и снизу, литые, бронзовые (рис.29:*2-5*) – 4 экз. Отлиты в одной форме, по краям заметны мягкие грани, в центральной части находится полоса из пяти прочерченных линий. Размеры каждого изделия – 4,4-4,5 x 1,6 см, толщина – 1 мм. Для крепления к поясу служат три шпенька, расположенные с обратной стороны вдоль продольной оси изделия. В прорезь одной из накладок вставлена фигурная скоба.

38. Накладка поясная, Т-образная, крупная, с четырьмя круглыми прорезями на щитке, серебряная (рис.30:*1*) – 1 экз. Края Т-образного отростка – слегка выпуклые, между ними находятся три канелюры. Щиток имеет подпрямоугольную форму, с двумя углами – слегка вытянутыми, а двумя – образующими "рога". На его поверхности, у Т-образного выступа находятся четыре параллельные прочерченные по поверхности линии. Для крепления к ремню служат три шпенька, помещенные в центре изделия по его продольной оси с внутренней стороны. Толщина накладки – 1-1,5 мм, общие размеры – 4,1x3 см.

39. Накладка поясная, Т-образная, с прорезью на щитке, украшенная циркульным орнаментом, бронзовая (рис.29:*1*) – 1 экз. Т-образный отросток по форме подобен аналогичной детали изделия, описанного выше, но его выпуклые окончания отделяют друг от друга не три, а четыре канелюры. Щиток имеет геральдическую, пламеневидную форму. По его краю проходит грань, в месте его наибольшего расширения есть три параллельные прочерченные линии. Прорезь сердцевидной формы находится в нижней части щитка. Толщина накладки – 1 мм, размеры – 3,2x2,2 см.

40. Наконечник ремня узкий, с заостренным концом и двумя прорезями, бронзовый (рис.30:*3*) – 1 экз. Одна в форме замочной скважины, другая – в форме "галочки" с расправленными слегка загибающимися "крыльями", в первую продето кольцо. В месте, где изделие крепилось к ремню находится полоса из двух параллельных линий и четырех перпендикулярных насечек. Толщина наконечника – 1 мм или чуть меньше, размеры – 4,5x1,2 см.

41. Наконечник ремня с одной прорезью и циркульным орнаментом, по форме близкий *Кат.N 40*, бронзовый (рис.30:*2*) – 1 экз. Размеры – 4,7x1,2 см, толщина – около 1 мм. Для крепления к ремню служат два шпенька, помещенных с внутренней стороны изделия.

42. Фрагменты ременных накладок в форме геральдических щитов, прессованных (рис.30:*6-18*). Серебряный лист накладок заполнен мягкой основой из свинца или свинцово-оловянистого сплава, в которую с обратной стороны были впаяны на специальных штифтах пластинчатые обоймы для крепления к поясу. Орнамент прочеканивался снаружи на серебряном листе до основы. В кладе содержались фрагменты не менее, чем тринадцати изделий этого типа. Из-за химического взаимодействия двух металлов большинство элементов прессованной гарнитуры распалось на мелкие кусочки.

43. Наконечники ремней стреловидные, выполненные "прессовкой", по материалу и технологии изготовления аналогичны *Кат.N 40* (рис.30:*19-21*) – 1 целый и 2 фрагмента. Размеры целого – 5,4x1,5 см.

44. Фрагмент накладки (с обоймой), "прессованной", имеющей округлое окончание (рис.30:*22*) – 1 экз.

45. Обоймы-крепления от накладок "прессованой" гарнитуры в виде узких неровных пластин со штифтами, бронзовые (рис.31:*4-11*) – 8 экз. Длина изделий существенно различается – от 5,6 до 2,5 см, ширина – 0,5-0,6 см, толщина – около 0,5 мм.

46. Наконечник пояса малый коробчатый, из бронзы (рис.30:*4*) – 1 экз. Состоит из рамы-окантовки ремня и двух пластин, скрепленных штифтом. Окантовка изготовлена из прямоугольного в сечении дрота (2x1 мм), толщина пластины – не более 0,4 мм. Общие размеры наконечника – 5,2x1,4 см.

47. Наконечник пояса большой, коробчатый, из бронзовой рамы и двух серебряных тонких пластин (рис.32:*2*) – 1 экз. По конструкции аналогичен предыдущему, но сохранился хуже: пластины частично поломаны, рама распалась на два фрагмента. Размеры изделия, тем не менее, можно восстановить. Они составляют 8,8x3,2-3,5 см. Рама изготовлена из прямоугольного в сечении дрота толщиной 1,5 мм и шириной 3,5 мм, толщина пластин - около 0,3 мм.

48. Накладки из тонкого бронзового листа, целая и фрагментированная (рис.31:*1,2*) – 2 экз. Орнамент прочеканен с обратной стороны изделий. На одном из краев одной из пластин имеются тонкие отверстия для нити, при помощи которой пластина пришивалась к основе. Размеры целой накладки – 8,8x3,6 см, толщина листа – 0,3 мм.

3. Конская сбруя

49. Удила двукольчатые, с псалиями (рис.32:*1*) – 1 комплект. Железные, двусоставные, звенья имеют равную длину, у каждого звена на концах по два кольца, лежащих в одной плоскости. Внутреннее, более крупное – для псалия, внешнее, меньшего размера – для кольца повода. Сечение стержня удил – квадратное, сечение колец – подпрямоугольное. Размеры: длина звеньев – 11 и 11,6 см, диаметр – 2 см у внутренних, и 1,4 см у внешних колец.

Кольца для повода – овальной формы, сечение округлое и прямоугольное. Размеры – 3,3x2,6 см.

Псалии – стержневидные, верхняя часть имеет плавный изгиб с утолщением на конце, в средней части имеется расширение с двумя отверстиями, нижняя часть раскована в небольшую лопасть. Средняя и нижняя части лежат в различных плоскостях к друг другу. Сечение в верхней части – круглое, в средней – пластинчатое, в нижней – также пластинчатое. Длина псалиев – 15 см правого и 13 см левого.

50. Скрепа железная (рис.32:*3*) – 1 экз. Возможно является остатком зажима типа карабина. Сохранилась плохо. Толщина пластины – около 2 мм, размеры ушка в верхней части 0,7x1 см.

51. Ворворки свинцовые крупных размеров (рис.33:*2,3*) – 2 экз. По форме – усеченно-конические, имеют отверстие в меньшем из оснований, внутри – полые. Размеры первой – 2,2x0,9-3,2 см, второй – 2x0,8-3,4 см, толщина стенок обеих - 1-3 мм.

52. Ворворки свинцовые средних размеров (рис.33:7-17) – 11 экз. Полностью сохранились восемь. По форме аналогичны предыдущим. Размеры варьируют от 1,3 до 1,6 см по высоте, от 0,6 до 0,8 см по верхнему основанию и от 2 до 2,5 см по нижнему. Толщина стенок – такая же, как у предыдущих.

53. Ворворки свинцовые малых размеров и их фрагменты (рис.33:*19-65*; 34:*2-99*) – 153 экз. Все – без орнамента. Высота колеблется от 0,3 до 0,8 см, диаметр верхнего основания составляет 0,5-0,6 см, нижнего - 1-1,3 см, толщина стенок – 1-1,5 мм. Изготовлены не менее, чем тремя штампами: среди всех ворворок выделяются широкие, сравнительно низкие, симметричные (рис.33:*28-30*), высокие более узкие (рис.34:*8,52,61*) и неровные "шляпообразные" изделия (рис.34:*3,4,12*).

4.Прочие изделия из металла

54. "Бусы" дисковидные, свинцовые (рис.33:*66-68*) – 3 экз. Диаметр – 0.8-0,9 см, толщина – 1,5 мм, диаметр отверстия – 1-1,5 мм.

55. Округлый предмет (навершие?) из двух спаянных вместе половинок со сквозным отверстием, бронзовый (рис.31:*3*) – 1 экз. Полый внутри. Вдоль отверстий имеются плоские круглые площадки. Общие размеры изделия – 3x2,3 см, диаметр отверстий – 0,5 см.

56. Фрагмент плоского круглого ажурного изделия из свинца (рис.34:*1*) – 1 экз. Вероятно, часть какой-то бляхи с солярной композицией. Судя по сохранившимся кускам, она имела диаметр около 5,5 см.

57. Подвеска плоская, свинцовая, с прорезью (рис.33:*6*) – 1 экз. Судя по обломку, размеры были около 2,5x1,5 см, включая ушко, толщина – не более 1 мм.

58. Подвески "умбоновидные", свинцовые (рис.33:*4,5*) – 2 экз. Сохранились частично. Судя по фрагментам, высота изделий (включая ушко), не превышала 2,8 см, диаметр был не более 2 см. По краям заметны выпуклые бугорки псевдозерни, центральный выступ подчеркнут прочерченными линиями.

59. Изделие в виде ложки, свинцовое (рис.33:*1*) – 1 экз. Распалось на два обломка. Общие размеры предмета – 8,5x0,5-2 см.

60. Слиток свинцовый, с отпечатками ткани на поверхности (рис.31:*14*) – 1 экз. Диаметр 7-7,2 см, толщина (максимальная) – 1 см.

61. Кольца массивные, свинцовые (рис.31:*12,13*) – 2 экз. Изготовлены из прутьев диаметром около 0,8 см. Размеры колец – 6x4,5-5 см. Первоначально были сцеплены друг с другом.

5. Бусы

Краткое объяснение используемых терминов.

Бусы описываются набором признаков, расположенных в определенном порядке.

Сначала характеризуется ***сохранность*** предмета: полная - когда сохранилась вся форма изделия, неполная – когда в наличии фрагмент изделия.

Далее следует описание ***формы*** изделия. При этом используются следующие термины:
ребро – место пересечения двух поверхностей;
вершина – место пересечения нескольких ребер;
фаска – поверхность, образованная срезом ребра;

сдвоенные и строенные формы – бусины, сделанные из трубочки-заготовки, разделенные инструментом на две или три соединяющиеся части;

"*шейка*" – глубинная перемычка, образованная на трубочке-заготовке щипцами (рис. 34а:*1*).

Приводятся основные ***размеры*** изделий: Н – высота – измерение вдоль канала; Д – максимальный размер бусины впоперечнике; д1, д2 – диаметры канала на его краях (рис.34а:*2*).

Далее описывается ***канал***. В исследуемом наборе бус встречается три формы канала: цилиндрический, конический и расширенный. Канал расширенной формы имеет в середине больший диаметр, чем по краям.

Следующий признак в описании бус – ***декор***. Рассматриваются характеристики декора.

При описании техники изготовления предмета и декора перечисляется ***последовательность технологических операций.***

При характеристике ***следов технологических операций*** использованы термины:

швы сварки – при наличиии многочисленных сварочных соединений,

шов соединения – когда фиксируется след однократной технологической операции (однократное обертывание и наклад – рис.34а:*3*).

Завершают описание ***цветовые характеристики бус и декора***, а также ***прозрачность*** используемого материала.

Стеклянные полихромные бусы.

62. 1 экз. *Сохранность* предмета: полная (рис.34а:*4*).
Форма предмета: округлая, шаровидная.
Размеры: Н – 10,5 мм; Д – 10,5 мм; д1 – 4 мм; д2 – 4 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: сварка шести полихромных заготовок на инструменте; обкатка.
Следы технологических операций: швы сварки.
Цвет стекла: желто-зеленый; красно-желто-синий; бесцветный, красный.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

63. 1 экз. *Сохранность* предмета: полная (рис.34а:*5*).
Форма предмета: округлая, шаровидная.
Размеры: Н – 12 мм; Д – 11,5 мм; д1 – 4,5 мм; д2 – 3 мм.
Канал: конический.
Техника изготовления предмета: сварка двухцветных тянутых заготовок ("ломтики") на инструменте, обкатка.
Следы технологических операций: швы сварки.
Цвет стекла: красный, бесцветный.
Прозрачность стекла: непрозрачный, полупрозрачный.

64. 1экз. *Сохранность* предмета: полная (рис.34а:*6*).
Форма предмета: округлая, шаровидная.
Размеры: Н – 11 мм; Д – 10,5 мм; д1 – 3 мм; д2 – 2,5х4 мм.
Канал: конический.
Декор: "глазок", 2-кратный, полихромный, выпуклый.
Техника изготовления предмета: сварка тянутых одноцветных заготовок (полос), раскатка, однократное обертывание на инструменте, обкатка, наклад декора, обкатка(?).
Техника изготовления декора: сварка полихромных заготовок, вытягивание, разрезание ножом, наклад вгорячую на бусину.
Следы технологических операций: швы сварки.
Цвет стекла: синий, красный.
Цвет декора: красно-желто-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное, непрозрачное.
Прозрачность декора: непрозрачный, прозрачный (зеленый).

65. 1 экз. *Сохранность* предмета: полная (рис.34а:*7*).
Форма предмета: граненая, призматическая (с квадратным сечением) со срезанными вершинами, со скругленными гранями.
Размеры: Н – 12,5 мм; Д – 9,5 мм; д1 – 5 мм; д2 – 6 мм.
Канал: конический.
Декор: "глазок" 4-кратный, трехцветный, плоский.
Техника изготовления предмета: вытягивание палочки, разрезание, прокол, наклад декора, прессование на плоскости.
Техника изготовления декора: вытягивание полихромных заготовок, разрезание ножом, наклад вгорячую на бусину.
Следы технологических операций: три насечки у одного края.
Цвет стекла: синий.
Цвет декора: сине-желто-красный.
Прозрачность стекла: прозрачный.
Прозрачность декора: непрозрачный.

66. 1 экз. *Сохранность* предмета: полная (рис.34а:*8*).
Форма предмета: граненая, призматическая (с квадратным сечением) со срезанными вершинами.
Размеры: Н – 13 мм; Д – 9 мм; д1 – 4 мм; д2 – 3,5 мм.
Канал: конический.
Декор: "глазок" 4-кратный, трехцветный, плоский.
Техника изготовления предмета: вытягивание палочки, раскатка,однократное обертывание на инструменте, наклад декора, прессование на плоскости.
Техника изготовления декора: вытягивание полихромных заготовок, разрезание ножом, наклад вгорячую на бусину.
Следы технологических операций: шов соединения
Цвет стекла: сине-зеленый.
Цвет декора: желто-сине-красный.
Прозрачность стекла: прозрачное.
Прозрачность декора: непрозрачный.

67. 1 экз. *Сохранность* предмета: полная (рис.34а:*9*).
Форма предмета: граненая, призматическая (с квадратным сечением) со срезанными вершинами.
Размеры: Н – 11 мм, Д – 9 мм, д1 – 4,5х3,5 мм, д2 – 4 мм.
Канал: конический.

Декор: "глазок", 4-кратный, двухцветный, плоский.
Техника изготовления: вытягивание палочки, разрезание, прокол, наклад декора,прессование на плоскости.
Техника изготовления декора: вытягивание полихромных заготовок, разрезание, наклад вгорячую на бусину.
Следы технологических операций: швы соединения "глазков".
Цвет стекла: черный.
Цвет декора: сине-желто-красный.
Прозрачность стекла: непрозрачное.
Прозрачность декора: непрозрачный.

Стеклянные монохромные бусы

68. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*10*).
Форма предмета: округлая цилиндрическая, строенная.
Размеры: Н – 14 мм, Д1 – 9,5 мм, Д2 - 9,5 мм, Д3 – 9 мм, д1 – 5,5 мм, д2 – 5,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, проведение поперечных борозд острием (?), разрезание ножом.
Следы технологических операций: борозды внутри канала.
Цвет стекла: черный.
Прозрачность стекла: непрозрачное.

69. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*11*).
Форма предмета: округлая цилиндрическая с "шейкой".
Размеры: Н –4,5 мм, Д –5,5 мм, д1 –1,5 мм, д2 –1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

70. 2 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*12*).
Форма предмета: округлая, шаровидная, с двумя "шейками".
Размеры: 1. Н – 5 мм, Д – 5,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 2. Н – 4,5 мм, Д – 5,5 мм. д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

71. 3 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*13*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая.
Размеры: 1. Н –5 мм, Д – 5,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 –1,5 мм; 2. Н – 5 мм, Д – мм, д1 – ,5 мм, д2 – 2,5 мм; 3. Н - 3 мм, Д – 4,5 мм, д1 –1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

72. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*14*).
Форма предмета: округлая, шаровидная с "шейкой".
Размеры: Н – 4,5 мм, Д – 5,5 мм , д1 – 1,5 мм, д2 - 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

73. 4 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*15*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая с двумя "шейками".
Размеры: 1. Н – 5,5 мм, Д – 5,5 мм , д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 2. Н – 4,5 мм, Д – 5,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 3. Н – 3 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 4. Н – 3,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

74. 6 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*16*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с двумя "шейками".
Размеры: 1. Н – 3 мм, Д – 3 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 2. Н – 3 мм, Д – 3 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 3. Н – 3 мм, Д – 3 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 4. Н – 3 мм, Д – 3 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 5. Н – 3 мм, Д – 3 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 6. Н – 3 мм, Д – 3 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления: вытягивание трубочки, формирование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-желтый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

75. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*17*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с "шейкой".
Размеры: Н – 5,5 мм, Д1 – 3 мм, Д2 – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-желтый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

76. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*18*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая.
Размеры: Н – 3 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, разрезание.
Цвет стекла: серо-желтый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

77. 2 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*19*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с "шейкой".
Размеры: 1. Н – 3 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 2. Н – 3 мм, Д – 3 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

78. 4 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*20*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с двумя "шейками".
Размеры: 1. Н – 3 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 2. Н – 3 мм, Д – 3 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 3. Н – 3 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 4. Н – 2,5 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм,д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

79. 5 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*21*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с "шейкой".
Размеры: 1. Н – 3 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 2. Н – 3 мм, Д – 4 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 3. Н – 3 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 4. Н – 3 мм, Д – 4 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 5. Н – 4,5 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

80. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*22*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с двумя "шейками", сдвоенная.
Размеры: Н – 5,5 мм, Д1 – 3,5 мм, Д2 – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

81. 2 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*23*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с "шейкой", строенная.
Размеры: 1. Н – 7 мм, Д1 – 3,5 мм, Д2 – 3,5 мм, Д3 – 3,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 2. Н – 9,5 мм, Д1 – 3,5 мм, Д2 – 3,5 мм, Д3 – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

82. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*24*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с "шейкой", сдвоенная.
Размеры: Н – 3,5 мм, Д1 – 3,5 мм, Д2 – 3,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: полупрозрачное.

83. 2 экз. *Сохранность предмета*: неполная (рис.34а:*25*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с "шейкой".
Размеры: 1. Н – 3 мм, Д – 4,5 мм, д1 –1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 2. Н –3 мм, Д –4 мм, д1 –1,5 мм, д2 –1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: серо-зеленый.
Прозрачность стекла: непрозрачное.

84. 6 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*26*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с двумя "шейками".
Размеры: 1. Н – 3 мм, Д – 4 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 2. Н – 3 мм, Д – 4 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 3. Н – 3 мм, Д – 4 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5мм; 4. Н – 3 мм, Д – 4 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 5. Н – 2,5 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 6. Н – 2,5 мм, Д – 3,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: расширенный.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование, разрезание щипцами
Цвет стекла: черный.
Прозрачность стекла: непрозрачное.

85. 4 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*27*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с "шейкой".
Размеры: 1. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 2. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 3. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 4. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм.
Канал: расширенный.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование и разрезание щипцами.
Цвет стекла: черный.
Прозрачность стекла: непрозрачное.

86. 5 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*28*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с двумя "шейками".
Размеры: 1. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 2. Н – 3 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 3. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 4. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 5. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм.

Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: черный.
Прозрачность стекла: непрозрачное.

87. 2 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*29*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая.
Размеры: 1. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 2. Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, разрезание.
Цвет стекла: черный.
Прозрачность стекла: непрозрачное.

88. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*30*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с "шейкой".
Размеры: Н – 2,5 мм, Д – 4,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: черный.
Прозрачность стекла: непрозрачное.

89. 4 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*31*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, с двумя "шейками", сдвоенная.
Размеры: 1. Н – 5 мм, Д1 – 4,5 мм, Д2 – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 2. Н – 6 мм, Д1 – 4,5 мм, Д2 – 4,5 мм, д1 – 1,5 мм, д2 – 1,5 мм; 3. Н – 5,5 мм, Д1 – 4,5 мм, Д2 – 4,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм; 4. Н – 5 мм, Д1 – 4 мм, Д2 – 4 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: черный.
Прозрачность стекла: непрозрачное.

90. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*32*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, строенная.
Размеры: Н – 7,5 мм, Д1 – 4 мм, Д2 – 4 мм, Д3 – 4 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника изготовления предмета: вытягивание трубочки, формование щипцами, разрезание.
Цвет стекла: черный.
Прозрачность стекла: непрозрачное.

Бусы из янтаря

91. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.23:*1*).
Форма предмета: граненая, призматическая (в сечении неправильный четырехугольник) со скругленными ребрами с фаской у канала.
Размеры: Н – 8 мм, Д – 13х15 мм, д1 – 4 мм, д2 – 4 мм; с фаской д1 – 7 мм, д2 – 8х7,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника обработки: обдирка, обточка, шлифование, сверление или прожигание канала, полировка.
Цвет материала: оранжево-красный, темный.
Прозрачность: полупрозрачный.

92. 4 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.23:*2-5*).
Форма предмета: граненая, призматическая (с треугольным сечением), со скругленными ребрами
Размеры: 1. Н – 11 мм, Д – 5,5х7,5 мм, д1 – 2,5 мм, д2 – 2,5 мм; 2. Н – 10 мм, Д – 8х5,5 мм, д1 – 2,5 мм, д2 – 2,5 мм; 3. Н – 10 мм, Д – 9,5х6 мм, д1 – 2,5 мм, д2 – 2,5 мм; 4. Н – 10 мм, Д – 7х6 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника обработки: обдирка, обточка, шлифование, сверление или прожигание канала, полировка.
Цвет материала: оранжево-красный, темный.
Прозрачность: полупрозрачный.

93. 3 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.23:*6-8*).
Форма предмета: граненая призматическая (с треугольным сечением) со скругленными ребрами.
Размеры: 1. Н – 15 мм, Д – 8х12,5 мм, д1 – 3 мм, д2 – 2,5 мм; 2. Н – 12 мм, Д – 11х6 мм, д1 – 2,5 мм, д2 2,5 мм; 3. Н – 9 мм, Д – 6х7,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 3 мм.
Канал: конический.
Техника обработки: обдирка, обточка, шлифование, сверление или прожигание канала, полировка.
Цвет материала: оранжево-красный, темный.
Прозрачность: полупрозрачный.

94. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.23:*9*).
Форма предмета: плоская, кольцевидная со скругленными ребрами, с фаской у канала.
Размеры: Н – 5х3,5 мм, Д – 18,5х17 мм, д1 – 5 мм, д2 – 5 мм, с фаской д1 – 9 мм, д2 – 7,5 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника обработки: обдирка, обточка, шлифование, сверление или прожигание канала, полировка.
Цвет материала: оранжево-красный, темный.
Прозрачность: полупрозрачный.

95. 2 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.23:*10-11*).
Форма предмета: плоская, эллипсоидная, усеченная со скругленными ребрами.
Размеры: 1. Н – 14 мм, Д – 13х5,5 мм, д1 – 2,5 мм, д2 – 2,5 мм; 2. Н – 13 мм, Д – 11х5,5 мм, д1 – 2 мм, д2 – 2 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника обработки: обдирка, обточка, шлифование, сверление или прожигание канала, полировка.
Цвет материала: оранжево-красный, темный.
Прозрачность: полупрозрачный.

96. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.23:*12*).
Форма предмета: плоская, эллипсоидная, усеченная со скругленными ребрами.
Размеры: Н – 16 мм, Д – 14х6 мм, д1 – 2,5 мм, д2 – 3 мм.
Канал: конический.

Техника обработки: обдирка, обточка, шлифование, сверление или прожигание канала, полировка.
Цвет материала: оранжево-красный, темный.
Прозрачность: непрозрачный.

Бусы из коралла

97. 3 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*33*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая.
Размеры: 1. Н – 5,5 мм, Д – 3 мм, д1 – 1мм, д2 – 1 мм; 2. Н – 5,5 мм, Д – 3 мм, д1 – 1 мм, д2 – 1 мм; 3. Н – 4 мм, Д – 3 мм, д1 – 1 мм, д2 – 1 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника обработки: сверление канала, шлифование (?).
Цвет материала: желто-розовый.
Прозрачность: непрозрачный.

98. 3 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*34*).
Форма предмета: округлая, цилиндрическая, изогнутая.
Размеры: 1. Н – 5,5 мм, Д – 3 мм, д1 – 1 мм, д2 – 1 мм; 2. Н – 6 мм, Д – 3 мм, д1 – 1 мм, д2 – 1 мм; 3. Н – 6 мм, Д – 3 мм, д1 – 1 мм, д2 – 1 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника обработки: сверление канала, шлифование (?).
Цвет материала: желто-розовый.
Прозрачность: непрозрачный.

99. 2 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*35*).
Форма предмета: плоская, эллипсоидная, изогнутая.
Размеры: 1. Н – 6,5 мм, Д – 2х3 мм, д1 – 1 мм, д2 – 1 мм; 2. Н – 5 мм, Д – 2,5х3,5 мм, д1 – 1 мм, д2 – 1 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника обработки: сверление канала, шлифование (?).
Цвет материала: желто-розовый.
Прозрачность: непрозрачный.

100. 1 экз. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*36*).
Форма предмета: плоская, эллипсоидная.
Размеры: Н – 5,5 мм, Д – 3,5х2,5 мм, д1 – 1 мм, д2 – 1 мм.
Канал: цилиндрический.
Техника обработки: сверление канала, шлифование (?).
Цвет материала: желто-розовый.
Прозрачность: непрозрачный.

101. *Сохранность предмета*: полная (рис.34а:*37*).
Форма предмета: плоская, неправильная.
Размеры: Н – 5 мм, Д – 3,5х2 мм, д1 – 1 мм, д2 – 1 мм.
Канал: цилиндрический, смещенный.
Техника обработки: сверление канала, шлифование (?).
Цвет материала: желто-розовый.
Прозрачность: непрозрачный.

Глава 2. Типологическое определение инвентаря

1. Детали ременной гарнитуры

1. Общие замечания

Ременные пряжки, накладки и наконечники, встреченные в Гапоновском кладе, в целом, достаточно однородны. Круг подобных изделий более или менее отчетливо выделяется специалистами, хотя и далеко не однозначно. Сказывается как объективная сложность материала, так и различие историографических традиций, концепций авторов, наконец – просто недостаточная изученность предмета. Отдельные вещи или гарнитуры, подобные гапоновской, как правило, характеризуются указанием на какой-либо признак или эталонный памятник. Часто речь идет о поясной гарнитуре, хотя специалистам известны случаи использования близких вещей на обувных ремнях, узде и т.д. При этом, нередко, как и в нашем случае, о конкретной функции каждого предмета можно говорить лишь предположительно.

Обрисованная ситуация отражается в терминологии. Ограничимся несколькими примерами. Интересующие нас вещи называют: "пояса типа мартыновских" (хотя однозначно ответить на вопрос, скольким гарнитурам принадлежали находки из Мартыновки, невозможно, а представленные там вещи связаны с несколькими весьма различными традициями), "многочастные гарнитуры с литыми прорезными накладками" (хотя есть аналогичные, выполненные в технике прессовки, есть и без прорезей, можно без труда назвать вещи, формально соответствующие термину, но совершенно иного круга), "с накладками в форме..." "...масок", "...рыбы" или "...рыбьего хвоста", "...геральдических форм". По-видимому, реальность такова, что за названием остается лишь функция условная, знаковая. Мы придерживаемся достаточно широко распространенного и довольно емкого термина "круг геральдических ременных накладок". Определение же реалий, стоящих за термином, возможно через характеристику ряда взаимосвязанных типов и признаков.

К определению понятий

Попытки представить списки форм ременных накладок предпринимались неоднократно. Наиболее последовательно это делалось Р.Д.Голдиной, П.Шомоди, А.И.Айбабиным, А.В.Богачевым [Голдина 1985; Somogyi 1987: Айбабин 1990; Богачев 1992]. Все эти работы имели целью упорядочить весьма ограниченный локально материал, не касаясь проблемы понятийного определения всего массива взаимосвязанных вещей. Такая проблема и не может быть решена, пока нет сводов и исследований, подобных упомянутым, по материалам Византийского мира (включая Италию), Ирана, Кавказа, Поднепровья, Сибири, евразийской степи, Средней Азии. Проделать такую работу для данного издания, безусловно, невозможно. Приходится опираться на ассоциации в рамках историографической традиции со ссылкой на наиболее удачные, хотя и эскизные образцы - А.К.Амброза и Ч.Балинта [Амброз 1973; Balint 1992], указав на принцип, исходный для понимания материала.

В основе концепции А.К.Амброза лежит представление о единстве рассматриваемого круга вещей, обусловленном достаточно компактным очагом их появления, оказавшим влияние на ряд культур. В качестве такового называются зоны провинциальновизантийской военной культуры (лучше всего известной по материалам Дунайского лимеса и юго-западного Крыма), сохранившие ряд элементов позднеантичной военной моды. Переработки исходных образцов в соответствии с местными вкусами и иными влияниями, в том числе и опосредованные, выделяют круг ременных гарнитур, которые А.К.Амброз определил как "геральдические" [Амброз 1973].

Подход Ч.Балинта представляется более объективным (в немалой степени этому способствовали неизвестные А.К.Амброзу материалы, прежде всего, переднеазиатские), хотя и менее отчетливым. Причину близости стилей венгерский ученый видит в общности культурно-исторической среды народов, связанных различными типами контактов. При этом, в свете предлагаемых хронологических оценок, все многообразие гарнитур предстает как почти одновременное (в рамках периода). А море локальных разновидностей, так сказать, "упорядочивается" двумя "полюсами": византийско-степным и иранским [Balint 1992]. Эта точка зрения требует большей определенности в археологическо-типологической проработке материала (о вопросах хронологии см. главу 3).

Среди попыток определить единство геральдической ременной гарнитуры через взаимосвязь форм особое место занимает концепция В.Б.Ковалевской. С ее точки зрения в центре круга рассматриваемых стилей находятся появившиеся на Кавказе и семантически насыщенные накладки, имитирующие человеческую личину. В ходе влияний и переработок исходный мотив деградирует, а характер и форма затухания первоначального импульса зависят от условий процесса [Ковалевская 1970; 1995, с.59-64]. Стоит заметить, что без соответствующего хронологического и культурно-исторического обоснования эта, несомненно, изящная идея остается лишь априорной типологической гипотезой со скрытым для других вопросов источниковедения содержанием.

Существуют и иные концепции, не говоря об отдельных наблюдениях, так или иначе освещающие рассматриваемый круг вещей. Многое в них представляет лишь историографический интерес. Другие уступают упомянутым в полноте охвата материала или глубине и конкретности его проработанности. Обзоры точек зрения с достаточно подробной библиографией, дающие представление о современном уровне изучения геральдических ременных гарнитур, есть в работах П.Шомоди, Ч.Балинта, А.К.Амброза и других упомянутых здесь авторов.

Сказанное, наряду с оговоренными во введении целями данной работы, обусловило содержание и характер представленных ниже типологических определений. По крайней мере в отношении типов, важных для понимания гапоновского клада, мы постарались сделать классификацию максимально дробной и на базе полученных низших таксонов (вариантов и "узких вариантов") попробовать вернуться к более общим характеристикам и интерпретациям. Картографирование дает возможность оценить полученные типы и варианты с точки зрения их культурно-географической приуроченности и говорить о некоторых локальных школах. В ряде случаев стилистический и типологический анализ позволяет предлагать типологические ряды, стилистические, культурно-исторические серии и т.д.

Естественно, предлагаемые наблюдения не исчерпывают проблемы (среди возможных направлений исследования можно выделить сравнение гарнитур как сочетаний различных деталей, изучение структур поясов и других ремней, рассмотрение элементов орнаментальных стилей и их сочетаний, традиций технологии и др.). Часть проблем будет затронута в других разделах книги, а многое, конечно, останется за рамками наших возможностей.

Основные публикации

Удоволетворяющий современным требованиям каталог геральдических ременных гарнитур Евразии отсутствует. Наиболее полная опубликованная подборка таких вещей содержится в работе Ч.Балинта, хотя он, очевидно, не ставил цели создания свода специально [Balint 1992].

В.Б.Ковалевской еще в середине 1970-х г. был подготовлен свод деталей ременной гарнитуры 4-9 вв., найденных на территории СССР, но, к сожалению, свет увидела лишь его первая часть, посвященная пряжкам [Ковалевская 1979]. Часть вторая, где собраны ременные накладки и наконечники, издана не была, но мы могли ознакомиться с этими материалами в рукописи благодаря любезности В.Б.Ковалевской, которой приносим искреннюю благодарность. Хотя ставшие известными за последние двадцать лет материалы там не учтены, время не только не снизило, но и повысило актуальность этого свода, поскольку там описаны вещи, часть которых сейчас труднодоступна или утрачена. В настоящее время готовится публикация этой работы.

Данные упомянутых двух работ дополняются благодаря публикациям, посвященным раннесредневековым древностям отдельных территорий.

Свод основных находок геральдических накладок с территории Карпатской котловины принадлежит П.Шомоди, который дополняет публикация новых раскопок Г.Лоренци (см. так же часть 3.4) [Somogyi 1987; Lorenczy 1992].

Нижнедунайские находки пока не собраны в одной публикации. Кроме широко известных вещей из Садовца, Пьятра Фрекацей, Царичинграда (см. часть 3.2), важны материалы из Плевена, Одерци, Прахово, Том [Ваклинова 1989; Дончева-Петкова 1986; Jankovih 1981; Bucovala, Pasca 1994]. Список этот, несомненно, можно расширить.

Крымские находки на сегодня наиболее полно собраны А.И.Айбабиным и И.А.Барановым, хотя следует учитывать, что количество раскопанных комплексов постоянно растет [Айбабин 1990; Баранов 1990; Айбабин 1994; Юрочкин, Петровский 1994].

Поднепровские находки, известные к началу 1970-х гг., вошли в каталог Г.Ф.Корзухиной [Корзухина - в печати]. Сводка украшений, обнаруженных на памятниках пеньковской и колочинской культур, дана в приложении 2 нашей книги, а публикации кладов перечислены во введении к ней. Новые находки в районе кременчугского водохранилища приведены в публикациях Л.М. Рутковской и авторов каталога выставки Полтавского музея [Рутковская 1979; Памятники ... 1985]. Причерноморские степные комплексы собраны Р.С.Орловым, но лишь часть сведений о них вошла в его публикацию десятилетней давности [Орлов 1985].

В бассейне Вислы единственным пунктом, где известны накладки геральдических стилей, остается до сего времени городище в Зимно [Ауліх 1972].

В книге Э.Кивикоски подобраны данные о вещах из Финляндии [Kivikoski 1973]. Единичные находки из Эстонии и с памятников севера России принадлежат, как и финские, прикамскому кругу, в нашей работе они не фигурируют.

Сведения о памятниках с геральдическими гарнитурами из Прикамья есть в сводах, прилагаемых к книгам Р.Д.Голдиной, В.А.Кананина, Н.В.Водолаго (см. часть 3.6). Образцовый каталог вещей геральдических стилей из рязано-окских и древнемордовских памятников подготовлен И.Р. Ахмедовым, В.В.Гришаковым и В.Н.Шитовым, планируется его публикация как приложения ко второй части упомянутого свода В.Б.Ковалевской. Мы благодарим авторов каталога за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью и использовать некоторые данные. В книге А.В.Богачева сосредоточены данные о деталях средневолжских раннесредневековых ремней [Богачев 1992]. Южноуральские находки либо опубликованы Н.А.Мажитовым, либо упомянуты в его работах со ссылкой на источник [Мажитов 1981; 1981а; 1993].

Специальные работы по геральдической гарнитуре Кавказа, опирающиеся на возможно более полную подборку этих вещей, нам не известны. Наиболее полно эти вещи отражены в упомянутых своде В.Б.Ковалевской и исследовании Ч.Балинта. В книге А.К.Амброза, кроме сжатой характеристики, дан ряд точных прорисовок таких изделий [Амброз 1989]. Важнейшие публикации, дополняющие указанные, приведены в части 3.5. Многие материалы не изданы, а количество известных геральдических поясов растет практически каждый полевой сезон. Проблема создания каталога геральдических ременных наборов Кавказа, да и иных категорий раннесредневековх находок из этих земель, является, безусловно, актуальнейшей.

Интереснейшие находки джетыасарской культуры публикуются в периодических выпусках "Низовья Сырдарьи в древности" (в нашей книге учтены материалы до выпуска IV включительно).

В обзоре В.А.Могильникова содержится исчерпывающая на 1980 г. библиография памятников с геральдической гарнитурой с территории Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии [Могильников 1981]. Дополнения есть в ряде позднейших публикаций [Могильников, Коников 1983; Беликова, Плетнева 1983; Генинг, Зданович 1986; Чиндина 1991]. Некоторые неопубликованные вещи ("Алтай", Чибижек, Фонды Самаркандского музея) известны нам по информации В.Б.Ковалевской и И.Л.Кызласова, которых мы благодарим за это. Среднеобские находки интересующего нас круга пока единичны [Могильников 1964; Федорова, Зыков и др. 1991]. На территории Монголии накладки геральдического круга несомненно есть, например Аймак Тев [Archaeologiai ertesito 1962, 89-1], но восточная граница распространения геральдической гарнитуры пока не ясна.

К подборке находок с территории Ирана и азиатских провинций Византии, содержащейся в работе Ч.Балинта, мы можем добавить лишь два набора, опубликованных в краткой заметке М.Шульце-Доррламм [Jahrbuch des Romisch-Germanisches Zentralmuseum 1986, 32-2, с.911-912]. Столь небольшое число рассматриваемых вещей при разнообразии их стилей, очевидно, является следствием как особенностей погребальных обрядов, так и слабой изученности раннесредневековых украшений Передней и Центральной Азии.

2. Цельные двучастные накладки

(***Кат.N 33***; рис.35,36)

Еще в 1973 г. А.К.Амброз указал на возможность выделения двух групп накладок этого типа по форме верхней части [Амброз 1973, с.291-293] . Достаточно очевидно, что накладки с килевидной верхней частью (к этому кругу относятся и образцы, где "киль" как бы сглажен) принадлежат особой традиции, напрямую с накладками геральдического круга не связанной. Группа накладок "с двумя острыми углами" делится им на три варианта (мы будем называть их подгруппами): имеющие волнообразный верхний край; рогатые слабо профилированные (в их контексте рассматриваются и имеющие прямоугольную верхнюю часть); с длинными отогнутыми "рогами". Учитывая относительность границ двух последних подгрупп с рогатой верхней частью и возможности более дробной типологии, например, в системах А.И.Айбабина или А.В.Богачева [Айбабин 1990, с.52-53; Богачев 1992, с.85-86], более четким и удобным представляется объединить "рогатые" накладки в одину подгруппу с перспективой выделения нескольких типов и вариантов, а накладки с прямыми боками верхней части отнести к другой.

Двучастные накладки из Гапоновского клада относятся к этой последней подгруппе. В ее рамках выделяются следующие типы и варианты.

Тип 1. С прямоугольной удлиненной верхней частью, имеющей волнистый верх и с округлой или щитовидной нижней частью. В соответствии с характером и тщательностью проработки орнаментации этот тип еще А.К.Амброзом подразделен на два варианта, к которым мы добавили третий.

Варианты:

1а. (рис.35:*32-36*; 36:*а*; 65:*10*; часть 3.7, **ХИ-1**) Известны в Садовце, Суук-Су, Одерци, Эски-Кермене.

1б. (рис.35:*37*: 36:*б*) Представлены в Пьятра Фрекацей и Плевне.

1в. (рис.36:*в*). Аналогичная форма, но совсем иные пропорции встречены на одной из накладок Трубчевского клада.

Тип 2. С прямоугольной верхней частью и килевидной или округлой нижней. По характеру деталей и орнаментации выделяются варианты.

Варианты:

2а. (рис.35:*26*; 36:*г*) Происходят из Васильевки. По пропорциям и деталям формы, за исключением волнистого обрамления верхнего края, близки экземплярам типа 1, характеризуются орнаментацией, выполненной зернью; возможно, именно техника орнаментации сделала сложное обрамление неуместным.

2б. (рис.35:*11,17*; 36:*д*) Известны в Елизавет-Михайловке, Паново, Цепляево Первом. Характеризуются довольно однообразными прорезными орнаментальными мотивами (прямые вытянутые полосы, круги). С этой точки зрения к ним примыкает находка из Керчи (рис.35:13), но она выделяется как пропорциями, так и элементами орнамента , поэтому относится к данному варианту условно, до новых находок.

2в. (рис.35:*12*; 36:*ж*) Найден в Волошском. Не имеет прорезей, а по верху украшен валиком с насечками.

2г. (рис.35:*18-20*; 36:*е*) Известны в кладе из Вильховчика и по схематичным рисункам А.А. Спицына (находки в районе Черкасс). Все они имеют вырезы на боках верхней части.

Тип 3. С подпрямоугольной как верхней, так и нижней частью, которая короче, так что часто приближается по форме к квадрату. По характеру деталей и орнаментации делится на варианты.

Варианты:

3а. (рис.35:*23-24*; 36:*з*) Известны в Хацках. Имеют вырезы по верхнему краю, орнамент может состоять как из узких прорезей, так и из широких, заполняемых на хацковских экземплярах вставками.

3б. (рис.35:*1-3,7-9,22*; 36:*и,к,л*) Найдены в Гапоново, Колосково, Трубчевске, Судже, Хацках, Мартыновке, Суук-Су, Елизавет-Михайловке. Доступная лишь по рисунку вещь из Углов, похоже, является обломком накладки этого же типа и варианта, характеризующегося прямыми краями и орнаментом из узких прорезей. В рамках этого, одного из самых представительных, варианта можно указать на ряд экземпляров с идентичным орнаментом, образующих особый подвариант (или, по терминологии А.К.Амброза, "узкий вариант") "Колосково" (рис.36:*к*). Включенные в него вещи из Гапоново и Трубчевска близки колосковским по всем деталям (рис.35:*1,2*). Экземпляры из Елизавет-Михайловки - при сохранении структуры и набора элементов орнамента, отличаются деталями на нижнем щитке, а так же отсутствием валика, размера-

ми и пропорциями, что указывает на производство в местной традиции (см. тип 2б), очевидно, по образцу днепровских, а не на импорт.

3в. (рис:35:*4,10*; 36:*и,н*) Есть в Мартыновке и Старом Бадиково. Выделен по признакам: отсутствие прорезей и структура орнаментации (по разному выполненные горизонтальные полосы). При сходстве общего облика, различия в деталях указывают на традиции отличающихся локальных школ, как и в некоторых образцах рассмотренного выше варианта 3б.

Тип 4. С подквадратной верхней частью, четырьмя штифтами с крупной полушаровидной шляпкой и часто орнаментированными шайбами. Форма нижней части - разнообразна (рис.35:*5,6*; 36:*о*). Находки в основном концентрируются в Северной Италии. Строго говоря, эти накладки не относятся к кругу геральдических, и пояса с ними являются одной из разновидностей многочастных меровингских. Здесь эти вещи упомянуты в большей степени для формальной полноты и специально не рассматриваются. Хотя, возможно, это кажущееся формальным сходство не случайно, ведь другие разновидности меровингских поясов имеют двучастные накладки иной группы и украшались в основном орнаментом в технике литья или таушировки, а территория лангобардов была одной из наиболее подверженных византийскому влиянию среди культур, объединяемых в круг меровингских.

Своеобразны, но очевидно тяготеют к рассматриваемой здесь подгруппе, накладки из Мартыновки и Пышты (рис.35:*28,39*; 36:*р,с*).

Картографирование выделенных типов и вариантов (рис.36) позволяет говорить о ряде локальных школ. Варианты типа 1 — понтийско-провинциальновизантийские. Причем, если вариант 1а есть как в Крыму, так и на Балканах, то вариант 1б известен лишь на памятниках нижнедунайского лимеса. Типы 2,3,4 расположены полосой от Среднего Поднепровья до западной части правобережного Среднего Поволжья. Очевидно, ряд вариантов или подвариантов объясняется местной спецификой. Можно говорить и о признаках, характеризующих группы локальных серий, например, поднепровские изделия нескольких вариантов имеют рельефный валик.

При типологическом разнообразии рассматриваемых накладок, все же очевидно, что каждый из выделенных вариантов имеет ряд общих черт с другими в рамках подгруппы. Причем эта взаимосвязь не исчерпывается предложенной иерархией "тип – вариант".

Сопоставляя образцы по деталям, не трудно убедиться, что особое место в реконструируемой таким образом системе взаимосвязей вариантов занимают накладки типа 1. Эти вещи распространены в Нижнем Подунавье или на южном берегу Крыма. Шлейф их ближайших соответствий или переработок – варианты 2а, 2б, 2г, 3а – дают возникающие в разных местах компактные "очаги", типологически более связанные с образцами типа 1, чем между собой. Такая картина позволяет обратиться к дифференциации типа 1. Стиль орнаментации варианта 1а, как нетрудно убедиться, более подходит в качестве типологически исходного для вещей вариантов 2а,б,г и 3а, чем 1б, который выступает и локально достаточно обособленным. Варианты 2а и 2г - наиболее близки понтийским по пропорциям. 2а - выполнен с применением техники зерни, не редкой в Крыму, Иране и на степных памятниках. 2г - стилистически близок симметричным накладкам, также распространенным от Подунавья до Ирана (рис.35:*21,29-31,38*). Оба последних варианта, в меньшей степени чем иные оригинальны и не дали, судя по доступным данным, бесспорных образцов дальнейшего типологического развития.

Следующий очевидный типологический узел – варианты 3а и 3б. Первый – более стилистически и технически сложный, представлен единичными вещами из Хацков, второй – более простой, весьма представителен. Причем, если на правом берегу Днепра, в Мартыновке, мы видим экземпляр, упрощающий мотив хацковского (изображенного на рис.35:*23*), и появление непрорезных поверхностей, то восточнее – развиваются иные мотивы, также вызывающие ассоциации с хацковскими накладками. Указанные варианты дают основной массив находок, украшенных рельефным валиком. Вероятно, он свидетельствует о переосмыслении поднепровскими мастерами одного из распространенных в эпоху великого переселения народов способов завершать ременные наконечники. Варианты 2в и 3в при всем своеобразии, очевидно связаны с контекстом, задаваемым признаками, наиболее полно воплотившимися в вариантах 3а, 3б, 2б. О взаимосвязях в этом же контексте мы сделали вывод, рассматривая накладку из Елизавет-Михайловки при характеристике варианта 3б.

Итак, особо интересующие нас накладки из Гапонова относятся к узкому варианту, локализуемому на востоке днепровского Левобережья и несколько восточнее. Очаг распространения, а быть может и производства накладок варианта 3б близко связан с центрами, расположенными на правом берегу Среднего Днепра и на Цне. С первым – более происхождением и близостью традиций, со вторым – контактами, возможно, как с объектом влияния на достаточно своеобразные и имеющие иные истоки традиции. Происхождение стиля, отразившегося в рассмотренных левобережных находках, восходит к понтийскому провинциальновизантийскому влиянию, но сильно переработанному, вероятно, не без посредства среднеднепровских мастеров.

3. Т-образные бляшки

(*Кат.NN 38,39*; рис.37-39)

Комплекс вопросов, связанных с изучением Т-образных бляшек, наиболее полно освещен Ч.Балинтом. Несмотря на ряд замечаний, дающих повод к типологической, хронологической и картографической проверке, возможность методично работать с дробной типологией оценивается венгерским ученым скептически [Balint 1992, с.381-384]. А.К.Амброз ограничился в отношении рассматриваемых изделий указанием на ведущую, с его точки зрения, типологическую тенденцию: сначала усиление орнаментальных элементов вплоть до появления крупных прорезей, в даль-

нейшем – их исчезновение с параллельным удлинением перекладины и сращиванием концов пластины и перекладины [Амброз 1973, с.294]. Наиболее дробную типологию предложил А.И.Айбабин. В его классификации учтены характер пластины, тип орнаментации, особенности перекладины [Айбабин 1990, с.54], правда, в соответствии с задачами работы, анализировались лишь крымские материалы. В целом же, все исследователи так или иначе учитывают среди Т-образных накладок две группы: с геральдической (по выражению Ч.Балинта - "пламеневидной") пластиной и с пластиной, имеющей подпрямоугольную или "рогатую" форму.

Группа А. Т-образные накладки с пламеневидной пластиной, пожалуй, наиболее многообразны (рис.37: 60:*Д*; 65:*12*; 68: *признаки 104, 138, 159, 171, 172*; 74:*59, 83*; 75:*10, 29, 37, 38, 41, 43*; 76:*37, 39*; 79:*52, 64, 91*; 80:*39, 50*; 82:*4, 65, 81, 99-101*; 87:*66, 77, 82, 90, 99, 109*; 88:*4*; 89:*7, 14, 29, 37, 53, 95, 96, 125*; 103:*7, 8, 12*). Из картографирования их Ч.Балинтом видно, что к востоку от Урала или в Иране они не известны [Balint 1992, с.486], исключение – не учтенные им находки в Алтын-асаре, аналогичные прикамским.

Вполне можно говорить и о ряде своеобразных локальных серий. Для приуральской характерны гладкие изделия с профилированным щитком, имеющие тенденцию к удлиннению узкой перекладины или сращиванию ее концов с краями пластины (рис.37:*6,10,15*; 60:*Д*; 88:*4*; 89:*14,29*), последняя иногда украшена прорезями или вставками (рис.37:*2,3*; 89:*7*). Гладкие накладки с менее профилированным верхним щитком и широкой перекладиной (рис.37:*22,37*; 80:*50*) есть в восточной и центральной части Северного Кавказа (Чирюрт, Нальчикский округ), в Херсонесе и на Среднем Дунае (Кецель), хотя, что касается аварских находок, то среди непрорезных Т-образных накладок там господствуют своеобразные варианты – с широкой перекладиной и округлым завершением пластины (рис.37:*12,28*; 74:*59,83*; 75:*10*; 76:37), их форма близка шикарным литым золотым Т-образным накладкам, украшенным зернью и вставками (рис.37:*18*) и прессованным репликам с этих "княжеских" изделий. К концентрирующимся в Среднем Подунавье вариантам относятся и накладки с длинным соединителем пластины и перекладины (рис.37:*4,30*; 75:*29,38*; 76:*39*), а также с прессованным орнаментом "плетенкой" (рис.35:*20*; 74:*48*). Подробнее об этих аварских находках см. в части 3.4.

Т-образные накладки с крупной прорезью или вставками в наиболее распространенных вариантах часты в Крыму и на Северном Кавказе (рис.37:*34, 26, 24*; 68: *признаки 104, 138*; 79:*52, 65, 91*; 82:*65, 81*; 87:*90, 109*), хотя встречаются вплоть до Поочья (Борки, Ундрих) и Среднего Дуная (Мор Акастодомб, Тольнамедь – рис.75:*27, 43*). На Кавказе и в Крыму известны и их многообразные модификации (рис.37:*1,8,19*; 68: *признак 72*; 82:*5, 101*; 87:*66, 82, 99*), а по краям этого ареала выделяются своеобразные варианты (рис.37:*9, 25*; 89:*96, 125*), к таковым относятся и некоторые поднепровские (рис.37:*7,16*; 103:*12*).

Накладки, напоминающие личину, как заметила В.Б.Ковалевская, концентрируются в западной части Северного Кавказа (рис.37:*23,33, 38*; 82:*99*), хотя варианты с волнистой прорезью и/или с двумя отверстиями (рис.37:*31-32, 39-40*; 65:*12*; 68: *признак 159*; 82:*100*; 89:*37,53*; 103:*8*) имеют иной ареал – от Дуная до Башкирии, и рассматривать их как производные от кавказских нет жестких оснований. Особый ряд вариантов образуют выполненные в разной технике обильно украшенные накладки, часто имеющие перекладину сложных конфигураций (рис.37:*11,21,35,36*; 68: признак 171). Кроме упомянутых, можно выделить и еще целый ряд разновидностей, предложить варианты их взаимоотношений или подразделений, но это лежит за пределами наших задач.

Что касается собственно днепровских Т-образных накладок с пламеневидной пластиной (рис. 37:*7, 16, 17*; 103:*7, 8, 12*), то предпринятого обзора, кажется, достаточно для заключения, что выразительного единства на фоне прочих они не образуют. Каждая из находок интересующего нас района весьма своеобразна, а их детали имеют более или менее близкие соответствия во многих сериях и вариантах. Характеризующие каждое из днепровских изделий сочетания признаков не позволяют указать на преобладающее направление культурных связей или убедительно выделять их в общей массе находок от Дуная до Урала.

Группа Б. Т-образные накладки с подпрямоугольной, "рогатой" или более сложной по конфигурации пластиной в сравнении с только что рассмотренной группой гораздо малочисленнее и типологически компактнее. Мы предлагаем их разделение на следующие типы и варианты.

Тип 1. С подпрямоугольной пластиной. Варианты выделяются по особенностям деталей и пропорциям.

Варианты:

1а. (рис.38:*27*; 39:*а*) Суук-Су. Края пластины вытянуты в направлении перекладины.

1б. (рис.38:*28,29*; 39:*б*) Суук-Су, Скалистое. Внутренний край пластины параллелен внешнему.

1в. (рис.38:*16,24*; 39:*в*; 89:*145*) Старый Кадом, Армиево. Переход пластины в соединитель с перекладиной плавный.

1г. (рис.38:*5,11,19,25*; 39:г; 75:*51,63*; 82:46) Кернье, Кунбабонь, Гудермес, Клин-яр. Характеризуются удлиненным соединителем пластины и перекладины. Сама перекладина относительно короткая, широкая, уплощенная.

Тип 2. С "рогатой" пластиной. Варианты выделяются по характеру орнаментации и некоторым деталям.

Варианты:

2а. (рис.38:*4,10*; 39:*д*) Красногорский курган, Сынташтамак. Имеют по два отверстия и прямые бока пластины.

2б. (рис.38:*3,8,9,14,15,18,21*; 39:*е*; 89:*96*) Урьинский клад, Волчиха, Малаи, Подболотье, Игрень, Камунта, Уфа – Новиковка, Петропавловская, "Кавказ". Характеризуются прогнутыми краями и двумя отверстиями на пластине. Особенно на фоне прочих выделяется игреньский экземпляр - пропорциями пластины, оформлением внутреннего края, маленькими отверстиями.

2в. (рис.38:*2,7*; 39:*ж,з*) Гапоново, Трубчевск, Чуфут-кале, Чибижек. Отличаются от варианта

2б наличием четырех отверстий. Крымский и сибирский экземпляры выделяются на фоне днепровских пропорциями пластины, характером расположения на ней отверстий, размерами.

2г. (рис.38:*20,23*; 39:*к*) Дай, Чми, "Осетия". В отличии от варианта 2в имеет не округлые отверстия, а в форме запятых или овалов.

2д. (рис.38:*13*; 39:*и*) Козиевка. Имеет одно фигурное отверстие.

2е. Умна. Без отверстий на пластине.

Тип 3. Характеризуются наличием волнистого со скругленными углами внешнего края. Все известные экземпляры весьма своеобразны, так что объединение их в варианты преждевременно, а с накоплением материала вероятно выделение на этой основе и нескольких типов (рис.38:*6,12,17,26*; 39:*м-п*; 89:*134*) Тимирязьевский, Алтын-асар, "Горный Алтай", Бирск, Ахмылово, Суук-Су.

Тип 4. С подпрямоугольной, иногда несколько усложненной пластиной и крупной прорезью на ней. Известные экземпляры объединять в варианты преждевременно (рис.38:*1*; 39:*р*) Алтын-асар, Кудырге, Деск.

Тип 5. Особый тип представлен накладкой с фигурной пластиной из Ночера Умбра (рис.38:*22*).

Очевидно, что большая часть выделенных вариантов имеет компактные **ареалы** (рис.39): 1а и 1б - крымские, 1г - встречен у авар и на востоке Северного Кавказа. То, что удлиненное соединение пластины и перекладины характерно для ряда среднедунайских вариантов Т-образных накладок, неоднократно отмечалось в литературе, а наличие такого признака на некоторых изделиях, встреченных далеко на Востоке (Кисловодская котловина, Восточный Кавказ, Приаралье) требует особого анализа. Вариант 1в – найден на памятниках Правобережья Средней Волги, а 2а – ее Левобережья. Наиболее многочисленный вариант 2б распространен от Камы до Кавказа, однако, по мере накопления материала, очевидно, станет возможно выделить подварианты, позволяющие более детально рассмотреть ареал таких вещей. Во всяком случае, кроме указанных ранее отличий экземпляра из Игрени, можно отметить и своеобразие каждой из кавказских находок. Вариант 2г встречен в центральной части Северного Кавказа. 2в, к которому мы отнесли гапоновские вещи, представлен подвариантами с днепровского Левобережья и Крыма.

Говоря о находках из Поднепровья, следует отметить сходство пропорций пластины – у известных экземпляров она как бы приплюснута, а "рога" внешнего края "нависают" над внутренним, плавно переходящим в соединение с перекладиной. Варианты, встреченные в Поднепровье, явно ближе некоторым средневолжским и кавказским, чем типичным для Крыма, Подунавья или Азии.

4. Горизонтальносимметричные накладки

(***Кат. N 37***; рис.40,41)

Наиболее подробно рассмотрены Ч.Балинтом [Balint 1992]. В представленных им материалах и по другим данным можно выделить несколько групп и типов таких накладок: восьмеркообразные, подпрямоугольные, Ж-образные, Х-образные и т.д., вплоть до пропеллеровидных, не говоря уже о формально соответствующих характеристике накладках совершенно других эпох. К нашей теме непосредственное отношение имеет группа, названная Ч.Балинтом "симметрично-щитовидные". Нельзя признать такое определение безусловным. К примеру, с типами, имеющими два симметричных щитовидных края явно связаны более морфологически сложные образцы (рис.40:*1*). Начало их исследованию положено Д.Киддом [Pekarskaja, Kidd 1994, с.69]. Следует отметить, что с этой проблематикой связано и рассмотрение ряда вариантов особого, италоюжногерманского круга горизонтальносимметричных накладок (как на рис.40:*2-7*). Специальный круг вопросов связан и с североитальянскими образцами (как на рис.40:*18-19*). Они принадлежат тем же гарнитурам, что и упомянутые в части 2.1.2. двучастные накладки 4-го типа и их анализ выходит за рамки данной работы. Ниже мы ограничимся рассмотрением накладок с окончаниями простой щитовидной формы, которые по специфике средней части подразделяются на типы.

Тип 1. С относительно короткими щитками (каждый – около трети длинны вещи) и фигурной, выделенной вырезами центральной частью, специфика которой и определяет варианты.

Варианты:

1а. (рис.40:*9-10*; 41:*а,в*; 89:*63,82*) Сынтыштамак, Новобикинский курган, Кушнаренково – гладкие с прорезной орнаментацией. Накладки, похожие по форме, но украшенные по краю прорезей щитков полоской зерни, найдены в Белозерке. Все указанные образцы имеют ромбическую центральную часть.

1б. (рис.40:*11-13*; 41:*б*; 82:*103*) Алтын-асар, Булгарский курган, Агафоново, Чми. Объединены из-за центральной части, имеющей округлую форму. Накопление материала, вероятно, заставит обратить внимание на различия внутри данного варианта.

Тип 2. С пирамидальной центральной частью. Очень гомогенный тип (рис.40:*29,30*; 41:*г*) Красюковская, Зимно, Царский, Калининская, Дюрсо. Морфологически им очень близки, хотя имеют иные пропорции и не являются, строго говоря, горизонтальносимметричными, находки из Сынтыштамака и из сборов в районе Днепровских порогов (рис.40:*31*).

Тип 3. С боковыми вырезами в центральной части. Особенности орнаментации позволяют выделять варианты.

Варианты:

3а. (рис.40:*23-24*; 41:*н*) Мартыновка, Вишенки. Имеют "пальмообразную" прорезь на щитках. При очевидном своеобразии, к этому же варианту примыкают находки из Зимно (рис.40:25,26).

3б. (рис.40:*35-38*; 41:*е*) Мартыновка, Вишенки, Христофоровка, Скалистое, Сивашовка. Имеют по пять отверстий, структура расположения которых напоминает карточную "пятерку".

3в. (рис.40:*39-42*; 41:*ж*; 80:*11*; 82:*91*) Чми, Хусанты, Керчь, Чир-юрт. В отличие от варианта 3б не имеют отверстия в центральной части.

3г. (рис.40:*27-28,32-34*; 41:и,з; 87:*40*) "Северная Сирия", Мокрая Балка, Камунта, Селикса, Кугуль, Рисовое, Чуфут-кале, Клин Яр. Кроме отверстия в центре имеют полуовальные или дуговидные с точкой прорези на симметричных щитках. Указанные отличия прорезей могут являться основой выделения подвариантов. Отметим, что в Мокрой Балке известны оба, а в находке из Северной Сирии указанные признаки сочетаются. Впрочем, не исключено, что особенности последней объясняются поломкой.

3д. (рис.40:*21-22*; 41:*к*) Кугуль. На этих экземплярах щитки с двумя дырочками никак не отделены от центральной части, украшенной вставкой. Несмотря на формальное морфологическое отличие, упомянем здесь и еще один образец из того же кугульского комплекса (рис.40:*20*).

3е. (рис.40:*43*; 41:*л*) Мокрая Балка. Здесь симметричные щитки не имеют прорезей.

Тип 4. Со "сросшейся" центральной частью. Своеобразие и малочисленность известных находок заставляют относить каждую из них к особому варианту. (рис.40:*14-17*; 41:*м,о*) Борисово, Мартыновка, Гапоново.

Картографирование выделенных вариантов (рис.41) свидетельствует, что их значительная часть так или иначе тяготеет к степи. Из представительных вариантов лишь о 3в можно говорить, как о северокавказском, да связанным с аланами Кисловодской котловины не только по месту нахождения, но и по стилистике, следует признать вариант 3д. Вариант 1а компактно концентрируется в башкирской лесостепи, за исключением беловерского подварианта, известного в понтийской степи. Вариант 1б, кажущийся серией локальных упрощений образцов варианта 1а, можно будет рассматривать более или менее конкретно по мере накопления материала. В полосе к востоку от Азовского моря сосредоточены основные находки типа 2, причем, две из них относятся к комплексам выделяемой А.Г.Атавиным локальной группы кочевников-болгар [Атавин 1996], а упомянутые при характеристике этого же типа накладок несимметричные соответствия им происходят из иных близких к степи точек: Башкирии и Днепровского Надпорожья.

Особого обсуждения требуют накладки из Зимно. Несмотря на скудость информации в публикации [Ауліх 1972] и отчетах, интересующие нас вещи могут быть отнесены, очевидно, к слою пожара на городище. Принадлежали ли они неизвестным нападавшим, или оборонявшимся славянам – сказать нельзя. Следует отметить, что находки геральдического круга и собственно для памятников пражской культуры, и для ее ареала чужды. Выразительные детали, связанные с многочастной ременной гарнитурой на памятниках Повисленья (Хачки, Якушовицы) указывают на центральноевропейский, так или иначе связанный с аварами и их соседями, круг аналогий. На днестро-дунайских памятниках с элементами пражской культуры мы видим детали ремней, относящихся к стилям, ориентированным на византийские провинции или степь, но геральдические накладки неизвестны и там. Нет их и на пражских памятниках Карпатской котловины или эльбско-одерских. В наиболее нам интересном ареале днепровского бассейна на пражских памятниках находок, связанных с многочастными поясами, вообще нет. Накладка типа 2 из Зимно настолько близка восточноприазовским, что речь должна идти о ее прямом перенесении из этого региона (если эта вещь принадлежала нападавшим, то мы получаем весомый аргумент, чтобы считать таковыми приазовских болгар, если же она была у оборонявшихся, то ее можно рассматривать как импорт, показатель дальних славяно-болгарских связей), в крайнем случае – об однозначном копировании. Накладки варианта 3а – неординарные образцы, возможно уникальные, что затрудняет определение их изготовителя. Как видно, для того, чтобы ставить вопрос об особой традиции, отразившейся в стилях поясов геральдического круга в ареале пражской культуры, нет достаточных оснований.

На среднеднепровских памятниках пеньковского ареала известны накладки варианта 3б, весьма близкие тем, что встречены в понтийских степях и в материалах скалистинского могильника, где находки накладок рассматриваемых типов имеют соответствия не в южнокрымских, а в степных памятниках – в районе Перекопского перешейка или еще более дальних.

Мартыновская накладка типа 4 уникальна и входит в комплект, свидетельствующий о творчестве какого-то "мартыновского" мастера, схематично воспроизводившего орнаментальные сюжеты византийских или "степных" стилей ременных наконечников. Накладки варианта 3а происходят с тех же среднеднепровских памятников, что и рассмотренные чуть выше, однако последние вполне своеобразны. "Пальмовидная" прорезь, очевидно, является повторением широко распространенного, но, как правило, выполняемого на наконечниках и в технике гравировки, мотива, представленного в разных вариациях и на мартыновских вещах. Техническое же решение близко ряду "маскообразных" накладок с Западного Кавказа, в том числе и близких типов (рис.40:*14*). По соседству с последними, хотя в связи с иным культурным кругом, концентрируются и находки накладок с пирамидальными возвышениями в центре (тип 2), которое имеется и на мартыновском экземпляре.

На памятниках востока днепровского Левобережья горизонтальносимметричные накладки встречены лишь в Гапоново. Они принадлежат весьма своеобразному варианту типа 4, но его ближайший круг соответствий тот же, что и для среднеднепровских накладок варианта 3а: форма близка экземпляру из Борисово, а прорези в форме замочной скважины, хотя и известны у довольно широкого круга находок, среди рассматриваемых накладок встречаются у вещей типа 2.

Таким образом, рассмотрение как среднеднепровских "симметрично-щитовидных" накладок в целом, так и своеобразного гапоновского экземпляра, показывает, что они непосредственно связаны со стилями, характерными для памятни-

ков понтийских степей, или складываются в кругу мотивов и приемов наиболее ярко проявившихся в западнокавказских и степных восточноприазовских находках.

5. Комплект поясной гарнитуры: щитовидная накладка, пряжка с аналогичной обоймой и наконечник ремня

(*Кат.NN 28,29,31,32*; рис.42,42а,43,44)

Крупные накладка, пряжка и наконечник из Гапоновского клада близки по технике изготовления, размерам, стилистическим особенностям и, очевидно, составляли один комплект. Само по себе сочетание пряжки, наконечника и накладки вполне обычно для ремней эпохи переселения народов. Судя по размерам и другим признакам, рассматриваемый гапоновский набор едва ли обувной: достоверно известные детали обувных ремней меньше по размерам и, при полноте комплекта, должны быть парными – по набору на каждую ногу. Едва ли он относился и к узде – уздечные ремни уже, должны иметь не только единичные, но и парные, симметрично располагавшиеся детали, наконец, не требуют пряжки, хотя и не исключают небольшие – для регулирования длины повода. Очевидно, интересующие нас детали связаны с поясным ремнем.

Что касается поясных гарнитур, вероятных прототипов гапоновской, то можно указать на **три традиции**, отразившиеся в восточноевропейских поясах, в рамках которых возможно искать интересующий нас состав деталей. Речь пойдет прежде всего о тех находках, в которых реконструируемые традиции прослеживаются с наибольшей полнотой.

Первая, "постгуннская" – включает ремень, наконечник, чаще – коробочкой или из согнутой пластины, и большое число продолговатых вертикально крепящихся накладок, покрывавших поверхность ремня или ее часть (рис.88:*5,6*).

Вторая – связана с **Ираном** и представлена двумя вариантами. Один, традиционный, включает застежку, украшенную бантом или подвесками и округлые или прямоугольные накладки, покрывавшие поверхность ремня. Изображения таких поясов широко представлены на сасанидских серебряных блюдах, на фресках Афрасиаба и т.д. Другой вариант появился не позднее рубежа 6 и 7 вв. и изображен, например, на рельефах Так-и-Бустана. Поверхность таких поясов также покрыта накладками, но подвесные украшения связаны не с крепежной конструкцией, а образуются многими свисающими от пояса дополнительными ремешками, оставляя застежку "в тени" (рис. 42а:*47*). Среди археологических реалий, например, именно такой комплект происходит из района Амлаха (рис.42а:*48-50*).

Наконец, **третья** традиция – **позднеантичная**, римских военных портупей, концентрирующих украшения в центральной передней части ремня (один из образцов – рис.42а:*41-46*). Они включают: пряжку, иногда – с достаточно сложной обоймой; противостоящую ей пластину, выполненную в том же стилистическом ключе и на застегнутом поясе примыкающую к пряжке; наконечник; а также, в ряде случаев, дополнительные колечки для подвешивания некоторого снаряжения или крепления наплечных ремней. Потрясения конца 4 и 5 вв., изменившие многие области жизни римского государства, и падение западной части Империи, похоже, не прекратили эту традицию. Поскольку, в связи с упрочением и проникновением в повседневный быт христианства, византийские некрополи становятся почти безынвентарными, на материалах метрополии судить о характере позднеантичных поясных комплектов трудно и приходится обращаться к косвенным данным.

Во-первых, традиции позднеримской поясной гарнитуры прослеживаются на поясах меровингского круга. Если первоначально собственные пояса франков и других германцев были значительно более простыми, их гарнитура ограничивалась пряжкой и, редко, наконечником, то в 6-7 вв. входит в употребление структура поясных украшений, воспроизводящая римскую портупею, где пряжке противостоит специальная пластина, иногда дополняемая наконечником и накладками (рис.42:*35-37*). Этот "ренессанс", вероятно, не следует связывать только с явлениями франко-романского синтеза на территории Галлии или наличием у ряда германских племен во второй половине 4 – первой половине 5 вв. римских поясов. Длительную актуальность традиций римской военной моды трудно понять без учета включенности франков и некоторых их соседей в византийскую геополитическую систему, где варварские племена, расселявшиеся на территориях Империи, даже не контролируемых ею реально, входили в особую идеально-политическую иерархию, возглавляемую императором из Константинополя. Это давало дополнительные рычаги власти византийским политикам, а варварским верхушкам – легитимизацию их завоеваний, повышение статуса в глазах соседей и, по возможности, субсидии. Известна практика жалования Константинополем римских должностей варварским предводителям вместе с соответствующими окладами и одеждами, включая, конечно, и пояса. Ориентация на идеальный образ и престижные комплекты определяли моду, распространявшуюся от верхушки на все общество.

На сохранение и развитие старых позднеантичных традиций, включая и военную моду, в уцелевшей от разгрома восточной части Империи ромеев, кроме зоны влияний на Западе, указывают и находки на Востоке. Пояс (рис.42:*38-40*), как и ряд иных элементов из погребения знатного аспила, которое было исследованно в 1967г. в Цебельде [Воронов, Юшин 1971], безусловно, отражает общеизвестные прямые контакты и тесные связи Абхазии с Византией. То, что пояс из этого погребения имеет позднеантичные элементы, было отмечено Ч.Балинтом [Balint 1992, с.378-380], но следует добавить, что и сама структура этой гарнитуры принадлежит позднеантичной традиции.

И у цебельдинской находки, и у меровингских поясов на пластине, противостоящей пряжке, есть вырез, соответствующий положению прижимаемого ремнем язычка пряжки. На сложных гарнитурах, как на рис.42:*40-46*, такой вырез не нужен, ведь рамка пряжки окружена обоймой

со всех сторон. А на более простых вариациях той же структуры его появление вполне оправдано, хотя и не строго обязательно и может рассматриваться как один из признаков, свидетельствующих в пользу отнесения гарнитуры к кругу позднеантичных традиций. Итак, разобранные выше показатели: состав элементов, входящих в поясную гарнитуру, и их стилистические особенности вполне могут послужить опорой для выделения поясов позднеантичной византийской традиции, даже если комплект не был получен исследователями in situ в том положении, как он носился. Это значительно расширяет круг источников для рассмотрения интересующих нас вопросов.

В первую очередь следует обратиться к материалам военизированой культуры северо-восточного лимеса Византии. Там со второй половины 6 в. вновь появляются снабженные инвентарем погребения. И в ряде случаев с достаточной долей уверенности по обозначенным выше признакам можно выделить пояса, в которых интересующая нас позднеантичная традиция отчетливо прослеживается (рис.42а:*30-34*). Здесь следует отметить, что и ряд стилистических особенностей пряжек, характерных для рассматриваемых гарнитур, например, площадки и выступы в задней части рамки, там где к ней крепится обойма и язычок, имеют позднеантичные прототипы [Амброз 1980, с.11]. Возможно, эти площадки и выступы – результат схематизации звериных голов, встречающихся на задней стороне рамки позднеримских пряжек (как на рис.42а:*44*). В данном случае ограничимся лишь некоторыми примерами, фиксирующими интересующий нас факт сохранения в Византии и зонах ее влияния поясных гарнитур, продолжающих позднеантичную традицию, ведь рассмотрение всего многообразия византийских поясов требует специального анализа, далеко выходящего за рамки тематики данной книги. За исключением еще одного сюжета.

Пряжкам и накладкам из Пьятра-Фрекацей (рис.42а:*30-32*) есть более упрощенные соответствия в Крыму – из склепа 34 Чуфут-кале и Херсонеса (рис.42:21-23,26-28). Последние происходят из не имеющих полноценной документации раскопок К.К.Косцюшко-Волюжанича и, вероятно, принадлежат одному набору, если принять во внимание упомянутые аналогии, технологическое и стилистическое единство, и то, что они были нашиты автором раскопок на один планшет рядом (фотография планшета XXX, NN 334-336, хранящаяся в фондах Херсонесского историко-археологического заповедника). Состав гарнитуры из Чуфут-кале вполне надежен, во всяком случае, и щитовидные накладки, и наконечники там не единичны. А ритмичное, возможно и симметричное, расположение одинаковых накладок и наличие не менее трех одинаковых наконечников ремешков, очевидно, является показателем близости данного набора второму варианту поясов иранской традиции. Данный факт важен для понимания того, насколько в конкретном поясе могут быть переплетены компоненты, восходящие к разным традициям. Показательны в этом отношении и опубликованные Ч.Балинтом детали гарнитур из византийской Малой Азии (возможно из района Измира): сделанные в типично византийской технике накладка и наконечник, у которых есть даже рудимент выреза (рис.42:*15-16*), судя по стилю, составляли комбинацию, близкую комплекту из Чуфут-кале, а накладка и обойма пряжки (рис.42:*24-25*), скорее соответствуют поясу из Пятра Фрекацей. Пример соединения трехчастной позднеантичной и ритмичной иранской традиции в одном комплексе дает погребение у хут. Крупской (рис.42:*10-14*).

Опираясь на вышесказанное можно оценить и наиболее важные для нашей темы ***поднепровские находки.*** Рассматриваемые элементы гапоновского клада (рис.42:*1-4*) очевидно соответствуют гарнитуре византийской традиции с противостоящей пряжке накладкой. Набор из Вильховчика имеет иранские параллели не только в фиксируемой набором элементов структуре, но и в стилистике бляшек (рис.42:*17-20*). В Хацках накладки, являющиеся днепровской переработкой византийско-понтийских образцов (см. часть 2.1.2), похоже, сопровождались подвесками с наконечниками (рис.42:*29*), составляя комбинацию, имеющую иранские прототипы. Здесь кстати будет отметить, что и волнистый верхний край двучастных накладок, столь характерный для вещей византийского круга, на экземплярах из Хацков выполнен угловато, как на грифонообразных накладках, вероятно, связанных с Ираном, из Вильховчика или из района Дайламана (см. об этом и часть 3.7). Прочие клады интересующего нас круга из-за сильной некомплектности интерпретировать труднее. Щитовидная накладка из Суджи (рис.42:*8*) более органична для пояса позднеантичной структуры. Возможно, бляшка и накладка из Мартыновского клада (рис.42:*5-6*) относятся и к одному набору, скорее византийского круга. Нельзя этого исключить и в отношении бляшки щитовидной формы, единственной такой в наборе из Вишенок. Далее рассмотрим выделенный в гапоновском кладе комплект по элементам.

*5.А. Полая пряжка с выступами у основания (Кат.N 28;*рис.33:*13*; 42:*2*)

Подобные пряжки, как было уже отмечено, обычны для ряда поясных гарнитур геральдического круга и имеют прототипы среди позднеантичных. Особенно характерны площадки с выступами в задней части рамки. К позднеантичной традиции следует, очевидно, относить такой признак, как граненая полая рамка, обычная, например, для пряжек типа Суцидава. Сама форма рамки – В-образная, подпрямоугольная, трапецевидная, лировидная – не столь показательна и пригодна в данном случае, скорее, для выделения более дробных классов в рамках группы. В формально последовательной, и в этом отношении удобной для катологизации или абстрактного описания, типологической системе В.Б.Ковалевской рассматриваемые пряжки из-за отличий очертаний рамки отнесены к разным отделам [Ковалевская 1979], что представляется нам искусственным.

На более дробном таксономическом уровне гапоновской пряжке близки экземпляры, выделяемые В.Б.Ковалевской в отдел "В-образные", как "бесщитковые" (тип 1), так и со щитками 7-го варианта (тип 6) и некоторые другие [Ковалевская 1979, табл.XIX:21; XX:5,6,11,15;

XXI:5,17]. Все они имеют полую подграненную рамку с площадкой и выступом в задней части, прямоугольную прорезь и подвижно соединены с обоймой или с ремнем непосредственно. Эти признаки позволяют рассматривать указанные вещи в рамках единого типа или серии. А особенности язычка и щитка обоймы, в данном случае, пригодны, наряду с иными деталями, для анализа вариантов. Регулярность и значение двух последних признаков на всем массиве евразийских пряжек – тема, практически, не разработанная. Поэтому мы ограничимся определением экземпляра из Гапонова на уровне типа. Не проводя специально каталогизацию и картографирование, тем не менее, можно утверждать, что интересующий нас тип характерен для Нижнего Подунавья, юго-западного Крыма, Поднепровья, Кавказа (более для западных его районов, чем для восточных), в Поволжье он относительно редок, а для авар, западноевропейских и азиатских культур – чужд (материалы, иллюстрирующие приведенные наблюдения см. в [Ковалевская 1979]; см. так же рис.64:*3*; 65:*7*; 68: *признак 84*; 69:*28*; 79:*15*; 82:*47,10*; 87:*59,63,71,95,107*; 89:*120,139,151*).

5.Б. Наконечник с боковыми вырезами (Кат.N 31; рис.23:*18*,42:*4*; 43:*44*)

Крупные поясные **наконечники** с боковыми вырезами и обильной прорезной орнаментацией типичны для находок в Среднем Поднепровье, на Днепровском Левобережье, встречаются и несколько восточнее. Все известные экземпляры (Гапоново, Трубчевск, Мартыновка, Хацки, Вильховчик, Арцыбашево) образуя очевидное стилистическое единство, очень индивидуальны (рис.42:*4,6,9,19-20,29*). Вставка из стекла достоверна для гапоновского наконечника, хотя не исключено, что она могла быть и на мартыновском. По характеру боковых вырезов гапоновскому близок наконечник из Хацков, по стилю прорезей – мартыновский и арцибашевский. Очевидно, выделять варианты в рамках данного подтипа, по крайней мере, преждевременно.

Интересен крупный наконечник из комплекса у хут.Крупской (рис.42:*14*).Зерненые полукружья на его боках, возможно, имитируют вырезы.

Наиболее представительный **подтип** интересующих нас **наконечников** – небольшие (около 3-х см длины, редко – несколько больше). По характеру прорезной орнаментации в нем выделяются ***варианты.***

1. (рис.43:*44-47*; 44:*а*) Сентеш-Надьхедь, Прахово, Сардис, Пыштa. Характеризуются обильной орнаментацией из кружочков, запятых или "бобовидных" прорезей, сердечек или "галочек".

2. (рис.43:*38-41*; 44:*б*; 82:*89*; 87:*76*; 103:*26*) Чми, Изобильное, Лебяжье, Мокрая Балка, Шатрищи, Сивашовка. Имеют прорези в виде двух сложных композиций подтреугольных очертаний. Довольно своеобразный экземпляр из Лебяжьего можно выделить в качестве особого подварианта или даже варианта.

3. (рис.43:*20-23,30-33*; 44:*в*; 68: *признак 103*) Керчь, Рисовое, Селекса, Кугуль, Богачевка, Боксан, Острый Мыс, Дюрсо, Сиреневая бухта (неделеко от Керчи, неопубликованые раскопки А.А.Масленникова). Имеют прорезь, по форме близкую варианту 2, но лишь одну.

4. (рис.43:*24,34*) Боксанское ущелье, Градижск. Выделяются наличием длинной узкой прорези в форме замочной скважины в сопровождении кружочков.

5. (рис.43:*11-14*; 44:*д*; 82:*98*) Селекса, Спокойная, Большой Буйнак, Чми характеризуются наличием крупных прорезей – подтреугольных, полуовальных, в виде замочной скважины и т.д.

6. (рис.43:1-7; 44:*г*) Борки, Чапаевский, Старое Бадиково, Селекса, Старый Кадом, Сентеш Дередьхаза, Керчь. В этот вариант условно объединены вещи, у которых нет фигурных прорезей, в том числе и экземпляры без прорезей вообще.

Картографирование (рис.44) и состав комплексов показывают, что наиболее стилистически сложный вариант 1 – византийский. Вариант 2 связан с памятниками Степного Крыма, и районами, имевшими активные контакты с восточноевропейской Степью: Боспором, Центральным Кавказом и Правобережьем Средней Волги. Ареал варианта 3 – тот же, но чуть шире. Прочие варианты имеют значительно менее определенный культурно-географический контекст. Это и не удивительно, если принять во внимание их гетерогенность, отмеченную при типологическом определении. Очевидно, для понимания этих экземпляров необходимо учитывать наконечники иных типов, форма которых отличается от рассматриваемых образцов, а орнаментация близка им (некоторые примеры см. на рис.43).

Возвращаясь к крупным наконечникам, следует отметить, что сравнение с маленькими показывает соответствие некоторых орнаментальных мотивов. В наконечнике из Хацков в составе и расположении прорезей можно увидеть упрощение византийских традиций (подтип маленьких, вариант 1). Мартыновский по структуре композиции, скорее, тяготеет к варианту 2. Прочие – более своеобразны. В целом же, картографирование подтвердило вывод типологического анализа – интересующие нас поднепровские наконечники не только стилистически своеобразны, но и выделяются особым ареалом, хотя и должны включаться в контекст, связанный с переработкой образцов как провинциально-византийского круга, так и характерных для понтийских степей и оси Кавказ - Средняя Волга.

5.В. Щитовидная накладка (Кат.N 32, рис.23:*17*; 42:*1*)

Выше уже отмечалось, что рассматриваемая гапоновская накладка входит в комплект, где она противостоит пряжке и образует стилистическое единство с ней и наконечником. Если мы обратимся к кругу ближайших аналогов, то легко убедимся, что гапоновский экземпляр весьма своеобразен и должен рассматриваться не столько в контексте формальных соответствий на уровне типа (с последующим выделением в нем вариантов и их интерпретацией), сколько через стилистическое единство гарнитуры. В отношении этой находки мы принимаем выводы, полученные при

рассмотрении пряжки и крупного наконечника. Доступные данные о щитовидных накладках не противоречат получаемой картине.

6. Наконечник с боковыми фигурными выступами

(***Кат.N 43***; рис.30:*19*, 45:*33*)

Вещи указанного типа довольно однообразны и, в то же время, весьма различаются деталями, техникой изготовления, пропорциями и другими признаками. Как было отмечено в части 2.1.5.Б., некоторые из них имеют по характеру орнаментации соответствия среди наконечников с боковыми вырезами. Контекст некоторых признаков достаточно очевиден. Например, сильная профилированность характерна, в основном, для наконечников с приуральских памятников или зон где фиксируется контакты с населением Приуралья по этим и иным находкам (рис.45:*2-11,27*; 88:*4*; 89:*16-18,25*). На аварских памятниках выделяется вариант наконечников без прорезей с очень слабо выраженными фигурными выступами, что имеет соответствия и на востоке Кавказа (рис.43:*8-10*; 45:*19-20*). Ряд экземпляров с памятников бассейна Оки и Суры выделяются дополнительной гравированой орнаментацией, что сближает их с некоторыми иранскими находками, так же как и роговидная верхняя часть, встречаемая как на Оке, так и в Иране и Сирии (рис.45:*44-50,52,53*). Рассматриваемый тип неизвестен на памятниках византийского лимеса, не характерен он и для Крыма.

Если обратиться к интересующим нас гапоновским вещам, то следует отметить, что для Поднепровья такие уникальны, а круг ближайших соответствий включает прежде всего кавказские и волго-уральские памятники, хотя полного тождества признаков нет и здесь (рис.45:*14,23-25,33-36*; 79:*65,66,71*; 80:*43*; 87:*38*; 89:*40-41*; часть 3.7, ХИ-22). Схожую картину дают и иные поднепровские наконечники рассматриваемого здесь типа. Находка из Волошского (рис.45:*32*) по сумме признаков должна быть отнесена к упомянутому приуральскому кругу. Наиболее представительны в Поднепровье наконечники с длинной узкой прорезью в форме замочной скважины (рис.45:*37,38, 51*; 43:42). Так же орнаментированый, но иных пропорций наконечник известен из Селексенского могильника (рис.43:*25*), а остальные, более дальние аналоги – приуральские, где они образуют собственный типологический ряд (от изображенных на рис.45:*28-29* к приведенным на рис.45:*6-7*, от которого, по-видимому происходит и один из приаральских вариантов (рис.45:*17-18*). В заключении следует отметить, что за исключением гапоновских, наконечники рассматриваемого типа в днепровских кладах не известны, отдельные находки в Поднепровье концентрируются на юге пеньковского ареала, вдоль Днепра – в районе Кременчугского водохранилища и в Надпорожье.

7. Прорезные наконечники с прямыми или слегка прогнутыми боками

(***Кат.NN 40,41***; ис.30:*2,3*; 46)

Еще более однообразны и пестры по мелким признакам чем наконечники, рассмотренные выше. Резкие углы в нижней части изделия, похоже, являются одним из признаков относительно поздних комплексов, встреченных в Приуралье и на Кавказе (рис.47:*7-9,16-18*; 79:*2*; часть 3.7, ХИ-38). Схожую типологическую тенденцию можно наблюдать и на аварских поясных наконечниках [Гавритухин 1990, с.131]. По технике изготовления и стилю орнаментации выделяются изделия круга влияния византийской культуры на Балканах и в Италии (рис.46:*41-44*; 65:*14-16*), так же как и сирийские варианты (рис.46:*20,37-38*). Широкая прорезь с уступом в верхней части – характерный признак ряда изделий припонтийских памятников: от Болгарии до Западного Кавказа, лишь единицы выходят за означеный ареал (рис.46:*34-35*; 68: *признак 138*). Существуют, по-видимому, и другие локальные и хронологические показатели.

Гапоновские и прочие поднепровские экземпляры весьма своеобразны на фоне прочих, при этом довольно сильно отличаются друг от друга не только на разных памятниках, но даже внутри одного комплекса (рис.46:*1-5,11-13,23-24,26*; 103:*9, 10*). Пожалуй, столь широкого типологического разброса на наконечниках одного типа внутри одной гарнитуры или комплекса не представляет никакой иной круг памятников. Типологически одинаковы лишь наборы наконечников из Суджанского клада и Моквы (рис.46:*11*; 103:*9-10*). В Козиевке есть серия очень близких друг другу, но не идентичных наконечников (рис.46:*31*), прочие же в этом комплексе (правда, возможно, из входящих в него иных гарнитур) – очень разнородны. На ряде поднепровских наконечников разных типов, встречены длинные узкие прорези в виде замочной скважины. Сам по себе этот признак распространен весьма широко. Но среди наконечников вытянутых пропорций со щитовидной нижней частью этот признак наиболее част на экземплярах с Центрального и Восточного Кавказа (рис.46:*15,25,27-28,39-40*; 80:*35*; 82:*92*), хотя встречается и на вещах с иных территорий: в Приуралье, Причерноморье, в Карпатской котловине (рис.46:*14,16,45*).

При всей разнородности поднепровских экземпляров, можно отметить и характерную для них некоторую регулярность отдельных признаков. Например, несколько днепровских наконечников выделяются наличием четырех отверстий или орнаментальных кружочков в верхней части (рис.46:*4,13,27*, возможно 46:*6* – недоделанный?). Такой признак встречен лишь на экземплярах того же типа из центральной части Северного Кавказа (рис.46:*25* и находка из "Нальчикского округа"). Приведенные примеры не опровергают, а скорее даже подчеркивают сделанные ранее наблюдения: поднепровские прорезные наконечники с прямыми или слегка прогнутыми боками вцелом весьма гетерогенны и, в то же время, своеобразны. Они

принадлежат довольно обширному культурному контексту, хотя, похоже, на фоне прочих в рамках рассматриваемого типа находки из центральной и восточной части Северного Кавказа наиболее близки днепровским.

8. Псевдопряжки

(***Кат.N 30;*** рис.27,28; 47:*22*; 48)

Эта группа деталей поясной гарнитуры (фактов, свидетельствующих об ином использовании псевдопряжек, нет) в сравнении с прочими, пожалуй, в наибольшей степени привлекала внимание исследователей. Долгое время была весьма распространена теория Н.Феттиха об "украинском" происхождении псевдопряжек в рамках "мартыновской культуры". Настоящие пряжки с приклепанным язычком (Хацки, Колосково) рассматривались как исходные для ряда модификаций, распространившихся от Карпатской котловины до Алтая [Fettich 1937]. Теории венгерского ученого неоднократно критиковались (недавно, в весьма резкой форме – Ч.Балинтом [Balint 1992, с.389-390]). Однако, как правило, в критике речь шла о методических просчетах, а так же об априорности и искусственности концепции в целом.

Лишь А.К.Амброз предложил ей не менее стройную альтернативную концепцию, в том числе и в отношении псевдопряжек [Амброз 1973, с.293-294; 1981, с.17]. Во-первых, он указал, что геральдические пояса и пояса с псевдопряжками нельзя рассматривать как одно целое. Псевдопряжек нет на византийских памятниках Балканского полуострова или в Италии, нет их и на черноморском побережье Кавказа или в Закавказье. Очень редки и не характерны они для Крыма и Северного Кавказа (А.К.Амброзу находки оттуда вообще не были известны). Пряжки, переделанные в псевдопряжки, логичнее рассматривать не как прототипы, а как подражание новой моде, поэтому шикарные золотые псевдопряжки и более скромные поднепровские синхронны в рамках одного периода. Локальные формы подражания им – прессованные, происходящие с ряда памятников Аварского каганата на западе, и литые приуральские или сибирские на востоке. Источник новой моды А.К.Амброз предложил искать среди дальневосточных поясов с ажурными накладками и подвесками, хотя конкретно проследить формирование евразийских псевдопряжек пока не удается.

Новые находки не опровергают наблюдения А.К.Амброза, хотя и дают надежду на их уточненние. Свод подунайских псевдопряжек с обзором их изучения недавно опубликован Э.Гарам [Garam 1990; 1991]. А.И.Айбабин привел уникальные находки из Крыма [Айбабин 1990, с.40]. В.Б.Ковалевская опубликовала экземпляр из Былыма (рис.47:*24-25*), который все же нет оснований считать, как она предлагает, приспособлением для застегивания, и пряжку из Камунты с язычком, отлитым вместе с рамкой, т.е., как было справедливо отмечено исследовательницей, псевдопряжку [Ковалевская 1979, с.90-91, табл.XIX: 12,13]. Ч.Балинт опубликовал интересный подбор ременных деталей, происходящий, вероятно, из Сирии, в который входят шесть идентичных пряжек с очень узкой прорезью [Balint 1992, табл.7-8]. Пять аналогичных изделий известны по раскопкам кургана 15 Верх-Саинского могильника (рис.89: *123* [Голдина, Водолаго 1990]). Очевидно, предназначение этих пряжек идентично настоящим псевдопряжкам – украшения поверхности ремня. Со времени написания работ А.К.Амброза появились и новые находки псевдопряжек в Приуралье, Сибири, степях Приазовья, Поднепровье, впрочем, не дающих ничего принципиально нового, хотя и показательных для картографирования.

Находки с Кавказа и из Передней Азии расширяют ареал, с которым можно связывать формирование моды на пояса с псевдопряжками. А в сопоставлении с поднепровскими и некоторыми волго-уральскими находками, они заставляют предполагать, что ряд пряжек, особенно имеющих узкую прорезь (как на рис.47:*32*; 89:*102,123,146* и чуть иных), возможно изготавливались и использовались как псевдопряжки. Однако до специального исследования вещей в оригинале и увеличения числа хорошо раскопанных и документированных комплексов достоверно очертить круг таких вещей затруднительно. В данной работе мы ограничимся экземплярами, несомненно специально изготовленными как псевдопряжки. Учтенные вещи разбиваются на следующие типы.

Тип 1. Характеризуется рамкой с псевдоязычком, выполненным как рельефный выступ в ее передней части. Рамка чаще сделана отдельно от обоймы или не имеет ее. Орнаментация – прорезная, изредка присутствуют скупая гравировка некоторых деталей или различным образом выполненные полосы, но чаще она ограничивается двумя отверстиями на граненой рамке.

Варианты:

1а. (рис.47:*16,17*; 48:*б*; 88:*4*) Агафоново, Неволино, Аверкино, Бартым, Висим, Безводное, Подболотье. Выполнены в технике литья. Рамка относительно небольшая, изготовлена отдельно от обоймы, которая имеет форму "двурогих" накладок.

1б. (рис.47:*20*; 48:*в*) Агафоново, Подболотье, Чатасег, "Алтай", Чапаевский. Имеют рамки аналогичные варианту 1а, но иную форму обоймы – в виде геральдического щита. Некоторые изделия этого варианта крупнее, чем образцы варианта 1а, но для содержательного метрического подразделения вещей варианта 1б пока не достаточно материала.

1в. (рис.47:*7,14,21*; 48:*а*; 89:*32*) Агафоново, Неволино, Аверкино, Бартым, Плесо, Лагереево, Маняк, Релка, район Соликамска, район Новороссийска. Рамки аналогичны варианту 1а, но щиток отсутствует или не известен.

1г. (рис.47:*15*; 48:г) Релка, Барсов городок, Лихачевский могильник, Шокша. Отличаются от варианта 1в размерами (ширина рамки более 2,5см). Выделение этих вещей связано с тем, что такой размер отсутствует у изделий варианта 1а. Близки ему и большая часть рамок у изделий варианта 1б.

1д. (рис.47:*7,8*; 48:*д*) Этот вариант образуют цельнолитые псевдопряжки со щитовидной обоймой (рис.47:*7-8*). Каждый из известных экземпляров – Окунево, Тимирязевский, Чатасег –

весьма своеобразен, но малочисленность материала не позволяет предложить аргументированое более дробное деление.

1е. (рис.48:е) Борижары, Малаи, Чакберень, Кернье. Близки варианту 1б, но выполнены в технике прессовки. Все известные образцы украшены вертикальным ребром на щитке. Следует отметить и близость технологии их изготовления, а так же сходство ряда деталей с некоторыми образцами варианта 2в.

Тип 2. Выделяется обильной орнаментацией. По ее специфике и особенностям технологии делится на варианты.

Варианты:

2а. (рис.47:*11,23*; 48:*ж*) Боча, Кунбабонь, Тепе, Малое Перещепено, Келегеи, "Венгрия" – великолепные золотые изделия с вставками голубого, розового или красного стекла. Орнаментированы обнизкой из шариков, полосами из зерни, плетенки, кербшнитного орнамента и т.д. Находка, хранящаяся в Новочеркасском музее (рис.47:*31*), возможно, является частью изделия этого же варианта, но, не исключено, что принадлежит особому кругу вещей.

2б. (рис.47:*4-5*; 48:*з*) Папа, Пакпуста, Чакберень, Бадьог – подражания варианту 2а, в технике прессовки.

2в. (рис.47:*12-13,18-19*; 48:*и*; 74:*78-82*; 75:*9,16-18,22*) Кернье, Кестхей, Покасепетек, Дюнапентеле, Дьенок, Сексард, Эски-Кермен. Прессованные с орнаментом из кружочков, спиралей, полос, рядов псеводозерни, "запятых" и т.д. Судя по характеристике А.И.Айбабина, находка в Лучистом близка этим вещам. Экземпляр из Бачко Петрово село, не имеющий обоймы, относится, похоже к этому же варианту, хотя не исключено, что к варианту 1е: по публикации [Garam 1991, рис.1.10] определить это невозможно.

Тип 3. По характеру деталей рамки и использованию прорезной орнаментации близок типу 1, но имеет отдельно изготовленный язычок. Известны обоймы как щитовидной, так и подпрямоугольной формы (рис.47:*20,24-28*; 48:*к*) Такие псевдопряжки есть в Урьинском кладе, Чапаевском, Хацках, Былыме. Последний образец наиболее своеобразен и дополнительно украшен зернью и вставками вишневого стекла. Вставку из прессованной пластины в центральной прорези на щитке, очевидно, имел и один из хацковских образцов. Из-за малочисленности более дробное подразделение этого типа пока преждевременно.

Тип 4. Схож с типом 3, но, как правило, вещи крупнее – с рамкой шириной около четырех и более см, а главное – отличаются формой рамки, не имеющей выступов в задней части (рис.47:*1-2,10,22*; 48:*л*). Образцы этого типа найдены в Мартыновке, Гапоново, Блажках, Трубчевске, Углах. Известные обоймы имеют щитовидную форму.

Тип 5. С узкой фигурной прорезью, по терминологии А.К.Амброза – "выбухшей" формы (рис.47:*29,30,32*). Отличить их от настоящих пряжек, как было отмечено, не всегда возможно. К признакам, свидетельствующим об использовании того или иного экземпляра именно как псевдопряжки относятся наличие отлитого вместе с рамкой псевдоязычка, иногда – просто в форме рельефного выступа, как на некоторых образцах из Агафоново, или очень узкая прорезь, не приспособленная для продевания ремня, хотя жестких метрических границ для последнего признака назвать невозможно.

Известны и случаи использования **в качестве псевдопряжек** обычных пряжек (Колосково и Камунта). Трудно сказать, являются ли они образцами "переделки" или мастер уже подразумевал использование своего изделия как псевдопряжек.

К псевдопряжкам особых, пока **уникальных форм** относятся случайная находка из Киева (рис.47:*3*), это цельнолитая имитация пряжек с треугольной обоймой, встречающихся на памятниках шиповского круга, известны они и вместе с деталями геральдической ременной гарнитуры, что неоднократно подчеркивалось А.К.Амброзом.

Экземпляр из Тимирязевского могильника очертаниями напоминает псевдопряжки вариантов 2а и 2б, но сделан он совершенно иначе и отмеченное сходство, возможно, случайное, чисто формальное.

Картографирование (рис.48) позволяет выделить типы, соответствующие локальным традициям. Вариант 1а распространен в Приуралье, лишь единичные экземпляры есть Поочье и Западной Сибири. В этой же зоне, но на иных памятниках, известны образцы варианта 1г. Экземпляры варианта 1д встречены пока лишь в Западной Сибири. Находки варианта 1в есть на Алтае, в Прикамье и Поочье, а варианта 1б – за небольшими, возможно случайными отличиями, как бы суммируют все ареалы указанных вариантов типа 1. В целом, эта зона поясов "волго-сибирского" круга, своеобразие многих из которых на фоне прочих евразийских отмечалось неоднократно. Находка близ Новороссийска подчеркивает такое определение если вспомнить, что накладки, типичные для агафоновских поясов, известны неподалеку, в Керчи [Айбабин 1990, рис.50:*23,42*], где они выглядят чужеродными. Очевидно, здесь можно говорить о дальних избирательных контактах каких-то групп населения северо-восточного Причерноморья, возможно, и о присутствии инородного населения (с каким типом памятников связаны агафоновские элементы в Причерноморье – не ясно). В том же ключе следует, по-видимому, рассматривать и единичные находки псевдопряжек типа 1 в Подунавье.

Вариант 2а, как неоднократно отмечалось, связан с аристократической, "княжеской" верхушкой степняков Подунавья и Поднепровья. Вариант 2б – подражания упомянутым изделиям, встречены лишь у авар в Карпатской котловине. В отличие от прототипов, подражания концентрируются на памятниках дунайского Правобережья, весьма пестрых в этнокультурном отношении. Последнее относится и к варианту 2в. В отношении находки из Эски-Кермена следует отметить, что на этом памятнике, как и на некоторых других крымских, встречаются дунайские элементы (мелкие пряжки с коробчатой петлей, миниатюрные пальчатые фибулы и др.). Вариант 1е – найден на памятниках, связанных со степью, от Казахстана до Карпатской котловины. Было отмечено его,

как бы, промежуточное типологическое место, связывающее типы 1 и 2. Отражают ли образцы варианта 1е зону контактов или ареал прототипов псевдопряжек типов 1 и 2, можно будет установить по мере накопления материала и его детального анализа.

Тип 4 – характерен для кладов "древностей антов" и известен пока лишь в их составе. Он вполне своеобразен и отражает, по-видимому, особую линию развития, не сводимую к типам 1 и 2 ни в качестве прототипа, ни в качестве деривата.

Псевдопряжки типа 3 есть на Северном Кавказе, в Приуралье, и Поднепровье. Не менее широко распространены изделия типа 5 и пряжки, используемые в качестве накладок-псевдопряжек. Очевидно, эти находки обозначают среду, где мода на псевдопряжки не стала столь устойчивой, как в трех очерченных выше культурно-географических массивах: волго-обском, днепро-донецком, дунайско-днепровском. В целом же сумма фактов свидетельствует о том, что зоны распространения различных псевдопряжек прямо или опосредованно связаны через степные культуры востока Европы и запада Азии. Похоже, именно там зародилась мода на псевдопряжки. Полученная картина противоречит построениям Н.Феттиха. Если же принять предположение А.К.Амброза о компактной группе азиатских кочевников, принесших моду на украшенные в дальневосточной традиции пояса с подвижными подвесками к накладкам, то следует отметить, что время их общестепного, евразийского влияния было не долгим, хотя и весьма ярким. Это могла бы быть одна из групп, составлявших верхушку Западного тюркского каганата, хотя прямого подтверждения этой гипотезы мы сегодня не имеем.

9. Ременные наконечники коробочкой

(***Кат.NN 46,47***; рис.30:*4*; 32:*2*)

Такие изделия распространены весьма широко. Очень много их на памятниках аварского каганата 1-ой и 2-ой хронологических групп. Встречаются они и на памятниках Причерноморья, Кавказа, Поволжья (некоторые образцы см. в материалах к главе 3 нашей книги). Широко распространено мнение о связи подобных вещей прежде всего с кочевнической традицией, хотя специальных исследований этих древностей с каталогом и картой находок не производилось, а собственно кочевнические памятники в степи изучены явно не достаточно. Но нет оснований и для того, чтобы предлагать альтернативную точку зрения. В отношении аварских наконечников можно говорить о тенденции во второй половине 7 в. к укорачиванию пропорций [Гавритухин 1990, с.128], однако, на Кавказе (рис.87), в Поволжье (рис.89) или в Крыму такого не происходит. Наконечники коробочкой в Поднепровье, кроме Гапоновского клада, известны среди Мартыновских находок, в Трубчевске, Козиевке; того же типа, но с прорезью – в Хацках. Возможно, в некоторых комплексах эти хрупкие вещи не сохранились. Определить более точно, какой традиции близки днепровские наконечники, мы не можем, что существенно снижает значимость этих вещей для вопросов, рассматриваемых в данной части книги.

10. З-образные накладки

(***Кат.N 36***; рис.29:*6,7*)

Накладки этого типа входят в состав многих типов ременных гарнитур от Италии (Кастель Трозино) и Финляндии (Эура-Паппилантаки, Мынамяки) до Прикамья, Крыма и Кавказа (некоторые образцы см. в [Mengarelli 1902; Kivikoski 1973; Голдина 1985; Айбабин 1990], среди материалов к главе 3; рис.68; *признак 100*; 75:*5*; 80:*28*; 82:*58а*; 87:60). Накладки интересующей нас формы через ряд промежуточных образцов связаны с С-образными и сердцевидными. В принципе, для понимания этих вещей в большей степени, чем для прочих деталей ременнных наборов, требуется не типологический подход на уровне отдельных экземпляров, а общестилистический анализ различных типов гарнитуры. Мелкие накладки простых форм украшают ремень не сами по себе, а дополняя, обрамляя более сложные и яркие детали или создавая определенный ритм в сочетании с незанятой накладками поверхностью. К сожалению, в отношении поднепровских находок возможность изучения таких накладок в контексте всего комплекса украшений пояса ограничена, ведь все известные здесь ременные гарнитуры найдены не в том положении, в котором носились.

З-образные накладки в поднепровских комплексах редки. Но в их сочетании с иными деталями обнаруживается некоторая закономерность: там где есть единичные стандартные З-образные накладки, – присутствует и "рогатая" Т-образная бляшка близкой ширины (Гапоново, Козиевка). А там где найдено много З-образных накладок – не единичны и прорезные наконечники, образующие пары с накладками других типов (Хацки, склеп 34 Чуфут-кале). В последнем комплексе есть и рогатая Т-образная бляшка, но ее было бы логичнее сопоставить с двучастной накладкой, учитывая, что аналогичный подбор элементов (хотя и принадлежащих иной традиции) известен по поясу из Васильевки. О своеобразии комплекса склепа 34 мы уже говорили в части 2.1.5, сопоставляя его набор с хацковским.

Кроме отмеченной совстречаемости в комплексах и метрического соответствия, о связи в днепровских гарнитурах З-образных накладок с подвесными ремешками свидетельствует стилистическое сходство гапоновского экземпляра именно с Т-образной бляшкой. А известные факты подтверждают общепринятое мнение о связи Т-образных накладок именно с подвесными ремешками (см. раздел 2.5). Иное расположение З-образных накладок известно на ряде аварских поясов или, например, в Кастель Трозино - там они связаны с основным ремнем.

11. Овальные пряжки без металлической обоймы

(***Кат.NN 34,35***; рис.29: *8,9*)

В гапоновском комплексе представлены двумя отличающимися экземплярами. Близкие

аналоги пряжке с сохранившимся язычком, составляющие вариант, более или менее компактный в культурном или хронологическом аспекте, нам подобрать не удалось. В целом же, на уровне типа, овальные, чуть утолщенные впереди, полые граненые рамки - не редкость в восточноевропейских древностях 6-7 вв. Одна из наиболее ранних в этом ряду найдена в комплексе из колхоза "Восход" у г.Покровска [Засецкая 1994, табл.32:12] (этот экземпляр не имеет граней на рамке, но граненые пряжки в это время - обычны), датируемом не ранее второй половины 5 в. по накладке на меч. В эпоху геральдических поясов пряжки с рамками такого типа еще в ходу, хотя и не столь модны, как В-образные. Еще менее информативна вторая пряжка, от которой сохранилась лишь рамка. Подобные появляются еще в позднеримское время.

Следует отметить, что в интересующую нас эпоху пряжки немодного, "архаичного" облика использовались, как правило, не для застегивания пояса, а иначе. Например, на ряде памятников Северного Кавказа в комплексах с геральдическими поясами, пряжки, обычные и для предшествующих эпох, часто находят у ног, головы, в других местах, а с поясом соотносятся, как правило, более модные и крупные застежки. О вспомогательном значении рассматриваемых гапоновских пряжек свидетельствуют и их размеры, не только на фоне гапоновских накладок, но и в сравнении с геральдическими поясами обычных размеров. Наконец, в комплексе клада присутствуют два индивидуальных прорезных наконечника, вполне подходящие по всем параметрам для того, чтобы составить с интересующими нас пряжками пару – комплект на обувь или какие-то другие вспомогательные ремешки (см. так же раздел 2.5).

12. Обломки прессованных накладок

(***Кат.N 42***; рис.30:*6-15*)

Дошедшие до нас обломки слишком мелки, потому убедительная реконструкция форм накладок, которым они принадлежали, затруднительна (см. так же раздел 2.5).

2. Фибулы

1. Пальчатые фибулы

(***Кат.NN 21,23***; рис.24; 25:*2,3*;26:*49-51*)

Две пары пальчатых фибул из гапоновского клада относятся к ***днепровской подгруппе группы поствосточногерманских*** (по И.О.Гавритухину) или II подгруппе группы "славянских 7 века" (по Й.Вернеру). Эти подгруппы в упомянутых системах близки по составу, а разница заключается в оценках группы как целого, вычленении некоторых из включаемых в нее подгрупп, и иных позициях, в данном случае не имеющих значения. Ряд проблем, связанных с типологией интересующих нас вещей, рассмотрены в особой работе [Гавритухин, Приймак - в печати]. Для выделения серий в рамках подгруппы мы принимаем типологию Й.Вернера, основанную на рассмотрении стилей орнаментации изделий [Werner 1950].

Для изучения пальчатых фибул мы считаем важным по структуре формы вещей различать несколько типологических линий. Такой подход в принципе лежит в основе типологии Г.Кюна [Kuhn 1974; 1981 - там прочие ссылки], но его реализация в классическом трехтомнике и предшествующих работах этого ученого представляется нам слишком схематичной, хотя и полный пересмотр системы, очевидно, является делом не близкого будущего. Некоторые примеры см. [Bierbrauer 1989; Гавритухин 1994, с.32].

Для типологического анализа мы постарались привлечь как можно большее количество днепровских пальчатых фибул, используя опубликованные, архивные и подготавливаемые к введению в научный оборот источники. Наиболее представительными опубликованными подборками этих вещей до сих пор остаются статьи Й.Вернера и Б.А.Рыбакова [Werner 1950; Рыбаков 1953]. Новые своды по отдельным территориям существенно дополняют их: для Нижнего Подунавья – Дан Г. Теодора и У.Фидлера, для Крыма – А.И.Айбабина [Teodor 1992; Fiedler 1992; Айбабин 1990]. Исчерпывающий на начало 1970-х гг. каталог поднепровских находок и ряда аналогий содержится в упомянутой выше работе Г.Ф.Корзухиной. Известные нам находки из Среднего Поднепровья и с Днепровского Левобережья, связанные с конкретными памятниками, приведены в приложении 2 нашей книги, библиография кладов, в большей части которых есть пальчатые фибулы, есть во Введении, а их характеристика – в части 2.6. Среднедунайские находки рассмотрены в части 3.4, а нижнедунайские - в части 3.2. На Могилевщине хороший подбор этих изделий происходит с городища Никодимово [Седин 1992], статья о них находится в печати, а мы благодарим А.А.Седина за предоставленные фотографии. Ряд публикаций посвещен новым находкам [Петропавловский 1993; Шинаков 1995; Гавритухин, Приймак - в печати].

В соответствии с темой данной работы предлагаемые ниже материалы к типологии касаются пальчатых фибул днепровской подгруппы серий *А*, *В* и *С* (по Й.Вернеру).

Изделия ***типологической линии I*** характеризуются наличием прогиба между средним и ближним к дуге рядами декоративных отростков на пятиугольном щитке ножки, который часто подчеркивается рельефными дугами. Происхождение этих деталей А.К.Амброз совершенно справедливо связывал с далеко ушедшими от прототипов переработками мотивов склоненных звериных голов (см., например, рис.49:*17*) [Амброз 1993, с.179; в печати]. У образцов других типологических линий такой прогиб отсутствует, причем не из-за утраты в ходе переработок. Просто в эпоху становления восточногерманских (в основном готских и гепидских) рельефно украшенных пальчатых фибул ряд серий не испытал влияния указанного мотива (см., например, рис.49:*14-15*).

Типологическая линия II характеризуется пятиугольной (трапеция + треугольник), иногда

приближающейся к ромбу формой щитка ножки. Образцы днепровской подгруппы, в рамках данной линии, имеют три ряда небольших отростков округлой или треугольной формы. Ближайший к концу ножки ряд отростков иногда заменен перекладиной. Характер орнамента, встреченного на некоторых отростках указывает, что прототипы этих фибул имели небольшие круглые вставки (как на рис.49:*14-17*), на днепровских изделиях утраченные. Анализ всего многообразия пальчатых фибул, возможно, позволит более дифференцированно подойти к объединяемым в рамках линии II экземплярам (некоторые наблюдения см. ниже), но рассматриваемые здесь изделия днепровской подгруппы не дают однозначных оснований для этого.

В качестве особой ***типологической линии III*** мы выделяем фибулы, у которых ближние к концу щитка ножки отростки имеют 8-образную форму, восходящую к зооморфным мотивам (как на рис.49:*16*). Они соответствуют типу Аквилея по Г.Кюну.

При анализе фибулы из Малой Рыбицы И.О.Гавритухиным было показано, что крючковидная или, иногда, очевидно, производная от нее, кольцевидная форма и относительно крупные размеры ближайших к дужке отростков на ножке являются довольно значимыми признаками. Они позволяют ставить вопрос об отнесении ряда вещей к особой ***типологической линии*** [Гавритухин, Приймак - в печати], ***обозначаемой здесь номером IV***. Иные формы щитков ножки для рассматриваемой подгруппы фибул не характерны, что позволяет нам в данном случае ограничиться приведенным списком и перейти к рассмотрению типов, полученных при совмещении предложенных Й.Вернером и выбранных нами подразделений (они отражены в номенклатуре, например: тип I.A/B имеет признаки 1-ой типологической линии (I), орнамент из S-видных спиралей (A) и решетки (B); тип II/IV.C совмещает признаки 2-ой и 4-ой типологических линий (степень взаимовлияний не всегда может быть определена) и циркульный орнамент (C), но без мотива решетки и т.д.

Тип I.A. С определенной долей условности (ведь фибула сохранилась не полностью), сюда отнесена ножка из Пастырского (рис.49:*11*). Во всем ей близок и обломок центральной части ножки из Славы Русы.

Тип I.A/B (рис.49:*6*). Этот тип очень монолитен. Наибольшее разнообразие наблюдается в деталях оформления звериной головки на конце ножки. Места находок: Дудари, Журженцы, Мартыновка, Никодимово, Петрушки, Подболотье, Сахновка, Смородино, Суджа, Сыроватка, Трубчевск.

Тип I.B/C (рис.50:*15*). Очень близки экземплярам типа I.A/B по многим показателям. Места находок: Борки, Погребы, Россава, Штаасдорф, Черкасский уезд Киевской губернии, 2 экземпляра не локализуемые более точно в рамках Среднего Поднепровья.

Тип I.C. Этот тип включает как вещи с ритмично расставленными кружками, расположение которых воспроизводит образцы типа I.B/C (находки в Богодухово, Новой Одессе, на р.Чепель, рис.50:*5*; 75:*107*), так и экземпляры, на которых структура орнамента ножки создается рядами кружков, а характерные дуги на прогибе ножки окончательно утрачиваются (Суджа, Колосково, рис.50:*4,6*). Еще дальше в этом ряду стоят фибулы из Суук-Су, Новой Одессы (рис.50:*2,3*) и Смородино, а его завершение представлено находкой из Южного Тироля.

Тип I/II.A (рис.69:*37*). Пока представлен лишь экземпляром из Лучистого, скл.54, погр. 20 и близким ему обломком фибулы из Никодимова. Оформление дужки, пальцы в форме звериных морд и иные детали этих находок имеют близкие соответствия среди древностей гепидов, хотя точный аналог нам и не известен.

Тип I/II.B/C (рис.49:*4*; 67:*17*). Весьма монолитный тип. Интересно, что деталями оформления конца ножки, расположением решеток и размерами находка из Григоровки близка лучистинской (из скл.36, погр.14), а артекская – ножке из Пастырского.

Тип I/II.C представлен своеобразной парой экземпляров из Новой Одессы (рис.50:*11*). Очевидно, именно они фигурируют, например у Б.А.Рыбакова, как вещи неизвестного местонахождения из Харьковского музея [Рыбаков 1953, с.58, рис.9:9].

Тип II.A (рис.49:*9,10*; 67:*17*; 70:*4*). Представлен экземплярами из Букрина, Веремья, погр.14 из скл.36 Лучистого, погр.86 Суук-Су, скл.257 Эски-Кермена. Головной щиток фибулы, аналогичный экземплярам из Букрина и Эски-Кермена, найден в Черниговской губернии.

Тип II.B/C. Все известные экземпляры этого типа вместо ближнего к концу ряда отростков на щитке ножки имеют перекладину. Один вариант характеризуется наличием решетки на перекладине (рис.49:*3*), это экземпляры из Хмельны, Нижней Сыроватки, судя по мелкой фотографии, им близка и одна из варпалотских фибул (рис.76:*43*). У находок другого, очень типологически компактного варианта перекладина уже и решетка на ней не читается, зато маленькая решетка есть в центре ножки (рис.50:*13-14*). Такие изделия известны в погр.286 Данчен, погр.28 Суук-Су, погр.20 из скл.54 Лучистого.

Тип II.C. Довольно гетерогенен. По структуре орнаментации типу II.A близки образцы из Суук-Су и Эски-Кермена, к тому же найденные в тех же погребениях, что и их соответствия со спиральным орнаментом (рис.70:*5*), а также находка на Никодимовском городище. Чуть отличается структура орнаментации находок из Балаклеи и Козиевки (рис.50:*8*; 100:*1*), но показательно, что кружки здесь не раскладываются на пары, сопоставимые с S-видными спиралями. Нет прямых соответствий среди фибул с S-видным орнаментом и экземплярам из Хмельны, Гамарни, Чернина, Тропеума Трояни, Бэлтень (рис.50:*7,12*), схожих между собой и отчетливо выраженными округлыми отростками, но отличающихся друг от друга по иным признакам. Своеобразна и, возможно связана с фибулами иных типов находка в Царичинграде (рис.66:*7*). Образцы относительно малых размеров с почти не читающимися отростками у конца ножки известны в погр.154 Суук-Су, скл.38 погр.9 и скл.54 погр.13 Лучистого (рис.69:*7,44*). К характеризуемому типу, похоже, относится и экземпляр из Сахновки, известный по схематичному рисунку А.А.Спицына. Особо следует отметить

находки этого типа из Звонецкого, Колоберды, Пастырского, Екатеринославской губернии, Березовки (рис.101:*7*), украшенные большим количеством мелких кружочков, превращающихся иногда просто в ямочки.

Тип III.B/C. Для этой типологической линии характерна специфическая форма ближайших к краю отростков на ножке – они выполнены в виде голов птиц. У находок из Папы и скл.46 Лучистого, там, где этот признак читается лучше всего, голова зверя, завершающая ножку фибулы, имеет четко выраженную "лопатку", а признаки, указывающие на типологическую линию I и серию B (выраженность и подчеркнутость характерного прогиба, проработанность "решеток") как бы смазаны (рис.49:*9а*). Экземпляры с наиболее отчетливыми прогибами и выразительными решетками, найденные в Суук-Су вне комплекса, в погр.238 могильника Гатер, в кладах из Суджи и Трубчевска имеют менее отчетливую проработку птичьих и звериных голов на краю ножки (рис.49:*5*).

Тип III.C. Представлен лишь находкой из Нижней Сыроватки (рис.50:*16*).

Тип IV.A. Все экземпляры этого типа очень индивидуальны. Это, а так же немногочисленность образцов, затрудняет дифференциацию типа. В то же время все находки – из Гапонова, Трубчевска, Мужиново (рис.49:*1,7,8*) – выделяются на фоне прочих четкими, близкими ромбу очертаниями ножки.

Тип IV.B/C. Представлен лишь находкой из Мазепинец (рис.49:*2*). Характерный прогиб на ножке сближает его с представителями типологической линии I.

Тип IV.C. Часть экземпляров этого типа рассмотрены в специальной работе [Гавритухин, Приймак 1995/в печати]. К упомянутым там находкам из Малой Рыбицы, Углов, Мены, Колосково, Драксинь следует добавить и экземпляр из скл.36 Лучистого (рис.50:*1*; 69:*18*).

К серии A, без более детального определения, относятся фрагменты фибул из Берестянки, Григоровки, Черниговской губернии и две головки фибул из Венгрии. К серии C – экземпляр из Вутчань. К серии C или B/C – головки фибул из Протопоповки, Варпалоты (рис.76:*44*) и две находки из южной части Киевской губернии.

Показательно **картографирование** выделенных типов (рис.51). Очевидна концентрация фибул типологической линии I в Среднем Поднепровье. Причем, если тип I.A/B распространен достаточно широко, то находки типа I.B/C концентрируются в Поросье, лишь единично проникают на северо-восток – в низовья Десны и на Оку, а еще одна находка известна в Нижней Австрии, в зоне могильников Аварского каганата. Тип I.C характерен для востока Днепровского Левобережья, лишь отдельные экземпляры, производные, судя по типологическим наблюдениям, от находок основного ареала, попадают в Крым или Карпатскую котловину.

Фибулы типологической линии I/II показывают устойчивые взаимосвязи Южного Крыма с Правобережьем Среднего Днепра и Верхнем Поднепровьем; в глубине Днепровского Левобережья известна лишь очень своеобразная пара из Новой Одессы. Находки типа II.A имеют тот же ареал, что и типа I/II.B/C. Прочие образцы типологической линии II очень разнородны, хотя в этих рамках выделяются несколько "узких" вариантов, связанных с вполне отчетливой культурной средой или узлом культурных контактов. Вероятно, после специального рассмотрения, некоторые из них будут отнесены к особым типологическим линиям и даже иным подгруппам в рамках поствосточногерманской группы.

Фибулы типологической линии III встречены на востоке Днепровского Левобережья, в Крыму и Карпатской котловине. Без специального анализа трудно точно оценить их соотношение с иными сериями той же типологической линии (тип Аквилея по Г.Кюну): боспорских серий, серии Арчар и др., хотя образцы этих серий так же известны в Поднепровье, в Крыму, в Подунавье.

Находки фибул типологической линии IV, в основном, связаны с колочинским ареалом. Для его юго-запада характерен тип Мена (здесь это тип IV.C), что было отмечено в специальной работе [Гавритухин, Приймак - в печати]. Тип IV.A встречен в глубине колочинской территории. Эти, ставшие известными лишь недавно, находки подчеркивают своеобразие рассматриваемой типологической линии и позволяют оценивать ее как вполне самостоятельную, параллельную иным типологическим линиям, представленным в днепровской подгруппе, а не как производную, к чему мы склонялись ранее. Единственный представитель типа IV.B/C найден в пограничной зоне пражской культуры с пеньковскими памятниками. Это напоминает культурный контекст и своеобразного экземпляра типа IV.C из Драксинь, но для каких-то выводов этих материалов не достаточно.

Было бы заманчиво попробовать перевести предложенную типологическую сетку в эволюционные ряды, получив таким образом основания для относительной хронологии, однако, существующие комплексы не дают для этого оснований. Напротив, днепровские клады и крымские погребения показывают взаимовстречаемость фибул, которые априорно могли бы быть поставлены в весьма различные позиции теоретически возможных типологических рядов. Все это заставляет рассматривать пальчатые фибулы днепровской подгруппы как показатели ***одного*** достаточно кратковременного ***периода*** и в этом смысле – как одновременные. Вопрос же о прототипах и образцах для изучения предпосылок творческого всплеска, отраженного появлением этих фибул, связан с анализом образцов иных подгрупп, в кругу интересующих нас кладов не известных.

2. Широкопластинчатая подвязная фибула

(***Кат.N 22;*** рис.25:*1*; 51:*1*; 54)

Подобные изделия впервые выделил в особую серию Ю.В.Кухаренко [1959]. А.К.Амброз, опираясь на доступный ему материал, предложил считать их прототипами крымские подвязные пластинчатые застежки, а главное – впервые поставил днепровские находки в контекст развития пластинчатых провинциальновизантийских фибул [Амброз 1966, с.69]. Наиболее полно интересующие нас вещи рассмотрены Е.А.Горюновым и М.М.Казанским, которые не только ввели в науч-

ный оборот более обширный материал (ими было учтено вдвое больше находок, чем предшественниками) и включили их в круг "древностей антов", но и указали на местные прототипы, позволяющие говорить о связях с Балканами непосредственно, минуя гипотезу о "крымском опосредовании" [Горюнов, Казанский 1975].

Новый материал подтверждает большую часть этих наблюдений. Возражение вызывает лишь акцент на тюрко-болгарский элемент при рассмотрении дунайско – днепровских связей. Во всяком случае, в отношении фибул, поскольку тюркским культурам эта категория украшений чужда. Трудно согласиться и с оценкой места подвязных фибул в провинциальновизантийском контексте, основанной на стройной, но априорной типологической гипотезе Дж.Янковича. На факт широкого распространения подвязных, в том числе и пластинчатых, фибул в Подунавье и отсутствие оснований рассматривать их как результат деградации литых византийских, обратил внимание О.М.Приходнюк [Вакуленко, Приходнюк 1984, с.72], хотя высказанная им гипотеза о соотношении византийских литых и подвязных фибул представляется слишком схематичной (подробнее см.: [Гавритухин, Византийские... - в печати] и часть 3.2 нашей книги). Постоянно вводящийся в оборот новый материал (многочисленные публикации А.Хараламбиевой, С.Георгиевой, З.Вински, Дж.Янковича, Г. Дан Теодора, Ф.Курта, С.Уенце и др.) заставляет видеть в провинциальновизантийских подвязных фибулах обширный и весьма гетерогенный массив, к пониманию которого мы только теперь начинаем приближаться (см. часть 3.2 данной работы).

Для рассмотрения поднепровских раннесредневековых подвязных фибул важное значение имеют и новые находки, введенные в научный оборот публикацией Л.М.Рутковской и изданием Полтавского музея [Рутковская 1975; Памятники материальной..., с.36]. Доступный материал (рис.52:*17,25-27*; 53) позволяет предложить следующие наблюдения. Интересующие нас поднепровские фибулы распадаются на два класса: имеющие полное соответствие по всем элементам среди провинциальновизантийских экземпляров (импорты или местные изделия, свидетельствующие о непосредственных контактах – рис.52:*В*) и во многом близкую им, но своеобразную местную серию (рис.53). Ее наиболее показательный признак – шарнирное устройство пружинящего механизма. В рамках наиболее важной для нашей темы **днепровской серии двучленных прогнутых подвязных шарнирных фибул** выделяются следующие типы и варианты.

Тип 1. С относительно узкой спинкой (рис.53:*10-11*). При стилистическом сходстве, в рамках типа выделяются ***варианты 1а*** – с прямоугольной ножкой (о.Кизлевый) и ***1б*** – с трапецевидной ножкой (Звонецкое, Волошское). Вероятно, новые находки позволят сделать эти варианты более представительными, что даст возможность характеризовать их не на основе единичных фактов и, возможно, выделить иные подразделения.

Тип 2. С относительно широкой пластинчатой спинкой (собственно широкопластинчатые). Безусловно, особый ***вариант 2а*** составляют маленькие неукрашенные экземпляры из Кагамлыка и Градижска с ур. Пляж (рис.53:*12-13*). Прочие находки различаются между собой деталями орнаментации и размерами, однако сформулировать регулярность различий, позволяющую выделить варианты, пока не удается, потому все изделия, кроме образующих вариант 2а, отнесены к одному ***варианту 2б***. Это Гапоново, Новая Одесса, Колосково, Козиевка, Волошское и о. Кизлевый.

Картографирование (рис.54.Б) показывает, что наиболее своеобразный вариант 2б характерен для Днепровского Левобережья, Надпорожья и бассейна Северского Донца. Вариант 2а – узколокальный, встреченный в районе Кременчугского водохранилища. Экземпляры типа 1, концентрируются в Надпорожье, на самом востоке ареала лесостепных фибул провинциальновизантийских типов.

Различие типов 1 и 2 имеет соответствия и на Балканах (рис.52:*Б,В*; 64-66). Очевидное стилистическое сходство и, похоже, близость типологических тенденций в развитии днепровских и балканских подвязных фибул подчеркивают необходимость рассмотрения особенностей локальных серий. Как уже отмечалось, для днепровской серии характерно шарнирное устройство пружинящего механизма. Такая конструкция была очень распространена в римское время, например, по этому признаку отличаются римские Т-образные фибулы (Zweibelknopfibel) от варварских Т-образных (Bugelknopfibel) [см. Амброз 1966, табл.26]. Но в эпоху раннего средневековья картина совсем иная. Типичные для византийских провинций подвязные пластинчатые или литые фибулы снабжены для прижимания иглы к приемнику обычной пружиной, хотя шарнир остается в арсенале византийских ремесленников, судя например, по наличию шарнирных браслетов и иных украшений. Зато шарнирное устройство имеют фибулы ряда кавказских серий (их некоторые образцы см. на рис.52:*А*; 54:*А.2*; 79; 82:*5,88*; о них см. в ***части 3.5*** и *3.7*, ХИ-17,18).

Эволюция кавказских шарнирных фибул – тема, практически, не разработанная. Внимание на их своеобразие обращали Ф.Ханчар и А.К.Амброз [Hancar 1938; Амброз 1966, с.45-46, 75]. Причем, оба связывали шарнирную конструкцию с продолжением провинциальноримских традиций, отмечая гипотетичность этого положения из-за неясности всех звеньев предполагаемой цепочки преемственности, ведь указанные кавказские фибулы встречены в комплексах с геральдической ременной гарнитурой, а также вещами более позднего – предсалтовского и салтовского времени. Пожалуй, определенный свет на эту проблему проливают восточногрузинские материалы, обобщенные Н.И.Апхазавой. Речь идет о поздних, пластинчатых дериватах лучковых фибул. Некоторые из них (как на рис.52:*11-12*) имеют шарнирное устройство, могут рассматриваться как прототипы ряда более поздних кавказских изделий и датируются грузинским исследователем в рамках 5 и 6 столетий [Апхазава 1979]. Дата подтверждается абхазскими комплексами [Амброз 1971а, с.107-111], где фибулы имеют во многом схожие формы и тенденции развития.

Безусловно, всю полноту проблематики, связанной с кавказскими шарнирными фибулами,

восточногрузинские находки не исчерпывают. Остается неясным, почему на фибулах 7-9 вв. вновь получают распространение длинные трубочки для оси шарнира, площадки в районе головки, украшение комбинацией из трех кнопок и иные провинциальноримские черты, на кавказских фибулах 5 и 6 вв. пока не встреченные. Все это – особая тема, не имеющая прямого отношения к нашей, поскольку на днепровских вещах указанные признаки отсутствуют. А происходящая в Грузии приблизительно в эпоху распространения геральдических ременных гарнитур смена пластинчатых лучковых фибул прогнутыми и более широкий ареал таких фибул, включающий и некоторые районы Северного Кавказа, делает возможным сопоставление кавказских прогнутых пластинчатых шарнирных фибул (как на рис.54:*2*) с днепровскими. Но и здесь есть свои трудности.

Во-первых, указанные кавказские фибулы, строго говоря, не подвязные. Их подогнутый и расплющенный для удержания иглы приемник приклепывался к дужке, на которой имеется крестовидное расширение, как и на прототипах – крестовидных лучковых застежках. Во-вторых, стиль орнаментации днепровских экземпляров не типичен для кавказских, зато имеет близкие и многочисленные соответствия на византийских фибулах. В-третьих, хотя вещи типа 1 днепровской серии найдены вне комплексов, по стилистике они соответствуют византийским фибулам 6 века, во всяком случае, считать их более поздними, в сравнении с кавказскими прогнутыми пластинчатыми шарнирными, нет никаких оснований.

Для полноты картины следует остановиться и на других восточноевропейских пластинчатых шарнирных фибулах. И.Г.Розенфельдт предложила отнести к кругу днепровских широкопластинчатых две находки из бассейна Оки [Розенфельдт 1982, с.78-79]. В отношении фрагмента железной фибулы из Лужков (рис.54:*3*), следует отметить, что он вызывает, скорее, ассоциации с салтовскими (по происхождению – северокавказскими) фибулами, представительная коллекция которых известна, например, в расположенном неподалеку Дмитриевском могильнике [Плетнева 1989, с.112]. Обломок другой шарнирной фибулы происходит со Щербинского городища в Подмосковье (рис.54:*4*). При общестилистической близости днепровским, он отличается от них наличием трех вертикальных рельефных валиков на дужке, что сближает данный экземпляр, скорее, с балканскими находками (как на рис.52.Б). На днепровских же фибулах схожий визуальный эффект достигался гравировкой по гладкой кованой спинке.

Формально, к рассматриваемой днепровской серии должна относится одна из фибул погр.11 Дмитриевского могильника (рис.54:*1*). Однако, если рассматривать вопрос по сути, трудно определить, является ли она упрощенным подражанием иным застежкам этого же памятника [Плетнева 1989] или может служить основанием для постановки вопроса о локальным сохранении традиций более ранних днепровских пластинчатых фибул и включении их в новый культурный контекст. Наличие на безусловно в основе салтовском Дмитриевском могильнике инокультурных компонентов, в том числе и сопоставимых с пеньковской традицией – лишь косвенный аргумент. Потому мы оставляем вопрос об атрибуции рассматриваемой фибулы открытым, тем более, что она, не исключено, не подвязная.

Подведем *итог*. Рассматриваемый экземпляр из Гапоновского клада и его аналоги из других днепровских комплексов, принадлежат варианту 2б днепровской серии пластинчатых прогнутых подвязных фибул, распространенному между Днепром и Северским Донцом. Эта серия имеет ближайшие соответствия среди застежек, связанных с провинциальновизантийским культурным кругом или его традициями и может рассматриваться как их локальное ответвление. Формирование интересующего нас круга фибул фиксируется вариантом 1, находки которого сосредоточены в Надпорожье, где известны их вероятные прототипы – изделия провинциальновизантийских серий (рис.54.Б). Эволюция от варианта 1 ко 2-ому соответствует схожей тенденции типологического развития византийских фибул. Вариант 2а, имеющий компактный ареал на левобережье Кременчугского водохранилища, является локальной разновидностью в рамках той же днепровской серии. Ее особенность – шарнирное устройство довольно простой конструкции, в синхронных материалах имеет соответствия лишь на Кавказе. Но факты не позволяют говорить и о заимствовании или непосредственных контактах этих центров. Остается надеяться, что новые факты позволят определить недостающее звено, связывающее кавказские и днепровские изделия (см. так же часть 2.5). Если такие материалы не появятся, то учитывая отсутствие в Поднепровье шарнирных фибул, которые могли быть прототипом рассматриваемых, остается предполагать труднообъяснимое спонтанное возникновение одной из особенностей конструкции пластинчатых фибул Днепровского Левобережья.

3. Удила

(***Кат.N 49***; рис.32:*1*; аналогии рис.55,56)

Для определения места удил из Гапоновского клада в ряду элементов конского убора Восточной Европы второй половины I тыс.н.э. необходимо рассмотреть их по деталям, начиная с **удил, *имеющих на концах звеньев по два цельных кольца***, служащих для крепления псалия и кольца повода. Такая схема оформления концевой части удил имеет важное хронологическое значение.

Первым обратил внимание на эту деталь А.К.Амброз, указавший, что удила "с восьмёркообразными окончаниями" неизвестны в 5 в., но обычны в 7 в. [Амброз 1980, с.34]. В качестве примеров он приводит материалы первого аварского периода на Среднем Дунае, относящиеся к последней трети 6 или, в основном, к 7 в.; могильника Сахарная Головка в Крыму, а также комплексы более позднего хронологического горизонта (Глодосы, Вознесенка). Эту точку зрения развивает Н.А.Мажитов, считающий такие удила датирующими для погребений конца 6-7 вв. на Южном Урале [Мажитов 1993, с.126].

Необходимо отметить, что на Средней Оке подобные удила встречены вместе с геральдическими деталями поясной гарнитуры второй стилистической группы по А.И.Айбабину [Ахмедов 1995, с.93,97]. На Северном Кавказе такие удила, также, входят в состав инвентаря погребений с "развитой" геральдикой. Они известны, к примеру, в Кугульском западном склепе 3 и в катакомбе 119 Мокрой Балки (раскопки А.П.Рунича) [Амброз 1989, с.77; рис.23].

Находки аналогичных удил в таких комплексах, как Арцыбашевское погребение [Монгайт 1961], Вознесенский комплекс [Приходнюк 1980, рис.56], захоронениях 29 и 93 Аверинского II могильника деменковской стадии в Прикамье, датируемых монетами не ранее второй половины 7 в. [Голдина, Кананин 1989, с.85-86; рис.27; 60:1-3; 66], позволяют предполагать широкое их применение и позже.

С изделиями этого типа сосуществуют формы, подражающие двукольчатой схеме – удила ***с окончаниями звеньев в виде восьмёрки с несомкнутыми боковыми сторонами***. Они найдены, к примеру, в погребениях 3 Лебяжинского и 156 Бирского могильников [Амброз 1980, с.38], а также на Средней Оке (погр.131 Шартрищенского могильника, погр.299, 324, 384, 941 Шокшинского могильника) [Ахмедов 1995, с.93, 97] и в Армиевском могильнике в Посурье (п.57) [Рыков 1930, рис.126]. Несколько другим способом изготовлены удила из погребения 111 Безводнинского могильника, находившиеся в одном комплексе с бляхой, имеющей "крылатую" иглу и поясным набором, в состав которого входили геральдические бляшки прикамского происхождения и псевдопряжка [Краснов 1980, рис.37:1;42,53:3]. Здесь это достигнуто путём перекручивания кольца в восьмёрку.

Для нашего исследования наиболее важно определить нижнюю хронологическую границу бытования двукольчатых удил.

Вероятно, одним из наиболее ранних комплексов, содержащим удила этой формы, следует считать склеп 4 могильника Сахарная Головка. В состав уздечного набора, найденного в этом склепе, входили железные удила с бронзовыми окончаниями в виде большого кольца для псалия и маленького – для повода, **бронзовые псалии** с верхней частью в виде чуть изогнутого гофрированного стержня с четырнадцатигранной головкой, двумя отверстиями в средней части и нижней частью в виде неширокой лопасти (рис.55:2), а также пряжка и бляшки, штампованные из бронзового листа и обтянутые золотыми пластинками, инкрустированными вставками из зелёного стекла, соотносимые с группой II степных древностей по А.К.Амброзу [Борисова 1959, с.187-188; табл.II, рис.11].

Аналогичный псалий находился в составе инвентаря катакомбы 7(10) могильника Лермонтовская скала 2, однако удила, с которым он связан, снабжены лишь одним кольцом с двумя пластинчатыми зажимами овальной формы, в которое вставлено вместе с псалием и кольцо повода. В состав инвентаря этого комплекса входят также фиксаторы ремней оголовья, длинные пластинчатые зажимы, пряжки, наконечники ремней, бляшки, обтянутые золотой фольгой и, в отдельных случаях, имеющие вставки из альмандинов [Амброз 1989, с.37]. Необходимо отметить, что в этом же комплексе находились удила, снабжённые псалиями, в одном случае стержневидной формы с шишечкой на конце, в другом – со стержневидной загнутой частью и пластинчатой нижней. И в одном, и в другом случае псалии снабжены прямоугольной скобой, находившейся посередине, составляющей целое со стержнем псалия и служащей, с одной стороны, для крепления псалия в кольце удил, с другой – для крепления зажимов повода (рис.55:1). Подобные удила в цебельдинских могильниках датируются "в пределах 4-6 вв." [Воронов, Шенкао, 1982 рис.6:*15,20,30*; с.134-136]. А.К.Амброз делит инвентарь этой катакомбы на два хронологических этапа, датируя комплекс ранних вещей 5 в. [Амброз 1989, с.38] и соотнося позднее погребение в этом склепе со второй группой степных древностей [Амброз 1989, с.80], иначе говоря, с шиповским горизонтом. Необходимо отметить, что, несмотря на наличие различных типов псалий в составе удил, у них достаточно много общих черт. Удила и в том, и в другом случае однотипны, аналогичны и зажимы для крепления повода.

Учитывая близость комплексов из склепа 4 Сахарной Головки и катакомбы 7(10) Лермонтовской скалы 2, можно предположить, что двукольчатая схема появляется в процессе бытования второй группы степных древностей.

Удила и псалий, аналогичные находке из Сахарной Головки, известны, также, в материалах из Кумбулты, расположенной в Дигорском ущелье Северной Осетии (ГИМ, коллекция раскопок В.И.Долбежева 1888 г. – рис.55:*3*). Такой же псалий находится в коллекции Кабардино-Балкарского краеведческого музея (КБКМ, инв.813, N26 – рис.55:*4* – известен нам по рис. из архива

А.К.Амброза). В дальнейшем, верхний конец псалия получает более сильный изгиб, к примеру, в конском погребении 4 могильника Дюрсо (рис.55:*5*) [Дмитриев 1979, с.215; рис.3:*16*].

Псалии, описанные выше, являются, вероятно, ***типологически предшествующими*** псалиям гапоновских удил. Отличают их небольшие размеры (9,3-10 см), очень слабый изгиб и ребристость стержня в верхней части, изготовлены все они из бронзы. А.К.Амброз считает их связанными с комплексами 7 в. [Амброз 1990, с.77], однако выше отмечалось, что удила в катакомбе 10 могильника у Лермонтовской скалы имеют одинарное кольцо и должны быть более ранними, нежели удила из Сахарной Головки. Вероятно, процесс сложения этих удил относится к ранней стадии степной группы 2.

В пользу этого предположения свидетельствуют и находки, являющиеся ***средним звеном*** в схеме развития этого типа псалий: изготовленные из железа экземпляры из Ровного и Кернье. У псалия из Ровного сохранилась только нижняя раскованная часть, поэтому его достаточно трудно сравнивать с рассматриваемыми псалиями (рис. 55:*9*), однако для нас важно, что комплекс, в котором он найден, отнесён А.К.Амброзом ко второй группе степных древностей [Амброз 1981, с.14]. Псалии из погребений 129 и 139 могильника Кернье лишены утолщений на верхних концах, нижняя часть имеет небольшое расширение [Bott 1976, с.100, табл.22.]. В комплексах встречены вещи раннеаварского периода [Гавритухин 1990, с.125, рис.1], в частности, стремена с пластинчатым ушком, удила же имеют по одному кольцу на концах, что подтверждает их типологически более раннюю позицию по отношению к гапоновскому набору.

Набор из катакомбы 4(14) могильника Лермонтовская скала 2 иллюстрирует ***следующий этап*** эволюции этой же схемы (рис.55:*6*). Здесь удила имеют по два кольца на концах, в то же время в составе набора присутствует псалий, близкий изделиям из раннего комплекса катакомбы 7(10) этого же могильника. Наличие в этом комплексе стремени не позволяет относить его ко времени ранее 7 в. [Амброз 1981, с.14].

Представляется, что удила из Гапоновского клада являются ***дальнейшим развитием*** описанной схемы. Экземпляры, сходные с гапоновскими как по форме удил, так и по виду псалий, достаточно широко известны в Восточной Европе. Наиболее близкие аналогии происходят из помещения 1 крепости Цибилиум (рис.55:*8*) [Воронов, Шенкао 1982, рис.6:*1*; Гунба 1983, рис.52:*1*], в периболе которой также найден псалий, подобный гапоновскому (рис.55:*7*) [Воронов, Бгажба 1985, рис.96], из погребений лошадей 8 могильника Дюрсо (рис.55:*10*) [Дмитриев 1979, рис.2:10], погребения 57 Армиевского могильника (рис.55:11 – раскопки П.Рыкова), погребения 941 Шокшинского могильника (рис.55:*12* – раскопки В.Н.Шитова).

Наибольшее значение для атрибуции удил из Гапоновского клада имеют изделия из могильников Дюрсо и Шокшинского. В конском погребении 3 удила находились в комплексе с костяной подпружной пряжкой [Дмитриев 1979, с.214, рис.2:*4,10*], которые по мнению А.К.Амброза пока не известны в объектах "старше 7 в." [Амброз 1989, с.77]. В погребении 941 Шокшинского могильника аналогичные удила и псалии обнаружены вместе с геральдическим набором, элементы которого имеют аналогии среди кавказских материалов 7 в., в частности, в Кугульском западном склепе 3, в Мокрой Балке (погр.100, раскопки А.П.Рунича, погр.4, раскопки В.Б.Ковалевской) [Амброз 1989, рис.23.26] и застёжкой-сюльгамой, датируемой по В.И.Вихляеву серединой – второй половиной 7 в. [Вихляев 1977, с.17].

Несколько сложнее обстоит дело с удилами из помещения 1 Цибилиума. Авторы публикации датируют слой, с которым связаны удила, 550 г., в то же время указывая, что подобные изделия "широко распространены во второй половине 6 – начале 8 в." [Воронов, Шенкао 1982, с.136], однако приведённые авторами примеры из Сахарной Головки и аварских памятников Бачьюфалу и Кернье не являются полными аналогами гапоновскому набору.

При **картографировании** рассмотренных наборов выясняется, что большинство прототипов и аналогов удил из Гапоновского клада локализуется на Северном Кавказе (рис.56). За пределами этого района и близлежащих территорий, встречены лишь отдельные находки, причём в наборах, происходящих с окраин лесостепи (Шокша, Армиево) применены удила с окончаниями в виде несомкнутой восьмёрки, что очевидно отражает влияние степной моды на двукольчатые удила.

Учитывая всё вышеизложенное, возникновение данного сочетания удил и псалий следует датировать ***не ранее начала 7 в.***

4. Бусы

(***Кат. NN 62-101***; рис.23:*1-12*; 34а; 34б; 34в)

Общее количество бус в Гапоновском кладе составляет 88 экземпляров. В основном, это стеклянные бусы – 66 экземпляров, есть также янтарные – 12 экземпляров и коралловые – 10 экземпляров.

Использованные ниже термины и условные обозначения метрических параметров бус объяснены в ***части 1.2.5***, где дано описание этих изделий.

1. Стеклянные бусы

Для рассмотрения стеклянных бус использовалась технологическая классификация способов изготовления стеклянных изделий, разработанная З.А.Львовой. В дальнейшем употребляется технологическая терминология, предложенная в ее работах [Львова 1979, с.90-103; Львова 1980, с.75-84]. Морфологическое описание бус основывается на классификации Ю.Л.Щаповой [Щапова 1989,

с.120]. Таким образом, выделяются 3 **технологические группы** по основному способу изготовления бус:

А. - бусы, изготовленные ***из тянутой трубочки.***

Б. - бусы, изготовленные посредством ***сварки.***

В. - бусы, изготовленные ***из тянутой палочки.***

Кроме разделения по технологическим признакам,бусы сгруппированы по **особенностям производственного процесса,** как это предложено в классификации Н.А.Школьниковой [Школьникова 1978]. Бусы разделяются на три группы:

1 - сделанные ***серийно***;

2 - сделанные ***индивидуально*** (таковые в Гапоновском кладе отсутствуют);

3 сделанные ***при совместном использовании серийных и индивидуальных приемов.***

Описание **размеров** бус производилось по метрической шкале, разработанной Ю.Каллмером [Callmer 1977, с.230]. В ней имеются следующие градации: микро-бусы, средние, макро-бусы, гиганты, каждая из которых делится затем на более дробные: мелкие, средние и большие. В рассматриваемой коллекции, в основном, присутствуют ***мелкие*** (бисер) и ***средние*** бусы, относящиеся к группе ***микробус***, а также ***мелкие*** бусы – из группы ***средних***.

А. *Бусы,изготовленные из тянутой трубочки (Кат. NN 68-90*; рис.34а:*10-32*; 34б:*1-7*)

В эту технологическую группу вошли мелкие бусы округлой шаровидной и округлой цилиндрической формы из серо-зеленого полупрозрачного стекла (Д = 5,5-6 мм; ***Кат. NN 69-73***; рис.34а:*11-15;* 34б:*1-2*), бисер округлой цилиндрической и округлой шаровидной формы из черного непрозрачного стекла и серо-зеленого или серо-желтого полупрозрачного стекла (Д = 3-4 мм; ***Кат. NN 74-90***; рис.34а:*16-32*; 34б:*3-6*), а также одна бусина округлая цилиндрическая строенная из черного непрозрачного стекла (Д = 9-9,5 мм; ***Кат. N68***; рис.34а:*10*; 34б:*7*).

Среди бисера встречаются сдвоенные и строенные формы с так называемыми "шейками"-перемычками (***Кат. NN 80-82,89,90***; рис.34а:*22-24,31,32*; 34б:*6*). Такие глубинные перемычки на цилиндрической трубочке-заготовке делались с помощью формовочных щипцов. Рабочей поверхностью щипцов мастер сжимал цилиндрическую трубочку-заготовку по диаметру и превращал ее в многочастную (строенную или сдвоенную) бусину. Для того, чтобы избежать затягивания канала, в него, в некоторых случаях, вставлялся инструмент, или канал заготовки заполняли, как считает **И.И.Кондратьев**, каким-либо сыпучим, химически инертным, неплавким, легко удаляемым веществом [Кондратьев 1988, с.29]. Подобный прием используется в современном стекольном производстве при обработке стеклянного бисера [Качалов 1957, с.108-109]. И в первом и во втором случае канал оставался цилиндрическим. Если дополнительные средства не использовались, то форма канала у бус, обработанных щипцами, изменялась – она становилась расширенной.

Среди гапоновских бус имеется десять экземпляров бисера из черного непрозрачного стекла с "шейками"-перемычками и с расширенным каналом (***Кат. NN 84-85***; рис.34а:*26,27*; 34б:*3*). По всей видимости, эти изделия формовались щипцами и в канал заготовки инструмент не был вставлен. Вероятно, разрезаны эти бусы были также щипцами. Хотя чаще всего разрезание производилось ножом или стекольными ножницами произвольно или по поверхностным перемычкам, которые были нанесены предварительно на трубочку-заготовку щипцами. Практически все мелкие одночастные бусы были отформованы щипцами (с "шейками"-перемычками) и лишь шесть экземпляров бисера были изготовлены путем членения цилиндрической трубочки-заготовки стекольными ножницами.

Следует отметить, что бисер изготовлен, по всей видимости, в одной мастерской и, возможно, даже одним мастером. На это указывает целый ряд признаков: бисер имеет одинаковую форму, размеры и цвет стекла постоянны, применяется одна и та же технологическая схема.

Стеклянные бусы и бисер из тянутых трубочек сделаны серийно. Они были продукцией специализированного массового производства в течение долгого времени и, поэтому, область их распространения очень широка. Действительно, подобные мелкие бусы и бисер известны в скифских захоронениях I в.н.э. в Крыму [Яценко 1978, с.67-73] и на памятниках Прикамья 5-9 вв. [Голдина, Кананин 1978, с.70). С рубежа новой эры в Северном Причерноморье наблюдается массовое распространение стеклянных мелких бус и бисера, изготовленных из трубочек, и, по мнению Е.М.Алексеевой, большинство наборов бус к середине 3 в.н.э. составлялось из одноцветных стеклянных бусин, размеры которых становились все мельче [Алексеева 1978, с.62). Известно, что подобные стеклянные одноцветные мелкие бусы и бисер, изготовленные из трубочек, были очень широко распространены и в средние века.

Б. *Бусы, изготовленные посредством сварки (Кат. NN 62-64*; рис.34а:*4-6*; 34в:*1-3*)

В эту технологическую группу включены три бусины округлой шаровидной формы, относящиеся по предложенной метрической шкале к мелким бусам группы средних (Д = 9-11,5 мм).

Для изготовления первой бусины (***Кат. N62***; рис.34а:*4*; 34в:*1*) применялись заготовки-полуфабрикаты в виде многоцветных (желто-зеленых и красно-желто-синих) полупрозрачных тянутых палочек с глазчатым декором и бесцветной с красными включениями полупрозрачной тянутой палочки. Затем от этих заготовок были отрезаны фрагменты, которые и пошли на изготовление непосредственно самой бусины. Таким образом, было использовано 4 фрагмента, отрезанных от двух полихромных тянутых палочек и 2 фрагмента – от одной одноцветной палочки. Все эти фрагменты в определенном порядке были сварены, и сварка, по всей видимости, производилась на инструменте. Сохранились сквозные сварочные конструктивные швы на бусине. Затем мастер обкатал бусину на неподвижной плоскости. Обкатка произведена была в разных направлениях, поэтому бусина приобрела округлую шаровидную форму.

Вторая бусина (***Кат. N63***; рис.34а:*5*; 34в:*2*) была также изготовлена посредством сварки красных непрозрачных и бесцветных полупрозрачных тянутых кусочков-полуфабрикатов. Сварка производилась, вероятно, также на инструменте. По всей видимости, конический канал рассматриваемой бусины соответствует форме того инструмента, который был применен для этой операции. На бусине сохранились сквозные сварочные швы. Обкатка была произведена также в разных направлениях.

Для изготовления третьей бусины. (***Кат. N64***; рис.34а:*6*; 34в:*3*) из этой технологической группы была также проведена подготовительная работа. Были заготовлены фрагменты-полуфабрикаты: для ядра бусины – из синего полупрозрачного стекла и для оформления края бусины – из красного непрозрачного стекла. Причем, одна красная полоса была предварительно сварена и затем этот полуфабрикат был обернут вокруг инструмента. Сохранились сквозные конструктивные швы этих двух операций. Вторая красная полоса – накладная, ею оформлен противоположный край уже готового изделия. Затем была произведена обкатка в разных направлениях и уже на готовую бусину был наложен декор в виде двух полихромных "глазков". После чего произведена еще одна обкатка. "Глазки", в свою очередь, были изготовлены путем сварки зеленого прозрачного и глухого красного и желтого стекла. Возможно, вторая полоса и "глазки" накладывались одновременно и бусина, в таком случае, обкатывалась только один раз.

Как мы видим, эта группа бус представляет собой сложные изделия и изготовлены они были сочетанием серийных и индивидуальных приемов обработки. Заготовки-полуфабрикаты были сделаны, вероятней всего, серийными способами, а потом каждая бусина доделывалась индивидуально. Следует отметить, что работа с такими бусами является наиболее сложной. Она требовала от мастера совершенного владения техникой своего ремесла, а также специальных знаний о свойствах стекла различного состава и умения сваривать такое стекло.

В. *Бусы, изготовленные из тянутой палочки*

(***Кат. NN 65-67***; рис.34а:*7-9*; 34в:*4-5*)

В эту технологическую группу вошли три граненые призматические бусины с квадратным сечением и со срезанными вершинами, относящиеся по шкале Ю.Каллмера к мелким бусам из группы средних (Д = 9-9,5 мм).

Две бусины (из синего прозрачного стекла и черного непрозрачного стекла — ***Кат. NN 65,67***; рис.34а:*7,9*; 34в:*4*) были изготовлены следующим образом: от тянутой палочки стекольным ножом был отрезан фрагмент. В нем было проколото отверстие, затем наложен декор в виде четырех полихромных "глазков". "Глазки", в свою очередь, были изготовлены из тянутой палочки, но только уже полихромной. Бусина с декором была подвергнута поверхностному прессованию, в результате чего бусы приобрели граненую форму.

Одна из этих бусин (***Кат. N65***; рис.43а:*7*; 34в:*4*) интересна тем, что имеет три насечки у края канала (глубина надпила – 0,2 мм). С эпохи эллинизма подобными надпилами-насечками отмечалось место будущего канала на каменных бусах. Такой надпил был неглубоким – 0,2-0,3 мм. Причем, по мнению Г.Г.Лемлейна, несмотря на разнообразные формы каменных бус, принадлежность к одной производственной традиции определяется именно этим признаком – надпилом, который является подготовительной операцией перед сверлением. Если надпил имелся с одной стороны, то это свидетельствовало об одностороннем сверлении [Лемлейн 1947, с.29-30].

Третья бусина (сине-зеленого прозрачного стекла – ***Кат. N66*** рис.34а:*8*; 34в:*5*) из этой технологической группы также была изготовлена из тянутой палочки, но отрезок тянутой палочки не прокололи как в предыдущем случае, а обернули вокруг инстумента – сохранился сквозной продольный шов. Последующие операции обработки были такие же как и у двух вышеописанных бус: не вынимая инструмента мастер наложил желто-сине-красные "глазки", затем декорированная бусина была подвергнута поверхностному прессованию, в результате чего на изделии образовались симметрично расположенные грани с плоскими накладным "глазками".

Бусы этой технологической группы были сделаны путем сочетания индивидуальных и серийных приемов обработки изделия. Для их изготовления были использованы заготовки-палочки, сделанные серийно. Но непосредственно сами бусины были изготовлены с применением индивидуальных приемов обработки. Аналогичные призматические бусы из синего полупрозрачного стекла и из черного глухого стекла с плоскими накладными сине-желто-красными "глазками" встречены в коллекциях северо-кавказских памятников: из могильника Мокрая Балка кат.67 (ККМ, раскопки А.П.Рунича 1970 г.) и кат.115 (СГКМ, инв.N16896), из могильника Эшкакон погр.6 (СГКМ, инв.N16900), из могильника у аула Новая Джагута (ГКЧМ, инв N3485)[1].

2. Коралловые бусы

(***Кат. NN 97-101***; рис.34а:*33-37*; 34б:*12-13*)

Коралловые бусы-пронизки представлены округлой цилиндрической, иногда изогнутой (Н = 5-6,5 мм) и плоской эллипсоидной формой (Н = 5-5,5 мм), также иногда изогнутой. Бусы изготовлены из желто-розовых с сероватым оттенком кораллов.

Кораллы являются известковыми скелетами морских бесповозвоночных полипов, которые распространены в тропических морях [Бурцев, Гуськова 1978, с.29]. Вероятно, форма "гапоновских" коралловых бус определяется естественной формой исходного коралла, подвергнутого незначительной доработке. Так как твердость коралла незначительна – 3,5 (по шкале Мооса), а плотность его составляет 2,65-0,05 г/см3 [Банк 1979, с.137-138], то дополнительная обработка не была трудоемкой. Вполне возможно, что в коралловых цилиндриках имелись естественные каналы, но и не исключена возможность их доработки. Каналы просверлены параллельно волокнистой структуре коралла. Окончательное придание формы производилось шлифовкой. Коралловые бусы такого

цвета и качества по всей видимости были не очень дорогими [Бурцев, Гуськова 1992, с.29].

Удлиненные цилиндрические коралловые бусы-пронизки, или как их называет Е. М. Алексеева "подвески из просверленных веточек кораллов", аналогичные "гапоновским" коралловым бусам встречаются в Северном Причерноморье. Датируется этот тип концом I в.н.э. – первой половиной 3 в.н.э., и до 4 в.н.э. (включительно) коралловые поделки продолжают встречаться на памятниках Северного Причерноморья [Алексеева 1982, с.27,30,96; табл.43:*29,30,40,48*]. Подобные коралловые бусы известны в могильниках 7-9 вв. на Северном Кавказе [Деопик 1961, с.211; рис.2].

3. Янтарные бусы

(***Кат. NN 91-96***; рис.23:*1-12;* 34б:*8-11*)

Известно, что янтарь – это высокомолекулярное соединение органических кислот. Термин "янтарь" считается собирательным для целого ряда ископаемых смол. Характерным представителем этого ряда является сукцинит. Именно с ним обычно отождествляется высококачественный янтарь и добывается он в Балтийско-Днепровской провинции янтаросодержащих месторождений [Сребродольский 1984, с.61].

В рассматриваемом комплексе бусы из оранжево-красного темного янтаря представлены следующими **формами**:

1. Граненая призматическая в сечении неправильный четырехугольник со скругленными ребрами и с фаской у канала (***Кат. N91***; рис.23:*1*; 34б:*8*);
2. Граненая призматическая с треугольным сечением со скругленными ребрами (***Кат. NN 92,93***; рис.23:*2-8*; 34б:*9*);
3. Плоская кольцевидная со скругленными ребрами и с фаской у канала (***Кат. N94***; рис.23:*9*; 34б:*10*);
4. Плоская эллипсоидная со скругленными ребрами (***Кат. NN 95-96***; рис.23:*10-12*; 34б:*11*).

Размеры бус очень разнообразны (Д = 5,5-18,5 мм).

Изготовление янтарных бус, вероятно, складывалось из следующих **операций**:

1. Обдирка янтаря от коричневой окисленной корки - "горбушки". В настоящее время такую обдирку на комбинатах проводят с помощью специального ножа с искривленным лезвием [Сребродольский 1984, с.90].
2. Обточка заготовки до нужной формы.
3. Шлифование. Современные мастера-янтарщики такую операцию часто называют грубой шлифовкой и проводят ее с помощью абразивного станка. Вручную шлифование проводят на куске толстого стекла, меняя абразивные порошки (от грубых до тонких) [Никитин 1979, с.72]
4. Сверление или прожигание канала раскаленным инструментом.
5. Полировка. В настоящее время эту операцию производят на бязевом круге, натертом специальной пастой из янтарной стружки, парафина и мела или полируют изделия вручную быстрыми круговыми движениями на куске толстого войлока, смоченного полировальной суспензией [Сребродольский 1984, с.90; Никитин 1979, с.72].

Для получения граней требуется дополнительная обработка бусин. Современные мастера-янтарщики наносят грани на вращающуюся бусину с помощью стальной, заточенной с конца палочки, а затем полируют изделие мягким войлочным вращающимся кругом [Сребродольский 1984, с.91]. Можно предположить, что грани на янтарных бусах из Гапоновского клада были получены таким или приблизительно таким образом. Причем, те бусы, которые имеют скругленные ребра, вероятно, были подвергнуты более интенсивной полировке.

К сожалению, не известно, какими точно инструментами пользовались древние мастера-янтарщики. Р.Л.Розенфельдт предположил следующий вероятный набор инструментов: небольшая безразводная пилка, напильник с мелкой насечкой, нож, лучковое сверло и набор приспособлений для полировки изделий [Розенфельдт 1978, с.200]. Для изготовления в янтарных изделиях отверстия достаточно большого диаметра, по мнению Р.Л.Розенфельда, древние мастера могли использовать специальные сверла с крыльями – перки [Розенфельдт 1978, с.200]. Вполне возможно, что именно с помощью такого инструмента были сделаны каналы диаметрами 5 и 4 мм у плоской кольцевидной бусины с фаской и у граненой призматической также с фаской (***Кат. NN 94,91***; рис.23:*1,9*; 34б:*8,10*).

Уже в I в.н.э., как пишет об этом Плиний, римляне знали искусственный способ окрашивания янтаря в красный цвет [Плиний Секунд 1819, с.325-336]. Р.Л.Розенфельдт описал технологию, которая применялась в древнерусских мастерских для того, чтобы получить янтарь, сходный по цвету с сердоликом. Желтый янтарь прокаливали в глиняных горшках с песком [Розенфельдт 1978, с.198]. В результате изменялся не только цвет янтаря, но и его структура – янтарь становился трещиноватым, менее устойчивым и часто покрывался белесой коркой. Учитывая оранжево-красный темный цвет янтаря, а также плохую его сохранность (в структуре имеются мелкие частые трещинки), можно предположить, что янтарные бусы из Гапоновского клада были все-таки подвергнуты дополнительной обработке, в том числе, возможно, и термической.

Янтарные бусы, совпадающие с гапоновскими по ряду признаков, встречены нами в коллекциях северокавказских памятниках. Так бусы из темного оранжево-красного янтаря граненой призматической формы с треугольным сечением и со скругленными ребрами, то есть соответсвующие 2-й форме гапоновских янтарных бус известны в могильнике Эшкакон погр.6 (СГКМ, инв.N16900), в могильнике Ясли кат.3 и могильнике Мокрая Балка кат.52,29,25,69,47 (ККМ инв.NN 2544, 5053, 5118, 1919). Бусы из подобного янтаря плоской эллипсоидной формы со скругленными ребрами и, следовательно, соответствующие 4-й форме гапоновских янтарных бус встречены в комплексах: Эшкакон, погр.6; Мокрая Балка кат.114,115 (СГКМ инв.NN 16900, 16896) Мокрая Балка кат.25,29,69,47,18 (ККМ инв.NN 1919, 5118).

По данным Е. М. Алексеевой янтарные бусы неправильной формы с различными пропорциональными характеристиками, имеющие в сече-

нии неправильный прямоугольник, треугольник, иногда уплощенные, кольцевидные, то есть, по-видимому, аналогичные всем четырем формам бус из Гапоновского клада, являются самыми распространенными среди янтарных украшений в Северном Причерноморье в 1-2 вв.н.э., а отдельные экземпляры еще встречаются в 4 в.н.э. [Алексеева 1978, с.25-26; табл.24:*31-44*]. Судя по описанию и рисункам, сходные янтарные кольцевидные (дисковидные) бусы были известны в Верхнем Прикамье в погребениях харинского этапа ломоватовской культуры, датирующегося 5-6 вв. [Голдина, Кананин 1989, с.73; рис.62:189; 63:189]. Именно для 5-6 вв. в Верхнем Прикамье характерно преобладание янтарных кольцевидных (дисковидных) бус, в 7 в. они уже отсутствовали [Голдина,Королёва 1983, с.65]. Подобные экземпляры встречены на Кавказе и в Прикубанье [Деопик 1959, с.49]. Граненые призматические янтарные бусы встречаются в коллекциях с памятников 7-9 вв. Юго-восточной Европы [Деопик 1961, с.211, рис.2]. В.Б.Ковалевская отмечает, что ожерелье 6-7 вв. из крымских могильников по составу каменных бус схожи с ожерельями из погребений могильников Черноморского побережья Кавказа этого же времени. Для них характерно резкое преобладание янтарных бус в отличии от восточных северокавказских и закавказских могильников [Деопик 1961, с.210].

Е. М. Алексеева считает, что племена, населявшие Прибалтику, не только торговали янтарем в виде сырья, но и вполне могли сами изготавливать янтарные изделия. Именно к таким изделиям, по ее мнению, можно отнести бусы неправильной формы, сделанные из слегка обработанной янтарной гальки [Алексеева 1978, с.21]. Судя по технике изготовления и набору форм "гапоновские" янтарные бусы также могли быть изготовлены в каких-либо местных мастерских. Однако, определить в каких именно мастерских (прибалтийских или приднепровских) они были сделаны, можно только зная происхождение янтаря, для чего требуется специальный химический анализ.

Выводы

Исследование бус из Гапоновского клада позволяет сделать некоторые выводы. По сумме морфологических и технологических признаков можно предположить, что стеклянные бусы из этого комплекса являются **продукцией** ближневосточного производства. Бусы, изготовленные из тянутой трубочки, вероятнее всего, происходят из Сирии [Щапова 1978, с.100]. Бусы из непрозрачного стекла, изготовленные из тянутых палочек, делались, скорее всего, в Египте [Щапова 1978, с.99]. Кроме бусины, соответствующей этой характеристике египетских мастерских (***Кат. N67***), в Гапоновском кладе присутствуют и экземпляры, изготовленные по схожей технологической схеме, но с одновременным использованием прозрачных и непрозрачных полуфабрикатов (***Кат. NN 65,66***), кроме того, в исследуемой коллекции есть бусы, изготовленные сваркой из непрозрачных, полупрозрачных и прозрачных заготовок в разной комбинации (***Кат. NN 62-64***). Не исключено, что производство таких бус следует связывать с какими-то особыми центрами в Восточном Средиземноморье.

Коралловые бусы, вероятно, привозились с западного побережья Средиземного моря [Бурцев, Гуськова 1992, с.29].

Среди приведенных выше аналогий бусам из Гапоновского клада наиболее достоверны сравнения с материалами из могильников Кисловодской котловины и Карачаево-Черкессии, обработанными в оригинале по той же программе, что и гапоновские бусы (см. ***часть 1.2.5*** нашей книги). Пока лишь эти материалы мы можем использовать для достоверной **синхронизации**.

Близкие соответствия бусам из Гапоново имеют три типа бус, известных по изученным северокавказским коллекциям.

Янтарные гранненые призматические бусы треугольного сечения (***Кат. NN 92,93***) встречены в катакомбах Мокрой Балки, датируемых по керамике в рамках периодов IIб (кат.25), IIIа (кат.29), IIIб (кат.52,114) этого памятника по разработкам В.Ю.Малашева (см. ***приложение 1*** к нашей книге). Такие же бусы есть и в кат.3 могильника Ясли (неопубликованные раскопки С.Н.Савенко, которого мы благодарим за возможность ознакомиться с материалом) соотносимой с периодом II Мокрой Балки по сочетанию фибул и другому инвентарю (определение И.О.Гавритухина).

Янтарные плоские эллипсоидные бусы со скругленным ребром (***Кат. NN 95,96***) встреченны в комплексах тех же периодов Мокрой Балки (кат.25,29,114). Кроме того, они есть на этом же памятнике в кат.69, вместе с нашивными бляшками, типичными для погребений периода III, и в кат.47, где сочетание пряжки, серьги и фибулы указывает на аналоги в не самых ранних комплексах периода III (определения И.О.Гавритухина).

Полное соответствие по морфологическим и технологическим признакам граненой призматической стеклянной бусине из Гапоновского клада (***Кат. N 65***) известна в кат.115 Мокрой Балки, где есть и ременная гарнитура, типичная для периода IIIб этого памятника (определение И.О.Гавритухина).

Таким образом, мы видим, что наибольшее число аналогий бусам, найденным в Гапоново, относится к периоду III Мокрой Балки (по периодизации В.Ю.Малашева). Поскольку доступная нам выборка довольно ограничена, мы не можем полностью исключать из предполагаемых хронологических рамок и период II (или его часть). Прочие доступные материалы не противоречат таким датам.

Изложенные в части 3.7 данной книги наблюдения над синхронизацией периодов Мокрой Балки с иными древностями позволяют считать, что набор бус, встреченный в Гапоновском кладе, бытовал на Северо-западном Кавказе в середине – второй половине 7 в. Впрочем, вполне вероятно, что по мере накопления материала границы этой даты будут несколько расширены.

---

[1] *Здесь и далее идут ссылки на бусы из северо-кавказских могильников "Мокрая балка", "Эшкакон", "Ясли", "Новая Джагута", обработанные автором в оригинале по коллекциям Кисловодского краеведческого музея (ККМ), Ставропольского Государственного краеведческого музея (СНКМ) и Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (ГКЧМ). Приносим благодарность администрации названных музеев и особенно И.В. Отютцкому, М.О.Байчоровой, С.Н.Савенко, Е.И.Зайцевой, оказавших большую помощь в работе с музейными коллекциями.*

5. Комплектность клада и реконструкция гарнитур

В области распространения днепровских кладов, подобных гапоновскому, погребения по обряду ингумации, содержащие вещи, близкие найденным в кладах, единичны, полноценная документация о расположении в них находок скудна (особенно это касается графической и фотографической фиксации), а ассортимент найденных в этих могилах предметов значительно уступает наборам из кладов (характеристику ингумаций см. в ***части 4.4.1***). Почти все клады были обнаружены не специалистами и их комплектность в большинстве случаев не достоверна, а в ряде комплексов утраты несомненны [Корзухина - в печати; Щеглова 1990, с.167]. По этой причине основным источником любых реконструкций убора, для которого предназначались вещи из кладов, как и основанием суждений об их назначении, являются аналогии с других территорий, что заставляет рассматривать такие наблюдения лишь как более или менее правдоподобные гипотезы.

С определенной долей условности вещи гапоновского и близких ему кладов традиционно делятся на несколько групп. Отдельно рассматриваются детали ременных гарнитур, характеризуемые чаще всего как "мужские" и "поясные". К "женским" украшениям относятся фибулы, различные подвески и пронизки, гривны, браслеты, бусы и так или иначе связываемые с ними другие вещи. Лом и иные заготовки сырья, а также прочие атрибуты ювелирного дела, очевидно, стоит рассматривать отдельно от предметов, предназначенных для ношения. Редкие находки оружия и конского снаряжения выделяют особо или присоединяют к "мужскому" набору. Наконец, практически все исследователи предусматривают более или менее обширную группу не атрибутируемых вещей. В большинстве случаев мы придерживаемся приведенной рубрикации (хотя все ее отделы, конечно же, гипотетичны) не только из уважения к историографической традиции и нежелания без особых на то оснований ее ломать или переиначивать, но и признавая ее удобство, а также потому, что в целом, она отражает наиболее употребительные функции упомянутых вещей в эпоху переселения народов и раннего средневековья.

В реконструкции поднепровского **женского убора** первоочередное место, очевидно, принадлежит южнокрымским погребениям, содержащим предметы и их комплекты, близкие, иногда тождественные, днепровским. Особенно важны раскопки **А.И.Айбабина** в Лучистом, где расположение вещей тщательно зафиксировано in situ. К сожалению, результаты этих работ пока лишь очень фрагментарно введены в научный оборот (литературу см. в ***части 3.3*** нашей книги).

Доступные нам материалы свидетельствуют, что **пальчатые фибулы** днепровской подгруппы, так же, как местные, в Крыму носили парами, пружиной вниз, скрепляя какую-то одежду на плечах (рис.58:а). Такой обычай очень типичен для восточногерманских народов (различных групп готов, гепидов и др.). Иногда в рамках той же традиции пара пластинчатых фибул дополнялась еще одной застежкой, принадлежащей другой группе. В ***части 2.2.1***, рассматривая типы и стили днепровских фибул, мы пришли к выводу, что в основе их формирования (как и многих крымских серий) лежат восточногерманские традиции. Учитывая сказанное, приведенное на рис.57 расположение фибул представляется нам наиболее приемлимым. Соответственно, застежки гапоновского клада мы относим к ***двум комплектам***, один включает пару пальчатых и подвязную фибулу, второй ограничивается парой пальчатых. Хотя случаи ношения двух непарных фибул довольно многочисленны (например, в Крыму), для восточногерманских традиций типичен именно набор из двух одинаковых застежек. Отметим, что в днепровских кладах парные фибулы обычны.

Зафиксированный в южнокрымских погребениях **нагрудный убор** (как на рис.58:*а*), включающий умбоновидные, очковидные, трапецевидные и другие подвески, трубочки и т.д., для культуры типа Суук-Су не типичен. Мы разделяем неоднократно высказывавшееся мнение о его днепровском происхождении, при этом не видим оснований считать его показателем инфильтрации, например, аланского населения [Айбабин 1990, с.71-72].

Близкий днепровскому состав украшений (рис.58:*л,м*) неплохо представлен в относительно поздних погребениях могильников Мазурского поозерья [Кулаков 1989]. Эти аналогии нельзя считать однозначно более ранними или поздними по отношению к днепровским.

В древностях Среднего Подунавья близки днепровским серебряные ***умбоновидные подвески*** с трапецевидной нижней частью из погр.18 могильника Печь-Кёзтемето [Kiss 1977, рис.XXXV] и набор подвесок из Черкута [Kiss 1977, рис.II:2]. Подунавские образцы (указанные или как на рис.58:*б*) редки, чужды местным культурам и не могут рассматриваться в качестве наиболее ранних. Н.Феттих, впервые обративший внимание на сходство подвесок из аварских могильников и днепровских кладов, вообще был склонен считать венгерские находки славянскими по происхождению [Fettich 1972]. Следует, однако, отметить, что при общности типов, дунайские вещи принадлежат вариантам, отличающимся от днепровских и крымских как размерами, так и рядом деталей. Таким образом, достаточных оснований предполагать прямое заимствование днепровского набора на запад или наоборот, нет.

Приведенные аналоги поднепровским подвескам,как правило, указывают на их связь с нагрудными украшениями. Единственный случай, когда умбоновидные подвески интерпретировались в качестве височных колец связан с раннесредневековым некрополем Херсонеса [Якобсон 1959, с.280, рис.144:*1*], но и в тут речь идет, повидимому, о небольших гривнах с подвесками.

На ряде упомянутых выше памятников зафиксировано, что подвески, аналогичные днепровским, соединялись цепочкой или шнуром, на который нанизывались ***трубочки*** или ***спирали***, встреченные и в днепровских кладах. Здесь уместно отметить, что умбоновидные подвески общим

обликом напоминают известные в могильниках аварского круга пластинчатые подвески с вставкой по центру или без нее (как на рис.58:в,г). В серии специальных работ Э.Гарам убедительно показано, что такие ожерелья связаны с влиянием византийских образцов [Garam 1991a; там литература]. Сложные нагрудные украшения являлись неотъемлимой частью византийского престижного женского убора, восходящего к традициям эллинистического Востока и получившего в интересующее нас время широкое распространение (рис.58:и; кроме работ Э.Гарам см. так же [Kiss 1984]).

Безусловно, сложные украшения груди имеют и собственно варварскую традицию. Для нашей темы уместно будет, например, вспомнить комплекты украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей [Корзухина 1978; Гороховский 1988; там литература]. Но в Поднепровье и на других территориях черняховской культуры и в зонах ее влияния, гарнитуры с многочисленными металлическими подвесками и гривнами, к 4 в.н.э. пропадают. Возрождение моды на сложные металлические украшения груди в раннесредневековое время у населения Поднепровья и некоторых иных территорий, очевидно, не обошлось без прямого или опосредованного византийского влияния.

Распространяющийся у варваров убор воспроизводил не только структуру престижных образцов, но и форму некоторых составлявших их вещей. Кроме умбоновидных подвесок в этом ракурсе, вероятно, следует рассматривать и некоторые пластинчатые подвески иных форм, например трехрогие (как рис.59:6,8, ср. византийскую подвеску из Глодос [Сміленко 1965, табл.IV], и подвески, лежавшие в районе груди и пояса из погр.D48 Циллингталя [Daim 1990, с.299-300]).

Что касается ***трапецевидных, очковидных*** и некоторых других деталей ожрелья, чуждых престижным прототипам, то они, очевидно, представляют собой сохранившиеся в лесной зоне Восточной Европы местные образцы, включенные в новую гарнитуру. Показательно, что, в основном, именно "лесные" вещи создают впечатление близости мазурских и днепровских наборов. Здесь стоит отметить, что умбоновидные подвески в мазурских комплексах очень редки и не встречаются вместе с трапецевидными подвесками. Очевидно, внешне похожие изделия на Днепре и в Мазурском поозерье относятся к разным культурным очагам, а сходство рассматриваемых вещей обусловлено не столько активным взаимодействием населения (хотя отдельные примеры этого вполне достоверны), сколько близостью среды прототипов украшений лесной зоны Восточной Европы и ориентацией на престижные образцы одного круга. Аналогичный вывод о соотношении поднепровских и прибалтийских культур получен и при анализе фибул [Гавритухин 1991].

Связь наборов из днепровских кладов с миром "лесных" культур востока Европы фиксируется не только упомянутыми вещами. Анализ ременных гарнитур и фибул свидетельствует об активных контактах жителей Поднепровья с населением бассейнов Оки, Суры и соседних территорий (см. ***части 2.2 и 2.3.*** данной книги). В специальных исследованиях В.М.Горюновой показана связь с традициями культур северо-востока Европы известных в днепровских кладах мелких нашивных бляшек, ремесленных технологий с использованием свинцово-оловянистых сплавов и т.д. [Горюнова 1992; там прочая литература]. Все это заставляет, кроме довольно очевидных южных и западных аналогов днепровским уборам, более внимательно рассмотреть и северные.

К сожалению, возможности этого весьма ограничены. На огромной территории между Прибалтикой и Поочьем в интересующее нас время отсутствуют могильники с ингумациями. Материалы могильников середины – третьей четверти I тыс. юго-восточной Прибалтики и правобережных притоков Волги введены в научный оборот очень фрагментарно, много спорного в вопросах их хронологии. По этим причинам вместо систематического анализа мы ограничимся лишь некоторыми примерами и обобщенными оценками.

Прежде всего бросается в глаза, что ряд элементов, относимых по крымским и дунайским аналогам к ожерелью (трубочки, спиральки, трапецевидные и прочие пластинчатые подвески, колокольчики и т.д.), материалы северо-востока Европы позволяют связывать и с **головным убором** (рис.58:*д,е,ж,к*). Кстати, маленькие трапецевидные подвески, за единичными исключениями (рис.58:*б*), находят в районе черепа и в большинстве известных на Среднем Дунае погребений, где такие вещи встречены [Гавритухин, Маленькие... - в печати]. Пик расцвета сложных головных наборов, включающих различные детали из металлических пластин, приходится, в основном, на конец I тыс.н.э., и охватывает огромную территорию от Латвии и Литвы до Правобережья Средней Волги.

Истоки и прототипы этой моды значительно более древние и отнюдь не узколокальные. Поэтому не исключено, что по крайней мере некоторые из встреченных в днепровских кладах вещей могли быть связаны с убором головы. В частности, это относится к бронзовым подвескам (***Кат.N 19*** и ***20*** (рис.23:*23,24*). Они принадлежат к широко распространенным в финноугорских позднедьяковских и раннесредневековых памятниках Поочья типам ***конических прорезных*** (по другой терминологии – колокольчатых) и ***пирамидальных четырехгранных с выступами привесок*** [Розенфельд 1982, с.16-25; Краснов 1980, с.46,181-182; Дьяковская... 1974, с.46-51 и др.]. В ряде погребений Безводнинского могильника (погр.29,134,150,159) пирамидальные четырехгранные подвески с выступами использовались как в накосниках из шнуров, украшенных пронизками, обоймами и ярусами подвесок, так и в качестве элементов ожерелья [Краснов 1980, с.46]. Конические прорезные привески использовались в качестве составляющих сложных длинных шумящих украшений (клад с Троицкого городища), но могли нанизываться на ремешки и шнуры любого назначения.

Для оценки вероятности функционального определения рассматриваемых предметов следует учесть и то, что хотя обычай сложного головного убранства, включающего многочисленные детали из неорганических материалов, в третьей четверти I тыс. не представлен на Дунае, в Крыму, на Кавказе, в Приуралье, он имеет древние стойкие традиции, связанные с рядом цивилизаций от

Средиземноморья до Средней Азии (рис.58:*и*). Образцы, например, серег или височных украшений с обильными привесками проникали и в культуры западногерманского круга (рис.58:*з*). Диадемы и колты входили в сложные головные украшения женщин, характерные для культур восточноевропейских кочевников 5 - 6 вв. [Засецкая 1994, с.50-63]. Все это свидетельствует, что уборы головы, насыщенные металлическими деталями, для раннего средневековья нельзя рассматривать как нечто экзотическое или в качестве признака культурной "периферийности".

Длинные металлические полоски (Кат.N I) при рассмотрении вещей из кладов традиционно трактуются как "лобные венчики" или "диадемы". Это - весьма характерная составляющая днепровских кладов, зафиксированная в Мартыновском, Колосковском, Хацковском (по описанию), Козиевском и Новоодесском кладах. Наиболее близки гапоновским находки из Козиевки, где на обеих найденных серебряных лентах зафиксирована сходная в стилистическом и технологическом плане орнаментация закрученных окончаний лент гравировкой и выпуклыми окружностями. Принимая недавнее напоминание Л.Пекарской о гипотетичности функциональной детализации металлических полос из днепровских кладов [Pekarskaja, Kidd 1994, с.84, N 96], мы все же считаем наиболее приемлимым рассмотрение этих вещей в качестве головных венчиков. Во-первых, таким образом мы можем поставить эти предметы в достаточно представительный и не вызывающий особых неясностей ряд раннесредневековых вещей [Засецкая 1994, с.50-58]. Во-вторых, размеры сохранившихся полностью изделий из Гапоново и Мартыновки довольно стандартны, что, наверное, продиктовано функцией предметов (особенно показательна длина, соответствующая длине окружности головы или головного убора: 50-60 см, при ширине 3-5 см). Наконец, в-третьих, мы можем привести пример находки аналогичного изделия in situ в могильнике Циллингталь, где серебряный венчик с тисненым орнаментом был обнаружен на черепе погребенной (комплекс D48, среднеаварский период II), кстати, в сочетании с серебряными трехрогими привесками, упрощенные аналогии которым мы встречаем все в той же Козиевке - рис.59:*8* [Daim 1990, с.290-292,299-303; рис.17-18].

Наличие двух диадем, сопоставимых с двумя комплектами фибул, делает маловероятным присутствие в гапоновском кладе еще одного убора, связанного с наборным головным венчиком или шапочкой (как на рис.58:*е,ж,к*). Это, в свою очередь, свидетельствует в пользу отнесения гапоновских трубочек и спиралек к деталям ожерелья. Колокольчики, очковидные и трапецевидные подвески не связаны с диадемами непосредственно. Лишь с учетом реконструкций мордовского костюма Р.Ф.Ворониной и еще более далеких примеров нельзя исключить, что указанные детали могли бы крепиться на длинные веревочки, к покрывалу волос или к волосам непосредственно [Воронина 1974].

Некоторые или все изделия со спиралевидными концами часто интерпретируют как височные подвески или "кольца". Вероятно, это связано с традиционным со времен А.А.Спицына вниманием славистов к этой категории украшений. Определение ***очковидных подвесок*** как височных колец представляется нам маловероятным. Довольно полный и обстоятельный обзор восточноевропейских украшений этого типа сделан А.А.Егорейченко, к сожалению почти не затрагивавшего вопрос о функциях этих вещей [Егорейченко 1991]. Если обратиться к могильникам с ингумациями, близким по времени днепровским кладам, то следует признать, что в большинстве случаев очковидные украшения являлись частью ожерелий (Ярославль 2 - рис.58:*б*; Печь-Кёстемето, погр.23 [Kiss 1977, рис.XXXVI] - Венгрия; Лучистое, скл.54, погр.16 [Айбабин 1990, с.71; рис.19:*7*] - Крым и др.). Исключение находим лишь в рязано-окских могильниках [Древности мордовского..., с.96, к табл. XIX.*6.5*], но известные там образцы серьезно отличаются от днепровских размерами, количеством витков и т.д. Наблюдение А.А.Егорейченко о принадлежности раннесредневековых очковидных подвесок Поочья и Поднепровья различным традициям представляется нам вполне обоснованным и заставляет для определения функций днепровских образцов учитывать прежде всего южные и западные аналоги.

Рассматривая вопрос о прототипах днепровских очковидных подвесок, А.А.Егорейченко предложил считать таковыми кавказские находки [Егорейченко 1991, с.178]. Нам представляется этот тезис интересным и в настоящее время наиболее аргументированным с типологической точки зрения; остановимся лишь на некоторых уточнениях. Круг кавказских прототипов следует ограничить абхазскими украшениями (именно на них и ссылается А.А.Егорейченко). Известные нам образцы с Северного Кавказа и из Восточной Грузии существенно иные (например - рис.79:*60*), поэтому привлекать северокавказские вещи для рассмотрения контактов, в рамках которых произошло предполагаемое заимствование очковидных подвесок, неправомерно.

Абхазия является наиболее географически близкой Поднепровью областью, где по крайней мере с 6-го в. была распространена шарнирная конструкция раннесредневековых фибул (как у подвязных днепровских застежек, см. ***часть 2.2.2***). Иных соответствий, связывающих Поднепровье именно с цебельдинской культурой нам не известно. При рассмотрении шарнирных фибул из Поднепровья нами было отмечено, что их кавказские аналоги принадлежат другим типам, заметим, что абхазские находки еще больше отличаются от днепровских, чем северокавказские. В цебельдинских погребениях очковидные подвески встречаются по одному, реже по два-три экземпляра и связаны они именно с фибулами. В поднепровских комплексах количество подвесок иное и связь их с застежками более чем проблематична. Таким образом, предположение о прямом заимствовании цебельдинского или какого-то иного кавказского убора в Поднепровье пока не имеет убедительных аргументов.

Излишне категорично и противопоставление А.А.Егорейченко очковидных подвесок из кладов более ранним поднепровским. Возможно, связывающие их типологические звенья 5-6 вв. еще не найдены или не выделены (отметим, что наход-

ки украшений на пеньковских и колочинских памятниках редки из-за особенностей последних). Предложенное выше сопоставление комплектов нагрудных украшений днепровских и мазурских типов свидетельствует, скорее, в пользу связи очковидных подвесок с кругом "лесных" культур. Слабая изученность особенностей их уборов не позволяет полностью исключить и возможность использования некоторых очковидных подвесок для украшения головы. Подводя итог отметим, что "северная" точка зрения на генезис украшений с очковидными подвесками из кладов во многом гипотетична, а потому "цебельдинская" гипотеза А.А.Егорейченко остается в силе, тем более, что вероятны решения, не исключающие оба предположения. До появления новых фактов и исследований этот вопрос остается открытым.

Аргументами в пользу атрибуции ***С-видных изделий со спиралью на конце*** (***Кат.NN 6,7***) в качестве височных подвесок являются размеры и форма (трудно представить эти вещи в качестве каких-то других деталей убора), а также их вероятная генетическая связь с северянскими височными кольцами. Хотя материалов, однозначно подтверждающих или опровергающих такую точку зрения нам неизвестно, она должна быть принята, как в настоящее время наиболее вероятная.

Можно предположить использование в качестве височных колец и несомкнутых ***браслетообразных обручей*** (***Кат.NN 3-5***), что предложено О.А.Щегловой (рис.59:1). Их диаметр сопоставим с размерами С-видных изделий и они довольно многочисленны (в гапоновском кладе – 10 штук). Впрочем вероятно, что по крайней мере часть их могла носиться, как гривны.

Бусы и бисер входили, скорее свего, в ожерелье, хотя использование, например, бисера для нашивки на какие-то детали одежды, вполне возможно. Не исключено и использование отдельных бус, как подвесок.

Особо следует остановиться на тех категориях украшений, которые в кладе не представлены. Это **серьги, перстни и браслеты**. Для памятников эпохи великого переселения народов от Литвы до Поочья серьги не характерны. В то же время, в более поздних и более южных культурах они являются одним из излюбленных украшений. Среди гапоновских материалов на роль серьги с очень большой долей допущения могло бы претендовать колечко, один конец которого заострен (***Кат.N 24***). Но даже если это так, убор из гапоновского и близких ему кладов следует отнести к кругу культур, для которых серьги не типичны. Это касается и перстней. В поднепровских кладах нам не известно ни одного несомненного образца этой категории украшений.

Нет в Гапоновском кладе и вещей, строго атрибутируемых как браслеты. В других представительных днепровских кладах предметы этой категории нередко довольно многочисленны. Мы не знаем, случайно ли отсутствие браслетов в Гапоновском кладе.

Еще одна аналогия напрашивается в связи с погр.20 скл.54 Лучистинского могильника. Бронзовые колокольчики на обрывках цепочки, крепившейся к фибулам, были обнаружены в области грудной клетки и ниже вплоть до кистей рук на плохо сохранившемся детском скелете (рис.58:1), а под плечевыми костями находились трапецевидные подвески. В восточных районах Полтавщины на Левобережье Днепра длинная, до 1 м, бронзовая цепь с колокольчиками и трапецевидными подвесками была найдена случайно [Корзухина в печати, табл.74:*3*]. Обстоятельства находки, при которых вещь могла подвергнуться переделке, не позволяют однозначно судить о ее первоначальном виде и функциях. Однако сочетание трапецевидных подвесок, колокольчиков и иногда цепочек, отмеченное в Суджанском, Козиевском, Новоодесском и, наконец, в Гапоновском кладах не случайно и позволяет предполагать наличие украшения, подобного **декоративным цепям** из Полтавской губернии и Лучистого (рис.59:6, в Козиевском кладе колокольчики найдены отдельно от цепи с подвесками, что не дало основания включить их в конкретную реконструкцию).

Реконструкция женских уборов по материалам Гапоновского клада, основанная на приведенных наблюдениях, дана на рис.57. Мы не исключаем использования некоторых вещей (например, гривен и др.) мужчинами.

Оценивая убор в целом, отметим, что в нем присутствуют элементы восточногерманской традиции. Структура ожерелья и некоторые его детали принадлежат кругу варварских переработок скорее всего византийских образцов. Некоторые детали убора связаны с традициями "лесных" культур Восточной Европы, хотя выделить и охарактеризовать эти компоненты с желаемой степенью конкретности пока трудно. Нельзя исключить воздействие на отраженный в кладе убор и иных традиций (кавказских, степных), но эти влияния не фиксируются однозначно и связаны с отдельными типами или деталями вещей.

Гапоновский убор не уникален и вполне сопоставим с материалами других днепровских раннесредневековых кладов (см., например, рис.59 и ***часть 2.8***). Местное производство рассмотренных украшений не вызывает особых сомнений. Специфичны для зоны кладов и некоторые типы вещей. Характерным только для поднепровских кладов следует признать и своеобразное сочетание указанных культурных компонентов. Таким образом, при всей широте и многообразии связей и влияний, представленный в кладах женский убор несомненно является показателем оригинальной местной культуры.

Выделить приоритеты аналогий в реконструкции **ременных гарнитур** довольно сложно. Да и наши знания об этом круге изделий нельзя признать достаточно отчетливыми. Лучше других, пожалуй, изучены аварские и некоторые типы приуральских раннесредневековых поясов. Мы вынуждены часто опираться именно на эти материалы, хотя не в этих культурах концентрируются наиболее близкие и многочисленные соответствия деталям гарнитуры, встреченным в Поднепровье (см. ***часть 2.1***).

Определенные возможности для реконструкций дает сопоставление между собой деталей ременных наборов, найденных в гапоновском и иных кладах, поскольку гарнитуры, как правило,

составляли из стилистически близких элементов и в наборе часто использовались накладки повторяющихся форм. Это иногда позволяет с достаточной степенью вероятности выделить блоки элементов, относящихся к одной гарнитуре и оперировать при реконструкции ими, а не отдельными вещами.

Отнесение к одному блоку гапоновских ***крупной пряжки, обоймы, щитовидной накладки и наконечника***, украшенных вставками, аргументирована нами в ***части 2.1.5***. Их взаимное размещение и один из вариантов завертывания конца ремня представлены на рис.60:*Е*. В следующий блок (рис.60:*А*) входят ***псевдопряжки***. То, что подвижная часть псевдопряжек свешивается за пределы пояса, имеет подтверждение в сделанных Р.Д.Голдиной и Н.В.Водолаго реконструкциях агафоновских поясов (рис.88:*Б.4*). Аналогично располагаются псевдопряжки, например, при реконструкции пояса из Бочи (рис.60:*В*), а находка близкого комплекса в кунбабоньском погребении [Toht, Horvat 1992] этому не противоречит. То, что на поясах из Кернье псевдопряжки не выходят за пределы кожаной подкладки [Salamon, Erdelyi 1971, с.43, рис.3:*7,16*] объяснимо, вероятно, тем, что там найдены не собственно псевдопряжки, а их прессованные имитации. Хотя наблюдения Д.Чалланя о том, что аварские пояса, как правило, шире накладок на них и пряжек [Csallany 1962, с.456,458], заслуживают внимания.

Блок 3 (рис.60:*Е*) включает ***двучастные накладки*** с прямыми боками, к нему же относятся стилистически и технологически близкие ***3-образные и рогатая Т-образная накладки***. Двучастные накладки, как правило, считают располагавшимися на местах крепления дополнительных ремней к основному. Часто это так, но не обязательно. Двучастные накладки могут использоваться и без дополнительных ремней, которые, в свою очередь могут крепиться при участии накладок иных типов или вообще без них (см. рис.60:*Б,В.Г,Д*; 88:*Б*; [Csallany 1962, с.469]). Недавний обзор материалов для изучения функций и способов ношения Т-образных накладок принадлежит Ч.Балинту [Balint 1992, с.381-384]. Следует согласиться, что они связаны с подвесными дополнительными ремнями, а зафиксированное в Таш-тюбе положение перекладиной вверх (рис.60;*Д*) является скорее исключением, чем правилом [Balint 1992, с.383-384]. Размеры Т-образной и 3-образных накладок делают наиболее вероятной их реконструкцию в качестве деталей оформления подвесного ремешка, который крепился к поясу с помощью двучастной накладки с прямыми боками. Прочие такие же двучастные накладки по материалам клада с креплением дополнительных ремней мы связывать не можем.

В основу блока 4 (рис.60:*А*) нами выделены ***четыре горизонтальносимметричные накладки***. На основе метрической, стилистической и технологической близости им мы предлагаем рассматривать ***Т-образную накладку*** с пламеневидной пластиной, как завершение подвесного ремешка, крепившегося к основному ремню горизонтальносимметричной накладкой. Другой такой же ремешок мог завершаться одним из ***малых прорезных наконечников***. Достоверно известно, что тюркские азиатские и прикамские пояса имели подвески из веревочек, как функционального, так и декоративного назначения (как рис.88:*Б.2,4*; [Степи..., рис.17:*5*; 22:*1*] и др.). Возможно, таковыми же снабжались иные пояса, в том числе поднепровские. В Гапоновском кладе к одной из горизонтальносимметричных накладок и малому прорезному наконечнику прикреплены колечки, удобные для подвязывания веревочки. В качестве материала для размышлений, мы предлагаем гипотетическую реконструкцию одной из возможных веревочных подвесок, завершающихся декоративной кистью. Кроме предметов, вроде представленных на рисунке 60:*А*, веревочка могла оформляться, например, колокольчиком или ворворками (о них см. ниже).

К **блоку 5** отнесены накладки и наконечники, выполненные в технике прессовки (рис.60:*Ж*). Форма накладок достоверно не востановима. Варьирование длины полосок металла, предназначенных для крепления прессованных накладок к ремням, позволяет считать, что среди накладок, кроме нескольких относительно невысоких, были и многочисленные довольно длинные. Вырезы на некоторых обломках позволяют думать, что часть накладок были двучастными, возможно, некоторые из них покрывали места крепления дополнительных ремешков, заканчивающихся наконечниками, которых в кладе 3 штуки. К сожалению, сохранность прессованных накладок такова, что более детальное представление о форме и назначении этих вещей мы получить не смогли.

В Гапоновском кладе есть две **маленькие пряжки**, которым можно подобрать соответствующие по размеру **ременные наконечники** (рис.60:*З*). Спектр вероятных функций этих гипотетичных наборов довольно широк, начиная от крепления оружия к одному из поясов (это вероятно, несмотря на то, что оружие в кладе отсутствует – см. ниже) , и кончая принадлежностью особой гарнитуре, не связанной с другими находками из клада.

Особняком на фоне прочих изделий стоят **пластинчатый наконечник "коробочкой"** и отдельные пластины (***каталог NN 63, 64***). Последние к кругу "мужских" вещей, а тем более ременной гарнитуре, относятся предположительно.

Выделив блоки вещей из клада, которые, по нашему мнению, относятся или могут относится к ременным наборам, можно остановиться на реконструкции гарнитур подробнее.

В ставшей классической работе Д.Чалланя предложено выделять три типа поясных ремней: связанные с нижней одеждой или штанами; приспособленные для ношения оружия, прежде всего, меча; престижно-парадные [Csallany 1962]. Известно также применение ремней с геральдическими накладками в конструкции обуви (например Кушнаренково, Уч-тепе, Сегвар Оромдюло и др.) или конской упряжи (Кудырге и др.). Наборные ремни, в том числе и пояса, использовались как мужчинами, так и — женщинами, но последними реже. Лишь реконструкция гарнитур может помочь понять назначение ремней, от которых в кладе сохранились детали.

Технологически, да и стилистически, детали гарнитур делятся на две группы. Одна вклю-

чает блок 5, вторая – блоки 1-4. Число и характер деталей первой группы вполне позволяет сделать предположение об их принадлежности одному ансамблю. Вероятная ширина ремней допускает, что они могли быть обувными, уздечными (напомним, что в Гапоновском кладе есть удила), портупейными или принадлежать особому поясу, причем указанные возможности не взаимоисключаются. Вторая группа деталей дает больше оснований для реконструкций.

Во-первых, блоки гарнитур 1-4 связаны с довольно широкими ремнями, что делает наиболее вероятной трактовку последних как поясных. Во-вторых, большое число накладок, сопоставимых с широкими ремнями (10 псевдопряжек, 6 двучастных накладок с прямыми боками и 4 горизонтальносимметричные накладки) делает маловероятным утверждение, что пояс был один. Об этом говорит и наличие двух очень разных Т-образных накладок, ведь они чаще употреблялись по одной на пояс. Если же на поясе Т-образных накладок встречалось больше, то во всех известных нам случаях они были одинаковыми или стилистически близкими. В-третьих, стилистическая и технологическая близость деталей блоков 1-4 позволяет предположить, что гарнитуры, в которые они входили, образовывали комплект, сопоставимый, например, с наборами из богатых аварских погребений (как на рис.60:В.Г), изображениями на сасанидских блюдах, среднеазиатских фресках и т.д.. Наконец, крупные размеры деталей, входящих в блоки 1-4, позволяют соотносить их именно с престижными поясами, что дает дополнительное подтверждение третьему тезису и позволяет привлекать материалы аристократических могил для воссоздания структуры гапоновского поясного комплекта. В целом же, сказанное позволяет, по нашему мнению, считать наиболее вероятной реконструкцию гарнитур, состоящих из деталей блоков 1-4, как принадлежащих **комплекту из престижно-парадного и оружейного поясов.**

С этой точкой зрения, кажется, не согласуется наличие в кладе лишь одной крупной пряжки. Заметим, что пряжки часто отсутствуют на поясах раннеаварских могил, наблюдается такая картина и в комплексах более позднего времени. Начиная по крайней мере с Д.Ласло, исследователи соотносят этот факт с вероятными погребальными ритуалами [Kovrig 1963, с.105]. Подобное объяснение для гапоновского клада неприемлимо, поскольку ничто не свидетельствует о его связи с погребением. Для интерпретации таких фактов следует учесть длительную и устойчивую на Востоке традицию ношения поясов, завязывавшихся без пряжки (некоторые иллюстрации см. [Brohby-Johnsen 1968, с.77-80], на многих памятниках из Пальмиры и т.д.). В середине и второй половине I тыс.н.э. подобный обычай зафиксирован, например, на многочисленных в Центральной Азии памятниках буддийского искусства, на ряде сасанидских блюд [Тревер, Луконин 1987, с.24,58,272], у глиняных фигурок и на изображениях из гробницы китайской принцессы Юн-тай [Ausstellung... 1974, часть XXVII, там литература] и т.д. Отметим, что указанные завязывающиеся пояса являются по преимуществу престижно-парадными, даже ритуальными; у оружейных поясов, изображенных на тех же памятниках, система крепления иная. То, что завязывающиеся пояса довольно часто встречаются у женщин, возможно, объясняется большей консервативностью их одежды. По нашему мнению, нельзя исключать вероятность влияния указанной традиции не только на некоторые аварские комплекты поясов, но и на более широкий круг вещей, включающий и днепровские.

Рассматривая соотношение блоков 1-4, мы опирались на следующие наблюдения. Поскольку Т-образная накладка представлена в блоке 3, блок 4 с Т-образной накладкой другой формы и подвесками, крепящимися горизонтальносимметричными накладками, следует соединить с блоком 2. Вместе они образуют гарнитуру **престижного пояса** (рис.60:*А*), который, возможно, завязывался, ему же, наверное, соответсвует и крупный наконечник коробочкой (он мог использоваться и без пряжки). Оставшиеся блоки 1, 3 и наборы с маленькими пряжками, следует, по-видимому, объединить в гарнитуру **оружейного пояса** (рис.60:*Б*). Возможно, одна-две накладки блока 3 использовались в престижном поясе, а одна или несколько псевдопряжек украшали оружейный. В пользу такой атрибуции свидетельствует комплекс из Хацков, где обойма одной псевдопряжки сделана в том же стиле, что и большинство двучастных накладок с прямыми боками, а одна двучастная накладка, отличная от прочих, могла включаться в гарнитуру с псевдопряжками.

Реконструкция гарнитур и проделанный в *части 2.1* анализ их деталей позволяет считать, что гапоновские пояса принадлежат локальному, поднепровскому, кругу ремней с геральдическими накладками и псевдопряжками. Наиболее заметно воздействие на днепровские изделия византийских стилей и наборов, причем это влияние было не только опосредованным, но, вероятно, и непосредственным. Предположения о восточных компонентах днепровских гарнитур кажутся нам, при всей гипотетичности, способными объяснить ряд фактов и должны учитываться при оценке ремней из Поднепровья. Особенности некоторых деталей являются свидетельством контактов, связывавших Поднепровье с рядом культур Поволжья, Кавказа, евразийской степи.

Атрибуция конических изделий с отверстиями (***Кат.NN 67-69***) как **ворворок от кистей**, входивших в "личный набор", принадлежит в отношении находок из днепровских кладов, очевидно, Г.Ф.Корзухиной [Корзухина 1955, с.70]. Этого нельзя исключить, хотя их многочисленность (в гапоновском кладе – 166 штук) и разнообразие размеров заставляет предполагать и другие интерпретации. В прочих днепровских кладах ворворок значительно меньше, а одна из особенностей гапоновского набора – наличие в нем деталей конской упряжи. Возможно, значительная часть гапоновских ворворок (или они все) относится именно к ней и лишь единичные – к деталям костюма, например, для покрытия поверхности подвесных веревочек. Принимая предположение об отнесении ворворок к конской упряжи, нужно признать и вероятность использования рассматриваемых предметов для крепления плюмажей. С украшением **конской упряжи** можно связывать и свинцовые подвески (***Кат.NN 73-74***), близкие ворворкам по

материалу, хотя не исключено их использование и для украшения костюма людей.

Некоторые вещи (***Кат.NN 75-77***, возможно и что-то еще) связаны, похоже, с **ювелирным ремеслом**. Клад, вполне аргументированно приписанный ювелиру, найден в Больших Будках [Горюнова 1992]. Указанные находки из Гапонова и их аналоги из некоторых других кладов, наверное недостаточны, чтобы считать принадлежащими ювелирам все комплексы с такими вещами. Вероятно, металлическое сырье было дорогим и ценилось не только специалистами. Высказанное в беседе мнение И.А.Ремеха о том, что свинцовые бляхи с покатой поверхностью могли использоваться в процессе изготовления тонких пластин, не увеличивает шансы "ювелирной" атрибуции, ведь такой предмет могли ценить и лишьиз-за массивности, вне зависимости от возможной функции.

6. Группы днепровских раннесредневековых кладов

Об отличиях, в том числе и хронологических, днепровских раннесредневековых кладов друг от друга писалось неоднократно, но лишь недавно подход на уровне отдельных замечаний и наблюдений был переведен в плоскость систематического исследования, что позволило говорить о двух группах этих комплексов [Щеглова 1990]. В основе полученной группировки лежало выделение типов вещей, неоднократно встреченных в кладах, анализ коэффициента связи типов между собой, кладов друг с другом, рассмотрение сочетания типов вещей в комплексах. Все проведенные анализы дали схожий результат, а в отношении двух полученных групп были приведены аргументы в пользу интерпретации их, как отражающих хронологические отличия.

Мы вновь обращаемся к этой проблематике, поскольку в нашем распоряжении появилось два новых, весьма представительных комплекса (Гапоново и Трубчевск; клад с Пастырского городища, обнаруженный в 1992 г. [Приходнюк 1994], не включен в таблицу, но его материалы учтены при построении выводов), кроме того, ряд разработок в области типологии вещей, встреченных в кладах, позволяет производить более детальные наблюдения. Здесь мы не повторяем всех ступеней иследования, а ограничиваемся лишь рассмотрением сочетаний типов в комплексах, поскольку это наиболее наглядная и легко оцениваемая читателями форма подачи выводов и их аргументации. Расчеты коэффициентов связи более громоздки, их результаты представлены не столь удобно для оценки и интерпретации, а получаемая информация не дает чего-то принципиально нового для интересующей нас темы.

В основе списка признаков лежат типы, выделенные в работе О.А.Щегловой. Для удобства сравнения результатов мы старались сохранить старую нумерацию признаков, несколько ее детализировав. Список дополнен двумя новыми типами (NN 41 и 42). Случаи, когда нумерация все же изменена, специально оговорены в приводимом списке. Образцы из Гапоновского клада, иллюстрирующие типы, в списке даны ссылкой на номер каталога (***часть 1.2***) или отсылкой к части данной книги, где такие вещи характеризуются более подробно, наконец, ссылкой на рисунки в нашем издании. Образцы типов есть так же в упомянутой статье О.А.Щегловой [Щеглова 1990].

Список признаков

1. ***Широкопластинчатые*** подвязные ***фибулы (часть 2.3)***.
2. ***Пальчатые фибулы*** типов: а – IAB, б – IVA, в – IVC, г– IC, д – прочих типов днепровской подгруппы, е – имеющие вместо пальцев кайму из птичьих головок (для а-д – ***часть 2.2*** :для е – рис.59:*11*; 69:*8*; 100:*3-6*).:
3. ***Антропозооморфные фибулы типа IIa*** по А.К.Амброзу [Амброз1993], мы отнесли сюда и фибулу из Мартыновки, имеющую некоторые признаки, сближающие ее с типом IIIa (рис.59:*10*; 69:*5*).
4. ***Антропозооморфные фибулы типа IVa*** по А.К.Амброзу, сюда же отнесена и фибула из Блажков, относящаяся к типу IIIa, но близкая и образцам типа IVa (рис.61:*17,18*).
5. ***Антропозооморфные фибулы типа V*** по А.К.Амброзу (рис.61:*8*).
6. ***Серьги со звездообразной подвеской и выпуклым щитком***: а – с тремя лучами, б – с пятью лучами (для а – рис.61:*10-11*; для б рис.61:*1,3,13*; особая форма - с широкой "трехрогой" нижней частью дужки – рис.61:*15*).
7. ***Серьги со звездообразной подвеской и плоским щитком***, литые (рис.61:*12,14*).
8. ***Серьги с прессованной полой шарообразной подвеской*** (рис. 61:*2*).
9. ***Двуспиральные (очковидные) подвески*** (***Кат.N 7***; рис.59:*2*; о них см. и в части 2.6).
10. ***С-образные (односпиральные) "височные кольца"*** (***Кат.N 6***; рис.59:*3*; о них см. и в ***части 2.6***).
11. ***Кольца с утолщенными концами*** (***Кат.N 3-5***; рис.59:*1*; о них см. и в ***части 2.6***).
12. ***Браслеты круглопроволочные*** с расплющенными в виде "змеиной головки" концами (рис.61:*21*; 104:*10,11*).
13. ***Браслеты литые и кованые круглого сечения с утолщенными концами*** (рис.59:*13*).
14. ***Браслеты литые и кованые граненые***, более дробная их типология, предложенная ранее [Щеглова 1990], не всегда может быть реализована однозначно.
17. ***Браслеты с полыми расширенными концами***: а – округлые в сечении, б – граненые (для а – рис.61:*20,22*; для б – рис.61:*8*).
18. ***Гривны, имеющие седловидный с ребром посередине замок*** (рис.61:*19*).
19. ***Гривны из гладкого толстого прута***, в тех случаях, где замок сохранился, он - петлевидный или крючкообразный (***Кат.N 2***; рис.59:*4*).
20. ***Гривны из рифленого, фасетированого прута*** (рис.61:*19*).
21. ***В-образные пряжки***: а – изготовленные как поясные, б – псевдопряжки типа 4, в – псевдопряжки типа 3 и переделанные в псевдопряжки настоящие пряжки с рамкой тех же очертаний, что и псевдопряжки типа 3 (***часть 2.1.5.1; 2.1.8***).

22. ***Ременные наконечники литые***: а – крупные с выступами по бокам, б – крупные с вырезами по бокам, в – небольшие с прямыми боками (***части***: для а – *2.1.6*, б – *2.1.5,2*, в – *2.1.7*).

Мы заменили фигурировавший ранее признак – "овальнорамчатые" пряжки, ведь в днепровских кладах они очень разнообразны и принадлежат разным типам, а потому должны рассматриваться как однократно встреченные и из таблицы изымаются.

23. ***Прорезные накладки***: а – двучастные с прямыми боками, б – щитовидные, в – мелкие 3-образные, лепестковые, круглые, г – с мотивом грифона или птицы. Этот признак соответствует 27-ому по списку 1990 г., мы уточняем формулировку, проясняющую, что мартыновские "вычурные" накладки принадлежат иному кругу. В Поднепровье они уникальны, хотя и связаны с типом "горизонтально симметричных" накладок (***части***: для а – ***2.1.2***, б – ***2.1.5.3***, в – ***2.1.10***, г – *3.7*; об "а" и "г" см. так же ***часть 3.7***).
24. ***Накладки и наконечники с гравированными тамгообразными знаками*** (рис.35:*28*; 40:*15,16*; 60.*1*).
25. ***Накладки и наконечники, украшенные зернью или ее имитацией*** (рис.35:*24,26*; 37:*2,11,24,27*; 42:12-14; 47:*11,23-25*).
26. ***Ременные наконечники*** с прямыми боками, ***прессованные***, в том числе и изготовленные "коробочкой" (***часть 2.1.9***).
27. ***Т-образные накладки***: а – с пламеневидным (геральдическим) шитком и крупной прорезью, широко распространенных типов, б – той же группы, с фигурными прорезями, индивидуальные, в – "рогатые" (***часть 2.1.3***).
28. ***Цепочки*** (рис.59:*6*).
29. ***Пластинчатые трапецевидные подвески*** (***кат.N 14,15***; о них см.и в ***части 2.6***).
30. ***Пластинчатые подвески квадратные, округлые, 3-образные*** и т.п. (рис.59:*7,8*; 61:*5*; о них см. и в ***части 2.6***).
31. ***Пластинчатые подвески с выпуклой средней частью***, "умбоновидные" (***Кат.N 10***; рис.58:а,м; 59:*9*; о них см. и в ***части 2.6***).
32. ***Трубочки-пронизки*** (***Кат.N 12. 13***; рис.58:*а,в*; 59:*7-8*; 69:*43*; о них см. и в ***части 2.6***).
33. Признак изъят из таблицы, т.к. янтарные и стеклянные бусы встречены во многих кладах, типология этих изделий на необходимом уровне требует специального изучения вещей в оригинале (см. ***часть 2.5***), что по ряду причин затруднено. Выделение этого признака лишь на уровне категории малоинформативно и лишь затемняет картину.
34. ***Раковины Cyprea monetae.***
35. ***Колпачки полусферические прессованные.***
36. ***Миниатюрные нашивные бляшки***, их характеристику см. в [Горюнова 1992].
37. Признак изъят из таблицы: оружие и конское снаряжение представлено в днепровских кладах разными категориями и типами, потому мы сочли более правильным рассматривать их как однократно встреченные.
38. ***Крупные пластинчатые бобовидные украшения*** [Pekarskaja, Kidd 1994. NN 9, 82].
39. ***Пластинчатые длинные полосы*** (***кат. N 1***; о них см. и в ***части 2.6***).
40. ***Полые бусы***, составленные из двух прессованных полусфер (рис.61:*6*).
41. ***Колокольчики конические***, отлитые с ушком (***Кат.NN 17, 18***; о них см. и ***часть 2.6***).
42. ***Ворворки конические*** (***кат. NN 51-53***, о них см. [Горюнова 1992] и ***часть 2.6***).

Сочетание перечисленных признаков в комплексах днепровских кладов, выполненное по программе "MVNUTS" с помощью Д.С.Коробова и В.Ю.Малашева, представлено на рис.62. В целом, правомерность выделенных ранее двух групп кладов эта таблица подтвердила. Но введение нового материала и более детальная типология позволяет сделать это членение более дробным (мы сохранили старую номенклатуру групп, добавив лишь уточняющие обозначения). Особенно серьезны различия комплексов внутри **группы 2**. Следует отметить, что их можно было предполагать и на основании результатов, опубликованых в 1990 г.: некоторая обособленность комплексов 4,5,7 (Киевский 1898 г., Пастырский 1892 г., Блажковский клады) заметна по предлагавшимся тогда графу связи кладов и таблице сочетаний признаков в комплексах [Щеглова 1990, с.195,196]. В новой таблице они составили **группу 2а**. К той же группе на основе автоматической сериации относится и клад из Б.Будков, но, очевидно, что этот комплекс получил такую характеристику из-за небольшого числа участвующих в сериации признаков (о специфике этого комплекса см. [Горюнова 1992] и вещей, характерных только для **группы 2** он не содержит, а это позволяет рассматривать его как в контексте **подгруппы 2а**, так и **группы 1**. В любом случае уточнение типологии делает различие внутри **группы 2** достаточно очевидным.

Более дробная группировка кладов заставляет вернуться к вопросу об интерпретации групп и их признаков. Для этого мы должны обратиться: 1) к оценке хронологической показательности типов, особенно принадлежащих одной категории и образующих типологические ряды, 2) проверке картографированием возможности интерпретации типов вещей и групп кладов как локальных.

Общепризнано, что на современном уровне изученности вещей наиболее информативными с точки зрения хронологии в составе кладов являются фибулы, серьги, детали ременной гарнитуры.

Фибулы встречены трех групп: пластинчатые подвязные, поствосточногерманские пальчатые, антропозооморфные (***признаки 1-5***). Широкопластинчатые фибулы представлены одним типом (см. ***часть 2.3***). Пальчатые фибулы относятся к днепровской подгруппе, и как показано в ***части 2.2***, типологических рядов не образуют, наоборот, доступные факты свидетельствуют о хронологической близости, даже "компактности", рассматриваемых типов. Этот вывод вполне распространим и на близкие рассмотренным фибулы с каймой из птичьих головок. Во всяком случае, никакими данными в пользу отличия хронологии последних от иных типов поствосточногерманских пальчатых мы не располагаем. В ***части 2.2*** показано, что ряд отличий типов пальчатых фибул днепровской подгруппы объясним факторами ло-

кальных и культурных особенностей. Антропозооморфные фибулы IV серии, характерные для кладов **подгруппы 2а**, ближе к сериями II и III (во всяком случае – вариантами, известными в кладах группы 1), чем схематизированным фибулам серии V, типичным для кладов подгруппы 2б [Амброз 1993], и в этом смысле относятся к одному, типологически более раннему массиву, чем образцы, объединенные в серию V.

Из серег в кладах имеется представительный набор только звездовидных (***признаки 6-7***). Серьги с подвеской из прессованных полушарий (***признак 8***) относятся к одному типу, хоть и связанному с Подунавьем или другой зоной влияния Византии, но по ряду деталей своеобразному. Звездчатые серьги в кладах **подгруппы 2а** представлены вариантами, имеющими дунайские аналоги (тип 1.5 по А.И.Айбабину).

В **подгруппе 2б** помимо их имеются и местные типы, а серьги из Харьевки с З-образным расширением дужки (рис.61:*15*) принадлежат разновидности, относящейся по многочисленным материалам аварских и балканских комплексов к более позднему времени [Айбабин 1973; Вържарова 1976, с.365; Гавритухин 1990, с.132-133].

Большая часть деталей ременной гарнитуры известна по кладам **группы 1** (***признаки 21-27***). В основном это накладки, наконечники, пряжки, типичные для геральдических стилей, а кроме того –псевдопряжки и единичные детали гарнитур иных традиций. Несмотря на то, что встреченных типов довольно много, ни один из них не может рассматриваться как несомненно типологически предшествующий хоть какому-то другому в этом наборе (см. так же ***часть 2.1***). Единственная псевдопряжка в комплексе **подгруппы 2а** встречена в Блажках. Она тождественна экземплярам, представленным в кладах **группы 1**.

В кладах **группы 2б** присутствует лишь одна пряжка (рис.61:*23*). В целом, она принадлежит кругу позднеаварских пряжек (показательны неширокая рамка с сильно вытянутыми губами, продолговатая обойма с прямыми боками и закругляющейся задней частью, украшенная литым растительным орнаментом – такое сочетание характерно именно для Среднего Подунавья, хотя по отдельности указанные признаки распространены значительно шире). Подунавское происхождение харьевской пряжки представляется нам наиболее вероятным, однако следует отметить, что такие образцы необычны для массового материала аварских могильников. В качестве ее близкого аналога укажем на экземпляр из Эрзеке [Werner 1985, табл.28:*1*], принадлежащий представителю верхушки аварского каганата или человеку, связанному с этим кругом (см. о комплексе и в ***части 3.4***). Различия находок из Харьевки и Эрзеке нет оснований считать стадиальными: пряжки, у которых рамка и обойма крепятся шарниром, сосуществуют с цельнолитыми, а декор харьевской пряжки в сравнении с образцами из Эрзеке отличается более простой структурой орнамента и более схематичным исполнением деталей.

Сказанного достаточно, чтобы обосновать соотнесение пряжки из Харьевского клада с вещами позднеаварского круга, то есть ее принадлежность эпохе, характеризуемой новыми стилями, вытеснившими геральдическую ременную гарнитуру. Следует отметить, что, например, в Подунавье между указанными горизонтами стилей существовал еще один, ведь геральдические наборы и псевдопряжки встречены там, в основном, в комплексах начальных фаз среднеаварского времени, далее следует горизонт Игар-Озора, и лишь потом – позднеаварский период, к которому относится комплекс из Эрзеке (подробнее см. ***части 3.4 и 3.7***).

Приведенные наблюдения свидетельствуют, что фибулы и детали ременной гарнитуры указывают на **синхронность кладов 1-ой группы** между собой, несомненно более **позднюю датировку кладов подгруппы 2б** и **особое положение**, занимаемое комплексами **подгруппы 2а**.

По таблице на рис.62 видно, что эта подгруппа не столь компактна, как прочие. С одной стороны, Киевский и Пастырский 1892 г. клады абсолютно совпадают по составу категорий украшений и даже включают фибулы, отлитые в одной форме (наблюдение Г.Ф.Корзухиной [Корзухина - в печати]). С другой стороны, клад из Блажков дает соответствия группе 1, т.к. в его сотаве имеется псевдопряжка и цельнолитой браслет с расширенными граненными концами. Подобные есть только в одном кладе группы 2 и в пяти кладах группы 1, а Пастырский и Киевский клады имеют браслеты с полыми округлыми концами, как в Зайцевском кладе подгруппы 2б. Объединяет же комплексы Блажков, Киева, Пастырского 1892 г. лишь ***признак 4***, отнесение к которому блажковской фибулы, как было отмечено при характеристике признака, не безусловно.

Хронологическая близость блажковских вещей находкам из кладов группы 1 не вызывает сомнений и этот комплекс следует относить к ней с большим основанием, чем к иным группам. Выше мы уже отметили, что и Будковский клад вполне соответствует набору типов, характерных для группы 1. Отнеся, таким образом, комплексы из Больших Будков и Блажков к тому же культурному и хронологическому пласту, что и клады группы 1, мы можем сделать вывод о том, что в ареале пеньковской и колочинской культур выпадение кладов первой группы происходит раньше, чем сформировался новый набор украшений, отразившийся в составекладов группы 2.

В оставшихся кладах **подгруппы 2а** (Киев 1898 г., Пастырское 1892 г.) серьги и полые браслеты с округлыми концами имеют дунайские прототипы, которые в Подунавье датируются достаточно широко, в пределах, как минимум, всего 7 в. Расматриваемые два клада связаны со своеобразным по многим признакам, уникальным городищем, расположенным вне основного массива пеньковских поселений (Пастырское) и ареалом пражской культуры (Киев). Определение даты выпадения этих кладов зависит от оценки культурно-исторических процессов, происходивших в регионе к западу от области распространения кладов группы 1, а на современном уровне разработанности археологической хронологии допускает возможность соотнесения как с эпохой доминирования на Днепровском Левобережье уборов типичных для кладов первой группы, так и со временем сложения набора, характерного для подгруппы 2б. Возможен, впрочем, и ряд других вариантов.

Аргументы в пользу синхронности кладов группы 1 приведены выше (см. так же ***часть 3.7***), это заставляет обратиться к вопросу об их локальных или культурных особенностях. Пожалуй, наиболее основательно он был поставлен Б.А.Рыбаковым, предложившим выделять "росскую" и "северянскую" области кладов и связывавшего их с реалиями, сохранившимися до эпохи древнерусской государственности [Рыбаков 1953]. Эти идеи в изучении днепровских кладов не получили развития. В отношении проблем интерпретации это понятно, ведь столь однозначные соответствия, основанные на сопоставлении очень разнородных источников и ряде допущений, не могут не вызывать сомнений. Но сам подход к кладам, подразумевающий возможность выделения их локальных групп, представляется нам весьма плодотворным и не заслуженно обойденным вниманием исследователей, писавших после упомянутой работы Б.А.Рыбакова. Что касается результатов картографирования, значительно возросшая источниковая база, результаты новых типологических и хронологических изысканий заставляют вновь вернуться к рассмотрению географического распределения групп кладов и характерных для них вещей.

Картографирование многих встреченных в кладах 1-й группы типов и вариантов деталей ременной гарнитуры проведено нами в ***части 2.1*** (см. также наблюдения в ***части 3.7***), фибул – в ***частях 2.2-3*** данной работы, географическое распределение прочих деталей "женского" убора из кладов представлено на рис.63 (единичные находки таких предметов в данном случае не учитывались из-за слишком широких их вероятных хронологических границ). Прочие вещи, характерные для кладов группы 1, учтены в изложенных ниже наблюдениях.

По особенностям встречаемости типов и вариантов вещей наиболее разительно отличие двух близких районов на правом берегу Днепра, граница между которыми проходит приблизительно по Роси или чуть южнее. Хотя представительных правобережных кладов не так много, картина, получающаяся по материалами этих комплексов, подтверждается и картографированием довольно многочисленных единичных находок фибул (***см. часть 2.2***). На Левобережье Днепра те же варианты вещей распределяются довольно равномерно, но при этом выделяется достаточно выразительный набор предметов, специфичных именно для кладов востока Днепровского Левобережья. Не исключено, что по мере увеличения материала выделиться и донецкий район, но для того, чтобы судить об этом достоверно, мы имеем слишком мало представительных находок оттуда. Попробуем рассмотреть намеченные подгруппы более подробно.

Состав кладов **северной части днепровской правобережной погруппы** определяется ***мартыновской*** находкой. Малоржавецкий клад полностью повторяет те же типы вещей. Только в этих комплексах известны крупные бобовидные пластины (***признак 38***). По материалам ременной гарнитуры о специфике культуры данного ареала можно судить лишь опираясь на мартыновские образцы, значительная часть которых весьма своеобразна, а о том, что не все они связаны с особенностями только этого, наиболее богатого среди кладов, набора, говорят, например, горизонтальносимметричные накладки вариантов 3а и 3б, кроме Мартыновки встреченные неподалеку, хоть и на левом берегу Днепра, в Вишенках.

Ближайшие синхронные клады Днепровского Левобережья – Блажковский и Менский, по составу довольно близки комплексам рассматриваемой подгруппы, хотя не только ей. Если Менский клад, скорее тяготеет к деснинско-сеймским комплексам, исходя из особенности фибулы и географического положения, то не однократно отмечавшаяся близость блажковской антропозооморфной фибулы мартыновской и приуроченность близких аналогов пальчатым фибулам из Поросья и с Каневщины северо-восточной части ареала кладов являются аргументами в пользу того, что какая-то территория на левом берегу Днепра входила в зону распространения наборов, близких представленным в кладах "мартыновской" подгруппы,

Набору "мартыновской" подгруппы, судя по таблице на рис.62, близок и ряд комплексов, найденных на крайнем северо-востоке ареала кладов (Колосково, Углы, Цепляево). В основе этого сходства лежит близость набора "женских" украшений, прежде всего – отсутствие многих специфичных для Днепровского Левобережья типов. Немногочисленные детали ременной гарнитуры позволяют сопоставление как с "мартыновской" подгруппой кладов, так и с сейминско-деснинскими комплексами. Фибулы Подонья принадлежат типам, обычным для Днепровского Левобережья, в том числе и только для него. Очевидно, что состав типов гипотетической "северо-восточной" подгруппы кладов, довольно своеобразен, но вещей, специфичных только для комплексов данной подгруппы, мы назвать не можем. Более отчетливая интерпретация такой картины будет возможна лишь на базе новых, более представительных, находок.

Картографирование женских украшений и материалы сериации (см. на рис.62 положение Трубчевского, Суджанского и Гапоновского кладов составляющих как бы "оппозицию" Мартыновскому в рамках группы 1) позволяют говорить об **особом круге кладов, приуроченном к востоку Днепровского Левобережья "Сейменско-деснинскому"**. Большая часть типов и набор несложных "женских" украшений этих комплексов характерны для всего этого ареала. Но фибулы, позволяющие анализировать особенности вещей более детально, указывают на возможность отделения деснинско-сеймских находок от более южных. В отношении ременных гарнитур можно отметить, что для находок из бассейна Десны и Сейма не характерны элементы, имеющие прямые или близкие соответствия в византийских или иранских образцах (зооморфные мотивы, пестрота набора, украшения гравировкой или зернью), зато сильнее чуствуются поволжские связи (рогатые накладки с четырьмя отверстиями, большое число одинаковых форм). О связях кладов "сейминско-деснинской" и "мартыновской" подгрупп, выделяющих их на фоне прочих комплексов, свидетельствуют, кроме некоторых типов фибул, зооморфные накладки

(Мартыновка, Трубчевск) и некоторые детали ременной гарнитуры, например, наличие горизонтальносимметричных накладок (любых вариантов), специфичные для Поднепровья псевдопряжки типа 4 (***признак 21б***), некоторые ременные наконечники.

Другая подгруппа кладов востока Днепровского Левобережья расположена довольно компактно **в верховьях Ворсклы, Псла, Сулы**. Своеобразие этого ареала находок демонстрируют прежде всего пальчатые фибулы. Представительные ременные гарнитуры известны здесь в Козиевке и Судже. Оба набора неординарны и говорить о каких-то общих чертах для подгруппы в целом по их материалам преждевременно, хотя, например, отсутствие в этих комплексах псевдопряжек, возможно, и не случайно.

Для **южной части ареала кладов Днепровского Правобережья**, кроме особенностей фибул этой территории и упомянутых ранее отличий от соседей по составу женского убора, можно указать на своеобразие встреченных здесь двучастных накладок с прямыми боками. Грифообразные накладки из Вильховчика близки козиевским, не без влияния подобных вещей делался и волнистый верх двучастных накладок из Хацков. Тот факт, что тамгообразные знаки и украшенные зернью детали ременной гарнитуры, кроме Хацков, встречены лишь в Мартыновке, пока трудно интерпретировать однозначно.

Предложенные наблюдения о локальных группах днепровских кладов, конечно же, сугубо предварительны. Они требуют дополнительных материалов и будут уточняться. Тем не менее, о некоторых результатах картографирования особенностей кладов можно говорить и сейчас. Прежде всего стоит отметить, что своеобразие рассматриваемых комплексов (судя по доступным нам данным) не соотносится напрямую с особенностями групп пеньковской или колочинской культур, а тем более с их различием в целом. Получается, что особенности наборов украшений, (по поднепровским кладам и их подгруппам), не совпадают с реалиями, отраженными в локальных отличиях этнографических традиций колочинской и пеньковской культур.

В заключение отметим, что хотя в данной части внимание было сосредоточено на слабо разработанном вопросе о локальных вариациях кладов **группы 1**, это не должно заслонять принципиального вывода о единстве культуры, связанной с днепровскими кладами, особенно очевидной на фоне иных древностей. К интерпретации ареала кладов в целом мы вернемся в *главе 5.*

Глава 3. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий

1. Вводные замечания

Как следует из главы 2, украшения, аналогичные или близкие встреченным в Гапоновском и других днепровских раннесредневековых кладах первой группы, распространены весьма широко. Особенно многочисленные соответствия им отмечены в древностях Балкан, Крыма, Кавказа, Карпатской котловины, Поволжья. Задача данной главы – рассмотреть возможности датирования интересующих нас днепровских материалов, прежде всего – ременных гарнитур и фибул, опираясь на доступные данные по хронологии культур указаных территорий. Причем, упомянутый круг хронологических колонок важен не только наличием аналогий рассматриваемым в данной работе древностям, но и тем, что содержит основания для абсолютной датировки – комплексы с монетами или датируемые по письменным источникам памятники.

Историографические традиции, связанный с ними уровень и характер исследованности, специфика памятников, наконец, доступность источников для работы с интересующими нас древностями – различны. Это, наряду с очень ограниченным и специфическим кругом интересующих нас вещей, определило разнохарактерность предлагаемых ниже экскурсов. И все же, ряд принципиальных позиций, лежащих в основе наших изысканий, мы постарались по возможности реализовать в каждом из следующих ниже параграфов. О чем идет речь?

К сожалению, очень часто определение хронологии сводится к подбору единичных аналогий вещам или, в более удачном случае, списку соответствий с указанием, как названые вещи датированы по мнению специалистов, их опубликовавших или специально рассматривавших. При этом, поскольку происхождение и обоснованность привлекаемых дат, как правило, не обсуждается, в одной и той же работе нередко можно встретить ссылки на несогласующиеся, порой альтернативные, хронологические схемы или представления. Иногда воспроизводятся пересмотренные или не соответствующие современному уровню знаний оценки. Все это порождает "снежный ком" недоразумений, становящихся как бы само-собой разумеющимися суждениями.

Небезупречна и противоположная крайность, когда для рассматриваемого круга древностей подыскиваются комплексы с монетами и их набор непосредственно является основанием для предлагаемых датировок. В этом случае, особенно для таких культур как варварские раннесредневековые Восточной и Центральной Европы, велика опасность не учесть во многом неясные особенности циркуляции монет. Этот тезис будет еще более очевиден, если мы обратимся к значительно более богатому на монетные находки периоду римских влияний на культуры этих же территорий. Для специалистов по черняховской культуре не секрет, что на ее памятниках количество монет первых веков нашей эры превосходит число монет, начеканенных в эпоху существования этой культуры (середина 3 – начало 5 вв.).

Это явление вполне понятно, если учесть "полновесность", качество сплавов, римских монет первых веков новой эры. Очевидно, в этом варвары разбирались и предпочитали хорошее серебро. Можно объяснять эту картину и устойчивостью пристрастий варваров. В любом случае, нам важен сам факт указанной диспропорции. Известно, что около 375 года прекращается чеканка, но не циркуляция (!), монет в Паннонии, потому специалистов не смущает, что в комплексах финала 4 в. и даже более поздних господствуют монеты предшествующей эпохи - середины или третьей четверти 4-го столетия.

Вышесказанное может показаться повторением "азбучных истин", однако методически некорректные способы датирования продолжают применяться, и отнюдь не только по небрежности. Для нашей темы особенно важны работы Ч.Балинта, труд которого о геральдических гарнитурах ремней [Balint 1992] является, пожалуй, одним из важнейших вкладов в историографию последнего времени по этой проблематике, а специальное исследование он посвятил проблемам датирования раннесредневековых древностей, прежде всего по монетам [Балинт 1984: Balint 1985], причем дублирование не только основных положений, но просто кусков текста в русско- и немецкоязычном вариантах, по-видимому, свидетельствует о принципиальной важности для автора высказанных позиций. С них и начнем.

Почему-то единственным оппонентом в указанных методических работах Ч.Балинта выступает А.К.Амброз. При этом объектом критики является якобы созданная русским ученым "на основе находок... Суук-Су" "теория о запаздывании" монет, с целью "однозначно определить ценность монет с точки зрения датирования" [Балинт 1984, с.18], сказано даже, что якобы дата комплексов с монетами определялась по этой теории "путем причисления" 50-100 лет к дате выпуска монеты. Без указания страниц ссылка дается на большую статью А.К.Амброза 1971 года, где, однако, на первых же страницах заявлена совершенно иная позиция: "Монеты сами по себе не дают точной даты" [Амброз 1971а, с.96]. В отношении Суук-Су там же сказано, что разброс дат чеканки найденных на памятнике монет очень велик (есть, например, 3 монеты 3-го века, хотя комплексы римского времени отсутствуют), поэтому не все монеты пригодны для определения хронологии памятника, а при специальном анализе этого могильника названы те из них, которые используются для этой цели: "Две медные монеты Юстиниана (527-565 гг.)" определяют дату 1 этапа второй половиной 6

в., учитывая типологически более поздние вещи, чем характерные для Подунавья в 1-ой половине этого столетия и по аналогичному поясу, найденному в Садовско-кале в слое пожара с монетами 582-602 гг.; этап 2 датируется "рубежом VI-VII вв. или началом VII в. по бронзовой монете 597-602 гг."; прочие периоды датируются по аналогиям вещам, найденным с монетами на других памятниках [Амброз 1971а, с.114]. Кажется совершенно ясно, что и в теории, и на практике никакой теории "запаздывания" у А.К.Амброза нет и в помине.

В отечественной науке единственная попытка рассчитать "среднее запаздывание" монет в раннесредневековых комплексах принадлежит Г.Е.Афанасьеву [Афанасьев 1979]. Отношение к этому методу и проблематике датирования по монетам в целом А.К.Амброз высказал однозначное: "Верхний предел зарытия монет практически не ограничен. ... Большинство владельцев явно не обращало внимание на изображения и надписи; ... Не показательна и степень изношенности монет – она отражает интенсивность хождения, а не длительность хранения. ... Не помогают и среднестатистические поправки к дате монеты: ... Возможно, что подобная методика пригодна для изучения общих закономерностей денежного обращения. ... Пока единственным методом, учитывающим конкретные обстоятельства находки каждой монеты в погребении, остается общепринятый в археологии метод разработки детальной относительной хронологии комплексов, определение места в ней комплексов с монетами и отбора по этому признаку датирующих монет от недатирующих запоздавших" [Амброз 1980, с.11-12; 1989, с.13-14]. О несогласии с методикой Г.Е.Афанасьева писал и Ч.Балинт, приводя примеры, необъяснимые на ее основе [Balint 1992, с.402-403].

Аналитическая часть методической работы Ч.Балинта состоит из серии удачно подобранных и очень поучительных примеров о специфике обращения монет в эпоху раннего средневековья, дополняющие аналогичные пассажи А.К. Амброза [Амброз 1971а, с.96; 1980, с.11-12]. Для нашей темы очень ценно напоминание о редко учитываемой археологами переписи состава царской казны Хосрова II, сделанной в 607 г.: 10% этого сокровища составляли монеты начеканенные Перозом и Кавадом, то есть во второй половине 5-го века [Балинт 1984, с.18-19]. Важен и пример "компактности" состава монет, которые запаздывают: в погребениях Далмации, датируемых по каролингским импортам (здесь – не ранее 812 г., а ряд вещей из этих комплексов имеет вполне надежные еще более поздние даты) – все (!) монеты чеканены при византийском императоре Константине V (741-775) [Балинт 1984, с.17-18].

Общетеоретические выводы венгерского ученого нам кажутся бесспорными: 1) "значение монет с точки зрения датировки состоит не априори в самом себе, а в определенных случаях, при определенных условиях, и после всегда конкретной оценки" (см. приведенную выше цитату из статьи А.К.Амброза); 2) "датировка с помощью аналогий в случае раннего средневековья является не беспроблемной"; 3) указание на объективное основание возможностей географически далеких сопоставлений для древностей эпохи переселения народов и важное значение венгерских находок, как и наработок центральноевропейских ученых, для понимания ряда восточноевропейских памятников (последнее утверждение напоминает одно из суждений А.К.Амброза даже по структуре (см. [Балинт 1984, с.23] и [Амброз 1971а, с.99]).

Таким образом мы видим, что теоретические посылки двух видных специалистов в изучении раннесредневековых древностей, выступающих в ролях критика и критикуемого, совпадают, иногда даже близки текстуально. Эти посылки принимаются и авторами данной работы. Тем не менее, необходимость полемики с А.К.Амброзом для Ч.Балинта объяснима отнюдь не только недоразумениями. Ведь даты и оценки многих комплексов и целых пластов древностей у них существенно расходятся. Корень различий заключается в том, какие практические ходы для установления дат выбираются исследователями, то есть в методике, воплощенной в исследовательской практике.

В чем состоит метод Ч.Балинта, реализованный в его работе о геральдической ременной гарнитуре [Balint 1992]? Кроме нахождения противоречий, неточностей, недостаточно обоснованных суждений у предшественников в довольно обширных, подробных и весьма полезных экскурсах историографического характера, основания датировки сводятся у него к двум позитивным блокам. Первый составляют реконструкции исторических событий, могущих соответствовать эпохе распространения изучаемых вещей. Не отрицая полезности подобных штудий в принципе, отметим, что они могут привлекаться лишь в качестве косвенного аргумента, а связь "группа древностей – события или эпоха" требует предварительного специального обоснования дат в рамках археологических реалий.

Второй блок аргументов Ч.Балинта заключен в подборе монет, встреченных в комплексах с геральдическими гарнитурами. А как же призыв к осторожности в обращении с монетами, проиллюстрированный столь показательными примерами в теоретических работах того же автора? По-видимому, венгерский коллега считает, что здесь именно тот "случай" и "условия" когда опасения излишни. Действительно, почти все монеты в рассматриваемых комплексах принадлежат Хосрову I (531-579), Юстиниану (527-565) и более ранним правителям, успокаивает и довольно большое число монетных находок. И все же доказательство того, что сочетание выделяемых древностей и указаных монет не отражает каких-то неясных особенностей выплат или иных форм денежных потоков, необходим.

Способ работы А.К.Амброза представляется более объективным и плодотворным. Он заключается в построении для каждой из рассматриваемых культур шкалы относительной хронологии. Следующим этапом является синхронизация шкал, как правило, на основе интеррегиональных вещей, а так же импортов. И лишь после этого в полученную сетку вводятся показания монет и иных оснований для установления абсолютной хронологии, что позволяет отделить действительно датирующие находки от случаев запаздывания. С этих позиций мы и старались подходить к рассматриваемому материалу, принимая способ работы А.К.Амброза (конечно же, так работал не он один), но проверяя полученные им выводы.

Литература, посвященная различным аспектам изучения раннесредневековых памятников указанной территории, труднообозрима. Тем не менее, работ, где специально исследуются фибулы и пояса этого района, явно не достаточно, хотя многочисленные города и крепости с довольно отчетливыми следами строительства и разрушений, значительным числом монет, возможностью сопоставить памятник с событиями, зафиксированными в письменных источниках, кажется, создают для решения ряда вопросов интересующей нас темы самые благоприятные условия. Особенно ценны материалы памятников приграничной, примыкающей к Дунаю зоны. По-видимому, слишком большое богатство материала имеет свои отрицательные стороны, затрудняя его изучение во всем объеме.

Современное состояние важных нам исследований в югославской литературе определяется работами З.Вински, Дж.Янковича, публикациями материалов Царичин-града и памятников в районе Железных Ворот [Vinski 1974; Janković 1981; Кондић, Поповић 1977: периодические выпуски Djerdapske sveske]. В румынской историографии, если не перечислять многие публикации, к важнейшим обобщениям относятся сводки и исследования фибул и пряжек Дан Г.Теодора, а также анализ материалов из Добруджи А.Петре, И.Барня и др. [Teodor 1988; 1991; 1992; Petre 1991; Barnea 1991]. Богатейшие материалы Болгарии менее всего доступны, опубликованы в соответствии с современными требованиями лишь единичные памятники; и только недавно А.Хараламбиева начала систематическую публикацию североболгарских фибул [Хараламбиева 1991; Хараламбиева, Атанасов 1991; Ковачева, Хараламбиева 1992; Fiedler 1992; Gomolka-Fuchs 1993; там прочая литература]. Современная публикация материалов еще довоенных раскопок в Садовце, сопровождающаяся серией аналитических очерков, осталась недоступной для нас.

В отечественной литературе целостное отношение к столь важной для понимания восточноевропейских древностей теме сформулировали лишь Е.А.Горюнов и М.М.Казанский [Горюнов, Казанский 1983]. П.В.Шувалов специально изучал соотношение периодов жизни на нижнедунайских крепостях и сделанных там находок монет с письменными источниками [Шувалов 1989]. Потенциал важнейших балканских памятников для датирования некоторых категорий восточноевропейских древностей кратко рассматривался И.О.Гавритухиным [Гавритухин 1992; Пряжки ... - в печати; Византийские ... - в печати].

В указанной литературе содержатся необходимые ссылки на публикации важнейших памятников, обзор основных достижений и спорных аспектов изучения интересующих нас провинциальновизантийских находок фибул и пряжек. Важные для темы данной книги результаты этих работ кратко можно сформулировать следующим образом.

Культура северобалканских византийских провинций в интересующее нас время определялась процессом воссоздания после бурных событий конца 4 и 5 вв. нижнедунайского лимеса. Это строительство началось при Анастасии, но особый размах получило при Юстиниане Великом, а в дальнейшем было связано с серией прорывов "северных" варваров сквозь формируемую Константинополем систему обороны, попытками византийцев стабилизировать ситуацию, закончившимися крушением лимеса и, в последней четверти 7 в., – со становлением Первого Болгарского царства.

Соответственно, практически во всех ранневизантийских городах и укреплениях с конца 5 в., а в основном, ближе ***к середине 6 в.*** фиксируется активная строительная деятельность. К середине 6 в. на Нижнем Дунае относится серия пожаров и выпадение ряда кладов, связываемых с нападениями славян и некоторых групп восточноевропейских кочевников. Эти потрясения не остановили, скорее даже катализировали, процесс создания нового лимеса и связанное с этим распространение и становление новых форм специфической провинциальновизантийской военизированной моды. Особенностью северобалканских провинций Византии является заметное присутствие, прежде всего в некоторых формах украшений, элементов восточногерманской культуры, но этот компонент весьма ограничен и в значительной степени, хотя и в разных формах, переработан в духе позднеантичных стилей.

Новая волна пожаров и кладов приходится в Нижнем Подунавье на ***570-е – 580-е гг.*** Часть поселений, преимущественно небольших, в этот период прекращают существование, но на некоторых жизнь продолжается без существенных перемен в культуре. Этой картине соответствуют и данные письменных источников. Походы славян и авар причинили балканским провинциям Империи серьезные убытки, но не сломали систему обороны и управления полностью, послужив причиной контрнаступления византийцев при императоре Маврикии, особенно после заключения в 591 г. мира с Ираном. Новый горизонт разрушений в Нижнем Подунавье датируется монетами самого ***конца 6-ого или самого начала 7-ого вв.*** Очевидно, в связи с неурядицами в ходе восстания Фоки и последующими событиями северные провинции Империи были предоставлены самим себе, чем воспользовались соседи, возобновив набеги. К сожалению, после событий, описанных Феофилактом Симокатой, последние из которых упомянуты под 602 г., наступает период крайне скупо освещенный письменными источниками, потому в процессе крушения лимеса многое остается не ясным и вызывает споры.

По данным археологии ситуация в северной части Балкан в начале 7 в. выглядела следующим образом. На ряде поселений жизнь прекращается, но на некоторых – после разрушений и пожаров – она возобновляется, правда, не во всей полноте старых форм. Показательны материалы Истрии, Царичин-града, Ятруса. В этих и иных пунктах традиция каменного строительства сохраняется, но в более упрощенной технике. Пол-

номасштабной реконструкции или перестройки, как было раньше, не зафиксировано, а расчищается часть завалов, приспосабливаются и достраиваются некоторые сооружения. Уменьшается обжитая площадь. Провинциальновизантийская керамика сохраняется, но сокращается ее ассортимент, меняются некоторые типы, а главное – все большее распространение получают более грубые горшки, сравнимые с теми, что встречаются на ряде аварских могильников 2-ой и 3-ей группы. Они же характеризуют т.н. "градищенскую" эпоху материальной культуры славян севера Карпатской котловины и некоторые другие культурные группы Подунавья. Эти сосуды, начиная с Я.Эйснера, получили наименование "дунайские". Заметные изменения происходят в типах украшений и иных категориях древностей.

Похоже, что эта ситуация в целом сравнима с той, которая сложилась в Британии после того, как ее покинули регулярные римские войска или в Среднем Подунавье в эпоху святого Северина. Безусловно, эти аналогии не могут быть полными. Каждая из провинций была достаточно своеобразна. Следует отметить, что и ресурс выживания на Балканах был серьезно подорван предшествующими набегами. Все же очевидно, что после крушения нижнедунайского лимеса, бегства или увода в плен части людей, наконец – насильственного переселения некоторых общин (известно, что авары это практиковали), оставшиеся жители провинций постарались выработать новые формы самоорганизации, экономики, отношений с пришельцами, отражающие новые реалии. Это и фиксируют упомянутые археологические факты. Для нашей темы здесь особенно важен вопрос о хронологии периодов и форм сохранившихся остатков провинциальновизантийской культуры, их развитии практически вне Империи.

Хотя описанная ситуация стала на большей части Балкан обычной после восстания Фоки в 602 г., что подтверждают материалы Истрии и Царичин-града, для каких-то территорий такая организация жизни стала во многом реальностью и раньше, после походов 570-х – 580-х гг. Судя по монетным находкам, это, возможно, отражают материалы Ятруса, некоторых пунктов в районе Железных ворот и ряд других памятников. Контрнаступление византийцев конца 6 в., хотя было призвано и могло изменить баланс сил в пользу Империи, как известно, не закончилось восстановлением структуры Лимеса.

Итак, рубеж 6 и 7 столетий нельзя рассматривать как жесткую границу между якобы малосвязанными позднеантичной и раннесредневековой эпохами истории Нижнего Подунавья. Между ними находится целый пласт позднеантичной культуры, существовавшей вне системы Империи, а потому, с одной стороны – упрощающейся, варваризирующейся, постепенно растворяющейся в среде пришельцев, с другой – более ориентированной на их вкусы и нужды. Начало этого процесса, вероятно, приходится на последнюю четверть 6 в., а 602 г. знаменует лишь новый его этап – крушение одной из препон перед повсеместным распространением такой ситуации на Балканах. Применительно к какому времени, в таком случае, можно говорить о затухании, ассимиляции балканской провинциальновизантийской культуры?

Одна из возможных дат – ***начальные годы правления императора Ираклия*** (610-641). Аргументы в пользу этого: активизация славян, фиксируемая в районе Фесалоник (по одной из версий хронологии событий, описанных в житии святого Дмитрия Солунского), сведения о расселении сербов (по данным Константина Багрянородного), разрушение Салоны. Наконец, в отношении Нижнего Дуная есть археологический аргумент – на целом ряде византийских пунктов последние монеты относятся ко времени Фоки или началу правления Ираклия, после 613/14 г. происходит резкое сокращение денежного обращения и в целом, по сумме находок монет, на севере Балкан.

Тем не менее, строго говоря, все эти факты не могут быть свидетельством для установления terminus ante quem собственно позднеантичных традиций на Балканах. Для западного побережья и южной части полуострова, тех же Фесалоник, это не вызывает сомнений. В отношении Салоны не раз отмечалось, что последние из найденных надгробий византийского некрополя датируются позднее, чем разрушительный набег на город, не говоря о находках там еще более поздних византийских пряжек и монет [Гавритухин Пряжки ... - в печати]. Расселение сербов, как и приток иных славянских групп на Балканы, безусловно, способствовали ускорению процесса ассимиляции местного населения, но эти миграции не могут рассматриваться в качестве явлений, положивших конец его культуре. Наконец, прекращение притока монет еще не означает финала культуры. Примером могут служить среднедунайские провинции в конце 4 в. или Британия в начале 5-го столетия. Следует учитывать, что основные силы, в том числе и финансовые средства, Империи в это время концентрировались для отражения иранского натиска в Сирии, а позже – в Египте.

Таким образом, дату около 613 г. правильнее рассматривать не как действительный конец, а, скорее, как начало конца, terminus post quem финальной фазы культуры населения, сохраняющего позднеантичные традиции на севере Балкан. Как долго длилось его поглощение пришельцами и каковы были симбиозные формы – на современном уровне изученности вопроса судить трудно. Наверное, в разных местах это было поразному. Во всяком случае, о синтезе, действительно новом качестве, на севере Балкан едва ли можно говорить ранее 8 или конца 7 века (культура Первого Болгарского царства, западнобалканские могильники с ингумацией и другие явления, сменяющие мозаику гетерогенных, хотя иногда и заметно влияющих друг на друга групп типичную для предшествующего времени).

Учитывая представленную выше периодизацию и опираясь на доступные данные о стратифицированных находках с византийских поселений Нижнего Подунавья, попробуем охарактеризовать, каким образом смена периодов общей историко-культурной ситуации отражалась в эволюции интересующих нас фибул и ременных принадлежностей. Сведения об опорных для данной цели памятниках приведены на рис.64-66.

На эпоху Юстиниана приходится оформление и широкое распространение новых, довольно **стандартизированных образцов украшений**, во многом связанных с военным костюмом. Наиболее яркие новшества, типичные для культуры провинций Нижнего Подунавья – ***это пряжки типа Сучидава*** (рис.64:*1*; 65:*1-3,22,24*; 66:*2*) и ***литые*** "византийские" (то терминологии Й.Вернера) ***фибулы*** [Гавритухин Литые ... - в печати]. Достоверные находки таких вещей в слоях нижнедунайских поселений, отложившихся после разгрома лимеса, нам не известны.

Фибулы. ***Подвязные пластинчатые*** застежки представлены в эпоху реконструкции и активного функционирования лимеса многими разновидностями (Рис.52:*В*; 64:*6,7*; 65:*4-6,21,23*; 66:*10,11,13* – их конкретная характеристика – пока открытая тема; см. так же ***часть 2.2.2***). Нет никаких данных, чтобы рассматривать все это разнообразие в качестве дериватов литых фибул, как предлагали Дж.Янкович, Е.А.Горюнов и М.М.Казанский, хотя и утверждать прямо противоположное, что делает, например, О.М.Приходнюк, представляется неверным. Скорее, ряд особенностей, сближающих литые и типичные для рассматриваемого круга древностей подвязные фибулы (U-образная профилировка ножки, некоторые детали орнамента и др.) – следствие общей тенденции или близости круга прототипов (один из вариантов конкретизации этого утверждения см. в [Гавритухин Византийские ... - в печати]), не исключая и взаимовлияний.

Увеличение ширины пластины – один из основных показателей предложенного Дж.Янковичем [Янкович 1980, Јанковић 1981] типологического ряда подвязных балканских фибул. Однако, для рассмотрения выделяемых югославским ученым вариантов как однозначно сменяющих друг друга, да еще в предложенных им хронологических рамках (конец 6 и начало 7 вв.), типологических и общеисторических наблюдений явно не достаточно. Несмотря на малочисленность, находки из стратифицированных слоев и закрытые комплексы показывают, что экземпляры с довольно широкой спинкой появляются не позднее третьей четверти или середины 6 в. (Садовец, Виминцай Више Гробаль – восточногерманский могильник с вещами 6 века – рис.52:*18*; 65:*5,6*) и продолжают существовать в комплексах с геральдической гарнитурой (Дюрсо – рис.52:*20,21*), а более "архаичные" – встречаются по крайней мере до конца 6 в. (Тропеум Трояни – рис.64:*6,7*). Указанные примеры, впрочем, иллюстрируют сложность реальной эволюции, а не полную непригодность наблюдений Дж.Янковича и других исследователей. Во всяком случае, комплексов с фибулами, имеющими относительно широкую пластинчатую спинку, и относимых ко времени, предшествующему "не раннему" 6 веку, мы не знаем, а особо широкие спинки (рис.52:*Б*) – признак фибул культуры Коман 7-8 вв. Показательно для подтверждения наблюдений Дж.Янковича и сравнение образцов рассматриваемых здесь фибул из Ятруса (рис.66:*10-11* и 66:*13*).

Менее многочисленны на балканских памятниках Империи типы и серии фибул, связанные, как правило, с варварским, прежде всего ***восточногерманским***, компонентом культуры провинций, хотя и не только с ним. Некоторые такие серии (как на рис.52:*23,24*) вытесняются, по-видимому, в эпоху реконструкции лимеса, провинциальновизантийскими типами. Другие (как на рис.66:*12*), похоже, продолжают существовать. Показательно, что распространение таких серий в провинциях очень компактно, отражая зону влияния культуры людей, носивших эти вещи.

Пальчатые фибулы из слоев провинциальновизантийских поселений немногочисленны. Некоторые из них относятся к сериям, распространенным у варваров восточногерманского культурного круга, бывших северными и северо-западными соседями Империи [Fiedler 1992, с.91-105]. Своеобразный синтез восточногерманских и позднеантичных культурных традиций отмечается всеми исследователями фибул серии Арчар типа Аквилея (нюансы предлагаемых интерпретаций для нашей темы не важны). Пальчатые фибулы, найденные в слоях, отложившихся после или в эпоху крушения лимеса – во многом иные.

Миниатюрная фибула из верхнего слоя Царичин-града (рис.66:*6*) относится к варианту Кишкерош типа Сармизегетуса-Кишкерош [Гавритухин 1992, с.128-129]. Близкие аналогии известны на эпонимном для варианта могильнике аварского круга и поселении пражской культуры в Демьянове (рис.105:*18*, ***часть 3.7*** и ***4.6*** данной работы). Второй, найденный в том же контексте, экземпляр из Царичин-града (рис.66:7) относится к типу IIC днепровской подгруппы (см. ***часть 2.2.1***). Обе упомянутые вещи и некоторые другиее находки этого памятника нельзя рассматривать как трансформации более ранних местных традиций, очевидно, они появились здесь вместе с пришельцами из-за Дуная.

По обломку фибулы из Диногеции (рис. 64:*9*) трудно дать достаточно узкое типологические определение, а поэтому любая ее интерпретация в культурном контексте будет уязвима. Нам не известны аналоги находки из Ятруса (рис.66:15) на уровне узкого варианта. Особенности пропорций и деталей ножки изделия вполне могут рассматриваться в контексте деградации фибул серии Арчар, хотя и не безусловно; прочие элементы пока так же трудно интерпретировать однозначно.

Пальчатая фибула днепровской подгруппы известна в Нове Черна [Милчев, Ангелова 1970], в горизонте, относящимся к периоду после разгрома византийской крепости 6 в. (последние из немногочисленных монет относятся здесь ко времени Юстиниана), но до слоев Первого Болгарского царства. В яме, где найдена фибула, есть как провинциальновизантийская керамика (крупные фрагменты), так и фрагменты посуды пражской культуры. Точное определение интересующей нас вещи дать трудно, поскольку ее детали не ясны из-за плохой сохранности вещи или качества публикации.

Рассмотрение пальчатых фибул, связанных с памятниками, где фиксируются позднеантичные традиции, показывает, что наиболее интересные для нашей темы экземпляры нельзя понять, оставаясь в рамках материала данной части работы. В то же время, однозначно исключать культурный круг позднеантичных традиций из

анализа процесса формирования пальчатых фибул поствосточногерманских форм – преждевременно. Решение этого вопроса требует рассмотрения значительно более широго круга вещей. В объеме, необходимом для данной работы, это сделано в ***частях 2.2.1, 4.3, 4.6, 5.***

Помимо пластинчатых и пальчатых фибул, для нас особой важностью обладают **детали геральдической ременной гарнитуры**. Находки в Садовце и Тропеум Трояни (рис.64:*5*; 65:*7-16*) дают образцы наиболее ранних стилей и свидетельствуют, что такие наборы появились не позднее третьей четверти 6 в. Поздние горизонты нижнедунайских поселений не дают столь представительных подборок, как погибший во время штурма Садовец. Но о том, что и в 7 веке геральдические ременные гарнитуры не вышли на Балканах из употребления, свидетельствуют находки пряжек, обычных для комплексов с геральдическими накладками (рис.64:*3*). Рассмотренные в ***части 2.1.1.2*** накладки из Садовца принадлежат понтийскому кругу византийской культуры. Т-образная накладка из Царичин-града (рис.66:*9*) относится к одному из вариантов, распространенных в основном на могильниках Аварского каганата (см. ***часть 2.1.3***).

Довольно представительный подбор деталей геральдических гарнитур происходит с византийских могильников Нижнего Подунавья, на которых где-то во второй половине 6 в. возобновляются погребения с инвентарем. Большая часть известных на Балканах изделий принадлежит той же традиции, что и упомянутые находки из Садовца. Лишь А.К.Амброз ставил вопрос об эволюции поясов внутри этого круга [Амброз 1973]. К сожалению, исследованные участки византийских некрополей либо невелики, либо опубликованы без планов. Не отличаются интересующие нас погребения и обильностью инвентаря. Поэтому собственных материалов для анализа этих памятников методами таблиц сочетаний признаков в комплексах или планиграфического распределения не достаточно. Стоит все же отметить, что некрополи, где представлены элементы геральдических стилей наиболее полно, связаны с поселениями, несомненно продолжавшими существовать после крушения лимеса на рубеже 6 и 7 столетий (Пьятра Фрекацей, Истрия, Томы – рис.64).

Среди прочих ременных принадлежностей с памятников позднеантичного культурного круга отметим **пряжки восточногерманских культурных традиций**. Одна из них известна в Садовце и датируется около середины или третьей четверти 6 в., хотя тип таких изделий появился раньше, в эпоху центральноевропейских стилей периода D/3. Другая, орлиноголовая пряжка из Ятруса (рис.66:*14*), соотносится с эпохой после разрушения здесь византийской крепости. Не исключено, правда, что это украшение переотложено, но и оснований для опровержения даты этого экземпляра в рамках конца 6 и какой-то части 7 вв. нет (см. ***часть 3.3***).

Не редки на рассматриваемых памятниках находки пряжек с **коробчатой петлей**. В стратифицированных слоях они относятся к горизонтам, датируемым не ранее рубежа 6 и 7 вв. (рис. 64:*2,4*; 66:*4*). Мнение С.Уенце о провинциальновизантийском происхождении всей группы этих вещей и отнесении ряда типов к кругу влияния позднеантичной традиции [Uenze 1966] не имеет контраргументов, возражения, а точнее – корректировки, связаны лишь с некоторыми заниженными ею датами [Гавритухин Пряжки ... - в печати].

3. Крым

Географически и культурно-исторически Крым делится на три важнейшие ***области: степную***, охватывающую большую часть полуострова, ***восточную*** (Боспор) и ***юго-западную*** (южный берег и примыкающие к нему горы и плоскогорья).

В степном Крыму из древностей 6-7 вв. известны единичные захоронения кочевников. Эти комплексы и близкие им, происходящие из Причерноморских и Приазовских степей, по результатам типологического анализа имеют ряд соответствий в днепровских кладах. Но собственных материалов для создания убедительной относительной хронологии встреченных здесь геральдических гарнитур немного, фибул нет, а основания для абсолютной датировки отсутствуют. Периодизация боспорских материалов пока разработана недостаточно. Надежные собственные основания для убедительной хронологической дифференциации геральдических ременных гарнитур и сопутствующих им древностей пока не сформулированы. В существующих системах важные для нашей темы боспорские вещи относятся к одному периоду, который датируется по аналогиям [Амброз 1971а; 1992; Засецкая 1990].

Опорными для построения хронологии крымских материалов 6-7 вв., да и для многих других территорий, являются могильники юго-западного Крыма (типа нижнего горизонта Суук-Су).

В **отечественной литературе** определение этих древностей, положившее конец их неоправданно широкой датировке и ряду дилетантских суждений, было дано В.К.Пудовиным [Пудовин 1961]. Следующий этап их изучения связан с работами А.К.Амброза. В основу предложенной им хронологической системы положены наблюдения над эволюцией комплектов женских украшений восточногерманской традиции, подвергшихся местным переработкам и испытывавших постоянное влияние византийской культуры, а так же отражающих контакты с другими народами (орлиноголовые и иные типы пряжек, двупластинчатые и пальчатые фибулы, серьги, браслеты, ожерелья). Их эволюция рассматривается в контексте изменения прочих категорий украшений. Составленные этим исследователем таблицы сочетания типов или признаков в комплексах демонстрируют полученную периодизацию, а собственные монеты и датированные аналогии послужили основанием для хронологии периодов [Амброз 1971а; 1988; – в печати].

Более или менее развернутая критика полученных А.К.Амброзом выводов прозвучала в работе И.С.Каменецкого, Б.И.Маршака, Я.А.

Шера. Они акцентировали внимание на формальной стороне таблицы сочетаний признаков, опубликованной А.К.Амброзом в 1971 г., и дали ее собственную версию [Каменецкий, Шер, Маршак 1975]. Вновь методические аспекты формальной корректности таблиц А.К.Амброза и указаных авторов были подробно рассмотрены Д.Л.Талисом. Он показал ряд недочетов в алгоритмической строгости работы упомянутых авторов и с учетом этих ошибок создал свой вариант той же таблицы. В результате был сделан вывод, что с однозначной жесткостью по материалам таблицы можно говорить о двух периодах крымской хронологии, соответствующих нижнему и верхнему горизонту Суук-Су [Талис 1989]. Иными словами интересующие нас древности, если ограничиться уровнем формально безусловной очевидности, хронологически не разделяются. Это заставляет искать более гибкую стратегию, учитывающую содержательные, алгоритмически не жесткие (во всяком случае пока) наблюдения в сочетании с ограничиваемыми целесообразностью максимально строгими процедурами.

Работа в этом направлении были продолжена В.Е.Родинковой, заново обратившейся к материалам Суук-Су. Анализ украшений по комплексам продемонстрировал, что погребения каждого склепа на этом памятнике принадлежат одной или, изредка, соседним хронологическим группам. Это позволяет считать, что погрешность выводов в отношении коллективных могил с нерасчлененными по костякам вещами, как правило, не велика и дает дополнительные перспективы синхронизации мужских и женских наборов инвентаря. В целом, полученная В.Е.Родинковой последовательность типов и комплексов совпадает с системой, предложенной А.К.Амброзом. Расхождения касаются правомерности выделения более или менее дробных периодов и, соответственно, оценки хронологической показательности типов или вариантов вещей [Родинкова 1995].

Важнейший вклад в изучение рассматриваемой темы внес А.И.Айбабин. В отличии от многих авторов, ограничивающихся кругом вещей и типологических построений, предложенных А.К.Амброзом, он вводит в оборот новый материал, в том числе – из принципиально важных собственных раскопок. К анализу хронологии начинают привлекаться (пока в небольшом объеме) категории инвентаря, не рассматривавшиеся в этой связи ранее – стеклянные и керамические сосуды. На этой основе уточняются старые или предлагаются новые типологические разработки и дается собственная версия хронологической системы Крыма [Айбабин 1988; 1990; Веймарн, Айбабин 1993; Aibabin 1993; там ссылки на остальные работы]. Нельзя сказать, что все полученные этим автором результаты общепризнаны, однако, с развернутой критикой или предложением альтернативной, столь же фундированой системы, в печати никто пока не выступил.

С формальной точки зрения к системе А.И.Айбабина, представленной наиболее наглядно таблицей сочетания типов и вариантов вещей в комплексах [Айбабин 1990, рис.2], можно предъявить претензии. Во-первых, комплексы не дифференцированы, поэтому полученные в таблице группы могут отражать, наряду с хронологическими, поло-возрастные или культурные особенности. Во-вторых, пестрота комплексов приводит к "смазаности", невыразительности картины: многие типы "растягиваются" по таблице (что может создавать сомнения в удачности некоторых типологических построений), эволюционно примыкающие комплексы оказываются разорванными, последовательность типов и групп комплексов не всегда понятна.

Очевидно, что за этими особенностями таблицы А.И.Айбабина стоит не бессмысленная небрежность, а определенное, связанное с многолетним опытом, видение материала, что и позволяет ему предлагать последовательность признаков, типов, комплексов и группировать их в периоды. К сожалению, ряд наблюдений и сопоставлений, лежащих в основе системы, остаются за рамками текста. Принципиально важный вопрос, почему хронологические границы между комплексами проведены именно в данном месте – не обсуждается. Краткая характеристика периодов в тексте [Айбабин 1990, с.59-64] не снимает вопроса: действительно ли в основе периодизации лежит непосредственно таблица, о чем гласят первые строки и характер указанного отрывка, или же таблица есть один из этапов работы и иллюстрация результатов? Если периодизация задается именно таблицей, необходимо четко оговорить принцип хронологического членения последовательности комплексов, алгоритм образования последовательности и т.д., в противном случае – указанные выше (и, наверное, иные) формальные претензии к таблицам такого типа вступают в силу.

Но, вероятно, в основе хронологической группировки А.И.Айбабина лежат и принципиальные содержательные соображения, пусть даже не алгоритмизированые. Таковые, судя по замечаниям, оброненным в разных местах типологического раздела работы крымского ученого, несомненно присутствуют. Тогда они должны быть по возможности концентрировано и последовательно изложены. Желательно их соотнесение с важнейшими альтернативными точками зрения и возможными контраргументами. Поскольку этого нет, для того, чтобы оценить интуицию крупнейшего в настоящее время знатока раннесредневековых украшений Крыма, приходиться делать дополнительную работу. Ниже мы предлагаем ее результаты в отношении древностей, важных для темы нашей книги.

Чтобы разобраться в указаных точках зрения на хронологию древностей типа нижнего слоя Суук-Су представляется целесообразным выделить и раздельно рассмотреть **три блока материалов**: ***комплексы с женским парадным убором; с геральдической ременной гарнитурой; стратифицированные могилы***, преимущественно из Лучистого. И только после этого получающаяся на основе соотнесения выводов хронологическая система может оцениваться как целое.

Как было указано, ***парадный женский набор южнокрымских украшений*** лежит в основе периодизации А.К.Амброза. Он же в основном рассматривается в работе В.Е.Родинковой. Важное место эти вещи занимают и в системе

А.И.Айбабина. Для удобства соотнесения точек зрения в данной работе мы предлагаем таблицу (рис.67), совмещающую результаты работ указанных авторов [Амброз 1988; Айбабин 1990; Родинкова 1995]. Анализируются лишь вещи из Суук-Су, выборка которых вполне представительна и составляет основу всех трех сравниваемых систем. Как оказалось, вполне можно предложить последовательность комплексов, не противоречащую всем разбираемым их группировкам. Вопрос, таким образом, теперь заключается в том, какие из выделяемых наборов женских украшений отражают хронологические изменения, а какие вариации вызваны иными причинами.

Всего, с учетом наиболее дробных современных типологий, получается 9 ("а-и" – по рис.67) вариантов наборов южнокрымских женских украшений восточногерманской традиции. Ниже они перечислены с указанием характерных типов и вариантов пряжек и фибул (по А.К.Амброзу с дополнениями А.И.Айбабина в отношении двупластинчатых фибул; варианты орлиноголовых пряжек отличаются длиной держателя – по А.И.Айбабину, варианты 1а и 1б отражают более дробное подразделение, предложенное А.К.Амброзом). Особо отмечены серьги, не столь показательные для дробной группировки, а ожерелья (подвески, бусы) – здесь не рассматриваются.

Наборы женских украшений:

а – ***орлиноголовые пряжки*** варианта 1а и ***двупластинчатые фибулы*** варианта 1а.

б – ***орлиноголовые пряжки*** варианта 1б и ***двупластинчатые фибулы*** варианта 1б или 1а.

в – ***орлиноголовые пряжки*** варианта 2 и ***двупластинчатые фибулы*** варианта 2а или 1(м.б. только подвариантов 1а или 1б?).

г – ***пряжки с изображением на щитке льва*** и ***двупластинчатые фибулы*** варианта 2а или 1.

д – ***пряжки с изображением на щитке льва*** или ***креста*** и ***двупластинчатые фибулы*** варианта 2б или 1.

Пряжки с изображением на щитке льва или креста могут сочетаться с ***подвязными*** или некоторыми вариантами ***керченских*** фибул, такой набор изоморфен "г", возможно, и "д".

е – ***орлиноголовые пряжки*** варианта 3 и ***двупластинчатые фибулы*** варианта 1 или 2.

В наборах а-е часто встречаются ***золотые полиэдрические серьги.***

ж – ***орлиноголовые пряжки*** варианта 3 или типа ***Сиракузы*** и ***днепровские фибулы*** или ***двупластинчатые*** варианта 3.

з – ***орлиноголовые пряжки*** варианта 4 или типа ***Сиракузы*** и ***днепровские*** или ***керченские пальчатые фибулы*** или ***двупластинчатые*** варианта 3.

В наборах ж-з ***серьги*** не известны.

и – ***геральдические***, имеющие ***цельный корпус*** или ***крестовидные пряжки*** и ***днепровские пальчатые*** или ***двупластинчатые фибулы*** варианта 3 (м.б. ***керченские пальчатые фибулы***?), а так же – ***серьги с замком на кольце*** или ***литые с шариками-подвесками***.

Как уже отмечалось, с жестко формальной точки зрения, наиболее последовательно изложенной Д.Л.Талисом, оснований для группировок выделенных наборов нет, ведь различия между ними небольшие, "пошаговые". Очевидно, что при таком подходе, в принципе, возможна хронологическая дифференциация лишь в случае резких изменений культуры. Но если взять крайние точки получающейся цепочки, то оказывается, что разница между ними очень существенна. Набор "а" не имеет общих признаков с "ж,з,и", а набор "и" с "а,б,в,г,д,е".

Фактически именно эти группы предлагает рассматривать как два хронологических периода В.Е.Родинкова. Второй период ее системы совпадает с периодом 4 по А.К.Амброзу. Различия между группами "а-е" она не считает хронологическими, поскольку: 1) разница между орлиноголовыми пряжкам наборов "а-б" и "в-е" не столь уж велика (держатели длиной 1-1,4 и 2-2,4 см); 2) пряжки с изображениями львов и крестов "вклиниваются" в плавную последовательность орлиноголовых, а потому не могут рассматриваться как основание для выделения особого периода; 3) прочий инвентарь - серьги, двупластинчатые фибулы с накладками – в наборах "а-е" не различается; 4) двупластинчатые фибулы с выступами на головке, подвязные фибулы и некоторые другие вещи не образуют групп, сменяющих варианты тех же типов.

Для подхода к выделению периодов, реализованного в системах А.К.Амброза и А.И.Айбабина, показательно не столько устойчивое, однозначное сочетание типов или вариантов (хотя это, конечно, важно), сколько появление, накопление инноваций. Именно они и показывают наступление нового этапа, хотя типологически более ранние вещи продолжают существовать и лишь постепенно пропадают. Представляется, что такой подход способен наиболее адекватно отразить действительную эволюцию. В то же время, здесь трудно добиться однозначности, что видно из сравнения даже таких во многом близких точек зрения как у А.К.Амброза и А.И.Айбабина. Различия этих систем между собой связаны с разногласиями в выделении признаков, которые следует рассматривать именно как хронологические, а не одновременные (в рамках периода) вариации. Решение этой проблемы несводимо к формальной работе с таблицами, а возможно лишь при обращении к иным материалам, синхронизации эволюционного ряда женских украшений с периодами, выделяемыми по другим категориям инвентаря и при опоре, где это возможно, на стратиграфические или иные наблюдения.

В южнокрымских материалах круга нижнего горизонта Суук-Су, кроме женских украшений, информативный материал для группировки комплексов и выделения периодов на их основе предоставляют ***ременные гарнитуры***. Их рассмотрением наиболее подробно занимались А.К.Амброз и А.И.Айбабин.

В работах А.К.Амброза [Амброз 1973; 1988; – в печати], в соответствии с целями этого автора, крымские находки как особое целое не анализируются. Вне зависимости от местонахождения, геральдические накладки и прочие детали ремней группируются интуитивно, по "искусствоведчески" выделяемым особенностям стилистики формы и орнаментации. И только полученные 4 группы геральдических стилей соотносятся с их географическим и хронологическим распределением. Крымские материалы важны для А.К.Амброза, поскольку именно здесь есть воз-

можность синхронизировать стили геральдических гарнитур с эволюцией женских украшений. Совстречаемость этих категорий вещей в одних могилах, иногда даже на одном скелете, подтверждает построенные А.К.Амброзом типологические ряды. Периоду I Суук-Су соответствует 1-я группа геральдических стилей, периоду III - 2-я; IV - 3-я, однако случаев указанной совстречаемости не так уж много. Вопрос о том, насколько приведенные в работах А.К.Амброза примеры отражают закономерность эволюции гарнитур южнокрымских ремней требует дополнительного анализа.

Вариант решения этой проблемы пока предложен лишь А.И.Айбабиным, рассмотревшим дробную типологию деталей крымских ременных наборов и сочетания типов или вариантов пряжек и накладок в комплексах [Айбабин 1990, с.52-57, 177-181]. В соответствии с темой нашей работы мы предлагаем таблицу, куда из материалов А.И.Айбабина выбраны лишь комплексы с деталями геральдических и близких им гарнитур, и важные для синхронизации вещи (рис.68,68а).

Для выделения по материалам таблицы групп следует учесть, что некоторые из них включают изделия, различающиеся функционально или характерные для других наборов (они обозначены на рис.68 особыми значками). По этой причине для комплектования групп лишь второстепенное значение имеют детали уборов иного круга (фибулы, пряжки рассмотренных ранее женских наборов, пряжки типа Сучидава и Сиракузы). Кроме того, в таблице присутствуют мелкие пряжки, использовавшиеся в обувных или на дополнительных, чаще - подвесных, ремнях. Поскольку целью предлагаемой группировки является рассмотрение набора как целого, выделять группы только по наличию мелких пряжек было бы нецелесообразно. Поэтому кажущееся естественным разделение наборов 6а и 6б мы считаем отражающим прежде всего функциональное различие ремней и рассматриваем в рамках одного этапа. Это касается и других случаев, например, наборов 1, 4 и т.д.

В итоге получилось 8 наборов, содержащих крымские геральдические или подобные им накладки на ремни (рис.68,68а). Состав и место наборов в таблице близки тем, что предложены А.И.Айбабиным. Расхождения касаются лишь последовательности ременных наборов 6 и 7, что не принципиально, поскольку по хронологии А.И.Айбабина они относятся к одному периоду. Отличия в позициях некоторых типов - чисто технические, они связаны со стремлением сделать нашу таблицу более выразительной. Это не ломает, даже делает более наглядной группировку А.И.Айбабина. Действительные отличия единичны. Например, мы считаем, что узкие удлиненные наконечники ремней, с узкой прорезью, напоминающие некоторые неволинские (признак 139 по А.И.Айбабину) - более поздние, и соответствуют набору 8, а не появляются во время существования набора 5. Это, и некоторые возможные подобные уточнения сделали бы и таблицу А.И.Айбабина более компактной, не изменив положения других комплексов.

Случаев перекрывания могилами друг друга в Южном Крыму немного, и они не могут быть надежным основанием для корректировки типологических рядов. Анализ могильников методом планиграфического распределения возможен лишь для единичных, раскопанных большой площадью и опубликованных памятников. Для Суук-Су такую работу сделал А.К.Амброз. Полученный результат не противоречит его построениям, хотя и не может рассматриваться как однозначный аргумент в их пользу [Амброз - в печати]. Опыт планиграфии Скалистинского могильника недавно предложен К. фон Лоэ, пока опубликованы лишь тезисы его доклада [Lohe 1994]. Эта работа показала, что для указанного памятника возможен более детальный анализ, чем краткое замечание А.И.Айбабина [Веймарн, Айбабин 1993, с.198], но и здесь выделяемые планигафически тенденции слишком общи и не могут корректировать разработанные для южнокрымских материалов дробные типологические построения. Что касается некоторых типологических определений и абсолютной хронологии, предлагаемых немецким исследователем, следует отметить, что они во многом вызывают недоумение, хотя в полной мере оценить правомерность и обоснованность высказанных взглядов по кратким тезисам и устному выступлению невозможно.

Важный материал для определения относительной хронологии ряда вещей предоставляют ***коллективные могилы, где есть возможность с достаточной степенью определенности оценить последовательность хотя бы некоторых захоронений***. К сожалению, могил, не нарушенных и не ограбленных, содержащих к тому же представительные наборы вещей на нескольких скелетах, кроме того, хорошо раскопанных и опубликованных, в Крыму не так уж много. Анализ важнейших из них проделан [Айбабин 1990, с.61-62; Амброз - в печати]. Большинство таких могил известно в Керчи и Херсонесе. При всей принципиальной важности, они содержат материал, лишь опосредовано и не детально подтверждающий некоторые существенные для нашей темы оценки А.К.Амброза, А.И.Айбабина и других исследователей могильников типа Суук-Су (гепидские орлиноголовые пряжки - раньше боспорских и иных вещей, встреченных с геральдическими гарнитурами; те, в свою очередь - раньше ряда типов мелких византийских пряжек; крымские переработки фибул типа Аквилея сосуществуют как с ранними полыми пряжками, так и довольно развитыми геральдическими ременными гарнитурами и т.д.).

Из южнокрымских объектов такого рода особенно ценен раскопанный А.И.Айбабиным в Эски-Кермене склеп 257 [Айбабин 1982, с.183-188] (рис.70-71). Хотя он не имеет ниш, как в керченских или херсонесских склепах, но кажется достаточно очевидным, что погребения 5,6,8 в данной могиле отражают наиболее ранний период ее функционирования, к которому и относится подвеска из монеты, чеканеной в последнее десятилетие правления Ираклия (629/630-641), а погребения 1-4 относятся к заключительному периоду использования склепа, с которым связана монета Константина IV (668-685).

Особое место в изучении раннесредневековой хронологии Крыма занимают **стратифицированные могилы из Лучистого**, исследованные А.И.Айбабиным. Их полная публикация пока отсутствует, поэтому для данной работы были

собраны сведения, разбросанные в кратких отчетах или аналитических разработках автора раскопок [Айбабин 1984; 1985; 1988; 1990, с.62-63,233; 1995]. Хотя комплексы находок, связанные с конкретными погребениями, во всей полноте и не доступны, имеющиеся сведения дают возможность разделить наборы вещей по горизонтам. Они определяются тем, что в ряде долговременных склепов иногда по несколько раз обваливался потолок и последующие погребения происходили на образованной в результате обвала стерильной прослойке.

Предложенная А.И.Айбабиным синхронизация этих горизонтов с нашей точки зрения несколько механистична. Хотя в его текстах прямо не говориться, но, судя по таблицам, как бы предполагается, что: 1) синхронизация горизонтов всех введенных в научный оборот долговременных склепов должна начинаться с одного уровня, однако, это было бы правомерно, если доказать, что использование всех их прекратилось почти одновременно (т.е. в течении одного археологического периода); 2) частота обвалов для всех могил одинакова; но и это не безусловно, даже если эти обвалы были вызваны довольно мощными землетрясениями.

Учитывая сказанное, представляется более правильным начать с синхронизации горизонтов разных склепов по максимальному числу схожих вещей, стараясь при этом добиваться совпадения слоев обвалов в как можно большем числе сооружений. Результаты построенной таким образом реконструкции представлены на рис.69.

В итоге по доступным данным из склепов 10, 36, 38, 43, 46, 54 получается следующая картина эволюции украшений населения, оставившего могильник в Лучистом. В довольно бедном находками ***горизонте А***, наиболее раннем для указаных могил, присутствуют орлиноголовые пряжки варианта 2 (как на рис.69:*4*), своеобразная фибула с двумя рядами крючковидных выступов на ножке (рис.69:*23*) и простенькие пряжки, аналоги которым известны начиная с 5-го в. (рис.69:*13*). Далее следует обвал, фиксируемый во всех склепах, после которого их использование возобновляется и появляются новые – 43-й и 46-й.

Горизонт Б, похоже, был довольно кратковременным и стратиграфически отражен лишь в склепах 43 и 54. Вещи этого времени в прочих склепах нужно выделять, опираясь на анализ комплексов по костякам и типологические соответствия предметам. В этот период продолжают бытовать орлиноголовые пряжки варианта 2 (рис.69:*4*), появляются пряжки типа Сиракузы и, вероятно, некоторые варианты антропо-зооморфных фибул. Пряжки со львом и двупластинчатые фибулы с выступами на головке на этом этапе существуют, хотя, не исключено, что они могли появиться и раньше.

Горизонт В характеризуется обилием пальчатых фибул днепровской подгруппы и других вещей, обычных в днепровских раннесредневековых кладах группы 1 (рис.69:*5-11,13-18,34,36-44*). Очевидно, этому времени соответствуют орлиноголовые пряжки варианта 3. На период их смены вариантом 4 приходится небольшой обвал, затронувший склепы 38 и 10. Это стратиграфически отделяет ***горизонт Г***. Вещи днепровского круга и пряжки с коробчатой петлей (рис.69:*20*) в это время еще в ходу. Использование склепа 46 уже закончилось.

Далее следует толчок, вызвавший обвалы почти во всех склепах. После него большая их часть использовалась, очевидно, недолго или же погребальный инвентарь становится значительно более бедным. Представительный набор вещей ***горизонта Д*** есть лишь в склепе 10. В отношении склепа 54 следует учитывать две версии. Если потолок над слоем 3 устоял, можно предполагать, что днепровские вещи в эпоху горизонта Д еще носились, если же склеп был временно заброшен, можно говорить о заметной смене моды у жителей в окрестностях Лучистого. Появление миниатюрных фибул (рис.69:*29*) и, вероятно, вторичное использование починенной двупластинчатой застежки (рис.69:*30*) можно трактовать и как свидетельство снижения уровня материального благосостояния лучистинских жителей, что понятно, принимая во внимание стихийные бедствия. ***Горизонты Е и Ж*** отражают эпоху, когда вещи, типичные для нижнего горизонта Суук-Су вышли из употребления.

Оценивая полученную картину, отметим, что многие следующие из нее выводы совпадают с теми, что сделаны А.И.Айбабиным. Более того, представляется, что предложенная нами реконструкция в большей степени соответствуют ряду его наблюдений над крымской хронологией, чем схема, опубликованная самим автором раскопок в Лучистом, хотя, безусловно, окончательная оценка любых гипотез будет возможна лишь после максимально полной публикации памятника. В любом случае, материала, доступного к настоящему времени, достаточно для утверждения, что типологическая тенденция и дробное подразделение, положенные в основу классификации орлиноголовых пряжек А.К.Амброзом и А.И.Айбабиным, отражают именно хронологические изменения этих вещей. Для нашей работы это важно еще и потому, что при синхронизации типологических рядов женского убора с группами ременной гарнитуры, хронологическое значение последних менее очевидно, а потому позволительно допускать большую свободу в корректировке результатов, отраженных в таблице сочетаний вариантов ременных накладок и пряжек геральдического круга.

Соотношение материалов, полученных при рассмотрении итогов изучения эволюции южнокрымского женского убора восточногерманской традиции, крымских геральдических и близких им ременных наборов, стратифицированных могил из Лучистого и склепа 257 в Эски-Кермене, представлено на рис.72. Там же отмечены комплексы и вещи, являющиеся основой синхронизации, выделяемые нами периоды и датирующие их наиболее поздние монеты. В итоге нами предлагается следующая схема эволюции южнокрымских материалов круга нижнего горизонта Суук-Су.

Фаза 1 характеризуется женскими уборами вариантов "а" и "б", ременным наборами варианта 1. Она соответствует периоду 1 А.К.Амброза и группе 6 А.И.Айбабина. Представляется, что различия, фиксируемые женским убором небезразличны хронологически и им будет найдено соответствие в изменении других категорий инвентаря, поэтому эту фазу, пока предварительно, мы подразделяем на периоды 1а и 1б.

Фаза 2 – время господства женских уборов вариантов "в-е" и ременных наборов вариантов 2-4. Она соответствуют горизонтам А и Б, выделенным по стратифицированным склепам Лучистого. Синхронизирующие вещи – пряжки с изображением льва или крестов; двупластинчатые фибулы варианта 2; более развитые, чем ранее, варианты орлиноголовых пряжек. Продолжающееся активное использование двупластинчатых фибул варианта 1 и золотых полиэдрических серег – заставляют рассматривать различия указаных ременных гарнитур как вариации в рамках периода. Правда, в рамках этой фазы достаточно очевидно можно отметить как "архаичные", так и "поздние" комплексы. На относительно позднюю позицию указывают появление двупластинчатых фибул вариантов 1в и 2б, некоторое увеличение длины держателя орлиноголовых пряжек, возможно – появление пряжек с крестами. Материалы Лучистого заставляют включить в этот список и пряжки типа Сиракузы. Вероятно, этим новациям сопутствует и накопление изменений в стилистике украшений ремней. Учитывая это, рассматриваемые древности должны подразделяться на периоды 2а и 2б, что отмечено как А.К.Амброзом, так и А.И.Айбабиным, правда каждым по своим критериям. Однозначно провести границу между периодами 2а и 2б достаточно трудно, не исключено, что со временем возникнет возможность и более дробного деления.

В отношении указаных выше аргументов В.Е.Родинковой следует отметить, что сделанным ей наблюдениям можно предложить и иную интерпретацию: 1) хронологическое значение даже кажущихся незначительными изменений в длине держателей у орлиноголовых пряжек подтверждается стратифицированными склепами в Лучистом, так что эволюция этих вещей происходила скорее плавно и была растянута во времени, а не скачкообразно, как следует из наблюдений этой исследовательницы и В.К.Пудовина; 2) в предложенной периодизации, впрочем, как и в системах А.К.Амброза и А.И.Айбабина, пряжки со львами или крестами "вклиниваются" в плавный ряд орлиноголовых лишь на таблице, фактически же каждому из выделяемых периодов соответствует "шаг" в эволюции орлиноголовых пряжек; 3-4) различия в ритмах изменений разных категорий или типов украшений, наверное, отражают объективную реальность, чтобы интерпретировать эти факты необходимо особое исследование; следует иметь в виду и то, что частота или компактность в таблице тех или иных вещей может быть связана, кроме того, с несовершенством типологии, недостатком количества учтенных категорий вещей, ограниченностью источников, иными причинами, затемняющими действительную картину.

Фаза 3 включает женские уборы вариантов "ж-и", наиболее яркий признак здесь – массовое появление вещей, типичных для Поднепровья, кроме того показательны орлиноголовые пряжки с длинными держателями, двупластинчатые фибулы варианта 3 и северопонтийские варианты фибул типа Аквилея (хотя некоторые из них, что не исключено, например, в отношении Керчи, появляются несколько раньше), пряжки с коробчатой петлей, миниатюрные фибулы. Все это заставляет рассматривать в рамках одной фазы ременные наборы вариантов 5-7.

Как и в предшествующих фазах, здесь выделяются более и менее архаичные комплексы. К признакам, отсутствующим в последних, относятся самые длинные держатели у орлиноголовых пряжек, вероятно, некоторые типы пряжек византийского круга, отдельные типы серег. В схеме А.И.Айбабина это заставило исследователя объединить в хронологическую группу 8 наиболее архаичные комплексы, отнесенные нами к фазе 3, с наиболее поздними фазы 2, считая показательной прежде всего близость орлиноголовых пряжек. Нам же представляется, что для периодизации (при разработке которой целесообразно стараться за эволюцией артефактов увидеть и изменения иных сторон исторического процесса) более показательна радикальная смена, фиксируемая не только фибулами (появляются как новые их варианты, так и совершенно другие типы), но и всем убором – серьгами, нагрудными украшениями. По этой причине нам более приемлемым представляется членение, предложенное А.К.Амброзом и поддержанное в этом пункте В.Е.Родинковой. Да и различие систем здесь, скорее, терминологическое чем по сути, если учитывать возможность подразделения фазы 3.

Фаза 4 включает в свой состав древности, более поздние, чем известные в нижнем слое Суук-Су. Здесь они не анализируются.

Абсолютная хронология выделенных фаз имеет следующие опоры. В могиле 56 Суук-Су фазы 1 найдены три медные монеты: Юстина I (518-527) и две – Юстиниана (527-565). То, что в настоящее время в хранилище Эрмитажа вместо одной из монет Юстиниана находится монета, чеканеная при Аркадии [Родинкова 1995, с.75], скорее результат истории коллекции, чем ошибки Н.И.Репникова. В могиле 77 Суук-Су, фазы 2а, известна монета Маврикия (582-602). Это позволяет считать, что смена фаз 1 и 2 произошла не ранее конца 6 в., а фазы 2б и более поздние относятся к 7-ому столетию. Монеты из эскикерменского склепа 257 показывают, что финал фазы 3б наступил не ранее середины 7 в., даже, скорее, несколько позже, учитывая как состояние монеты (она пробита для ношения), так и то, что более поздние погребения этого склепа, относящиеся к фазе 4, были совершены не ранее последней трети 7 в.

Медная монета Юстиниана, есть в могиле 163 Скалистинского могильника [Веймарн, Айбабин 1993, с.25-26]. В погребении 2 этого склепа с монетой находились не поддающиеся точному определению плохо сохранившиеся детали пояса с подвесками и обломки однолезвийного "палаша", в погребении 1 найден язычок пряжки. Такие появились еще в эпоху, предшествующую геральдическим гарнитурам, но встречаются и позднее, например, на орлиноголовых керченских пряжках. Очевидно, что более детальное определение инвентаря этого склепа, чем в рамках 2-3 фазы предложенной системы было бы затруднительно, хотя оценка этого комплекса А.И.Айбабиным как относительно позднего представляется наиболее обоснованной. Очевидно, "запаздывают" и другие монеты 6 в. встреченные на некоторых памятниках Крыма с интересующими нас древностями: с ве-

ицами фазы 3 известна пробитая медная монета Маврикия в Кореизе [Репников 1905, с.37-38]; с инвентарем рубежа фаз 3 и 4 в скалистинском склепе 340 найдена медная монета Юстиниана; в погребении 6 или 7 склепа 771 того же могильника, относящемся к фазе 4, есть затертая медная монета Тиберия (578-582) или Маврикия (582-602) [Веймарн, Айбабин 1993, с.76-77, 160-162, 167].

Более интересны монеты из Чуфут-кале [Кропоткин 1958]. С украшениями фазы 4 (не ранее рубежа 3-й и 4-й) в склепе 38 найдена пробитая, плохой сохранности серебряная монета Ираклия (610-641), а в склепе 34 того же могильника известна золотая субэратная монета Юстиниана (527-565; в позднейшей литературе без ссылок фигурирует ее определение как 565 г. [Генинг 1979, с.101]). Она плохой сохранности, с двумя отверстиями для подвешивания. В том же склепе найден пояс фазы 2б/3а и некоторые другие вещи. Важно, что в этот склеп врезается подбойная могила 21 с инвентарем фазы 2б, это заставляет сузить возможную с точки зрения типологии дату пояса из склепа 34 и относить показание монеты к древностями не позднее фазы 2б. Эти примеры в целом подтверждают показания монет из Суук-Су и Эски-Кермена, во всяком случае, монеты 6-7 вв. в Чуфут-Кале не запаздывают так сильно, как скалистинские.

Список монет, встреченных с интересующими нас древностями, можно продолжить за счет неоднократных случаев, когда эти вещи находили с монетами 4 или 5 вв. и даже более раннего времени (см. соответствующие публикации Суук-Су, Скалистинского могильника, Эски-Кермена и др.). Эти примеры важны, прежде всего, для изучения денежного обращения Крыма, но следует иметь их в виду, чтобы более адекватно оценивать случаи "запаздывания" монет 6-го в. Очевидно, длительность обращения монет в Крыму была достаточно большой, что и отразилось в "разбросе" показаний монет в могилах с вещами одного периода.

4. Среднее Подунавье (Карпатская котловина)

С 568 г. большая часть указанного района входила в состав Аварского каганата. Принятые в нашей работе взгляды на хронологию этих древностей опубликованы в 1990 г. в отдельном очерке-реферате [Гавритухин 1990], поэтому ниже мы остановимся на характеристике лишь новейших или не учтенных в нем исследований по аварской хронологии, корректировках отдельных высказанных там наблюдений и, особо, на наиболее спорных вопросах в оценке вещей, важных для темы нашей книги.

Новые исследования по аварской хронологии

В последние годы появились публикации по ***синхронизации раннеславянских материалов*** Польши и севера Карпатской котловины с аварскими, опирающиеся на хронологические схемы Ф.Дайма и П.Штадлера [Zoll-Adamikowa 1992; Profantova 1992]. Это дает новые перспективы в изучении раннесредневекового славянства, правда в полной мере новыми возможностями можно будет воспользоваться, когда удастся выяснить, насколько применимы выводы, полученные для западной части ареала славянских культур, к расположенным восточнее группировкам.

Второй блок новых разработок связан с более ***дробной периодизацией материалов позднеи среднеаварского времени***. Кроме упомянутых и использованных в реферате 1990 г. работ венгерских и австрийских коллег, в этой области важна проделанная Й.Забойником сериация поясной гарнитуры восточной и западной частей севера Карпатской котловины (по комплексам Словакии и Нижней Австрии), дополняющая предшествующие исследования этого автора по планиграфии могильника в Житавска Тонь и западноевропейским импортам в зоне аварского каганата [Zabojnik 1992; 1989, там прочие ссылки]. Среди новых венгерских исследований важна опубликованная Э.Гарам сериация ведущих категорий инвентаря могильника Тисафюред и подробный планиграфический анализ могильника Кишкере - Халазте, дополняющие ее статьи по выделению в рамках среднеаварского периода горизонта Игар - Озора – Тотипуста [Garam 1991; 1979, там прочие ссылки].

Работа П.Штадлера о находках в Эрзеке и Врапе демонстрирует их эталонное значение для изучения позднеаварского периода, а полученная венским ученым на основе "калибровки" его сериации дата для Эрзеке 700 ±10 соответствует радиоуглеродной "ок.700 г." и пока может рассматриваться, как наиболее обоснованная опора в абсолютном датировании раннего горизонта позднеаварских материалов, как известно, не содержащих синхронных им монет [Stadler 1989; Штадлер 1995 – в русском варианте почему-то отсутствуют иллюстрации и литература]. Все указанные работы, делают еще более надежными предлагавшиеся ранее подразделения позднеаварских материалов на три-четыре фазы, датируемые в рамках 8 в., а среднеаварские – на две фазы в пределах середины – второй половины 7 в. Расхождения систем Э.Гарам, Ф.Дайма, Й.Забойника и П.Штадлера не принципиальны, а с учетом несовпадения их источниковой базы, вероятных локальных отличий, разнообразия методик и т.д., полученные результаты следует считать вполне сопоставимыми и вцелом – надежными.

Третья группа важной для нас литературы - это ***обзорно-реферативные работы***. Многочисленные вводные очерки каталогов выставок и экспозиций, обзоры древностей в краеведческих работах или сводах памятников, как правило, используют общепринятую обобщенную периодизацию (ранне-, средне-, позднеаварский периоды, восходящие к выделеленным И.Ковриг 1,2,3 группам комплексов могильника Алаттьян). Иногда вместо среднеаварского периода тем же именем называют вещи горизонта Игар-Озора, что, строго говоря, не совсем точно, ведь круг древностей, выделенный Э.Гарам по упомянутым богатым погребениям лишь частично покрывает материалы среднеаварского времени, если последние пони-

мать как 2-ю группу Алаттьяна (по И.Ковриг), оценивать по периодизации Тисафюред, предложенной Э.Гарам, системам Ф.Дайма, Й.Забойника или иных исследователей. Нельзя сказать, что все эти системы однозначно идентичны, но важно, что, приняв идею И.Ковриг о выделении среднеаварского периода, они предполагают его более широкую трактовку, не как кратковременного этапа, связанного с пребыванием на Среднем Дунае болгар Кувера, а как эпоху в развитии материальной культуры аварского круга, включающую и аналоги богатым могилам в Игаре или Озора (эталонам для выделения поздних среднеаварских стилей), и ряд иных древностей. Расхождения при таком подходе, за единичными исключениями, сводятся к вопросам терминологии (что считать показателями рубежа в постепенной эволюции от конца раннеаварского периода к началу среднеаварского) и проблемам абсолютной датировки.

Особо следует остановиться на реферате Ч.Балинта, похоже, специально написанном для русскоязычного читателя, не знакомого со специальной литературой по аварской археологии [Балинт 1995]. Такая работа, безусловно, очень полезна широкому кругу археологов, и в этом ее главное значение. В сравнении с текстом, написанным соотечественниками Ч.Балинта для 2-го тома "Археологии Венгрии", его обзор, конечно, выигрывает, как более информативный и четко вводящий в круг проблематики. Вероятно, жанр этой работы помешал прояснить некоторые высказывания по аварской хронологии, не совпадающие с общепринятыми. Остановимся на тех, что важны для нашей темы. Ниже ссылки на обзор Ч.Балинта даны в скобках без упоминания автора.

Почему среди образцов раннеаварского инвентаря приведено стремя с прямой подножкой [табл.1:*16*], хотя это - признак более позднего времени, что отмечено и в тексте [с.43]? Почему в качестве среднеаварских приведены серьги со звездовидной подвеской [табл.2:*2,4*], хотя паяные образцы с тонкой дужкой, несомненно, известны столетием ранее (например, в Садовце - см. рис.65:*20* нашей книги) и бытуют долго, а литые, с 3-образным расширением в нижней части дужки - позднеаварские (например, Тисафюред [Garam 1991]. Тисадерс [Kovrig 1975] и др. [Айбабин 1973; Гавритухин 1990, там литература])? Почему серьги с конусовидной подвеской и бусиной помещены среди позднеаварских образцов, хотя появляются они в среднеаварское время [Pasztor 1986]? Почему среди среднеаварских накладок приведена прямоугольная резаная [табл.2:*13*], хотя, начиная по крайней мере с И.Ковриг и кончая, например, Й.Забойником, такие изделия считаются характерными для позднеаварских гарнитур? То, что для иллюстрирования среднеаварского периода привлечены лишь вещи горизонта Игар-Озора (кроме указанных выше случаев), случайно, или отражает продуманную позицию? Действительно ли Ч.Балинт считает и может доказать, что среднеаварские ожерелья "состоят чаще всего из шлифованных геометрических бусин" [с.43]? Как определяется, что крупные серьги с пирамидальной подвеской именно женские [с.41]? Является ли то, что орнаментация сосудов пальцевыми вдавлениями по венчику упоминается при характеристике позднеаварской посуды [с.46], указанием на желание предложить для этого приема орнаментации горшков именно такую датировку? Приведение среди среднеаварских образцов серьги с шариками зерни [табл.2:*5*] и оценка этого украшения как византийского [с.45] касается конкретной вещи или типа в целом?

Возможно, указанные и некоторые другие неясности - следствие трудностей подготовки работы к печати. Тогда наши замечания следует рассматривать лишь в качестве не реализованных при подготовке публикации технических дополнений. Если же речь идет о концептуальных положениях, позволим себе воздержаться от критики до их развернутого обоснования автором. Одной из сильных сторон обзора Ч.Балинта является критицизм в отношении историко-этнических сопоставлений, весьма популярных у многих исследователей древностей Аварского каганата. Особо отметим, что сходство с материалом, известным восточнее Карпат, для Ч.Балинта, как и для нас, не является достаточным поводом для рассуждений о миграциях и, тем более, основанием для датировок на базе этих предположений [с.40,48-59], причем эта оценка должна относиться и к геральдической поясной гарнитуре. Критика венгерским коллегой ряда попыток выделить в аварских древностях "восточнославянский" или "антский" компонент [с.56-58] вполне убедительна и может относиться не только к некоторым центральноевропейским исследователям, но и к ряду наших соотечественников.

Наконец, четвертая, наиболее важная для нас, группа публикаций посвящена ***периодизации раннеаварских древностей*** и их соотношению со среднеаварскими. Важное значение в этой связи имеют предложенные Э.Гарам сводка аварских погребений с византийскими монетами и обзор встреченных в них вещей [Garam 1992]. Корректировки отдельных положений этой исследовательницы и некоторых других ученых изложены А.Кишем, еще раз убедительно продемонстрировавшим, что погребение в Кунаготе с монетой Юстиниана (527-565), частью инвентаря объединяется с погребениями круга Игар - Озора (с монетами Константина IV - 668-685), а другой - с комплексами круга Боча - Перещепино (с монетами Константа II - 641-646 гг.). А потому кунаготский и близкие ему комплексы могут датироваться третьей четвертью, может быть даже последней третью 7 в., что важно не только для оценки ряда типов вещей, но и с методической точки зрения, как показатель невозможности механического использования показаний византийских монет для периодизации аварских памятников [Kiss 1992].

Особое место в изучении аварской хронологии принадлежит П.Штадлеру. Его банк данных по аварским комплексам, по-видимому, в настоящее время наиболее полон, а сериация этого гигантского массива материалов не имеет аналогов. Никем не подвергается сомнению и математическое обеспечение используемых программ. Многие наблюдения и разработки этого специалиста использовались, например, Й.Вернером, Ф.Даймом, другими авторами и получили общее признание. В отношении позднеаварских древностей выводы П.Штадлера представляются в основном прием-

лемыми и отличаются широтой охвата материала и перспективными для осмысления тонкими наблюдениями, аргументируемыми и картографированием вещей по узким вариантам. В то же время, целый ряд оценок ранне- и среднеаварских комплексов иногда резко противоречит взглядам, обоснованным трудами многих исследователей. К сожалению, оценить корректность оценок, предложенных П.Штадлером, очень трудно, ведь пока опубликована лишь краткая характеристика методики и некоторые выводы [Stadler 1993, там прочая литература; благодарим П.Штадлера за высказанные в беседах консультации и разъяснения его взглядов].

Полностью издать исследование П.Штадлера очень трудно, и дело здесь не только в принципиальной мобильности системы (постоянные пополнения банка данных, в соответствии с программой, приводят к корректировке групп комплексов, затем – к уточнению типологии и т.д.). Сама сериация включает тысячи комплексов и вариантов вещей, а главный аргумент в датировании – их взаиморасположение в таблице сочетаний. Опубликовать таблицы – нелегко технически, а обоснование типологии и описание образцов типов и вариантов, да с добавлением подборок спорных групп вещей, потребовало бы нескольких томов. Сложности усугубляются трудностями с публикацей многих учтенных (часто – принципиально важных) материалов до их введения в научный оборот авторами раскопок или обрабатывающими коллекции специалистами.

Все сказанное очевидно, если обратиться, например, к характеристике П.Штадлером комплекса из Бочи [Stadler 1988]. Без таблицы совстречаемости вещей в комплексах (с полной информацией, а не "слепой", иллюстративной) нельзя понять, в какой степени приемлемы приведенные автором сопоставления вещей и комплексов и каковы могут быть коррективы. Выводы же венского коллеги порождают желание убедиться в их обоснованности. Вещи из Бочи и ряд других близких комплексов, оцениваются как характерные для первых поколений авар в Европе. Причем, даты монет из Перещепино и Келегейских хуторов (к ним следует добавить и Новые Санжары - Зачипиловку) не принимаются во внимание, поскольку эти находки не являются документированными специалистами погребениями. Это допускает предположение о длительном накоплении указаных комплексов и оценке их как сокровища, что П.Штадлер и делает.

Подобный критицизм не представляется обоснованным. Если оставить в стороне набор металлической посуды, уместность которого в погребении такого ранга вполне объяснима и в гетерогенности которого нет ничего необычного, то ряд специальных исследований показывает, что состав перещепинского комплекса, вне зависимости того, кому его приписывать, вполне отвечает погребальному и не может рассматриваться как длительно накапливавшаяся сокровищница. Считать существенной разницу в дате деталей ременных гарнитур и украшений оружия, хотя, очевидно, что не все они сделаны одним мастером, нет оснований [Werner 1984; Balint 1984; Семенов 1985; 1986; там обзор предшествующей литературы].

Особенно важны наблюдения З.А.Львовой и иных исследователей по группировке предметов комплекса на основе детального изучения конструктивных и технологических особенностей вещей и анализы металла, свидетельствующие об изготовлении ряда предметов, в том числе и некоторых элементов ременных гарнитур, из золота, использовавшегося для монет определенной чеканки. А детальная работа по реконструкции и атрибуции вещей позволяет не только четче представить целостность комплекса именно как погребального, но и утверждать, что часть составлявших его предметов изготовлены из монет самых поздних из представленных в находке эмиссий, а две группы вещей – еще более поздние, и связаны как с последними годами жизни владельца, так и с подготовкой к его похоронам [Львова 1993]. Соответственно, terminus post quem погребения, определяемый датой последних монет (642-646, возможно и уже – 644/645 г.[Семенов 1991]) необходимо сдвинуть на еще более позднее время, и говорить, что не ранее середины 7 в. вещи круга перещепинских не только были в ходу, но и изготавливались для самых взыскательных заказчиков.

Один из общеисторических аргументов, приводимый П.Штадлером в подтверждение результатов его сериации, о том что наиболее насыщенные золотыми вещами могилы относятся к эпохе крупных византийских выплат аварам (до 626 г.) – не безупречен. Ведь богатство инвентаря в погребении зависит в большой степени от особенностей ритуала, а не прямо отражает уровень благосостояния. Пышность церемоний и всяческое подчеркивание статуса при похоронах, в не меньшей степени соответствует потребностям верхушки относительно стабильных, хотя и переживших потрясения обществ. Для аварского каганата – это эпоха после кризисов 620-х – 630-х гг. (ср. [Гавритухин 1990, III]; и о гуннах – [Черниенко 1995, с.38-39]).

Опираясь на сказанное, до публикации сериации П.Штадлера, позволим себе указать на возможные причины того, что она довольно эффективна в отношении позднеаварских древностей, но, по-видимому, дает сбои в отношении хронологии более ранних комплексов. Во-первых, дело здесь может быть в особенностях культуры Аварского каганата. В отношении позднеаварского периода неоднократно отмечалась гомогенность, унифицированность материальной культуры, даже ставился вопрос о наличии централизованых мастерских. Среднеаварский период характеризует, наряду с открытостью многим влияниям, доминирование довольно разнообразных, но уже вырабатывающих местный стандарт стилей. Вещи же раннеаварского времени в наибольшей степени связаны с предшествующими традициями и пестротой этнокультурного состава этого, находящегося в процессе становления, объединения [Гавритухин 1990]. Соответственно, группы позднеаварских комплексов отражают в основном ритм хронологических изменений, а для более раннего времени, наряду с фактором эволюции во времени, на последовательность групп в таблице в значительной степени влияют особенности взаимодействия различных ремесленных и культурных традиций. Украшения, не оказавшие сильного

воздействия на местные вкусы, или редкие вещи, при автоматизированом распределении, имеют тенденцию к расположению на периферии таблицы. Поскольку ее "поздняя" часть задается комплексами, где наряду со специфической литой гарнитурой, доминируют вещи оформившихся синтезных, местных традиций, то редкие, престижные типы вещей или показатели далеких контактов тяготеют к "ранней" части таблицы. Указанным характеристикам как раз соответствуют высокохудожественные предметы богатейших комплексов и аналоги вещам с Кавказа, из Причерноморских степей, Поволжья, Азии.

Во-вторых, особой проверки требует и корректировка сериации по монетам. Можно согласиться, что наряду с фактором случайности (при таком типе распределения математические методики как раз наиболее пригодны, вопрос лишь в представительности выборки), состав монет на памятниках отражает специфику денежных поступлений. Но было бы неосторожным считать, что преобладание монет тех или иных эмиссий напрямую совпадает со временем чеканки. Например, при сокращении выпуска монет или концентрации денежных средств на иные цели (вспомним, что в интересующее нас время Византия ведет длительные и тяжелые войны сначала с Персией, потом с арабами) в обращении или для не самых актуальных выплат возрастает доля старых монет, полученных как из запасов казны, так и из налоговых поступлений. Для 7 в. персидская и арабская опасности были для византийцев, несомненно, наиболее актуальными. В этой связи обоснованное А.Кишем запаздывание монеты из Кунаготы, возможно, отражает не только случайность, но и стоящую за ней закономерность. В корректированных таблицах П.Штадлера последовательность монет, насколько можно судить по опубликованным схемам, подозрительно однозначна.

Сказанное ни в коей мере не умаляет значения сделанного П.Штадлером. Его работы, несомненно, составят эпоху в изучении аварских и связанных с ними древностей. Но обсуждаемая сериация является для нас не итогом, а полезным этапом в изучении хронологии. Следующий этап связан с интерпретацией выделенных групп, сравнением общей сериации с сериациями по материалам отдельных могильников или локальных групп, анализом типологических рядов вещей, планиграфического распределения признаков на памятнике, картографированием древностей в ареале культуры и более широком контексте, со всем арсеналом доступных методик (см. так же [Гавритухин 1991]). Но невозможность для нас и еще многих исследователей пользоваться результатами работы П.Штадлера – не единственная трудность изучения раннеаварских древностей, опираясь на всю полноту сделанного к настоящему времени.

Из представительных памятников с ранними материалами возможность применять хотя бы некоторые из указаных методик дает лишь публикация могильника в Кернье, но его материалы во многом специфичны, а планиграфия – не выразительна. Прочие опубликованные могильники с представительной подборкой ранних вещей либо имеют плохую сохранность материала или документации, либо не велики. В то же время, первоклассные памятники, во многом способные прояснить ряд вопросов (Колькед Фекетекапу, Покасепетк, Чакберень, Будакалас, Ороспань, Сегвар Оромдюло и др.) известны лишь по отрывочным или предварительным сообщениям. А потому многое из изложенного далее мы рассматриваем лишь как сугубо предварительные наблюдения, случай откорректировать которые может представиться в самое ближайшее время.

Остановимся и на некоторых замечаниях к лежащим в основе данной работы положениям. Высказанные в упомянутом реферате [Гавритухин 1990] взгляды следует уточнить по следующим пунктам. Вероятно, некоторые комплексы, отнесенные И.Ковриг к раннеаварскому времени следует синхронизировать с начальными фазами среднеаварского периода [п.I.2] (здесь и далее приведены указания на параграф по тексту [Гавритухин 1990]). Использование детальной типологии стремян, предложенной А.К.Амброзом, для периодизации Кернье требует большей осторожности и дополнительной проверки на основе сопоставления с новыми материалами [п.I.4]. Вопросы, связанные с датировкой и определением центров производства псевдопряжек следует решать на базе их дробной типологии и более детального изучения контекста [п.I.7; II.2.B] (о псевдопряжках см. ниже и в части 2.1.8).

Теперь, оговорив исходные пункты нашей позиции, перейдем к более детальному рассмотрению важных для данной работы категорий инвентаря: ременных гарнитур, содержащих элементы геральдических стилей или псевдопряжки, и пальчатых фибул днепровского круга.

Украшения ремней

Свод и описание подунайских псевдопряжек недавно был опубликован Э.Гарам, а накладок геральдического круга ("маскообразных" и с элементами в "форме рыбьего хвоста") – П.Шомоди [Garam 1991; Somogyi 1987]. Т-образные накладки и некоторые другие детали гарнитур ремней учтены нами по материалам Й.Кальмара и более поздним доступным публикациям [Kalmar 1943]. Представленные на памятниках Карпатской котловины интересующие нас типы ременной гарнитуры по взаимовстречаемости в комплексах и иным особенностям делятся на несколько групп (рис.73).

Наиболее представительная группа Кернье – Адонь характеризуется наличием следующих деталей, изготовленных в технике прессовки: псевдопряжки варианта 2в (см. *часть 2.1.8.)*; Т-образные бляшки с округлым верхом пластины и довольно массивной перекладиной, орнаментированные как указанные псевдопряжки или гладкие; выполненные в том же стиле иные детали – щитовидные накладки, наконечники с выступами по краям, специфические формы двучастных "рогатых" накладок, З-образные бляшки и др. (рис.74:*5-15*; 75:*51-83*; 76:*35-37*). Местное производство этих гарнитур доказывается не только своеобразием указаных вариантов, но и наличием двух комплексов, где встречены модели для их изготовления (Гатер погр.11 и Адонь – рис.75:*51-67*). Для датировки этой группы важно погр.71 в Кернье, где встречена трехчастная композиция накладок

(рис.74:*13-15*) - один из характерных элементов среднеаварского времени в Потисье по системам И.Ковриг, Э.Гарам, М.Мартина. Не ранее этого времени датируются и захоронения с упомянутыми ремесленными наборами, где для отнесения к среднеаварскому периоду показательны высокие обильно орнаментированные розетки с завитками (рис.75:*69*), похоже украшенные крестовидные накладки (рис.75:*70*), вещи, орнаменированные дунайской ритмично перевитой плетеной лентой (рис.75:*58,64,66*) или различными вариантами "плетенки" круга Игар (рис.75:*56-57*), не противоречат датировке этим периодом и другие вещи указаных комплексов.

Близок комплексам указанной группы и состав ременных гарнитур богатых погребений **круга Боча – Перещепино** (Т-образные накладки со скругленным верхом пластины, обильно украшенные псевдопряжки, круглые накладки с гладкими краями и др.). Правда, эти вещи выполнены в иной технике и материале, но золото, обильные вставки и дорогостоящая технология (рис.37:*18*; 47:*11*,23; 60:*B*), в данном случае, очевидно, показатель возможностей заказчика, а не хронологии. Мы, как и многие венгерские исследователи (расхождения, в основном, терминологические), считаем комплексы указанного круга принадлежащими представителям высшего слоя "степняков" среднеаварского времени. Они предшествуют финалу этого периода, горизонту Игар – Озора. Прессованые же имитации накладок с обнизкой из крупной зерни и вставками (**группа Папа Урдомб – Пакапуста**: рис.47:*4,5*) синхронны финалу среднеаварского времени [Garam 1991, с.76-77].

Своеобразные прессованые Т-образные бляшки входят в гарнитуры, украшенные в различных стилях "плетения" (стиль "ритмично перевитой ленты" и выделенный Н.Феттихом стиль "цаншнитной" орнаментации – рис.75:*45-50*). Мы объединяем их в **группу Факазрет – Юташ**. Такие наконечники встречены и в комплексах круга Боча - Перещепино. Кроме указаных моделей из Адонь и Гатера, формы для изготовления вещей с аналогичным орнаментом известны в ювелирном наборе из Фельнака (рис.75:*29,31,39,40*), включающем типичные для среднеаварского времени матрицы для высоких обильно украшенных розеток и Т-образных накладок (рис.75:*10-13,30*), гарнитур типа Арадац (рис.75:*24-26, 35-38*), накладок с геометризированым орнаментом, в том числе и корзинного плетения круга Игар (рис.75:*9,28,41*) и др. Все это указывает на местное производство вещей, типичных для группы Факазрет – Юташ и их датировку в рамках среднеаварского времени.

В наборе из Фельнака есть еще ряд аналогов вещам интересующего нас круга: миниатюрным пальчатым фибулам; накладкам в виде зверей, стилистически близким мартыновским и трубчевским; наконечникам с "тамгообразными знаками (рис.75:*44,21-22,43*).

Группа Тольнамедь – Татабанья характеризуется наличием Т-образных накладок с пламеневидным щитком. Часть этих вещей образует особый вариант (рис.74:*29,37,38*; 76:*39*; 37:*30*), они характеризуются длинной перекладиной, часто изготовлены прессовкой и не орнаментированы. На фоне других вариантов этой группы они своеобразны и, по-видимому, производны от накладок с короткой прекладиной и прорезным щитком, имеющим иногда вставку из прессованого металла (рис.74:*27,43*), то есть варианта, широко распространенного в Восточной Европе (см. часть 2.1.3.1). Для определения хронологии этих вещей следует учесть планиграфию могильника в Варпалоте (рис.76), где Т-образная накладка карпатского варианта встречена в комплексе погр.194, расположенном в компактной группе могил, одна из которых (погр.196) датируется по серьге не ранее чем финалом среднеаварского времени, а другая принимая во внимание относительно крупные размеры и "набухшие" очертания подвески серьги – не ранее среднеаварского периода, скорее даже ближе к его финалу (погр.192). Показательны и пряжки с начинающими вытягиваться "губами" (рис.74:*23,40,42*; 76:*38*). В результате намеченной на этих экземплярах тенденции складываются пряжки с резко вытянутыми "губами" (как на рис.76:*26*), типичные для финала среднеаварского времени и начала позднеаварского. Накладка из Татабаньи найдена в той же или соседней постройке, что и прессованная квадратная накладка со вставкой (рис.74:*39*) характерная для поздней части среднеаварского периода. А комплекс из Пакапуста включает прессованые подражания богатым псевдопряжкам и, как указывалось, датируется финалом среднеаварского времени. Эти наблюдения свидетельствуют, что основная эпоха бытования комплексов круга Тольнамедь Татабанья приходится на среднеаварский период, пока лишь чисто теоретически нельзя исключать раннеаварскую эпоху для появления исходных вариантов, имеющих восточноевропейские аналоги.

Во всех отношениях рассмотренной группе близок ряд комплексов из **Кернье**, с Т-образными накладками, имеющими подпрямоугольный или пятиугольный щиток и длинную перекладину (рис.74:*47-63*). Здесь так же форма накладки – практически единственное, что сближает эти наборы с геральдическими, и можно выделить как своеобразные среднедунайские образцы, так и имеющие соответствия на Востоке (см.*часть 2.1.3.2*; рис.74:*62*; 82:*46*). На схожесть датировки указывает наличие Т-образной накладки с подпрямоугольным щитком в Боче, одном из опорных комплексов для среднеаварского периода. Т-образная накладка из Озора (рис.37:*4*) деградированный образец пятиугольных или результат синтеза пламеневидных и подпрямоугольных – относится к одному из эпонимных комплексов финала среднеаварского времени.

В группу Хадьюсобосло – Суботица включены ременные наборы с геральдическими накладками, типичными для Восточной Европы и в незначительной степени повлиявшими на образцы характерные для культуры Аварского каганата. Комплекс из Манджелоса датируется трехчастным "ушком" подвесной конструкции однолезвийного меча-палаша (рис.74:*108*), характерного для среднеаварского времени [Kiss 1992, прилож.1, тип "b"]. Датировка прочих комплексов не однозначна. "Рогатые" накладки из погр.1 Сегвар-Оромдюло изготовлены в технике прессовки (рис.74:*87*), в отличии от образца из Манджелоса (рис.74:*109*), что, например по мнению П.Шомоди, указывает на их более позднюю дату в сравнении с литыми. В

качестве тенденции для среднедунайских материалов это так, но насколько существенной может быть разница между упомянутыми экземплярами и правомерно ли общую тенденцию считать показательной для сравнения этих двух вещей, сказать трудно. Комплексы же, на современном уровне их понимания, не дают бесспорных дополнительных оснований для уточнения хронологии. Архаичная часть инвентаря в погребении из Сегвар-Оромдюло (рис.74:*101-103*) принадлежит упряжи коня, и распространение даты использованных в ней вещей на детали одежды и обуви (к последним относятся накладки, изображенные на рис.74:*86-90*) не безупречно. Броши и овальные подвески или накладки с крупными вставками (рис.74:*82-83,85*) – византийские или изготовлены по их образцам. Подобные вещи встречаются в среднеаварских комплексах [Garam 1978; 1991], но близкие византийские и азиатские находки датируются более широко, потому остается открытым и вопрос о нижней дате аналогичных среднедунайских экземпляров. Хотя принадлежность серег с подвеской из пирамидки зерни к раннеаварскому времени у некоторых венгерских исследователей считается общим местом, очевидна значительно более широкая датировка этих изготовленных в позднеантичной традиции вещей (см. рис.87:*1*; многочисленные образцы по [Веймарн, Айбабин 1993] и др.).

Для датировки литых **псевдопряжек варианта 1в** (см. *часть 2.1.8*), также имеющих соответствия на ряде памятников Евразии, аварские материалы не дают оснований [Garam 1991].

Отдельную группу составляют **накладки геральдического круга, имеющие византийские или иранские соответствия**. Это вещи из одного (?) погребения на могильнике Кларафалва В и находка в Сентеш-Надьхедь. Полная информация о могильнике Кларафалва В [Csallany 1956, *N 503*; Balint 1992, т.56:*1-11*] и других памятниках в его округе, о их соотношении между собой и с так же известными лишь по отдельным ярким комплексам могильниками Деска [Csallany 1956, *NN 502-516* – там прочие ссылки] нам недоступна. То, что опубликовано Ч.Балинтом и известно нам по информации, любезно предоставленной Б.Кюрти, относится, по нашему мнению, к раннеаварскому времени, исходя из самых общих соображений (форма накладок, сочетание прорезей и гравировки, их характер – рис.35:*27*; 43:*44* соответствующие 1-ой, 2-ой, отчасти началу 3-й стилистическим группам по А.К.Амброзу; наличие не менее пяти стандартных небольших наконечников; наиболее активные контакты авар с указанными центрами до 626 г.; отсутствие "поздних" признаков на других вещах) и в принципе не исключает датировки ранними фазами среднеаварского периода. Отнесение к раннеаварскому времени наконечника из Сентеш-Надьхедь основано на стилистической близости к ларафалвским накладкам и наличием на этом памятнике гепидских вещей; по-видимому, этот разрушенный могильник функционировал до выселения аварами гепидов из Потисья (см. ниже).

Особо отметим комплекс из Ракоцифалы с двучастной прессованой накладкой схемы "геральдический щиток + круг" (рис.74:*1-4*). Высокая обильно орнаментированная розетка указывает на его отнесение к среднеаварскому времени, а характерное расширения у нижнего края ременного наконечника – типично для поздней части этого периода. Аналогичный наконечник в сочетании с гладкой щитовидной накладкой известен в Варпалоте (рис.76:*46*), этот комплекс происходит из могилы, расположенной вне основного массива датированных погребений.

Днепровские пальчатые фибулы

К приведенному А.Шош списку найденных в Карпатской котловине пальчатых фибул днепровского круга [Sos 1961] к настоящему времени, по нашим сведениям, добавился лишь неопубликованный экземпляр из долговременного могильника Будакалаш. Фибула из погр.14 на **о.Чепель** (рис.74:*105-107*) найдена вместе и полой паяной серьгой, крупные размеры подвески которой указывают на среднеаварское время, а напаяные полушария и обилие зерни – признаки финала этого периода. Есть в этом комплексе и обломок броши. Аналоги ей известны в ряде среднеаварских комплексов. Это Зоммерайн, погр.XXI, с накладкой финала среднеаварского времени; Алаттьян, погр.84, со среднеаварской серьгой, а сама эта могила расположена на участке неподалеку от среднеаварских могил (оценка этого экземпляра И.Ковриг близка – "около середины 7 в." и отличается от нашей лишь терминологически, ср. [Kovrig 1963, с.114-116]); Сегед-Фехерто "В", погр.41, с чашей, как в опорных комплексах финала среднеаварского времени и серьгой, датируемой не ранее того; Кишкереш-Вагохид, погр.2, с миниатюрной пальчатой фибулой, могила расположена, как и погр.9 (с подвесными ремешками, украшенными наконечниками с тамгообразными знаками и накладками как в Козиевке, где есть аналоги Боче) в центральной части кладбища, в окружении погребений, датируемых концом среднеаварского времени или чуть шире [Гавритухин 1991, с.129]. Несколько более богатая брошь такой же орнаментальной схемы есть в одном из опорных среднеаварских погребений из Кунаготы. Таким образом, комплекс из погр.14 на о.Чепель соотносится с горизонтом днепровских кладов группы 1 не только на основании фибулы, а его датировка по среднедунайским материалам не выходит за рамки среднеаварского времени. Вещи из остальных могил на о.Чепель не помогают датировке, так как погребений там исследовано немного, а хронологический разброс комплексов велик.

Для оценки фибул из **Варпалоты** погр.212 (рис.76:*43,44*) следует обратиться к плану этого памятника (рис.76). К сожалению значительная часть его материалов не документирована. Распределение прочих вещей дает следующую картину. Погр. 141 (единственное документированное для северо-западной части могильника) датируется поясным наконечником развитых позднеаварских стилей (рис.76:*5*). В северной части памятника могилы относятся к финалу среднеаварского времени, не исключая для некоторых комплексов и более позднюю дату. В восточном ряду захоронений документировано погр.227, с пряжкой конца среднеаварского периода (рис.76:*26*). Скопление документированных могил в центральной части кладбища относится к среднеаварскому времени, там же расположено и погр.196, датируемое по серьге не ранее финала этого периода.

Вещи наиболее архаичного облика концентрируются в юго-восточной части памятника. Опорой в их датировке являются найденные в соседних погребениях два сосуда пражского типа, характерные для фазы 3 этой культуры и монета Фоки (602-610), происходящая с противоположного края раннего участка. То и другое указывает на дату не ранее 7 в. Стремена и серьги, встреченные в юго-восточной части могильника, не позволяют определить хронологию уже, чем "ранне- или среднеаварское время". Пряжки с треугольной обоймой и бронзовые детали ременной гарнитуры, украшенные штемпельным орнаментом (рис.76:*30* и 76:*27,31,34*) на современном уровне знаний могут датироваться как раннеаварским, так и среднеаварским временем, исключая финал последнего. В отношении этих вещей следует учесть и некоторые наблюдения А.Киша. Проведенное им картографирование показывает, что подобные детали ременной гарнитуры, как и многие вещи иных категорий, указывающие преимущественно на германский культурный круг, концентрируются в Паннонии и Семиградье, окаймляя наиболее привлекательную для кочевников потисскую пушту [Kiss 1992]. Мы не склонны, как венгерский ученый, считать все эти комплексы однозначно гепидскими, хотя и согласны, что в сложении такой ситуации проведенное аварами переселение гепидов сыграло значительную роль. Пряжки с треугольной обоймой, как в Варпалоте, и накладки на ремень со штемпельным орнаментом не характерны для гепидских комплексов доаварского времени, не имеют они прямых прототипов и за пределами Карпатской котловины. Следовательно, производство этих своеобразных изделий связано с каким-то очагом аварского времени. Избирательность распространения вещей указывает на "адресность" потребителя. Похоже, что гепиды в рамках аварского каганата – наиболее вероятные претенденты на такую роль. Производство пряжек с треугольной обоймой и украшений ремня со штемпельным орнаментом, по-видимому, началось перед расселением, но приходится, в основном, как свидетельствует картографирование, на эпоху после него. В ходе контрнаступления конца 6 в. византийские военные еще застали гепидов в Потисье, следовательно переселение произошло где-то в 7 в. Это является еще одним подтверждением того, что полиэтничный могильник в Варпалоте был основан в 7 в.

Вышесказанное позволяет считать, что пальчатые фибулы из Варпалоты датируются в рамках 7 в., не исключая как финал раннеаварского периода, так и начальные фазы среднеаварского. Для уточнения датировки в Среднем Подунавье прочих пальчатых фибул днепровского круга мы не располагаем нужной информацией (часть этих экземпляров – находки вне комплексов, по остальным – не опубликованы необходимые данные о памятниках).

Относительная и абсолютная хронология

В итоге обзора мы можем утверждать, что гарнитуры, содержащие специфические среднедунайские формы геральдических накладок (группы Кернье – Адонь, Факазрет – Юташ, большая часть группы Тольнамедь – Татабанья и наборы с Т-образными накладками из Кернье) частично синхронны богатым комплексам круга Боча – Перещепино и комплексам ремесленников Фельнак – Адонь – Гатер. Все эти древности относятся к среднеаварскому времени (что соответствует и общей характеристике специфики этого периода [Гавритухин 1990]), а некоторые разновидности рассматриваемых вещей несомненно сохраняются до его финала. Ряд находок из Карпатской котловины имеет близкие аналоги на памятниках к востоку от Карпат. Это: отдельные вещи группы Тольнамедь – Татабанья; погр.147 в Кернье, также и некоторые комплексы этого памятника без геральдических накладок или со спорными соответствиями им: погр.78 – рис.74:*65-76*, с не обычной для Среднего Подунавья пряжкой – рис.74:*66* и обломками накладок – рис.74:*67,69*; погр.149 рис.74:*77-79* – с наконечником, как в погр.120 Чирюрта и 4/1984 Цебельды, и обычной на многих памятниках крепежной подвеской к ремешку; погр.1953г. в Леоберсдорфе (рис.74:*80-81*); группа Ходьюсобосло – Суботица. Часть из них оказала влияние на местные стили, другие – нет. Все они вполне надежно датируются среднеаварским временем и лишь в качестве допущения для некоторых из этих вещей остается возможность удревнения нижней границы даты.

Пальчатые фибулы днепровского круга в Карпатской котловине датируются развитым среднеаварским временем, ближе к финалу этого периода, на основании комплекса с о.Чепель, а возможности удревнения даты ранее 7-го в. отсутствуют (Варпалота). Соответственно, все указанные вещи (фибулы и ременные наборы) неправомерно рассматривать как принесенные народами, вовлеченными в движение авар в 558-568 гг. Для их интерпретации необходим анализ восточных связей Аварского каганата или некоторых групп в его рамках, складывающихся в последующее время [Гавритухин 1991; Пряжки ... - в печати] или общие источники инноваций [Балинт 1995, с.40-41; Kiss 1984; Garam 1980; 1990; 1991 – там список иных работ в этой области].

Достаточно раннюю датировку допускают лишь детали ременных гарнитур круга Кларафалва – Сентеш-Надьхедь, хотя и здесь вопрос о том, принесены ли эти вещи в ходе начальных переселений, или заимствованы в результате контактов после освоения среднедунайских территорий, остается открытым. По этой причине соотнесение таких изделий с датой 558-568 пока безосновательно. К формам, принесенным беглецами из Азии, возможно, относятся наиболее ранние стремена (их достоверный список еще требует анализа), некоторые типы розеток (также не изученных с желаемой полнотой) или деталей костюма (фиксируемые лишь иногда налобные повязки и т.д.). К заимствованным в ходе аварского движения на запад могли бы относится некоторые пряжки (например, цельнолитые с вытянутым треугольным щитком и полой рамкой), прессованая имитация рубчатой проволоки и, возможно, что-то еще. Эти вещи встречаются в степных комплексах круга Шипово, дата которых не исключает середину 6 в. [Гавритухин 1996]. Однако, в южнорусских степях и на Кавказе они имеются и в более поздних комплексах [Амброз 1989, с.63 и далее], а

в Подунавье известны местные варианты, но не прямые соответствия более восточным находкам. В отношении указанных пряжек следует иметь в виду и аналоги меровингского круга. Следовательно, вопросы о датировке этих вещей в Подунавье, особенно об их верхней дате, требуют дальнейшего изучения и не могут механически решаться ссылкой на исторические события.

Обратимся к **абсолютной хронологии** упоминавшихся периодов. Свод рассматриваемых ниже комплексов был выполнен Э.Гарам [Garam 1992]. Мы относим к датированным монетами комплексам раннеаварского времени Сегвар-Шаполдаль; Ниредьхаза, погр.3; Хайдудорог, погр.1 (наличие в погребении большого числа панцирных пластин; ременные пластинчатые наконечники с прямыми, реже – слегка прогнутыми, боками и представительным набором стандартных наконечников боковых ремешков; наконечники, украшенные прессованой имитацией рубленой проволки; простейшие формы невысоких розеток, в том числе и с иволистными лучами – при отсутствии показателей более позднего времени). В двух указаных комплексах встречены монеты Маврикия Тиберия (582-602) и, в последнем среди перечисленных, найдена подвеска из монеты Ираклия (610-641). Комплексы Юташ, погр.116 с пряжкой горизонта 2 по Р.Христлайну (570/580-620/630гг. – для памятников меровингского круга) и "гепидским" наконечником с орнаментацией полукруглым штампом, как и Кишзомбор "О" погр.2 с пластинчатыми наконечниками, у которых прямые бока, а на стандартных малых присутствует тамгообразный орнамент, и мечом с Р-образными "ушками", допускающие сопоставление как с материалами раннеаварского, так и начальных фаз среднеаварского времени, содержат монеты Фоки (602-610). Такая же атрибуция и у погребения Секиц-Ловченац (с колокольчиком и пряжкой с коробчатой петлей), где есть монета Ираклия и Ираклия Константина (613-641).

В комплексах Сент-Эндере погр.3, Деск "G" погр.30. Бекешсаба (с небольшими штампованными нашивками и серьгами с маленькой круглой подвеской), вероятно, раннеаварских, хотя и не достаточно выразительных для однозначной атрибуции, дважды встречены монеты Фоки (602-610) и один раз – Тиберия II (578-582). В погр.1 из Сент-Эндере, содержащим крупные золотые серьги с пирамидой из пластинок, кружочков, шариков и браслеты с резко расширенными полыми концами, украшенными ромбическими штампами, есть монета Юстина II (565-578). Правда, подобные серьги, византийского производства или сделанные по византийским образцам, датируются довольно широко, а такие же браслеты известны, например, в кладе из Земьянска Врбовка с монетами Константина IV (668-685). Поэтому распространенная в венгерской литературе атрибуция указанного комплекса как раннеаварского может рассматриваться лишь в смысле "до горизонта Игар – Озора" или оспариваться.

Погребение Сынпетру Жерман (с накладками типа Арадац и серьгой с крупной круглой подвеской и горкой зерни на дужке) рассматривается нами как один из эталонов ранних фаз среднеаварского времени. Оно датируется монетой Ираклия и Ираклия Константина (613-641). Более поздние погребения этого периода содержат монеты Юстиниана (527-565) в Кунаготе (об атрибуции этого комплекса см. выше) и Константа II (641-668) в погр. 24 Сегед-Маккошерде (с квадратными накладками, в том числе – со вставками). Следующая фаза среднеаварского периода, близкая, и в значительной степени синхронная описанным чуть раньше вещам, представлена комплексом Озора-Тотипуста и Кишкереш Похибуй Мачко дюла погр.53 (отметим: сабли; стремена с прямыми подножками; пряжки с вытянутыми губами; прессованые поясные гарнитуры с двучастными килевидными накладками, орнаментированные мотивами дерева или противостоящих птиц, поздней дунайской "плетенкой", геометризированым Ж-образным узором; дериват Т-образной бляшки; полушаровидную чашу на ножке; вещи византийского круга – броши с обнизкой зернью и перегородчатыми инкрустациями и ожерелья с подвесками, среди которых – кресты). В обоих комплексах известны монеты Константина IV (668-685). Такая монета есть и в Сегед Фехерто погр.82, среди инвентаря которого имеется небольшая круглая накладка со вставкой, окантованной зернью. Перечисленные вещи – показатели не самых поздних среднеаварских стилей, для которых характерны накладки и наконечники, имеющие сильно прогнутые бока, геометризированные или схематизированные узоры и т.д. [Daim 1987; Гавритухин 1990; Zabojnik 1992 – там образцы и иная литература]. Поздние среднеаварские стили, очевидно, частично синхронны ранним литым гарнитурами. Опорный комплекс для последних, знаменующих начало позднеаварского периода, как отмечалось, датируется временем около 700 г.

5. Кавказ

Раннесредневековые кавказские древности изучены явно не достаточно, особенно если учесть огромный потенциал, накопленный в последние годы и то, что даже материалы конца прошлого столетия лишь фрагментарно введены в научный оборот. Большая часть работ, где рассматриваются вещи эпохи великого переселения народов и раннего средневековья, как правило, ограничены рамками современного административного деления республик, краев, областей. Очень неравномерна и представленность материалов в публикациях. Естественно, в данной работе мы не можем изменить эту ситуацию и ограничимся лишь разбором результатов основных исследований опорных памятников, связанных с хронологией наиболее важной для нашей темы категории вещей – геральдических ременных гарнитур.

Существующие в литературе оценки кавказских геральдических гарнитур весьма лаконичны, что не мешает им противоречить друг другу. А.К.Амброз в соответствии со своей схемой относит основную массу кавказских геральдических наборов к третьему периоду выделенных им стилей. Специально кавказские гарнитуры им не рас-

сматриваются, скорее наоборот, такая их обобщенная оценка служит основанием для решения ряда проблем, на которых этот ученый сосредотачивался в том или ином своем изыскании [Амброз 1971а, с.106-110,120,123; 1971б, с.130-132; 1973; 1989, с.61-62,77-81]. В обзорном очерке В.Б. Ковалевской геральдические гарнитуры Северного Кавказа рассматриваются в целом, как типичные для местных культур 6-7 вв. Без особой аргументации уточняется лишь, что вещи этого круга сложились под воздействием византийского ремесла в середине или второй половине 6 в. и их наиболее ранние формы характеризуются прорезями, передающими изображение человеческого лица [Ковалевская 1982, с.83-97]. В соответствии со взглядами этой исследовательницы, указанный мотив лежит в истоке геральдической прорезной орнаментации и генетически связан с Северным Кавказом [Ковалевская 1995, с.60-66]. Важное, хотя иное, место кавказским материалам отводит и Ч.Балинт. Он рассматривает известные там геральдические гарнитуры, впрочем, как и происходящие с иных территорий, в качестве единого хронологического горизонта, выделяя, правда, Кавказ как важнейшее место стыка двух провинций этого стиля – "византийско-степной" и "иранской" [Balint 1992].

Детальной аргументации высказанных взглядов в упомянутых обобщающих трудах не содержится, поэтому для более конкретного представления о собственно кавказских материалах необходимо обратиться к публикациям, посвященным отдельным территориям или памятникам. Работ, где рассматривается достаточно представительный материал связанный с геральдическими гарнитурами и оценивается его хронологическая позиция, не много.

1. Закавказье

В Закавказье наиболее представительный подбор интересующих нас вещей происходит с памятников Восточной Грузии. В самом полном исследовании этих украшений, написанном Н.И.Апхазавой, все детали геральдических ремней рассматриваются не дифференцировано, а сами они служат основанием для датировки ряда комплексов "концом 6 – первой половиной (единично – до начала второй половины) 7 в.". [Апхазава 1979]. В основе хронологических построений этого автора лежит детальная типология инвентаря. Совстречаемость его вариантов в комплексах позволяет сопоставить типологические ряды и, опираясь на датированые аналогии, предложить абсолютные даты. В целом, такая методика соответствует принятой в нашей работе. Неудобство для читателя создается лишь тем, что сопоставление вариантов вещей зримо не представлено в тексте (имеется лишь сводная табличка, в которой образцы вариантов инвентаря расположены вдоль оси времени). Мы постарались дополнить работу грузинского ученого общепринятыми таблицами сочетаний типов и вариантов по комплексам, что, по нашему мнению, не только облегчает восприятие материала, но и дает дополнительные перспективы в его понимании. Учитывая возможную локальную специфику бытования вещей, эта работа делалась отдельно для двух опорных памятников – Квемо Алеви и Самтавро.

Могильник Квемо Алеви [Апхазава 1988] важен как большим числом монет (они найдены в 10 комплексах), так и обилием и разнообразием булавок и серег. По тексту публикации создается впечатление, что датировка автором вариантов этих категорий вещей определяется совстречаемостью с фибулами и ременными наборами, которые хорошо представлены на специально изучавшихся им памятниках Восточной Грузии [Апхазава 1979]. Мы подошли к вопросу несколько иначе и предлагаем рассмотреть на материалах Квемо Алеви именно устойчивые сочетания детально классифицированых булавок и серег в комплексах с прочими, не столь многочисленными на этом памятнике вещами. В основе выделяемых вариантов булавок лежат различия их головок , серьги подразделяются по типу крепления подвесок с учетом формы последних (рис.77.Б).

Материалы таблицы (рис.77.А) позволяют выделить 3 группы устойчиво сочетающихся категорий инвентаря. Для каждой из них характерны свои варианты булавок, серег, фибул. Преемственность типов, а также единство погребального обряда, дает возможность считать фиксируемые различия именно хронологическими, а не сложившимся под воздействием иных причин. Последовательность комплексов во времени, предложенная Н.И.Апхазавой в целом близка полученной. ***Фаза 1 Квемо Алеви*** (далее – КА-1) соответствует определению "6 век" грузинского ученого. Для части комплексов КА-1 им предлагается дата "начало" или "первая половина" 7 века, а для погребения 33 – начала следующей фазы – "6 в.". На таблице видно, что эти расхождения определяются различием в оценке хронологической показательности некоторых вещей. Впрочем, указанные разногласия единичны и не играют принципиальной роли для данной работы.

Практически все комплексы ***фазы КА-2*** автор публикации датирует "первой половиной" или "началом" 7 в. Следует отметить, что обоснование столь детальной даты как "начало 7 в." осталось нам непонятным. Представляется, что материалы не дают возможности для выделения столь узкого периода. Все даты грузинского коллеги "вторая половина 7в." соответствуют ***фазе КА-3*** нашей системы. Часть комплексов КА-3 отнесены им к более раннему времени. Из таблицы следует, что в основе разногласий – вопрос о датирующем значении серег с проволочной петлей для подвески и браслетов с утолщением в середине. Мы считаем, что указанные вещи устойчиво сочетаются на этом и иных памятниках с материалами, типичными для КА-3, а потому, во всяком случае на данно м памятнике, вполне могут быть использованы в качестве хронологических индикаторов этой фазы.

Полученную периодизацию можно проверить и планиграфически. Картографирование датированных комплексов (рис.77.*В*) дает довольно выразительную картину роста могильника. Он имел два ядра, содержащих наиболее ранние погребения - в южной части центрального и на восточном участке кладбища. Здесь следует отметить, что Н.И.Апхазава относит погребение 40 к "5

веку". Но представляется, что прогнутая подвязная фибула из этого комплекса позволяет дать и более широкую датировку (застежки того же или очень близкого варианта есть, например, в Суук-Су) и мы отнесли этот комплекс к фазе КА-1, не выделяя из прочих материалов. Оба отмеченных ядра окружены более поздними погребениями – фазы КА-2. Погребения этого же этапа появляются и на юго-западе основной площади кладбища. Могилы фазы КА-3 окаймляют более ранние и дают скопления в северной части основного массива могил. К этому времени относятся и все три погребения на отдельном западном участке.

Монеты, встреченные в Квемо Алеви, связаны с фазами 2 и 3 этого памятника. Наиболее ранние персидские монеты относятся здесь к правлению Кавада (459-484), наиболее поздние - к правлению Хосрова I (531-575). К сожалению, более детальное определение монет (по годам правления) в публикации отсутствует. Причем, монеты Хосрова I встречены как в комплексах КА-2 (погр.10 и 15), так и КА-3 (погр.1 и, вероятно, погр.16, где найдены браслеты как в погр.13 и 71, относящихся к КА-3). Единственная византийская монета, отчеканенная в правление Ираклия (610-641) найдена в комплексе КА-3 (в погр.12 с булавкой, имеющей головку в форме цветка - признак 27). Таким образом, нумизматические материалы позволяют утверждать что могильник, по крайней мере его фаза 3, в 7 веке еще не прекратил функционировать. А для фазы КВ-2 terminus post quem определяют монеты Хосрова I. Соответственно, прочие монеты – запаздывают. Показательна даже самая осторожная статистика: запаздывают монеты в 7 комплексах из 10, а если брать общее количество монет (в некоторых комплексах их за полдюжины штук), то к несомненно запаздывающим будет причислено более 90% их числа. Наконец, после синхронизации можно будет оценить, насколько близки действительным датировкам и три самые поздние монеты.

В отношении наиболее интересных нам комплексов с геральдическими ременными гарнитурами (рис.79:*84-94*) следует отметить, что они должны синхронизироваться с фазой КА-2, как по расположению на плане могильника, так и по инвентарю. В погр.23, кроме геральдических накладок, найдена типичная для КА-2 фибула, что указывает на запаздывание происходящей из этого комплекса монеты Пероза (459-484), а в погр.21 с маленькими пряжками, обычными для ремней с геральдическими гарнитурами, и такой же монетой, присутствовала серьга, близкая типичным для КА-2, может быть, чуть более архаичная.

Подобная работа была проделана нами и с опубликованными в книге Н.И.Апхазавы материалами из **Самтавро**, включая для представительности таблицы комплекс из **Гурджани** [Апхазава 1979]. Уже Н.Н.Угрелидзе, опираясь на анализ стеклянной посуды в сочетании с другими категориями инвентаря, разделила вещи из Самтавро на ***две фазы*** [Угрелидзе 1967]. Материалы нашей таблицы и синхронизация с комплексами Квемо Алеви позволяют предложить более дробное разделение (рис.78). Для фазы 1, очевидно, возможно столь же дробное членение как и для 2-ой, однако, это – тема особого исследования, нам же этот материал важен прежде всего для того, чтобы отделить от более ранних комплексов фазу 2 с интересующими нас вещами и на ней сосредоточить основное внимание.

Несколько слов следует сказать о способе формирования таблицы, представленной на рис. 78. Выделение на ее материалах фаз 1 и 2 представляется очевидным. Дифференциация комплексов внутри фазы 2 не столь однозначна. В отличии от Квемо Алеви, в Самтавро не так много и не столь разнообразны булавки и серьги, а кавказские фибулы на современном уровне их изучения не всегда показательны для детальной периодизации. Поэтому членение фазы 2 производилось нами прежде всего на основе некоторых неформальных наблюдений. Рис.78, таким образом, является в большей степени демонстрацией вероятности наших наблюдений, а не просто формальной аргументацией.

Период 2а Самтавро (С-2а) содержит вещи, типичные для КА-1 и КА-2 (доступная информация о Самтавро не достаточна для столь же детальных подразделений как в Квемо Алеви, хотя и не противоречит им). ***Период С-2б*** и последующие характеризуются наличием новых типов булавок (особенно показательны такие изделия с головками в виде цветка – признак 27, типичный и для КА-3) и распространением серег с необычными для местных культур предшествующего времени (см. рис.77.*Б*) паяной подвеской. К важнейшим показателям наиболее поздних комплексов периода 2 относятся стеклянные сосуды с налепами (как на рис.79:*14,21* – признак 33) и фибулы группы IV (по Н.И.Апхазаве; как на рис.79:*3*). Большая часть вещей, обычных для периода С-2а, в комплексах с такими стеклянными сосудами и фибулами не сочетаются, а некоторые – совстречаются лишь в единичных случаях. Особенно отличны от комплексов периода С-2а те погребения, где известны фибулы группы IV. Сказанное и позволяет предложить выделение ***периодов С-2в и С-2г***.

Очевидно, что границы между указанными периодами (особенно между С-2в и С-2г) довольно расплывчаты, а сами они фиксируют, скорее, тенденцию эволюции материальной культуры, а не однозначное местоположкние каждого комплекса на оси относительной хронологии. Мы постарались отразить это наклоном разделительных линий в соответствующей колонке на рис.90.

Полученный результат вцелом близок оценкам, представленным в датах, котрые предложил Н.И.Апхазава. Значительные расхождения касаются прежде всего комплексов с ременной гарнитурой. Представляется, что корень разногласий связан с тем, что, как отмечалось ранее, любые накладки, наконечники или пряжки, близкие геральдическим, грузинский ученый считает однозначными показателями синхронности комплексов. Мы считаем, что это не так.

Во-первых, наконечники из погр.379 (рис:79:*1-3*) типичны, например, на Северном Кавказе, не для геральдических, а других, как правило, более поздних, гарнитур (см. ниже о группе 2 Чми). Во-вторых, такая точка зрения не учитывает возможную эволюцию ремней с накладками геральдических стилей. Наконец, непонятно, почему этой категории инвентаря отводится столь ре-

шающее значение, заставляющее не обращать внимание на прочие вещи в комплексе и занижать дату стеклянных сосудов, фибул, булавок, образующих вполне устойчивые и показательные сочетания. По нашим наблюдениям, комплексы позволяют соотнести детали геральдических гарнитур из Самтавро с тремя фазами эволюции этого памятника (С-2а, С-2б, С-2в).

Материалы из Самтавро важны еще и тем, что здесь имеются монеты, в том числе арабские, причем с ними иногда встречались и византийские монеты 5 в. Доступные комплексы с арабскими монетами 8-го в. не очень выразительны, но вполне пригодны для соотнесения с индикаторами в рамках фаз от С-2б до С-2г или КА-3: кроме прогнутых шарнирных фибул со сплошным приемником, иногда с шариком на его конце, для известных нам погребений с арабскими монетами показательны и булавки с головками в виде цветка, браслеты с завитком на концах. В целом же следует признать, что, по крайней мере фаза С-2г должна датироваться 8 в. Фазы С-2б и С-2в едва ли были значительно более ранними, а их датировку где-то в рамках 7-го в. подтверждает и синхронизация с КА-3 , поскольку последняя содержит монету Ираклия (610-641).

Таковы доступные нам основания для хронологии закавказских комплексов, включающих геральдическую ременную гарнитуру. А основные образцы интересующих нас ременных наборов и их последовательность по грузинским материалам отражена на рис.79.

2. Восток Северного Кавказа

Общепризнанной и детально разработанной периодизации материальной культуры, прежде всего украшений, восточной части Северного Кавказа пока нет, хотя и существует целый ряд исследований в этом направлении, ценных наблюдений и сводов [Атаев 1963; Багаев, Виноградов 1972; Магомедов 1983; Мамаев 1986; Гмыря 1993; там и в своде Абакаров, Давудов 1993 - прочая литература]. Наиболее важные для нашей темы памятники, содержащие не единичные геральдические ременные гарнитуры и монеты или их варварские имитации – это Чир-юртский комплекс в Дагестане и могильник Мартан-Чу 2 в Чечне.

Наиболее полный обзор чир-юртских материалов содержится в книге М.Г.Магомедова. Специальному анализу вещей из наиболее важного для нашей темы **грунтового могильника Верхнего Чир-юрта** посвящено готовящееся к печати исследование В.Б.Ковалевской и И.О.Гавритухина. Не имея возможности разворачивать здесь всю систему аргументации (в основе периодизации этого памятника – сочетание типов бус, вариантов фибул, образующих типологический ряд, и разновидностей иных категорий инвентаря [Гавритухин, Ковалевская и др. 1996, с.224-226]), сошлемся на полученные выводы. На рис.80 представлены группы наиболее показательных ременных гарнитур, определяющие их типы пряжек, накладок, наконечников, а так же фибулы и некоторые другие категории металлических украшений, позволяющие, наряду с бусами, распределить группы ременных гарнитур по фазам эволюции материальной культуры Чир-юрта (полный список типов металлических украшений см. в [Ковалевская 1996, рис.3]).

К фазе 2б относятся ***комплексы с монетами*** (рис.81): в погребениях 40 и 72 есть подражания солидам Ираклия и Ираклия Константина (613-625) с отверстиями для подвешивания; в погр. 79 - подражание монете этих же императоров (613-616) с припаянным ушком и драхма Хосрова II 30-го года правления (621г.) с отверстием для подвешивания [Кропоткин, Гусев 1991, NN 1.4-6; 2.3].

В материалах **курганного Чир-юртского могильника** украшений не так много. Те что известны – соотносятся с финальными группами грунтового могильника. Однозначно более поздних вещей из подкурганных погребений нам не известно. В курганах 17 и 61 найдены солиды Маврикия Тиберия (583-601) с припаянными ушками; в курганах 16 и 20 – солид Ираклия и Ираклия Константина (625-629) и подражание солиду этих правителей (616-625) – оба с ушками для подвешивания; наконец, в кургане 14 – подражание солиду Константа II и Константина (654-659) так же с ушками для подвешивания. Украшения, выразительные для синхронизации, найдены лишь в двух их указаных комплексов – в курганах 14 и 20 (рис.81). В целом, все эти погребения на современном уровне изучения можно рассматривать как синхронные, во всяком случае, относящиеся к одному археологическому периоду. В кургане 17 найдены обломки сабли, а кроме того – замечательные обкладки седла с гравировкой. Стрелы из кургана 16 близки тем, что происходят и из других комплексов, в том числе и упомянутых. Таким образом, хронологическая разница перечисленных погребений с монетами, по-видимому, не была большой. Учитывая это, следует согласиться с оценкой М.Г.Магомедова, что ранние монеты этих погребений лишь "... формально ограничивают нижнюю дату ... началом 7 в." [Магомедов 1983, с.86], а опорными для даты считать монету-подвеску из кургана 14 и, с оговорками, подвески из монет и подражаний им из курганов 16 и 20.

Среди чеченских памятников, кроме показательных сочетаний вариантов накладок ременных гарнитур (например, рис.82:43-46), важны материалы погребения 7 **2-ого Мартан-чуйского могильника**, где наряду с Т-образной накладкой-подвеской, серией бляшек и иных вещей, встреченных, например, в грунтовом Чир-юртском могильнике (рис.82:1-42), найдена подвеска из ***монеты*** Хосрова II (590-628), к сожалению, не определенной более точно. В этой катакомбе, судя по плану, было 4 костяка. Однако материал из нее довольно гомогенен, кроме того, автор публикации, Х.М.Мамаев, связывает Т-образную бляшку именно с находкой монеты [Мамаев 1986, с.61].

3. Центральная часть Северного Кавказа (Северная Осетия)

Богатые находками и монетами **катакомбные могильники в Чми** и сейчас являются одной из основных опор для изучения раннесредневековой культуры Северной Осетии и соседних территорий. Хронология этих материалов специ-

ально рассматривались А.К.Амброзом и В.Б.Ковалевской [Амброз 1971б, с.130-131; Ковалевская 1995а, с.172,175]. Работа А.Хайнрих ценна прежде всего образцовой публикацией материалов, хранящихся в Вене, и подробным рассмотрением многих категорий вещей. Вопросам хронологии она не уделяет специального внимания, опираясь в основном на мнения российских коллег, оправданно подходя к некоторым точкам зрения с осторожностью. В итоге большая часть рассматриваемого инвентаря датируется исследовательницей в рамках 8-9 вв. и отмечается наличие более ранних комплексов или отдельных вещей [Хайнрих 1995]. В упомянутых статьях А.К.Амброза и В.Б.Ковалевской комплексы из Чми используются, по преимуществу, как иллюстрации, для подтверждения выводов, полученных на ином материале. Аргументация датировок сводится, в основном, к бегло комментируемым таблицам сочетаний вариантов вещей в катакомбах. Поскольку в катакомбах часто встречено по нескольку погребений, предлагаемые исследователями выводы оставляют сомнения, а краткость текста порождает неясности. Укажем только некоторые.

Следует ли по таблице А.К.Амброза датировать салтовским временем геральдическую ременную гарнитуру из катакомбы 16 и ряд иных вещей, общепризнано более ранних? Почему в его таблице серьги с многогранником (признак 22) помещены среди типов, появление которых определяет наступление периода 2 (8 в.), хотя такие серьги, конечно же бытовали и раньше, а в таблице они отмечены лишь среди материалов периода 3? Считает ли В.Б.Ковалевская возможным датировать 7-м веком и хоть частично синхронизировать с геральдическими гарнитурами некоторые пряжки и накладки, обычно датируемые более поздним временем (признаки 16 и 27)? Действительно ли все материалы катакомб, попавших в раздел "IX в." должны датироваться таким образом, или это касается лишь учтенных в таблице признаков? При этом какие именно вещи (однозначно отделяющие комплексы 9-го века от материалов 8-го столетия) стоят за обозначающими признаки цифрами, не понятно ни из текста, ни из рисунков в таблице. Это касается и ряда иных признаков. Как группы 2-6, о которых идет речь в тексте, соотносятся с группировкой вещей и катакомб в таблице 20? Почему ряд показательных для хронологии, с точки зрения В.Б.Ковалевской, типов и вариантов находок не фигурируют в таблице сочетаний признаков в комплексах? О каких монетах "середины 7 в." идет речь в тексте? Указанные и иные неясности не дают возможности полностью опереться на разработки указаных авторов и заставляют обратиться к материалам памятника непосредственно.

Соотнесение вещей из раскопок Д.Я.Самоквасова возможно, как правило, лишь с катакомбой в целом, а не с конкретным костяком. Тем не менее, эти материалы не столь уж безнадежны для более детального рассмотрения. Во-первых, ни в одной из раскопанных этим археологом катакомб в Чми не зафиксировано более трех скелетов. Не отмечено и случаев, когда кости из разрушенных временем захоронений сдвигались в сторону при последующих погребениях. Во-вторых, раннесредневековые коллективные могилы, например, склепы соседней Кабардино-Балкарии, катакомбы Кисловодской котловины и иных районов Кавказа, погребения Крыма (см. ***часть.3.3***), дают как правило, довольно гомогенный материал, редко выходящий за рамки одного или двух соседних выделяемых археологами периодов (в отношении дискуссионных катакомб у Лермонтовской скалы А.К.Амброз предполагал вторичное использование, а не подхоронения). В-третьих, материалы Чми довольно выразительны, что позволяет с достаточной степенью надежности выделять некоторые комплексы по сочетаниям, обычным на других памятниках. Наконец, некоторые катакомбы содержат лишь одно захоронение.

Указанные соображения позволяют предложить следующую методику анализа материалов из Чми. На основе комплексов из единичных погребений или стилистических соответствий и устойчиво повторяющихся в разных катакомбах сочетаний вещей выделяются группы синхронного инвентаря. Далее катакомбы распределяются таким образом, что их материал принадлежит не более чем двум соседним периодам, с учетом выделенных групп и отдельных одинаковых вещей. Результаты такой группировки украшений наиболее показательных катакомб из раскопок Д.Я. Самоквасова в Чми Суаргом и коллекций Музея естественной истории в Вене представлены на рис.83.

В приведенной таблице достаточно очевидно выделяется ***три группы материала***.

Группа Чми-3 наиболее надежна. Она включает ременные гарнитуры, фибулы (особенно типичны застежки с прогибом корпуса, расположенным ближе к ножке), серьги и иные вещи, имеющие многочисленные аналоги в салтовской культуре. Кроме катакомб с одним погребением, столь же гомогенный материал имеют катакомбы с двумя, даже тремя (кат.8) костяками. Это может быть свидетельством как длительности периода, так и просто плохой представленности в данных катакомбах вещей иного круга. В могилах, имеющих указанный материал, найдены все известные на памятнике **арабские монеты**, в том числе четыре – конца 8 в.

Группа Чми-1, индикаторы которой ни разу не встречены в одной катакомбе с вещами Чми-3, характеризуется накладками и наконечниками ремней геральдического круга, сюда, похоже, относятся и пряжки с коротким вырезом в задней части и двумя крепежными пластинами, а так же некоторые цельнолитые с геральдическим щитком.

Группа Чми-2 наиболее гетерогенна. Она включает ременные гарнитуры, принадлежащие, как минимум, двум типам. Один – с пряжками, имеющими вытянутый прогиб в задней части (кат.6,2,23,7,А,Г) или цельнолитыми, с округлыми прорезными обоймами, имеющими выступ на конце (кат.1,Г,А,Г,Д), а так же цельнолитыми с фигурной обоймой (кат.7). Накладки гарнитур этого круга – округлые с выступом или иным образом выделенной серединой (кат.23,7); наконечники – небольшие гладкие с вертикальным ребром и резко выраженным нижнем краем (кат.23,1,7) или более крупные, пластинчатые, сделанные коробочкой с прямыми боками и плавным округлым

низом (кат.1,Д). Наборы второго типа характеризуются пряжками с литыми петлями для крепления рамки, расположенными около язычка и обоймами, украшенными рельефным литьем или имитирующей его гравировкой (кат.Б,В,А,16?); накладки бывают литые подквадратные с рельефным орнаментом растительных мотивов и петлями для подвески или подковообразные, сделанные в той же технике и стиле (кат.Б,Г,16?). Такие же формы могут повторяться и на пластинчатых накладках. Подпрямоугольные пряжки (кат.8,26,15,23) мы затрудняемся безусловно связать с каким-либо одним из указаных типов гарнитур.

Вещи других категорий менее выразительны. С группой Чми-1 однозначно не связана ни одна из найденных на памятнике фибул. Считать, что в этот период население Чми их не носило – нет оснований: они обычны для раннесредневекового костюма центральной части Северного Кавказа, да и соседних территорий. Скорее всего, часть фибул, формально отнесенных к группе Чми-2, могли принадлежать и более ранним погребениям. Но однозначно выделить ранние среди прочих застежек мешает плохая изученность раннесредневековых кавказских фибул. Это касается и серег с полиэдрической бусиной. Мелкие округлые пряжки, очевидно бытовали как в эпоху Чми-1, так и Чми-2. Булавки с полиэдрической головкой по материалам Чми соотносятся с группой 2, хотя вопрос их бытования на Северном Кавказе в целом требует особого изучения. Для убедительной периодизации амулетов материалы Чми, как нам кажется, не дают неоспоримых оснований. Пуговицы и бубенчики найдены лишь в могилах, где есть инвентарь групп 2 или 3.

Примечательно, что катакомбы группы Чми-2 содержат, как правило, два или три погребения. Мы склонны расценивать это как показатель относительной длительности бытования вещей данной группы. Изучение иных материалов, вероятно, позволит подразделить древности, объединенные здесь в группу Чми-2. Лишь в катакомбах 9 и 4 зафиксировано по одному погребению, но полученный там материал довольно гомогенен: шарнирные фибулы, маленькая округлая пряжка, булавка, бусы. Да и отнесение этих могил к группе 2 скорее формальное, что отмечено выше всвязи с оценкой фибул этого памятника. С группой Чми-2 достоверно связаны три катакомбы с монетами. Из одной – монета не определена; в катакомбе 23 найдена монета Хосрова I (531-575); в катакомбе 7 было две монеты, одна – Хосрова II, вторая этого же правителя, определенная более точно – 594 г.

В погребениях, имеющих материал группы 1 захоронений немного, причем там, где есть и наборы группы 2, найдено не менее двух скелетов. Особого внимания требует инвентарь катакомбы 16. По описанию Д.Я.Самоквасова найденный там материал связан с одним погребенным, однако, среди деталей геральдического ременного набора, под упомянутыми в отчете номерами присутствуют пряжка и накладка совершенно иного круга (см. выше, при описании группы Чми-2). Мы склонны объяснять это ошибками в ходе транспортировки или инвентаризации вещей, или же со случайностью другого рода.

В катакомбе Д с материалами групп 1 и 2 найдена одна неопределимая монета. Монета Хосрова I (531-575) происходит из катакомбы 12, где при двух костяках была выразительная геральдическая гарнитура, и, кроме того, длинный наконечник ремня и железная пряжка с вытянутой задней частью, которые сопоставимы с материалами группы 2, хоть и не бесспорно. Наконец, в могиле 16 находилась монета Хосрова II (594 г). Этот факт и само определение приведены в отчете Д.Я.Самоквасова, потому ее принадлежность данному комплексу (в отличии от упомянутых пряжки и накладки) не может вызывать сомнения. Именно эту монету мы считаем пригодной для датировки группы Чми-1. Прочие персидские монеты этого памятника несомненно или с большой долей вероятности следует считать запаздывающими.

4. Кисловодская котловина

Для оценки богатейших материалов раннесредневековых памятников Кисловодской котловины опорным пока остается могильник **Мокрая балка**, издание материалов которого по комплексам готовится Г.Е.Афанасьевым. Им же опубликована и периодизация этого памятника, основанная на математически просчитанной совстречаемости деталей ременной гарнитуры и сочетании этих групп с иным инвентарем [Афанасьев 1979]. Геральдические гарнитуры в соответствии с этой системой определяют особую группу ременных наборов, которая лежит в основе выделения 2-ого этапа эволюции материальной культуры памятника. Вцелом, полученная картина вполне убедительна. Сомнения, кроме атрибуции некоторых комплексов с невыразительным инвентарем, вызывает однозначность хронологической последовательности всех комплексов 3-го этапа за всеми, отнесенными к этапу 2. Ведь если детали ремней этапов 1 и 4 выделяются достаточно отчетливо, то в отношении разделения предметов этой категории этапов 2 и 3 речь может идти лишь о тенденции. Мы считаем, что она определена Г.Е.Афанасьевым правильно. Но это не снимает вопроса об атрибуции конкретных комплексов, что требует методики, фиксирующей, кроме общего направления изменений, его нюансы, и апеляции к детально рассмотренным иным категориям инвентаря.

К периодизации этого же памятника обратилась и В.Б.Ковалевская, уделив особое внимание амулетам и серьгам. По какой-то причине составленная ей таблица сочетаний типов и вариантов вещей в комплексах слабо связана с текстом работы, а иногда и противоречит ему [Ковалевская 1995а, с.169-171 и рис.19 на с.174]. Сама таблица в ряде случаев оставляет неясности в отношении типов и вариантов вещей (их номера не всегда читаются, иллюстрации даны не ко всем признакам, а их перечисление – отсутствует), да и составлена она очень рыхло. В итоге систематически проверить хронологическую значимость достаточно стройных (на уровне априорного классифицирования) типологических рядов инвентаря не представляется возможным. Остается ограничиться примерами в связи с наиболее важными для нашего исследования вопросами – о хронологии геральдических ременных гарнитур.

По таблице на рис.19 геральдические накладки и наконечники фигурируют среди индикаторов групп 2 и 3, в тексте и на иллюстрирующем его рис.8 на с.151 эти категории инвентаря распределены по трем группам [Ковалевская 1995а]. Судя по рисунку 8, к группе 1 отнесены наборы из катакомб 107 и 94. В таблице на рис.19 эти комплексы не учитываются. Характеристике: прорезной наконечник "с полным изображением человеческой личины" по которой эти наборы выделяются в тексте [Ковалевская 1995а, с.169], соответствует лишь наконечник из катакомбы 94, но близкая вещь есть в кат.29, материалы которой приведены как типичные для группы 2. Среди наиболее поздних геральдических накладок и наконечников, выступающих индикатором группы 3 на рис.8 даны вещи из катакомбы 1. Аргумент в пользу этого, по всей видимости, – мелкие округлые бляхи (признаки 2,3,36 по рис.19). Сами по себе они едва ли могут быть надежным хронологическим показателем. Анализ Г.Е.Афанасьева свидетельствует об их связанности с признаками как его этапа 2, так и 3 [Афанасьев 1979, с.46, признаки 20 и 22 на рис.2]. Но в оценке комплекса этот исследователь склоняется к отнесению катакомбы 1 к периоду 2, не отделяя от прочих, содержащих гарнитуры геральдических стилей, даже считая этот геральдический набор одним из самых ранних на памятнике [Афанасьев 1979, с.44-45].

Таким образом, предложенное В.Б.Ковалевской хронологическое разделение ременной геральдической гарнитуры из Мокрой Балки пока не может считаться безусловно доказанным, во всяком случае несомненно опровергающим построения Г.Е.Афанасьева. Тем не менее, постановка этого вопроса представляется нам перспективной и требует дальнейшей проработки. Определенные возможности для этого и для проверки высказанных выше сомнений в однозначности хронологической последовательности комплексов этапов 2 и 3 (по Г.Е.Афанасьеву) дает тщательное изучение керамики этого памятника, которое в настоящее время производится В.Ю.Малашевым. Результаты первого этапа его работы легли в основу нового варианта хронологии древностей Мокрой Балки, созданного В.Б.Ковалевской.

В.Ю.Малашев и В.Б.Ковалевская составили таблицу сочетаний типов керамики в комплексах Мокрой Балки, иллюстрирующую 3 этапа эволюции этой посуды. В.Б.Ковалевская сочла возможным на материалах той же таблицы выделить 11 хронологически последовательных групп и две слабо показательные группы, а на полученной основе предложить "хронологическое упорядочивание" бус и металических украшений этого памятника [Ковалевская 1995, с.178, 179, 186-189], однако, взятые сами по себе, данные таблицы, на наш взгляд, не дают возможностей для столь дробного членения. Какие-то дополнительные основания выделения такого количества групп и аргументация их состава пока не приведены (указанные таблицы в книге использованы в качестве иллюстраций теоретико-историографических эссе и, очевидно следуя жанру, не обосновываются, даже не обсуждаются ни по сути, ни в отношении к иным вариантам хронологии Мокрой Балки). Учитывая сказанное, мы относимся к сделанному В.Б.Ковалевской, как к гипотезе, основной смысл которой заключен не в результате (он пока не обоснован), а в указании на перспективы исследования. Они представляются нам весьма плодотворными и важными для темы нашей книги, поэтому в ***Приложении 1*** приведен анализ посуды из Мокрой Балки, нацеленный на периодизацию этого памятника, являющийся частью готовящегося к публикации исследования В.Ю.Малашева по детальному изучению керамики северо-западного Кавказа.

По материалам таблицы, отражающей **эволюцию посуды Мокрой Балки** (рис.86), ременные гарнитуры с накладками геральдических и иных, важных для нашей темы, стилей распределились на протяжении ***четырех фаз (от IIа до IIIб)***. В соответствии с этой группировкой интересующие нас гарнитуры расположены на рис.87. Полученные группы представляются нам вполне правомерными и с точки зрения реконструируемой логики развития **ременных гарнитур**.

К ***периоду IIа*** относятся ременные наборы из погр. 4К, 107, 122 и 100. Последний отнесен сюда, поскольку в той же могиле найдено два сосуда, один – специфической формы, другой – типа 11 как в комплексах периода Iб и IIа, в целом же керамика из погр.100, по мнению В.Ю.Малашева, наиболее близка набору из погр.4К, а сходство поясов из погр. 122 и 100 очевидно (рис.87:*82-98*). Ременные гарнитуры периода IIа имеют компоненты провинциальновизантийско-понтийского круга и довольно архаичные местные. К первым относится позднеантичная структура пояса из погр.100 (рис.87:*93-94*), форма пряжки и наличие крепежной обоймы для колечка (?) в погр.107 (рис.87:*107,108*) и, возможно, некоторые другие детали (см. ***часть 2.1.5; 3.7***). Как довольно архаичные, вероятно местные, элементы можно оценить обоймы/накладки с вставками из погр.4К (рис.87:*101*; не исключено, что они входили в гарнитуру позднеантичной структуры) и горизонтально симметричные накладки с полукруглыми окончаниями (рис.87:97,102). В этом ряду можно рассматривать и упомянутую обойму для колечка. С довольно устойчивой на Кавказе традицией связано наличие мелких накладок, часто со вставками.

Стиль исполнения поясных наборов из погр.100 и 122 отражает начавшуюся деятельность мастерской, продукция которой придает своеобразие многим геральдическим гарнитурам, известным на памятниках Кисловодской котловины. Формы и состав элементов гарнитур, выполненных в этом стиле указывают на причерноморские прототипы (см. рис.68), но характер исполнения вещей своеобразен и, безусловно, связан с местными традициями. Эта мастерская продолжала действовать и позднее, ее продукция встречена с материалами ***периода IIб*** (погр.89), а влияние, очевидно, сказывалось и на протяжении ***периода III*** (рис.87:*23-25,57*). Типологически более поздние, чем в погр.100, наборы этого круга отличает "рогатая" форма горизонтальносимметричных накладок (рис.87:*73,88*), появившееся расширение на язычках пряжек (рис.87:*72,86*), изменение структуры ремня и другие показатели.

Наряду с указанными, в ***период IIб*** получают распространение гарнитуры с довольно мно-

гочисленными мелкими накладками, плоскость которых покрыта некрупными геометризированными прорезями (погр.125,34,94). Подобные изделия известны в Причерноморье, но их культурный контекст значительно более широк, включая ряд районов Кавказа и др. области. Отличия этих вещей от появившихся в предшествующее время как на уровне типов или вариантов накладок, так и по их составу, свидетельствуют не просто о деятельности новой мастерской, но и о смене "культурных приоритетов" людей, изготовлявших и носивших новые пояса. В это же время в Кисловодской котловине появляются и лировидные пряжки (рис.87:*79*), частые на более восточных и южных памятниках (рис.80:*23,32,33,57*; 83: *погр.22,2,23,7,А,Г*).

Выразительных ременных наборов ***периода IIIа*** не много. В погр. 27 и 90 известны мелкие круглые бляшки с центральной выпуклой частью, прототипы которых можно найти в комплексах периода IIб (рис.87:*77*), но ближайшие аналоги относятся к периоду III (рис.87:*4-5,14-16,37,42*). В комплект керамики из погр.1К входят сосуд, типичный для всего периода III и весьма архаичный, несомненно "запаздывающий" (рис.86). Поскольку причины столь заметного хронологического разброса не ясны (архаичный сосуд мог, например, относиться к иному комплексу), формально определяемое программой сериации место данного погребения вполне может корректироваться, что отмечено и В.Ю.Малашевым (см. ***Приложение 1***). Если пряжка не дает этому бесспорных оснований, то наконечник, типичный для финальных фаз этого памятника [Афанасьев 1979, с.44,46] свидетельствует, скорее, в пользу омоложения даты комплекса. В погребении 2Аф найден сосуд типа 15, что позволяет датировку в довольно широких рамках (рис.86), но состав накладок и особенности некоторых их вариантов свидетельствуют об отнесении данного комплекса, скорее, к периоду III, в пользу такой атрибуции можно привести и близость пряжек погр.2Аф и 1К.

Ременных наборов, несомненно относящихся к ***периоду IIIб***, довольно много, и они позволяют говорить о довольно серьезных изменениях гарнитур: распространяются накладки, украшенные зернью (рис.87:*18,44*) и длинные, расширяющиеся к низу наконечники (рис.87:*18-19*), а также накладки с прорезью (рис.87:*21,34*), становятся частыми и очень разнообразными круглые накладки с плавно выдавленной серединой или украшенные концентрическими кругами, лировидные пряжки характеризуются вытянутой задней частью и узкой обоймой геометрических форм (рис.87:*20*). Накладки геральдических типов уже не определяют облик наиболее престижных поясов, но сохраняются на ремнях, формы этих накладок не характерны для предшествующих этапов Мокрой Балки (рис.87:*23-26,31-33,35,38-39* и др.), хотя нет оснований говорить и о полном разрыве традиций, о чем уже шла речь. Тем не менее, облик поясов определяют новые стили, а в комплексах ***периода IIIв*** уже нет даже элементов геральдических гарнитур.

Сериация керамики подтверждает наблюдения Г.Е.Афанасьева об общей тенденции эволюции ременных наборов Мокрой Балки, но и позволяет их конкретизировать, таким образом откорректировав, что предполагалась и ранее исходя из общетипологических соображений. Оценивая керамику как основу периодизации, следует отметить, что предложенная сериация, сама по себе, также отражает прежде всего общую тенденцию эволюции, хотя массовость и меньшая гетерогенность сосудов, в сравнении с другими категориями инвентаря, позволяет в ряде случаев делать более тонкие и обоснованные суждения. Таблица на рис.86 и анализ ременных гарнитур показывают, что границы между периодами памятника не резкие, длительное сосуществование старых и новых форм свидетельствует не о жесткой последовательности, а о частичном хронологическом "наложении" сменяющих друг друга групп. Схематически это отражено в соответствующем столбце на рис.90.

Все монеты Мокрой Балки относятся к погребениям периода IIIб и начала IIIв., причем наиболее поздняя относится к комплексу (погр. 117), который в таблице сериации керамики соседствует с тем, где известна наиболее ранняя монета (погр.1). Очевидно, такая картина отражает не с постепенное "выпадение" из обращения, а достаточно кратковременное, возможно массовое, поступление (выплаты?). Это следует учесть при оценке датирующего значения монет рассматриваемого памятника. О их вероятном запаздывании свидетельствует и ряд других данных, в том числе – происходящих с памятников Кисловодской котловины. Например, катакомба 12 могильника 2 у Лермонтовской скалы, с материалом, наиболее близким комплексам Мокрой Балки периода IIIб, содержит индикацию Константа II (641-668) [Афанасьев 1979, с.50]. Не менее важно для определения абсолютной хронологии древностей из окрестностей Кисловодска сопоставление с хронологическими колонками других территорий, что будет сделано в части 3.7.

5. Черноморское побережье Кавказа

Опорным памятником для суждения о материальной культуре населения, жившего в районе нынешнего Новороссийска и несколько южнее, является исследованный А.В.Дмитриевым в 1974 г. **могильник на р.Дюрсо**. Для нашей темы важно, что там есть комплексы с ременными гарнитурами геральдического круга и с монетами. К сожалению, этот памятник полностью не опубликован. Наиболее пространное из предварительных сообщений посвящено фибулам, причем автор, что вполне понятно, основное внимание уделил замечательной подборке двупластинчатых застежек [Дмитриев 1982]. Комплексы с геральдической гарнитурой характеризуются вскользь и суммарно. По опубликованным данным можно лишь судить, что комплексы с геральдической гарнитурой сменяют в Дюрсо период, характеризующийся наиболее поздними на этом памятнике двупластинчатыми фибулами и ранними полыми пряжками (т.н. "шиповского" круга); ременные наборы с деталями геральдических стилей, как и сопровождающие их вещи, довольно многочислены и выразительны [Дмитриев 1982, с.96,100-102]. Сведения прочих изданий, в том числе и приведенные Ч.Балинтом,

не более информативны [Balint 1992]. То, что известно, позволяет надеяться на успех достаточно детальных реконструкций эволюции геральдических гарнитур, особенно при привлечении материалов Борисовского могильника, Бжида и других близлежащих памятников. Сделать это, как и оценить датирующее значение монет 6 в., встреченных в Дюрсо с "геральдикой", можно будет только опираясь на полную публикацию материалов.

Не менее важны для изучения восточнопонтийских древностей, и не только их, памятники **цебельдинской культуры в Абхазии**. Известные там комплексы с геральдической ременной гарнитурой, на которые могли опираться А.К.Амброз, Ю.Н.Воронов и другие авторы разработок по хронологии, до недавнего времени были единичными [Амброз 1971а; Воронов, Бгажба 1979; там остальная литература]. Лишь в 1989 г. были опубликованы сведения о начале исследования в 1984 г. на Цебельдинском некрополе участков, где концентрируются находки ремней с накладками геральдических стилей [Воронов, Бгажба и др. 1989]. Изучение и публикация этих и, вероятно полученных дальнейшими раскопами, материалов прервались по политическим причинам. Поэтому для суждения о геральдических гарнитурах Абхазии мы можем опираться не на систематическое изучение их места в эволюции местной материальной культуре, а на отдельные примеры.

Важнейшими реперами для абсолютной хронологии поздних фаз цебельдинской культуры являются слои Цибилума, датированные монетами и письменными источниками и **погребение** с монетами, исследованное в 1967 г. **в окрестностях Цебельды** [Воронов, Юшин 1971; Воронов, Бгажба 1985; 1986]. Пояс из указанного погребения (рис.42:*38-40*) привлекался нами при характеристике позднеантичных традиций военной моды (***часть 2.1.5***). Его детали стилистически наиболее близки самым ранним образцам геральдических наборов, вероятно, даже предшествуют им, а датируется он одной золотой и двумя серебряными монетами Юстиниана (527-565).

Византийско-апсильская **крепость Цибилум** функционировала недолго, а после событий 550-551 гг., отраженных двумя слоями пожаров и разрушений, не восстанавливалась, хотя это место и не было заброшено. Вещи, найденные в слоях строительства и функционирования крепости или в слоях пожаров 550-551 гг. относятся по схеме А.К.Амброза к периоду 5 эволюции цебельдинских могильников (особенно показательны фибулы с крестовидным пластинчатым, но еще не расширенным корпусом [Амброз 1971а, с.108-111]. Никаких элементов геральдических наборов или вещей, обычных для комплексов с ними, здесь нет.

Погребение 1967 г. принадлежит следующему, 6-ому периоду (по схеме А.К.Амброза), для которого, опираясь на изложенные факты, мы можем принять 550 г. как вполне надежный terminus post quem. Данная ранее характеристика пояса из погребения 1967 г. свидетельствует, что по крайней мере основная масса геральдических наборов Абхазии относятся к еще более позднему времени. Найденные в Цибилуме обломок щитовидной геральдической накладки, шарнирные фибулы с расширенной ножкой и другие вещи этого круга достоверно или с большой долей вероятности связаны со слоями, отражающими жизнь на этом месте после событий 551 г. [Воронов, Бгажба 1985, рис.113 и соответствующие комментарии в тексте]. Возможность более детально характеризовать этот горизонт древностей зависит от публикации новых материалов.

6. Поволжье и Приуралье

Географически и культурно-исторически указанный район, безусловно, не однороден. Памятники правобережных притоков Волги, прежде всего – Оки, Суры и определяемая ими область, как показывают материалы *главы 2*, дают наиболее близкие соответствия днепровским находкам. Хотя здесь и есть целый ряд богатых инвентарем могильников, эти древности не имеют собственных оснований для абсолютной хронологии. Кроме того, несмотря на ряд достижений в изучении периодизации памятников Поочья, в некоторых ключевых пунктах она остается дискуссионной, а наиболее важные для нашей темы геральдические ременные гарнитуры и пальчатые фибулы специально не анализировались, оценивались суммарно и сами использовались в качестве оснований для выделения определенного периода в эволюции местных древностей.

Лишь А.К.Амброз подразумевал возможность отделения горизонта с "южными деталями поясов 7 в." (этап 4) от горизонта с днепровскими пальчатыми фибулами и геральдическими пряжками "вычурного стиля" (этап 5). Впрочем, он отнес к последним лишь единичные комплексы [Амброз 1971б, с.112-115]. Эти краткие замечания, которые так и остались не развернутыми, в последующей литературе практически не обсуждалась и никак не отразились на подходе других авторов к рассматриваемым древностям.

На памятниках собственно среднего течения Волги геральдическая ременная гарнитура представлена пока единичными экземплярами в комплексах, не имеющих монет, и достаточно гетерогенных в культурном отношении. Погребения кочевников поволжских степей, содержащие геральдические ременные наборы – единичны и не могут анализироваться без привлечения материалов соседних территорий. Более представительны памятники Башкирии, имеющие к тому же и ряд близких соответствий степным древностям в ременной гарнитуре. Наконец, богатейшие могильники с геральдическими ременными наборами и значительным числом монет известны в Прикамье.

Основная масса ременных гарнитур с накладками геральдических или связанных с ними стилей в Прикамье довольно своеобразна и принадлежит обширной области, включающей северо-восток Европы, Западную Сибирь, и ряд других районов Азии. Ремни этого круга почти не имеют прямых соответствий в Поднепровье, да и их соотношение с поясами более южных и западных областей определяется разными исследователями неоднозначно. Одним из важнейших звеньев, соединяющих урало-азиатские культуры и зоны древ-

ностей, непосредственно связанные с поднепровскими, являются памятники волжских кочевников и Башкирии. Учитывая сказанное, для темы нашей работы, как представляется, будет достаточно обращения к ременным наборам из Башкирии и волжских степей, с привлечением лишь наиболее показательных материалов из других районов Поволжья. Опираясь на полученную картину, можно оценить наиболее важные для анализа ременной гарнитуры комплексы из Прикамья и возможности их датировки по монетам, обращаясь к иным северным и восточным материалам лишь для необходимых дополнений.

Место геральдических ременных гарнитур из башкирских и степных поволжских памятников на более общем фоне поволжских материалов рассмотрено нами в специальной работе [Гавритухин 1996]. Там же предложено выделять ***две стилистические линии***, которым принадлежат геральдические наборы Волго-уральского района, а в каждой из этих линий – стилистические "полюса", указывающие на преобладание элементов различных локальных традиций (рис.89).

Первая линия характеризуется:

а) Т-образными бляшками с подпрямоугольной или рогатой пластиной вариантов 1в, 2а, 2б (рис. 89:*96,134,145* и ***часть 2.1.3***);

б) горизонтально-симметричными накладками с щитовидными окончаниями варианта 1 и не симметричными накладками с пирамидальной площадкой как у варианта 2 (рис.89:*63,82* и ***часть 2.1.4);***

в) небольшими наконечниками с прямыми параллельными боками (рис.89:*54,55,61,62,81,98-99,101,113-115,127* и ***часть 2.1.7***);

г) крупными наконечниками "коробочкой" укороченных пропорций (рис.89:*49,56,71,76,138*);

д) трех или четырехлепестковыми плоскими накладками (рис.89:*80,86,131,149*);

е) псевдопряжками типа 5, со щитовидной обоймой и похожими на них пряжками, используемыми, как псевдопряжки (рис.89:*102,123,146* и ***часть 2.1.8***);

ж) скупой прорезной орнаментацией, чаще всего из симметричных относительно крупных кружков, реже – иных элементарных геометрических фигур или в виде замочной скважины;

з) слабой отогнутостью концов "рогатых" накладок.

Можно, наверное, выделить и больше признаков данной линии, но и названого, кажется, достаточно для ее отделения от наборов другого облика.

В рамках охарактеризованного стилистического направления выделяются комплексы с достаточно отчетливо выраженными соответствиями изделиям византийско-понтийского круга или зон его влияния. К показателям юго-западных связей относятся: позднеантичная структура пояса (рис.89:*118-120,137-139,142-143* – из кургана 15 Верх-Саинского могильника, погр.165 Бирска, погр.191 Армиево и др. – см. ***часть 2.1.5***); накладки с верхним краем, оформленным в виде двух овалов, имеющие прямые бока, иногда с вырезами (рис.89:*133,134,140* – ср. рис.35:*25,27,38,39* и ***часть 2.1.3***, тип 3); прямоугольные накладки с упрощенным волнистым верхним краем (рис. 89:*97,122*; в Крыму – см. рис.68, *признак 7б*); Т-образные накладки варианта 1в (рис.89:*145*, близкие вариантам 1а и 1б той же подгруппы – см. ***часть 2.1.3***). Комплексы с гарнитурами указанного круга на поволжских памятниках единичны и содержат наиболее престижные вещи, образуя горизонт, когда геральдические ременные гарнитуры здесь только появились и сосуществуют с древностями круга Шипово или Харино – Мертвые Соли (т.е. 2-ой и 3-ей степных групп по А.К.Амброзу – рис.89:*128-130; 116-117*) или относительно бедными ремнями с пряжками, в основном новоселковской группы по А.В.Богачеву. Это наиболее ранний ***горизонт 1*** в эволюции геральдической гарнитуры Поволжья [Гавритухин 1996, с.123-126].

Прочие комплексы с поясами рассматриваемой линии характеризуются увеличением удельного веса специфических поволжских компонентов, появлением элементов стилей, распространенных более широко (особенно много кавказских аналогий). Проявляются и некоторые общие тенденции развития геральдической ременной гарнитуры (некоторое сужение прорезей на рамках пряжек и затухание этого процесса под влиянием новых модификаций, все более широкое распространение поясных пряжек с цельнолитой рамкой и обоймой, появление очень крупных прорезей на накладках и т.д. [Амброз 1973]. Геральдические гарнитуры становятся для ремней этого времени обычными, украшают они и обувь (Кушнаренково, Новобишкинские курганы). Все это – явления новой эпохи в эволюции древностей Поволжья, одним из показателей которой являются геральдические гарнитуры кратко описаного здесь ***горизонта 2***.

Вторая стилистическая линия геральдических наборов Поволжья характеризуется:

а) щитовидными накладками с вырезами у нижнего края (рис.89:*13,28,34,36,74*);

б) Т-образными бляшками с пламеневидным щитком и относительно длинной перекладиной, иногда сросшейся с краями щитка (рис. 89:*7,14,29*);

в) резко отогнутыми "рогами" у соответствующих накладок (рис.89:*12,21,31,35*);

г) малыми наконечникам с профилированными боками (рис.89:*16-18,24-25,39-40*);

д) крупными наконечниками удлиненных пропорций (рис.89:*9,19,41*);

е) вытеснением прорезной орнаментации, лишь иногда вещи украшаются округлыми отверстиями, прессованными вставками или узкими, "линейными" прорезями;

ж) псевдопряжками типа 1 (рис.89:*32-33* и ***часть 2.1.8***).

Эта линия представлена, кроме Приуралья, на многих азиатских памятниках, в Среднем Поволжье, на Кавказе, хотя отдельные элементы распространены и шире.

Случаи совстречаемости элементов второй и первой стилистических линий известны лишь в комплексах горизонта 2 поволжской геральдической гарнитуры. Основная же масса погребений с вещами второй линии образует еще более поздний ***горизонт 3*** геральдических ремней волго-уральского района. Кроме типологических наблюдений [Амброз 1973; Гавритухин 1996, с.124-126],

предложенную последовательность подтверждает и ряд памятников. В Безводненском могильнике комплексы горизонта 3 относятся к 4-ому периоду этого памятника, а горизонта 1 и 2 – к финалу 2-ого и 3-ему периодам [Краснов 1980; Гавритухин 1996, с.118-119]. В Верх-Саинских курганах представлены материалы всех горизонтов, а в примыкающих к ним, более поздних грунтовых могилах - лишь горизонта 3 [Голдина, Водолаго 1990; Гавритухин 1996, с.120-121]. В тех курганных могильниках Башкирии, где нет материалов горизонта 3, отсутствуют и более поздние вещи, а там, где прослеживается смена геральдических наборов более поздними, хорошо представлены именно геральдические гарнитуры горизонта 3 [Мажитов 1993]. На достаточно широко исследованных памятниках Поволжья и Приуралья, где есть древности, предшествующие распространению геральдических ременных наборов, представлена или только гарнитура горизонта 1 (Армиево; 2-ой Коминтерновский могильник именьковской культуры – этот памятник готовится к публикации, мы благодарим Е.П.Казакова за возможность ознакомиться с материалом) или выделяемые при картографировании ареалы с наборами горизонта 1 и ареалы более ранних материалов – смыкаются (Безводное; раскоп 1 в Бирске).

Не будет преувеличением сказать, что нынешнее понимание развития раннесредневековых древностей **Прикамья** в основном определяется работами Р.Д.Голдиной, ее соавторов и учеников [Голдина 1985; Голдина, Кананин 1989; Голдина, Водолаго 1990; Голдина 1995 – там прочая литература]. Предложенная этой исследовательницей схема эволюции древностей и синхронизации ряда культур бассейна Камы применяется и для изучения материалов соседних территорий [Богачев 1992]. В соответствии с этой точкой зрения все пояса с накладками геральдических стилей относятся к одному этапу (Агафоновскому в Ломоватовской культуре, Бартымскому – в Неволинской, Варнинскому – в Поломской, Зиновьевскому – в Среднем Поволжье; рис.88.А). В то же время, именно изысканиями Р.Д.Голдиной и ее учеников выделены и реконструированы типичные "агафоновские" пояса (рис.88:*Б:4* [Голдина, Водолаго, табл.XLIV:2, XLV:*1*]), что делает очевидным не только отличие их от "неволинских" (это подчеркивается самой исследовательницей; рис.88:*Б:1-3*), но и своеобразие на фоне прочих геральдических гарнитур, включая и некоторые приуральские. К сожалению, последний вывод не получил развития в названых работах, составивших целую эпоху в изучении раннесредневековых древностей северовостока Европы.

Лишь А.В.Богачев выделил ряд пряжек, позволяющих считать некоторые геральдические наборы в рамках указанного периода более архаичными, принадлежащими переходному, Новоселковскому этапу (рис.88:*А*), синхронизируемому на материалах Средней Волги с началом Зиновьевского этапа [Богачев 1992, с.142,146,152,155, 159]. Оценка этой перспективы и привела нас к предложенному выше выделению трех горизонтов геральдической гарнитуры Поволжья [Гавритухин 1996]. Свой вариант периодизации украшений с памятников бассейна Вятки предложила Н.А.Лещинская (рис.88:*А*). Все ремни с геральдическими накладками объединены ею в хронологическую группу 6, хотя некоторые архаичные полые пряжки (рис.88.*Б:8*, они имеют аналоги и в геральдических гарнитурах) считаются более ранними, а в отношении древностей выделенных исследовательницей 5-ой и 6-ой групп утверждается, что диапазон бытования ряда типов вещей, очевидно, удастся сузить. Это, с определенными оговорками, соответствует точке зрения А.В.Богачева и предложенной нами схеме. Правда, оценить аргументированность положений исследовательницы невозможно, поскольку сериация, на основе которой сделаны ее выводы, не опубликована, иллюстрирующие периодизацию вещи не подписаны, а большая часть комплексов не издана [Лещинская 1995].

Для оценки точки зрения А.К.Амброза на хронологию Прикамья (рис.88:*А*) следует иметь в виду, что в его распоряжении имелись значительно менее представительные материалы, чем есть сейчас. Высказанная им точка зрения о том, что "агафоновкие" пояса образуют наиболее поздний, 4-й этап эволюции геральдической гарнитуры, к которому следует относить и некоторые элементы "неволинских" поясов [Амброз 1993] представляется вполне продуктивной и не противоречащей современным данным. Целый ряд достаточно весомых аргументов Р.Д.Голдиной и некоторых других исследователей, по нашему мнению, заставляет лишь отказаться от полной синхронизации этих линий развития поясов северо-восточной Европы и Азии и считать, что в Прикамье "неволинские" пояса сформировались несколько позже "классических агафоновских" и существовали здесь несколько дольше последних.

В пользу частичной синхронизации "агафоновских" и "неволинских" поясов свидетельствуют не только случаи совстречаемости элементов гарнитуры этих линий развития (из новых материалов укажем на комплексы погр.155 Неволинского могильника, 91 и 92 Верх-Саинского [Голдина, Водолаго 1990] и др.), но и невозможность понять генезис некоторых элементов неволинских поясов, прототипы которых принадлежат "доагафоновским" древностям (наконечники с подквадратными площадками у основания, прорезные щитовидные накладки и наконечники, восходящие к гарнитурам 2-ого поволжского горизонта геральдических наборов и др.) если выделять длительную эпоху господства исключительно агафоновских поясов. Очевидно, перспективы разрешения этой проблемы связаны с более детальной типологической и хронологической дифференциацией гарнитур, объединяемых в группу "неволинских", и учетом предложенной периодизации поволжских геральдических наборов. Возможно, одним из хронологических реперов послужат катандинские (сопоставляемые с эпохой второго тюркского каганата) и среднеазиатские (8-ого в. по [Распопова 1980]) элементы и параллели неволинских поясов, с появлением которых происходит вытеснение в Прикамье модных до того агафоновских и видоизменение местных неволинских наборов. Такая точка зрения, как представляется, не отменяет, а делает более гибкой схему Р.Д.Голдиной и близка результатам, полученным

Н.А.Лещинской в дифференциации и оценке ее 6-ой и 7-ой хронологических групп [Лещинская 1995, с.94-96,116-118, рис.16:7,8,34,35 и 18].

Вцелом, материалы Прикамья, включая памятники бассейнов Сылвы и Вятки, как представляется, вполне соответствуют нашей периодизации. Наиболее ранний горизонт геральдической гарнитуры Поволжья достаточно определенно отражен в материалах Верх-Саинских курганов (кург.NN 15; 26; 9,погр.1 и др.), принадлежащих наиболее близким степи памятникам неволинской культуры. Эти комплексы в основном синхронны древностям ее Верх-Саинской стадии с поясами 2-ой и 3-ей степной групп (по А.К.Амброзу). Последние определяют митинскую и гыркешурскую (по Р.Д.Голдиной) стадии ломоватовской и поломской культур (с отнесением к этому горизонту и некоторых полых пряжек – рис.88.**Б:8** – которые ижевская исследовательница считает более поздними). Здесь, как и на Вятке, по данным Н.А.Лещинской, обычные для геральдических поясов полые В-образные пряжки еще не сопровождаются появляющимися южнее новомодными накладками [Лещинская 1995, с.93-94, 114].

Геральдические накладки появляются в Прикамье повсеместно лишь в комплексах горизонта 2 поволжских геральдических наборов. Этот период был, похоже, здесь относительно кратковременным, не на всех памятниках легко вычленим и его более детальная характеристика нуждается в дополнительных исследованиях, но некоторые примеры вполне показательны (Верх-Саинский курган 4, перекрытый курганом 10 с пряжкой, обычной для агафоновских поясов; Неволино – погр.141; Аверино – погр.73, 84, 96а, 100, Урьинский клад, комплексы с накладками типа [Лещинская 1995, рис.16:*15,25*] на Вятке и др.). Вероятно, в это время на Верхней Каме еще существовали пояса митинской стадии. Об этом свидетельствуют материалы Агафоновского 1-го могильника, где в западной, наиболее ранней, части есть 5 митинских погребений, 2 захоронения (167 и 47) содержат материалы финала 2-го горизонта поволжской геральдической гарнитуры, переходные к 3-ему, в прочих "доурьинских" комплексах встречены типичные агафоновские пояса. В Бартымском могильнике, где все геральдические пояса – агафоновские, в погр.9 обнаружен митинский пояс. Стык митинских и агафоновских элементов документирован и Георгиевским кладом. Таким образом, окончательная смена митинских поясов геральдическими и выработка местного стандарта последних отражена многочисленными комплексами с типичными агафоновскими поясами горизонта 3.

Набор комплексов с персидскими монетами в Прикамье, как отмечалось, весьма представителен. А сочетание монет с древностями разных периодов имеет определенную логику (приведенные ниже определения взяты из упомянутых публикаций Р.Д.Голдиной). Наиболее поздние монеты, обнаруженные вместе с материалами митинского и синхронных ему этапов в Прикамье относятся к времени Пероза (459-484) (Пыштайнские курганы; Весляны погр.16), второй половине его правления (Верх-Саинский кург. 9, погр.2 и 16/погр.4), Замаси и Кавада (498 или 499 г. в кург.14/погр.1; 496 и 497 гг. в кург. 17/погр.1 Верх-Саинского могильника).

Набор агафоновской стадии отличается наличием более поздних монет: Кавада I (521, 524, 257 г. – Агафоново 1, погр.81) и Хосрова I (531-579) (в Веслянском могильнике, погр.25; в Агафоново погр.81 – 570 г., погр.45 – 551 г.; в Неволино погр.230, и в погр.170 – 549 г., погр.223 – 555 г., погр.213 – 573 г.).

Монеты Хосрова II (590-628) известны с материалами следующей эпохи, синхронизируемой с неволинской стадией неволинской культуры (Носковский и Плесинский могильники; Деменковский – погр.8,63,64; Аверино 2, погр.78 и 102; Неволино – погр.65,81,83, там же в погр.34 – 623 г., погр.53 – 628 г., погр.101 – 604г., погр.155 – 619 г.; Верх-Саинские грунтовые могилы погр.64 и 92 – 613 г., погр.93 – 608 г.). Следует отметить, что монеты Хосрова II встречены в Неволинском могильнике и в погр.13 (кроме неволинских деталей ремня содержащем и агафоновский пояс), и на том же памятнике с неволинскими комплексами, включающими вещи, обычные в агафоновских: в погр.93 с монетой 608 г., 92 с монетами 579-590 гг. и 613 г.

Монеты Бартымского могильника из комплексов (с агафоновскими поясами) вызвали дискуссию [Голдина, Водолаго 1990, с.38-39]. Определения В.Г.Луконина монет из погр.9 и 11 как отчеканеных в 591, 597 и 606 гг. оспорены А.Б.Никитиным, который отнес первую к 497 г. и определил прочие как подражание и монету начала правления Пероза. Учитывая, что в этом могильнике есть монета Шахмаспа (499 или 498 г. – в погр.10), Валахша (487 г. – в погр.11), по А.Б.Никитину и давшему близкие определения А.Г.Мухамадиеву (2 монеты – Пероза, 4 – Кавада (481-531) [Мухамадиев 1990, с.35]), персидские монеты этого памятника не выходят за пределы второй половины 5 в. По В.Г.Луконину, нумизматический материал Бартымского могильника по составу получается похожим или чуть более ранним в сравнении с набором, типичным для неволинских древностей. Однако, в любом случае, если педантично следовать показаниям персидских монет, необходимо относить митинские и синхронные им древности ко второй половине 5 в., агафоновские – к 6-ому в., а вытеснение последних неволинскими – к началу 7-го столетия. Иранская монета 650-670 гг. из одного погребения в Телячьем Броде, строго говоря, позволяет расширить дату неволинских вещей лишь вплоть до второй половины 7-го в.

Византийская монета обнаружена у одного из костяков погребения 5 Бартымского могильника. И.В.Соколовой она отнесена к правлению Ираклия (610-641), А.Г.Мухамадиевым – ко времени Юстина II (565-587) [Голдина, Водолаго 1990, с.38; Мухамадиев 1990, с.35]. Это или полностью соответствует датам персидских монет, или заставляет чуть омолодить финал агафоновских поясов, да и то не безусловно, ведь инвентарь указанного погребения не выразителен. Материалы, близкие агафоновским, встречены с монетой 577-579 гг. и в погр.15 Кудыргэ, на Алтае.

Однако, уже обращение к **азиатским материалам** заставляет усомниться в получающейся

картине. Дело в том, что, как не однократно отмечалось многими исследователями, ряд элементов неволинских поясов имеют в Азии соответствия в древностях Второго тюркского каганата, то есть они не могут датироваться раньше 680 г. даже там, откуда эти детали поясов попали в Прикамье. Кроме исторических сопоставлений, даты интересующих нас азиатских поясов подтверждаются китайскими монетами эпохи династии Тан (621-907) и изобразительными материалами того же периода. Причем, там, где возможна более узкая дата, она не выходит за пределы 8-го столетия (монета Сюан-Цзюна (713-741) в одном из курганов Западной Тувы, орхонские изваяния Кюль-Тегина (732 г.) и Бильге-Кагана (735 г.), слои 8-го в. в Пенджикенте, изображения из мавзолея принцессы Юн-Тай (705 г.) и т.д.[Голдина 1985, с.130-131; Амброз 1971б, с.126-127; Распопова 1980, с.86-98; Ausstellung 1974, с.129-141; там литература] . Все это заставляет исследователей достаточно единодушно относить материалы Неволинской и синхронных ей стадий прикамских культур к 8 веку, не исключая лишь самый финал 7-го. [Голдина 1995, Лещинская 1995, там литература]. А такое соотношение археологических и исторических дат с показаниями персидских или византийских монет из комплексов Прикамья, заставляет усомниться в правомерности узких датировок на основе последних и обратиться к среднеазиатским монетам в приуральских материалах.

Специальный очерк, посвященный **хорезмийским монетам** Поволжья, принадлежит А.Г. Мухамадиеву. Этот ученый предложил ряд новых толкований надписей на монетах, что позволило ему поставить под сомнение ряд принятых ранее атрибуций С.П.Толстова, Б.И.Вайнберг и других исследователей [Мухамадиев 1990, с.36-60]. Для нашей темы особенно важны предложенные датировки хорезмийских монет из погр.16 Бартымского и погр.230 Неволинского могильников. А.Г. Мухамадиев отнес их к 6-ому в., но единственный аргумент в пользу этого – совстречаемость с персидскими монетами, датируемыми этим временем (Неволино, погр.230 и Бартым, могильник в целом). Не оценивая правомерность предложенного А.Г.Мухамадиевым прочтения надписей на монетах, укажем лишь, что само по себе оно не дает оснований для такой даты, а приведенные в ее пользу аргументы, учитывая изложенное выше, нельзя признать бесспорными. Обратимся к материалам указаных комплексов.

Материалы Бартымского грунтового могильника на фоне прочих сыпвенских довольно своеобразны, хотя и не выходят за рамки неволинской культуры, а в типологическом отношении весьма компактны, характеризуя эпоху расцвета прикамских (агафоновских) геральдических стилей с некоторыми элементами, обычными для компексов неволинской стадии, что было отмечено и обосновано исследователями памятника [Голдина, Водолаго 1984; 1990, с.41-46]. Не вызывает сомнения и связь могильника с расположенным тут же селищем. На наш взгляд, вполне правомерно указанное ижевскими исследователями соотнесение прекращения функционирования могильника и раскопанной части поселения с бартымским кладом 1950 г., содержащим весьма представительную подборку монет Ираклия (610-641), что дает terminus post quem даты нападения на поселок.

Учитывая характер бартымских комплексов и соотношение их с кладом, предложенная Р.Д.Голдиной и Н.В.Водолаго датировка второй половиной 7 в. основной массы бартымских погребений, представляется наиболее правомерной. Напомним, что в погребениях есть некоторые вещи, типичные для неволинской стадии (не ранее конца 7 в.), что и не позволяет относить время нападения к более ранней эпохе. Большое количество византийских монет начала 7 в. из клада и митинский пояс из погр.9 могут указывать на возможность удревнения некоторых комплексов, но учитывая обоснованную авторами раскопок хронологическую близость изученных материалов, дата самых ранних погребений едва ли существенно выходит за рамки середины 7 в.

Для датировки нападения на поселок особенно показательно погребение 16, сооруженное в погребе на территории селища. В засыпи этой могилы и найдена интересующая нас хорезмийская монета. Ее определение Е.В.Зеймаль как чеканеной во второй половине 7 в. вполне соответствует полученной картине. Показательно, что эта монета не пробита, как серебрянные персидские монеты этого памятника, входившие, по видимому, в состав головных уборов. В свете вышесказанного, аргумент А.Г.Мухамадиева о возможности датировать хорезмийскую монету 6 веком по датам персидских монет из могильника не представляется доказательным: она иначе использовалась, а время существования поселения и могильника, с которыми она связана, приходится в основном на 7-й в.

В неволинском погр.230, содержащем материалы, очень близкие бартымским, хорезмийская монета отнесена к первой половине 8 в., без указания автора определения [Голдина, Водолаго 1990, с.62]. Причем, она атрибутируется как начеканенная при царе Канике. Отметим, что ко времени правления этого царя относит Е.В.Зеймаль и бартымскую монету. Хронологическая близость обеих монет принимается и А.Г.Мухамадиевым. Если же предложенные им прочтения некоторых надписей на этих монетах, связываемых с реалиями тюркского круга относить к эпохе не 1-го, а 2-го Тюркского каганата, то снимаются ряд противоречий с другими специалистами в восточной нумизматике, а хорезмийские монеты в Прикамье будут синхронизироваться и с прочими показателями центральноазиатских связей (пряжками, поясными гарнитурами и т.д.). В подтверждение сказанному укажем и на комплекс погр.155 Неволинского могильника, где наряду с сасанидской драхмой 619 г. есть омейядская драхма 681 г., а пояс состоит из неволинских накладок и наконечников без тюркских элементов и имеет пряжку, типичную для агафоновских ремней [Голдина, Водолаго 1990, с.55-56].

Наконец, материалы, аналогичные вещам финала бартымской и неволинской стадии неволинской культуры были найдены в погр.382 и 433 Бирского могильника с хорезмийскими монетами, атрибутированными Б.И.Вайнберг как принадлежащие царю Савшафану и датированые серединой 8-го в. [Мажитов 1990]. Столь поздняя дата, осо-

бенно для погр.382, с позднеагафоновскими вещами, может быть связана как с дискуссионностью некоторых определений хорезмийских монет, так и с запаздыванием некоторых элементов агафоновских поясов, особенно в Башкирии, где они непосредственно сменяются тюркскими с гладкими ажурными и геометрическими накладками 8-го в. и, вероятно, с ними частично сосуществуют. Наконец, действительная оценка упомянутых комплексов будет возможна после полной публикации всех новых материалов из раскопок Бирского могильника, анализа методики исследований, всех категорий инвентаря и разработки хронологии всего памятника.

Таким образом, приуральские материалы свидетельствуют, что дата финала геральдической гарнитуры на данной территории должна относиться к рубежу 7 и 8 вв., а, возможно, и к более позднему времени. Это касается лишь "классических" агафоновских поясов и типичных для них элементов, а так же прорезных геральдических накладок на неволинские пояса. Это служит "точкой отсчета" для датировки более ранних геральдических стилей, известных в Приуралье. Из сказанного следует и то, что датирующие возможности сопоставления эмиссий многочисленных в Прикамье персидских монет довольно ограничены (укажем здесь и на общеизвестные частые случаи находок сасанидских монет с древностями салтовской эпохи и арабскими монетами 8 и 9 вв., например, в Мыдлань-шае, Больше-Тарханском могильнике и др. памятниках). В отношении времени появления и датировки прочих выделенных выше периодов волго-уральской геральдической гарнитуры, полученные выводы свидетельствуют, что в решении этих вопросов прежде всего следует опираться на синхронизацию с хронологическими колонками иных территорий. Это позволит, кроме прочего, дать и новый материал для оценки специфики обращения монет в Прикамье. Графическое резюме высказанных в данной части нашей работы наблюдений дано на рис.90.

7. Синхронизация хронологических колонок и место в этой системе днепровских кладов 1-й группы

В предшествующих параграфах данной части были предложены наблюдения над хронологическими колонками для ряда древностей различных территорий. Оценить датирующее значение монет, связанных с этими древностями, можно лишь после того, как колонки войдут в синхронизационную сетку. В качестве ***индикаторов синхронизации (ИС)*** нами использованы лишь очень близкие вещи, аналогичные на уровне варианта или даже "узкого" варианта; исключение сделано лишь для предметов, относящихся к разным вариантам, если обоснована их синхронность. Результаты синхронизации приведены на рис.90. Особо выделены древности, важные для датировки интересующих нас днепровских кладов. Ниже даны список и краткая характеристика ИС, с отсылкой к описанию в соответствующей части нашей работы, использованным нами классификациям других авторов (типология А.И.Айбабина указывается через признаки на рис.68 и 68а) или иным исследованиям, а также абсолютные даты синхронизируемых периодов разных колонок. В завершение определяется место днепровских кладов, в полученной хронологической сетке.

В итоговую таблицу включена также колонка "**днепровско-донецкая степь**". Из всего многообразия проблематики, связанной с изучением раннесредневековых древностей этой территории, для наших задач важен лишь один аспект. Речь идет об эпохе, когда доминирование на юго-востоке Европы переходит от знати, оставившей комплексы перещепинского круга, к населению, с которым соотносятся комплексы круга Вознесенки. Наиболее обстоятельно ряд характеристик этих 2-х групп древностей и датирующие их монеты рассмотрены А.И.Семеновым [Семенов 1986; 1988; 1991; там литература]. Нам важен именно хронологический аспект наблюдений этого специалиста, поэтому мы принимаем предложенное им сопоставление материалов из Вознесенки с комплексом из погр.1 кургана 17 Новогригорьевки и рядом донских курганов с ровиками, как отражающих новые реалии, сменяющие те, что связаны с богатыми погребениями типа Перещепино. Вопросы же этнокультурной атрибуции степных памятников и другие аспекты их изучения здесь не рассматриваются.

Индикаторы синхронизации

ИС-1. Цельные двучастные бляшки варианта 1а (*часть 2.1.2*).

ИС-2. Щитовидные литые накладки с композицией из каплевидных и округлых прорезей (рис.64:*5*; 68: *признак 98* – к данному варианту мы относим лишь накладку из погр.67 Суук-Су).

ИС-3. Т-образные накладки варианта 1б и 1в (*часть 2.1.3.Б*). Мы не настаиваем на их жесткой синхронности, а лишь утверждаем, что накладки варианта 1в, своеобразные на фоне прочих поволжских, появились не ранее накладок варианта 1б, которые являются в Крыму развитием варианта 1а (крымские вещи относятся соответственно: варианта 1б – к периоду Iб и 1а – периоду Iа культуры Суук-Су).

ИС-4. Пряжки с В-образной рамкой, отлитой вместе с прямоугольной обоймой, задний край которой украшен рубчатой полосой (рис.64:*8*; 68: *признак 99*).

ИС-5. Цельнолитые пряжки с трапецевидной рамкой и фигурным щитком (рис.68: *признак 87*; 79:*77*; 82:*94*; 87:*103*; 89:*103*).

ИС-6,7."Рогатые" одночастные накладки со слабо отогнутыми углами, украшенные четырьмя отверстиями или прорезным бантиком с кружками по углам, часто такие изделия дополняются Х-образными прорезными накладками (рис.68: *признак 101*; 79:*87,88*; 82:*104,105*; 87:*97*; 89:*91,125,144*). Представительная серия рассматриваемых накладок с округлыми, часто довольно крупными отверстиями происходит с памятников правобережных и левобережных притоков Волги или связана с зоной влияния этих культур. На основе некоторых деталей возможна более дробная классификация подобных вещей, что, очевид-

но, свидетельствует о более широкой датировке накладок поволжского круга, чем установленная для единичных комплексов в Крыму или для их близких аналогов.

ИС-8. Горизонтальносимметричные накладки вариантов 3б и 3в, их различия, во многом, вероятно, локальны (*часть 2.1.4*). Выделяется лишь накладка из Чир-юрта, выполненная прессовкой, с упрощением некоторых деталей, очевидно, она датируется несколько позднее основной массы изделий указаных вариантов.

ИС-9. Накладки с тремя профилированными геральдическими щитками и округлыми отверстиями в центральном треугольнике (рис.68: *признак 114*; 82:*90*).

ИС-10. Двучастные накладки с не сильно профилированными "рогами" и вытянутым нижним щитком; украшены шестью отверстиями, расположенными в три ряда (рис.68: *признак 112*; 82:*66*; 89:*103*).

ИС-11. Двучастные накладки с не сильно профилированными "рогами", верхний щиток украшен бантиковидной, а нижний – полукруглой прорезью (на рис.68 и 68а – *Керчь, погр.64/1873*; 74:*87,109*; 79:*32*; 87:*67*).

ИС-12. Пластинчатые наконечники с напаянными фигурными гнездами для стеклянных вставок, известны вставки коричневые или желтые (рис.74:*77*; 80:*48*).

ИС-13. Пряжки с коробчатой, петлей восточной подгруппы (рис.64:*2,4*; 66:*4*; 68: *признак 158*; 69:20; 105:9). Предложенная их датировка в рамках 7в., исключая его самое начало и финал [Гавритухин Пряжки ... – в печати] остается в силе.

ИС-14. Цельнолитые пряжки, формой напоминающие тип Сиракузы, но с гравированным орнаментом на щитке (рис.64:*10*; 68: признак 160; 69:*22*; 71:5).

ИС-15. Т-образные накладки с гладким геральдическим щитком и длинной перекладиной (рис.37:*30*; 66:*9*; 74:*29,38*; 76:*39*).

ИС-16. Миниатюрные фибулы типа Сармизегетуза – Кишкереш (рис.66:*6*; 105:*18*) [Гавритухин 1991].

ИС-17. Прогнутые шарнирные фибулы со сплошным приемником, оканчивающимся кнопкой или завитком (рис.52:*1,3*; 78: *группа II*; 79:*1,6,9,10,16,45,47,80,94*; 82:5; 83: *кат.2,15,23,25*).

ИС-18. Прогнутые крестовидные шарнирные фибулы (рис.52:*7-9*;77 и 78: *группа I/III.4*; 79:*46,81*; 83: *кат.7,9*).

ИС-19. Щитовидные накладки с прорезью в виде "галочки с дуговидным крыльями" и двумя отверстиями (рис.68: *признак 157* и некоторые образцы, включенные А.И.Айбабиным в *признак 98*; 82:*67,68*; 87:*59*).

ИС-20. Щитовидные накладки с прорезью в виде дуги и горизонтальной полосы, имеющей выступ посередине (рис.79:*34*; 87:*59,80*).

ИС-21. Т-образные накладки с гладким или украшенным вставкой геральдическим щитком и массивной перекладиной (рис. 80:*39*; 87:*74,89*). Находки из могильников среднеаварского первого периода МА-1 отличаются лишь отсутствием выступа – "киля" на щитке (рис. 37:28; 74:10; 75:83; 76:37), что является, скорее локальным, а не хронологическим признаком.

ИС-22. Вытянутые стреловидные наконечники с не резкими (в отличие от агафоновских) выступами по бокам, украшенные двумя небольшими отверстиями или их имитацией (рис.45:*23-27,33-36,44-46*; 79:*65-66*; 80:*43*; 81; 87:*31*; см. так же *часть 2.1.6*).

ИС-23. Псевдопряжки типа 3 (*часть.2.1.8*).

ИС-24. Умбоновидные подвески, трубочки и другие элементы нагрудных украшений, обычные в днепровских кладах 1-и группы (*части 2.5* и *2.6*).

ИС-25. Пальчатые фибулы днепровской подгруппы (*часть 2.2.1*).

ИС-26. Двучастные накладки типа 3 (*часть 2.1.2*).

ИС-27. Зооморфные накладки (рис.75:*21-22*). Их аналоги в связи с мартыновскими находками рассмотрены Д.Киддом и Л.Пекарской [Pekarskaja, Kidd 1994, NN 49,64]. Похожие вещи есть и на Кавказе, например, в Преградной, Кугуле и др. [Амброз 1989, с.123]. Среди новых находок следует отметить накладки из Трубчевского клада в Поднепровье. Несмотря на обилие посвященной им литературы, эти вещи, несомненно, заслуживают нового исследования, опирающегося на полный каталог и детальную типологию.

ИС-28. Двучастные накладки с сильно профилированными "рогами", обычные для комплексов периода III поволжской геральдической гарнитуры (рис.68: *признак 163* – экземпляр из скл.462 Скалистинского могильника; 80:*34*; 88:*Б:4* 89:*21,31,35*).

ИС-29. Узкие наконечники с параллельными краями и длинной прорезью, дополняемой кружками (рис.46:*7-9,16-17,45*; 68: *признак 139* 88:*Б:2,3*).

ИС-30. Двучастные накладки схемы "круг + геральдический щиток" (рис.74:*2*; 82:*71*; 89:*39*). Экземпляр из Чми, очевидно, наиболее своеобразен и его дата вполне может несколько отличаться от хронологии прочих образцов.

ИС-31. Ж-образные прорезные накладки и их имитации (рис. 82:*83*; 87:*26,35*; 88:*Б:3*). Свод таких вещей опубликован Ч.Балинтом, а картографирование показывает, что эти они концентрируются на Кавказе [Balint 1992, с.476].

ИС-32. Трехчастные накладки с невыраженой профилированностью щитовидных окончаний, типологически производные от накладок, отнесенных к *ИС-9* (рис.68: *признак 147*; 87:*23,33*).

ИС-33. Гладкие накладки в форме геральдического щита, вырез у нижнего края рассматриваемых изделий еще не столь выражен, как у производных от них агафоновских накладок (рис.75:*72*; 80:*41*; 89:*34*).

ИС-34. Щитовидные накладки со спрямленными, расширяющимися к низу боками, украшенные прорезями в форме прямоугольника, дуги и точки (рис.82:*53*; 88:*Б:2*). Накладки такой формы типичны для ряда неволинских поясов в Прикамье и некоторых гарнитур из Башкирии.

ИС-35. Пряжки, у рамок которых в задней части отлиты петли для крепления к обойме. Наиболее ранние вещи этого типа в Восточной Европе известны нам в комплексе из Малого Перещепина но в отношении ИС-35 речь идет не о роскошных золотых изделиях, а о довольно массовых бронзо-

вых переработках византийских образцов (рис.71:*1.4*; 81: *кат.14*; 83: *кат.А,Б*; 87:*9*).

ИС-36. Накладки и наконечники с прессованным геометризированым растительным орнаментом (рис.80:1-3; 87:*8,45*). Довольно много таких вещей в комплексах конца среднеаварского периода. Очевидно, они связаны с образцами, аналогичными по форме, но выполненными в технике литья, и частично синхронны им, хотя полностью вопрос о соотношении литых и прессованных изделий с близкими орнаментальными мотивами остается открытым. Литые накладки и наконечники с растительным орнаментом – общепризнанные индикаторы древностей позднеаварского круга, поясов неволинской и синхронных ей стадий в Приуралье, есть они и на Кавказе, например, в комплексах периода 2 в Чми и др.

ИС-37. Появление сабель [Амброз 1971б, с.128-129].

ИС-38. Наконечники с резко выраженными углами при переходе от боков к нижней части. Варианты этих вещей: гладкие литые с вертикальным ребром, иногда украшенные насечками (рис.79:*2*; 83: *погр.1,7,23*), гладкие или орнаментированные прессованные (рис.80:*2,16*; см. так же [Гавритухин 1990, с.131]), литые с растительным орнаментом или прорезями (рис.46:*7,9,17*), как в позднеаварских и неволинских древностях – отражают в основном локальные отличия, хотя и должны синхронизироваться лишь частично.

ИС-39, 40. Гладкие геометрические и ажурные накладки с прорезью в нижней части (рис.88:*Б:1*). Господство первых и появление вторых общепризнано сопоставляется с эпохой возвышения и распада Второго тюркского каганата [Кляшторный, Савинов 1994, с.110-117; Степи ... с.40-41; Амброз 1971б; там литература].

ИС-41. Цельнолитые пряжки с овальной рамкой и вытянутой скругленной обоймой (рис.88:*Б:1-3*; соответствуют в основном типу Б1а по [Голдина 1985]).

Синхронизация региональных шкал

Соотношение **ИС-1** и **ИС-2** позволяет уточнить грань периодов I и II Суук-Су (здесь и далее периоды в развитии материальной культуры юго-западного Крыма, представленные на могильниках типа Суук-Су, для краткости будут обозначаться "периоды Суук-Су"). В нижнедунайских материалах оба индикатора относятся к одному периоду, финал которого приходится на начало 580-х гг. Следовательно, для Суук-Су, переход от периода I (с монетой 527-565 г.) к периоду II (с монетой 582/596?-602 г.) датируется скорее всего 570-м - 580-м гг. **ИС-3** указывают, что период I поволжской геральдической гарнитуры не исключают датировку последней третью 6-го в., но не ранее того.

Крымские находки **ИС-4** относятся к периоду IIб Суук-Су, сменяющего период IIа, который приходится на финал 6-го в., не исключая и начало 7-го. Потому период IIб Суук-Су едва ли датируется раньше первых десятилетий 7-го столетия. Исходя из этого можно утверждать, что и слой "Е" Диногеции в 7-ом столетии еще накапливался, хотя наиболее поздняя встреченная там монета чеканена в 590 г. Пряжка **ИС-4** известна и среди находок в Чивидале – Челла, прочие вещи оттуда не противоречат указанной дате. Этот вывод относится и к погр.13/1984 Цебельды.

Находки **ИС-11** в комплексах периода IIIа Суук-Су и фазы 1 среднеаварского периода, могут рассматриваться как свидетельства даты в рамках второй трети 7 в. Но с указанными аварскими древностями, по крайней мере частично, синхронны и вещи периода IIIб Суук-Су. Это заставляет сужать дату комплексов периода IIIа приблизительно до второй четверти 7 в., а начало периода IIIб относить к середине или второй половине этого столетия.

Наибольшая концентрация **ИС-5** прослеживается в Крыму, в комплексах периода IIб и IIIа Суук-Су. Это дает опору для датировки кавказских находок, которые тождественны крымским, в рамках первой половины 7 в., и определяет в этих границах нижнюю дату для среднедунайских, поволжских и иных аналогов. Крымские накладки **ИС-6** указывают на дату "первые десятилетия 7 в.", так же должны датироваться и близкие им кавказские образцы. Поволжские экземпляры своеобразны, в этом районе прослеживается эволюция от накладок с почти не выраженными "рогами" к изделиям с довольно сильно профилированными верхними углами. Вероятно, хронологические рамки поволжских образцов **ИС-6** шире крымских и кавказских.

По крымским материалам **ИС-8,9,10** датируются в рамках первой половины 7 в. (периоды IIб и IIIа Суук-Су). Близость дат этих вещей подтверждается и совстречаемостью **ИС-10** с **ИС-5,8,9** в погр.1 и 18 Нижнего Джулата, в Христофоровке и др. комплексах. Сочетание **ИС-8** и **9** с **ИС-5** в погр.16 Чми соответствует дате "первая половина 7 в.", а показание монеты - 594 г. подтверждает ее в качестве terminus post quem. Погребение в Сивашовке важно как показатель сочетания **ИС-5** и **8** с **ИС-6** (первая треть 7 в.) и с наконечниками, обычными в поволжских геральдических гарнитурах горизонтов 1 и 2. Наличие в поволжских наборах периода II **ИС-10** (первая половина 7 в.) демонстрирует, что финал горизонта 1 в Поволжье приходится, скорее всего, на первую треть 7 в.

ИС-12 Позволяет синхронизировать фазу 1 Чир-юрта с фазой 1 среднеаварских древностей, не исключая фазу 2 раннеаварских, то есть в рамках первой и второй трети 7 в. Аналогия из погр.4/1984 в Цебельде не дает жестких оснований для сужения даты. Погр.7 могильника Мартан-чу 2, где фибула-цикада того же типа, что и ранние чир-юртские, найдена с подвеской из монеты Хосрова II (590-628) подтверждает, что чирюртские погребения датируются не ранее 7-го столетия.

В ременных наборах Мокрой Балки периода IIа встречены **ИС-5** и **6**, а с материалами периода IIб известны **ИС-11** и **19**, это позволяет синхронизировать грань между упомянутыми периодами Мокрой Балки с переходом от периода IIб к IIIа Суук-Су. **ИС-21** соотносится с аварскими комплексами фазы 1 среднеаварского периода и материалами этапа 2а Чир-юрта, который с учетом **ИС-33** также синхронизируются с фазой 1 среднеаварского периода. Соответственно, период IIа Мокрой Балки относится к первой половине или трети 7 в. (для обсуждения вопроса о конце з

в. материалов не достаточно), а период IIб этого памятника приходится, в основном, на вторую четверть и середину 7 столетия.

В Крыму **ИС-14** относится к периоду IIIа Суук-Су, то есть датируется в рамках второй четверти или трети 7 в. В лангобардских погребениях такие пряжки относятся к периоду около 620-680/690 гг. [Jorgensen 1992, признак BS]. По этой причине **ИС-14** из слоя I.2 Сачидавы, наряду с найденным там же **ИС-13**, заставляет использовать монету 613г. для определения нижней, а не верхней даты указанного слоя. Для оценки этого памятника в целом надо учитывать и наличие в Сачидаве более поздних отложений, выделяемых в слой I.1. **ИС-16** по аварским материалам фазы 1 среднеаварского периода и крымскими периода IIIб Суук-Су указывает на дату около второй трети 7 в., это не противоречит материалам пражской культуры и оценке хронологии таких фибул на уровне подгруппы в целом [Гавритухин 1991]. Сочетание **ИС-13,15,16,25** в верхнем слое Царичин-града показывает, что этот памятник существовал по крайней мере до середины 7 в., соответственно, найденные там монеты, позднейшие из которых чеканены в 613 г. не могут рассматриваться как диагносты верхней границы памятника.

В комплексах, которые можно было бы датировать временем, более ранним чем "7 в.", **ИС-17** и **18** не известны. Выделение более узко датируемых вариантов этих фибул требует специальной работы.

Частые сочетания **ИС-19** с **ИС-10,11** (в Крыму, на Кавказе - в Чми, Самтавро и др.) указывают на вторую четверть 7 в., как наиболее вероятную дату **ИС-19**, хотя для отдельных экземпляров, относящихся к этому индикатору, не исключается несколько более широкий диапазон бытования. Находки из Чир-юрта (рис.80:*11*), выполненные в технике прессовки, с усложненной орнаментацией, являются, очевидно, переработками "классических" образцов **ИС-19**, что свидетельствует о несколько более поздней дате чирюртских вещей в сравнении с основной массой относимых к **ИС-19**.

ИС-23, типичные для среднеаварских памятников фазы 1, в Крыму, где псевдопряжки уникальны, известны в комплексах периода IIIб Суук-Су. Очевидно, что крымские находки не могут быть более ранними в сравнении с аварскими. **ИС-16** так же указывает на, по крайней мере, частичную синхронность периода IIIб Суук-Су среднеаварским древностям фазы 1. **ИС-13,25** могут рассматриваться и как аргументы в пользу указанной синхронизации, и как свидетельства, наряду с **ИС-11**, синхронности фазы 1 среднеаварских древностей периоду IIIа Суук-Су. **ИС-28** и **32** заставляют синхронизировать период IIIб Суук-Су с фазами 2б и 3 Чир-юрта. Учитывая, что последняя содержит некоторые вещи, такие как в периоде IV Суук-Су (**ИС-35**), для вероятной даты этапа IIIб Суук-Су остается довольно непродолжительный отрезок времени – около середины и третьей четверти 7 в. Это показывает, что монета последних лет правления Ираклия попала в эски-керменский склеп не сразу после чеканки. На вторую половину или середину 7 в. приходятся и подвески из монет Ираклия или подражаний им, встреченные в Чир-юрте.

Хронологическая близость **ИС-28** и **29** в крымских древностях является дополнительным аргументом в пользу частичной синхронности агафоновских поясов с неволинскими в Прикамье.

Комплекс погр.64/1873 из Керчи (с вещами периода III Суук-Су) свидетельствует о появлении **ИС-31** на Кавказе не позднее середины или второй четверти 7 в., верхняя граница бытования таких накладок пока не определяется однозначно. Прикамские находки, судя по всему, являются переработками рассматриваемых, что соответствует и общей характеристике особенностей поволжских геральдических гарнитур горизонта 3.

ИС-11 и **20** синхронизируют ремни периода IIб Самтавро с этапом IIб Мокрой Балки. Наличие **ИС-17,18,22** - не противоречит такой дате. С учетом, что период IIа Самтавро имеет **ИС-7**, переход от периода IIа к IIб указанного памятника приходится на время около 20-х - 30-х гг. 7 в., а не на более раннее, как можно было бы думать, если следовать только показаниям монет.

ИС-28, встреченный в крымских материалах периода IIIб Суук-Су, дает опору для датировки поволжских поясов горизонта 3: в третьей четверти 7 в. они уже существовали. Поскольку поволжские пояса горизонта 2 синхронизируются с периодами IIб и IIIа Суук-Су и фазой 1 среднеаварских древностей, формирование поясов горизонта 3 в Поволжье едва ли можно датировать ранее середины 7 в.

ИС-35,36,37 (сюда относится и появление стремян с прямой подножкой, и ряд иных инноваций) синхронизируют среднеаварские древности фазы 2 и более познего времени с этапом IV культуры типа Суук-Су, периодом IIIб Мокрой Балки, этапом 2 Чми, периодом 3 Чир-юрта, распространением в южнорусских степях комплексов круга курганов с квадратными ровиками (по А.И.Семенову), вещами, типичными для Второго тюркского каганата и т.д. Весь этот горизонт в последней трети 7 в. уже существовал, об этом свидетельствует хронология древностей, которые они сменили, и это подтверждают монеты Константина IV. Более ранние даты возможны лишь для единичных комплексов и вопрос о них остается дискуссионным. Если в Карпатской котловине горизонт перечисленных выше синхронных древностей на рубеже 7 и 8 вв. сменяется позднеаварским, то в Восточной Европе этот рубеж пока отчетливо не прослеживается. Синхронизация свидетельствует, что многочисленные находки ранних персидских монет в комплексах Мокрой Балки или в Прикамье не могут использоваться для датировки без серьезной корректировки. Очевидно, массовое запаздывание персидских монет на Кавказе и в Приуралье отражает какие-то особенности их поступлений и циркуляции, что требует специального исследования.

Днепровские клады в системе синхронизации

Какое же место в предложенной системе занимают древности, типичные для днепровских кладов (рис.91)?

Клады 1-й группы содержат пальчатые фибулы днепровской подгруппы. Такие вещи (**ИС-25**) встречены в могильниках аварского круга фазы I среднеаварского периода (620/640 - 650/680), в верхнем слое Царичин-града (после 602 г., не исключая середину 7 в.), типичны для крымских комплексов периода III Суук-Су (620/640 - 660/680). Все эти материалы указывают на дату в рамках второй и третьей четверти 7 в. Типологический анализ и совстречаемость в комплексах (***часть 2.2.1***) свидетельствуют, что хронологический разброс вариантов днепровских пальчатых фибул невелик, а потому мы не можем предполагать, что дата поднепровских находок серьезно расходится с указанной.

Комплекс женских нагрудных украшений (**ИС-24**) по крымским материалам, как и в Поднепровье, синхронен **ИС-25**. Вопрос о нижней хронологической границе, то есть формировании интересующего нас комплекта, пока остается открытым, но вне зависимости от его решения, отрезок "вторая - третья четверть 7 в." должен включаться в хронологические рамки **ИС-24**. Для сужения даты не достаточно материалов, да и едва ли это уточнение возможно.

Полые В-образные пряжки встречены в комплексах начиная с периода I и кончая периодом IIIб Суук-Су, периодов I и II поволжской геральдической гарнитуры, периода IIа Мокрой Балки, горизонта I Чми, известны они и на нижнем Дунае, в слоях, датируемых как до пожаров 580-х гг., так и после разрушений начала 7 в. Соответственно, можно утверждать, что во второй половине 6 в., по крайней мере в Крыму и на Балканах, такие изделия уже бытовали, а их широкое использование в Восточной Европе включает большую часть 7 в., в том числе и его третью четверть.

Псевдопряжки тех же вариантов, что днепровские, в датированных монетами хронологических колонках не встречены. Но следует учесть, что в середине 7 в. роскошные золотые псевдопряжки входили в состав престижных поясных наборов кочевнической знати Подунавья и Поднепровья. Мнение Н.Феттиха, что "мартыновские" псевдопряжки были прототипами "шикарных" – априорно. Скорее прав А.К.Амброз, который их синхронизировал (см. ***часть 2.1.8***). Мода на псевдопряжки охватывала и рядовое население. В карпатской котловине они известны в комплексах обеих фаз среднеаварского периода (группа Папа-Урдомб – Пакапуста), что допускает хронологические рамки "вторая и третья трети 7 в.". Единичные находки среднедунайских псевдопряжек известны в крымских комплексах периода IIIб Суук-Су, датируемого около третьей четверти 7 в. В Прикамье местный вариант псевдопряжек характерен для горизонта 3 поволжской ременной гарнитуры, то есть приходится в основном на вторую половину 7 в., а в Башкирии они встречены с хорезмийской монетой, отнесенной к середине 8 в. (передатировки нам не известны). Есть в Поволжье и более ранние псевдопряжки, они входят в наборы 1 и 2 горизонта поволжских ременных гарнитур. Таким образом, мода на псевдопряжки охватывает по крайней мере весь 7 в., а ее пик в Европе приходится на середину этого столетия.

Наиболее ранние **двучастные накладки с прямыми боками** (вариант 1а) в Крыму и на Нижнем Дунае известны со второй половины 6 в. (**ИС-1**). Но накладки, близкие днепровским (**ИС-26**), в Крыму встречены в могиле 33 Суук-Су, относящейся к периоду IIIб, это вполне соответствует эпохе активных днепровско-крымских связей по данным женских украшений и заставляет включать третью четверть 7 в в хронологические рамки бытования двучастных накладок, характерных для днепровских кладов группы 1. Находка из мог.33 Суук-Су для Крыма не типична. Очевидно, это импорт. Сказанное заставляет предполагать появление таких вещей в Поднепровье в несколько более раннее время, чем в Крыму.

Т-образные "рогатые" накладки (тип 2) из днепровских кладов наиболее близки поволжским, относящимся к ременным гарнитурам горизонта 2, то есть датируемым второй четвертью и серединой 7 в. В Крыму близкие накладки встречены в комплексах периода III Суук-Су (Чуфут-кале, погр.34), что соответствует поволжским датировкам. Картографирование показывает, что именно в Поволжье известно наибольшее разнообразие "рогатых" Т-образных накладок и их вероятные прототипы, потому для днепровских находок, по-видимому, производных от волжских, должна быть принята дата "не ранее" указанной.

Известная нам **трехчастная накладка** из Трубчевского клада совмещает признаки **ИС-32** и **9**, что указывает на дату в рамках третьей четверти или второй трети (?) 7 в., хотя не исключает для хронологии таких вещей и более раннюю нижнюю границу.

Своеобразны **накладки из кладов в Козиевке и Вильховчике** (рис.42:*17-18*). Их прототипы относятся к широкому кругу ажурных изделий с мотивами, наиболее вероятно сопоставимыми с головой грифона или подобного фантастического существа. По находке в Садовце (рис.65:*11*) такие вещи могут датироваться начиная с периода "до 580 г.". Им близки, хотя и не полностью соответствуют вещи из района Дайламана [Balint 1992, с.438-439]. В том же североиранском наборе есть и прямоугольные накладки с вырезами, близкие мартыновским и из Пьятра Фрекацей (рис.35:*21, 29-31,38*) похоже, стилистически связанные с вариантом 2г двучастных накладок, имеющих прямые бока. В том же духе, что бляшки из Дайламана и Садовца выполнены некоторые накладки из погр.2 в Арчисе [Hessen 1971]. Подтверждением неслучайности обрисованного круга вещей служит и другая накладка из указанного итальянского комплекса, схожая с одной из козиевских, которая, в свою очередь очень близка экземплярам из погр.9 могильника аварского круга Кишкереш Варош, где подвесные ремешки украшены тамгообразными знаками, как на ряде изделий из Поднепровья, Подунавья, Италии (рис.60:*19*).

В принципе, можно было бы утверждать, что перечисленные вещи близки по времени, а их некоторые отличия связаны с локальной спецификой мастерских или иными факторами не хронологического порядка. Мы придерживаемся иной точки зрения и считаем, что для выделения наиболее ранних вариантов накладок рассматриваемой серии показательны образцы из Садовца. Наборы

из Дайламана, Пьятра Фрекацей и погр.2 Арчисы определяют круг вещей следующего горизонта. Среднедунайские и поднепровские вещи – производны от них. Посмотрим, насколько наши типологические наблюдения соответствуют абсолютным датам.

О датировке погребений 9 и 2, образующих ядро, из которого развивался могильник в Кишкереш, и относящихся к первой фазе среднеаварского периода, мы не однократно писали (см. здесь ***часть 3.4***, в связи с аварскими брошами). Обращаясь к Козиевскому кладу, следует отметить, что кроме грифонообразных накладок в него входит бляшка, украшенная изображением двуглавой птицы (как на рис.82:*45*; 87:*36*). Их свод, опубликованный Ч.Балинтом, несмотря на некоторые не известные венгерскому ученому находки, достаточно верно отражает культурный круг таких изделий. Больше всего их на Кавказе, включая Прикубанье (два комплекса у ст.Калининская, Мокрая Балка, Гудермес), два набора таких изделий известны в аварских княжеских могилах Боча и Кунбабонь, два найдены на северо-западе Ирана и один – в Северной Сирии. В комплексах того же круга известны и парные накладки на перекрестье ремней, выполненные в форме головы хищной птицы (рис.82:*101* – Чми, погр.11; ст.Калининская; Козиевка; Едыс в Южной Осетии; район Амлаха в Иране; у авар этот мотив в переработанном виде встречен на наконечнике из Кунбабонь и на накладке из Озора). Опорными для датировки здесь являются аварские княжеские погребения перещепинского круга, датируемые около середины 7 в. Погр.117 Мокрой Балки относится к периоду IIIб этого памятника (не ранее середины 7 в.). Комплексы у ст.Калиниской содержат **ИС-22**, что указывает на дату в рамках второй и третьей четверти 7 в. (отметим, что **ИС-22** есть и в Гапоновском кладе). Погребение из Гудермеса синхронизируется с аварскими могилами фазы 1 среднеаварского периода по Т-образной накладке варианта 1г (***часть 2.1.3.Б***). Прочие комплексы не противоречат утверждению о датировке птицеголовых накладок в рамках середины (второй четверти?) и третьей четверти (второй половины?) 7 в. Это определяет и дату всего набора стилистически близких накладок из Козиевки и Вильховчика.

Возвращаясь к вопросу о гарнитурах с грифонообразными накладками из района Дайламана, Арчисы и Пьятра Фрекацей, можно лишь привести аргументы в пользу их промежуточного положения между полученными реперами (вторая половина или третья четверть 6 в. для образцов круга Садовец и середина – третья четверти 7 в. для близких аналогов накладкам из Козиевки, Вильховчика, Кишкереш). Пряжка из дайламанского набора близка найденной в Садовце, а прямоугольные накладки с вырезами близки двучастным накладкам из днепровских кладов и Пьятра Фрекацей. Есть среди дайламанских вещей и двуглавая накладка той же схемы, что рассмотренные выше козиевские аналоги, но отличающаяся деталями, а грифонообразные накладки из Ирана по проработке деталей вполне могут рассматриваться как прототипы днепровских. Наконечники из Арчисы по всем признакам близки садовецким, но накладки сближаются с указанным днепровским и среднедунайским.

Типологическая связь набора из Пьятра Фрекацей с накладками из Садовца общепризнана, но о более поздней дате первого, кроме общетипологических наблюдений [Амброз 1973], свидетельствует и найденная там же пряжка, того же типа, что в погр.34 Чуфут-кале (период III Суук-Су) и в погр.669/1947 Самтавро (период IIв). Правда следует учесть, что даты указаных комплексов, очевидно, охватывают не все время бытования таких пряжек. Для оценки гарнитуры из Пьятра Фрекацей важны и упоминавшиеся накладки с вырезами.

Двучастная бляшка с килевидным верхом и небольшой наконечник с прорезями стиля "точка-запятая" (эта калька с германоязычного термина не совсем точно передает все особенности таких изделий) из Хацков относятся к типам, характерным для группы 7 (рис.68) крымских ременных гарнитур, датируемых третьей четвертью 7 в. В Средиземноморье накладки и наконечники такого стиля могут относится и к более раннему времени, начиная с финала 6 в. [Jorgensen 1992]. Итальянские параллели или прототипы имеют и некоторые вещи из Мартыновки [Pekarskaja, Kidd 1994, с.148-150]. Оценивая находки этого круга вцелом, следует отметить, что в лангобардских могильниках наиболее ранние даты имеют те из рассматриваемых изделий, которые выполненны в позднеантичных традициях (мотив дельфина и т.д.). Хронология итальянских материалов, безусловно, необходима для изучения позднеримских (ранневизантийских) ювелирных и ремесленных стилей, но, очевидно, не исчерпывают проблему их датировки для всех памятников Империи и зоны ее влияния. Крымские или кавказские находки для изучения этого вопроса не менее важны.

Если же предполагать прямые связи каких-то групп населения Италии с Правобережьем Среднего Поднепровья, то следует отметить, что эти контакты должны характеризоваться как односторонние (типичные днепровские вещи в Италии не известны), довольно ограниченные и недолгие (в Поднепровье есть лишь единичные, не составляющие полного комплекта, украшения ремней и оружия). Важную опору для датирования этого вероятного взаимодействия дает **прессованная накладка** из Мартыновки [Pekarskaja, Kidd 1994, N 15]. Ее аналоги типичны для фазы IV лангобардских могильников в Италии, то есть относятся ко времени около второй четверти 7 в. [Jorgensen 1992, признак SB]. Находки в Поднепровье, исходя из сказанного, не могут иметь более раннюю дату.

Наконечники с не резко профилированными боками (**ИС-22**), как в Гапоновском кладе, наиболее часты на Кавказе, где известны в комплексах периодов 2 Чир-юрта, IIб Самтавро (там и там – вторая и третья четверти 7 в., IIIб Мокрой Балки (не ранее середины 7 в.). Не редки такие изделия и в Поволжье, в гарнитурах горизонтов 2 и 3. В третьем горизонте поволжских наборов они вытесняются более профилированными наконечниками, характерными для агафоновских поясов. Такая картина не противоречит датам по кавказским материалам.

Наконечники "коробочкой", как и **З-образные накладки** на разных территориях имеют локальные особенности эволюции, а в целом, датируются очень широко.

Зооморфные накладки, наиболее близкие мартыновским и трубчевским (**ИС-27**) по среднедунайской шкале относятся к первой фазе среднеаварского периода, в принципе не исключая и чуть более позднюю дату. Преградненский и Кугульский комплексы, кроме рассматриваемых изделий содержащие **ИС-9** и локальные вариации **ИС-8**, допускают дату в рамках первой половины и середины 7 в.

Изученные А.В.Мастыковой **бусы** Гапоновского клада и Северо-западного Кавказа (***часть 2.4*** нашей книги) позволяют получить дополнительные сведения для датировки днепровских кладов группы 1. Строго говоря, "узкой" датой гапоновских бус на основании приведенных А.В.Мастыковой материалов, является вторая половина 7 в. Безусловно, для оценки такой хронологии следует учитывать ограниченность использованной выборки. Но, важно уже то, что при любом дополнении, указанный временной отрезок будет обязательно включаться в рамки новой даты. Причем ее изменения могут быть связаны как с удревнением нижней границы, так и с омоложением верхней.

Приведенный список охватывает ведущие типы украшений днепровских кладов 1-й группы. Прочие находки, по имеющимся у нас сведениям, не дают оснований для уточнения полученных дат (лом и металлическая посуда, длительное бытование которой общеизвестно, здесь не учитываются, они пригодны лишь для корректировки terminus post qem основного набора вещей). Хронология кладов как комплексов, проведенная по методу "узких датировок" (рис.91) показывает, что их важнейшие хронологические индикаторы не имеют сильного разброса и концентрируются в основном у отметки "середина 7 в.". Очевидно, что расхожее мнение об интересующих нас кладах, как сложившихся в ходе "длительного накопления", не соответствует фактам. Соответственно, вещи из этих комплексов следует рассматривать как отражение живой культуры одной эпохи, которая укладывается в хронологические рамки второй и третьей четвертей 7 в., то есть в период жизни одного – двух, не более трех, поколений.

Для определения времени сокрытия кладов первостепенную роль играют наиболее поздние узко-датируемые вещи. По приведенным данным их даты приходятся на вторую половину, скорее даже на третью четверть 7 в. Причем, ни один из учтенных кладов не дает оснований для исключения указанного отрезка из приемлемых для него хронологических рамок. Практически все клады группы 1, с представительным набором вещей, содержат имеющие узкую дату изделия, хронологические рамки которых включают и третью четверть 7 в. Это свидетельствует в пользу возможности связывать сокрытие днепровских кладов 1-й группы с относительно кратковременным историческим событием.

Глава 4. Культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в третьей четверти 1 тыс.н.э.

В 6-7 вв. в области, где распространены клады круга древностей антов первой группы, известны памятники пеньковской и колочинской культур, а также отдельные погребения кочевников или какого-то другого населения (рис.92).

1. Колочинская культура

История исследований

Эталонное для колочинской культуры поселение, городище Колочин-1 Речицкого района Гомельской обл., раскопал Э.А.Сымонович и опубликовал его материалы в 1963 г. Площадка городища была исследована почти полностью (за исключением небольшого сектора, который оставлен нетронутым для проверки выводов автора, т.е. на будущее), произведены разрезы линии укреплений и небольшие раскопки на селище, примыкающем к памятнику с запада. На городище обнаружен мощный слой пожара. Находки, как и остатки сгоревших деревянных конструкций, концентрировались на краях площадки. Посуда из золистоуглистого слоя и послужила эталоном для реконструкции средневекового набора форм. Э.А.Сымонович выделил 2 типа горшков: "баночные почти непрофилированные удлиненных пропорций" и "сосуды удлиненно-биконической формы с валиком в месте перегиба корпуса" [Сымонович 1963, с.128]. Аналогии первой форме он находил на памятниках типа Корчак, а второй - в Новом Быхове, Артюховке. К этому же типу культуры, что и на городище, были отнесены материалы землянки 1 на селище в противоположность землянке 2, керамический комплекс которой Э.А.Сымонович сопоставлял с роменским и считал, что эта постройка оставлена населением, разрушившим городище [Сымонович 1963, с.129]. Кроме орудий труда и некоторых предметов вооружения (наконечников копья и стрелы или дротика) и керамики, в слое пожара находок не было. Дата существования средневекового поселения на городище, по этой причине, определена Э.А.Сымоновичем интуитивно 6-7 вв., а разгром поселка он относил к концу 7 - началу 8 в. [Сымонович 1963, с.135]. Позже круг аналогий материалам Колочина Э.А.Сымоновичем был расширен. Раннесредневековые древности Белоруссии, Смоленщины и Курской обл. (Тушемлю, Акатово, Банцеровщину, Кветунь, Авдеево и т.д.) он относил к единой культуре, которая в известной степени близка корчакской или пражской и резко отлична от пеньковской [Сымонович 1966, с.41, 44]. Эти три основные группы памятников составляли, по его мнению, раннесредневековый круг славянских древностей.

Тем не менее, в славянской этнической принадлежности населения, оставившего колочинские древности, Э.А.Сымонович, вероятно, сомневался. По крайней мере, в перечень славянских культур, которые он приводил в 1970 г., колочинская не попала. [Сымонович 1970, с.54]. Позже, в 1972 г., он возвращается к первоначальной идее и приводит серию аргументов против "балтизма" колочинской культуры: ее керамика не "восходит" к достоверно балтской , литовской и латвийской, которая связана по происхождению с культурой штрихованой керамики, распространена шире зоны древнейшей балтской гидронимии (в южном направлении), имеет ряд черт сходства с культурой Корчак. Последняя по мнению Э.А.Сымоновича развилась из колочинской [Сымонович 1972, с.60-62]. Э.А.Сымонович был решительным сторонником единства средневековых древностей лесной зоны и выступал против любых попыток разделения их на колочинскую и тушемлинско-банцеровскую культуры [Сымонович 1972, с.64].

В конце жизни Э.А.Сымонович поддержал идею В.Н.Даниленко, П.Н.Третьякова, Е.А. Горюнова и Р.В.Терпиловского о генетической связи киевской и колочинской археологических общностей. При этом он указывал, что в некоторых регионах (например, в Курском Посеймье) колочинские древности развиваются не из чисто киевских, а из черняховских с киевскими элементами (типа Букреевки-2 и Тазово) [Сымонович 1983, с.97-101].

Вскоре после появления первых сведений об исследованиях на городище Колочин П.Н.Третьяков в совместной со Е.А.Шмидтом монографии о древностях Смоленского Поднепровья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. отметил, что несмотря на сходство в планировке и близость форм некоторых сосудов, культура населения городища Колочин отличалась от тушемлинской. Последнюю он считал балтским или близкой ей, а городище Тушемля сопоставлял с пилькальнисами Литвы и Латвии [Третьяков, Шмидт 1963, с.30]. Эта же идея была развита П.Н.Третьяковым в его книге "Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге". Колочин с одной стороны, Тушемлю и Банцеровщину – с другой, он считал, соответственно, славянским и балтским эталонами древностей 3-й четверти I тыс. н.э. [Третьяков 1966, с.274-276]. Критерием отличия является присутствие ребристой керамики в материалах памятника. Картина распространения поселений и могильников обоих типов в Верхнем Поднепровье – лоскутная: есть "славянские массивы" и "балтские острова". Колочину близки исследованные П.Н.Третьяковым древности Подесенья (типа Смольяни), Кветуньский могильник и ряд других памятников.

Подчеркивались зарубинецкие корни деснинских и колочинских древностей, хотя и отмеча-

лось, что процесс их генезиса в деталях не ясен. Памятники этого круга датируются 6-7 вв., но в Подесенье и на юге Верхнего Поднепровья есть и более ранние, являющиеся их прообразами (Абидня, Барсуки) [Третьяков 1961, с.240-285].

Подобных взглядов П.Н.Третьяков придерживался и позже. В 1970 г. он писал, что в связи с открытием позднезарубинецких древностей Подесенья (Почеп, Синьково, Белокаменка) и несколько более поздних того же региона и Верхнего Поднепровья (Жуковка, Посудичи, Абидня, Форостовичи) связь материалов 3-й четверти 1 тыс. н.э. типа Смольяни – Колочина с зарубинецкой традицией стала выглядеть "более рельефно" [Третьяков 1970, с.52-55]. Преемственность наблюдается в типах жилищ, погребальном обряде и наборе сосудов. В Верхнем Поднепровье выделяются славянские памятники (типа Колочина), балтские (типа Тушемли – Банцеровщины) и смешанные (Лахтеево, Демидовка, Акатово на Смоленщине).

Та же идея изложена в преамбуле к публикации результатов исследований автора в Верхнем и Среднем Подесенье. При этом указано,что южные древности типа Пеньковки появились в результате переселения в область, ранее занятую черняховской культурой, населения южной части Верхнего Поднепровья [Третьяков 1974, с.49]. В последней работе П.Н.Третьякова, опубликованной уже после смерти автора, недостающим звеном, объединяющим позднезарубинецкие и колочинские древности в единую цепь эволюции, становятся памятники киевской культуры, в качестве особой археологической общности выделенные в конце 70-х гг. [Третьяков 1982, с.65-73]. П.Н.Третьяков по-прежнему настаивал на различной этнокультурной принадлежности памятников тушемлинского и колочинского круга, однако признавал сложность обособления их друг от друга по лепной керамике (в результате контактов населения многие формы тушемлинских и колочинских сосудов очень близки между собой) и по погребальному обряду. Наиболее четким критерием различия он считал традиции домостроительства [Третьяков 1982, с.89], при этом признавалось, что в Верхнем Поднепровье лежит обширная полоса смешанных памятников, а северная граница колочинских древностей – весьма неопределенна. Пеньковская культура также имеет северную (киевскую) подоснову. Ее своеобразие объясняется наличием некоторых реликтовых традиций черняховского населения. Верхняя хронологическая граница колочинской культуры на территории Днепровского Левобережья определяется в рамках рубежа 7-8 вв. [Третьяков 1982, с.133].

Идеи, близкие ко взглядам П.Н.Третьякова, высказывал В.Н.Даниленко. Впервые его концепция, изложенная в тезисной форме, была опубликована в 1955 г. Согласно ей линия развития древних обществ не прерывалась в лесных областях Поднепровья после исчезновения зарубинецкой культуры, как самостоятельного явления. Именно с ней через памятники 3-4 вв. (Новые Безрадичи, Хлебча, Авдеево, Бортичи) и связана генетически "довольно своеобразная восточнославянская культура" 5-6 вв. Древности Днепровских порогов, впоследствии получившие название пеньковских, относятся к тому же кругу [Даниленко 1955, с.28,29].

Дальнейшее развитие эти положения получили в концептуальной статье 1976 г. Колочинский тип памятников, по мысли В.Н.Даниленко, родственен позднезарубинецко-киевскому, хотя переход от одного этапа к другому и не был плавно эволюционным. При этом под колочином В.Н.Даниленко понимал более широкое этнокультурное явление, чем другие авторы. К нему, по крайней мере, он относил и некоторые памятники, которые традиционно считаются пеньковскими (могильник Андрусовка), смешанными пеньковско-пражскими (поселения долины Южного Буга), и, собственно, пражскими (Рипнев-2). Как тип памятников, колочин появляется в 5 в. На Днепровских порогах колочинские древности являются начальным этапом пеньковских. Следующее звено развития позднезарубинецкой традиции в Среднем Поднепровье – памятники "сахновского типа 6-7 вв." [Даниленко 1976, с.87-91].

Л.Д.Поболь выделял в лесном Поднепровье 3 группы древностей 6-9 вв. Памятники первой из них расположены в Белорусском Полесье, второй – в юго-восточной Белоруссии (Гомельская, Могилевская, отчасти Минская обл.), третьей – на севере Белоруссии и на Смоленщине. По общепринятой локализации с колочинскими древностями по своему ареалу совпадает вторая группа. Ее памятники оставлены древними славянами, а их культура имеет зарубинецкую подоснову [Поболь 1970, с.38-39]. Промежуточным звеном между латенским периодом и средневековьем является "поздний этап зарубинецкой культуры" (Абидня, ранние комплексы Тайманова и другие памятники) [Поболь 1970а, с.225-241]. Позже Л.Д.Поболь древности второй группы назвал "быховско-колочинской культурой". Он полагает, что с ней могут быть отождествлены летописные радимичи [Поболь, 1983, с.48,49].

В.Д.Баран исходит из представления о близости трех славянских культур раннего средневековья (пражской, пеньковской и памятников Верхнего Поднепровья). К последним он относит как колочинские, так, отчасти, банцеровские (Дедиловичи) и тушемлинские, судя по приведенным в статье 1978 г. картам. Эти три культуры сходны по традициям домостроительства (везде распространены прямоугольные полуземлянки), погребальному обряду (грунтовые и, позже, курганные трупосожжения), некоторым формам лепной посуды (при наличии локальных особенностей керамических наборов). Подчеркивается, что процесс формирования этих культур не был однозначно эволюционным. В нем приняло участие зарубинецкое и киевское население, а также некоторые группы носителей черняховской и пшеворской культур. Роль верхнеднепровских древностей римского времени, решающую в процессе славянского этногенеза по И.Вернеру, К.Годловскому и ряду других исследователей, В.Д.Баран считает завышенной [Баран 1978, с.13-376; Баран 1981, с.175]. В основе колочинских и пеньковских древностей лежат, преимущественно, традиции киевской культуры [Баран 1990, с.350,351,356], которая в отличие от черняховской,оказалась за пределами зоны провинциально-римских влияний, что

"положительно сказалось на сохранности этнокультурного типа". Киевская культура восходит, в основном, к зарубинецким традициям, хотя в процессе ее формирования произошла перегруппировка позднезарубенецких племен, осложненная миграциями отдельных групп северного (культуры штрихованной керамики) и западного (пшеворского) населения в лесостепь [Баран 1989, с.56,57].

В первой своей обобщающей работе по этнокультурной ситуации в Восточной Европе в 1 тыс. до н.э. – 1 тыс.н.э. В.В.Седов все верхнеднепровские древности середины – третьей четверти 1 тыс.н.э., включая южные (деснинские), трактовал, как принадлежащие автохтонному балтскому населению. Культура лесной зоны в этот период едина. Разница между Колочином и Тушемлей не принципиальна. Верхнеднепровские и пеньковские памятники принадлежат к разным культурно-историческим зонам. По мнению автора (неверному, как будет показано ниже) на юге отсутствуют слабопрофилированные и тюльпановидные сосуды, типичные для Верхнего Поднепровья [Седов 1970, с.48-53]. Пеньковские памятники по своему ареалу и хронологически соответствуют антам Иордана и Прокопия Кессарийского [Седов 1970, с.67-71]. Позже В.В.Седов сделал вывод о том, что племена, оставившие пеньковские памятники, были потомками черняховского населения [Седов 1979, с.124]. Пальчатые фибулы с маской на ножке и "мартыновские клады" специфичны для антов [Седов 1979, с.128-131]. Те же положения о пеньковской культуре и трактовка "мартыновских кладов" прозвучали в монографии В.В.Седова, вышедшей в серии "Археология СССР".

Воззрения В.В.Седова на колочинскую культуру, изложенные в этом издании, имеют существенные отличия от более ранних. Так, автор разделяет верхнеднепровские древности на колочинские и тушемлинско-банцеровские. Критерием различия является не столько керамика, сколько домостроительство. Для южной части Верхнего Поднепровья характерны полуземлянки с открытыми очагами, для северной ("тушемлинской") - наземные дома. И Колочин, и Тушемля представляют собой памятники дославянского населения. Находки вещей "мартыновского круга" и пальчатых фибул на южных колочинских поселениях и могильниках, а также отдельные случаи возведения на селищах полуземляночных жилищ с печами в углу (Стрелица, Целиков Бугор, Щатково) расцениваются, как следы инфильтрации отдельных групп антов и склавинов в балтскую среду. Колочинские памятники Днепровского Левобережья сменяются в 8 в. роменской культурой, т.е. к достоверно славянской древнерусской культуре они не восходят. Колочинская культура резко отличается от пеньковской по всем основным показателям [Седов 1982, с.29-34].

В последней своей монографии В.В.Седов отказался от однозначной трактовки верхнеднепровских древностей 6-7 вв., как исключительно балтских. Тушемлинско-банцеровскую культуру он рассматривает, как смешанную балто-славянскую на основании распространения на ее памятниках браслетообразных височных колец [Седов 1994, с.304]. Колочинская культура формируется на основе киевской, а процесс генезиса пеньковской был более сложным. Подчеркивается связь последней с черняховской общностью (прямой прообраз пеньковки - поселение Хлопков). Элементы киевской культуры прослеживаются на отдельных пеньковских памятниках, т.е. киевское население тоже приняло какое-то участие в формировании пеньковки. В целом, однако, пеньковские жилища и керамика значительно отличаются от киевских [Седов 1994, с.317,318].

Последовательным противником однозначно позднезарубинецкого происхождения раннесредневековых древностей лесного Поднепровья (в т.ч. и колочинских) был А.Г.Митрофанов. По его мнению банцеровские, тушемлинские и колочинские памятники имеют ряд общих черт. К ним относятся преобладание слабопрофилированной керамики (баночной, тюльпановидной), относительная редкость биконических и цилиндроконических сосудов, близкие традиции домостроительства (распространение полуземлянок), повсеместное господство обряда трупосожжения в двух вариантах: "грунтовом" и курганном. При этом подчеркивалось, что детали устройства могил совпадают как в южных, так и в северных районах. Раннесредневековая культура лесного Поднепровья едина, а все попытки расчленить ее несостоятельны. Генезис этой культуры довольно сложен. Расселение на юге лесной зоны зарубинецких племен привело к формированию "памятников типа Адаменковского селища" (Абидни) 2-5 вв., в процессе развития которых южные и западные (зарубинецкие) черты изживаются, а получили преобладание местные, восходящие к "балтским" культурам (днепро-двинской, штрихованной керамики, юхновской). Древности Верхнего Поднепровья третьей четверти 1 тыс.н.э. оставлены потомкам балтов, однако "балтский континуитет" был осложнен участием в их формировании "адаменковского" населения. [Митрофанов 1978, с.117-124].

Е.А.Шмидт, в основном, занимался проблемами изучения днепро-двинской и тушемлинско-банцеровской культур. Колочинские древности в своих работах он затрагивает лишь косвенно. Тем не менее, некоторые его выводы очень важны. Е.А.Шмидт подчеркивает близость позднетушемлинской и колочинской керамики, указывает, что ребристая посуда характерна не только для колочинских поселений, но и для памятников Смоленского Поднепровья. С другой стороны, у населения этого региона наблюдаются отчетливо выраженные южные связи (по изделиям из металла и предметам импорта) [Шмидт 1970, с.66-69; Шмидт 1975, с.24,25].

Весьма своеобразна концепция т.н. "ленинградской школы" (Д.А.Мачинского, М.Б. Щукина и их учеников), которая явилась своего рода ответом на предложение И.Вернера искать предков славян среди населения раннего железного века лесной зоны [Вернер 1972]. Первые работы с изложением некоторых ключевых моментов этой концепции появились в середине 70-х гг. [Мачинский 1976; Щукин 1976]. Важным рубежом в ее сложении стал выход сборника "Славяне. Этногенез и этническая история" (1989), где были опубликованы статьи М.Б.Щукина, Д.А.Мачинского и Г.С.Лебедева, выдержанные в "одном ключе", и издание 6-го выпуска "Петербургского археологи-

ческого вестника" со статьями М.Б.Щукина и В.А.Булкина. В настоящее время эта концепция существует в виде комплекса идей, еще не оформившегося в последовательную теорию, что неоднократно подчеркивали в своих публикациях и сами авторы. Аргументация, также, обычно излагается сжато и в тезисной форме.

Суть гипотезы ленинградской школы заключается в следующем. Население археологических культур центральноевропейского круга позднелатенско-римского времени (зарубинецкой, черняховской, пшеворской) в процессе славянского этногенеза участвовало лишь косвенно. Решающую роль в сложении средневековых культур лесостепи (пражской, колочинской и пеньковской) сыграло население лесной зоны. Колочинские и пеньковские древности формируются на базе киевской культуры. Своеобразие последних заключается в участии в их генезисе групп черняховского населения, оставшегося в лесостепи после переселения большинства носителей этой культуры в Европу (в результате гуннского нашествия и в процессе войн гуннов с Римом) или киевских общин, находившихся под черняховским влиянием [Щукин 1994, с.284,285]. Пеньковская культура принадлежала антам, которые рассматриваются, как одна из славянских группировок. Колочинские и близкие к ним древности раннего средневековья лесной зоны оставлены, вероятно, народом или группой народов "между славянами и балтами". Этническая кристаллизация лесных этносов еще не произошла.

Киевская культура 3-5 вв. и предшествующие ей памятники "горизонта Рахны-Почеп" середины 1-2 вв. демонстрируют постепенное угасание зарубинецкой традиции и усиление северных лесных элементов, что выражается в распространении на памятниках лесостепи и юга лесной зоны керамики с расчесами, слабопрофилированных сосудов и украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля. После "дунайского эпизода" славян происходит их обратное движение в восточноевропейскую лесостепь и лесную зону (конец 5-8 вв.), существенно изменившее ситуацию в этих регионах и положившее начало процессам формирования древнерусской культуры [Мачинский 1989, с.129,130].

Таким образом, в отношении колочинской культуры высказано несколько точек зрения, зачастую диаметрально противоположных. Нельзя не отметить, что у всех перечисленных выше исследователей анализ собственно колочинских древностей отсутствует. Решение вопроса о месте последних в этнокультурных процессах, происходивших на территории Восточной Европы в третьей четверти 1 тыс., зависит, в основном, от общих представлений того или иного автора о славянском этногенезе в целом и о характере контактов праславян с древнебалтскими группировками, в частности. Аргументация при этом обычно излагается в тезисной форме и очень коротко. Акцент делается не столько на археологический анализ, сколько на привлечение сведений смежных дисциплин (палеолингвистики, письменных источников), которые, как известно, могут трактоваться поразному. Обзор основных концепций, тем не менее, весьма важен: он позволяет установить "проблемные точки" в изучении колочинской культуры. Таких спорных вопросов несколько. К числу важнейших относятся: 1) проблема соотношения колочинских памятников с предшествующими и последующими археологическими общностями; 2) связь колочинских древностей с синхронными культурами, определение территориальных границ колочина; 3) периодизация и хронология культуры. В этой связи представляется необходимым рассмотреть, что же, собственно, известно о колочинских памятниках (в соответствии с нашей темой - в южном регионе распространения). Обратимся для этого к специальным исследованиям по колочинской тематике.

Таких работ, сравнительно, немного. Первым исследованием, призванным заполнить намеченную И.И.Ляпушкиным лакуну между черняховскими и роменскими древностями Днепровского Левобережья, была монография О.В.Сухобокова. В ней приводится свод довольнцевских памятников региона, краткий очерк их хронологии, описание элементов археологической культуры (топографии поселений, керамики, типов жилищ и хозяйственных сооружений, погребального обряда, комплекса орудий труда). Материалы этого периода сопоставляются с колочинскими, хотя к их числу отнесен и ряд "откровенных" пеньковских памятников (например, Задонецкое и Хитцы) [Сухобоков 1975, с.132,133]. Автор выстраивает следующую этнокультурную цепочку на Левобережье: от позднерубинецких древностей первых веков нашей эры (почепских и типа Харьевки) к памятникам круга "Колочин - Курган-Азак" (5-7 вв.). Следующие 2 этапа представлены волынцевскими и роменскими материалами [Сухобоков 1975, с.132-148]. Между колочинским и волынцевским периодами предполагается преемственность, хотя и отмечается, что для выяснения этого достаточно сложного вопроса требуются специальные исследования [Сухобоков 1975, с.151]. Клады и отдельные находки круга древностей антов ("русов") принадлежали местному населению 5-7 вв. о чем свидетельствует их локализация и "тяготение" к низменным местам в пределах речных долин, где обычно расположены колочинские поселения [Сухобоков 1975, с.14,15].

Сложными проблемами автор считает характер взаимодействия оседлого населения Левобережья и кочевников, а также роль в культуре первых "балтского субстрата". Их удастся разрешить лишь при дальнейшем накоплении материала.

Работа О.В.Сухобокова сыграла важную роль в исследовании древностей Левобережья. Заслуги автора в систематизации материалов 5-8 вв. несомненны. Тем не менее, монография обладает рядом существенных недостатков. К ним относятся вопросы хронологии раннесредневековых памятников и их культурной принадлежности.

В группу древностей 5-7 вв., кроме средневековых, включен ряд поселений римского времени: Лавриков Лес с его архаичной лощеной посудой позднезарубинецкого круга и прогнутой двучленной подвязной фибулой, Почеп – эталон древностей 1-2 вв., Авдеево с находками черняховской гончарной керамики. Да и сам Курган-Азак, также, довольно ранний памятник: оттуда проис-

ходят обломки черняховской гончарной посуды и железная позднеримская фибула. Первые три памятника, как ранние, были атрибутированы еще до выхода монографии [Третьяков 1974, с.47, упоминания имеются в работах предыдущих лет; Заверняев, 1969; Алихова, 1963, с.84]. Описание материалов и анализ хронологии поселения Курган-Азак см. в изданиях [Терпиловский, Абашина 1992, с.173; Обломский, 1994, с.50-53]. Явным анахронизмом является поздняя дата поселения Харьевка (2-5 вв.). Е.В.Максимов, в начале 70-х гг. рассмотрев амфорный материал этого селища, пришел к выводу, что оно датируется III-II вв. до н.э. [Максимов 1972, с.55].

Как и некоторые другие исследователи (В.В.Седов, И.П.Русанова) О.В.Сухобоков считал, что украшения круга варварских эмалей принадлежали на юге их ареала колочинскому населению. Поздняя дата (не ранее 5 в.) этих изделий для Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в 70-е гг. была общепринятой. Работы Е.Л.Гороховского, доказавшего синхронность южных эмалей прибалтийским, появились позже. Тем не менее, О.В.Сухобоков допускает путаницу в хронологии и здесь: даже на уровне понимания 1970-х гг. эмали и изделия круга древностей антов, по его мнению, использовались колочинским населением одновременно. Об этом, будто бы, свидетельствуют клады из Шмырево, Ахтырки и Суджи [Сухобоков 1975, с.136]. В первых двух пунктах кладов не было, а вещи круга эмалей представляли собой случайные находки. В комплекс Суджского клада эмали не входят. Эмалей и изделий их круга нет вообще ни в одном из антских кладов. Вещи из последних выполнены в совершенно ином художественном стиле и относятся к другим типам мужского и женского уборов.

Описание материалов "колочинских" поселений зачастую далеко от конкретности. В работе, например, отсутствует типология наиболее массовой категории находок - керамики. По этой причине положение автора о преемственности колочинского и волынцевского этапов нельзя считать обоснованным: оно, скорее, декларировано, чем доказано. Многие детали динамики этнокультурных процессов на Левобережье остались после выхода монографии О.В.Сухобокова невыясненными. Нужны были новые исследования памятников середины - 3-й четверти I тыс., новые обобщения даже известных ранее материалов.

Следующей по времени издания была монография И.П.Русановой, один из разделов которой посвящен древностям Верхнего Поднепровья. В работе приводится критический анализ историографии, опубликована наиболее полная на середину 70-х гг. карта памятников круга Тушемли-Банцеровщины-Колочина, разработана при помощи анализа пропорций сосудов их типология, дается описание жилищ и погребального обряда. В противоположность П.Н.Третьякову И.П.Русанова относит все памятники лесного Поднепровья 2-ой - 3-й четверти I тыс. к единой культуре. Славянская этническая принадлежность населения, оставившего колочинские древности, отрицается. Традиции Колочина-Тушемли не восходят к достоверно славянской древнерусской культуре. Домостроительство и керамика колочина резко отличается от пражских и пеньковских материалов. Связь колочинских древностей с зарубинецкими ставится под сомнение. Зарубинецкие традиции во второй четверти I тыс. постепенно угасают, а элементы, восходящие к культурам раннего железного века лесной зоны, усиливаются [Русанова 1975, с.56-84].

Несмотря на то, что монография И.П.Русановой опубликована почти 20 лет тому назад, многие положения этой работы сохраняют актуальность до сих пор. Она была первым опытом строгого подхода к материалу, явилась своеобразным подведением итогов десятилетнего изучения колочинских древностей. Тем не менее, исследование И.П.Русановой не лишено недостатков. В нем делается та же ошибка, что и в книге О.В.Сухобокова: древности 3-ей четверти рассматриваются вместе с более ранними деснинскими киевскими, как единое целое. Метод работы с керамикой позволил И.П.Русановой наметить различие пражских, колочинских и пеньковских сосудов на уровне культур, но он же и сильно сузил круг привлеченных источников, поскольку при его помощи можно анализировать только целые формы. Для пеньковских памятников по И.П.Русановой, например, не характерны слабопрофилированные открытые и закрытые горшки, которые она считает "северными", хотя эти формы широко распространены на Днепровском Левобережье, но представлены, в основном, фрагментами. График пропорций верхнеднепровских сосудов, который призван иллюстрировать единство керамического набора на всей территории от Десны до Березины [Русанова 1976 рис.26], показывает прямо противоположное. Группировка точек, соответствующих пропорциям сосудов Смоленщины и Белоруссии, близка. Сходную между собой тенденцию расположения на графике обнаруживают коэффициенты горшков Днепровского Левобережья и Подесенья, но полного совпадения "ареалов точек" сосудов Белоруссии и Смоленщины с одной стороны и юго-восточных районов культуры, с другой, нет. График скорее подтверждает наблюдение П.Н.Третьякова о своеобразии керамики юго-востока по сравнению с северо-западом лесного Поднепровья,чем опровергает его.

Монография И.П.Русановой завершает этап изучения верхнеднепровских древностей в целом. Эта работа, кроме того, достаточно отчётливо продемонстрировала необходимость расширения базы источников. Последующие исследования по колочинской проблематике, были, в этой связи, посвящены, в основном, изучению отдельных регионов и вводу в научный оборот результатов раскопок новых памятников.

Современный этап исследования колочинских древностей представлен работами Е.А.Горюнова, Р.В.Терпиловского, О.А.Макушникова, А.М.Обломского, Н.А.Тихомирова и Н.А.Лопатина. Анализ погребального обряда в сопоставлении с предшествующими и последующими культурами Поднепровья производился О.В.Петраускасом. Сведениями этих авторов мы и будем руководствоваться при характеристике степени изученности колочинских материалов в южных регионах распространения этой культуры.

Материальная культура

По литературе и архивным источникам удалось собрать сведения о 33 памятниках Подесенья, Посеймья и северо-востока Днепровского Левобережья, где обнаружены материалы, не оставляющие сомнений в их принадлежности колочинской археологической общности. В их число мы не включаем откровенно ранние поселения, датирующиеся 5 в. по черняховскому и центральноевропейскому импорту, такие как Ходосовка (Диброва), Заярье, Литвиновичи-3, Красное-4, Комаровка-2 и ряд других. К нашей теме они непосредственного отношения не имеют и привлекаются к рассмотрению лишь в исключительных специально оговоренных случаях.

Большая часть памятников исследована раскопками (28). Из них 8 представляют собой могильники, а 20 – поселения, 5 известны по разведкам (рис.92). Подавляющее большинство находок представлено лепной керамикой с грубой небрежно заглаженной поверхностью. Сосуды содержат включения шамота в тесте, реже - дресвы. Иногда отмечается наличие органических примесей. По функциональному назначению в комплексе посуды выделяется тарная керамика ("зерновики", "корчаги"), горшки, диски, имеющие иногда слабо отогнутый бортик ("сковородки", "лепешницы"). Изредка встречаются миниатюрные и мискообразные сосуды [Горюнов 1981, с.17; Макушников 1987, с.7]. Диски характерны, в основном, для поселений. На могильниках они – очень редки [Тихомиров 1990, с.144,145].

Классификация сосудов производилась с учетом элементов формы и некоторых пропорциональных соотношений. Размеры горшков и корчаг и их форма между собой не сопоставлялись, поскольку большая часть имеющегося в распоряжении исследователей материала фрагментирована, за исключением, может быть, керамики из Княжинского, Лебяжьинского и Картамышенского могильников. "Классической" при этом признается типология Е.А.Горюнова [Горюнов 1981, с.18,19]. Классификации О.А.Макушникова и Н.А.Тихомирова строятся на ее же основе, хотя и с некоторыми отличиями [Макушников 1987, с.7,8; Тихомиров 1990, с.140,141]. Схема Е.А.Горюнова удобна для сопоставления колочинских древностей с более ранними киевскими: она едина для обеих культур. Тем не менее, ей присуща некоторая описательность и нечеткость в разграничении признаков типологических разрядов. Попытка ликвидировать эти недостатки предпринята А.М.Обломским. В его типологии за основу взяты элементы формы сосуда, характеризующие контур его профиля. В качестве дополнительных признаков используются соотношение диаметра венчика и наибольшего расширения тулова горшка. Эта система классификации едина для позднезарубинецких, киевских и колочинских памятников. Расчеты пропорций используются для сравнения между собой с целью выяснения степени сходства сосудов различных регионов и хронологических периодов в рамках разрядов классификации по форме [Обломский 1991]. Здесь мы приводим описание керамики в порядке "**класс - тип - вариант - разновидность**" в соответствии с принципами, изложенными автором в публикациях, специально посвященных анализу керамических комплексов колочинского типа и предшествующего времени [Обломский, Терпиловский 1990,с.150-152; Кропоткін, Обломський 1991, с.85-88; Обломский 1994,с.43-45].

Для южных колочинских памятников, т.е. для региона, охватывающего Подесенье, Посеймье, верховья Северского Донца и северную часть лесостепи Днепровского Левобережья характерны округлобокие горшки с выпуклой дугой на участке профиля от места наибольшего расширения тулова до шейки с отогнутым наружу изогнутым венчиком (**тип I**, ***вариант 1***: рис.93:*1*), закрытые слабопрофилированные близкие к баночным сосуды с незначительно отогнутым венчиком (**тип I,3**, ***разновидность а***: рис.93:*2-5, 10*), "тюльпановидные" или слабопрофилированные открытые формы (**тип I,3**, ***разновидность б***:рис. 93:*6,9*) три варианта баночных округлобоких горшков (без отогнутого наружу венчика с загнутым внутрь краем в виде выпуклой дуги – **тип I,4**, ***вариант а***; с прямой верней частью и выпуклой нижней – **тип I,4**, ***вариант б***, а также подобные варианту а, но со слабо выраженным желобком в верхней части венчика – **тип 1,4**, ***вариант в***: рис.93:*11-13*). Встречаются сосуды в виде усеченного конуса без венчика и выраженного плеча (**тип I,4**, ***вариант г*** – рис.93:*14*). Сосуды ребристого профиля с отогнутым наружу венчиком (**тип II,2**) и горшками без венчика, верхняя часть которых близка к цилиндру (**тип II,5**: рис.93:*16,17*).

Селище Гапоново является типичным колочинским памятником: здесь встречены почти все формы посуды, характерные для южных поселений культуры (рис.5,7,11,12).

Керамика, как правило, не орнаментирована. Крайне редко встречаются сосуды, венчики которых украшены насечками или нарезками, нанесенными ножом. Последние изредка образуют композицию в виде косой сетки. Под венчиками некоторых горшков иногда имеются налепные треугольные в сечении валики. Валиком может быть подчеркнут и ребристый перелом корпуса. В верхней части горшка могут размещаться вертикальные налепы. Лощение, как элемент декора, для колочинской керамики не характерно, хотя черепки лощеных сосудов на некоторых поселениях известны. Ребристая миска из Смольяни [Третьяков 1974, рис.12,22] имеет мощинское происхождение. Обломки близких по форме сосудов встречены на поселении Великие Будки (Хутор) (раскопки В.М.Горюновой). Контакты населения северных районов Днепровского Левобережья с племенами Поочья, видимо, устанавливаются раньше, в позднеримское время. Об этом свидетельствует крупный фрагмент дьяковского горшка с поселения Деснянка (конец 3 – середина 4 в.), обломки мощинских лощеных мисок с высокими раструбообразными венчиками из Курган-Азака (4 в.) [Щекун, Терпиловский 1993, рис.II:7; Обломский 1994, рис.8:*26-29*].

Важным показателем является структура керамического комплекса (соотношение типов форм в наборе посуды). В этом отношении колочинские памятники неоднородны. В Посожье и на городище Колочин-I преобладают слабопрофили-

рованные округлобокие горшки с отогнутым краем, на втором месте находятся тюльпановидные формы, на третьем – ребристые сосуды с выраженным венчиком. Прочие формы, влючая цилиндроконические, представлены небольшими сериями [Макушников 1987, с.8]. Для памятников Подесенья до недавнего времени считалось типичным преобладание цилиндроконических, биконических и, в известной мере, тюльпановидных горшков [Горюнов 1981, с.19; Терпиловский 1984, с.74-76]. В последние годы, однако, появились сведения о том, что в этом регионе имеются поселения, где встречена только (или почти исключительно) округлобокая керамика, причем наиболее часты слабопрофилированные закрытые формы (Выгоры-I, Александровка, "поздние" жилища [Шекун, Терпиловский 1993, рис.21]. Аналогичный облик имеет и керамический комплекс Квегуньского могильника. [Артишевская 1963, рис.3; Третьяков 1982, рис.19].

Далее к востоку наблюдается следующая картина. На территории Среднего Посеймья известны памятники двух разновидностей структуры керамического набора. К первой относятся ранние поселения Красное-4 и Литвиновичи-3, датирующиеся 5 в. по находкам позднеримских изделий:фрагментам черняховской гончарной керамики, обломкам туфовых жерновов и конического грузила для ткацкого станка, железной пряжке [Обломский 1995, в печати].Более поздние памятники этой традиции пока не известны. На них резко преобладают округлобокие формы (ребристые составляют в первом случае 2, а во втором - 4%). Среди округлобоких в Красном наиболее широко распространены различные варианты баночных сосудов (**тип I,4**). В Литвиновичах на первом месте находятся слабопрофилированные с отогнутым венчиком, но доля "банок", также, очень высока. Специфичны для этого поселения усеченно-конические горшки (**тип I,4**, *вариант г*). В курганном могильнике Артюшково (раскопки В.В.Енукова, 1995 г.) ребристые и баночные формы не известны. Встречены лишь горшки **типов I,3-а** и фрагменты **I,3-б**. Несколько неожиданной явилась находка в кургане 5 сильнопрофилированного округлобокого сосуда с резко суженным горлом. Очень близкие аналогии ему имеются в трупосожжении 6 "постпеньковского" Дмитриевского могильника [Плетнева 1989, рис.76]. Подобные формы не типичны для колочинских памятников. Вероятно, эта находка демонстрирует связь населения Посеймья с югом.

В керамическом комплексе раннего селища Комаровка-2 [обоснование даты см. в [Обломский 1991, с.90,91] первое место занимают формы **I,3-а** (50%), второе - **I,3-б** (21%). Ребристые сосуды составляют 5% [Обломский 1991, рис.29]. В погребениях могильника Лебяжье (по публикации Н.А.Тихомирова) праобладают сосуды **I,3-а** (41%), на втором месте находятся баночные **I,4** (9%). Прочие формы (тюльпановидные, сильнопрофилированные округлобокие, цилиндроконические) единичны.

Очень похожую структуру имеет набор посуды селища Великие Будки (Хутор). В слое раскопок 1981 и 1982 гг., а также в заполнении постройки 3[1] наиболее часто встречаются формы **I,3-а**, на втором месте находятся различные варианты баночных, а тюльпановидные и ребристые горшки относительно редки. На могильнике Картамышево-2 преобладают сосуды **I,3-а** (55%), прочих форм – поровну (**I,3-б; I,I; II,5**- по 15%). В могильнике Княжий ребристой посуды, вроде бы, нет вообще. Преобладают слабопрофилированные закрытые (57%), но довольно много тюльпановидных (36%), единичны баночные сосуды. Сближает Лебяжье и Княжий наличие серии мискообразных небольших горшков [Тихомиров 1990].

Соотношение форм сосудов на колочинских памятниках, следовательно, достаточно разнообразно. Это вполне понятно, т.к. поселений и могильников с набором типологически определимых горшков и корчаг, достаточным для статистического анализа, пока немного. В такой ситуации довольно трудно отсечь случайное и установить, что же является закономерным. Кроме того на некоторых памятниках явно имеются как ранние, так и поздние объекты, а это создает "шум" при расчетах. Примером могут служить Великие Будки, где в постройке 2 наряду с лепной керамикой встречены отдельные черняховские гончарные черепки, а в слое над ней обнаружен поздний для колочинской культуры клад с вещами круга древностей антов.

Тем не менее, южные колочинские поселения и могильники по структуре керамического комплекса можно разделить на **3 типа**. В **первый** включены памятники с преобладанием ребристых и тюльпановидных сосудов (Заярье, Целиков Бугор, Стрелица, видимо, Роище), ко **второму** отнесены все прочие из перечисленных выше, т.е. могильники и селища, где редки или отсутствуют ребристые формы и наиболее часто встречаются горшки I,3-а. В рамках последнего типа выделяются ***два варианта***: памятники, где на втором месте в структуре набора форм находятся тюльпановидные горшки (I,3-б), а баночные редки или вовсе отсутствуют (Комаровка-2, Княжий, Картамышево-2), а также поселения Великие Будки, Литвиновичи-3 и могильник Лебяжье, на которых тюльпановидных сосудов почти нет, но довольно часто встречаются различные варианты "банок". К **третьему** типу относится селище Красное-4, где преобладают баночные формы и очень редки ребристые.

Памятники **первого типа** известны пока только в Подесенье, **второго** – по всей южной территории колочинской культуры. Как уже указывалось, своеобразны по сведениям О.А.Макушникова поселения Гомельщины, где довольно много ребристых форм, хотя по признаку преобладания слабопрофилированных закрытых и тюльнановидных горшков они весьма близки к южным второго типа первого варианта.

Самыми характерными для колочинского керамического комплекса являются слабопрофилированные округлобокие сосуды, причем наиболее часты закрытые горшки. Представление о том, что для колочинской археологической общности типичны цилиндроконические формы, основано на недоразумении, причина которого заключается в том, что эти весьма специфические горшки на раннесредневековых памятниках сразу заметны, буквально, бросаются в глаза.

Две основные традиции оформления набора колочинских сосудов восходят к предшествующему позднеримскому времени. Памятники деснинского варианта киевской культуры с черняховским импортом (третьего этапа по Р.В.Терпиловскому и Н.С.Абашиной) по соотношению форм также распадаются на две группы. Закрытые округлобокие слабопрофилированные сосуды преобладают на большинстве поселений (Ульяновка, Киселевка-2, Выгоры-2, Выбли, Печаное, Пересыпки-1, Чаплищи-3, Курган-Азак, Беседовка). На двух селищах (Роище, Александровка) часты ребристые формы [Обломский 1991, с.121-123; Обломский 1995]. Набор посуды исследованных широкими площадями памятников второго этапа киевской культуры (Лавриков Лес, Форостовичи, Деснянка и др.) соответствует первой ("округлобокой") традиции [Терпиловский, Абашина 1992, с.77,78; Шекун, Терпиловский 1993, с.16; Обломский 1991, с.67]. Имеются, тем не менее, факты, свидетельствующие, что тенденция к преобладанию округлобоких сосудов типа I,3-а в комплексе одних поселений и различных типов ребристых в наборе посуды других на киевских памятниках деснинского круга намечается очень рано.

Поселение Попово-Лежачи-4 в Среднем Посеймье, датирующееся рубежом 2/3 – началом 3 в., и являющееся переходным звеном, объединяющим позднезарубинецкие древности круга Картамышево с деснинскими киевскими, демонстрирует первую тенденцию [Обломский, Терпиловский 1993], а синхронное ему поселение Гребля (Нижнее Подесенье; раскопки Т.Д.Вальковой) – "зародыш" второй.

Вариабельность структуры набора посуды памятников 5-7 вв. свидетельствует, по всей видимости, о наличии в составе средневекового колочинского населения Подесенья-Посеймья минимум трех этнографических групп. По крайней мере две из них прослеживаются в Подесенье с позднего этапа киевской культуры, хотя и не исключено, что оформляются они еще раньше: в период её сложения.

На южных колочинских поселениях исследовано 20 жилищ, которые могут датироваться 6-7 вв. (Смольянь – 4; Роище, Александровка – по 2; Великие Будки – 5; Мансурово, Воробьевка-2, Левкин Бугор, Ровчак, Выгоры-1, Гапоново, Картамышево-1 – по одному). Все они относятся к категории полуземлянок, углубленных в материк, на 0,3-0,8 м. В плане постройки - подпрямоугольные, близкие к квадратным с длиной стены 2,8-5,1 м, но, как правило, около 4 м. В большинстве сооружений имеются центральные опорные столбы кровли. Ямы от столбов прослеживались в углах жилищ и вдоль стен, но в некоторых постройках они отсутствовали (например, в Картамышево-1 и Гапоново). Стены некоторых построек были каркасно-плетневыми: в жилище 1 Смольяни сохранилась глиняная обмазка, а в жилище 3 - следы сгоревших прутьев плетня [Третьяков 1974, с.80,81]. Другие сооружения имели бревенчатые стены, о чем свидетельствуют остатки сгоревшего дерева в полуземлянке на поселении Картамышево-1.

Сохранившиеся отопительные сооружения представляли собой очаги. Известны три варианта их конструкции: кострище, разложенное прямо на полу постройки или в неглубокой ямке (Масурово; Левкин Бугор; Ровчак; Роище, постройка 17 и др.), вымостка из черепков сосудов (Смольянь, постройка 1), глиняная овальная площадка-под (Смольянь, постройки 2 и 4; Гапоново). Располагался очаг, как правило, в центре помещения, реже – в одном из углов. Печи в колочинских постройках не известны. Жилища с печами на памятниках Подесенья, Посеймья и востока Днепровского Левобережья относятся к более позднему волынцевскому этапу и роменской культуре (см. ниже).

Прямоугольные полуземлянки с открытыми очагами в центре или в одном из углов, с центральными опорными столбами кровли, стенами из плетня, бревенчатого заклада или сруба появляются на территории Днепровского Левобережья в раннеримский период на позднезарубинецких поселениях [Обломский, Терпиловский 1991, с.87] и представляют собой общий для всех вариантов киевской культуры тип жилых сооружений [Терпиловский, Абашина 1992, с.28-30].

Ареал колочинской культуры

Наблюдения за распределением керамики и типов жилищ традиционно являются основой для определения границ колочинской культуры. Наиболее запутанным и далеким пока от разрешения представляется вопрос о северном пределе распространения древностей колочинского типа. Эта проблема выходит за рамки нашей монографии и требует специального исследования. Ограничимся, поэтому, лишь несколькими замечаниями. Как было показано выше, ребристая посуда характерна отнюдь не для всех южных памятников. Относительная редкость ребристых форм, отмеченная В.В.Седовым, И.П.Русановой, А.Г. Митрофановым и Е.А.Шмидтом для Центральной Белоруссии и Смоленщины, в такой же степени типична и для большинства южных поселений и могильников. Это отнюдь не свидетельствует о единообразии керамического набора: на юге выделяются три традиции соотношения форм сосудов с вариациями в рамках, по крайней мере, двух из них. Структура набора сосудов памятников Белоруссии, за исключением Гомельского Посожья, детально не изучалась. Нужно отметить, что это достаточно трудно сделать, поскольку большинство средневековых материалов перечисленных регионов либо опубликовано выборочно, либо не издано вовсе. И тушемлинский, и банцеровский типы памятников выделены лишь на основании общих представлений о сходстве форм горшков, поэтому границы этих культур не менее расплывчаты, чем колочинской. Древности Верхнего Поднепровья, тем не менее, не однородны. Н.В.Лопатин, сопоставивший между собой структуры наборов сосудов из средневековых горизонтов Колочина, Демидовки и Тушемли с привлечением данных о технологии изготовления керамики, пришел к выводу, что материалы первых двух городищ с одной стороны и последних двух – с другой, близки между собой по ряду признаков,

тогда как сходство Колочина и Тушемли – минимально [Лопатин 1987].

К сожалению, исследования Н.В.Лопатина являются пока единственными в своем роде, хотя сам по себе метод весьма плодотворен. Как уже указывалось, графики пропорций сосудов Верхнего Поднепровья, приведенные в работе И.П.Русановой, показывают, что при общей близости, средневековая керамика этой территории имеет локальные различия. Не исключено, что в дальнейшем, когда в Белоруссии и на Смоленщине будут выделены культурно-хронологические группы древностей, общая картина окажется довольно сложной и близкой к той, которую прогнозировал П.Н.Третьяков. Тушемлинская, банцеровская и колочинская культуры распадутся на серию групп поселений и могильников, в той или иной степени сходных или различающихся между собой, без отчетливых границ более глобальных общностей.

Не является строгим критерием разделения последних и тип жилища. Да, действительно, на южных колочинских памятниках все жилые постройки чрезвычайно стандартны. Это – полуземлянки с открытыми очагами. Такие же сооружения известны и на Гомельщине [Макушников 1987, с.4,5]. Для тушемлинско-банцеровских поселений типичными считаются наземные дома. Тем не менее, у этого правила есть исключения. Так А.Г.Митрофанов опубликовал серию полуземлянок с печами-каменками в углах с банцеровских селищ [Митрофанов 1978]. Конструкция жилищ, таким образом, должна привлекаться в качестве одного из показателей при выделении культурно-хронологических групп памятников (наряду с керамикой, набором украшений и др.), но ее не стоит абсолютизировать.

Юго-западный массив колочинских селищ находится в Нижнем Подесенье в районе Чернигова (рис.92). В Среднем Поднепровье стационарно исследовано лишь одно поселение с колочинскими объектами – Ходосовка (ур.Диброва). Судя по железной фибуле из жилища 3, эти комплексы – достаточно ранние и датируются 5 в. [Абашина 1991, с.10,11]. Несколько пунктов с керамикой, которую атрибутируют, как колочинскую, обнаружены в результате разведок Н.М. Кравченко в бассейне Ирпеня (Мостище и др.) [Приходнюк 1980, каталог раннесредневековых памятников Среднего Поднепровья], однако до проведения стационарных раскопок нет уверенности в правильности культурного определения этих памятников. В 6-7 вв. северная часть Правобережья Среднего Поднепровья занята корчакскими поселениями (рис.92). По всей видимости, группы колочинского населения в этом регионе присутствовали лишь эпизодически.

На юго-востоке колочинские памятники распространены в верховьях Сейма и Псла. Тем не менее, отдельные поселения с колочинской керамикой известны и далее к востоку. К ним относятся селище Шишино-5 (верхний горизонт) под Белгородом(раскопки А.М.Обломского) , Ярлуково в Подонье [Комаров 1972], Слободка в Поочье, где обнаружены две ямы с типичной колочинской керамикой [Никольская 1970, с.88,89]. В бассейне Дона в настоящее время наблюдается хронологическая лакуна между древностями позднеримского времени и средневековыми боршевскими, т.е. в 5 - начале 8 в. Памятники этого времени в регионе пока очень слабо изучены, но уже начинают исследоваться. Не исключено, что в ближайшем будущем граница колочинской археологической общности отодвинется от Посеймья к востоку.

Вопрос о южной границе колочинской культуры в 6-7 вв. специально разрабатывался Е.А.Горюновым и Р.В.Терпиловским. Е.А.Горюнов предполагал, что она проходит по среднему течению Сулы, Псла, Ворсклы [Горюнов 1973, с.48,49; Горюнов 1981, с.60-63, рис.15]. Эта линия приблизительно совпадает с той, которая получается по современным данным. Если относить к кругу колочинских памятники с преобладанием слабопрофилированных округлобоких сосудов, то наиболее южными из числа стационарно исследованных с представительной керамической коллекцией являются Великие Будки в верховьях Сулы, могильники Княжий, Картамышево-2, поселение Картамышево-1 в бассейне верхнего течения Псла. Чуть южнее в верховьях Северского Донца находится селище Шишино-5 (рис.92). Как будет показано ниже, для набора сосудов пеньковских памятников типично преобладание округлобоких сильнопрофилированных и биконических форм. Этим характеристикам соответствует керамика поселений Хитцы (среднее течение Сулы), Рябовка-3 (р.Ворсклица), Занки, Задонецкое района Харькова, т.е. наиболее северные достоверно пеньковские памятники находятся на линии Средняя Сула – верховья Ворсклы – среднее течение Северского Донца. В полосе, крайними точками которой являются Великие Будки и Хитцы в Посулье, Шишино-5 и Занки в бассейне Донца, раннесредневековые памятники известны, в основном, по разведкам. Культурная атрибуция происходящего из этих пунктов материала неоднозначна.

Е.А.Горюнов при описании южного колочинского пограничья констатировал наличие контактов населения этой культуры с пеньковским. Р.В.Терпиловский конкретизировал его положение. Пеньковские элементы он усматривает в керамике Левкина Бугра под Новгородом-Северским и в колочинских комплексах Роища. Колочинские слабопрофилированные сосуды представлены на пеньковском поселении Хитцы. Зона взаимных влияний двух культур, таким образом, весьма обширна: от Среднего Посулья на юге до Среднего Подесенья на севере [Терпиловский 1985, с.98].

Могильники колочинской культуры

В южной части ареала колочинской культуры известны грунтовые и курганные могильники. По публикациям и полевым отчетам удалось собрать сведения о 167 бескурганных захоронениях, сохранность которых, описание и чертежи позволяют получить информацию об устройстве погребения. Эталонами являются могильники Лебяжье (86), Княжий (17). Картамышево-2 (48), Авдеево (4), Усох (8), устье р.Смяч (4 документированных захоронения) [Липкинг 1974; Горюнов 1979; Горюнов, Горюнова 1980; Сымонович 1974; Падин 1974; Горюнов 1974].

Почти все погребения представляют собой трупосожжения на стороне. Лишь в одной из могил (Картамышево-2, погр.27) была захоронена

не сожженая голова ребенка, от которой сохранились лишь молочные зубы и куски черепа.

Типы погребений выделяются по характеру помещения кальцинированных костей в могилу. К первому относятся **урновые** захоронения, ко второму – **смешанные**, к третьему – **безурновые**.

Тип I (всего – 46 погребений или 28%) разделен на ***6 вариантов*** по способу постановки урны в захоронение и по особенностям ее покрытия.

Вариант 1: урна стоит на днище, она не накрыта ничем (26 погребений, из них: Лебяжье – 11, Княжий – 6, Картамышево-2 – 9).

Вариант 2: в могильной яме находятся 2 урны, стоящие на днищах рядом друг с другом, ничем не накрытые (6 погребений: Лебяжье – 3, Княжий, Авдеево, Картамышево-2 – по одному).

Вариант 3: урна помещена в сосуд, стоящий на днище кверху устьем (4 погребения: Лебяжье – 2, Княжий и Усох – по одному).

Вариант 4: урна накрывается сосудом, перевернутым вверх дном (6 погребений: Лебяжье – 1, Княжий – 3, Картамышево-2 – 2).

Вариант 5: урна накрывается сверху частью сосуда (3 погребения: Лебяжье – 2, Картамышево-2 – 1).

Вариант 6: перевернутый вверх дном сосуд накрывает кости (Картамышево-2 – 1 погребение).

Разновидности выделяются в рамках типа по наличию и способу помещения в захоронение остатков погребального костра. К сожалению, эти признаки указываются в описании далеко не для всех могил (особенно редко – для урновых).

Разновидность 1: кости очищены, но в заполнении могильной ямы в том или ином виде встречены уголь и зола. К ней относится 7 погребений (6 – варианта 1, 1 – варианта 4, Лебяжье – 2, Картамышево-2 – 5).

Разновидность 2: кости перемешаны с углем, уголь присутствует и в заполнении. Эти признаки наблюдаются у 5-ти погребений (4 – варианта 1, 1 – варианта 3; Картамышево-2 – 3, Лебяжье и Усох – по одному).

Разновидность 3: кости очищены, в заполнении ямы уголь и зола отсутствуют: 17 погребений (9 – варианта 1, 1 – варианта 2, 2 – варианта 3, 3 – варианта 4, 2 – варианта 5; Лебяжье – 6, Княжий – 6, Картамышево-2 – 5).

Для урновых погребений, таким образом, наиболее типичны захоронения с одной урной (вариант 1). Урна тем или иным способом накрывается в 22% могил (варианты 4-6). Остатки костра (разновидности 1 и 2) встречаются почти в половине погребений, где их наличие или отсутствие зафиксировано в документации.

К типу смешанных относятся захоронения, в которых кальцинированные кости насыпаны, как в урну, так и в могильную яму. Их всего 16 (10%). В яме кости находятся, как правило, под урной, гораздо реже - в заполнении. Классифицируются эти погребения тем же способом, что и урновые.

Вариант 1 – 14 погребений (Лебяжье – 9, Картамышево-2 – 3, Княжий – 2).

Вариант 3 – 1 погребение из могильника Лебяжье.

Варианты 4 и 6 – по одному захоронению из могильника Картамышево-2.

Разновидность 1: уголь и зола в заполнении погребения зачастую перемешаны с кальцинированными костями. К ней относится 6 могил (5 – варианта 1, 1 – варианта 3; Лебяжье – 4, Картамышево-2 и Княжий – по одному).

Разновидность 2 – 7 погребений (6 – варианта 1, 1 – варианта 6; Лебяжье – 3, Княжий – 1, Картамышево-2 – 3).

Разновидность 3 – 4 погребения (3 – варианта 1, 1 – варианта 4; Лебяжье – 3, Картамышево-2 – 1).

Как и для урновых, среди смешанных резко преобладают захоронения варианта 1; т.е. с одной урной, стоящей на днище. В отличие от урновых, в большинстве погребений в том или ином виде присутствуют остатки погребального костра.

Для **безурновых захоронений** (их – 104 или 62%) ***варианты*** следовало бы выделить по способу помещения костей в могилу: в скоплении или дисперсии. К сожалению, в документации этот признак указывается далеко не всегда. Можно лишь констатировать, что на колочинских могильниках имеются захоронения обоих вариантов, однако выяснить, какой из них встречается чаще, не представляется возможным.

При определении разновидностей деление на первую и вторую лишено смысла. Если кости рассеяны по яме, то выяснить, были ли они очищены от остатков костра, когда последние имеются в заполнении могилы, невозможно. Только в одном случае указано, что среди костей золы и угля не было, а в заполнении они присутствовали. (Лебяжье, погр.74).

Разновидность 1-2: среди костей и (или) в заполнении ямы встречены зола и уголь. Всего – 68 погребений (Лебяжье – 27, Княжий – 4, Усох – 7, Смяч – 3, Картамышево-2 – 27).

Разновидность 3: 26 погребений (Лебяжье – 24, Картамышево-2 – 2).

Захоронения с углем и золой, таким образом, наиболее характерны и составляют 72% от общего числа погребений III типа, для которых можно определить разновидность.

При описании количества кальцинированных костей в документации обычно указывается 2 градации: "много" или "единичны". Погребения с небольшим количеством кальцинированных костей для урновых составляют 8%, для смешанных – 13%, для безурновых разновидности 1-2 – 15%, разновидности 3 – 15%. Не исключено, что погребения с единичными костями являлись детскими. В трех случаях в захоронениях 3-го типа отмечено по 2 скопления костей.

Глубина могильных ям редко превышает 0,9 м. Как правило, она бывает гораздо меньшей: от 0,2 до 0,5 м. По размерам ямы делятся на два типа. К первому относятся круглые диаметром не более 0,9 м (обычно 0,5-0,7 м) или более редкие овальные такой же длины. Ям первого типа – подавляющее большинство. Во второй включены овальные ямы длиной 1,1-1,35 м и шириной 0,8-1

м. Их всего - 6(5 - в могильнике Лебяжье, 1 – в Картамышево). Две из них содержат урновые захоронения, остальные – безурновые.

Как правило, погребальные ямы не отмечены какими бы то ни было дополнительными конструкциями. Исключения известны лишь на могильниках Картамышево-2 и Лебяжье, это – погребения на площадках. В Картамышево-2 исследовано 7 таких площадок. Все они имели прямоугольную форму. Их размеры варьировали от 2,1x1,15 до 3,9x2,9 м. Сооружения окружены канавками, в основании которых читались следы от столбов, т.е. площадки огораживались какими-то деревянными конструкциями, имевшими иногда разрывы – места входов. В пределах ограды совершалось от одного до трех захоронений, детали устройства которых, а также форма и глубина погребальных ям вполне типичны для прочих погребений могильника.

В Лебяжьем исследованы 2 площадки меньших размеров (соответственно, 1,4x0,9 и 1,05x1,05 м) округлой формы без частоколов по периметру. На каждой из них совершено по одному захоронению. Границы сооружений были определены по пятнам плотного сцементированного песка.

Своеобразна, также, общая яма захоронений 70 (урнового) и 70а (безурнового) в Лебяжьем. Она имела прямоугольную форму и размеры 2x1,75 м. Это сооружение представляло собой, видимо, "углубленный вариант" картамышевских площадок.

Необходимо отметить еще одну деталь колочинского погребального обряда. На могильнике Картамышево, среди остатков сожжений встречены обгоревшие кости животных (в семи погребениях). Остеологические определения, правда, производились только для этого могильника.

На юге колочинской территории, таким образом, из безкурганных захоронений наиболее широко распространены **ямные (62%),** в меньшей степени **урновые (28%)**. На третьем месте находятся **смешанные захоронения (10%)**. Близкое соотношение типов погребений наблюдается в Лебяжьем (65,23,12%) и в Картамышево-2 (60, 29, 11%), относительно похожее - в Усохе (83, 17, 0%), прямо противоположное – в Княжьем (23, 65, 12%). На могильнике в устье Смяча вообще нет урновых и смешанных захоронений. Различия эти могут объясняться как локальными и хронологическими особенностями, так и разной степенью изученности могильников. Последнее более вероятно. Княжий, Усох и Смяч явно исследованы не полностью. В Смяче на это указывает сам план раскопа, где часть захоронений расположена вдоль его борта.

Из **погребального инвентаря** наиболее часто встречаются обломки сосудов (либо единичные, либо, если черепков много, то от разных горшков). Иногда, но не всегда, керамика бывает обожжена вторично. Чаще всего черепки встречаются в захоронениях 3-го типа (в 54% погребений разновидности 1-2 и в 73% третьей), в погребениях первого и второго типов - в виде исключения (соответственно, 1 и 2 случая). В известном смысле наличие обломков сосудов можно считать характерной деталью погребального обряда безурновых сожжений.

Сосуды-приставки (целые, без кальцинированных костей) в колочинских погребениях сравнительно редки. Чаще всего они (в количестве не более одного) встречаются в урновых захоронениях (11%) реже – в безурновых (6%), в виде исключения – в смешанных (1 случай).

Прочий инвентарь, в том случае, если предметы встречаются не по одному, не составляет статистически устойчивого набора видов изделий. Вероятно, это объясняется тем, что большая часть вещей находилась вместе с покойником на погребальном костре, а в погребения клали лишь то, что не было полностью уничтожено. В описаниях отмечаются следы воздействия огня на многие изделия. Встречаются вещи и не побывавшие в костре. Видимо, они представляли собой символические дары. Многие предметы, при этом, сломаны еще в древности.

По своему назначению вещи, попадающие в могилы, различны. Это – бытовые предметы (пряслица, ножи, куски кремня, возможно, служившие кресалами), оружие (наконечники копий), украшения (фибула, бусы, детали поясной гарнитуры, кольца, браслеты). Вещи встречены в 27% урновых погребений, 35% смешанных, 24% безурновых разновидности 1-2 и в 50% урновых без остатков костра в могиле.

На юге колочинского ареала известны 2 раннесредневековых **курганных** могильника: Кветунь и Артюшково. Первый из них исследовался в 1957-1959, 1961-1962 гг. Л.В.Артишевской, которая опубликовала предварительные сведения о раскопках в 1963 г. На территории памятника она выделила курганный могильник, состоящий из двух групп (северной и южной), и грунтовый, расположенный к северу от курганов [Артишевская 1963]. Дата всего комплекса определялась в рамках 5-7 вв. К материалам Кветуни впоследствии обращались многие исследователи. Некоторые из них, например П.Н.Третьяков и О.В.Сухобоков, приняли трактовку Л.В.Артишевской, другие (Е.А.Горюнов, Р.В.Терпиловский, Н.С.Абашина) высказывали сомнения в ее правоте. Нам придется проанализировать заново информацию о Кветуньском комплексе, поскольку этот памятник имеет принципиальное значение не только для реконструкции погребального обряда, но и для определения хронологии южного колочина. Помимо изделий, укладывающихся в диапазон бытования колочинских древностей (железной пряжки и круглой плоской накладки: рис.94:*2,5*), отсюда происходит серия предметов, явно выходящих за их хронологические рамки: вещи круга восточноевропейских эмалей и подвязная фибула позднеримского времени, бронзовая ажурная пряжка 8 в. (рис.94:*1,2,4,6,7*). Кветуньский комплекс, таким образом, должен включать в свой состав объекты разных периодов. Сложность состоит в том, чтобы их вычленить.

Документация по Кветуни, к сожалению, не полна: отсутствуют отчеты за 1961-1962 гг. При просмотре прочих возникают четыре вопроса:

1) одновременны ли захоронения под курганами насыпям?

2) все ли подкурганные погребения (по Л.В.Артишевской) действительно были захоронениями или представляли собой остатки объектов другого назначения?

3) существовал ли в действительности грунтовый могильник к северу от курганов?

4) действительно ли курганы относятся к одному культурно-хронологическому этапу или последних было несколько?

Л.В.Артишевская отмечает, что насыпи, состоящие из песчаного грунта, сильно оплыли, т.е. они перед началом раскопок имели больший диаметр, чем в древности. Тем не менее, известно 5 случаев, когда подкурганные захоронения лишь частично попадали в границы насыпи, а частью выходили за ее пределы (яма 5 кургана 2, яма 2 кургана 3, яма 1 кургана 21, яма 2 кургана 28, яма 4 кургана 30) [Артишевская 1958, с.25; Артишевская, 1959, с.4,6,7,9,11,12].

По данным отчетов, насыпи курганов как северной, так и южной групп по стратиграфии близки и состояли, как правило, из двух слоев: верхнего светло-серого супесчаного и нижнего "темного мешаного". Последний иногда читался в виде отдельных пятен. Погребальные ямы и прочие углубленные в грунт объекты прослеживались на поверхности материка, т.е. ниже темного слоя. В большинстве курганов в основании насыпи, помимо ям с остатками сожжений, были обнаружены кальцинированные кости, черепки (и те и другие иногда в скоплениях), пятна угля и золы (курганы V, VI,VII, VIII, 36,1,9,31,3,26,17). По описаниям и чертежам можно заключить, что эти скопления и пятна перекрывали "мешаный слой" (если он был), находились в верхней его кромке или залегали выше материковых ям. Особенно наглядно это продемонстрировано в документации курганов VI,3,9,17 и 31 [Артишевская 1957, с.19; 1959, с.5,6,13,22]. Учитывая это обстоятельство, а также то, что часть погребальных ям с насыпями курганов не совпадала, можно высказать предположение, что т.н. "мешаный слой" и сооружения на материке являются остатками более древнего, чем курганы памятника.

Погребальные ямы, по всей видимости, непосредственного отношения к курганам не имеют. Каким же способом, в таком случае, хоронили в курганах? Ответ на этот вопрос предоставляет могильник Артюшково. Культурный слой I тыс.н.э. на этом памятнике отсутствует, т.е. это – чистый случай. Во всех пяти исследованных курганах наблюдается совершенно одинаковый способ размещения остатков сожжения, которое производилось на стороне. Кальцинированные кости и черепки от сосудов были рассеяны по насыпи, иногда образуя скопления в ее верхней части или в основании. Под насыпью лишь одного из курганов (N5) была прослежена прямоугольная яма, но в ее заполнении кальцинированных костей было очень мало [Енуков 1994, с.6-12].

Аналогичным образом были совершены захоронения в большинстве курганов Кветуни: кальцинированные кости в дисперсии, образующие иногда скопления, керамика в скоплениях и разбросе, уголь, зола, углистые пятна зафиксированы в светло-серых слоях подавляющего большинства насыпей. По всей видимости, именно этот обряд и типичен для южных колочинских курганов. Здесь же в насыпи были найдены и вещи периода раннего средневековья: бронзовая круглая бляшка в кургане 10 и железная пряжка в кургане II (рис.94:*3,5*), серия бытовых предметов.

Существовала, видимо, и другая разновидность погребального ритуала: это захоронения в верхней части насыпи. Л.В.Артишевская считает их впускными, в чем, однако,полной уверенности нет. Ямы этих погребений недостаточно отчетливо прослеживались. Таких случаев известно 3 (курганы I, 9 и 28) [Артишевская 1957, с.5-7; 1958, с.22; 1959, с.8]. В первых двух "впускные" погребения встречены на вершине кургана под дерном, наличие в насыпи остатков сожжений не отмечено.

От всех прочих по ритуалу захоронения резко отличаются два кургана: 1 и 21. Документация не оставляет сомнений, что в обоих случаях сожжение было произведено на месте (обширные пятна угля, разброс кальцинированных костей на горизонте и т.п.) [Артишевская 1958, с.18,19; 1959, с.24; 1963, с.92]. В кургане 1, вероятно, был разложен обычный костер, а в кургане 21 горела прямоугольная погребальная камера, от которой остались канавки и следы от столбов. Между костей в кургане 1 обнаружена ажурная бронзовая пряжка (рис.94:*4*).

В принадлежности кургана I колочинскому кругу древностей имеются сомнения. Л.В.Артишевская указывала на то, что на кострище была найдена, кроме обычной груболепной, керамика иного облика: тонкостенная со слегка подлощенной поверхностью. Эта керамика, по ее наблюдению, близка к посуде расположенного в Подесенье Владимирского городища конца I тыс.н.э. [Артишевская 1958, с.19]. Курган 1, видимо, относится к волынцевскому или роменскому периоду.

Насыпи курганов в Кветуни перекрывают не только захоронения в ямах, но и объекты иного рода. Во всех 8-ми ямах курганов I, II и III кальцинированные кости отсутствовали, а в двух ямах курганов IV и VIII они – единичны, причем в одной из них найден какой-то, вероятно, производственный, шлак. В насыпях этих сооружений попадалась обожженная глиняная обмазка, что характерно не для могильника, а для слоя поселения. Причем южнее кургана VIII обмазка не встречалась (рис.94) . Под курганами III и IX прослежены скопления печины, которые сама Л.В.Артишевская трактует, как остатки очагов. "Кострище" под насыпью кургана III [Артишевская 1963, с.89] по отчету представляло собой подпрямоугольное пятно размерами 3,6х4,0 м с боковым выступом, которое по плану чрезвычайно напоминает жилище. В его заполнении обнаружены лишь отдельные угольки, зато - много обмазки [Артишевская 1957, с.12]. Перечисленного вполне достаточно, для утверждения о том, что на северной окраине могильника курганы перекрывают более раннее поселение. С этим селищем и связано большинство вещей позднеримского времени: перекладчатая фибула обнаружена вместе с керамикой в одной из ям под курганом III, ножка фибулы того же типа – в насыпи (вероятно, в переотложенном состоянии) кургана I, подвязная фибула – в культурном слое вне курганов раскопа I П.Н.Третьякова (рис.94:1). Но между последним и курганами вклинивается "грунтовый могильник" Л.В.Артишевской. Посмотрим, существовал ли он в действительности.

К числу погребальных Л.В.Артишевская относит 27 ям в траншеях 2,7,8 [Артишевская 1958,с.5-14]. Здесь же прослежен слой гумуса толщиной 18-20 см, в котором обнаружены "беспо-

рядочно разбросанные" черепки и пятна угля. Из 27 ям две имеют колоковидную форму, типичную для погребов поселений, в 15-ти отсутствуют кальцинированные кости. Из прочих по 1-2 кости было в 4-х ямах, 4 – в одной, 10-12 – в одной и "несколько" – в 6-ти. Таких ям, как под курганами, где в большинстве случаев костей было довольно много, на территории "грунтового могильника" нет. В ямах раскопов П.Н.Третьякова кальцинированные кости отсутствовали. Сам П.Н.Третьяков описывает эти объекты, как типично поселенческие [Третьяков 1963, с.18-21]. Трактовка ям в траншеях Л.В.Артишевской, как погребальных, в этой связи более чем сомнительна.

Для того, чтобы окончательно разобраться в материалах Кветуни, требуются новые раскопки памятника. Отчетная документация, тем не менее, позволяет заключить, что в северной части курганного могильника и к северу от него находилось поселение, по-видимому, киевской культуры, а южнее – грунтовый могильник, на территории которого исследовано 23 ямных погребения, 1 смешанное и погребальная площадка (под курганом 17). К какому времени относятся эти захоронения, сказать трудно. Не исключено, что они – также колочинские, но более ранние, чем курганы, судя по тому, что керамика из ям и насыпей, по описаниям Л.В.Артишевской, практически, одинакова. С другой стороны, вполне вероятно, что этот могильник начал функционировать гораздо раньше, в позднеримское время, о чем, вроде бы, свидетельствует крестообразная бляшка с эмалью из кургана 12 южной группы. По последнему, правда, отсутствует документация, поэтому выяснить условия залегания этой находки невозможно. Большинство курганов относится к колочинскому периоду за исключением кургана 1, который явно более поздний.

Проблемы происхождения, хронологии и периодизации

Вопрос о происхождении колочинской культуры относительно неплохо исследован для южных регионов ее распространения и совершенно не изучен для территории Белоруссии. Для Подесенья Е.А.Горюновым и Р.В.Терпиловским доказана генетическая связь колочинских древностей с киевскими деснинского варианта по набору форм сосудов, конструкции жилищ и некоторым характерным бытовым предметам (например, формам пряслиц) [Горюнов 1981, с.5-35; Терпиловский 1984, с.73-78]. В Подесенье колочинские памятники не составляют особой культурной общности, а представляют собой более поздний хронологический этап местного варианта киевской культуры. Специальные исследования О.В.Петраускаса подтвердили высказывавшееся ранее мнение о том, что колочинский погребальный обряд эволюционирует из киевского [Петраускас 1993].

В регионах, ранее занятых населением, оставившим киевские памятники сейминско-донецкого варианта, а также черняховские (лесостепная часть Сумской и Курской обл.) преемственности между древностями позднеримского времени и колочинскими не наблюдается. Тем не менее, установлено, что распространению колочинской культуры на восток и юго-восток предшествует появление на этой территории населения, связанного по происхождению с Подесеньем – Средним Посеймьем. Им были оставлены такие памятники, как Беседовка, Курган-Азак, Песчаное и ряд других. Смешение деснинских и сейминско-донецких традиций материальной культуры прослеживается на позднекиевском поселении Каменево-2 под Курском. Комплекс находок селища Сенча свидетельствует о том, что миграция деснинского населения затронула даже Среднее Посулье.

Более-менее отчетливо дата этой миграции устанавливается только для верховьев Сейма и Псла. Соотношение хронологических индикаторов поселения Тазово (местной традиции), Каменево-2 и Песчаное (деснинской) показывает, что проколочинское население появляется здесь в конце 4 – начале 5 в. Из слоя Кургана-Азака происходит более ранняя фибула первой половины – середины 4 в. Датирующие вещи на селищах Сенча и Беседовка (если не считать черняховской гончарной керамики) отсутствуют. Их финальная для римского времени дата устанавливается по типологическим соображениям [Обломский 1991, с.119-123; 1994, с.50-53; 1995; Терпиловский, Левченко 1994, с.64-66].

Периодизация колочинской культуры в настоящее время отсутствует и вряд ли будет предложена в ближайшем будущем, поскольку документированных комплексов, которые позволяли бы определить взаимосвязь различных форм сосудов и других предметов, очень мало. Сведения об абсолютной хронологии колочинских памятников по датирующим вещам изложены ниже в специальном разделе.Судя по этому своду, пока нет никаких оснований утверждать,что колочинская культура в южной части её ареала продолжает существовать после периода использования населением Поднепровья пальчатых фибул и геральдической поясной гарнитуры, т.е. тех украшений, которые составляют основу ранних кладов круга "древностей антов". В Подесенье,Посеймье и на севере лесостепи на смену колочину приходят памятники круга Сахновки-Волынцево [Горюнов 1981,с.82-92; Приймак 1994,с.31-40], в керамическом комплексе которых прослеживаются лишь отдельные колочинские традиции, затухающие с течением времени.

[1] *Из постройки 3 происходит 13 форм, пригодных для типологического определения. В других объектах керамики значительно меньше.*

2. Пеньковская культура

История исследования

Концепции тех исследователей, у которых пеньковские древности фигурируют наряду с колочинскими в общих теориях славянского этногенеза или реконструкциях этнокультурного процесса в Восточной Европе в I тыс.н.э., изложены в предыдущем разделе. Ниже мы остановимся на работах лишь тех авторов, которые специально занимались изучением средневековой археологии

юга лесостепи, не затрагивая проблем более северных регионов.

Группа памятников у с.Пеньковки была исследована Д.Т.Березовцом в 1956-1959 гг. Материалы этих раскопок опубликованы им в 1963 г. В этой же работе были изложены основные положения интерпретации выделенного автором пласта древностей, намечена "генеральная линия" развития керамического комплекса, определен круг памятников, аналогичных пеньковским (по преимуществу, путем привлечения находок А.В. Бодянского из Надпорожья).

Памятники пеньковского типа (термин Д.Т.Березовца) существовали в интервале от 5-7 - до конца 8-9 вв. [Березовец 1963, с.146,190]. Для наиболее ранних из них характерна лепная керамика без орнамента, иногда с валиком под венчиком, для более поздних - керамика с насечками и пальцевыми вдавлениями по венчику. Появляется раннегончарная посуда. В качестве импорта в поздних комплексах присутствует посуда салтовского круга (в числе центров производства названы Пастырское и Кацирка), но это - эпизодическое явление [Березовец 1963, с.189-190].

Пеньковские памятники представляют собой "стерильную прослойку" древностей между черняховскими и древнерусскими. В сложении пеньковки участвовали остатки черняховского населения наряду с более северными славянскими племенами [Березовец 1963, с.208]. Древности круга пеньковки принадлежали летописному племени уличей. Позже Д.Т.Березовец опубликовал сводку погребений 5-9 вв. Потясминья [Березовец 1969].

Исследования в районе с.Пеньковки, еще до издания, привлекли пристальное внимание специалистов. Необходимо было очертить ареал древностей близкого типа, четче определить составляющие их археологического комплекса. Публикации Д.Т.Березовца не дали, кроме того, ответа на вопрос, относятся ли памятники у с.Пеньковки к одной и той же археологической культуре (пусть даже к разным ее этапам) или эти поселения и могильники состоят из разнородных комплексов, демонстрирующих смену населения в регионе? Как бы "за кадром" остался вопрос о соотношении пеньковских древностей и средневекового слоя Пастырского городища. Украшения круга" древностей антов", с другой стороны, вроде бы определенно увязывались с пеньковскими материалами. Все это послужило причиной того, что в 1960-х - начале 1970-х гг. появляется серия новых публикаций древностей, близких пеньковским (см.работы этого периода А.В.Бодянского, А.Т.Смиленко, В.П.Петрова, Л.М.Рутковской и ряда других исследователей). В это время высказывается мнение о принадлежности пеньковских памятников антам [Третьяков 1966, с.247], которое становится весьма популярным в 1970-е гг. [Седов 1970, с.68,69; Сміленко 1975, с.100-103; Русанова 1976, с.111-112]. Некоторые авторы, правда, по разным причинам сомневались в справедливости этого утверждения (И.И.Ляпушкин, М.Ю.Брайческий, М.И.Артамонов, см. ниже). Предпринимаются первые попытки культурно-хронологического расчленения раннесредневековых материалов лесостепного Поднепровья. Так Л.М.Рутковская на поселении Стецовка выделила 2 горизонта: с лепной керамикой, который можно считать,собственно, пеньковским, и более поздний, с гончарной керамикой типа Канцирки и Пастырского [Рутковская 1974].

В 1970-е гг. появились первые работы, ставящие задачу обобщения пеньковских материалов Поднепровья.

А.Т.Смиленко в своей монографии исходила из представления о единстве раннеславянских памятников 6-8 вв. по наличию на них грубой лепной и гончарной (на позднем этапе) керамики, близости типов жилищ и погребального обряда. Пеньковские материалы рассматривались ею как локальное проявление общеславянского типа древностей. Собственно пеньковской она считала культуру населения Среднего Поднепровья и Надпорожья.Западнее этого региона (вплоть до Днестра) и восточнее (на Днепровском Левобережье и в бассейне Северского Донца) распространены памятники "с пеньковскими чертами" [Сміленко 1975, с.69-83]. Пеньковские древности датируются 5–7/9 вв. [Сміленко 1975, с.96-101]. Их подосновой являются черняховские памятники лесостепи [Сміленко 1975, с.58-68]. Позже А.Т.Смиленко несколько изменила свое мнение. В последних своих статьях она указывает, что в формировании пеньковской культуры приняли участие группы как "позднезарубинецко-киевского", так и "черняховского" населения, но роль последнего в этом процессе была весьма значительной [Сміленко 1994, с.68-72].

А.Т.Смиленко приводит характеристики набора сосудов пеньковского типа, домостроительства, комплекса орудий труда, рекострукцию ремесел, промыслов, общественных отношений. Работа А.Т.Смиленко, фактически, была первой попыткой комплексного описания пеньковских древностей.

К сожалению, эта попытка оказалась не слишком удачной по целому ряду причин. Пеньковский тип памятников воспринимался А.Т.Смиленко в широких хронологических рамках, так же, как и Д.Т.Березовцом, т.е. вплоть до комплексов с гончарной преддревнерусской посудой и лепной керамикой круга Луки-Райковецкой. Аргументация в пользу принадлежности наиболее ранних комплексов (типа Молочарни) и поздних (круга Макарова острова) к единой культуре в работе А.Т.Смиленко отсутствует.

Типология лепной керамики, т.е. того самого материала, преимущественно на основе которого и был выделен пеньковский тип памятников,в монографии А.Т.Смиленко дается на уровне функциональных категорий сосудов. Типы форм горшков охарактеризованы в самом общем виде ("баночные", "биконические" и т.п.). Естественно, что все обобщения, сделанные при помощи такой типологии, требуют дополнительного подтверждения. Пастырское городище рассматривается, как одно из пеньковских поселений, но имеющее особый характер административно-ремесленного центра. При этом лепная пастырская кеарамика не сопоставляется с пеньковской.

Задачу "кодификации" пеньковских древностей ставила перед собой и И.П.Русанова [Русанова 1976, с.87]. В ее монографии предложена первая, более-менее строгая типология пеньковской керамики, сделана попытка вычленить "собственно пеньковское" ядро на средневековых памятниках Поднестровья - Поднепровья и определить роль привнесенных элементов. Пеньков-

скими, как таковыми, И.П.Русанова считала древности, сочетавшие округлобокую сильнопрофилированную и биконическую керамику, украшения "антского" круга, овальные или не вполне "правильные" в плане прямоугольные жилища-полуземлянки с очагами внутри, урновые и безурновые трупосожжения и трупоположения [Русанова 1976, с.98].

Собственно пеньковское население состояло из потомков черняховских племен Верхнего Поднепровья, Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, удержавшегося в лесостепи после драматических событий конца 4 в. [Русанова 1976, с.103-112]. С течением времени на пеньковских памятниках возрастает доля элементов культуры Корчак и Луки Райковецкой: местное антское население ассимилируется пришлым славянским. Развитие осложняется наличием на пеньковских памятниках элементов культуры кочевников алано-болгар (юртообразных построек, некоторых типов лепных сосудов, пастырской гончарной керамики) [Русанова 1976, с.101]. Монография И.П.Русановой завершила начальный этап изучения пеньковской культуры. Фактически, это исследование явилось попыткой "разложить по полочкам" то, о чем говорили и писали раньше, но без должной аргументации. Многие предположения автора требовали проверки на новом материале, некоторые выводы подверглись впоследствии критике, в особенности тезис о генетической связи пеньковского и черняховского населения и идея о своеобразии "собственно пеньковского" домостроительства. Нам они также представляются ошибочными. Тем не менее, общее направление этнических процессов в восточноевропейской лесостепи в период раннего средневековья И.П.Русановой было намечено верно, что чрезвычайно важно. Именно в этом и заключается позитивный смысл ее работы.

Оригинальностью отличается концепция истории Среднего Поднепровья в 5-8 вв., предложенная М.И.Артамоновым. По его представлениям древности пеньковского типа, материалы Пастырского городища и "антские" клады составляют определенное единство и являются компонентами особой пастырской культуры, охватывавшей территорию от устья Дуная до Днепровского Левобережья [Артамонов 1969, с.2-7; 1990, с.274]. Пеньковские поселения трактуются, как сезонные стойбища кочевников, административным и ремесленным центром которых было Пастырское городище [Артамонов 1974, с.249]. Погребальный обряд пастырского населения был биритуальным: вещи круга антских кладов встречены как в трупосожжениях, так и в трупоположениях. Пастырский набор украшений отличается от древностей степи (типа Малого Перещепина, Вознесенки и Глодос), пеньковская керамика не имеет отчетливо выраженного сходства ни с северной балтской круга Колочина-Тушемли, ни с западной корчакской, которая принадлежала славянам [Артамонов 1990, с.278,279]. Пастырское городище и пеньковские памятники оставлены болгарами-кутригурами, которые представляли собой смешанное население лесостепи, подвергшееся тюркизации. Клады типа Мартыновского и Харьевского были закопаны в землю в конце 7 – начале 8 в. во время войны между хазарами и болгарами, в ходе которой кутригуры потерпели поражение и частично отошли с Аспарухом на Дунай, а частично – на север в леса среднеднепровского Левобережья [Артамонов 1990, с.276,277]. Потомками кутригуров в этом регионе является население волынцевской культуры. Эта идея аргументирована ссылками на сходство предметов из ранних (мартыновских) и поздних (пастырско-харьевских) кладов, на близость традиций пастырского и волынцевкого гончарства, на общее подобие пеньковских и волынцевских трупосожжений [Артамонов 1974, с.253].

Разгром кутригуров завершают славяне, которые в 8 в. занимают их территорию, т.е. Среднее Поднепровье и Днепровское лесостепное Левобережье. К этому времени относится формирование роменской культуры [Артамонов 1990, с.277].

Археологическая сторона концепции М.И.Артамонова строится на нескольких весьма спорных основаниях: на противопоставлении пеньковского и колочинского археологического комплекса, признании близости пеньковской керамики и лепной посуды Пастырского городища, трактовке пеньковских поселений, как стойбищ кочевников. К сожалению, специальные разработки этих вопросов в трудах М.И.Артамонова отсутствуют. Как мы покажем ниже, даже с учетом современных данных, трактовка их может быть неоднозначной. Фактически, никак не аргументируется и идея о хазарской экспансии на территории лесостепного Поднепровья в конце 7 в. Действительно, по историческим источникам известно, что войны между болгарами и хазарами были, но в какой степени зона именно этих военных действий охватывала лесостепь и юг лесной зоны, не ясно. Источники об этом молчат. О том, что какие-то катаклизмы на этой территории происходили, свидетельствует археология: закапываются клады. Но этих катаклизмов было, как минимум, два: "антские" клады делятся на две группы,не считая нескольких подгрупп. Пастырские комплексы относятся не к первой, а ко второй группе [Щеглова 1990, с.173-179], т.е. средневековое поселение на городище было разрушено не в ходе столкновений, которые можно датировать второй половиной 7 в., судя по составу кладов мартыновского круга, а несколько позже. Вопрос о том, какая из этих войн связана с хазарской экспансией, и повлияла ли эта экспансия на ситуацию в лесостепи уже в конце 7 в., требует специального исследования.

Внутреннюю противоречивость своей позиции, видимо, сознавал и сам М.И.Артамонов. Так, например, он писал, что следов пребывания хазар в лесостепном Левобережье не обнаружено, а клады с вещами пастырских типов не все зарыты в одно и то же время. Чтобы ликвидировать это противоречие, была предложена несколько искусственная конструкция: хазары начали войны с населением Левобережья, но "добили" его славяне по поручению хазар [Артамонов 1990, с.276,277].

Цикл работ, посвященных антским древностям 6-7 вв. принадлежит М.Ю.Брайчевскому. В основных чертах концепция исследователя сформировалась в середине 1950-х гг. Согласно ей, лакуны между черняховскими и преддревнерусскими древностями не существует. Она заполняется "позднечерняховскими" памятниками 6-7 вв. (или начала 7 в.) [Брайчевский 1953, с.32,33]. Пас-

тырский клад 1949 г. является промежуточным звеном развития восточнославянского ювелирного искусства от мартыновской стадии к роменскому периоду (Полтавский клад 1905 г.) [Брайчевский 1952, с.44,45].

В последних работах М.Ю.Брайчевского, фактически, излагается та же самая идея. Антское общество прошло в своем развитии несколько этапов. Из них третий и четвертый (270-451 гг.), время образования "Антского царства" в Восточной Европе, приходятся на черняховский период, пятый (451-568 гг.) – на время высшего расцвета черняховской культуры. Последняя исчезает лишь на седьмом этапе антской истории (635-744 гг.). В это же время формируются пастырские древности, продолжающие черняховские традиции [Брайчевський 1994, с.15,16]. Пеньковская культура, которую многие исследователи считают принадлежащей антам, является "удивительной фикцией украинской археологии" [Брайчевський 1991, с.124]. Единой культурой М.Ю.Брайчевский ее не считает. Она распадается на ряд этапов. Из них первый (конец 6 – начало 7 в., Молочарня) относится к позднечерняховской культуре, второй (7-8 вв., Луг I и II) – к пастырской, третий (8-9 вв., Макаров остров) – к преддревнерусской. Памятники района с.Пеньковки - временные поселения, специализирующиеся на рыболовстве и различных промыслах. "Они в такой же степени не могут представлять славянскую культуру 6-7 вв., как глухие полесские села – украинскую культуру XX в." [Брайчевський 1991, с.125].

Основные положения теории М.Ю.Брайчевского весьма спорны, что вполне отчетливо осознает и сам автор, постоянно вступающий в дискуссии то с Г.Ф.Корзухиной, то с Д.Т.Березовцом, то с В.Д.Бараном, В.В.Седовым и другими исследователями. Конкретный типологический и хронологический анализ археологических материалов в трудах М.Ю.Брайчевского отсутствует. Это относится в равной степени и к передатированию черняховской культуры, и к противопоставлению Молочарни и Луга I,II, и к объединению в общий культурный тип Луга I и II со средневековыми пастырскими материалами, и к утверждению о генетической преемственности черняховских и пастырских древностей. Показательно, что критикуя выделение пеньковки в качестве археологической культуры, М.Ю.Брайчевский рассматривает основные положения лишь "расширительной концепции" Д.Т.Березовца, которая действительно весьма уязвима, но обходит вниманием работы О.М.Приходнюка, М.М.Казанского и Е.А.Горюнова, разделивших комплексы памятников у с.Пеньковки на серию культурно-хронологических горизонтов и вычленивших "собственно пеньковское" ядро. До публикации всей системы археологических аргументов, рекострукция исторических процессов на территории юга Восточной Европы, предложенная М.Ю.Брайчевским, не может быть принята.

В конце 70-х – 90-х гг. появилась серия статей и монографических исследований, где пеньковские древности рассматриваются на определенных территориях, как правило, в контексте развития археологических культур региона [Горюнов 1981; Приходнюк, Казанский 1978; Приходнюк 1980; Любичев 1994]. Попытка обобщить все пеньковские материалы от Дуная до Северского Донца была предпринята О.М.Приходнюком [Приходнюк 1985]. Эти работы отличает конкретность описания памятников и комплексов находок и попытка дать более-менее строгие классификации всех элементов, составляющих пеньковский тип древностей (керамики, построек, украшений, орудий труда и т.д.), а также внимание к хронологии как культуры в целом, так и отдельных ее этапов. Ряд частных вопросов рассмотрен в работах Р.В.Терпиловского, А.М.Обломского, Д.И. Левченко и некоторых других авторов. Все эти исследования характеризуют современный этап изучения пеньковской культуры со всеми его достоинствами и недостатками.

Общая характеристика пеньковской культуры Среднего Поднепровья приводится в трудах О.М.Приходнюка, Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца – Е.А.Горюнова и М.В.Любичева. Это избавляет нас от необходимости делать то же самое. Ниже мы рассмотрим лишь некоторые спорные вопросы источниковедения пеньковских древностей.

Основные черты материальной культуры: керамика и домостроительство

Пеньковский тип древностей был выделен по особенностям керамического комплекса и, отчасти, по элементам домостроительства. Как следует из историографического обзора, представление о наборе традиций, характерных для пеньковской культуры, у различных исследователей не адекватно. Обратимся, поэтому, к анализу **пеньковской керамики**.

Применительно к территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья существуют 4 системы классификации сосудов: И.П.Русановой [Русанова 1976], Е.А.Горюнова [Горюнов 1981], О.М.Приходнюка – в трех вариантах [Приходнюк 1980; 1985; 1990] и М.В.Любичева [Любічев 1994]. Типологические разряды всеми перечисленными авторами выделены, в основном, по форме сосуда, но учитываются, также, некоторые пропорциональные соотношения и особенности орнаментации. Большинство разрядов во всех системах совпадает между собой (см.таблицу), однако ни одну классификацию нельзя принять в качестве рабочей без оговорок. Так, у И.П.Русановой все ребристые горшки объединены в один вид А. Удачное, более дробное членение этой группы сосудов, лучше учитывающее особенности их формообразования, предложено Е.А.Горюновым и М.В.Любичевым. Наиболее четкое описание различий разрядов округлобоких горшков приводится Е.А.Горюновым, хотя в его классификации не выделен ряд форм, которые учтены О.М.Приходнюком и М.В.Любичевым. О.М.Приходнюк лучше прочих авторов типологий разработал классификацию мисок. Необходима, как нам кажется, система, обобщающая (или унифицирующая) все упомянутые классификации пеньковской керамики. Ее мы и предлагаем вниманию читателя.

ТАБЛИЦА 1. КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ПЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

И.П.Русанова	*Е.А.Горюнов*	О.М.*Приходнюк*			*М.В.Любичев*	*Тип по предлагаемой системе*
		1980	1985	1990		
Вид А	Вид 1,вар.1	Тип 1, подтипы 1 и 2			Тип 1, вид 2, вар.а	1
	Вид 1, вар.2	Тип 1, подтип 3			Тип 1, вид 1, вар.а	2
	Редкая форма				Тип 1, вид 1, вар.б	3
	Вид 1, вар.3	—	—	—	—	4
	—	—	—	—	Тип 1, вид 2, вар.б	5
	Вид 6	—	—	—	Тип 5	6
Вид Б	Вид 2, вар.2	Тип II			Тип 2, вид 3	7
—	Вид 2, вар.1	—	—	—	Тип 2, вид 1, вар.б	8
Вид В	—	т.IV	тип II/III		Тип 2, вид 2	9
Тип Корчак	Вид 3	т. III	т.V	т.VI	Редкая форма	10
Тюльпановидные	Вид 4/5	т. V	т. IV	т. V	Тип 3	11
—	Редкая форма	—	т. VII	т. VI	Редкая форма	12
Слабопрофилированные закрытые	Редкая форма	—	—	—	Тип 2, виды 4 и 5	13
Вид А	Вид 1, вар.1	т.VI	т. 2	т.VII	Вид 4	14
	Вид 1, вар.2	подтип 3			—	15
Вид В	Вид 2	—	т.3		Вид 3	16
Вид Б	Вид 3	т.VI	т.2		Вид 1, вар.а,б	17
—	Вид 4	—	—		Вид 2	18
Вид Г	—	т.VI, подтип 1, 5	т.1		Вид 1, вар.в	19
	диски, сковородки	диски, сковородки			диски, сковородки	20, 21
	кубки	кубки			кубки	22

Вся пеньковская посуда делится на 4 функциональные категории: горшки и корчаги, миски, диски и сковороды, а также миниатюрные сосуды. Сосуды первой категории по форме перегиба места наибольшего расширения тулова отнесены к двум видам.

Вид I - биконические с острым или сглажено ребристым переломом плеча. В рамках **вида I** выделено 6 типов.

1. ***Сосуды с прямыми стенками в верхней и нижней частях профиля. Венчики выделены***, отогнуты наружу. Максимальное расширение тулова приходится, как правило, на середину высоты (рис. 95:*1*).
2. ***Сосуды аналогичной формы, но венчик не выделен*** (рис.95:*3,4*).
3. ***Подобные сосуды, но наибольшее расширение тулова находится в верхней трети высоты*** (рис.95:*5*).
4. ***Венчик отогнут наружу, стенки выше ребра – прямые, ниже – выпуклые***. Перелом профиля может быть подчеркнут уступом (рис.95:*6,7*).
5. ***Венчик отогнут наружу, стенки в верхней части выпуклые, ниже ребра - прямые*** или слегка вогнутые (рис.95:*8,9*).
6. ***Биконические корчаги-зерновики*** с короткими массивными венчиками, под которыми часто находятся налепные валики (рис.95:*10*).

Вид II, в который объединяются **округлобокие сосуды**, делится на 7 типов.

7. ***Закрытые формы с отогнутыми наружу венчиками***. Стенки выше ***наибольшего расширения*** тулова, которое находится примерно ***на середине высоты***, выпуклые, ниже - прямые или слегка выпуклые (рис. 95:*11,12*). Диаметр венчика значительно превышает диаметр дна.
8. ***Аналогичные сосуды, но наибольшее их расширение приходится на верхнюю треть высоты*** (рис.95:*13*).
9. ***Горшки с прямыми или слегка выпуклыми стенками верхней или нижней части. Диаметры венчика и дна примерно равны. Наибольшее расширение приходится на середину высоты*** (рис.95:*14*).
10. ***Формы с коротким вертикальным или слегка отогнутым наружу венчиком, суженным горлом, наибольшим расширением в верхней трети высоты***, с прямыми или слегка выпуклыми стенками нижней части (близки т.н. "типу Корчак") (рис.95:*15*).

11. ***"Тюльпановидные сосуды", т.е. формы с наибольшим расширением по венчику, отогнутым наружу краем, слегка выпуклыми или прямыми стенками от шейки до плеча***, прямыми или слегка вогнутыми ниже плеча. Диаметр шейки меньше или равен диаметру плеча (рис.95:*16,21*).
12. ***Сосуды без венчика с выпуклыми стенками верхней части, загнутым внутрь краем***, выпуклыми (иногда почти прямыми) стенками нижней части (рис.95:*17*).
13. ***Слабопрофилированные закрытые сосуды, т.е. формы с отогнутым наружу изогнутым венчиком, стенками верхней части, имеющими неопределенную форму (могут быть слегка выпуклыми, почти прямыми или слегка вогнутыми, зачастую с разных сторон сосуда).*** Стенки нижней части - прямые или слегка вогнутые. Диаметр венчика равен или чуть меньше диаметра плеча, которое расположено в средней трети высоты (рис.95:*18*).

    Все миски разделены на 6 типов.
14. ***S-овидные ребристые формы с наибольшим расширением в верхней трети высоты.*** Венчик отогнут наружу (рис. 95:*19*).
15. ***Аналогичные сосуды с ребром на середине высоты*** (рис.95:*20*).
16. ***"Тазикообразные" миски в виде усеченного конуса с прямыми, наклоненными наружу стенками.*** Иногда они бывают изготовлены из обломков днищ горшков или корчаг (рис.95:*22*).
17. ***Округлобокие миски с S-образным профилем и отогнутым наружу венчиком*** (рис.95:*23*).
18. ***Округлобокие чашевидные сосуды со слегка выпуклыми стенками*** (рис.95:*24*).
19. ***Цилиндрические и биконические ребристые формы без выраженного венчика*** (рис. 95:*25,28*).

На пеньковских памятниках встречаются ***плоские диски (тип 20), сковороды с невысоким бортиком (тип 21), миниатюрные сосуды (тип 22),*** которые иногда называются кубками (рис. 95:*29*).

Как правило, пеньковская керамика лишена орнаментации. В виде исключения встречаются насечки на венчиках горшков (иногда, крестообразные, нанесенные ножом). Рельефный орнамент также редок, он представлен треугольными или прямоугольными в сечении валиками, которые находятся под венчиками биконических сосудов, налепами различных форм (вертикальными "дольковидными", в виде полумесяца или шишечек), которые обычно размещаются в верхней части горшка или корчаги.

Перечисленные типы сосудов в пеньковских комплексах имеют определенное соотношение. На поселениях Среднего Поднепровья превалируют ребристые формы, на втором месте находятся сильнопрофилированные округлобокие, на третьем - слабопрофилированные округлобокие (тюльпановидные закрытые типа 13, "корчакские", баночные с загнутым внутрь краем). Относительно редки миски [Приходнюк 1990, с.80]. Приблизительно, такое же соотношение форм наблюдается на поселении Хитцы, эталоном для Днепровского Левобережья [Горюнов 1981, с.72-74] и в Рябовке-3. Биконические горшки преобладают над округлобокими и на ряде селищ бассейна Северского Донца (Раковка-I, Зубовка, большинство объектов Богородичного) [Любічев 1994, с.67,68].

В настоящей работе пеньковскими мы считаем памятники с набором сосудов, соответствующим приведенной выше типологии. При этом основу керамического комплекса составляют биконические и округлобокие сильнопрофилированные горшки. Первая группа форм, как правило, распространена шире, чем вторая. Эта точка зрения находится в соответствии с работами О.М.Приходнюка и М.М.Казанского, а также Е.А.Горюнова и О.А.Щегловой, которые из общей массы древностей 5-8 вв. Среднего Поднепровья и лесостепного Левобережья выделили собственно пеньковские комплексы, по составу близкие к этому эталону, и инокультурные круга Сахновки-Луки Райковецкой для Среднего Поднепровья и типа третьего горизонта Хитцов для Левобережья (ранневолынцевские по терминологии О.А.Щегловой). Этот круг древностей отличается по набору форм сосудов и планировке жилищ от пеньковского и приходит ему на смену [Приходнюк, Казанский 1978; Приходнюк 1980, с.35-74; Горюнов 1981, с.64-89; Щеглова 1986, с.21-22].

Специально хронология пеньковских памятников будет рассмотрена в особом разделе. Необходимо оговориться, что наиболее ранние пеньковские комплексы относятся к 5 в.н.э. по находкам черняховской гончарной керамики и некоторых украшений, а финал пеньковской культуры датируют вещи, имеющие аналоги в антских кладах первой группы.

Некоторые исследователи высказывали мнение о частичном сосуществовании пеньковской и салтовской культур и о смешении оставившего их населения в пограничной зоне [Плетнева 1989, с.143,269; Афанасьев 1987, с.153]. До недавнего времени единственным прямым аргументом в пользу этого являлось наличие трупосожжений с лепной керамикой, которая интерпретировалась, как пеньковская, на салтовском Дмитриевском могильнике, а также некоторые стратиграфические наблюдения А.Г.Николаенко на памятниках Пососколья. Последние, правда, поскольку они сделаны по материалам разведок, привлекались в качестве дополнительных данных. Концепция о наличии контактов пеньковского и салтовского населения достаточно резко критиковалась А.З.Винниковым [Винников 1990, с.125, 126]. Новую попытку обосновать тезис о синхронности салтовских и поздних пеньковских древностей в бассейне Северского Донца предпринял М.В.Любичев.

На большей части левобережного ареала он датирует финал пеньковской культуры временем не позже конца 7 в. Исключение делается лишь для Харьковщины, где исследована серия комплексов, содержащих салтовскую и лепную пеньковскую керамику. На их основании выделен третий (поздний) этап пеньковской культуры, синхронный ранним салтовским памятникам [Любічев 1994, с.129-138]. Эту группу комплексов составляют жилища 8 и 9 Сухой Гомольши, I - Соколово, I - селища Нижний Бишкин-1, яма 5 и

скопление материала в центре раскопа поселения Тимченки, жилище 2 салтовского селища Пятницкое, керамика около "надворной" печи-каменки поселения Введенка [Берестнев, Любичев 1991, с.33-35; Любичев 1994а, с.88-91] и трупосожжения Дмитриевского могильника.

К сожалению, не все эти материалы опубликованы, однако даже та информация, которая о них имеется, заставляет поставить под сомнение пеньковскую принадлежность лепной керамики. Некоторые сосуды из построек 8 и 9 Сухой Гомольши, насколько можно судить по фрагментам, имеют ярко выраженный сахновский облик, т.е. резко отогнутый наружу венчик, расширение в верхней трети высоты, подчеркнутое сглаженным ребром, вдавления или насечки по краю венчика [Любичев 1994а, рис.3 N4-6; N 2,5,7], а один из горшков орнаментирован прочерченными кривыми линиями, что, как указывает М.В.Любичев, характерно для керамики кочевников 9-12 вв. [Любичев 1994а, с.91, рис.3 N5]. Некоторые сосуды из скопления материала на поселении Тимченки, также, имеют сахновскую профилировку и орнаментацию [Берестнев, Любичев 1991, рис.2 N8,12,18]. На селище Нижний Бишкин-1 фрагменты сахновских горшков найдены в яме 21 и культурном слое [Любічев 1994, табл.XXVIII N12; XXIX N4,5]. Лепная керамика из жилища 1 Соколово, откуда происходят и гончарные салтовские черепки, недостаточно выразительна для культурно-хронологического определения, но в этом сооружении прослежена глинобитная печь (так же, как и в постройках Сухой Гомольши). Печи подобной конструкции не характерны для левобережных пеньковских памятников, но весьма типичны для сахновских, волынцевских и более поздних жилищ.

В погребениях Дмитриевского могильника найдена не только лепная пеньковская и гончарная салтовская керамика. Из трупосожжения 2 происходит горшок, близкий к формам круга Сахновки и Луки Райковецкой [см. Плетнева 1989, рис.76], а в двух" тризнах" (14 и 19) обнаружены гончарные волынцевские горшки [Плетнева 1989, рис.76,77]. Сосуды, аналогичные пеньковским по форме и некоторым деталям орнаментации (например, по наличию налепного валика), действительно, есть на всех перечисленных памятниках, но своеобразие комплекса их лепной посуды заключается в комбинации, как минимум, двух традиций: пеньковской и сахновской, а Сухая Гомольша и Дмитриевка представляют собой еще более сложное явление. Как будет показано в разделе о генезисе ранних древностей волынцевского типа, в основе последних, кроме местного (пеньковского или колочинского) лежит и иной, западный по происхождению компонент, близкий культуре Луки Райковецкой и ее" сахновскому" проявлению на Днепре. Комплексы круга Шоссейного, верхних горизонтов Хитцов и Рябовки-3, третьей деснинской группы Е.А.Горюнова [Горюнов 1981, с.22,23] потому и объединяются в особый культурно-хронологический тип древностей Днепровского Левобережья, что их сложение не было бы возможно без участия переселенцев с территорий, лежащих к западу от Днепра, причем продвижение этого населения на восток существенно изменило ситуацию в Поднепровье (вплоть до Подесенья и водораздела Днепра и Дона). Доля местных и привнесенных элементов на разных памятниках может быть различной: в Шоссейном, например, явно преобладает сахновская традиция, в Рябовке-3 - пеньковская, в Хитцах и Приоскольском-2 (раскопки А.М.Обломского 1984, 1987 гг.) они образуют довольно причудливый сплав. М.В.Любичев, по нашему мнению, смешивает два разных понятия. Подчеркивая близость донецких памятников пеньковке, не стоит забывать о том, что появление новых традиций на столь обширной территории (от Днепра до Донца) обозначает начало формирования новой культуры. Мы считаем, что древности "третьего этапа пеньковки" по М.В.Любичеву, следует отнести к явлению, условно называемому "сахновский тип на Днепровском Левобережье" и ни в коем случае не отождествлять с пеньковской культурой.

Пеньковское домостроительство на территории Среднего Поднепровья достаточно полно описано в работах О.М.Приходнюка. Из объектов, с которыми связаны достоверно пеньковские комплексы находок, наиболее ранними являются подквадратные и прямоугольные полуземлянки с открытыми очагами или без следов отопительных сооружений. В некоторых постройках прослежены ямки от центральных столбов, внутренние ямы-погреба. Стены жилищ предположительно были срубными или опирались на столбы, стоявшие вдоль стен и по углам. На втором этапе развития пеньковской культуры в жилищах сооружаются печи-каменки. Показательно, что печь зафиксирована лишь в одной ранней постройке – жилище 2 Кочубеевки [Приходнюк 1980, с.21-25; 1990, с.77].

Определенная путаница, напротив, наблюдается в описании пеньковских левобережных традиций возведения жилых построек. Е.А.Горюнов, например, указывал, что для этого региона характерны постройки с открытыми очагами [Горюнов 1881, с.64], а М.В.Любичев считает хронологическим диагностом второго горизонта жилища с печами [Любічев 1994, с.36]. Имеются и некоторые противоречия в описании внутренней планировки построек. Для того, чтобы их устранить, обратимся к анализу имеющейся информации о пеньковских жилищах Левобережья. Из свода, который приводится ниже, исключены откровенно ранние объекты, которые датируются 5 в. по черняховским изделиям, и сооружения, синхронные им по стратиграфии (вроде постройки 9 Рябовки-3), как не имеющие отношения к нашей теме.

Пеньковский (по нашему определению) набор сосудов происходит из 25 жилищ Днепровского Левобережья (исключая долину Днепра) и бассейна Северского Донца. Теоретически все они могут быть отнесены к 6-7 вв. поскольку хронология пеньковской керамики не разработана, а узко датирующиеся вещи в составе комплексов находок из построек отсутствуют.

К числу этих сооружений относятся полуземлянка А Занков[1], постройки 1-3, 5,6 Богородичного[2], жилища 1 и 7 второго горизонта Рябовки-3, постройки 1-3,5 Богатого, 2-4 Чернеччины, 8 жилищ т.н. "раннего" и "среднего" горизонта Хитцов за исключением построек 6 и 9, откуда проис-

ходят фрагменты черняховской гончарной керамики и обломок костяного гребня. Все эти сооружения имеют прямоугольную форму, длину от 4,1 до 5,3 м и ширину от 3,1 до 4,5 м. Размеры квадратных построек составляли около 4х4 или 4,5х4,5 м. Они, сравнительно, редки (жилища 4,7,11 Хитцов, 6 Богородичного). Конструкция стен, вероятно, имела несколько вариантов. Столбовые ямы по периметру котлованов не прослежены в 13 сооружениях, т.е. у этих построек стены могли быть срубными. Стены прочих жилищ опирались на столбы, т.е., видимо, были каркасными. Применение плетня с обмазкой для пеньковского домостроительства не характерно. Его остатки обнаружены лишь в одном из ранних жилищ (постройка 9 Хитцов) [Горюнов 1981, с.64].

Следы центрального опорного столба кровли зафиксированы в 10 постройках. В трех сооружениях (5 Богатого, 3 Чернеччины, Б Занков) у одной из стен находилась какая-то конструкция из кольев, стоящих по кругу (в двух случаях) или по периметру прямоугольника (в одном). В некоторых жилищах были 1-2 погреба в виде цилиндрических или колоковидных ям.

Отопительные сооружения не прослежены в 17 постройках. В прочих находились открытые очаги, причем известны 3 варианта их конструкции: глиняный под, вымостка из камней, костер, от которого остается пятно прокала пола. Очаги располагались в центре сооружения или ближе к одному из углов. Печь-каменка зафиксирована только в одном случае - в постройке 6 Богородичного, но она представляла собой завал обожженных камней без отчетливо выраженного пода или следов стенок. В принципе и эта, т.н. печь, может представлять собой остатки каменного очага. Печи упоминаются в описании 6-ти построек Занков [Любічев 1994, додаток 2], но до полной публикации этого памятника остаются сомнения в принадлежности этих жилищ пеньковскому горизонту. В целом, для Днепровского Левобережья печи не характерны. "Нормой" являются открытые очаги.

На памятниках Днепровского Левобережья исследованы 3 юртообразных сооружения (в Чернеччине, Богатом, Осиповке), вполне справедливо считающиеся жилищами кочевников-тюрок, отдельные семьи которых, видимо, входили в состав пеньковских общин. [Любичев 1994а, с.90,91]. Подобные постройки известны и на территории Среднего Поднепровья [Русанова 1976, с.101; Приходнюк 1980, с.24-25].

Исследователями, как уже упоминалось, высказывались различные точки зрения на вопрос о соотношении пеньковской и колочинской культур. Зачастую представления об этом диаметрально противоположны: от противопоставления двух археологических общностей друг другу (Э.А.Сымонович, И.П.Русанова, В.В.Седов) до сближения их и признания вариантами общеславянской культуры (П.Н.Третьяков, В.Н.Даниленко, А.Т.Смиленко, В.Д.Баран).

Как следует из описания, пеньковские постройки с открытыми очагами и колочинские жилища по планировке и конструкции стен, практически, идентичны. Различия между ними незначительны. Пеньковские в массе отличаются несколько большими размерами, в колочинских постройках не известны каменные очаги-вымостки. Отличает пеньковский ареал от колочинского распространение жилищ с печами-каменками, но для Днепровского Левобережья они не типичны, а в Среднем Поднепровье появляются на втором этапе развития культуры и, видимо, связаны с воздействием на нее традиций населения, оставившего памятники типа Корчак. Юртообразные постройки очень редки и явно инородны по отношению к пеньковскому домостроительству. По конструкции они аналогичны круглым стационарным сооружениям населения степей [ср. описание в: Нечаева 1975, с.22-24].

Погребальный обряд пеньковского населения Поднепровья изучен плохо, но судя по тем скудным сведениям, которые имеются, он почти не отличается от колочинского. Погребения представляют собой трупосожжения, совершенные на стороне, с захоронением праха в грунтовых ямах или урнах. Есть случаи, когда кальцинированные кости были накрыты перевернутым вверх дном сосудом. Число урн может варьировать от одной до трех [Сміленко 1975, с.97; Приходнюк 1980, с.77,78]. Все эти детали достаточно типичны не только для пеньковского, но и для колочинского обряда.

Несколько иная картина получается при сопоставлении керамики. Колочинский и пеньковский наборы сосудов имеют ряд черт сходства: на памятниках обех культур встречены как ребристые, так и округлобокие горшки. Последние представлены и закрытыми, и раскрытыми формами. Повсеместно распространены диски, кубкообразные горшки . Совпадают по форме и некоторые типы сосудов. Тип I,1 колочина имеет те же признаки, что и типы 7-9 пеньковки . Аналогичны колочинские горшки I,3-а, I,3-б и пеньковские типов 11 и 13 . Близки многие пеньковские формы типа 12 и колочинские I,4 . Все детали орнаментации колочинских горшков находят соответствие в пеньковской культуре.

Различия не менее существенны, чем элементы сходства. Как убедительно продемонстрировала И.П.Русанова, ребристые сосуды обеих культур имеют разные пропорции [Русанова 1976, с.104,105]: колочинские приближаются к цилиндроконическому, а пеньковские - к биконическому идеалу. На колочинских памятниках, практически, отсутствуют миски. Отличается и структура керамического комплекса. Основу его для пеньковки составляет сочетание биконических и сильнопрофилированных округлобоких сосудов, что не совпадает ни с одной из трех выделенных для Днепровского Левобережья традиций оформления колочинского керамического набора. Показательно, что и на самых южных колочинских памятниках, территориально близких пеньковке, очень мало ребристых форм. По этой причине граница между обеими культурами на Днепровском Левобережье выглядит вполне отчетливой, несмотря на наличие контактной зоны.

Близость обеих культур, таким образом, наиболее полно проявляется в погребальном обряде и домостроительстве. Некоторое сходство имеет и керамический комплекс, но здесь существенны и различия. Это сходство, явно, слабее того, которое

бывает между генетически связанными друг с другом культурами (как предполагал В.Н.Даниленко). Скорее всего правы те исследователи, которые объясняют его близостью подоснов обеих археологических общностей [Горюнов 1981, с.75-78: Терпиловский 1994, с.23-26].

Проблема происхождения пеньковской культуры

Вопрос о происхождении пеньковской культуры является, пожалуй, одним из самых дискуссионных в раннесредневековой днепровской проблематике.

Достаточно подробный обзор работ 1960-70-х гг. по этой теме приводится О.М. Приходнюком [Приходнюк 1980, с.113-116], а более поздних - М.В.Любичевым [Любічев 1994, с.17-23]. Абстрагируясь от нюансов отдельных концепций, все высказанные на этот счет точки зрения можно сгруппировать по двум направлениям, которые оформились еще в 1960-е гг., т.е. вскоре после ввода в научный оборот результатов раскопок первых пеньковских памятников. Сторонники первого направления (Э.А.Сымонович, В.В. Седов, И.П.Русанова, А.Т.Смиленко) усматривают подоснову пеньковской культуры в особом типе черняховских памятников, которые распространены, в основном, на территории Среднего Поднепровья, в лесостепной части Правобережья Днепра и в Поднестровье, т.е., за исключением последнего региона, в ареале будущей пеньковки. При этом пеньковская и колочинская культуры противопоставляются друг другу.

Вторая группа исследователей (П.И.Хавлюк, П.Н.Третьяков, В.Д.Баран, О.М.Приходнюк, Р.В.Терпиловский, Е.А. Горюнов и другие) подчеркивают сходство пеньковской культуры с древностями позднезарубинецкой линии, в особенности с киевской археологической общностью. Колочинская и пеньковская культуры имеют общую киевскую подоснову, либо, как считал Е.А.Горюнов, пеньковский тип памятников развивается на базе какой-то еще не открытой группы древностей, но родственной киевской [Горюнов 1981, с.59]. Традиции черняховского населения оказали влияние на формирование пеньковского археологического комплекса, но это влияние было второстепенным.

Наличие на черняховских памятниках лепных сосудов, близких по форме пеньковским (округлобоких и ребристых горшков, а также некоторых типов мисок) служит основным аргументом в пользу генетической преемственности черняховской и пеньковской культур у Э.А.Сымоновича и В.В.Седова или свидетельством о решающей роли черняховского компонента в сложении последней - у А.Т.Смиленко и И.П.Русановой. Именно в монографии И.П.Русановой наиболее подробно рассмотрен этот вопрос.

На черняховских памятниках Поднепровья и Днепровского Левобережья наиболее часто встречаются близкие пеньковским округлобокие сильнопрофилированные горшки [Русанова 1976, с.105-107]. С этим положением автора нельзя не согласиться, но следует при этом учитывать два обстоятельства. Подобные формы, о чем неоднократно писали различные исследователи, типичны для черняховского керамического комплекса по всему ареалу культуры: от Румынии до Северского Донца; но не только для нее. Не менее часто они встречаются и на синхронных киевских памятниках, причем наиболее широко распространены они в Среднем Поднепровье и на водоразделе Днепра и Дона, хотя известны в Подесенье и Посеймье [Терпиловский, Абашина 1992, с.44-56; Обломский 1991, с.90-100]. Иными словами, этот тип сосудов не специфичен для одного лишь черняхова и отдельно взятый не может свитетельствовать о черняховском происхождении пеньковских форм.

Более сложным и основательно запутанным представляется вопрос о черняховских прототипах пеньковских ребристых горшков. Неоднозначность его определяется двумя причинами. Во-первых, на многих памятниках связь ребристых форм с черняховскими комплексами сомнительна, во-вторых, сами по себе эти формы имеют разное происхождение и не всегда представляют традицию, восходящую к пеньковке.

Черняховские памятники Среднего Поднепровья, на которые наиболее часто ссылаются исследователи при поисках прототипов пеньковской керамики, подробно проанализировала Н.С.Абашина и пришла к выводу, что большинство из них (Жуковцы, Ломоватое, Леськи, Новолиповское) не однослойные. На них имеются, кроме черняховских, либо зарубинецкие, либо вельбарские , либо средневековые напластования. Синхронность лепных ребристых сосудов черняховским комплексам не документирована [Абашина 1986, с.164-168]. Сомнения подобного рода относительно селища Леськи высказывал и Е.А.Горюнов [Горюнов 1981, с.58].Наличие на памятнике средневековой керамики - гончарной пастырской - отмечено и в публикации А.Т.Смиленко и М.Ю.Брайчевского [Смиленко, Брайчевский 1967,с.54,55].

Весьма сложным и явно многослойным является поселение Журавка. На этом памятнике есть постройки, в заполнении которых совершенно отсутствует черняховская гончарная керамика, либо она представлена единичными фрагментами, т.е. найдена лишь лепная или последняя господствует (жилища 7,9,15,17,19,30) [Сымонович 1960, с.7,8,39; 1961, с.49,52,54; 1962, с.67,69-70]. Некоторые из этих построек были, очевидно, вельбарскими ("землянка 3"), часть содержала керамику киевской традиции. Так, выразительный набор лепной посуды, состоящий из обломков трех сильнопрофилированных округлобоких горшков, биконического сосуда и сковородки со слабо отогнутым бортиком происходит из субструкции пода печи-камина полуземлянки 7 [Сымонович 1960, с.7].Несколько построек имеют печи в углах, что не типично для черняховских памятников Среднего Поднепровья. На полу одной из них (полуземлянки 10) находились развалы сильнопрофилированных миски и горшка, характерных для культуры Луки Райковецкой [Сымонович 1962, табл.XV].На территории поселения в 1962 г. найдена зооморфная средневековая фибула.Рассматривать лепную керамику Журавки однозначно в качестве прототипа пеньковской до полной публикации комплексов селища, видимо, не следует.

То же самое можно сказать о поселении Обухов-I, сведения о котором появились в печати после выхода монографии И.П.Русановой. Н.М.Кравченко, автор раскопок памятника, склонна рассматривать комплекс жилых и хозяйственных сооружений, условно называемый "усадьбой", как черняховский с киевскими элементами. Последние проявляются в наборе лепной посуды "усадьбы": ребристом горшке, обломках еще нескольких сосудов с насечками по венчику, лощеной лепной высокой миске с зигзаговидным профилем и орнаментом, состоящим из косых крестов и других магических символов. [Кравченко 1994, с.39-43]. Отчетная документация по Обухову-I и материалы, которые хранятся в Киевском Госпедуниверситете, свидетельствуют, что лепная керамика из "усадьбы", опубликованная Н.М.Кравченко, составляет локальное скопление в слое (т.н."объект 9") и с черняховскими постройками непосредственно не связана.

Сосуд из Федоровки случайно найден на территории памятника. Однозначно датировать этот горшок позднеримским временем нельзя [Брайчевская 1960, с.190]. То же самое можно сказать и о сосуде из Лохвицкого могильника. Он найден при земляных работах. Связь его с черняховскими погребениями доказать невозможно [Березовец, Петров 1960, с.96, табл.1,3]. Кроме того, он имеет лощеную поверхность, а по пропорциям скорее представляет собой миску формы, достаточно типичной для мощинского круга древностей. Мощинская керамика, как было указано в разделе о колочинской культуре, изредка встречается на памятниках Днепровского Левобережья.

Ребристые горшки, которые достоверно происходят из черняховских комплексов, имеют различное происхождение, что объясняется сложным составом черняховской культуры и контактами ее населения с соседями. Часть форм связана с вельбарской традицией(рис.96:1-3). На памятниках вельбарской культуры цецельской стадии часто встречаются широкодонные горшки с прямым загнутым внутрь краем и наибольшим расширением, как правило, в верхней трети высоты, а также сосуды с отогнутым венчиком, причем среди последних известны и низкие "мискообразные" экземпляры. Обе формы имеют сглажено-ребристый перелом тулова [Козак 1994, рис.37, N6,8,9; Щукин 1989, рис.1 N17,18; Кухаренко 1980, табл.XII, 28-а; XVI, 51-а; XX, 67; XXIX, II; Hahula 1988, tabl. II,10; IV,4; Tomaszewska 1988, Ryc.3;1].

К вельбарскому кругу относятся низкий мискообразный сосуд из Косанова, который в качестве протопеньковской формы упоминается в монографии И.П.Русановой. Он был лощеным. В погребении 18, кроме него, стоял округлобокий лепной горшок с лощеным горлом и покрытым рустом туловом (типичный для Центральной Европы прием обработки поверхности) [Кравченко 1967, с.89, табл.VI N2,10].

В дочерняховское время ребристые сосуды известны и у позднескифских племен Нижнего Поднепровья [Добровольский 1960, табл. 1 N9,20; Вязьмітіна 1962, рис.65 N1,7; Погребова 1958, рис.12 N3,32 N3] и родственного ему населения Ольвийской хоры [Бураков 1976, табл.IV N23-26]. Одной из их отличительных черт является высокий раструбообразный венчик - элемент весьма типичный для позднескифской керамической традиции(рис.96:*4-8*) . Есть основания предполагать, что именно эту линию развития продолжают крайне редко встречающиеся на памятниках Нижнего Поднепровья биконические сосуды (в своде Б.В.Магомедова упоминается всего 4 экземпляра). Прямой отогнутый наружу венчик имеется у горшков из Каменки-Анчекрак [Магомедов 1987, с.48, рис.18 N7,8].

Часть черняховских ребристых сосудов имеет киевское происхождение. Наиболее показательно в этом отношении поселение Хлопков, набор лепной керамики которого весьма близок киевскому среднеднепровского варианта [Некрасова 1988, с.70-76; Баран 1990, с.350] (рис.96:*9-11,14,15*).

С киевской традицией, очевидно, связан горшок из хозяйственной ямы поселения Черняхов [Сымонович 1967, рис.3 N10]. На этом памятнике встречены, кроме того, обломки слабопрофилированных округлобоких и баночных сосудов, весьма близких киевским формам [Сымонович 1967, рис.4 N1,4,5],правда, синхронность их с черняховским горизонтом не документирована. Фрагменты этих сосудов составляют локальное скопление в слое [Сымонович1961, с.70].

Серия биконических горшков с шероховатой поверхностью происходит из могильника Компанийцы (погр. 56,60,95,120, 162), а в погребении 11 обнаружена очень близкая пеньковским широкодонная миска со сглаженным ребром на тулове (рисунки из архива А.Н.Некрасовой]. В Компанийцах, вообще, довольно много лепной керамики, причем большая часть имеет откровенно вельбарское происхождение. Набор форм разнообразен: это и характерные "яйцевидные" баночные горшки, округлобокие изделия с хорошо выраженной усеченно-конической шейкой и отогнутым наружу венчиком, зачастую имеющие хроповатую нижнюю часть, лощеные кувшины, миски и вазы. Один из биконических сосудов, например самый знаменитый "протопеньковский" без венчика [Седов 1979, рис.18 N5] происходит из вельбарского погребения 56 с яйцевидным и баночным горшками.

Кроме вельбарского, в археологическом комплексе Компанийцев присутствуют и другие компоненты. Ребристый горшок из погребения 120 имеет резко суженную высокую шейку, а из погребения 162 - раструбообразный венчик, т.е. эти сосуды по происхождению связаны, видимо, со скифской традицией. Прочие 2 формы (погр.60 и 95) наиболее близки последующим пеньковским, им можно найти прямые параллели в Хлопкове (рис.96:*12,13*).Не исключено, что эти сосуды имеют киевское происхождение. Косвенно о присутствии какого-то киевского населения в общине, хоронившей своих умерших в Компанийцах, свидетельствуют парные фибулы круга восточноевропейских эмалей из погр.2 - предметы, характерные для киевской культуры Поднепровья [Корзухина 1978, с.69; Гороховский 1982, с.127-131].

Далее к востоку от Днепра ребристая нелощеная керамика в черняховских комплексах встречается в виде исключения (см. например погр.1 могильника Родной Край-1) [Петренко

1991, рис.4 N1]. Более того, на водоразделе Днепра и Дона наличие на памятнике ребристой посуды служит одним из критериев отличия киевского керамического набора от черняховского [Кропотін, Обломський 1991, с.87,88].

Совершенно очевидно, что вельбарская по происхождению керамика из черняховских комплексов Поднепровья непосредственного отношения к будущей пеньковской культуре не имеет. В современной литературе вельбарская традиция в черняхове прочно связывается с древнегерманским гото-гепидским населением. Не имеют параллелей в пеньковке и весьма специфичные по форме "скифоидные" биконические горшки. Хлопков, Черняхов (селище) и Компанийцы, по видимому, в большей или меньшей степени связаны с киевской традицией и очерчивают контактную зону киевской и черняховской культур в Поднепровье. Видимо, правы те исследователи, которые признают некоторую связь черняховской и пеньковской культур, но не считают, что черняховские традиции сыграли решающую роль в генезисе пеньковской археологической общности.

На уровне сравнения макроструктур наиболее полно сходство между киевским и пеньковским археологическими комплексами показано О.М.Приходнюком и Е.А.Горюновым. Близость наблюдается при сопоставлении всех основных характеристик археологической культуры. Киевские и пеньковские поселения имеют сходную топографию: чаще всего они расположены на краях первых надпойменных террас или на останцах в пойме рек, т.е. относительно низко над уровнем водного источника. В подобных условиях могут находиться и черняховские селища, но гораздо чаще они занимают черноземные склоны различных холмов. Площадь киевских и пеньковских поселений, как правило, невелика (редко превышает 1 га). Многие черняховские селища имеют значительно большие размеры.

Киевские жилища, в большинстве своем, представляют собой полуземлянки площадью 7,5 - 19 кв.м, хотя известны меньшие и большие по размерам. Глубина котлована, как правило, не превышает 1 м (чаще-меньше) от уровня материка или древней поверхности, если она прослежена. Параметры пеньковских жилищ близки киевским. Характерными особенностями ранних пеньковских построек являются наличие опорных столбов кровли (в том числе и центральных) и открытых очагов. Оба эти элемента интерьера хорошо известны и в киевском домостроительстве.

Прямые прототипы почти всех форм округлобоких и ребристых пеньковских сосудов можно найти на памятниках киевской культуры, причем на последних они не единичны, как на черняховских поселениях и могильниках, а составляют основу керамического комплекса. Определенные параллели имеет и погребальный обряд. В обеих культурах распространены трупосожжения на стороне, встречаются погребения в урнах и без них. Кальцинированные кости могут быть как очищены от следов погребального костра, так и перемешаны с углем. Сходство киевского и пеньковского погребального обряда по деталям ритуала подтверждается и специальным исследованием О.В.Петраускаса [Петраускас 1993; Приходнюк 1980, с.117-121; Горюнов 1981, с.57-60].

Киевский и пеньковский типы памятников, таким образом, относятся к одному культурному кругу. Некоторые традиции черняховской культуры в 5-7 вв., все же, сохраняются (отдельные приемы ремесла, некоторые орудия земледелия вроде наральников, округлобокие банковидные сосуды с загнутым внутрь краем, которые встречаются в ранних пеньковских комплексах, ребристые миски с S-овидным профилем). Не исключено, что остаткам черняховского населения принадлежат и отдельные ингумации 5-7 вв., известные на юге Среднего Поднепровья и лесостепи Днепровского Левобережья (см. ниже). Но все это - отдельные детали. Основу археологического комплекса пеньковки составляют традиции киевской культуры. На протяжении 5 в. в лесостепном Поднепровье и на Днепровском Левобережье происходит смена населения. Опустевшие после ухода "черняховцев" территории заселяются потомками киевских племен.

Концепция преемственности киевских и пеньковских древностей, тем не менее, имеет ряд уязвимых мест. Дискуссии между ее сторонниками возникают при переходе от общего анализа сходства культур на микроуровень, т.е. при попытке выделить конкретный культурно-хронологический тип памятников внутри киевской общности, который был бы наиболее близок ранней пеньковке и мог бы считаться ее прототипом. Причина этого заключается в неравномерной исследованности позднеримских древностей Поднепровья. Так, сравнительно неплохо изучены материалы деснинского варианта киевской культуры, гораздо хуже - среднеднепровского, поздняя фаза которого представлена весьма немногочисленными комплексами. Памятников периода черняховского влияния на водоразделе Днепра и Дона не много, причем большинство киевских селищ региона относится к начальному этапу этого процесса. Среди поселений сейминско-донецкого варианта киевкой культуры финалом римского времени достоверно датируется лишь селище Тазово под Курском. Более южные памятники этой общности (территориально близкие будущей пеньковке) пока, практически, не исследованы. Все известные на Украине и юго-западе России киевские могильники относятся к сравнительно раннему времени: 3 - максимум началу 4 в.

Исследование контактных черняховско-киевских памятников (или черняховских поселений и могильников с киевской традицией) находится в зачаточном состоянии. В Среднем Поднепровье представительная коллекция находок происходит только с селища Хлопков. Материалы поселения Журавка Ольшанская в полном виде не изданы. В нескольких статьях Э.А.Сымоновича опубликована лишь краткая информация о них. Черняховские поселения с киевскими элементами археологического комплекса есть и на территории Днепровского Левобережья, но в этом регионе они крайне редки. Единственное раскопанное широкой площадью селище (Головино-1) является сравнительно ранним. Черняховский горизонт этого памятника датируется второй половиной 3 в. [Обломский 1991, с.115].

Неравномерно исследованы и ранние пеньковские древности. В системе периодизации

среднеднепровских памятников О.М. Приходнюка фигурируют всего 12 комплексов начальной фазы [Приходнюк 1985, табл.IV, рис.100, Приходнюк, 1990, с.84]. По сведениям М.В.Любичева, на территории Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца к 5 в. можно отнести не менее 14 объектов [Любічев 1994, с.124-125]. Ранними они считаются по особенностям набора сосудов, что не слишком надежно. Черняховская гончарная керамика - явный диагност начальной фазы пеньковки - происходит лишь из 7-ми сооружений. Далеко не все пеньковские материалы Левобережья изданы.

Среди общей массы пеньковских древностей пока не выделены культурно-хронологические типы памятников, что затрудняет сопоставление средневековых материалов с киевскими, для которых эта работа проделана.

Состояние источников и уровень их обобщения таковы, что любая предложенная исследователями конкретная модель механизма сложения пеньковской культуры является гипотетичной.

Существует несколько точек зрения относительно непосредственных прототипов пеньковского археологического комплекса. О.М.Приходнюк усматривает "прообраз" пеньковки в позднеримских материалах поселения Роище в Подесенье [Приходнюк 1988, с.71]. В.Д.Баран считает, что в основе пеньковских комплексов 5 в., выделенных им по находкам черняховской гончарной керамики, а также некоторым украшениям, лежат 2 основных источника: древности среднеднепровского варианта киевской культуры и контактные черняховско-киевские, примером которых служит поселение Хлопков [Баран 1990, с.351]. А.М.Обломский произвел сравнительный анализ возможных прототипов пеньковского набора сосудов Днепровского Левобережья и пришел к выводу, что материалам круга ранних горизонтов Хитцов и Рябовки-3 наиболее близки древности сейминско-донецкого (этапа Букреевки-Тазова) и среднеднепровского (третьего этапа) вариантов киевской культуры. Археологический комплекс раннего горизонта Хитцов, тем не менее, своеобразен и от каждого из прототипов отличается серией деталей [Обломский 1991, с.124-128].

В одной из последних работ Р.В.Терпиловский указывает, что пеньковская культура Поднепровья сформировалась в ходе расселения потомков киевских племен с севера на юг. О миграции населения деснинского варианта киевской культуры в лесостепь Днепровского Левобережья, кроме т.н. "северных элементов" пеньковского набора сосудов, выделенных Е.А.Горюновым, свидетельствуют материалы селища Сенча, которое по черняховскому импорту датируется не позднее 5 в. Преобладание на этом памятнике округлобоких слабопрофилированных горшков свидетельствует о близости комплекса его находок протоколочинскому кругу. Пеньковский набор посуды, тем не менее, специфичен и отличается от деснинского позднекиевского. К какому-либо одному прототипу ранние материалы пеньковки свести нельзя. В ее сложении приняли участие различные группы киевского населения Среднего Поднепровья, Подесенья, водораздела Днепра и Дона и черняховского-киевской пограничной зоны [Терпиловский 1994, с.24-26]. Р.В.Терпиловский, таким образом, пытается ликвидировать противоречие между воззрениями сторонников генетической связи киевской и пеньковской культур на конкретные пути образования последней. Его идеи, пожалуй, в наибольшей степени соответствуют тому кругу источников, который известен в настоящее время. Проблема характера сложения древностей пеньковского круга, тем не менее, пока далека от окончательного решения и требует специального исследования в будущем.

Проблемы хронологии и периодизации пеньковских древностей

Первая попытка разработать периодизацию пеньковской культуры была предпринята Е.А.Горюновым на материалах поселения Хитцы на Полтавщине. Пеньковский этап существования памятника был разделен им на 2 горизонта. К первому из них (раннему) отнесен материал из жилищ 2,5,6,8,9,14, ко второму - комплексы построек 3,4,7,11,13. Как указывал сам автор "связь жилищ с определенным горизонтом устанавливается, прежде всего, на основе сравнительного анализа керамики" [Горюнов 1981, с.125]. Для ранних комплексов характерно сочетание "северных" колочинских (или "архаичных киевских") и пережиточных черняховских элементов с одной стороны, и собственно пеньковских черт в наборе лепной посуды, с другой. К числу первых относятся баночные сосуды с загнутым внутрь краем, усеченно-конические горшки, ребристые миски с S-овидным профилем. В основном, в постройках первого горизонта встречаются тюльпановидные и слабопрофилированные с отогнутым наружу венчиком сосуды. "Собственно пеньковский набор" составляют различные варианты биконических и сильнопрофилированных округлобоких горшков, причем в большинстве построек Хитцов ребристые формы преобладают, а округлобокие находятся на втором месте в структуре керамического комплекса.

В сооружениях второго горизонта керамика ранних форм встречается редко. Почти в чистом виде представлен "пеньковский набор", отмечены некоторые элементы, которые возникли под влиянием кочевников.

В двух жилищах раннего горизонта (6 и 9) обнаружены фрагменты черняховских гончарных сосудов, причем в последнем сооружении - в сочетании со звеном костяного гребня, а в постройке 3 позднего горизонта найден браслет с расплющенными концами, на которых нанесен орнамент в виде т.н. змеиных головок. Это изделие достаточно типично для" антских" кладов первой группы. Первый горизонт Е.А.Горюнов датировал 5 - первой половиной 6 в., второй - второй половиной 6-7 вв. Верхняя граница пеньковской культуры приходится на конец 7 - начало 8 в. и связана с сокрытием большинства антских кладов и гибелью Пастырского городища [Горюнов 1981, с.64-81].

Периодизация Е.А.Горюнова, во многом, построена на интуиции. В основе его системы лежит представление о развитии пеньковской культуры от этапа, насыщенного элементами, близкими предыдущей киевской, к последующему,

на котором происходит их изживание. Это направление эволюции нуждается в доказательстве. Не исключено, например, что 2 типа комплексов в Хитцах могли быть оставлены двумя синхронно существовавшими группами населения со своими специфичными чертами материальной культуры. Одна из них могла быть связана по происхождению с более северной колочинской территорией, т.е. в известной степени близка населению, жившему на селище Сенча, в керамическом комплексе которого преобладают традиции деснинского варианта киевской культуры (или раннеколочинские, что почти одно и то же) [Терпиловский, Левченко 1994, с.60-67]. Другая группа (носители "собственно пеньковского комплекса" в почти чистом виде) могла продвинуться в Посулье из региона, где распространены в позднеримское время памятники среднеднепровской киевской традиции и контактные с ними черняховские, вроде Хлопкова.

Хронологический вариант интерпретации двух типов комплексов в Хитцах вроде бы, подтверждается наличием в двух жилищах с набором посуды 1-го типа черняховского импорта, а в одной из построек второго - относительно позднего браслета. Но ведь это - только 3 случая! Естественно, они не дают гарантии, что все постройки с киевско-черняховскими реликтами датируются раньше всех жилищ, где этих реликтов нет.

Подтвердить или опровергнуть наблюдения Е.А.Горюнова можно лишь на новых материалах. К сожалению, поселение Занки, единственный памятник, который по обилию находок мог бы претендовать на роль второго эталона левобережной пеньковки, как уже отмечалось, пока не введен в научный оборот в полном виде. Материалы селища Рябовка-3, где 2 горизонта пеньковской культуры выделены не по типологическим соображениям, а по стратиграфии, скорее, свидетельствуют против периодизации Е.А.Горюнова. Слабопрофилированные закрытые и тюльпановидные формы встречаются на этом памятнике не только в ранних, но и в поздних постройках [Обломский, Терпиловский 1992, в печати].

Еще одна периодизация пеньковских древностей была разработана в 1985 г. О.М.Приходнюком (опубликована в 1990) на основе комплексов Среднего Поднепровья. Как и Е.А.Горюнов, он выделяет 2 фазы. Для первой характерны жилища с открытыми очагами (единственное исключение - постройка 2 селища Кочубеевка - с печью-каменкой в углу). В постройках нередки центральные столбы. Керамика имеет ряд архаичных черт в орнаментации (налепные шишечки, полумесяцы). Специфичны для первого этапа округлобокие горшки с загнутым внутрь краем, сосуды с заглаженной или подлощенной поверхностью, диски. В некоторых комплексах найдена черняховская гончарная керамика, но в качестве реликта. На второй фазе распространены жилища с печами-каменками, встречается керамика "пражского облика", сковороды вместо дисков, фрагменты гончарной пастырской и канцирской посуды.

Основу керамического комплекса на протяжении всего существования культуры составляют биконические и сильнопрофилированные округлобокие горшки различных вариантов, но первые на начальной фазе имеют "более стройные очертания и острые ребра" [Приходнюк 1985а, с.88; Приходнюк 1990, с.77,80,83-85]. Начальная фаза датируется 5 - рубежом 5-6 вв., следующая - 6-7 вв. [Приходнюк 1990, с.83-85].

Для Среднего Поднепровья относительная хронология О.М.Приходнюка представляется достаточно надежной. Единственный ее недостаток заключается в том, что из-за не слишком отчетливой типологии керамики и отсутствия расчетов пропорций сосудов не прослежены внутренние хронологические изменения наиболее распространенных форм. Изменения эти явно были. О.М.Приходнюком общее направление их анализа намечено, но работа не доведена до конца. В целом, О.М.Приходнюку удалось выявить этап влияния культуры Корчак на среднеднепровскую пеньковку (вторая фаза). Видимо, с этим процессом связано распространение полуземлянок с печами-каменками, сосудов, близких пражским и сковородок с высокими бортами на пеньковских памятниках. Относительно поздний характер комплексов с подобным сочетанием признаков подтвержается наличием во многих объектах второго этапа пастырской и канцирской керамики. К сожалению, систему О.М.Приходнюка нельзя распространить на Днепровское Левобережье и бассейн Северского Донца: перечисленные элементы на этой территории, практически, отсутствуют. Влияние пражской культуры на земли, лежащие к востоку от Днепра, фактически, не распространялось.

Попытка совместить периодизации Е.А.Горюнова и О.М.Приходнюка и расположить по новой системе комплексы Днепровского Левобережья была предпринята М.В.Любичевым. Материалы 5-8 вв. он разделил на 3 хронологические группы. Третий этап, как было показано выше, относится к периоду Сахновки, т.е. собственно пеньковские древности делятся на 2 фазы. Для ранней характерны "позднезарубинецко-киевские" реликты в керамическом комплексе (налепы в виде полумесяцев и шишечек на тулове или под венчиками горшков) а также в домостроительстве (полуземлянки с центральными столбами и открытыми очагами), черняховская гончарная керамика, лепные иммитации черняховских сосудов и "горшки раскрытого профиля с отогнутым наружу венчиком". К раннему этапу относится нижний горизонт Хитцов, Раковка, Зубовка, Полузерье, Богородичное (жилища 4 и 5), Занки (постройка А), нижний горизонт Рябовки-3 (постройки 8 и 9, ямы 75 и 108).

Для среднего этапа характерны жилища с печами-каменками, господствуют биконические и округлобокие горшки, сковороды с выделенными бортиками, зерновики. "Позднезарубинецко-киевские" элементы в керамическом комплексе исчезают, но в какой-то мере консервируются на северных памятниках в зоне контакта с колочинской культурой: в Хитцах, Рябовке-3 и Полузерье. Ко второму этапу относится поселение Прогресс (жилище 1), Сухая Гомольша (жилище 5), средний горизонт Рябовки-3 (постройки 1,6,7, яма 63), селище Богородичное (постройки 1,3,6), комплекс с Восточного Бельского городища, 2-ой горизонт Хитцов [Любічев 1994 с.124-126].

Относительная хронология М.В.Любичева не лишена внутренних противоречий. Биконические и округлобокие сильнопрофилированные горшки являются основой пеньковского набора посуды не только второй фазы, но и первой тоже. Для Левобережья это подтверждается наблюдениями Е.А. Горюнова, в частности статистическими расчетами на эталонном поселении Хитцы [Горюнов 1981, с.74-81]. О.М.Приходнюк наглядно продемонстрировал, что и для Среднего Поднепровья это соотношение более-менее постоянно и почти не изменяется во времени [Приходнюк 1985, табл.IV].

В отличие от Среднего Поднепровья, на пеньковских поселениях Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца постройки с печами встречаются в виде исключения и не могут служить критерием отличия первого этапа от второго. Жилище 1 поселения Прогресс не может относиться ко второму этапу пеньковки, т.к. из него, кроме лепной керамики, происходят фрагменты черняховских гончарных сосудов [Приходнюк 1985, с.116-117, табл.IV, рис.38 N10,15, 100].

Как и у Е.А.Горюнова, у М.В.Любичева не показан характер изменений форм сосудов во времени. Хронологические отличия материала первой и второй фаз построены на нюансах. Направление эволюции керамики пеньковской общности пока не изучено, а это - основное требование к периодизации средневековых славянских культур. Надежная система относительной хронологии пеньковской культуры днепровского Левобережья, таким образом, до сих пор не создана.

Весьма условны и абсолютные даты всех периодов в каждой из рассмотренных выше систем периодизаций. Как показывает обзор датирующих вещей(см. раздел 4 настоящей главы) на пеньковских памятниках Поднепровья сравнительно легко выделяются комплексы 5 в. (по черняховской гончарной керамике, некоторым изделиям провинциально-римского и центральноевропейского круга),а также 7 в., причём, скорее второй половины столетия (по элементам геральдической поясной гарнитуры, пальчатым фибулам и т.д.). Вещи, которые можно было бы отнести к среднему этапу пеньковки, как правило, имеют широкий диапазон бытования. По этой причине ответить аргументированно на вопрос, когда заканчивается ранняя и когда начинается поздняя фаза пеньковской культуры, невозможно. В целом, какие-либо данные, позволяющие утверждать, что пеньковская культура в её "классическом" виде переживает в Поднепровье этап использования местным населением пальчатых фибул и геральдических ременных наборов, отсутствуют. Как и южные колочинские, пеньковские памятники лесостепи Поднепровья прекращают своё существование не позже,чем "выпали в землю" антские клады первой группы, включающие в свой состав перечисленные категории вещей.

---

[1] *Поселение Занки - многослойный памятник, где выделяется позднезарубинецко-киевский, пеньковский и волынцевский горизонты. К сожалению,опубликованы материалы только одного года раскопок и общее описание поселения (в тезисной форме) [Дьяченко 1993]. Для анализа информации об этом чрезвычайно интересном и весьма сложном памятнике необходимо полное его издание. По этой причине мы используем сведения лишь о том из жилищ, описание и комплекс находок которого опубликованы*

[2] *На поселении Богородичное в 1986 г. проводились раскопки М.Л.Швецовым, а в 1989 - М.Л.Швецовым и О.М.Приходнюком. Исследовано 6 полуземлянок и 32 хозяйственные ямы. Все объекты были интерпретированы, как пеньковские. По нашему мнению, на памятнике, кроме пеньковского, есть и более ранний киевский горизонт. К нему относится жилище 4, о чем свидетельствует его не типичная для пеньковских построек планировка и набор находок. Это сооружение представляет собой полуземлянку с печью-камином, которая врезана в материк в одном из углов и выступает за пределы котлована. Отопительные сооружения этой конструкции ни разу не встречены в пеньковских жилищах, зато весьма типичны для поздних киевских построек (как жилых, так и хозяйственных) водораздела Днепра и Дона. Целая серия объектов с аналогичными печами исследована, например, на поселении Букреевка-2 под Курском [Обломский 1991, с.100-104]. Керамика из постройки 4, также, имеет скорее киевский, чем пеньковский облик. Поверхность тулова зерновиков из этого сооружения искусственно ошершавлена (судя по описанию в отчете), а верхней части - заглажена. Из жилища, кроме того, происходят фрагменты лепных подлощенных сосудов, обломки светлоглиняной амфоры. Одно из пряслиц относится к типу биконических средней высоты и имеет воронковидные основания [Приходнюк, Шевцов 1989, рис.4 N1,7]. В 1986 г. в слое поселения найдена бронзовая двучленная подвязная фибула "черняховской" подгруппы типа Б2 по Е.Л.Гороховскому. Подобные изделия датируются концом 3 - началом 5 в., но наиболее типичны они для третьей фазы черняхова (330-380 гг.) [Гороховский 1988, с.167,224,225].*

3. Инородные компоненты в зоне пеньковской культуры

1. Ингумации с вещами круга древностей антов

Кроме колочинских и пеньковских древностей, в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье известна серия погребений, совершенных по обряду трупоположения с украшениями круга антских кладов или с комплексами синхронных им предметов.

Первые упоминания об этих захоронениях появились в работах археологов конца 19 - начала 20 вв. А.А.Бобринского, Н.П.Авенариуса, В.Е.Данилевича и А.А. Спицына. Последним по времени исследования является небольшой могильник Рябовка (раскопки А.М.Обломского и Р.В.Терпи-

ловского 1990 г.). Ингумации обнаружены в восьми пунктах. Сведения о погребальном обряде и инвентаре приводятся в приложении.

Исследования трупоположений лесостепной части Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, как особого археологического явления, никем не проводились, что вполне понятно, если учесть скудость имеющейся о них информации. Собственно, известно лишь, что они были как курганными (Бабичи, Поставмуки, Березовка), так и грунтовыми (Мартыновка, Балаклея, Алексеевка, Рябовка). Скелеты, в тех случаях, когда их поза установлена, лежали на спине. В Поставмуках около скелета зафиксированы остатки каких-то деревянных конструкций. В Рябовке над захоронениями мужчин помещались кости лошади или часть конской туши.

Фибулы находились на скелете (Мартыновка) или рядом с ним (Березовка), браслеты, похоже, были надеты на руки (Рябовка). Спиралевидные подвески, вроде бы, лежали у черепа, т.е. служили височными кольцами (Алексеевка), но эта информация происходит не из первоисточника.

На карте (рис.92) показано, что ареал погребений с ингумациями в Днепровском бассейне, практически, полностью совпадает с пеньковским. В этой связи очень важным представляется вопрос, каким же населением оставлены эти погребения и в каких отношениях находилось оно с обитателями пеньковских селищ?

На пеньковских памятниках довольно многочисленны вещи круга антских кладов первой группы. Трупоположения, таким образом, синхронны пеньковской культуре, по крайней мере, на ее финальной стадии. Казалось бы, противоположная картина наблюдается в Рябовке, где ингумации перекрывают пеньковские объекты. Тем не менее, на этом памятнике следов насильственного разрушения жилищ не отмечено, а могилы с трупоположениями впущены в заполнение пеньковских полуземлянок, что, естественно, могло произойти только тогда, когда жилища были заброшены, а их следы на поверхности исчезли. Поскольку погребение 1 перекрывается хозяйственной ямой селища, то, видимо, после некоторого перерыва поселок был отстроен вновь. Пребывание группы населения, оставившей ингумации, в Рябовке было эпизодом. Через какое-то время после совершения захоронений она покинула округу могильника. "Рябовский казус", таким образом, не противоречит предположению о синхронности пеньковской археологической общности и "культуры ингумаций" на более широкой, чем поречье Ворсклицы, территории. Стратиграфия памятника отражает локальное явление.

Относительно этнической принадлежности населения, оставившего ингумации, существуют 2 точки зрения. Часть исследователей считала его инородным по отношению к пеньковскому и родственному кочевникам степей [Березовец 1963, с.108; Приходнюк 1980, с.124]. Высказывалось, также, предположение о биритуальности пеньковского погребального обряда. Трупоположения по этой версии - одна из его разновидностей [Смiленко 1975, с.97].

Обе гипотезы имеют право на существование. Такие особенности, как обычай хоронить в курганах, положение в могилу конских костей и частей туш в сочетании с восточной и северо-восточной ориентировкой скелетов характерны для степных кочевников Восточной Европы IV-VI групп по А.К.Амброзу (6-8 вв.) [Амброз 1981, с.18,19; Орлов 1985, с.101-102]. Рябовка в этом отношении может рассматриваться, как типично кочевнический некрополь. Малое Перещепино - не единственное свидетельство присутствия кочевников в лесостепи. С другой стороны, степняки в средневековье не носили фибул [Амброз 1981, с.12] в отличие от оседлого лесостепного населения (пеньковского и колочинского).

Вероятно справедливо, по этой причине, высказанное О.М.Приходнюком предположение, что продвинувшаяся с юга группа кочевников восприняла некоторые традиции местных племен, например набор женских украшений [Приходнюк 1980, с.124].

Положение осложняется тем, что у населения 7 в., оставившего ингумации, были свои лесостепные предшественники. Е.Л. Гороховский выделяет на востоке Левобережья группу трупоположений второй половины 5-6 вв. Сведения о них еще более отрывочны, чем об описанных выше. К числу этих захоронений относятся роскошный княжеский комплекс из Большого Каменца под Суджей, погребение 4 из Сум-Сада с деформированным черепом, захоронение в берестяном челне из кургана у с.Лихачевки, погребения у с.Любовки [Гороховский 1988, с.175,176]. На запястьях обеих рук женского скелета из последнего пункта было надето по одному браслету со слабо расширенными концами, на шее - ожерелье из бус, а на ключицах лежали 2 фибулы (слева и справа), но не пальчатые, а подвязные более ранних типов, чем пластинчатая фибула из Гапоновского клада [Радзіевська, Шрамко 1980, с.103, рис.4 N2-6]. Комплекс из Любовки является, как бы, прообразом более поздних захоронений с фибулами и браслетами, например, балаклейского. В этой, ранней группе, также, известны и грунтовые, и курганные погребения.

Происхождение населения, оставившего ранние ингумации, в такой же степени загадочно, как и более позднего. Не исключено, что какая-то часть его является потомками носителей черняховской культуры, для которых характерен обряд трупоположения, обычай ношения фибул, пряжек и бус. В позднеримское время на могильниках левобережной лесостепи известны захоронения с деформированными черепами, а на финальной стадии черняхова появляются курганы (Кантемировский некрополь). Но с другой стороны, весьма вероятны и периодически "выплески" кочевников с юга.

Чересполосным существованием кочевнического и оседлого населения на юге лесостепи объясняется, по-видимому, и наличие на пеньковских селищах овальных и круглых построек, которые обычно называют юртообразными (в Завадовке, Стецовке, Луге-1, Дереивке, Осиповке, Чернеччине и Богатом)[Русанова 1976, с.101; Седов 1982, с.24; Приходнюк 1990, с.78,79; Любичев 1994а, с.95].

2. Ремесленные центры

Кроме погребений с ингумациями, в ареале пеньковской культуры известны три поселения со специализированными ремесленными функциями. Первые два (Мачухи и балка Канцирка) были центрами производства гончарной керамики [Макаренко 1911; Сміленко 1975, с.118-160]. Из них лучше всего исследована балка Канцирка. Раскопки этого комплекса производились начиная с 30-х по начало 70-х гг (правда, со значительными перерывами), при этом исследованы 3 селища, жители которых специализировались на изготовлении гончарной посуды. В общей сложности изучено 18 горнов, 6 жилых и производственных помещений и 5 хозяйственных построек [Сміленко 1975, с.118,119].

Гончарная керамика канцирского типа представляет собой важный показатель при датировании пеньковских памятников Среднего Поднепровья. В системе относительной хронологии О.М.Приходнюка она является одним из признаков второй хронологической фазы пеньковской культуры. Тем не менее, дата начала производства этой керамики и время функционирования гончарных центров в балке Канцирке и Мачухах является предметом дискуссии. Так по мнению Т.М.Минаевой канцирская керамика появляется не ранее конца 7 в., а "период расцвета" канцирского центра относится к более позднему времени. Т.М.Минаева убедительно показала, что весь комплекс ремесленных традиций канцирских мастеров имеет северокавказское происхождение: от конструкций гончарных печей, до характера обжига, обработки поверхности, форм и орнаментации сосудов [Минаева 1961, с.119-128]. Мнение о поздней дате канцирской керамики разделял и Е.А.Горюнов. Он отмечал, что фрагменты сосудов канцирского типа встречены на поселениях, кроме пеньковских, содержащих более поздние слои, например в Стецовке [Горюнов 1981, с.79].

Близки к идеям Е.А.Горюнова точки зрения О.А.Щегловой и М.Казанского - Ж.-П.Содини [Щеглова 1987, с.129-130; Kazanski, Sodini 1987, p.85-87]. Памятники с канцирской керамикой, по их мнению, являются в хронологическом отношении промежуточными между пеньковскими и волынцевскими на Днепровском Левобережье и более поздними, чем пеньковские на правом берегу Днепра. К числу памятников этого "особого типа древностей" указанные авторы относят, кроме верхнего горизонта Стецовки, группу поселений в междуречье Ворсклы и Псла, которая была обнаружена во время разведок ЛОИА АН СССР: Белокони, Лаврики, Чередняки и ряд других, в т.ч. и один из комплексов на поселении Вовки (постройка 9).

Мнение об относительно поздней хронологической позиции пунктов с находками канцирской керамики, таким образом, достаточно широко распространено среди исследователей древностей Поднепровья эпохи раннего средневековья. Тем не менее, оно находится в разительном противоречии с относительно ранними археомагнитными датами горнов Канцирки: горн 13 - вторая половина 6 в., горны 12 и 17 - конец 6 - начало 7 вв. [Сміленко 1975, с.155].

В последнее время появились сведения о достоверных находках канцирских сосудов в пеньковских комплексах. Наиболее ярким свидетельством сосуществования пеньковской и канцирской керамики является жилище 3 Будищ, в углистом заполнении которого обнаружен развал изготовленного на круге кувшина вместе с характерными фрагментами лепных сильнопрофилированных сосудов, обломками венчиков с налепными валиками и т.д. [Приходнюк 1990, с.87, рис.7].

Для того, чтобы определить дату функционирования центров в Канцирке и Мачухах, следовало бы рассмотреть хронологию аналогий керамике канцирского типа на Кавказе, т.е. на новом материале сделать работу по методу Т.М.Минаевой.

Исследованиями подобного рода в настоящее время занимается В.Ю.Малашев, специалист по средневековой кавказской керамике. По его мнению, сосуды из Канцирки и Мачух наиболее близки керамике района Кавказских Минеральных вод, а по ряду признаков (желобчатое горло, сетчатый декор на плечиках, для больших кувшинов - орнаментация тулова вертикальным полосчатым лощением и тремя коническими налепами, в качестве архаического элемента используются вертикальные фигурные налепы) находят соответствие в материалах тех этапов Мокрой Балки, для которых характерно использование геральдической поясной гарнитуры (см. главу 3 нашей монографии и приложение 4 к ней).

Как было показано выше, детали поясных наборов этого стиля встречаются и на пеньковских памятниках, а также в "антских" кладах первой группы. Производство керамики северокавказского облика в бассейне Днепра, таким образом, началось еще в период существования пеньковской культуры. Археомагнитные даты Канцирки, следовательно, не так уж невероятны. Они вполне укладываются в широкие рамки бытования геральдического стиля.

К сожалению, установить, с каким именно этапом функционирования канцирского центра связана гончарная керамика из пеньковских комплексов, пока невозможно: материалы балки Канцирки опубликованы выборочно, комплексы из печей 12,13 и 17 в монографии А.Т.Смиленко не приводятся. Кроме полной публикации, требуется и монографическое исследование канцирского центра - с изучением стратиграфии и соотношения наборов вещей (сосудов в первую очередь) из объектов. Без этого логика развития канцирской керамики не ясна.

Наличие гончарной керамики, типа той, что производилась в Канцирке и Мачухах, в объектах верхнего горизонта Стецовки, который по мнению Л.М.Рутковской является более поздним,чем пеньковский слой этого памятника [Рутковская 1974], заставляет предположить, что гончарные центры Поднепровья, производившие керамику кавказского круга, пережили гибель пеньковской культуры и продолжали в течении некоторого времени функционировать и позже. Не исключено, в этой связи, что отчасти прав Е.А.Горюнов и его последователи. Тем не менее, "казус Стецовки" является пока единичным документированным случаем такого рода. Наблюдение

Л.М.Рутковской требует подтверждения на других материалах. Для этого необходимо дальнейшее накопление информации и, в первую очередь, раскопки упомянутых выше поселений, обнаруженных Днепровской Левобережной экспедицией под Полтавой.

В заключение мы хотим высказать несколько замечаний по поводу материалов Пастырского городища.

Оно является пока уникальным для Поднепровья памятником. Его соотношение с пеньковской культурой до сих пор вызывает многочисленные споры. В какой-то мере разрешить эту проблему, очевидно, помогут новые исследования О.М.Приходнюка и М.Ю.Брайчевского, но до полной публикации материалов последних раскопок делать окончательные выводы преждевременно. На территории городища известны находки пеньковской керамики, но не исключено, что она относится к начальному этапу этой культуры (наряду с отдельными черняховскими гончарными сосудами и их фрагментами) и оставлена не населением средневекового ремесленного центра, а другим, более ранним [Приходнюк 1980, с.103-106]. Гончарная керамика пастырского типа неоднократно встречена на пеньковских поселениях и служит одним из диагностов второй фазы пеньковской культуры в системе О.М.Приходнюка, но, как совершенно справедливо заметил Е.А.Горюнов, количество ее по отношению к лепной мизерно [Горюнов 1981, с.78,79], что было бы весьма странно, если бы гончарный центр в Пастырском хоть сколько-нибудь длительное время сосуществовал с пеньковскими памятниками. Из окрестностей села Пастырское происходит целая серия пальчатых фибул, но прямые сведения об изготовлении украшений этой категории в мастерских городища отсутствуют.Матрицы, опубликованные О.М.Приходнюком, служили для производства украшений входящих в состав не первой, а второй группы антских кладов: браслетов с граненными полыми окончаниями и сережек со сферическими полыми привесками [Приходнюк 1994а с.65-69].

Лепная керамика, которой пользовалось население ремесленного центра, по О.М.Приходнюку имеет не пеньковское, а дунайское и, частично, кочевническое, происхождение [Приходнюк, Вакуленко 1993, с.36]. В.А.Петрашенко пришла к близкому выводу. Лепной керамический компекс Пастырского городища близок "славянским культурам 8 в., хотя памятник, расположенный на границе с кочевыми народами Степи, не мог не избежать их влияния" [Петрашенко 1992, с.102]. Керамика Пастырского относится к той же типологической и хронологической группе, что и поздние комплексы из Луга-1,объекты из Сахновки, Стецовки, Ходосовки и Монастырька, но отличается от пеньковской [Петрашенко 1994, с.89].

Можно согласиться с мнением О.М. Приходнюка и Л.В.Вакуленко о сравнительно коротком времени функционирования ремесленного Пастырского центра (50-70 лет) [Приходнюк, Вакуленко 1993, с.37, 38]. Период этот, по всей видимости, приходится, в основном, на этап Сахновки.

4. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы

Одним из оснований датировки колочинской и пеньковской культур являются находки на их памятниках фибул, деталей ременных наборов и других изделий из металла. Анализу этих изделий посвящен данный раздел монографии, однако прежде, чем к нему приступить, приведем несколько вводных замечаний, касающихся структуры раздела и принципов отбора материала.

Во-первых, мы будем рассматривать только вещи, связанные с колочинскими и пеньковскими памятниками третьей четверти I тыс. н. э., а также находки, характерные для кладов I группы и входящие в инвентарь погребений с трупоположениями, на территории Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья.

Во-вторых, особое внимание уделено условиям обнаружения каждого датирующего предмета. Определять какие-либо даты, т. е. служить хронологическими индикаторами колочинской и пеньковской культур, должны прежде всего вещи, найденные в закрытых комплексах поселений или могильников во время раскопок. Аналогичные вещи, но найденные вне комплексов, на поверхности или в культурном слое памятников, содержащих колочинские или пеньковские материалы, могут считаться датирующими с меньшей степенью достоверности (см. карту, рис. 98, и каталог, прил. 3). Случайные же находки, соотношение которых с конкретными памятниками не выяснено, при изучении хронологии имеют минимальное значение и здесь не анализируются.

В связи с вышеизложенным необходимо особо остановиться на находках сложных антропозооморфных фибул (тип III или IV по А.К.Амброзу [Амброз 1993, рис. 3]) в Тимченках, Дежках и Великой Андрусовке - 4. В Тимченках обломок одной из них происходит из культурного слоя поселения [Берестнев, Любичев 1991, с. 34, 35, рис.1:2], в котором наряду с пеньковскими объектами содержатся материалы сахновского этапа (см. гл. 4.2 наст. изд.). В Великой Андрусовке на поверхности памятника были подобраны фрагменты лепных, в том числе биконических, сосудов, кальцинированные кости и, неподалеку от них большая антропозооморфная фибула [Березовец 1969, с. 68, 69, рис. 2:4]. В Дежках фрагмент подобной застежки также был найден на поверхности поселения вместе с материалами черняховской и пеньковской культур [Приходнюк 1990, с. 88, рис. 13:1]. Как видим, ни на одном из перечисленных памятников интересующие нас вещи не входили в состав закрытых комплексов, следовательно, их достоверную связь с пеньковской культурой пока нельзя считать доказанной. Таким образом, не имея достаточных оснований считать антропозооморфные фибулы типа III - IV по А.К.Амброзу хронологическими индикаторами колочинской и пеньковской культур, мы не рассматриваем их в данном разделе работы.

Наконец, в-третьих, морфологическое и типологическое сходство вещевого инвентаря интересующих нас культур обусловили его совместное рассмотрение в тексте работы, хотя в каталоге пеньковские, колочинские памятники и погребения с ингумациями перечислены отдельно друг от друга.

Большую часть датирующих находок с памятников Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья можно разделить на несколько культурно-хронологических групп.

К вещам, определяющим дату начального этапа пеньковской культуры, в литературе зачастую относят железные двучленные фибулы из балки Осокоровки (рис. 99:*1*, ***кат. 53***) и поселения над Звонецким порогом (рис. 99:*2*, ***кат. 56***) [Этнокультурная карта... 1985, с.88, 89; Славяне Юго-Восточной Европы... 1990, с. 251]. Такая же находка сделана на поселении Куня на Южном Буге [Хавлюк 1974, с.188, 211, 212, рис. 2:2; Приходнюк 1985, с. 151, рис. 85:1]. Все эти изделия относятся к группе двучленных воинских фибул по классификации А.К.Амброза. Фибула с поселения Ходосовка (рис. 99:*3*; ***кат. 23***) отличается от указанных выше некоторыми деталями (она меньше по размерам, изящнее, ее чуть расширенная книзу трапециевидная ножка длиннее приемника иглы), однако короткая двухвитковая пружина и цельнолитой иглоприемник сближают ее с перечисленными выше находками. Сходные с рассматриваемыми по профилировке застежки бытуют в Европе в 5 и, какое-то время, в 6 вв. [Schulze-Dorrlamm 1986, s. 600-608; abb. 7; 11; 17:2]. Согласно К.Годловскому, именно сильнопрофилированная дужка, характерная в том числе и для находок из Звонецкого порога, Осокоровки, Ходосовки отделяет в рамках рассматриваемой группы экземпляры позднеримского времени от раннесредневековых [Godlowski 1979, s. 18]. Находки из Киевского Поднепровья, Надпорожья и Южного Побужья обладают достаточным своеобразием по сравнению с синхронными европейскими, поэтому, возможно, составляют особые локальные варианты раннесредневековых воинских фибул. Время их существования можно предварительно определить в рамках 5 в., т. к. их ножки не удлиннены, как у сходных европейских изделий начиная с конца 5 в. [Schulze-Dorrlamm 1986, tab. 1; 2]. Не исключено, однако, что отсутствие тенденции к удлиннению ножки у интересующих нас днепро-бугских фибул является лишь отражением их локального своеобразия, а не хронологическим признаком. Более подробное типологическое и хронологическое определение этих украшений требует дальнейшего накопления материала и его изучения.

Фрагмент железной фибулы, найденный на поселении Колодезный Бугор (рис. 99:*4*, ***кат. 5***), как и аналогичная находка с поселения Кодын-1 пражской культуры [Русанова, Тимощук 1984, с.22, рис. 19:1], также входят в состав группы двучленных воинских фибул по классификации А.К.Амброза. Судя по профилировке дужки, конструкции пружины и приемника иглы, эти изделия относятся к тому же кругу, что и застежки из Звонецкого порога, балки Осокоровки, Куни. М. Шульце-Доррламм выделяет центральноевропейские фибулы с перевитой дужкой и цельнолитым иглоприемником в тип Прага и датирует их серединой - второй половиной 5 в., исключая конец столетия [Schulze-Dorrlamm 1986, s.600-605, abb. 7; tab. 2] И.О.Гавритухин, посвятивший кодынским экземплярам специальное исследование, отмечает, что фибулы с перевитой дужкой существуют на Среднем Дунае в комплексах периода D центральноевропейской хронологии (по Я.Тейралу). Однако основной территорией распространения фибул типа Пильвины, к которому относится и находка из Колодезного Бугра, исследователь считает район Мазурских озер и Верхнее и Среднее Понеманье, определяя время их существования здесь 5 в., скорее, даже его второй половиной [Гавритухин 1989, с. 79, 80].

Как видим, находки с поселений Колодезный Бугор, Звонецкий порог, балка Осокоровка могли бы составить горизонт наиболее ранних вещей и датировать начальный этап существования колочинской и пеньковской культур, однако неясно, насколько достоверно связаны эти фибулы с собственно колочинскими и пеньковскими материалами. Так, в литературе есть сведения лишь о керамике позднезарубинецкого и раннекиевского, но не колочинского времени на поселении Колодезный Бугор [Терпиловский 1984, с. 56, рис. 18; Обломский 1986, с. 41, 43]. В отношении фибул из Звонецкого порога и Осокоровки неизвестно, во-первых, где найдены данные вещи, в закрытых комплексах памятников или вне их. Во-вторых, неясно культурное определение самих этих памятников. О.М.Приходнюк указывает только, что поселения над Звонецким порогом и в Осокоровке "пеньковские", не приводя подробного анализа их материалов [Приходнюк 1985, с. 151]. На поселении Куня фибула была найдена на полу жилища возле печи-каменки, в сопровождении лепной керамики, культурная принадлежность которой не определена [Хавлюк 1974, с. 211, 212]. Таким образом, в настоящий момент мы не имеем достаточных оснований связывать фибулы из Звонецкого порога, балки Осокоровки, Куни, Колодезного Бугра с конкретными памятниками колочинской или пеньковской культур и считать их для этих культур датирующими. Более или менее достоверно определять как раннеколочинский можно только комплекс жилища 3 с поселения Ходосовка [Этно-культурная карта... 1985, с. 95; Абашина, 1991, с. 10, 11]. На основании находки в этой полуземлянке одной из рассмотренных выше фибул следует предположить, что начальный этап существования колочинской культуры датируется в пределах 5 в.

Вторая культурно-хронологическая группа вещей, связанных с колочинской и пеньковской археологическими общностями, включает в себя пластинку из Посудичей (рис. 99:*8*, ***кат. 1***) и фибулу из могильника Картамышево-2 (рис. 99:*9*, ***кат. 18***). Их общим признаком является резной орнамент в виде решетки, состоящей, как бы, из рядов вертикальных пирамидок. В Восточной Европе подобный орнамент встречен также на язычке пряжки с городища Демидовка, на пряжке и пластине из Борковского могильника [Рыбаков 1953, рис. 10:4; Амброз 1970, рис. 1:2-4] и некоторых других вещах. На Дунае и в Северной Италии он известен на боковых поверхностях язычков пряжек

в комплексах периода D3 [Bierbrauer 1975, tav. IV:2 LII:5a, LXIII:3], в более позднее время продолжает существовать на гепидских и меровингских изделиях [Амброз 1970, с. 73, прим. 16, там прочая литература]. К сожалению, немногочисленность восточноевропейских образцов пока не позволяет нам точно определить время и характер проникновения этого орнаментального мотива в Поднепровье. А.К.Амброз детально проанализировал стиль и технику орнаментации пряжек из Борков и Демидовки и пришел к выводу, что они являются изделиями местных верхнеднепровских мастеров и датируются 6 в. [Амброз 1970, с. 71, 73, 74]. К этому же кругу вещей может относиться и фибула из Картамышево-2, хотя не исключено, что в будущем новые находки позволят внести некоторые коррективы в гипотезу А.К.Амброза о верхнеднепровском очаге ювелирного искусства.

Для третьего культурно-хронологического горизонта колочинских и пеньковских древностей характерны двучленные прогнутые подвязные фибулы с корпусом из узкой пластины и шарнирным креплением пружины, найденные на поселении Звонецкое (рис. 53:*11*, ***кат. 54***) и могильнике Кизлевый (рис. 53:*10*, ***кат. 51***). Аналогичная находка происходит также из сборов А.В.Бодянского у с.Волошское (рис. 53:*14*, ***кат. 48***) [Бодянский 1952, табл. V,14]. Эти вещи были рассмотрены в специальном разделе данной монографии, предложенная для них дата - 6 в. (см. гл. 2.2 наст. изд.).

Четвертый культурно-хронологический пласт раннеславянских древностей Среднего Поднепровья и Днепровского Лесостепного Левобережья представлен наибольшим количеством предметов. В первую очередь это фибулы днепровской подгруппы с пятью пальцами или с каймой из птичьих голов вокруг верхнего щитка (Гапоновский, Новосуджанский клады, Бельск, Волошское, Звонецкое, Майорка, Балаклея, Березовка) (рис. 24; 25:*2,3*; 26; 50:*4*; 100; 101:*7*; ***кат. 13, 14, 27, 48, 54, 55, 62, 58***), антропозооморфные (Великобудковский клад, Пузино, Григорьевка, Молочарня, Игрень, пункты 3 и 4, балка Яцевая, Кизлевый, Поставмуки)(рис. 101:*1-6,8*; ***кат 21, 24, 32, 41, 46, 47, 50, 51, 59***), широкопластинчатые подвязные фибулы (Гапоновский клад, Молочарня, балка Яцевая, Кизлевый, сборы из Волошского) (рис. 25:*1*; 53:*3,6-8*, ***кат. 41, 50, 51, 48***), а также детали геральдических ременных наборов (Новосуджанский, Гапоновский, Вильховчикский клады, Москва, Лебяжье-1, Картамышево-2, Большие Будки (Хутор), Коробовка, Игрень-1, Волошское, Кизлевый, Звонецкое, Рябовка-3) (рис. 23:*17,18*; 27; 28; 29:*1-7,10-15*; 30; 35:*8,12,18*; 37:*7*; 42:*8,17-20*; 45:*32,38*; 46:*2,11*; 103:*1-18,21,26*; ***кат. 14, 13, 34, 9, 11, 18, 21, 36, 44, 48, 51, 54, 57***).

Все перечисленные вещи входят в комплексы кладов I группы. Возможно, данному кругу принадлежат также фибулы из Потаповки (***кат. 25***) и Канева (***кат. 31***), однако утверждать это с уверенностью мы не можем, поскольку данные изделия известны лишь по описанию. Вопросы происхождения и датировки пальчатых, антропозооморфных, подвязных широкопластинчатых фибул и поясных наборов геральдического стиля рассматриваются в специальных разделах данной монографии, поэтому здесь мы напомним лишь, что в Поднепровье эти украшения бытовали, по-видимому, в 7 в., во всяком случае, они зафиксированы в комплексах второй и третьей четвертей этого столетия.

Пальчатые фибулы малых размеров (рис. 102:*1-3*) и фибулы, найденные в Березовке и Мартыновке (рис. 102:*4,5*), видимо, синхронны древностям кладов I группы. Это подтверждается, во-первых, совместной находкой в погребении в Березовке одной из упомянутых застежек с днепровской фибулой серии С по Й.Вернеру (рис. 101:*7* ***кат. 58***). Во-вторых, малая фибула типа Кишкереш найдена в верхнем слое Царичин-Града, отложившемся после пожара рубежа 6-7 вв. В этом же горизонте обнаружена и пальчатая фибула днепровской подгруппы, орнаментированная циркульными окружностями (рис. 66:*6,7*). В то же время застежки интересующих нас разновидностей, если не считать пары маленьких фибул из Великобудковского комплекса, ни разу не встречены собственно в кладах I группы. Клад же из Великих Будков, хотя формально и входит в I группу, представляет собой сокровище особого рода, клад ювелира, весьма неоднородный по составу. Как показала В.М.Горюнова, вещи из этого комплекса разделяются на три части: металлический лом, сырье (в слитках), готовая продукция. Украшения, характерные для кладов I группы - антропозооморфная фибула, шейная гривна, цельнолитые браслеты с расширенными концами - встречены здесь в виде обломков, т. е. входят в состав первой группы вещей и представляют ценность только как сырье для изготовления новых изделий. Маленькие пальчатые фибулы, как и нашивные бляшки из свинцово-оловянистого сплава, являются готовой продукцией мастера-ювелира и составляют третью группу клада [Горюнова, 1992, с. 127-130]. Таким образом, хотя малые пальчатые фибулы и встречены в Великих Будках в одном комплексе с изделиями круга "антских" древностей, внутри этого комплекса они составляют две отдельные, не связанные друг с другом совокупности вещей. Исходя из этого, следует, вероятно, малые пальчатые фибулы и фибулы типа найденных в Березовке и Мартыновке выделять в особую подгруппу четвертого культурно-хронологического пласта колочинских и пеньковских древностей.

Кроме открытого на колочинском поселении Великобудковского клада (рис. 102:*2,3*; ***кат. 21***), маленькие пальчатые фибулы на Днепровском Левобережье обнаружены в захоронении в Бабичах (рис. 102:*1*, ***кат. 61***), на многослойном поселении в г.Курске (***кат. 8***) и, вероятно, на пеньковском поселении Игрень-2 (***кат. 45***). Несколько десятков их известно в Поднепровье в качестве случайных находок [Корзухина 1974, с. 322, табл. 27:2-9,11,12,14,15; 75:5-9; 103,9,10].Различные варианты этих фибул найдены в последние годы на пражских памятниках Восточного Прикарпатья [Гавритухин 1991; там прочая литература], а также в Крыму [Айбабин 1990, с. 22, рис.20:2,5-7). Однако основными ареалами рассматриваемых украшений, объединяемых исследователями в группу "мазуро-германских" [Kuhn 1956], "с маской на ножке" [Werner 1950], "малых пальчатых" [Корзухина 1974, с. 321-354] или "пост-вос-

готическогерманских пальчатых" [Гавритухин 1991, с. 127] фибул, является Днестро-Дунайское междуречье и Мазурское поозерье. Ряд датированных комплексов и последние разработки в области хронологии дунайских, мазурских и крымских древностей позволили определить сравнительно узкие даты существования этих вещей. Так, две маленькие пальчатые фибулы встречены во втором слое склепа 10 в Лучистом в сопровождении двупластинчатых фибул с накладками, орлиноголовой пряжки 5 варианта по А.И.Айбабину и маленькой пряжки византийского круга (цельнолитая пряжка с овальным кольцом варианта 3-2 по А.И.Айбабину) [Айбабин 1990, с. 22, рис. 2; 11:2; 20:2,6; 34]. На основе совстречаемости с другими вещами обе эти пряжки датируются в Юго-Западном Крыму второй половиной 7 в. [Амброз 1988, с. 11; Айбабин 1990, с. 34, 42]. В Демьянове, Горошеве, Рашкове малые пальчатые фибулы найдены с керамикой поздних этапов пражской культуры; комплексы с маленькими фибулами различных вариантов из Подунавья датируются 7 в., а в случае возможности сузить дату - серединой этого столетия [Гавритухин 1991, с. 129-131, 134]. К середине - второй половине 7 в., вероятно, относятся и аналогичные изделия из Мазурского Поозерья [Кулаков 1990, с. 154-159].

Приведенные аналогии убеждают, что в целом существование фибул рассматриваемой группы приходится на 7 в. Учитывая сильную деградацию пары великобудковских застежек, время их изготовления можно определить уже - конец 7 в. [Гавритухин 1991а, с. 27, 28; Горюнова 1992, с. 130, 131]. Однако некоторые экземпляры таких украшений, возможно, продолжали использоваться и позже, о чем свидетельствует находка обломка малой пальчатой фибулы в склепе 279 в Скалистом вместе с пряжкой типа Коринф и цельнолитой пряжкой с фигурным, украшенным перекрещивающимися линиями, щитком, которые бытовали в Крыму, по-видимому, в 8 в [Айбабин 1982, рис. 8; Айбабин 1990, с. 45, рис. 2; 20:5; Амброз 1971а, с. 116].

Происхождение фибул типа найденных в погребениях в Березовке (рис. 102:*5*, ***кат. 58***) и Мартыновке (рис. 102:*4*, ***кат. 60***) остается невыясненным. Стиль орнаментации свидетельствует о воздействии на эти вещи южных, как дунайских, так и причерноморских традиций, однако небольшое количество известного материала пока не позволяет точно определить хронологию подобных украшений и их место в типологическом ряду. Вторая фибула из погребения в Мартыновке (рис. 102:*6*, ***кат. 60***) имеет близкие аналогии среди керченских древностей [Корзухина 1974, табл. 106:6; Засецкая 1990, рис. 2:34,37; Айбабин 1990, рис.15:1,4; 16:2; Амброз 1992, табл. X:6-8]. Такие изделия датируются в Крыму достаточно широко, они существуют как в комплексах 6, так и в комплексах 7 вв., а их прототипами, вероятно, были фибулы, изготовленные дунайскими мастерами во второй половине 5 - первой половине 6 вв. [Амброз 1971а, с. 104, 106, табл. II; Амброз 1992, с. 79-81; Засецкая 1990, с. 104, 105, рис. 2; Айбабин 1990, с. 20, 21].

Кроме вещей, входящих в выделенные нами культурно-хронологические группы, на раннеславянских памятниках Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья сделан ряд находок с широкими абсолютными датами. Это прежде всего пряжка с округлой рамкой и длинным язычком из могильника Смяч (рис. 99:*6*, ***кат. 6***). Близкие ей в морфологическом отношении изделия известны в гуннское время на широкой территории - от Франции до Волги и Дона, а на юге - до Керчи и Северной Осетии. А.К.Амброз выделял среди них удивительно однородные на всей территории распространения разновидности, которые считал одним из основных индикаторов древностей 5 в. [Амброз 1971а, с. 102, 103; Амброз 1989, с. 30 и сл.], хотя отмечал, что близкие формы пряжек "пережиточно" могли существовать и позднее [Амброз 1989, с. 36, 41]. Тем не менее многие исследователи ограничивают время бытования хоботковых пряжек только 5 в., что кажется не всегда оправданным. Так, пряжки с длинными хоботковыми язычками и округлыми рамками встречены в погребениях I и II этапов развития могильника Дюрсо как в комплексах с двупластинчатыми фибулами варианта 1а, так и варианта 1б по А.В.Дмитриеву [Дмитриев 1982, с. 99, 103, 104, рис. 6:51; 9:5; 10:10,12,14-16; 11]. Фибулы варианта 1а по аналогиям с дунайскими образцами датируются второй половиной 5 в. [Дмитриев 1982, с. 98, 99; Амброз 1982, с. 113-115; Амброз 1989, с. 48, 49]. Погребения II этапа Дюрсо, с наиболее ранними фибулами варианта 1б и хоботковыми пряжками, по мнению исследователей, относятся уже к первой трети или первой половине 6 в. [Дмитриев 1982, с. 103, 104; Амброз 1989, с.50-52].

Округлые пряжки с хоботковыми, сильно выступающими за пределы рамки язычками, известны также среди материалов приуральских могильников. Вокруг этих древностей в литературе в свое время развернулась бурная дискуссия, не окончившаяся и сегодня. В частности, А.К.Амброз, используя наблюдения над различиями форм и размеров щитков хоботковых пряжек и привлекая некоторые другие данные, предложил периодизацию Бирского а также харинских Бурковского и Митинского могильников. IV этап Бирска и III харинский этап, для которых среди прочих вещей характерны хоботковые пряжки с длинными треугольными или трапециевидными обоймами, А.К.Амброз датировал 7 в. [Амброз 1980, с. 22-32, рис.7:13-16; 8:27-36; 9; 13]. Один из основных оппонентов А.К.Амброза, Р.Д.Голдина верх-саинский этап неволинской культуры с материалами, близкими к материалам IV бирского и III харинского этапов по А.К.Амброзу, датирует 500-575 гг [Голдина, Водолаго 1990, с. 91, 92, табл. LXVI:2, 3, 7-16]. Подробный анализ точек зрения А.К.Амброза и Р.Д.Голдиной не входит в задачи нашей работы; обратим внимание лишь на то, что оба эти исследователя датируют хоботковые пряжки в Прикамье временем, более поздним, чем 5 в.

Вернемся, однако, к находке из Смячи. У этой пряжки отсутствует щиток, что в некоторой степени затрудняет возможность узкого датирования. Приведенные данные свидетельствуют о том, что пряжки с длинными хоботковыми язычками существовали не только в 5 в., но и позже, в 6 или даже в 7 вв. С другой стороны, бытование таких

вещей на Северном Кавказе и в Прикамье в более позднее по сравнению с 5 в. время может быть обусловлено какими-либо локальными причинами, в таком случае переносить их дату на днепровские материалы было бы неосмотрительно. Таким образом, вопрос о верхней границе существования в Поднепровье рассматриваемых пряжек решенным пока считать нельзя.

Пряжки с В-образной рифленой рамкой, близкие находке из могильника Великая Андрусовка-3 (рис. 99:5, ***кат. 40***), так же, как и рассмотренные выше хоботковые пряжки, в эпоху раннего средневековья имели очень широкое распространение - от Центральной Европы и Прибалтики до Приуралья и Северного Кавказа. Перечень находок пряжек этого типа в Восточной Европе см. [Бажан, Каргапольцев 1989, рис. 2]. В отечественной литературе их относят обычно к 6-7 вв. [Седов 1974, с. 34, 35; Седов 1982, с. 52; Аун 1980, с. 87; Амброз 1971б, с. 115, рис. 10:3, 4; Амброз 1989, с. 65, 76-78]. Однако в 1986 г была опубликована работа И.А.Бажана и С.Ю.Каргапольцева [Бажан, Каргапольцев 1986], основные положения которой были повторены в статье 1989 г и где, проанализировав собранный ими центрально- и восточноевропейский материал, исследователи отказались от традиционных для В-образных рифленых пряжек дат [Бажан, Каргапольцев 1989]. Предложенная передатировка, по крайней мере, для находок, сделанных в Восточной Европе, вызывает некоторые возражения. Так, пряжка из Великой Андрусовки включена И.А.Бажаном и С.Ю.Каргапольцевым в состав группы V, которая датируется в пределах 350-525 гг в Центральной Европе и середины 5 - начала 6 вв. в Восточной Европе [Бажан, Каргапольцев 1989, с. 28, 32, 33, рис. 3]. Такие же даты предложены авторами и для рифленых пряжек, составляющих группу VIII. На основаниях язычков некоторые из пряжек этих групп - из Линдоры, Курова, Рекучяя и Памусиса - имеют "утолщение, имитирующее цветную вставку". В связи с этим авторы статьи, ссылаясь на аналогии в ряде "комплексов в долине Темзы", сужают дату таких вещей до второй четверти 5 в., хотя и отмечают, что "вопрос о датирующих возможностях выступов на язычках пряжек требует специального рассмотрения" [Бажан, Каргапольцев 1989, с. 29, рис. 2:30,31,33,40]. В то же время пряжки из Свидян и Засвири, входящие в состав группы VIII по И.А.Бажану и С.Ю.Каргапольцеву, имеют на основаниях язычков расширения крестообразной формы [Бажан, Каргапольцев 1989, рис. 2:36,37]. В.И.Кулаков высказывает мнение, что пряжки с крестообразными расширениями появились в Прибалтике в конце 6 в. в результате трансформации пряжек с трапециевидными и прямоугольными расширениями на язычках [Кулаков 1990, с. 162-163]. Вероятно, более развернутая аргументация обеих точек зрения в будущем поможет решить вопрос о датировке интересующих нас находок в Прибалтике.

Экземпляр язычка пряжки с массивным щитовидным расширением у основания происходит из Великобудковского клада (рис. 103:22, ***кат. 21***). Близкие ему вещи известны в погребениях псковских длинных курганов [Седов 1974, с. 35, табл. 24:2; Седов 1982, с. 52, табл. XVIII:18; XIX: 21,24], а также на городище Зимно на Волыни вместе с материалами пражской культуры [Аулих 1972, с. 61, 62, табл. XI:12]. Приведенные выше аналогии не позволяют определить узкий хронологический отрезок существования подобных изделий. Сам факт находки такого язычка в составе клада, сокрытого, вероятно, не ранее второй половины 6 - рубежа 7 - 8 вв. [Горюнова 1992, с. 131; о Великобудковском кладе и о датировке кладов I группы вообще см. выше в наст. гл. а также в гл. 3 наст. изд.], свидетельствует о том, что пряжки подобной формы бытовали в бассейне Днепра минимум до 7 в.

Продолжим, однако, рассмотрение рифленых пряжек. Цельнолитые пряжки с полой рифленой рамкой и прямоугольным щитком из катакомбы 10 могильника 2 у Лермонтовской скалы и из Шиповских курганов относятся к XI группе по И.А.Бажану и С.Ю.Каргапольцеву. Погребение у Лермонтовской скалы эти исследователи датируют 420-460 гг, поскольку часть его инвентаря имеет аналогии в хорошо датированных комплексах горизонта Унтерзибенбрунн [Бажан, Каргапольцев 1989, с. 32, прим. 38, рис. 2:7]. Однако необходимо отметить, во-первых, что инвентарь данного захоронения был найден не in situ, а в беспорядочном состоянии и на разных уровнях в заполнении катакомбы, и, во-вторых, что он весьма неоднороден и составляет две отдельные группы находок. Вероятно, в катакомбе было совершено, как минимум, два разновременных погребения, инвентарь которых был перемешан при попытке ограбления [Рунич 1976, с. 257-263; Амброз 1980, с. 20, 21; Амброз 1989, с. 37]. Вещи первой группы (хоботковые пряжки, двупластинчатые фибулы и др.) действительно имеют ряд аналогий в комплексах 5 в. Находки же, связанные со вторым погребенным, в том числе пряжка с В-образной рифленой рамкой, близки вещам Шиповской или II группы кочевнических древностей по А.К.Амброзу [Амброз 1989, с. 81, рис. 42].

Дата шиповских пряжек определяется И.А.Бажаном и С.Ю.Каргапольцевым на основе совместной находки одной из них с обкладкой седла, датируемой 5 в. по хронологической схеме И.П.Засецкой [Бажан, Каргапольцев 1989, с. 32]. Однако А.К.Амброз отмечал, что рассматриваемые изделия не имеют аналогов среди экземпляров 5 в. и сближаются скорее с геральдическими пряжками 6-7 вв. из-за их полой широкой рамки. Собственно, вещи Шиповских курганов и некоторых других комплексов, сходные по ряду признаков с украшениями гуннского полихромного стиля, выделены этим исследователем в особую группу кочевнических древностей во многом именно из-за находок подобных пряжек. Датировать эту группу 6 - 7 вв позволили А.К.Амброзу, с одной стороны, ее явственная преемственность с гуннскими древностями 5 в., и, с другой стороны, аналогии 7 в. Башкирии, Крыму, на Северном Кавказе [Амброз 1971б, с. 115, 116; Амброз 1989, с. 65, 66, 76-78]. В результате развернувшейся вокруг хронологии кочевнических древностей дискуссии различия выделенных А.К.Амброзом групп материала признаны археологической реальностью, и, хотя предложенные им даты приняты и не всеми исследователями , изменение этих дат, как нам

кажется, требует серьезной аргументации. Обзор литературы и подведение некоторых итогов дискуссии см. в кн.: [Амброз 1989,с.67-74; Засецкая 1994,с.111-112].

Пряжкам из Шипова и Верхнепогромного посвящена специальная работа А.В.Богачева, в которой автор включает интересующие нас вещи в состав переходной группы изделий, обладающих как признаками древностей "гуннского круга", так и чертами украшений геральдического стиля, и датирует их третьей четвертью 6 в. [Богачев 1995, с. 13, 14].

Подводя итог всему сказанному, отметим, что датировку пряжек с В-образной рифленой рамкой, предложенную И.А.Бажаном и С.Ю.Каргапольцевым, следует, на наш взгляд, признать недостаточно доказанной и оставить пока вопрос о верхней границе существования в Восточной Европе указанных пряжек открытым.

Фрагменту нижнего щитка пальчатой фибулы из Великобудковского клада (рис. 104:*1*, ***кат. 21***), как и фибуле из Казачьей Локни (рис. 104:*2*, ***кат. 15***), точных соответствий подобрать не удалось. Широкие же аналогии им есть как в комплексах 6, так и в комплексах 7 в. [Амброз 1971а, с. 104; Айбабин 1990, с. 21]. Сужение этих рамок требует дальнейшего изучения данной категории украшений.

Особое место даже среди широко датируемых находок занимает железная двучленная фибула с поселения Шишино-5 (рис. 99:*7*, ***кат. 22***). Она относится к средневековым сериям группы фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника иглы по А.К.Амброзу. Группа выделяется только по наличию завитка, остальные признаки этих фибул очень разнообразны. Они распространены на Балканах, в византийских крепостях Подунавья, в Крыму, Поднепровье, на Нижнем Поволжье, на Кавказе, у салтовских племен Северского Донца. Развитие типа на Кавказе происходило в рамках 1-9 или первой половины 10 вв., балканские и дунайские варианты подобных изделий в литературе датируются концом 4-6 вв. [Харламбиева,Атанасов 1991, с. 42 - 45, табл. I - III; Амброз 1966, с. 45 - 47, табл.6:3-9; Михеев 1986, с. 171, рис. 6:19; Дмитриев 1982, с. 101, рис. 4:5,6; Березовец 1963, рис. 18:4]. Интересующая нас застежка, вероятно, находится ближе к северокавказским вещам и относится не к ранним разновидностям подобных украшений. Однако отсутствие детальных типологических схем, неразработанность хронологии этой группы фибул не позволяют определить узкую дату существования шишинской находки.

Перстень из Сушков (рис. 104:*3*, ***кат. 33***), аналогия которому в Поднепровье, по данным А.В.Бодянского, происходит из сборов у с.Волошское [Бодянський 1952, с, 173], датируется в ряде работ концом 5 в. на основании находки близкого изделия в одном из центральноевропейских комплексов [Приходнюк 1985, с. 151 - 152, 343; Этнокультурная карта... 1985, с. 89]. Однако хронологические рамки существования этих вещей гораздо шире. Например, аналогичные перстни известны среди ливских древностей 10-13 вв. в Прибалтике [Latvijas PSR Arheologija 1974, с. 365, табл. 53, рис. 3]. Есть сведения о подобных находках в Северном Причерноморье в первые века н.э [Приходнюк 1985, с. 343]. Таким образом, ограничивать время существования рассматриваемого типа украшений только 5 в. было бы неверно.

Кроме фибул и поясной гарнитуры на раннеславянских памятниках встречаются и другие изделия из железа и цветных металлов. Это пряжки с овальной, прогнутой в передней части (рис. 103:*19,20,24,25*), а также с прямоугольной, гитаровидной и другими формами рамок, цельнолитые браслеты с расширенными орнаментированными (рис. 104:*9*) и неорнаментированными и с расплющенными (рис. 104:*10,11*) концами, шейные гривны, браслетообразные и односпиральные височные кольца, трапециевидные (рис. 104:*5*), умбоновидные (рис. 104:*8*) и двуспиральные подвески, колокольчики (рис. 104:*6,12*), трубочки-пронизки (рис. 104:*7*), нашивные бляшки и накладки (см. каталог, прил. 3). К сожалению, неразработанность типологических и хронологических схем, широкая территория распространения каждой из перечисленных категорий вещей не позволяют сколько-нибудь уверенно отнести их к какому-либо одному периоду относительной хронологии раннеславянских древностей. Достаточно четко можно определить лишь верхнюю границу их существования в Поднепровье. Большая часть перечисленных украшений входит в состав кладов I группы, в кладах II группы многие из них представлены уже другими разновидностями. Кроме того, колокольчики характерны для погребений нижнего слоя Суук-Су, а трапециевидные, умбоновидные подвески и трубочки-пронизки встречены в Лучистом во втором и третьем слоях захоронений вместе с пряжкой типа Сиракузы, поздней орлиноголовой пряжкой и пальчатыми фибулами днепровской подгруппы [Айбабин 1988, с.7, рис. 2]. Как видим, рассматриваемые украшения на последнем этапе своего существования синхронны вещам четвертого культурно-хронологического пласта, и верхняя граница их бытования в Поднепровье вряд ли выходит за пределы второй половины 7 в.

Подведем некоторые итоги. В результате анализа раннесредневековых древностей Среднего Поднепровья и Днепровского Лесостепного Левобережья было выделено четыре культурно-хронологических группы вещей. Находка на поселении Ходосовка двучленной воинской фибулы позволяет датировать начальный этап существования колочинской (и, возможно, пеньковской) культуры в пределах 5 в. Уточнить эту дату на основании вещевого материала мы не можем, поскольку другие относительно ранние находки либо недостоверно связаны с культурным слоем конкретных памятников (фибулы из балки Осокоровки, Звонецкого порога, Колодезного Бугра), либо существовали в сравнительно широких временных рамках (пряжка из Смячи). Очевидно, для решения проблемы установления нижней хронологической границы колочинской и пеньковской культур необходимо привлекать к анализу другие материалы, в первую очередь их керамические комплексы. В то же время верхний рубеж существования древностей колочинского и пеньковского типов достаточно уверенно можно определять в рамках второй половины - конца 7 в. Единственный памятник, для которого в принципе возможна более

поздняя датировка - поселение Шишино-5, на котором найдена близкая бытовавшим в среде салтовских племен до 9 - первой половины 10 вв фибула с завитком на конце сплошного приемника иглы. Однако выше уже говорилось о необходимости более детального типологического и хронологического изучения этой группы украшений. Вещи, характерные для четвертого культурно-хронологического горизонта колочинских и пеньковских древностей, найдены также в ряде погребений с ингумациями, исследованных в лесостепном Поднепровье. В связи с этим наиболее вероятной датой таких погребений представляется середина и третья четверть 7 в.

5. Памятники волынцевского типа,их специфика и генезис

1. Термин "памятники волынцевского типа"

Древности волынцевского типа распространены, в основном, на территории Днепровского лесостепного Левобережья и в бассейне Северского Донца, хотя известны они и севернее (в Подесенье и в Посеймье), а также западнее - в Среднем Поднепровье. Обращение к ним продиктовано тем, что, согласно весьма популярной точке зрения, именно они претендуют на роль славянских древностей периода 6-7 вв. в Среднем Поднепровье, во всяком случае, в левобережной его части. В своих обобщающих публикациях к 7-8 вв. относит волынцевские памятники С.П.Юренко [Юренко 1985, с. 122-123].

Истоки этой интерпретации волынцевских древностей находятся в полемике между Д.Т.Березовцом и И.И.Ляпушкиным. Анализируя очень краткие публикации материалов раскопок Волынцева Д.Т.Березовца и скудные, допускающие различные толкования сообщения Н.Е. Макаренко и В.Ф.Беспальчева о работах на могильнике в Малых Будках, И.И.Ляпушкин усомнился в типологическом своеобразии самих поселений и могильников,предположив, что памятникам волынцевского типа, по-видимому, свойственны, как и роменским, городища и курганные могильники. Открытие нескольких десятков памятников волынцевского типа в ареале, в общих чертах совпадающем с роменским, позволило в настоящее время отвергнуть эти сомнения - памятники волынцевского типа на самом деле представлены неукрепленными селищами (за исключением Битицы) и бескурганными могильниками (Сосница-Лан - поселение и могильник, Беседовка-Белопольщина (Малые Будки) - поселение и могильник, Лебяжье-3 - могильник, Киев-Китаево, Обухов-2, Ходосовка, Белгородка, Переяслав-Хмельницкий, Савинцы, Терновый, Вовки, новые исследования Волынцева 1980-1982 гг., произведенные С.П.Юренко, Роище и другие - поселения), и тем самым сближаются с культурой предшествующего времени.

Тем не менее, в вопросах хронологии позицию И.И.Ляпушкина разделили Е.А.Горюнов и Н.М.Кравченко, которые отнесли исследованные ими памятники волынцевского типа ко времени не ранее середины 8 в. [Горюнов 1975, с. 4; Кравченко 1979, с. 89]. Отчасти разногласия обусловлены неодинаковым пониманием исследователями того, что именно следует иметь в виду под термином "памятники волынцевского типа". До начала 70-х гг. волынцевские памятники были единственными известными, относящимися к предроменской поре второй половины I тыс. н. э. на территории Днепровского Левобережья, кроме кладов и отдельных вещей "древностей антов". Термин "памятники волынцевского типа" понимался как указатель принадлежности к определенному этапу развития культуры местного населения, предшествовавшему роменскому, и приобрел, как бы, стадиальный оттенок.

С появлением на археологической карте Среднего Поднепровья поселений и могильников пеньковской и колочинской культур третьей четверти I тыс. н. э., к волынцевскому типу стали относить все памятники, которые в системе хронологии второй половины I тыс. н. э. занимают место после пеньковских и колочинских и до роменских, и имеют переходный характер. Подобного понимания волынцевских памятников придерживался П.Н.Третьяков[Третьяков 1982, с. 98], эту точку зрения разделяют О.В.Сухобоков [Сухобоков 1975, с. 70 - 75], С.П.Юренко [Сухобоков, Юренко 1978; Юренко 1983]. Таким образом, в выделяемую С.П.Юренко волынцевскую археологическую культуру включаются такие разнородные памятники, как Хитцы и Засулье под Лубнами, содержащие позднепеньковские слои, с одной стороны, и Новотроицкое, Опошня, Канев, Монастырек, относящиеся к IX в - с другой. В таком виде эта культура не имеет специфических, присущих лишь ей характерных особенностей, и термин "волынцевская культура" остается синонимом переходного этапа между третьей четвертью и концом I тыс. н. э. на территории Днепровского Левобережья и Правобережного Приднепровья.

Вопрос об этнической принадлежности населения,оставившего памятники волынцевского типа, решается С.П.Юренко с позиций ретроспективного метода. Близость волынцевских памятников роменской культуре выдвигается в качестве доказательства их славянского характера. Отмечает автор и наличие иноэтничных элементов.

Сторонники другого понимания термина "памятники волынцевского типа" стремятся прежде всего определить их специфику по отношению к предшествующим, последующим и синхронным древностям. Основные отличительные черты волынцевских памятников сводятся к наличию в их керамическом комплексе гончарной керамики, представленной, в основном, характерной формой горшка "волынцевского типа" с прямым венчиком, к большому количеству импортных вещей салтовского происхождения и заимствованию некоторых элементов домостроительства, характерных для салтовской культуры. Если пренебречь этими особенностями, то памятники волынцевского типа можно было бы отнести частично к древностям круга Сахновки. Наиболее поздние волынцевские комплексы принципиально не отличаются от роменских материалов Опошни и Новотроицкого, что убедительно показано С.П. Юренко. Однако при таком подходе теряет право на существование

само понятие " волынцевская культура". Очевидно, следует дополнительно рассмотреть отмеченные особенности волынцевских памятников с тем, чтобы определить их место в культурной стратиграфии Среднего Поднепровья второй половины I тыс. н. э. и еще раз остановиться на тех аргументах, которые приводятся в пользу датирования их 7 - первой половиной 8 вв.

2. Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения

Сложность и неоднородность керамического комплекса является отличительной чертой памятников волынцевского типа,что неоднократно отмечалась исследователями. Еще в начале раскопок поселения и могильника у с.Волынцево Д.Т.Березовец указал на присутствие четырех компонентов в наборе керамики. Он выделил группу грубой лепной посуды, близкую роменской по облику и способу изготовления; характерные гончарные чернолощеные сосуды с высоким прямым венчиком, которые стали называться "горшками волынцевского типа", лепные подражания им, выполненные из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка, с заглаженной или подлощенной поверхностью; обломки привозных амфор [Березовец 1953, с. 35 - 36].

В последние годы лепная керамика волынцевских памятников привлекалась для сопоставления с посудой роменской культуры (С.П. Юренко, А.А.Узянов) и с керамикой памятников 8-9 вв. на Правобережье Днепра (В.А.Петрашенко), в результате чего была установлена преемственность традиций изготовления посуды у населения, оставившего волынцевские памятники, и достоверно славянскую культуру 9 в. [Юренко 1983, с. 9, 10, 15, 16; Узянов 1981, с. 103, 104; Петрашенко 1992, с. 80 - 102].

Особого внимания заслуживают те формы лепных горшков, которые роднят комплекс волынцевской посуды с ***керамикой третьей четверти I тыс. н. э.*** Д.Т.Березовец отмечал, что при раскопках поселения у с.Волынцево встречались "об ломки сосудов, близкие керамике Колочинского городища" [Березовец 1967, с. 169]. О.В.Сухобоков привел образцы ранних лепных форм из Волынцева [Сухобоков 1975, с. 33, рис. 10]. Тем не менее отсутствие достоверной полевой документации по всем объектам раскопок Д.Т.Березовца в Волынцеве заставили Е.А.Горюнова предположить существование на поселении нарушенного культурного слоя третьей четверти I тыс. н. э., материалы из которого смешались с достоверно волынцевскими в заполнении жилищ и хозяйственных ям [Горюнов 1981, с. 54]. В то же время он отмечал близость отдельных форм лепных горшков из наиболее ранних волынцевских комплексов характерным типам посуды пеньковской культуры [Горюнов 1981, с. 90].

Доследование Волынцева, проведенное С.П.Юренко, показало, что памятник является однородным в культурном отношении и "архаические" элементы характеризуют один из этапов существования поселения волынцевского типа. В отличие от Д.Т.Березовца исследовательница соотнесла их не с колочинской, а с пеньковской традицией [Юренко 1981, с. 327, 328; Юренко 1982, с. 337].

Керамика, характерная для третьей четверти I тыс. н. э., встречена также в волынцевских горизонтах поселений Вовки, Беседовка, Ходосовка, Обухов-2. Она совершенно отсутствует на могильниках волынцевского типа, Сосницком поселении и Битицком городище, материалы которых представлены небольшими коллекциями или являются достаточно поздними для волынцевского горизонта.

Для того, чтобы охарактеризовать основные формы "архаической" посуды и определить ее место в керамике памятников волынцевского типа, рассмотрим материалы, происходящие из документированных 21 жилища поселения Волынцева, 8 жилищ Ходосовки, 5 жилищ Вовков. Выбор памятников обусловлен тем, что, хотя и не все они являются однослойными, ни один из них не содержит горизонтов, относящихся ко второй половине I тыс. н. э., кроме волынцевских, или инородные по отношению к волынцеву материалы вычленяются планиграфически, как в Вовках. Это практически исключает случайность попадания в комплексы отдельных жилищ керамики, близкой посуде третьей четверти I тыс. н. э.

В рассматриваемую группу входит лепная керамика, изготовленная из отмученной глины с небольшой примесью зёрен шамота мелкого и среднего размера и песка, с ровной, подглаженной поверхностью. За редкими исключениями она лишена орнамента. Наиболее часто встречающиеся округлобокие и биконические горшки находят прямые аналогии среди керамики позднего этапа колочинской и пеньковской культур Поднепровья. Так, слабопрофилированные округлобокие сосуды с незначительным отгибом венчика и наибольшим расширением в верхней части тулова или по середине высоты (рис.97:*1,5*) соотносятся с типами 7, 8, 10 пеньковской керамики по классификации, предложенной в настоящей монографии. Биконические сосуды с отогнутым венчиком и без венчика (рис.97:*4*) также аналогичны пеньковским типов 1 – 6. Кроме описанных, встречаются, но не образуют серий цилиндроконические и тюльпановидные сосуды, попадаются фрагменты массивных зерновиков с треугольным валиком под венчиком. Представлены в небольшом количестве и плоские диски-крышки (рис.97:*6-9*).

На волынцевских памятниках керамика описанных видов встречается вместе с гончарной и грубой лепной посудой с обильной примесью шамота в тесте, шероховатой поверхностью и со значительно отогнутым венчиком, украшенным пальцевыми вдавлениями или оттисками палочки(рис.97:*10-17*) [Щеглова 1986, с.16-20]. Специальное исследование, проведенное В.А.Петрашенко, показало, что эта группа керамики очень близка ***посуде*** памятников ***типа Сахновки*** Днепровского Правобережья [Петрашенко 1992, с.93]. Сахновский набор сосудов, в свою очередь (в противоположность мнению О.М.Приходнюка), резко отличается от пеньковского. С другой стороны, лепная керамика Среднего Поднепровья 8-9 вв. в значительной степени сходна с посудой культуры Луки Райковецкой, хотя и имеет свою специфику

[Петрашенко 1992, с.97-102]. Древности Среднего Поднепровья этого периода отнесены к культуре Луки-Райковецкой и в ряде обобщающих работ 80-х - 90-х гг [Смиленко 1985, с. 106, 107; Смиленко, Юренко 1990, с. 259 - 261].

При анализе распределения материала прежде всего привлекает внимание то, что архаичные виды керамики неравномерно представлены на разных памятниках. Так, сосуды с ребром не встречены в Ходосовке, а тюльпановидные и цилиндроконические горшки происходят только из Волынцева. Вероятно, отмеченные особенности свидетельствуют о связи ранних элементов волынцевского керамического комплекса с керамикой, характерной для местной культуры предшествующего времени 6-7 вв. Ареал памятников волынцевского типа охватывает территории, на которых в более раннее время были распространены памятники пеньковской и колочинской культур, и контактную зону между ними на Левобережье [Горюнов 1981, с. 50], а также выделенную В.А. Петрашенко северо-среднеднепровскую группу памятников на правом берегу Днепра [Петрашенко 1981, с. 102]. Наличие в ряде жилищ Волынцева наряду с округлобокими и биконическими некоторого числа цилиндроконических и тюльпановидных сосудов, характерных для колочинской культуры, распространенной в среднем течении Сейма , указывает на то, что наиболее ранние комплексы этого памятника хронологически смыкаются с ней. Появляется возможность говорить об участии некоторых групп колочинского населения в формировании культуры волынцевского типа в Посеймье, Подесенье, верхнем течении Сулы и Псла, что подтверждается материалами не только Волынцева, но и других памятников этих районов (Роище, Беседовка).

Для 6-7 вв. северной части Киевского Поднепровья не характерны биконические сосуды и цилиндроконические горшки с отогнутым венчиком. Переход от культуры 6-7 вв. к волынцевской зафиксирован на многослойном памятнике Обухов-2, где выделены комплексы "первой половины 8 в." [Кравченко 1979, с. 88]. К сожалению, материалы этого очень интересного памятника опубликованы фрагментарно. Сведения, содержащиеся в отчетах, позволяют сделать вывод о наличии в горизонте 6-7 вв. Обухова-2 комплексов пражской культуры.

В ранней группе керамики из Вовков, самого южного поселения волынцевского типа, представлены как округлобокие, так и биконические сосуды, характерные для пеньковской культуры, распространенной в среднем и нижнем течении Сулы, Псла и Ворсклы, и хорошо известные по керамике Хитцов. Пеньковские формы, округлобокие или биконические, обнаруживаются в комплексе ранней керамики всех рассмотренных памятников. Их распространение на волынцевских поселениях выходит за пределы ареала пеньковской культуры. Керамика "южного" облика встречена в Волынцеве, Роище, в бизких волынцевским комплексах Целикова Бугра и Стрелицы в Подесенье. Е.А.Горюнов предполагал, что появление этих памятников связано с этнокультурным сдвигом, с продвижением в 6 - начале 8 вв. пеньковского населения на север под нажимом кочевников [Горюнов 1981, с. 94]. Рассматриваемые материалы не дают оснований для пересмотра этой точки зрения. Необходимо оговорить лишь то, что под этнокультурным сдвигом следует понимать не механическую передвижку пеньковского населения на север, а его вживание в среду близкого в культурном отношении, и, вероятно, этнически родственного колочинского населения. Этим, по-видимому, объясняется совместное бытование пеньковских и колочинских форм в ряде комплексов Волынцева.

В 1986 г О.А.Щеглова предложила схему периодизации волынцевских древностей, в развитии которых выделяется 4 этапа. Общая логика эволюции заключается в постепенном изживании "постпеньковских и постколочинских форм" в керамическом комплексе, появлении на второй стадии специфической гончарной посуды и в исчезновении ее к заключительному четвертому этапу. На последней фазе формируется ***роменский набор форм***, получает распространение керамика с веревочным орнаментом [Щеглова 1986, с. 20, 21]. Необходимо отметить, что эта схема может восприниматься лишь в качестве предварительной: она "работает" не для всего ареала волынцевских древностей. В нее, например, не укладываются памятники бассейна Северского Донца (трупосожжения Дмитриевского могильника, поселения Сухая Гомольша, Тимченки и др.), в комплексах которых архаичные пеньковские формы существуют очень долго, вплоть до салтовского периода. На Правобережье Днепра комплексы с керамикой волынцевского типа сменяются характерными для поздних фаз культуры Луки Райковецкой. Отмеченная в 1986 г. тенденция направления развития волынцевского керамического набора наблюдается лишь на памятниках Днепровского лесостепного Левобережья.

Постепенное изживание ранних видов в керамическом комплексе волынцевских памятников этого региона и его сближение с роменским служит еще одним подтверждением того, что памятники волынцевского типа выступают в качестве промежуточного звена, своеобразной прослойки, между археологическими культурами третьей четверти I тыс. н. э. и достоверно славянскими памятниками 9 в. Ранние виды представлены на первых двух этапах развития керамического комплекса достаточно широко, иногда количественно преобладают среди лепной керамики. По-видимому, первую группу керамических комплексов без гончарной чернолощеной посуды можно соотнести по типологическим признакам с памятниками типа Сахновки в Поросье.

Можно предложить следующую интерпретацию наблюдений над закономерностями распределения различных, в том числе ранних, видов керамики на волынцевских памятниках. Сохранение местных традиций в сочетании с распространением пеньковских форм сосудов на первых этапах развития керамического комплекса отражает участие в создании волынцевской культуры местного населения в Киевском Поднепровье и на Левобережье. В Волынцево эта картина осложнена, вероятно, продвинувшимися сюда с юга носителями пеньковской культуры, однако это - лишь субстратное явление. Своеобразие древно-

стей волынцевского горизонта заключается в распространении лепных сосудов с наибольшим расширением в верхней трети тулова и прочих форм второй группы лепной посуды. Эта керамика мало чем отличается от сахновской Правобережья Среднего Поднепровья. Специфику волынцевскому керамическому комплексу придает и ***гончарная керамика***, центр производства которой находится в ареале волынцевских памятников. Она не имеет прототипов среди лепной керамики ранних видов и ее изготовление, видимо, связывается с деятельностью пришлого салтовского населения, присутствие которого в Среднем Поднепровье в это время фиксируется и по другим данным.

Весьма показателен также **"волынцевский" тип жилища**. Подавляющее большинство построек этого культурно-хронологичяеского горизонта представляет собой полуземлянки с глинобитными печами, как правило, расположенными в углах домов [Юренко 1985, с. 118]. Своды печей сооружены с применением яйцевидных вальков из обожженной глины. Постройки с открытыми очагами, характерные для предшествующих колочинской и пеньковской культур, крайне редки.

Наиболее ранние жилища с печами подобного типа исследованы на памятниках пражской культуры середины 5 - середины 6 вв. в поречье Горыни, бассейне Западного Буга и Сана. Позже жилища с печами, в конструкцию которых входили вальки, распространяются на восток вплоть до Поднепровья и на северо-восток - до Припяти. В Среднем Поднепровье наиболее ранняя аналогичная печь зафиксирована в пражском жилище Старокиевской горы [Гавритухин 1993, с. 104 - 110]. Широкое распространение глинобитных печей в Среднем Поднепровье происходит только на этапе Сахновки - Луки Райковецкой [Смиленко 1985, с. 113]. На территории Днепровского Левобережья в постройках, достоверно относящихся к пеньковской и колочинской культурам, печи отсутствуют. Применение их в качестве особого устройства отопления жилищ начинается только на волынцевском этапе. Поскольку в более раннее время традиция возведения печей на Днепровском Левобережье не прослеживается, то начало их массового строительства связано с притоком населения, ранее обитавшего к западу от Днепра.

3. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга

В работах разных исследователей приводится несколько вариантов дат существования волынцевских древностей, что объясняется неодинаковым пониманием их специфики, но верен и обратный тезис: различия в понимании этих памятников во многом связаны с недостаточной разработанностью вопросов их хронологии, особенно начальных фаз существования феноменов, определяющих своеобразие древностей, объединяемых в волынцевский тип (или культурно-хронологический горизонт). Кроме вещей салтовского происхождения, которые не позволяют отнести нижнюю границу периода существования волынцевских памятников с характерной гончарной керамикой ко времени ранее середины - конца 8 в. [Щеглова 1987] (новые материалы см. [Петрашенко 1989]), для датирования рассматриваемых древностей используются материалы Харьевского и Фативижского кладов.

Харьевский клад, опубликованный Д.Т. Березовцом в 1952 г., обычно привлекается для характеристики древностей волынцевского типа, поскольку вещи, входившие в его состав, хранились в лепном горшке с высоким горлом и заглаженной поверхностью [Березовец 1952, с.69]. Горшки такой формы, являющиеся подражанием гончарным сосудам волынцевского типа, характерны для волынцевских поселений, а в особенности - могильников, и встречаются на роменских памятниках, где их гончарные прототипы уже отсутствуют.

Харьевский клад, включающий серебряные антропоморфные пластинчатые фибулы, золотые и серебряные пустотелые серьги, серебряные звездообразные подвески, серебряные браслеты с полыми и сплошными расширенными концами, а также другие предметы, не является чем-то из ряда вон выходящим. По составу он очень близок Пастырскому кладу 1949 г., Зайцевскому и другим комплексам, образующим группу 2б "древностей антов" (см. часть 2.7). Производство некоторых вещей, встреченных в этих кладах, связывается с Пастырским городищем, откуда происходит большая коллекция ювелирных изделий тех же типов, что и представленные в кладах группы 2б. Этот тезис нашел подтверждение в материалах недавних раскопок О.М.Приходнюка и М.Ю.Брайчевского на Пастырском городище, где были обнаружены матрицы ряда украшений этого круга [Приходнюк 1993; 1994].

Следует отметить, что на поселениях и в могильниках с круговой керамикой волынцевского типа пока ни разу не были встречены вещи, идентичные украшениям из Харьевского клада и Пастырского городища. Никогда не встречается в комплексах вместе с гончарной керамикой волынцевского типа и характерная серолощеная пастырская посуда, неоднократно найденная с вещами круга кладов группы 2б. Это, конечно, нельзя объяснить удаленностью Пастырского городища от основного ареала памятников волынцевского типа. На многослойных поселениях, содержащих слои волынцевского периода, находки пастырской керамики и отдельных вещей типа Харьевского клада связываются с комплексами, предшествующими тем, что содержат гончарную волынцевскую керамику (Хитцы; комплексы V типа в Обухове) [Горюнов 1981, с.78, 81; Кравченко 1979; с.88; 1980]. По-видимому, волынцевская круговая керамика появляются в Среднем Поднепровье уже после гибели Пастырского городища и центров производства пастырской посуды.

Д.Т.Березовец, обследовавший *место находки* Харьевского клада, собрал там большую коллекцию керамики (Фонды ИА АН Украины, коллекция N 153). Из нее лишь 3 фрагмента можно отнести к третьей четверти I тыс.н.э. Фрагменты сковородки и 2-х сосудов вполне отвечают представлениям о керамике ранних волынцевских памятников.Обломков гончарных сосудов здесь не найдено. Состав Харьевского клада, судя по приведенным выше наблюдениям, вполне соответствует обнаруженным на поселении, пусть и немногочисленным, материалам. Приведенной сумме фактов противоречит лишь определение горшка, в котором был найден Харьевский клад, как

подражания гончарному волынцевскому сосуду. Не исключено, в этой связи,что волынцевская гончарная керамика сосуществовала с украшениями набора, входившего в состав группы 2б, при этом, зону такого сосуществования, по видимому, следует ограничивать Посеймьем, да и длительность указанного феномена, очевидно, была небольшой.

Приведенные синхронизационные выкладки и соответствуют ряду наблюдений над древностями волынцевского типа. Еще Д.Т.Березовец обратил внимание на **Битицкое городище**, определив его функцию как северо-западного форпоста хазарского каганата [Березовец 1965, с.53], что подтверждено В.В.Приймаком, опирающимся на анализ этнокультурной структуры этого памятника в свете новых материалов [Приймак 1995 - в печати]. О.А.Щегловой было показано, что уменьшение количества круговой гончарной керамики в комплексах прямо пропорционально их удаленности от Верхнего Псла, где расположено Битицкое городище [Щеглова 1987а, с.10]. Создание ремесленного центра, продукция которого рассчитана и на потребление местным населением, вполне соответствует роли форпоста. Наверное,Битица была опорным пунктом хазар на той части Днепровского Левобережья,которая попала под власть каганата в результате первых походов. Это же поселение было базой для последующих набегов и контроля над новой зоной влияния. Удержание контролируемой территории без ее заселения требует повторных военных экспедиций. Вероятно, во время одной из них и был сокрыт Харьевский клад, отразивший эпоху между первыми походами, результаты которых были закреплены созданием Битицкого центра, и утверждением контроля хазар над более обширными территориями. Возможно, поэтапность и ограниченность экспансии Хазарского каганата имела одним из следствий сохранение некоторых "харьевских" традиций в ювелирном ремесле части населения, жившего к востоку от Днепра вплоть до формирования роменской культуры [Григорьев 1990; Приймак 1995 - в печати].

Особого обсуждения требует комплекс из "разрушенного ***погребения в жилище 53"*** на Битицком городище [Сухобоков, Юренко 1993, с.127,134]. Авторы публикации справедливо отмечают важность этого комплекса и обоснованно рассматривают его в контексте развития ювелирных традиций украшений харьевского круга . К сожалению, находки с Битицкого городища не изданы полностью, а его материалы характеризуются в предварительных публикациях суммарно, что не позволяет использовать эти данные с желаемой полнотой. Из упомянутой заметки О.В.Сухобокова и С.П.Юренко не понятно, кем было разрушено погребение в жилище 53, но утверждается, что городище является однослойным (в рамках волынцевского горизонта) памятником, во всяком случае, ни о какой дифференциации известных здесь древностей второй половины I тыс.н.э. речи не идет. Остается предположить, что погребение разрушено во время массовой застройки площадки поселения , тогда вещи "харьевской" традиции предшествуют массовому производству и распространению волынцевской керамики. С другой стороны, если будет доказано, что данный комплекс связан именно с эпохой волынцевской гончарной посуды, встанет вопрос о выделении нескольких горизонтов волынцевского периода на этом памятнике.В этом случае комплекс из погребения в жилище 53 будет относится к тому же времени , что и Харьевский клад (то есть к периоду сосуществования вещей, типичных для кладов группы 2б, с волынцевской гончарной керамикой) или рассматриваться в указанном ряду древностей, свидетельствующих о сохранении "харьевских" традиций у части населения Днепровского Левобережья.

С каким набором керамики связан **Фативижский клад**, мы не знаем. Зато, этот комплекс, обнаруженный в 1913 г. в с.Фативиж современного Глуховского района Сумской области, включает вещи, послужившие прототипами для некоторых находок с памятников, на которых встречена круговая волынцевская керамика (серебряная серьга с длинной литой привеской - **Битица**, пластинчатые браслеты с расширенными концами и ребром посередине - **Волынцево - могильник и, в более позднее время, городище Новотроицкое**).Серьга типа Фативижского клада оказалась на Битицком городище в юртообразном жилище N2, где помимо нее были найдены амфора, железное ботало, пряжки, сошник и другие предметы салтовского круга.

В некоторых исследованиях вещи из Фативижского клада принято относить ко времени не позднее 7 в., что служит одним из оснований датировки и волынцевских комплексов [Брайчевский 1953, с.100; Сухобоков 1975, с.88]. Вероятно, такое мнение сложилось не без влияния В.А.Козловской, впервые опубликовавшей этот клад и относившей его к 5-6 вв., т.е., по ее мнению, к гуннскому времени [Козловская 1928, с.51-52]. Следует отметить, что круг аналогий ременной гарнитуры из Фативижа был этой исследовательницей очерчен,в целом,правильно, среди древностей из Венгрии, относящихся к 2-ой группе по системе Й.Хампеля. Очевидно, ей не могли быть известны работы А.Альфельди и других ученых, показавших в публикациях, начавших выходить с 1926 г . что 2-я группа Й.Хампеля отражает позднеаварскую, а не гуннскую или сарматскую культуру, как думали раньше [Археология Венгрии, с.319; Гавритухин 1990, с.123].В последующих работах эти изменения в понимании среднедунайских вещей не учитывались. Внесению корректив мешал и запрет ссылаться на книгу, где была опубликована статья В.А.Козловской. Очевидно, такая ситуация и породила кажущееся странным удревнение даты клада в трудах ряда украинских археологов.

Хотя точных аналогий поясному набору и некоторым типам сережек из Фативижа не найдено ни на территории Среднего Поднепровья, ни за его пределами, датировка этого комплекса в рамках 8 в. на уровне знаний, по крайней мере, последнего полустолетия не может вызывать сомнений [Erdelyi 1982, с.139]. Можно попытаться более конкретно охарактеризовать фативижские вещи, что позволит как сузить эту дату, так и прояснить некоторые особенности памятников волынцевского круга.

Язычок фативижской пряжки массивный, с расширением в передней части, свисающий за рамку, обильно украшенный, с крупным выступом-площадкой в задней части, указывает на традиции, сложившиеся в зоне византийского влия-

ния. Круг прототипов таких изделий нашел отражение, например, в большой пряжке из Перещепинского комплекса [Werner 1984, с.21-24], а позднее язычки такого стиля становятся обычными от Сицилии [Byzantinische Grabfunde ...] до Крыма [Айбабина 1993]. Некоторое распространение подобные язычки получают на Кавказе и в Среднем Поволжье, а для аварских, приуральских и азиатских пряжек 8 в. они не характерны (примеры см. в соответствующих частях [Степи Евразии...; Ковалевская 1979; Богачев 1992; Zabojnik 1991; Голдина 1985; Голдина, Водолаго 1990; Распопова 1980 и др.]).

Фативижские накладки - совершенно иного круга. Накладки со сценой терзания имеют килевидную форму ("килем" вверх), округлые бока, суживаются книзу и дополняются сложной подвеской, очертаниями вписывающейся в пятиугольник. Еще одна накладка - прямоугольная, украшенная кербшнитным орнаментом из треугольников, дополнена подвеской, как на вышеописанных бляшках. Среди восточноевропейских находок накладка такой формы и орнаментации известна по коллекции Музея истории Донского казачества и происходит из одного погребения в Рыгино на Нижнем Дону [Раев 1979]. В рамках Евразии подобные изделия представлены рядом вариантов на памятниках позднеаварского круга (классы 245-248, 253, 575 по [Zabojnik 1991]). Византийские пояса этого времени накладками с подвесками не украшались, а в Поволжье, на Кавказе, в Азии накладки и их подвески имеют иные формы (примеры см. в литературе, указанной выше, при анализе язычка). Учитывая сказанное, все же следует отметить, что интересующие нас находки из аварских могильников бронзовые, а оба изделия из Восточной Европы - серебряные (золотые и серебряные вещи из Врапа и Эрзеке относятся к иным типам [Werner 1986]). Не известны нам и аналогии восточноевропейским образцам на уровне узкого варианта.

Сюжет композиции на обойме пряжки и на накладках Фативижского клада - терзание хищной птицей косули или зайца - характерен для ряда варварских художественных стилей , начиная, по крайней мере, со скифского времени [Fettich 1926; Козловская 1928]. Среди древностей Восточной Европы интересующего нас времени мы можем указать лишь два изделия со сценой терзания на щитке. Это, во-первых, серебряная пряжка из погребения N 203 Скалистинского могильника в Крыму [Ковалевская 1979, с.22, N 239; Айбабин, Веймарн 1993, с.33-34; Айбабина 1993, с.368, рис.3.5]. Не привлекая материалов Фативижского клада, В.Б.Ковалевская сочла эту вещь "единственным примером использования в изображении мотива терзания травоядного зверя хищной птицей" в юго-восточной Европе, подчеркнув, что детали трактовки головы, клюва, глаз, крыльев птицы и морды, туловища, копыт животного говорят о связях с аварским миром. В то же время, тип крепления щитка пряжки к ремню свидедельствует о происхождении этой вещи из мастерской византийской, а не дунайской традиции [Ковалевская 1979, с.22]. На фативижской пряжке нет характерных для византийских изделий петель, а композиция в медальоне развернута правильно по отношению к ремню, в то время как на скалистинской пряжке - перпендикулярно рамке. Орел с медальонов фативижских находок сидит на спине животного в "геральдической" позе, распахнув крылья, а на щитке пряжки из Скалистого изображен в профиль, клюющим голову травоядного животного. Указанные отличия вполне объяснимы работой разных мастеров,причём , кроме совпадения редкого сюжета, следует учитывать и то, что фативижская и скалистинская пряжки очень близки по проработке деталей изображения. Вторая вещь со сценой терзания: подвеска, найденная на Маяцком городище [Михеев 1985].

Фативижские серьги свидетельствуют, скорее, в пользу южного и юго-западного направления культурных связей, отразившихся в этом комплексе. Очень близкий аналог серьге с удлиненной подвеской известен в Херсонесе [Айбабина 1993, с.371, рис.6.3] и на Гнездовском поселении[Пушкина 1987,рис.1:7; Путь... 1996, кат.N371]. Характерен и общий стиль подобных вещей. Расширение в нижней части дужки - одна из черт, указывающая на прямую или опосредованную связь изделия с традициями византийского круга. Разнообразным сериям серег с Кавказа, Приуралья, Центральной Азии, салтовской культуры этот признак чужд (обзоры и образцы см. в [Ковалевкая 1995; Степи Евразии...; Голдина 1985; Голдина, Водолаго 1990; Плетнева 1967] и др.). На Балканах же мы найдем образцы серег не только с расширением в нижней части дужки, но и ряд вариантов, где это расширение ажурное, как на фативижских серьгах [Въжарова 1976, с.355-366: тип "третий", вариант IV.2 "четвертого" типа и др.].

Византийские прототипы серег со звездовидной подвеской ни у кого не вызывают сомнений. Экземпляры из Фативижа весьма своеобразны. Причем, их наиболее близкие аналоги происходят не из Поднепровья, литые серьги этой группы с З-образным расширением в нижней части дужки и вытянутой подвеской концентрируются на Балканах (своды см.[Balint 1982; Въжарова 1976].

Таким образом, рассмотрение вещей из Фативижского клада позволяет сделать вывод о том, что их облик прежде всего определялся взаимодействием традиций византийского мира и близких позднеаварским. Причем, весь фативижский комплект, вероятно, сделан одним мастером или, во всяком случае, ремесленниками одной ювелирной школы. Особенно показательна близость ряда приемов в оформлении серег и ременных накладок, хотя типажи этих вещей относятся к разным традициям. Нет оснований считать, что в Фативиже был спрятан импортный набор, поскольку такого сочетания вещей мы не можем назвать ни на уровне узких вариантов, ни на уровне прототипов. Важно и то, что ***фативижские вещи в Поднепровье*** не единичны; помимо аналогов, отмеченных выше для комплексов волынцевского типа, таковые известны на городище Новотроицкое [Ляпушкин, 1958, с.120], и в длинном кургане N 2 у д.Ярцево близ Смоленска [РА ИИМК, Ф.1, 1898, д.N172, л.II]. Все это, однако, не снимает вопроса о культурном круге в котором происходило рождение "фативижской" ювелирной школы. Представляется, что одним из ориентиров в решении этой проблемы является отмеченное сходство фативижских и рыгинских ременных накладок.

А.И.Семеновым приведены вполне убедительные аргументы, снимающие сомнения в отне-

сении упомянутой накладки из Музея истории Донского казачества к одному из погребений, раскопанных на Рыгинском могильнике [Семенов 1990]. Это ставит данную находку в круг древностей Нижнедонского центра хазарского каганата, замечательного концентрацией золотых византийских монет второй половины 7-го - первой половины 8-го вв. и рядом погребений с богатым инвентарем, к сожалению в значительной части не опубликованных [Семенов 1986; 1988; 1991]. Разнообразные связи хазарского каганата с Византией общеизвестны. Писалось и о ряде близких соответствий позднеаварской культуры памятникам, связанным с хазарским каганатом [Balint 1975, с.62]. По-видимому,истоки фативижского комплекса украшений нужно искать в этом культурном узле. Такая постановка вопроса подтверждается и распространённым мнением о том, что производство волынцевской круговой керамики обусловлено деятельностью хазарского каганата.

Определение важнейших и устойчивых направлений культурных связей позволяет с допустимой степенью надежности датировать фативижские вещи по аналогиям. Наиболее основательная опубликованная периодизация позднеаварской ременной гарнитуры принадлежит Й.Забойнику. По его системе накладки, близкие фативижским, относятся к фазам II и III из четырех, на которые подразделяется позднеаварский период, то есть, условно к 720-780 гг. [Zabojnik 1991]. Следует отметить, что интересующие нас накладки, в основном, тяготеют ко второй половине указанного интервала. Фативижские образцы относятся к кругу типологически наиболее поздних в группе серег со звездовидной подвеской. В пользу относительно поздней даты комплекса свидетельствуют и серьги с ажурным расширением в нижней части дужки, поскольку такой стиль получает широкое распространение в древностях финала 1 тыс.н.э. (например, в Великой Моравии). Крымские материалы подтверждают в целом очевидную точку зрения о том, что фативижский комплекс относится к периоду, предшествующему древностям, типичным для могильников салтовского круга [Айбабина 1993]. Византийские параллели, насколько нам известно, пока не могут уточнить даты клада.

Говоря о нижней дате памятников волынцевского круга, необходимо остановиться на правомерности привлечения так называемых "***антских*** вещей" для их датировки. С.П.Юренко приводит в качестве таковых браслет со "змеиными головками" на концах из Хитцов, поясной набор из могильника Лебяжье I и трапецевидную подвеску, наконечник копья и костыльковую застежку из самого Волынцева [Юренко 1985, с.123, 120, рис.22]. Отметим, что часть этих вещей имеет более широкую, чем 7 в., датировку. Это относится и к трапецевидным подвескам (аналогичная, например, найдена на этой же территории в Ивахниковском кладе 9 в.) и костыльковым застежкам. То же касается и наконечника копья из Волынцева, принадлежащего к III типу по А.Н.Кирпичникову, датируемому 7-9 вв. [Кирпичников 1966, с.12-13].

Поясной набор из могильника Лебяжье I вообще не может характеризовать волынцевские древности, т.к.этот памятник относится к колочинской культуре, а волынцевским является могильник Лебяжье III, расположенный в 1 км к западу от него. Единственная вещь, позволяющая датировать могильник Лебяжье III,- это салтовская лощеная кружечка из погребения N 6. Сам автор раскопок могильника Ю.А.Липкинг вообще относил его к 8-9 вв.Связь браслета со "змеиными головками" в Хитцах с волынцевским этапом существования памятника не документирована.На поселении Хитцы имеется пеньковский горизонт [Горюнов 1981, с.80].

Основания для абсолютного датирования Харьевского клада изложены в частях 2.8 и 3.7 нашей книги. Напомним, что имеющие подунайские аналоги пряжка и серьга с З-образным расширением в нижней части дужки в сочетании друг с другом заставляют датировать комплекс ранними фазами позднеаварского периода.

Таким образом, **начальный этап волынцевского культурно-хронологического горизонта**, характеризующийся господством лепной керамики и распространением древностей типа Сахновки на Днепровском Левобережье, следует датировать эпохой, когда господствовал комплекс украшений, типичных для кладов группы 2б, сменивших горизонт вещей кладов группы 1. Следующая фаза характеризуется появлением волынцевской круговой керамики. Ее начало относится ко временем сокрытия Харьевского клада и распространения украшений, представленных в Фативижском комплексе. Последние, в свою очередь, вытесняются вещами, обычными для салтовских могильников. Харьевский клад попал в землю не ранее начала, очевидно, где-то в первой половине 8 в., а вещи фативижского круга относятся ко времени около середины 8 в., не ранее второй четверти этого столетия.

Период бытования волынцевской круговой керамики захватывает (вероятно, не полностью) и эпоху "классических салтовских" украшений, датируемых не ранее второй половины 8 в., но в основном относящихся к 9-ому и отчасти 10-му столетию [Плетнева 1981, с.64; Айбабина 1993].

6. Датировка начальных фаз культуры Луки Райковецкой

В разделе 5.2 главы 4 было отмечено, что культурный комплекс типа Сахновки, с распространением которого на Левобережье Днепра связан финал позднего горизонта пеньковской и колочинской общностей и формирование древностей волынцевского культурно-хронологического этапа, был пришлым. По всем признакам эти новые компоненты относятся к ранним фазам культуры Луки Райковецкой. Общепризнано и неоднократно показано, что последняя генетически связана с пражской культурой, прежде всего с ее памятниками, расположенными восточнее Карпат [Русанова 1976; Седов 1982, с.10-18; Этнокультурная карта...с.76-84, там прочая литература].

Поскольку именно с поздним горизонтом пеньковской и колочинской культур соотносятся днепровские клады первой группы , в том числе и Гапоновский, а также иные синхронные этому кругу находок вещи, очевидно, что максимально точная датировка упомянутого культурного перелома на Днепровском Левобережье дает верхнюю границу активного бытования исследуемых древ-

ностей и, по всей видимости, показывает эпоху сокрытия кладов. Понятно, что сахновские компоненты не могли появиться на Левобережье раньше, чем они сформировались на землях к западу от Днепра.Следовательно вопрос об определении даты грани пражской культуры и памятников типа Луки Райковецкой имеет для предпринятого исследования принципиальное значение.

Интересующий нас рубеж, грань между финальной, **третьей фазой пражской культуры** и началом этапа Луки Райковецкой, типологически фиксируется наростанием новых черт в керамическом комплексе: продолжает усиливаться и приобретает новые разновидности профилированность верхней части сосудов, появляются новые варианты оформления края горшков, распространяется орнаментация по венчику пальцевыми вдавлениями, стенки сосудов становятся более массивными, грубыми [Русанова 1973,с.10-22; 1976,с.12-55; Русанова, Тимощук 1984,с.10-17,23-28,40-45; Баран 1988,с.10-17, 25-32; Томашевский, Гавритухин 1992,с.6-7].

Набор изделий из металла, происходящий из комплексов третьей фазы пражской культуры, вполне выразителен (рис.105), особенно показательны для проблем хронологии миниатюрные пальчатые фибулы (Зеленый Гай, Рашков 3, Черновка, Великая Слобода, Горошева, Сучава Шипот, Сэрата Монтеору, Ханска), которые делятся на ряд локальных вариантов [Гавритухин 1992], пальчатые фибулы иных серий (Кручея луй Ференц) [Teodor 1992], пряжки с коробчатой петлей (Рашков, Сэрата Монтеору) [Teodor 1991; Гавритухин - в печати 1], детали геральдической ременной гарнитуры (Зимно), пряжки, имеющие аналогии в зоне византийского влияния, Центральной и Северо-восточной Европе (Зимно, Сэрата Монтеору). Указанные и некоторые иные вещи позволяют достаточно определенно сопоставлять фазу 3 пражской с финальным горизонтом пеньковской и колочинской культур, что важно для нашей темы, а также с рядом хронологических колонок как Прибалтики,обладающих выходом на меровингскую хронологию, так Подунавья и Причерноморья, имеющих собственные основания абсолютной хронологии. В указанных работах, а так же в главе 3 нашей книги приведены аргументы, обосновывающие датировку этих древностей в рамках 7 века, включая, как минимум, его первую и вторую треть.

Особо ценно для нашего исследования, что памятники пражской культуры имеют и собственные основания для абсолютного датирования. Найдено три ***монеты***. Две, Юстина и Юстиниана (без более детального определения) из Зимно нет возможности связывать с компактным керамическим комплексом, поскольку отсутствуют сведения, позволяющие расчленить материалы долговременного пражского горизонта этого городища. Бронзовая монета Юстиниана, начеканенная в 538 г., происходит из жилища 20 поселения Ботошана-Сучава, керамика которого относится ко второй фазе пражской культуры, подтверждая, наряду с иными находками, сопровождающими такую же керамику (литыми византийскими фибулами,формами для изготовления малой пальчатой фибулы и вещей шиповского круга - второй степной группы по А.К.Амброзу- из жилища ювелира в Бернашовке [Гавритухин - в печати ; Винокур,Мегей 1992]) невозможность опускать дату фазы 3 вглубь 6 века.

Серия дат комплексов третьей фазы получена ***естественно-научными методами***. Радиокарбонная дата поселения Подрижье - 710+-50 г. [Русанова 1976,с.23].Она единична,но полностью соответствует серии археомагнитных дат из Городка, где к финалу фазы 3 относятся жилища 20 и 22, соответственно конца 7 - начала 8 и конца 7 века. Жилище 18 того же памятника, по составу керамических форм переходное от фазы 3 пражской культуры к этапу Луки Райковецкой , датируется в рамках конца 7 - начала 8 века [Винокур, Приходнюк 1974,с.241]. Наконец, самая многочисленная серия дат получена на поселении Рашков 3, где, кроме слоя пражской культуры, иных нет. Среди построек с представительным комплексом керамики, характерным для самого финала фазы 3, две (NN 34 и 39) датируются концом 7 века, а две - с более архаичным составом посуды, но в рамках той же фазы (NN 19 и 32) - серединой 7 в. [Баран 1988,с.28-29] (определения керамики даны по типологической системе И.О.Гавритухина, более детальной, чем в упомянутой работе В.Д.Барана; пользуясь случаем, мы благодарим И.И.Винокура и В.Д.Барана за возможность ознакомиться с материалом в оригинале). Кроме того, в Рашкове 3 есть постройки с менее выразительным керамическим комплексом, но вполне позволяющим соотносить его с фазой 3 пражской культуры в целом. Среди них три имеют археомагнитную дату "конец 7 в.", одна - "середина 7 в.", а еще три, имеющие те же даты, содержат невыразительную керамику,не позволяющую отнести эти комплексы к какой-то определённой хронологической фазе,хотя принадлежность происходящих из них материалов пражской культуре не вызывает сомнений.То же самое можно сказать и о сооружении, имеющем археомагнитную дату "начало 7 в."

Наконец, керамика пражского типа, характерная для 2-ой или 3-ей фаз этой культуры встречена на многих могильниках аварского круга, что заставляет принять 568 г. в качестве ***terminus post quem*** на основании письменных источников. О том, что пражская фаза 2 в аварское время еще существовала, свидетельствуют и материалы нижнего горизонта Хотомельского городища. Керамика из него, как и из перекрывающего его слоя пожара, относятся к ней. Там же найдена аварская крупная трехлопастная стрела и деталь панцирного доспеха, как в ряде раннеаварских погребений[1].

Типология керамики и периодизация **культуры Луки Райковецкой** разработана слабее, чем для пражских памятников. Очевидно лишь, что изготовление посуды на гончарном круге стало распространяться не с начальных её этапов,для которых характерно полное господство лепной керамики (речь не идет о единичных импортах).

Датирующих вещей в ранних комплексах относительно немного (рис. 105).На поселении Обухов 2 [Кравченко 1980] - это серьга с полой подвеской из двух половинок, украшенных зернью - близкая тем, что известны во многих раннесредневековых днепровских кладах группы 2б, и серьга с концом, закрученным в коническую спираль.Такие изделия появляются не ранее 3-ей хронологической группы аварских памятников, на западе Балкан - в могильниках с ингумацией (не

ранее 8 века), в Нижнем Подунавье - не ранее памятников Первого Болгарского царства, в Восточной Европе эти вещи единичны. Основания для более ранней их датировки, чем в Центральной Европе и на Балканах, отсутствуют [Cilinska 1975,с.76-77; Вържарова 1976,с.358,361-362]. В Ханска с керамикой круга Луки Райковецкой найдены антропозооморфные фибулы V серии по А.К. Амброзу [1993][2]. Прочие вещи , датируются относительно широко, но рассмотренным выше не противоречат [Русанова 1973,с.17-22, Смиленко, Юренко 1990, с.302-304 - повторяет соответствующий раздел ЭКУ].

Обломок маленькой пальчатой фибулы (того же типа, что на рис.) найден с лепной керамикой культуры Луки Райковецкой в одном из жилищ на поселении у городища Ревно[3]. Представляется, что эта вещь не указывает на синхронность комплекса с горизонтом поздних пражских памятников.Фибула, вероятнее всего, была использована вторично. Показательно, что она была найдена у стены котлована жилища, что вызывает ассоциации с встречающимся в славянском фольклоре сюжете - втыканием булавки в стену, как магическом действии. О придании сакрального характера древним находкам широко известно по материалам многих культур.

Абсолютные даты на ранних памятниках круга Луки Райковецкой - следующие. Единственная монета из жилища 9 с городища Монастырек - арабский дирхем 761/762 г. Есть и серия археомагнитных дат. В Бакоте 1 [Приходнюк 1975, с.47, 83-87] их три. Жилище 4 датировано серединой 8 в. Знакомство с материалами в оригинале убеждает, что керамика, связываемая с жилищем 2 - разнородна: на полу найдены весьма архаичные материалы пражской культуры, а в слое, перекрывающем жилище - этапа Луки Райковецкой. Очевидно, именно с ними соотносится очаг 2, датированный серединой 8 в. Материалов из жилища 5,относящегося к середине 7 в., не много, но, скорее, неорнаментированные стенки посуды с примесью шамота принадлежат пражскому горизонту этого многослойного памятника. Поселение Рашков 1 не опубликовано. Благодаря любезности Я.В.Барана известно, что на памятнике есть комплексы финала пражской культуры, но преобладают - разных фаз культуры Луки Райковецкой. Полученные археомагнитные даты имеют разброс от конца 7 до начала 9 вв. Наконец, на эпонимном поселении Сахновка 1, с весьма типологически однородным материалом, ранним для культуры Луки Райковецкой, получены археомагнитные даты, указывающие на конец 7 - начало 8 века.

Для изучения вопроса о времени распространения культуры Луки Райковецкой на землях к западу от Днепра определенное значение имеют и **материалы памятников бассейна Южного Буга**.

"Раннеславянские" памятники этого региона большая часть исследователей относит к пеньковской культуре [Седов 1982,с.20; ЭКУ,с.78 и др.], отмечалось лишь наличие здесь элементов пражской культуры [Русанова 1976,с.85-112]. Знакомство с коллекциями из Семенков, Самчинец, Скибинцов, хранящихся в Государственном Эрмитаже, убеждает, что такая точка зрения схематична и объясняется тем, что материалы недостаточно полно опубликованы. Помимо собственно пеньковских и смешанных комплексов,на этих памятниках имеются объекты, где господствует керамика пражской культуры или встречена исключительно она (количественное соотношение материалов этих культур в данном случае не может быть подсчитано объективно как из-за недоступности некоторых коллекций, так и из-за спорности некоторых определений, а поэтому оно не приводится). По-видимому , этот южнобугский симбиоз существовал довольно долго - материалы пражской культуры принадлежат здесь трем фазам, начиная с ранней.

Для датирования ***финала*** южнобугской группы памятников пригодны следующие ***находки*** [Хавлюк 1963; 1974]. Около жилища 13 в Самчинцах найден обломок пряжки с коробчатой петлей [Гавритухин - в печати 1]. Даже если оспаривать соотнесение этого предмета с керамикой третьей фазы пражской культуры из упомянутого жилища, он,всё равно, датирует пражско-пеньковский симбиоз в целом, поскольку более поздних слоев на памятнике нет. В постройке VI Семенков с выразительными элементами пражской культуры, относящимися к ее фазе 3, и некоторыми своеобразными формами, возможно, пеньковскими , найдена литая звездовидная серьга пастырского типа. В постройке VIII в Семенках обнаружены обломок маленькой пальчатой фибулы и S-видная серьга. Керамика этой постройки для изучения в оригинале оказалась недоступна, но для нашей темы важно, что среди объектов, где упоминаются материалы культуры Луки Райковецкой, этот комплекс не фигурирует. В одном из жилищ в Скибинцах, относящемся, судя по описанию, к пеньковской культуре, найдена накладка в форме льва. Принятое в литературе ее сопоставление с мартыновскими и перещепинскими возможно, хотя и не бесспорно. Прочие находки с этих памятников для определения узкой хронологии менее пригодны или являются заведомо более ранними, а поэтому здесь не рассматриваются.

Таким образом, вещи, сопровождающие финальную, третью фазу пражской культуры позволяют **синхронизировать** ее со следующими материалами. На основе миниатюрных пальчатых фибул и пряжек с коробчатой петлей - с 1-ой группой аварских древностей , причем, как указанные находки (напомним, что участок могильника Кишкерош, на котором они встречены примыкает к участку 2-ой аварской группы, а в погребении Ловченац есть монета 613-641 г. [Гавритухин 1991, - в печати 1]), так и приведенные факты о, по крайней мере, частичной синхронизации 2-ой фазы пражской культуры с европейскими могильниками авар, свидетельствуют, что 3-я фаза интересующих нас древностей синхронна не самым ранним аварским материалам. На Балканах по тем же вещам (Истрия, Ятрус, Царичин-град) фаза 3 пражской культуры соотносится с периодом, когда Дунайский лимес Византии был разрушен, но позднеантичная культура на большинстве поселений продолжала существовать, т.е. с эпохой, наступившей после 580/590-х гг., а в основном - после 602 г. В Крыму такие находки относятся к 4-ому горизонту Суук-Су и горизонтам Г, Д, частично В - в Лучистом. В главе 4 было показано, что именно с этими горизонтами Центрально- и Южноевропейских хронологических колонок синхронизируются вещи, связанные с финалом колочинской и пеньков-

ской культур, а так же днепровские клады 1-ой группы.

Ранний этап культуры Луки Райковецкой по серьге со спиральным конусообразным концом, в какой-то степени синхронен древностям 3-ей аварской группы, западнобалканским раннесредневековым могильникам с ингумацией, памятникам Первого Болгарского царства, т.е. соответствует эпохе не ранее конца 7 в., в основном - 8-го или позже. В Поднепровье к этому времени относятся клады группы 2б, синхронизируемые с указанным горизонтом по пряжке и звездчатым серьгам с широкой З-образной дужкой из Харьевского клада. А одновременность кладов группы 2б и ранних фаз культуры Луки Райковецкой подтверждает серьга с полой подвеской из Обухова.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют, что переход от пражской культуры к культуре Луки Райковецкой падает на ту же эпоху, что распространение сахновских элементов и финал собственно пеньковской и колочинской культур на Днепровском Левобережье.Разница во времени между распространением культуры Луки Райковецкой на западе и востоке не была значительной, во всяком случае, археологическими методами, доступными сегодня, она не фиксируется. Абсолютная же дата интересующего нас перелома по сумме приведенных фактов должна относится к рубежу 7 и 8 столетий.

---

[1] *Следует отметить, что в публикации памятника [Кухаренко 1961, с.22-27] эти вещи связывались с иным слоем, исправить ошибку и дать более детальное, чем ранее [Русанова 1973,с.14-15] определение керамики, позволили полевые чертежи и описи, любезно предоставленные И.П.Русановой, которая вместе с К.В.Каспаровой непосредственно руководило раскопками. Более подробный анализ Хотомельских материалов готовится к печати.*

[2] *Кроме экземпляров, опубликованных А.И.Рафаловичем [1972,с.39], на этом памятнике в последующие время были обнаружены еще две фибулы той же серии, хранящиеся в фондах отдела археологии АН Молдовы. Эти не опубликованные пока находки удалось увидеть благодаря любезности Г.Постикэ*

[3] *не опубликованные раскопки Л.П.Михайлины и С.В.Пивоварова, которых мы благодарим за информацию*

Глава 5. (Вместо заключения). Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады

1. Вводные замечания

Исследование этнокультурных групп, характера культурных и иных связей древних сообществ, сказывающихся на их судьбе общественных, экономических, политических и других явлений обеспечивает понимание исторических процессов, происходивших в прошлом. Представление о конкретной эпохе в единстве характеризующих ее сторон является не только конечной целью анализа разных источников, но и своеобразным инструментом, позволяющим лучше понять то, на чем сосредоточил свое внимание исследователь. Сказанное поясняет, почему приводящиеся далее обобщения и исторические реконструкции мы считаем возможным предложить не только в качестве выводов, связывающих сделанное в предыдущих главах, но и как особого рода исследование, позволяющее, наряду с типологическими и хронологическими выкладками или рассмотрением культурных групп памятников, осветить некоторые стороны публикуемого источника.

По характеру используемых материалов эта глава — археолого-историческая, хотя постановка вопроса о целостной реконструкции требует привлечения всего массива источников из арсенала других отраслей исторического знания. К сожалению, применительно к территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в эпоху раннего средневековья, возможности этого сильно ограничены. Письменные источники, в которых хотя бы в самой общей форме приводились бы сведения о движении народов в этом регионе, отсутствуют, нет также и массовых серий антропологического материала, поскольку в Поднепровье в 5-7 вв. господствует обряд трупосожжения. Черепа из редких и слабо документированных ингумаций в большинстве случаев до нас не дошли. Исключение составляют материалы могильника Рябовка-3, которые были обработаны Т.В.Томашевич, но для полноценного анализа этой коллекции явно не хватает информации о других скелетах, обнаруженных на территории Поднепровья и относящихся к той же эпохе. Малоинформативны и данные топонимики. Среди них отсутствуют сведения, которые можно было бы датировать более или менее узко, что необходимо при сопоставлении их с археологическими материалами. Таким образом, основой для реконструкции исторических процессов в Поднепровье, которые происходили в 5-7 вв., являются археологические источники, а прочие могут привлекаться для решения этой задачи лишь в качестве косвенной информации.

Как неоднократно отмечалось в предыдущих разделах работы, степень исследованности археологических материалов также оставляет желать лучшего, а зачастую их просто мало. Так, например, реконструкция комплекса украшений, связанных с рассмотренными в главе 4 культурами и группами памятников, имеет ряд трудностей. Во-первых, на Днепровском Левобережье для 5-8 вв. не известны крупные могильники с погребениями по обряду ингумации, а именно такие памятники дают в ряде культур основной массив находок и иную информацию, необходимую для изучения украшений. Во-вторых, случайные находки из интересующего нас ареала все еще превосходят по количеству те предметы, которые были получены в ходе раскопок и связаны с достаточно определенным контекстом конкретных памятников. Наконец, следствием указанных трудностей является и небольшое число комплексов, представляющих сочетания различных типов украшений, а потому их периодизация строится на нахождении соответствий в хронологических колонках иных территорий, что делает почти невозможным анализ вероятной асинхронности распространения вещей или стилей (а это важный показатель для понимания особенностей культур) и датировку особых форм, а следовательно во многом не ясной остается динамика развития именно специфичных для местных культур украшений.

В предыдущем изложении мы не рассматривали вопрос о характеристике металлических деталей одежды населения Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в 5-6 вв. Несмотря на то, что данная тема требует специальных исследований, пока никем не проделанных с желаемой полнотой, мы предлагаем ряд замечаний по этому вопросу. В последней главе нашей книги без этого трудно обойтись, поскольку указанная категория археологических источников дает значительный массив сведений о некоторых формах включенности интересующих нас общностей в контекст культурных связей и геополитических процессов, несомненно влиявших на историю рассматриваемых областей.

2. Начало эпохи средневековья

Коренные изменения историко-культурной ситуации в Восточной Европе обусловлены процессами, вызванными победами гуннов над отрядами Германариха и последовавшим вскоре бегством на Запад ряда групп населения разгромленного объединения (около 375 г. и позже), перемещением центра новой державы во главе с гуннами в Подунавье и "подтягиванием" туда людских ресурсов для ведения войн (начиная с конца 4 в., а в основном, в первой половине 5 в.), что, вероятно, особенно активно происходило при натиске на Римскую империю в эпоху Аттилы (с 440-х гг. и по нарастающей до 453 г.), последовавшим затем разгромом коалиции, возглавляемой потомками Аттилы, на Недао и "откатом" ее участников на восток (после 454 г.).

Хотя именно с указанными событиями, известными по письменным источникам, связаны

финал черняховской культуры и серьезные изменения в культуре киевской, обусловившие формирование пеньковской и колочинской культур, археологические памятники этой эпохи выделяются плохо, прежде всего из-за трудностей датирования. Центр политической активности и ставка верхушки, контролировавшей многие варварские племена, сосредотачивается в первой половине 5 в. на Дунае, соответственно там концентрируется и основная масса важных для синхронизации "импортов" и престижных вещей, отражающих новую моду. Влияние ее по мере удаления от центра ослабевает, соответственно уменьшается число "стильных" датирующих образцов. Массовые подражания престижным вещам происходят в старых ремесленных традициях, что не всегда позволяет достоверно отличить дериваты от прототипов и порождает постоянные споры о том являются ли более простые восточноевропейские вещи источником формирования дунайских аналогов или наоборот. Кроме того, динамизм эпохи, по-видимому, приводил к прерывистости и нестабильности многих локальных традиций. Наконец, дискуссионна и хронология этапов развития варварской не кочевнической культуры собственно в Подунавье [Гавритухин 1994, с.34-36, там литература].

После ухода большинства черняховского населения на запад в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье формируются как минимум ***три археологические культуры***.

Первая из них (**колочинская**) занимает территорию Подесенья, Посеймья и северную часть лесостепи Днепровского Левобережья (рис.92). Есть отдельные сведения о продвижении колочинского населения в области, лежащие к юго-востоку от верховьев Сейма (в район современного Белгорода, в Поочье и лесостепное Подонье), но они пока отрывочны. Восточная и северо-западная границы распространения колочинских памятников выглядят весьма неопределенными. На юго-западе отдельные колочинские общины проникали в Среднее Поднепровье, но, по всей видимости, эпизодически. Сколь-нибудь устойчивый массив колочинских памятников там не обнаружен.

Колочинские древности по соотношению форм сосудов делятся на три культурно-хронологических типа или традиции. Истоки по крайней мере двух из них (к ним относятся все исследованные раскопками памятники, кроме двух) прослеживаются в более раннем деснинском варианте киевской культуры. В Подесенье, как убедительно показали Е.А.Горюнов и Р.В.Терпиловский, происходит эволюция киевского археологического комплекса в колочинский. Вероятно, такой же процесс наблюдается в Среднем Посеймье, где зафиксировано появление киевских памятников деснинского варианта еще в дочерняховский период. В верховьях Сейма и Псла, где в позднеримское время локализуются поселения и могильники другого, сейминско-донецкого варианта киевской культуры, распространению колочинских древностей предшествует миграция племен – носителей деснинских киевских традиций, что происходит в период, синхронизируемый с центральноевропейским D. Где-то в рамках 4 в. наблюдается проникновение киевского населения на черняховскую территорию, о чем свидетельствуют такие памятники, как Курган-Азак, Беседовка и ряд других. Отметим, что хронологические рамки этого процесса не достаточно ясны и требуют специального исследования. Дата "4 в." является условной. Колочинская культура южных районов ее распространения, таким образом, формируется на основе традиций деснинского варианта киевской культуры.

Пеньковская культура занимает Среднее Поднепровье, кроме северо-западной его части, где известны памятники пражской культуры, Надпорожье, южную часть лесостепи Днепровского Левобережья, лесостепной участок бассейна Северского Донца (кроме его верховий), возможно, Среднее и Нижнее Поосколье (рис.92). Известны пеньковские древности и в бассейне Южного Буга, а также в центральной части пруто-днестровского междуречья. Археологический комплекс пеньковки по общему набору форм сосудов, типам построек, погребальному обряду, топографии поселений и т.д. близок колочинскому, но не идентичен ему. Структура керамического набора памятников своеобразна: граница между пеньковским и колочинским ареалами на Днепровском Левобережье, несмотря на наличие обширной контактной зоны, вполне отчетлива.

Механизм сложения пеньковской культуры в силу целого ряда источниковедческих причин не до конца ясен. В этом процессе приняли участие группы носителей деснинских традиций киевской культуры, о чем свидетельствует поселение Сенча, но их роль, видимо, была второстепенной. В противном случае существенных различий между колочинскими и пеньковскими древностями не было бы. По конструкции ранних жилищ, погребальному обряду и топографии поселений пеньковская культура наиболее сходна с предшествующей киевской, но набор форм сосудов и их соотношение в гораздо большей степени близки не деснинскому, а среднеднепровскому и сейминско-донецкому варианту последней. Одним из прототипов пеньковской культуры были, по всей видимости, недостаточно еще исследованные среднеднепровские памятники области киевско-черняховских контактов, примером которых является поселение Хлопков. Известное сходство пеньковской и колочинской культур объясняется, видимо, родственностью их подоснов.

В какой-то из моментов своего существования (абсолютные даты этого процесса точно пока установить невозможно) пеньковское население Поднепровья испытывает некоторое воздействие со стороны славян – носителей **пражской** культуры. Следствием этого является распространение на пеньковских селищах полуземлянок с печами-каменками в углах и отдельных сосудов типа Корчак. Отметим, что к востоку от Днепра это влияние, практически, не ощущается: до самого финала пеньковской культуры на Днепровском Левобережье и в бассейне Северского Донца распространены полуземлянки с открытыми очагами.

Мы разделяем ставшую традиционной точку зрения о принадлежности пеньковских памятников антам. Колочинские древности были

оставлены, по-видимому, родственным антам населением, название которого не сохранили письменные источники.

В ареале пеньковской и колочинской культур зафиксированы следы присутствия инородного по отношению к ним этноса (или группы этносов). Имеются в виду **единичные трупоположения** в простых ямах и под курганами. Часть из них принадлежала каким-то группам степного населения. Под его влиянием, очевидно, на ряде пеньковских селищ появились юртообразные постройки. Не исключено, что часть трупоположений оставлена потомками черняховских племен. Достоверная культурная атрибуция и узкая хронология ряда ингумаций не ясна, например, на могильнике Сад [Некрасова 1985, с.77,78] дата средневекового погребения пока не может быть определена более узко, чем в рамках 5-7 (6?) вв. Население, оставившее трупоположения, видимо, находилось с пеньковскими и колочинскими племенами в своеобразном симбиозе.

Примером переплетения традиций может служить набор вещей из ингумаций в курганах у с.Бабичи Черкасского уезда, в которые наряду с вещами степного шиповского круга (известными по схематическим рисункам А.А.Спицына), в т.ч. и седельными пластинами, входят миниатюрные пальчатые фибулы (рис.104:2), а также шпора. Аналогичное сочетание шиповских вещей, характерных для т.н. второй степной группы по А.К.Амброзу, и пальчатых фибул или иных чуждых кочевникам изделий известно на разнокультурных памятниках оседлого населения в степном пограничье, например, на, по-видимому, готском могильнике в Дюрсо, поселении пражской культуры в Бернашовке, откуда происходит набор литейных форм, на могильнике Сахарная головка в Крыму, на памятниках Северного Кавказа [Дмитриев 1982; Винокур, Мегей 1992; Амброз 1981; 1989].

Очевидно, не без участия каких-то политических структур степного мира в пеньковском ареале возникают **ремесленные центры** по изготовлению гончарной посуды северокавказского облика (Канцирка и Мачухи), деятельность которых, судя по всему, приходится на конец 6-го и 7 вв. Ближе к финалу пеньковской культуры начинают функционировать и мастерские по производству пастырской керамики.

В отличии от охарактеризованных выше памятников, датировка которых на нынешнем уровне знаний довольно широка или спорна, некоторые вещи, связанные с рассматриваемым здесь кругом древностей, можно датировать уже, что позволяет более или менее определенно соотносить их с какими-то конкретными событиями евразийской истории.

О том, что не все население Днепровского Левобережья, связанное с центральноевропейским эпицентром событий ***первой половины 5 в.***, ушло на запад, свидетельствуют крупные двупластинчатые фибулы, украшенные золотом и гранатами, из окрестностей сел Пашково и Поршино (часто последние связываются с д.Круглицей), золотые изделия и импорты из Большого Каменца и другие близкие по времени "суджанские" находки [Засецкая 1975, N 91; 1982, с.22-23; Мацулевич 1934]. Наверное, подобные комплексы, рассыпанные по Восточной Европе, а в ряде случаев довольно определенно соотносимые с погребениями [Tejral 1973, с.13-14,78], отражают культуру "королей и вождей различных племен", ожидавших "подобно сателлитам, кивка Аттилы" [Iord, Get, 200]. Вероятно, после Недао активность этого слоя и возглавляемых им дружин, не имея выхода на Западе, сыграла определенную роль в передвижениях племен, прокатившихся от Прибалтики до Поволжья. В какой степени это так и с какими культурами соотносятся указанные комплексы сказать трудно, ведь пашковская, суджанские и обоянская находки приходятся на контактную зону черняховской и киевской культур, а поршинская – происходит из малоисследованного района между киевскими и мощинскими памятниками. В связи с культурной атрибуцией находки из Большого Каменца следует отметить, что судя по всему, это было погребение по обряду ингумации [Мацулевич 1934, с.54-56].

Украшения не столь высокого ранга, несомненно гуннского времени, достоверно связанные с колочинской или пеньковской культурами, неизвестны. Бесспорно такой горизонт пока не выделяется и на киевских памятниках, что напрямую связано с его дискуссионностью в черняховской культуре, украшения которой служат основой при датировании поздних комплексов киевской археологической общности. Соответственно, непонятно, отражает своеобразие фибул типа Куня – Оскоровка (см. ***часть 4.4***), встреченных лишь в Побужье и на Среднем Днепре, феномен, связанный с формированием пеньковской культуры или что-то иное. Неясен культурный контекст и серии днепровских находок, указывающих на направления контактов с населением других территорий, например, типичной для Среднего Подунавья мелкой орлиноголовой пряжки середины – второй половины(?) 5 в. из Хмельны или фибул с лопатовидными ножками прибалтийского происхождения из "Поднепровья" и Григоровки, а так же иных украшений [Гороховский 1988, разделы 1.3 и 2.2, параграфы о раннесредневековых фибулах и пряжках]. Тем не менее, указанные вещи демонстрируют сложность процессов формирования интересующих нас культур.

Наиболее ранний образец украшений, достоверно связанный с колочинским комплексом – фибула из Ходосовки, относится, судя по всему, к эпохе, наступившей ***после Аттилы***. Той же культурно-хронологической группе принадлежат фибулы типа Пильвины из Колодезного Бугра и Михайловки (***часть 4.4***), свидетельствующие о связях каких-то людей в колочинском и пеньковском ареале с Понеманьем или Мазурским поозерьем. Формально эти вещи можно объединить с перечисленными выше, но если первые вполне можно соотносить и с эпохой расцвета гуннской державы, то находки круга ходосовской и михайловской, скорее, связаны с процессами, происходившими после ее распада. С дунайско-понтийским кругом вещей горизонта D2/D3 соотносимы, например, обломок двупластинчатой фибулы из Межричья [Брайчевский 1952, N 3] и некоторые другие не локализуемые достоверно аналогичные поднепровские находки, а также

На середину – вторую половину 6 в. приходится распространение в Поднепровье вещей **провинциальновизантийского** круга. Это, прежде всего, фибулы, как типичные для северных балканских провинций Империи литые, так и подвязные – обычные для памятников 6-7 вв. Византии и Причерноморья (рис.52:*17,22,26-27*) или их переработки с шарнирным устройством (рис.53:*10-13*), послужившие основой складывающейся в 7 в. днепровской серии широкопластинчатых фибул (***часть 2.2.2***). Исторический контекст этих находок достаточно очевиден – с середины 6-го столетия начинается эпоха многочисленных нападений на балканские провинции Византии антов, славян и иных восточноевропейских варваров.

Таким образом, к финалу римского времени мы застаем предков колочинских и пеньковских племен в составе населения киевской археологической общности, испытывавшего (в разной степени) влияние черняховской культуры, которое проявляется как в некоторых областях хозяйства, так и в иных сферах, в том числе и в формировании комплекса украшений. В гуннское время начинаются процессы, приведшие к сложению пеньковской и колочинской общностей. Переселения этого времени, скорее всего, не были одноактными и безконфликтными, что, по-видимому, отразилось в известном пассаже Иордана о столкновении готов Винитария с антами Божа, в которое вмешались гунны Баламбера [Iord., Get. 246-249]. Какие-то группы поднепровского населения были, очевидно, втянуты в войны Аттилы и его наследников, поэтому из дальних культурных связей населения Поднепровья в 5 веке ведущее место принадлежит среднедунайским, что вполне понятно. Наряду с ними довольно отчетливы и контакты с юго-восточной Прибалтикой, которые трудно интерпретировать однозначно.

Черняховское население и его потомки не полностью ушли на Запад. Присутствие этих людей, по-всей видимости, вступавших в разнообразные взаимоотношения с северными пришельцами, обусловило долговременные связи Поднепровья с культурами восточногерманского круга. Но, судя по материалам поселений, их влияние на общий облик повседневной жизни и быт большинства населения не было значительным. Жители южной части рассматриваемых культурных групп испытывали и воздействие восточноевропейских кочевников. Указанные влияния объяснимы как простым соседством, так и вероятным включением части оседлого населения Поднепровья в политические структуры, возглавляемые степняками.

У более северных племен колочинской культуры прослеживаются связи с разными группами населения лесной полосы Восточной Европы. Довольно интенсивные связи компактной группы людей, живших на Каневщине и Черкащине, с Керчью пока не объяснимы однозначно. Со второй четверти 6-го столетия начинаются нападения антов и их соседей на Византию, что, наверное, повлияло на многие стороны жизни этих племен и лучше всего отражено в находках, концентрирующихся в рамках рассматриваемого нами ареала на Среднем Днепре.

3. Седьмой век

О культуре основной массы населения Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья на протяжении большей части 7 в. можно судить по наиболее поздним памятникам колочинской и пеньковской археологических общностей. К сожалению, на современном уровне наших знаний мы не можем определить, насколько памятники интересующего нас периода отличаются от древностей предшествующего времени, произошли ли какие-то миграции и иные изменения в этих культурах, связанные с бурными событиями конца 6-го – первой половины 7-го вв. По крайней мере, войны восточноевропейских варваров с Византией, начавшиеся в 520-х гг.; десятилетнее пребывание авар в восточноевропейских степях и переселение возглавляемого ими конгломерата в Карпатскую котловину в 568 г.; распространение до Причерноморья влияния Первого Тюркского каганата; падение Византийского лимеса и расселение северных варваров, прежде всего славян, на Балканах; поражение аварско-иранского союза, объединившего многие племена, под Константинополем в 626 г. и другие успехи Ираклия, способствовавшие, наряду с внутренними причинами, почти десятилетнему кризису Аварского каганата и становлению Великой Болгарии – не могли не отразиться на населении Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья.

Северо-запад Среднего Поднепровья к 7 в. прочно осваивают собственно славянские племена (**носители пражской** культуры), какие-то их группы, по-видимому, проникают на Каневщину и, возможно, южнее. В материальной культуре это фиксируется появлением полуземлянок с печами-каменками, впрочем, в какой степени заимствование отопительного сооружения отражает миграцию, судить трудно, а выделить в пеньковском керамическом комплексе однозначно позднепражские формы по фрагментированому материалу поселений, как правило, почти невозможно.

В части ареала пеньковской культуры сохраняются погребения по обряду **ингумации**, как с фибулами, что является аргументом в пользу их соотнесения с "постчерняховцами", так и типичные кочевнические, вроде небольшого могильника в Рябовке. Как показывают материалы той же Рябовки, проникновение небольших групп степняков носит эпизодический характер. На ряде поздних пеньковских поселений известна канцирская и пастырская керамика, что указывает на активность ремесленных центров по ее производству, связанных с инородными для местного населения традициями. На памятниках с такой керамикой иногда встречаются и юртообразные постройки и некоторые специфические вещи типа костяной обкладки лука из Осиповки, вероятно, отражающие процесс оседания части кочевников в среде автохтонов. Правда, повседневная культура последних, по-видимому, не претерпевает заметных изменений под влиянием степняков.

В низовьях Ворсклы, в районе **Новых Санжар**, известны три компактно расположенных

фибула из Токарей группы Левица-Токари [Гавритухин,1994].

По-видимому, наряду с фибулами типа Пильвины, о северо-западных связях среднеднепровского населения свидетельствует и пряжка из Великой Андрусовки, концентрация наиболее близких аналогов которой приходится на юго-восточную Прибалтику, особенно на Понеманье и район Мазурских озер (см. ***часть 4.3***, свод вещей есть в диссертации А.М.Медведева [Медведев 1991]).

С горизонтом D3, отражающим ***эпоху первых могущественных германских королевств***, образовавшихся на развалинах Западной Римской империи, в Среднем Поднепровье связан комплекс золотых украшений [Рыбаков 1953, с.51, рис.5,6], к сожалению, происходящий из покупок, а его локализация, более узкая, чем "Киевская губерния", и характеристика культурного контекста в настоящее время невозможны. Эти изготовленные в позднеантичных традициях вещи по богатству и уровню исполнения вполне достойны особ королевского или княжеского ранга (во всяком случае, они сопоставимы с соответствующими экземплярами из погребения Хильдерика в Турнэ), что симптоматично уже само по себе.

Таким образом, вещи центральноевропейского круга (в широких территориальных пределах арены гуннской и постгуннской истории – от Подунавья или Восточного Средиземноморья до Прибалтики) довольно регулярно попадают в Поднепровье и на Днепровское Левобережье. Не исключено, что проводником центральноевропейского влияния в днепровском регионе были какие-то **группы черняховского населения**, не ушедшие на запад и сохранившие связи с этнически близкой европейской средой. Археологические следы этих групп пока трудно уловимы. Как уже упоминалось, ими могли быть оставлены некоторые раннесредневековые лесостепные ингумации. Им могли принадлежать, также, т.н. черняховские элементы в пеньковской культуре, которые ощущаются на ее раннем этапе.

Другой аспект истории Поднепровья фиксируют **вещи с решетчатым орнаментом** из пирамидок, отнесенные ко второй группе колочинских хронологических индикаторов (см. часть 4.4). В какой именно этнокультурной среде сложился этот тип украшений, пока не ясно, поскольку вещи однозначно не связаны с конкретной этнографической группой, а распространены у какой-то части "тушемлинского", "рязано-окского" и колочинского населения. Это объяснимо как в рамках старых прибалтийско-днепровско-окских трасс культурных контактов, так и ситуативной цепочкой взаимосвязей.

Мы согласны с точкой зрения А.К.Амброза о принадлежности вещей этого круга особому "верхнеднепровскому" очагу ювелирного ремесла [Амброз,1970]. Несмотря на то, что количество изделий, изготовленных в этом стиле, весьма невелико, традиции их орнаментации в переработанном виде проявляются и в более поздних украшениях.

Один из элементов, придающих своеобразие рассматриваемым вещам, это – мотив "решетки", применяющийся на интересующих нас восточноевропейских изделиях в разнообразных формах и на самых разных деталях, в отличии от образцов любой из центрально- и западноевропейских культур, где такой мотив известен. Одной из необъяснимых пока особенностей ряда поствосточногерманских фибул, типичных именно для Среднего Поднепровья, является как раз решетка, расположенная в центре ножки или на ее конце, на особой площадке (см. ***часть 2.2.1***). "Решетки" 7-го века сделаны иначе, чем на "верхнеднепровских" вещах, но это вполне понятно, учитывая, что "классические" образцы стиля рассматриваемого очага относятся к концу 5 – началу 6 вв., а в дальнейшем, например по материалам рязано-окских могильников (наблюдение И.Р.Ахмедова), происходит постепенное затухание импульсов. Мы не считаем, что можно говорить о прямой преемственности традиций ювелиров "верхнеднепровского очага" и изготовлявших вещи круга днепровских кладов 1-й группы, но и не учитывать возможность (вероятно, опосредованную) такого влияния нельзя. С этой точки зрения интересна своеобразная фибула из Смородино [Рыбаков 1953, с.59, рис.10:14]), вполне соотносимая с прочими поствосточногерманскими пальчатыми, но украшенная решетчатым орнаментом на головке.

К локальным стилям, оформляющимся к 6 в., относится **ряд керченских серий фибул** с ромбической ножкой и типа Аквилея. Интересно, что почти все они концентрируются в Поднепровье очень компактно – на юге б.Киевской губернии, в пределах Каневского и Черкасского уездов [Рыбаков 1953, с.57, рис.8:2,3; Бобринский 1894, табл. XX:3; 1901, табл.I:12; Корзухина – в печати]. В комплексах поселений эти украшения пока ни разу не найдены, зато известны в погребениях по обряду ингумации (***часть 4.4***). Рассматриваемые вещи датируются довольно широко, нет сомнения, что они существовали и в 7 в., а показательные для узкой датировки признаки не отчетливы [Айбабин 1979; Засецкая 1990]. Днепровские экземпляры, как правило, не отличаются тщательностью проработки деталей, не имеют полихромных вставок, что, наряду с комплексом мартыновского погребения, указывает на их относительно поздние даты в рамках данных керченских серий. Есть, тем не менее, и довольно тщательно сделанные, вероятно, относительно ранние образцы. Это показывает, что формирование рассматриваемого узла культурных взаимосвязей, по-видимому, предшествовало периоду, к которому относится основная масса днепровских находок керченского круга.

Вещи подунайских стилей, начавших формироваться в период D3, представлены в Поднепровье, например, фибулами, найденными у Княжей горы на Каневщине (рис.49:*13*) и в Великобудковском кладе среди сырьевого лома (***часть 4.3***, рис.104:*1*). Оба экземпляра не имеют каймы из мелких треугольников, типичной для "стильных" подунайских фибул, что может свидетельствовать в пользу отнесения поднепровских находок не к импортам, а к кругу переработок, как местных, так, например, крымских. Как бы то ни было, указанные образцы – свидетельства включенности каких-то групп населения Поднепровья в контекст восточногерманских культурных связей и в 6-ом столетии.

коплекса (Макуховка, Малое Перещепино, Новые Санжары) с вещами, типичными для верхушки кочевнического населения (степная группа V по А.К.Амброзу [Амброз 1982]). К сожалению, все три комплекса обнаружены случайно, но атрибуция лучше всего сохранившегося, перещепинского, как погребения, представляется нам наиболее обоснованной, и мы считаем возможным такое определение распространить на две другие находки. Район, где указанные комплексы обнаружены, характеризуется наличием широкой поймы с болотистыми низинами и дюнами, наряду с обширными более возвышенными местами, что напоминает ландшафт тисо-дунайского междуречья, где известно другое, также довольно компактное, скопление подобных памятников (Боча, Кецель, Кунбабонь, последнее – исследованный археологически погребальный комплекс).

Все это позволяет считать, что в районе Новых Санжар находилась одна из ставок верхушки кочевнического объединения. Мы принимаем для вещей круга перещепинских наиболее распространенную и соответствующую монетам датировку в рамках середины – третьей четверти 7 в., что заставляет соотносить рассматриваемые комплексы с реалиями Великой Болгарии. Был ли в Перещепино похоронен именно хан Куврат и, вообще, связаны ли эти памятники с кланом главы созданного им объединения, мы судить не беремся.

Вероятно, ставка в низовьях Ворсклы, отмеченная тремя богатыми комплексами кочевнической аристократии, небольшие могильники рядовых степняков типа Рябовки, наличие юрт на пеньковских поселениях, деятельность пастырского ремесленного центра – явления одного круга и отражают включение части пеньковского ареала в состав **Великой Болгарии**. Социальный ранг оседлого населения в этом объединении не ясен и теоретически мог колебаться в пределах от полного подчинения до союзнических отношений, не говоря уже о возможных отличиях в статусе разных общин. Датировка Канцирского гончарного центра допускает, что его становление произошло в более раннее время и связано с деятельностью иных сил, но распределение канцирской керамики на памятниках делает вполне вероятным заключение, что этот центр функционировал и в эпоху Великой Болгарии.

Наиболее ранний горизонт массовых находок раннесредневековых украшений (малые пальчатые фибулы, пряжки с коробчатой петлей, звездовидные серьги и т.д.) в районе Пастырского городища свидетельствует о связях населения этого центра с Подунавьем. При этом, в какой степени концентрация населения у этого пункта обусловлена активностью болгарской верхушки, был ли это одновременный (тогда нельзя исключить что насильственный) акт, в какой период существования этого памятника здесь сложилось собственное ремесленное производство, какие этапы оно прошло – судить трудно. Принимая во внимание характер вещей и их даты, можно лишь утверждать, что Пастырское городище было одним из центров в составе Великой Болгарии.

Особый пласт истории населения Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья отражен в комплексе украшений, характерных для раннесредневековых **днепровских кладов группы 1.** То, что это именно комплекс, а не механическое соединение разнородных вещей, доказывается устойчивостью сочетания украшений, определяющих облик уборов. Важнейшей особенностью этих древностей в сравнении с украшениями предшествующего времени является то, что все выразительные вещи, типичные для кладов 1-й группы, принадлежат особым, нередко довольно представительным, местным локальным сериям или вариантам. Безусловно своеобразен и не может считаться заимствованным состав уборов. Очевидно, перед нами изделия круга мастеров, переработавших в оригинальном сплаве образцы византийского искусства, элементы восточногерманского ремесла, традиции культур лесной полосы Восточной Европы, детали моды мира евразийских кочевников, компоненты иных культур.

Хотя изделия этого круга распространены, в основном, в ареале пеньковской и колочинской культур и неоднократно найдены на памятниках этих общностей, нет оснований считать, что набор вещей из кладов 1-й группы является результатом развития пеньковско-колочинских (посткиевских) традиций. Аргументы в пользу такого утверждения – не только негативного плана (отсутствие в "посткиевских" древностях прототипов ключевых элементов рассматриваемого нами убора и устойчивых серий металлических украшений местных локальных традиций). Как показано на карте (рис.92), ареал кладов первой группы и отдельных находок вещей того же набора не совпадает полностью с территорией ни одной из этнокультурных групп населения Поднепровья и Левобережья. Важно, также, что ареалы этих общностей не связаны прямо с зонами локальных вариаций украшений: набор и варианты вещей из области, занимаемой колочинскими памятниками в Посеймье и верховьях Псла, близки находкам из пеньковского региона в бассейне Ворсклы, а украшения из территориально близких пеньковских районов в Поросье и Потясьминье отличаются между собой сильнее, чем от вещей востока Днепровского Левобережья (см. ***карты к главам 2 и 4***).

Уборы, представленные в днепровских раннесредневековых кладах, достаточно богаты и отражают культуру элиты. Поскольку область распространения этих уборов в Поднепровье относительно компактна и непосредственно не связана с ареалами местных культур, то, видимо, ее границы очерчивают территорию какого-то политического объединения, элита которого подчеркивала свое отличие от соседей спецификой костюма, либо область, где это объединение начало складываться.

Если такая общность существовала, то встает вопрос о ее соотношении с Великой Болгарией. Мы не считаем, что связь между последней и гипотетическим днепровским союзом была прямой. Так заставляет думать и ареал рассматриваемых вещей (нет оснований включать все Днепровское Левобережье в зону влияния болгарских ханов), и характер культурных заимствований (для ряда изделий можно говорить о прямых византийских прототипах, не опосредованных центрами из Приазовья, Северо-западного Кавказа или пон-

тийских степей, а воздействие ювелирного ремесла этих территорий на традиции изготовления днепровских украшений довольно ограничено), и хронологические выкладки (мы не можем относить время формирования своеобразных днепровских серий вещей к эпохе "после 630-х гг." и даже более поздней).

Узкая хронология набора украшений из кладов была определена нами в рамках второй и третьей четвертей 7 в. Многие прототипы и, очевидно, ***начало формирования*** специфических днепровских разновидностей этих древностей относятся к более раннему времени. Расцвет восточногерманских серий пальчатых фибул, насколько известно, заканчивается не позднее 6-го столетия, соответственно, цепочка типологического ряда к пост-восточногерманским застежкам должна укладываться в рамки второй половины 6-го – первой половины 7-го вв. Позднеантичная структура поясов довольно широко распространяется в Восточной Европе во второй половине 6-го – начале 7-го вв., а его модификации под азиатским влиянием приходятся на 7 в. : среди днепровских находок, кроме последних, мы видим и довольно близкие позднеантичной традиции образцы. Прототипы двучастных накладок с прямыми боками, придающих своеобразие днепровским поясам (на большинстве других территорий вытесненых "рогатыми" бляшками), относятся ко второй половине 6 в. (***часть 3.7***, ХИ-1). Уже этих примеров довольно, чтобы определить время начала формирования интересующей нас общности в хронологических рамках конца 6-го – первой трети 7-го вв.

Указанная эпоха – время натиска на Византию персов с востока, а с севера – многих варваров, виднейшая роль среди которых принадлежала аварам и славянам. Возможно, кристализация дружин и истоки стилей вещей из днепровских кладов связаны с участием каких-то групп поднепровского населения в этих походах. Не менее вероятной нам представляется и другая взаимосвязь событий. Кроме опоры на внутренние силы, Византия могла, как бывало не раз, выстоять в казалось бы безвыходной ситуации благодаря тонко построенным геополитическим комбинациям, позволявшим нейтрализовать часть нападавших и привлечь дополнительные ресурсы для обороны или контрнаступления. Известна роль хазар и других северокавказских народов в поражении Хосрова II. Вероятно, были попытки организовать и антиаварские или антиславянские союзы, опираясь на восточноевропейских варваров. Поднепровские группировки вполне подходят для этого, достаточно вспомнить, что, например, анты часто фигурируют в провизантийском, антиславянском или антиаварском военном или политическом контексте (причем, нападения антов на Византию, в отличие от славян, в послеюстиниановское время неизвестны). Тогда значительное византийское влияние на культуру интересующих нас поднепровских дружин следует относить не к последствиям войн с Империей, а считать результатом союзнических отношений с ней.

Как бы то ни было, известно, что ближайший сосед поднепровского населения, Великая Болгария, была в середине 7 в. союзницей Византии и одним из гарантов стабильности на севере, когда на Империю обрушились арабы. Возможно, в рамках этой расстановки сил верхушка части поднепровских племен в какой-то форме достигает согласия с болгарским ханом и даже складывается довольно сильная взаимосвязь местных общин с группами степняков, что фиксируется рядом археологических фактов. В этой довольно стабильной обстановке создается возможность для ***расцвета*** деятельности в Поднепровье местных школ ювелиров, обслуживающих сложившуюся в предшествующие бурные годы военную элиту.

В ***частях 4.1, 4.2, 4.4*** было показано, что ***финал*** **пеньковской и колочинской** культур нельзя рассматривать как плавное, эволюционное перерастание в древности следующей эпохи. Появление целого комплекса новых компонентов в культуре, сменяющей колочинскую и пеньковскую, невозможно объяснить, если не учесть довольно значительный по масштабам приток нового населения. Материалы, рассмотренные в ***части 4.3*** свидетельствуют, что наиболее поздние собственно колочинские и пеньковские памятники датируются теми же вещами, что известны в днепровских кладах 1-й группы. Очевидно, ***выпадение*** представительного горизонта, практически, синхронных ***кладов*** относится к тому же времени, что финал колочинской и пеньковской археологических общностей. На памятниках культуры Луки Райковецкой и на родственных им волынцевских, которые сменяют пеньковскую и колочинскую культуры в Поднепровье, на Днепровском Левобережье и в бассейне Северского Донца, вещи круга кладов первой группы отсутствуют. В Поднепровье и далее к востоку, таким образом, смене культур сопутствует смена стиля украшений и, вероятно, убора в целом, что явно не случайно. Этнокультурная ситуация меняется в результате военных действий, в которых местное население терпит поражение. Иным путем объяснить массовое выпадение в землю однотипных кладов невозможно.

Согласно гипотезе Г.Ф.Корзухиной и М.И.Артамонова сокрытие кладов связано с набегами хазар на территорию Поднепровья во время хазаро-болгарских войн последней трети 7 в. Важнейшим и, практически, единственным аргументом в пользу этого является совпадение (или близость) дат событий из истории кочевых объединений и времени выпадения в землю "мартыновско-суджанских" кладов. Сам М.И.Артамонов признавал, что прямых свидетельств присутствия хазар в днепровской лесостепи в рассматриваемый период нет. О.А.Щеглова, специально проанализировав древности Поднепровья конца 7 – 8 вв., показала, что хазарское проникновение в этот район относится к более позднему времени. Это заставило ее модифицировать "ленинградскую" гипотезу, связывая сокрытие указанных кладов с продвижением на север болгар под хазарским натиском. Позже, вследствии появления хазар в лесостепном Поднепровье выпадают в землю клады 2-й группы [Щеглова 1987; 1990; 1991].

Ареал кладов группы 1 довольно точно соответствует зоне распространения в Поднепровье древностей **волынцевского** горизонта и родственной им культуры Луки Райковецкой (крайние точки определяют: на западе – ареал среднеднепровских памятников типа Сахновки, в котором

известны клады из Мартыновки, Малого Ржавца и Вильховчика; на севере – Голяжье, Макча, Циликов Бугор на Средней Десне в районе Трубчевского клада; на северо-востоке – Лебяжье, Приосколье 2 в верховьях Сейма и Оскола, в этой области известен клад из Углов; на юго-востоке – с Оскола происходят Валуйский и Колосковский клады – рис.98). Очевидно, указанный "клин" в пеньковско-колочинском массиве лучше всего объясняется продвижением нового населения из западной части Среднего Поднепровья.

Результатам картографирования вполне соответствуют и некоторые особенности древностей волынцевского периода, новые, по сравнению с традициями местных культур, черты которых характеризуются керамикой **типа Сахновки**, распространением печей из глины и камня, то есть комплексом культурных элементов западного происхождения. Компоненты, связанные с культурой **Хазарского каганата**, такие как гончарная керамика типа Битица-Волынцево, украшения, относящиеся к кругу Фативижского клада или салтовскому, появляются не с самого начала возникновения волынцевской общности, а несколько позже (***части 4.5, 4.6***). Судя по составу керамического комплекса и строительным традициям, основную массу пришельцев составляли славяне – носители культуры Луки Райковецкой, хотя из каких конкретно мест они двигались, сейчас сказать трудно. Украшения, чуждые пражскому населению, указывают, что на переселившиеся общины оказали какое-то воздействие подунайские традиции, но на все ли, прямо или опосредованно – не ясно. Невозможность определить район, из которого началась миграция, видимо свидетельствует не только о недостаточной изученности этой проблемы, но и о сложной, многокомпонентной структуре группировки, вторгшейся на пеньковско-колочинскую территорию.

О времени этого ***вторжения*** косвенным образом свидетельствуют абсолютные даты перехода от пражской культуры к этапу Луки Райковецкой. Как показано в специальном исследовании, результаты которого изложены в ***главе 4***, это происходит в последней трети – конце 7 в. Соответственно, население, принесшее на Днепровское Левобережье элементы культуры Луки Райковецкой, не могло продвинуться сюда ранее конца 7 в.

Говоря о соотношении указанной славянской миграции с войнами эпохи возвышения Хазарского каганата, отметим следующее. Во-первых, разгром Великой Болгарии, что известно по письменным источникам, и миграцию славян на территорию ее северных соседей, которая могла и не попасть в древние хроники, жестко увязывать между собой не обязательно, хотя нет оснований исключать и согласованность действий верхушки хазарской и славянской группировок в войне против их, вероятно взаимосвязанных, соперников.

Во-вторых, потрясения в эпоху ***около последней трети 7 в.*** охватили огромную территорию. Укажем лишь некоторые из них: приблизительно на это время приходится финал полиэтничных могильников Мазурского поозерья (по В.И.Кулакову, отметим наиболее поздние узкодатируемые находки – миниатюрные пальчатые фибулы местных вариантов, вещи горизонта Игар-Озора); кризис, приведший к финалу дьяковской культуры (по выкладкам Н.А.Кренке); пожары городища Зимно на Волыни (в слое которого найдены детали геральдических поясов – см. ***часть 2.1.4***) и Никодимовского (из слоя которого происходят многочисленные вещи круга днепровских кладов группы 1 – раскопки А.А.Седина) на Могилевщине; ряд инноваций в военном деле у авар (появление сабель, стремян с прямой подножкой и др. [Гавритухин 1990]) и продвижение населения каганата на север Карпатской котловины; образование Первого Болгарского царства на Дунае; появление памятников Новинковского типа, связываемых с болгарами (по Г.И.Матвеевой, А.В.Богачеву и др.), и финал именьковской культуры на Средней Волге; серьезные изменения в Прикамье (новые компоненты в культуре, судя по материалам могильников, и гибель поселка в Бартыме – см. ***часть 3.6***); образование в Центральной Азии Второго Тюркского каганата, краткая история которого наполнена войнами; контрнаступление византийских императоров, преемников Ираклия, как против арабов, так и на Балканах – против славян (поход Константа II в 658 г., походы первых лет правления Юстиниана II (685-695, 705-711 и др.), сопровождавшееся активной политикой в Италии; наконец, перманентный натиск арабов на соседей, от Средней Азии до Западного Средиземноморья (в конце 7 в. пал Карфаген).

Характер связи этих событий пока не ясен и требует специальных исследований. Возвращаясь к территории Поднепровья, отметим, что дата кладов группы 2а также укладывается в рамки рассматриваемой эпохи (***часть 2.8***), но интерпретация этого феномена, до появления более отчетливых сведений о связи указанных комплексов с конкретным этнокультурным контекстом, не может быть убедительной.

Итак, мы видели, что на протяжении большей части 7 в. в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье наблюдается довольно стабильная обстановка и появляются, по крайней мере, предпосылки интеграционных процессов. Своеобразие мужского и женского уборов позволяет ставить вопрос о существовании в этом регионе особого племенного союза или, по крайней мере, о начале процесса его создания.

Эволюционное развитие местных культур прерывается где-то в последней трети 7 века военной экспансией славянских племен. Судя по резкой смене состава украшений и обилию невостребованных кладов, в ходе столкновений погибла или бежала верхушка местного общества, которая и являлась основным проводником "интеграционных" тенденций. Оставшееся местное население, в основном, смешалось с пришельцами, которые были близки ему по уровню общественного строя, не отличаясь резко и многими чертам культуры, в том числе, по-видимому, языком. Ассимиляция и образование новой общности протекали в разных местах с разной степенью интенсивности, кое-где "довольнцевские" реминисценции прослеживаются даже в салтовский период (Дмитриевский могильник и ряд других памятников бассейна Северского Донца). Конкретные особенности этих явлений еще предстоит выяснить.

Формирование нового этнокультурного симбиоза осложняется экспансией Хазарского

каганата, первые ощутимые волны которой датируются где-то в рамках первой половины 8 в. и отражены в выпадении кладов группы 2б, возникновении Битицкого форпоста и ремесленного центра, специфике фазы 2 волынцевского периода культуры Днепровского Левобережья. Хотя контакты новых пришельцев с местным населением несомненно были и происходили в довольно разнообразных формах, нет оснований говорить об ассимиляции днепровских славян хазарами. Днепровские левобережные общины оставались чуждыми обществу Каганата данниками. В конце концов это и привело к выплате "дани мечами".

Иначе происходило взаимодействие антов и их соседей с пришельцами-славянами. Очевидно, характер этих взаимоотношений был таков, что позволял смешение населения и способствовал довольно быстрому распространению единой культуры. Общая подчиненность хазарам и противостояние им, наверное, не могло не отразиться на ускорении интеграции. В результате, на Днепровском Левобережье формируется новая этнокультурная общность, дальнейшая судьба которой связана с историей одного из восточнославянских племен – северян.

Приложение 1. Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка

Одними из наиболее важных для изучения северокавказских древностей 5 - 8 вв. н.э. являются материалы из памятников Кисловодской котловины. Среди десятков могильников, известных на этой компактной территории, наиболее широко исследованным и доступным для обработки является Мокрая Балка (более 160 катакомб). Данный памятник является своеобразным эталоном не только для материалов Кисловодской котловины, но и дает возможности для изучения ряда вопросов, имеющих важное значение для более широкой территории.

В *части 3.5* данной монографии было показано, что оценка хронологического значения различных типов ременной гарнитуры Мокрой Балки неоднозначна. Очевидно, выход в данной ситуации состоит в привлечении других категорий инвентаря для решения проблемы периодизации памятника. В предлагаемой ниже работе рассмотрены возможности керамики для этой цели.

В 1994-1995 гг. в рамках совместной работы с В.Б.Ковалевской над реализацией проекта, финансируемого Международным Научным Фондом на средства Дж.Сороса и направленного на изучение проблем раннесредневековой археологии Северного Кавказа, автором проведена работа по анализу керамического комплекса могильника Мокрая Балка. Используемые материалы происходят из раскопок 1968-1980 гг. А.П.Рунича, Г.Е.Афанасьева, В.Б.Ковалевской и частично опубликованы [Рунич 1975; Рунич 1977; Афанасьев 1979а].

Первый опыт систематического изучения представительной коллекции северокавказской раннесредневековой керамики принадлежит Г.Е. Афанасьеву [Афанасьев 1979а; Афанасьев 1980]. Эти изыскания являлись частью исследования хронологии могильника Мокрая Балка, в основу которой был положен анализ поясной гарнитуры [Афанасьев 1976; Афанасьев 1979б]. На базе 269 сосудов Г.Е.Афанасьевым была проведена систематизация керамического материала, предложена классификационная схема для всех групп посуды памятника, выделены типы и подтипы сосудов, которые могли бы служить индикаторами или, в той или иной мере, отражать хронологию могильника [Афанасьев 1980]. Кроме этого, с применением статистических методов Г.Е.Афанасьевым выделен ряд качественных признаков, являющихся хронологическими индикаторами: установлена синхронность определенных видов декора, а также хронологическая последовательность смены одних видов декора другими в рамках раннего (I-го) этапа могильника [Афанасьев 1979а, с.180-181].

Дедуктивный метод работы с керамикой, использованный Г.Е.Афанасьевым, вполне правомерен. В данной работе к тому же материалу применяется индуктивный метод,который заключается в том, чтобы сосредоточившись на изучении керамического комплекса, выделить хронологические группы. В дальнейшем, полученная шкала будет сопоставляться с результатами изучения других категорий инвентаря. Для достижения данной цели необходим комплексный систематический анализ количественных (мерных) и качественных признаков, на основе которого должна быть разработана по возможности строгая и "работающая" хронологическая классификация, рассмотрены взаимосочетания типов сосудов в комплексах, прослежены развитие и смена различных керамических форм во времени, что, в конечном итоге, позволит выявить как общие этапы эволюции керамического комплекса, так и узкие хронологические периоды внутри этапов, которые могут стать основой для более дробной периодизации памятника.

Для повышения надежности выводов существенным является увеличение массива анализируемых сосудов, что было достигнуто за счет привлечения неопубликованных керамических материалов, любезно предоставленных В.Б.Ковалевской и Г.Е.Афанасьевым. Таким образом, для анализа керамического комплекса были использованы 326 сосудов из 129 содержащих керамику катакомб могильников Мокрая Балка I и II. Кроме этого были использованы 10 сосудов, предположительно имеющих отношение к могильнику, и отдельные находки (3 сосуда) из разрушенных катакомб. Эти экземпляры важны для обеспечения необходимой массовости отдельных групп и принимали участие только на этапах анализа формы, декора и при выделении типов или вариантов посуды. Керамическая коллекция могильника хранится в Ставропольском Государственном объединенном краеведческом музее, Кисловодском краеведческом музее, Пятигорском краеведческом музее и Музее искусств народов Востока[1].

Вследствии ограниченности объема этого раздела (готовится полная публикация исследования керамических материалов могильника) не представляется возможным привести подробное описание процесса исследования и структуры классификации. В данной работе кратко дается методика и характеризуются признаки тех нижних таксонов классификации, которые участвуют в сериации комплексов могильника. Иерархическая структура, в которую объединены полученные таксоны, для задачи данного исследования значения не имеет. Некоторая иерархическая неравномерность нижних таксонов определяется как спецификой материала, так и конкретными задачами исследования его в данной работе.

С точки зрения ассортимента керамика представлена, в основном, столовой посудой - кружками, кувшинчиками, кувшинами и, значительно реже, формами, которые можно отнести к кухонной посуде - горшками. Ряд богато орнаментированных трехручных кувшинов можно отнести к категории столовой посуды, одновременно предполагая и их возможную ритуальную функцию. В целом, керамический комплекс могильника гомогенен, как с точки зрения морфологии, так и технологии. Незначительные отклонения, касающиеся указанных его характеристик, связаны не с импортом посуды.

На начальном этапе исследования проводилась работа по выработке классификационной гипотезы: ориентировочно оценивались параметры, пропорции, выделялись качественные признаки, описывающие не только декор, но и конструктивные элементы сосудов (ручка, слив). Формулировались положения и принципы, согласно которым будет дробиться исходный массив.

Весь массив форм был разделен на два отдела (за исключением горшков, составляющих самостоятельную группу): сосуды (кувшины и кувшинчики) со сливом и с ручкой, крепящейся верхним прилепом, как правило, на горле ниже венчика; и сосуды (кувшинчики и кружки) без слива и ручкой, крепящейся, как правило, верхним прилепом к венчику. Проверка данной гипотезы проводилась с помощью критерия "ХИ-квадрат" [Федоров-Давыдов 1987, с.94-96] между значениями признаков "наличие слива" и "крепление верхнего прилепа ручки к горлу". Полученное значение критерия (173,82) оказалось значительно больше табличного (3,84), что свидетельствует о наличии сильной двусторонней связи между указанными значениями признаков. На основании этого составлялись два списка признаков: для сосудов со сливом (кувшинов и кувшинчиков) и сосудов без слива (кувшинчиков и кружек). В обоих списках учитывались, помимо указанных конструктивных особенностей, и отличия в орнаментации. Описания и обмеры производились, главным образом, на сосудах, хранящихся в коллекциях музеев; около 20% сосудов, отсутствующих в музеях, были описаны и обмерены по сделанным ранее В.Б.Ковалевской фотографиям или по рисункам в отчетах.

Дальнейшее рассмотрение керамики происходило внутри каждого отдела. Вначале исследовалось пространство количественных(мерных) признаков. В ходе анализа, для каждого из отделов были исключены взаимозависимые параметры. Кроме того, анализ параметров отдела сосудов со сливом показал, что параметры горла кувшинов и кувшинчиков, вне зависимости от размеров сосудов, оставались, практически, неизменными, и таким образом, для разбиения данного массива применялись только параметры тулова и плечиков. Анализ параметров и пропорций для отдела сосудов со сливом позволил выделить две группы сосудов ("кувшины средних и крупных размеров" и "кувшинчики"), а для отдела сосудов без слива - три группы ("кувшинчики", "низкие кружки" и "высокие кружки"). Внутри группы "низких кружек" выделяется дополнительно подгруппа "широких кружек с сильно отогнутым венчиком". Дальнейшая работа с количественными признаками не привела к выделению других статистически достоверных подгрупп внутри полученных групп. Видимые различия в форме (выраженные именно в виде количественных признаков), для данного объема выборки, в значительной мере определяются степенью случайных отклонений от определенных стандартов и, в ряде случаев, функциональным назначением сосудов (кувшины средних и крупных размеров). Проверка полученных результатов была проведена при помощи дискриминантного анализа с использованием взаимонезависимых параметров (программа "DATASCOP"). Процент "ошибочной классификации" варьировал от 1.5 до 10%. Полученные в ходе работы с количественными признаками результаты - критерии для выделения функциональных и морфологических групп - легли в основу дальнейшей работы с качественными признаками. Исследование пространства качественных признаков проводилось внутри этих групп с целью нахождения устойчивых (статистически значимых) сочетаний значений этих признаков. Оценка значимости и определение силы связи между значениями признаков проводилась попарно с использованием критерия "ХИ-квадрат", коэффициента сопряженности "Q" и точного критерия Фишера [Федоров-Давыдов 1987, с.94-97] с последующим построением графов связи. В ходе анализа качественных признаков часть их была исключена как малозначимые для выделения таксонов. Оставшиеся признаки приводятся в виде двух списков по каждому из отделов.

Кувшины и кувшинчики со сливом.

1.Наличие ручек на тулове.

2.Место крепления верхнего прилепа ручки (*а*.ручка крепится к середине горла; *б*.ручка крепится к венчику).

3.Конструкция слива (*а*.хорошо сформованный слив в виде носика; *б*.слив в виде прогиба венчика; *в*.слив закрытого типа - в виде трубочки).

4.Оформление венчика в виде высокого хорошо профилированного утолщения.

5.Орнаментация слива (*а*.в виде конических выступов по обеим сторонам носика; *б*.в виде усеченно-конических выступов с углублением в центре, имитирующих глаза; *в*. в виде головы барана).

6.Оформление верхнего прилепа ручки (*а*.в виде налепной поперечной полоски, разделенной на три части; *б*. в виде невысокого поперечного выступа; *в*.антропоморфное изображение в виде "личины"; *г*.в виде налепной высокой брусковидной поперечной полосы).

7.Орнаментация горла (*а*.гладкое горло; *б*.орнаментация горла в виде широкого пояса глубоко вдавленных желобков).

8.Орнаментация плечиков (*а*.пролощенный декор в виде пояса сетки; *б*.пролощенный декор в виде пояса частых вертикальных полосок; *в*.пролощенный декор в виде пояса частых косых полосок, разделенных редкими косыми линиями, выполненными в другом направлении; *г*.пролощенный декор в виде широкого пояса заштрихованных треугольников; *д*.в виде пояса из двух рядов треугольников с вершинами, обращенными в противоположные стороны; *е*.в виде 1-2 рядов ломаной линии (пролощенной или состоящей из оттисков палочки с округлым краем); *ж*.антропоморфный декор в виде схематичных изображений фигур, выполненный насечками).

9.Орнаментация тулова или тулова и плечиков рельефными горизонтальными и вертикальными валиками.

*10.*Орнаментация тулова и плечиков коническими налепами.

*11.*Сложная орнаментация тулова и плечиков в виде сочетания горизонтальных и вертикальных линий и круглой окантовки вокруг конических налепов, выполненная насечками.

*12.*Орнаментация тулова и плечиков широкими несмыкающимися вертикальными "полотенцами", заполненными заштрихованными треугольниками.

*13.*Сопутствующий декор около ручек на тулове (*а.*трапецевидная окантовка около верхнего прилепа ручек; *б.*овальная окантовка вокруг ручек - обе разновидности декора характерны (и массовы) для кружек и кувшинчиков без слива - см. ниже).

Часть редких и единичных значений для данного керамического комплекса признаков (признаки 3в, 5в, 6б, 8в-ж, 11, 12, 13) "работали" на разделение массивов кувшинов и кувшинчиков со сливом и на выделение самостоятельных (единичных) таксонов. Однако, в рамках конкретной задачи, решаемой в данной работе, сосуды, на которых были встречены указанные признаки или не участвовали в сериации комплексов, или были объединены с другими более массовыми таксонами на основании сходства с ними по большому числу других признаков.

Ниже следует описание той части таксонов, выделенных в ходе анализа пространства качественных признаков, которая необходима для решения задачи периодизации памятника на основе взаимовстречаемости сосудов в комплексах.

Кувшинчики со сливом.

Кс.1.Небольшие кувшинчики со сливом (3 сосуда), выделенные на основании устойчивого сочетания признаков - наличия сильной связи (Q=0,74; Qn=0,39[2]) между значениями признаков "орнаментация слива в виде конических выступов" и "оформление верхнего прилепа ручки в виде налепной высокой брусковидной поперечной полосы" (рис.84: *21*).

Кс.2.Небольшие неорнаментированные кувшинчики со сливом (2 сосуда) (рис.85: *26,а,б*).

Кс.3.Кувшинчики со сливом (15 сосудов): горло орнаментировано широким поясом глубоко вдавленных желобков (рис.85:*31*).

Кс.4.Кувшинчики со сливом (3 сосуда): горло орнаментировано широким поясом глубоко вдавленных желобков; тулово орнаментировано тремя коническими налепами (рис.85:*23*).

Кс.5.Неорнаментированные (или орнаментированные по тулову и плечикам вертикальными пролощенными полосами с гладким горлом кувшинчики со сливом (3 сосуда) (рис.84:*20*).

Кувшины со сливом средних и крупных размеров.

Прежде чем перейти к описанию таксонов среди этой группы сосудов, необходимо отметить следущее обстоятельство. Распределение значений качественных признаков кувшинов средних и крупных размеров, разделенных по значениям признака "Орнаментация горла: *а.*гладкое горло; *б.*орнаментация горла в виде широкого пояса глубоко вдавленных желобков", показало, что большая часть значений признаков, связанных как с конструктивными особенностями сосудов, так и с их орнаментацией, обнаруживает четко выраженную поляризацию и тяготение к одному из двух вышеназванных значений признака "орнаментация горла". Сравнительно нейтральными оказались признаки "наличие ручек на тулове"(определяющий функциональную принадлежность сосуда),"орнаментация основания горла узким желобком или поясом насечек" и "орнаментация тулова и плечиков в виде вертикальных пролощенных полосок" (что, в частности, послужило одним из оснований не учитывать последние два признака при выделении таксонов). Данное распределение, очевидно, отражает определенные закономерности эволюционного характера, заложенные в материале.

Применение обозначений для выделенных таксонов (Кв.1. ..., Кс.1.., Кр.1. ..., Кк.1. ...) используется лишь в рамках данной работы.

Кв.1. Одноручные кувшины средних и крупных размеров (5 сосудов) выделены по наличию ядра тесно связанных между собой значений признаков: "гладкое горло", "оформление венчика в виде высокого хорошо профилированного утолщения", "оформление верхнего прилепа ручки в виде поперечной налепной полоски, разделенной на три части или, реже (1 случай), невысокого поперечного выступа", "слив в виде прогиба венчика" (Q=0,26-0,83; Qn=0,25) (рис. 84:*11*).

Кв.2. Одноручные кувшины средних и крупных размеров (4 сосуда) с гладким горлом выделены в самостоятельный таксон вследствие наличия ядра взаимосвязанных значений признаков: "орнаментация слива в виде усеченно-конических выступов с углублением в центре", "оформление верхнего прилепа ручки в виде антропоморфного налепа - "личины", "орнаментация плечиков пролощенным декором в виде пояса частых вертикальных полосок" (Q=0,39-0,70; Qn= 0.25). В данном случае наличие связи подразумевает не строго обязательное наличие всех значений признаков на каждом из сосудов, а характеризует общую тенденцию - то есть, скорее всего, одновременность существования данных явлений (указанных признаков) при относительной самостоятельности каждого из них — и отражает, в первую очередь, именно хронологические закономерности. Это позволяет, в рамках данной работы, объединить указанные сосуды в один таксон (рис.84:*13,а,б*). Вследствие сходства орнаментальной композиции в данный таксон был включен трехручный кувшин из кат.122 (рис.84: *13,б*), формально относящийся к иной функциональной группе.

Кв.3. Кувшины средних размеров с гладким горлом (2 сосуда), орнаментированные по

плечикам 1-2 рядами ломаной линии (рис.84:*24*).

Кв.4. Кувшины средних размеров с гладким горлом (5 сосудов), орнаментированные по тулову тремя коническими налепами (рис.84:*18*).

Кв.5. Неорнаментированные кувшины (7 сосудов) средних размеров с гладким горлом (рис.84:*14*).

Кв.6. Кувшины средних размеров (7 сосудов) с желобчатым горлом (горлом, покрытым широким поясом глубоко вдавленных желобков) выделены в отдельный таксон на основании связи между значениями признаков: "орнаментация горла в виде широкого пояса глубоко вдавленных желобков", "орнаментация слива в виде конических выступов", "орнаментация плечиков пролощенным декором в виде пояса сетки" (Q=0,25-0,57; Qn=0,25) (рис.85:*33,а,б,в,г*). Для этих сосудов справедливо заключение, сделанное для кувшинов Кв.2. К данному таксону, в рамках решения поставленной задачи, отнесен трехручный кувшин из кат.118, имеющий близкую орнаментальную композицию (рис.85:*33,в*).

Кв.7. Кувшины средних и крупных размеров с желобчатым горлом (3 сосуда), орнаментированные по тулову тремя коническими налепами (рис.85:*19*).

Кв.8. Кувшины средних и крупных размеров с желобчатым горлом (20 сосудов), не имеющие других видов орнаментации (рис.85:*29*).

Кв.9. В самостоятельный таксон были объединены четыре трехручных кувшина средних и крупных размеров с гладким горлом (исключение составляет сосуд из кат.3-Аф; но горло этого кувшина орнаментировано широкими неглубокими смыкающимися желобками, отличающимися от вышеуказанной орнаментации горла в виде глубоких вдавленных несмыкающихся желобков), орнаментированные по тулову или тулову и плечикам горизонтальными и вертикальными рельефными валиками (рис.84:*5*). Основанием послужило наличие связи между признаками "наличие ручек на тулове" и "орнаментация тулова горизонтальными и вертикальными рельефными валиками" (Q=0,57; Qn=0,25). Орнаментация плечиков у всех указанных сосудов различна.

Кв.10.Небольшие трехручные кувшины с гладким горлом (2 сосуда)(рис.84:*7*).

Кв.11.Крупные трехручные кувшины (3 сосуда) с желобчатым горлом (рис.85:*32*).

Кувшинчики и кружки без слива.

Таксоны выделялись внутри ранее полученных групп "кувшинчиков", "высоких кружек", "низких кружек" (в том числе и подгруппы "широких кружек с сильно отогнутым венчиком") по сочетаниям приводимых ниже значений качественных признаков.

1.Место верхнего крепления ручки (*а*.ручка крепится к середине горла; *б*.ручка крепится к венчику; *в*.ручка крепится к основанию горла или к плечику).

2.Наличие двух ручек, крепящихся верхними прилепами к венчику.

3.Оформление верхнего прилепа ручки (*а*.в виде невысокого поперечного выступа; *б*.в виде невысокого раздвоенного поперечного выступа; *в*.в виде высокого выступа подпрямоугольной в сечении формы; *г*.в виде невысокого выступа конической или пирамидальной формы; *д*.в виде зооморфного выступа; *е*.антропоморфный налеп в виде "личины").

4.Орнаментация тулова и плечиков коническими налепами (*а*.1 налеп; *б*.2 налепа; *в*.3 налепа; *г*.4 налепа).

5.Сопутствующий коническим налепам декор (часто в сочетании с маркировкой горла) (*а*. в виде круглой, полукруглой, трапецевидной, треугольной окантовки или вращающегося расчленения; *б*.в виде овальной окантовки[3]).

6.Орнаментация тулова редкими широкими неглубокими каннелюрами.

Далее в описании приводятся лишь таксоны, участвующие в сериации комплексов могильника.

Кружки.

Кр.1.Высокие кружки (13 сосудов) с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, и, орнаментированные по тулову тремя коническими налепами (рис.84:*6*).

Кр.2.Высокие кружки (13 сосудов) с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, тремя коническими налепами на тулове и сопутствующим декором в виде круглой, полукруглой, трапецевидной, треугольной окантовки или вращающегося расчленения (рис.84:*4,а,б,в*).Хронологическая связь (синхронность) между этими видами декора установлена Г.Е.Афанасьевым [Афанасьев 1979,б]. Данные разновидности сопутствующего декора, скорее всего, семантически родственны и на этих основаниях могут рассматриваться вместе. С этими сосудами для решения конкретной задачи данной работы была объединена двуручная кружка (рис.84:*4,а*), строго говоря,являющаяся самостоятельной таксономической единицей, но сходная с ними по орнаментальной композиции.

Кр.3.Высокие кружки (6 сосудов) с ручкой, верхним прилепом крепящейся к венчику, тремя коническими налепами на тулове и сопутствующим декором в виде овальной окантовки (рис.84:*3*).

Кр.4.Высокие кружки (4 сосуда) с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, орнаментированные по плечикам и тулову тонкими несмыкающимися вертикальными пролощенными линиями (рис.84:*1*).

Кр.5.Высокие неорнаментированные кружки (2 сосуда) с ручкой, крепящейся верхним прилепом к середине горла; верхний прилеп оформлен в виде выступа (рис.84:*9*).

Для "низких кружек" наблюдается достаточно сильная связь (Q=0,55; Qn=0,18) между значениями признаков "широкие кружки с сильно отогнутым наружу венчиком" и "крепление ручки верхним прилепом к середине горла". Было принято, что наличие признака "крепление верхнего прилепа ручки к середине горла" будет считаться необходимым условием при образовании таксона, а форма (реализующаяся у 80% сосудов с подобным креплением ручки) - достаточным.

Кр.6.Низкие широкие кружки с сильно отогнутым наружу венчиком и ручкой, крепящейся к середине горла (11 сосудов). Кружки, как правило, неорнаментированные; изредка встречается маркировка основания горла поясом насечек (рис.84:*17*).

Кр.7.В отдельный таксон (7 сосудов) выделена часть низких широких кружек с сильно отогнутым наружу венчиком и ручкой, крепящейся верхним прилепом к середине горла. Для них наблюдается наличие выраженной связи между значениями признаков "орнаментация тулова тремя коническими налепами" и "оформление верхнего прилепа ручки в виде высокого выступа подпрямоугольной в сечении формы" (значение точного критерия Фишера для данной выборки в 20 сосудов значительно меньше 0,025) (рис.84:*15,а,б*).

Среди остальных "низких кружек" выделяются следующие таксоны.

Кр.8.Низкие кружки (6 сосудов) с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, оформлением верхнего прилепа ручки в виде невысокого поперечного выступа и орнаментированные по тулову тремя коническими налепами (рис.85:*27,а,б*). Между двумя последними значениями признаков фиксируется наличие связи (Q=0,29; Qn=0,20).

Кр.9.Низкие кружки с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику (4 сосуда), орнаментированные по тулову тремя коническими налепами (рис.85:*28*).

Кр.10.Низкие кружки с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, верхний прилеп ручки которых оформлен в виде невысокого поперечного выступа (12 сосудов). В качестве дополнительного признака, отражающего хронологические особенности сосудов, введен показатель "выраженность, морфологическая фиксированность перехода от горла к плечикам". Индекс "а" обозначает плавный переход от горла к плечикам; индекс "б" - резкий, выраженный переход горла в плечики; индекс "а\б" получили сосуды, где возможно неоднозначное суждение о данном признаке (это связано не только с объективными характеристиками ряда сосудов, но и с тем, что в оригинале были доступны не все сосуды из-за имеющихся утрат, а прорисовки в отчетах не всегда позволяют делать однозначные суждения). Кр.10.а.,а\б. - рис.85:*25*; Кр.10.б. - рис.85:*34,а,б*.

Кр.11.Низкие кружки с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику (79 сосудов). Встречаются как неорнаментированные сосуды, так и с орнаментацией тулова и плечиков пролощенными вертикальными полосами. Членение по признаку "выраженность, морфологическая фиксированность перехода от горла к плечикам" было применено и для данных кружек. Кр.11.а. - рис.84:*16*; Кр.11.а\б. - рис.84:*22*; Кр.11.б. - рис.85:*30,а,б*.

Кр.12.Низкие кружки (2 сосуда) с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, оформлением верхнего прилепа ручки в виде невысокого поперечного выступа или высокого выступа подпрямоугольной в сечении формы, орнаментированные по тулову редкими широкими неглубокими каннелюрами (рис.84:*12*).

Ниже приводится описание тех разновидностей кувшинчиков без слива, которые являются наиболее массовыми для данного керамического комплекса. **Кувшинчики без слива** Кк.1., Кк.2., Кк.3. (см. ниже) близки высоким кружкам Кр.1,Кр.2.Кр.3, отличаясь от них размерами и являясь, очевидно, их крупной модификацией, но с иной функцией.

Кк.1.Кувшинчики без слива с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику (5 сосудов), орнаментированные по тулову тремя коническими налепами (рис.84:*10*).

Кк.2.Кувшинчики без слива с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику (11 сосудов), орнаментированные по тулову тремя коническими налепами и сопутствующим декором в виде круглой или полукруглой окантовки (рис.84:*2*).

Кк.3.Кувшинчики без слива с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику (6 сосудов), орнаментированные по тулову тремя коническими налепами и сопутствующим декором в виде овальной окантовки (рис.84:*8*).

Заканчивая описание, заметим, что в данной работе при выделении таксонов, практически, не учитывалась орнаментация сосудов вертикальными (или косыми) пролощенными полосами по плечикам и тулову. Этот вид орнаментации встречается на всем протяжении существования могильника и фиксируется почти на всех формах посуды. Некоторая неравномерность его распределения на различных формах не всегда является отражением хронологических изменений, а в ряде случаев лишь дублирует другие, таксономически более важные признаки. В частности, абсолютное большинство "высоких кружек" и "кувшинчиков без слива", а также "низких кружек" с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику (Кр.1 - 4, 9,10, Кк.1 - 3) имеют этот вид орнаментации. В то время как для "низких кружек" с ручкой, крепящейся к середине горла (Кр.6 - 7) он нехарактерен, встречается редко. Среди "кувшинов средних и крупных размеров" и "кувшинчиков со сливом" данная орнаментация равномерно распределена по всем хронологическим этапам, то есть она сравнительно нейтральна по отношению к хронологии, и поэтому при выделении таксонов в данной работе не учитывается.

Одной из задач, решаемой в ходе работы с материалом, было выделение основных этапов

эволюции керамического комплекса памятника. Для этого использовались все сосуды из погребальных комплексов, содержащих керамику. Сосуды распределялись по всем выделенным таксонам (в отличие от данной работы, где приведена лишь часть их). Была составлена таблица взаимовстречаемости сосудов в комплексах. Полученные три группы керамики (с двумя небольшими переходными группами) соответствуют сложившимся в ходе работы над материалом представлениям о существовании трех основных этапов эволюции керамического комплекса могильника [Ковалевская 1995б, приложение, с.157, с.178, табл.8; Гавритухин и др. 1996]. Каждая из групп отличается по характерным и неповторяющимся в других группах наборам посуды в комплексах. На основании этого представляется возможным проследить общий ход эволюции керамического комплекса могильника, смену наборов погребальной посуды. Полученная схема выявляет основные этапы и направления развития керамики не только данного могильника, но и всего района Кавминвод в 5 - 8 вв. н.э.

Следующей задачей было создание более дробной периодизации могильника на основе керамики. Для ее решения из рассмотрения были исключены комплексы с одиночными сосудами, а также таксоны, представленные единичными образцами. В нескольких случаях было целесообразно присоединить такие таксоны к более массовым, что аргументировалось в каждом конкретном случае (см.Кв.2, Кв.6, Кр.2). Далее были рассмотрены устойчивые сочетания наборов керамики в оставшихся комплексах с целью выделения узких хронологических периодов внутри полученных этапов.

Сериация выделенных классов сосудов по их сочетаниям в комплексах произведена по программе "MVNUTS" (приношу глубокую благодарность Д.С.Коробову за консультации и помощь, оказанные при использовании компьютерных методов обработки керамических материалов могильника). Нумерация сосудов на рисунках соответствует нумерации "типов" в таблице сериации (взаимовстречаемости) на рис.86.[4]

На основании полученной периодизации (рис.86) представляется возможным выделить 7 групп комплексов, которые рассматриваются как хронологические периоды памятника (в обозначении периодов цифры I, II, III соответствуют номерам этапов эволюции керамического комплекса - см [Гавритухин и др. 1996]).

Касаясь содержательной стороны полученной периодизации необходимо заметить, что место ряда комплексов в периодизационной таблице (1-К,68,1) определено из формальных соображений в соответствии с методикой, заложенной в создание используемого алгоритма (например, "взвешивание" количества "ранних" и "поздних" "типов" в комплексе). В частности, комплексы 1-К и 68 (период IIIа) отнесены к наиболее ранним из комплексов, в которых встречается "тип" 30, из-за наличия в них сосудов, характерных для периодов Iб и IIа ("типы" 10 и 11); место в периоде IIIб комплекса катакомбы 1 вызвано преобладанием в данном комплексе форм "типов" 28,30 и 31, более характерных для периодов IIIб и IIIв, чем для периода IIIа, в противовес лишь одной более ранней форме ("тип" 18), встречающейся в периодах IIа, IIб и IIIа.

Периодизационная схема, выполненная на основе анализа керамических материалов, может уточняться за счет привлечения к исследованию других категорий инвентаря, а также данных по погребальному обряду: в первую очередь, информации о количестве погребенных, подзахоронениях и соотнесении в комплексах сосудов с определенными костяками (хотя последнее не всегда выполнимо вследствие особенностей погребального обряда - установкой части сосудов в дромосе или в камере, в одном месте, как правило, за головой погребенных).

Рассмотрение ременных гарнитур показало, что стилистически близкие наборы найдены в комплексах, компактно расположенных в таблице сериации керамики (см. ***часть 3.5***) и реконструируемая, таким образом, тенденция их развития, в целом, соответствует картине эволюции ременных гарнитур на других территориях. Это может рассматриваться, как дополнительный аргумент в пользу достоверности полученной периодизации и подтверждает возможность ее использования для периодизации других категорий инвентаря и памятника в целом.

---

[1] *Хочу выразить благодарность сотрудникам Ставропольского Гос. краеведческого музея ст.н.с. музея Я.Б.Березину и зав. археологическими фондами музея ст.н.с. И.В.Отюцкому, директору Кисловодского краеведческого музея к.и.н. С.Н.Савенко, а также сотрудникам Пятигорского краеведческого музея и Музея искусств народов Востока, за предоставленные для работы материалы. Материалы из раскопок А.П.Рунича публикуются с разрешения Я.Б.Березина и С.Н.Савенко).*

[2] *Qп - минимальное значение критерия Q, определяемое в зависимости от объема выборки [Федоров-Давыдов 1987, с.94-97].*

[3] *Использованная терминология взята из работы Г.Е.Афанасьева [Афанасьев 1979б].*

[4] *Нумерация "типов" - 1,2,...34, - в таблице не совпадает с нумерацией в таблицах, приведенных в публикациях [Ковалевская 1995б; Гавритухин и др. 1996]*

Приложение 2. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками

В каталог включены сведения о 21 колочинском, 33 пеньковских памятниках и о 7 погребениях по обряду трупоположения, с которыми связаны датирующие вещи[1]. Для удобства пользования каталогом местонахождения с материалами колочинской, пеньковской культур и погребения с ингумациями, несмотря на морфологическое сходство их вещевого инвентаря, перечислены отдельно друг от друга. Они размещены в соответствии с географическим положением (рис. 98): вначале дано описание более северных памятников, затем – южных.

Чтобы представить максимально полную информацию о датирующих находках, при описании памятников, на которых они были сделаны, использованы следующие признаки: административное и географическое положение; авторы и годы исследований; характер культурных напластований; количество датирующих предметов, контекст их обнаружения. В конце каждого описания указана литература, в которой есть сведения о данном поселении или могильнике. Номер памятника по каталогу соответствует его номеру на карте. К сожалению, отсутствие в ряде публикаций данных о времени и авторах раскопок, характере культурного слоя, условиях нахождения хронологически значимых вещей, так же, как отсутствие рисунков этих вещей, не позволяют привести более полные сведения о некоторых из учтенных в каталоге памятников.

Для ряда анализируемых в работе вещей были сделаны определения по существующим сегодня в литературе типологическим и классификационным схемам. В частности, пальчатые фибулы днепровской подгруппы классифицированы по системе Й.Вернера [Werner, 1950], антропозооморфные – по схеме А.К.Амброза [Амброз, 1993, рис.3]. При работе с деталями геральдических поясных наборов – ременными наконечниками, бляшками и накладками – использована типология А.И.Айбабина[2] [Айбабин, 1990, с.52-57]. В тексте каталога определения вышеперечисленных вещей сделаны без указания автора классификационной системы. О типологии пластинчатых подвязных шарнирных фибул см. часть 2.2 нашей книги.

Колочинская культура.

1. Посудичи. Брянская обл. ***Многослойное поселение*** **на правом берегу р.Судость.** П.Н.Третьяковым в 1963 г. исследованы две хозяйственные ямы середины I тыс. н.э. В одной из них — бронзовая пластинка с рельефным решетчатым орнаментом (рис.99:*8*).

[Третьяков 1966, с.262-263, рис.77:5; Третьяков 1974, с.87-89, рис.2:*8*].

2. Усох. Брянская обл. ***Могильник*** в 7 км от г.Трубчевска, на правом берегу **р.Десны**. В.А.Падиным в 1956 г. исследовано 18 урновых и безурновых трупосожжений. В погр. 4 найдены фрагмент бронзового браслета с утолщенными концами и часть бронзовой фибулы (рис.102:*7*), в погр. 6 – металлическая рамка от пряжки (?), в погр. 9 – железная пряжка (рис.103:*24*). Все вещи сильно испорчены огнем, поэтому их более подробное типологическое и хронологическое определение затруднено.

[Падин 1960, с.317,318, рис.2:*1,2,5,6*].

3. Кветунь. Брянская обл. ***Поселение***, а также ***грунтовый и курганный могильники*** на дюне в пойме **р.Десны**, исследованы Л.В.Артишевской в 1957-1959 и 1961-1962 гг. К колочинской культуре относится курганный и, возможно, грунтовый могильник. В насыпи кургана 10 обнаружена круглая бронзовая бляшка со шпеньком, в кургане 11 – железная пряжка, в кургане VII – обломки бронзового круглопроволочного браслета.

[Артишевская 1963, с.85-96, рис.6:*4*; Горюнов 1981, с.30-32; описание памятника и анализ его материалов см. также в главе 4.1 нашей книги].

4. Целиков Бугор. Черниговская обл. ***Селище*** в пойме правого берега **р.Десны**. Е.А.Горюновым в 1969 г. исследовано 3 полуземлянки (из них жилище 2 принадлежит, вероятно, волынцевской культуре) и 9 хозяйственных ям. Из полуземлянки 1, которую автор раскопок считает наиболее ранней, происходит бронзовая квадратная бляшка (пряжка?) с округлыми выступами по углам.

[Горюнов 1972, с.42,46, рис.14:*14*; Горюнов 1981, с.22,99].

5. Колодезный Бугор. Черниговская обл. ***Селище*** на дюне в пойме правого берега **р.Десны**, исследовано в 1967-1970 гг. экспедицией под руководством П.Н.Третьякова. Обнаружены материалы эпохи неолита, поздней бронзы, позднезарубинецкого и раннекиевского времени. В культурном слое поселения найден фрагмент железной фибулы с тордированной спинкой и цельнолитым приемником иглы (группа 17 – воинские двучленные, подгруппа 1 – с узкой ножкой – по А.К.Амброзу, тип Пильвины по И.О.Гавритухину, тип Прага по М. Шульце-Доррламм) (рис.99:*4*), на полу жилища 2 – обломанная железная поясная бляшка, в яме Б – железная обоймица.

[Третьяков 1974, с.92-99, рис.16:*1,7,8*; Терпиловский 1984, с.56, рис.18; Обломский 1986, с.41,43].

6. Смяч. Черниговская обл. ***Могильник*** на правом берегу **р.Десны**, в 0,2 км от поселения Колодезный Бугор. Е.А.Горюновым в 1968 г. исследованы 5 грунтовых трупосожжений и 2 кострища. В погр. 5 найдена железная обувная пряжка с округлой, несколько утолщенной спереди рамкой (отдел I, тип 1, вариант 2 по В.Б.Ковалевской или

группа "овальные и сегментовидные пряжки", вариант 3 по А.И.Айбабину). Язычок пряжки хоботковый, уступчато срезан сзади, сильно выступает за пределы рамки (вариант 3 по В.Б.Ковалевской) (рис.99:*6*). В культурном слое памятника вне погребений обнаружена бронзовая бляшка со шпеньком.

[Горюнов 1974, с.119-121, рис.1:*а,б*; Третьяков 1974, с.92-99].

7. Авдеево. Курская обл. ***Могильник*** у обрыва берега **р.Сейм**, исследован Э.А.Сымоновичем в 1970 г. Раскопано 3 ямных и 1 урновое трупосожжение. В последнем обнаружена бронзовая овальная пряжка с прогнутой рамкой и железным язычком, выходящим за пределы рамки.

[Сымонович 1974, с.153,154, рис.2:*3*; Горюнов 1981, с.105].

8. Курск. ***Многослойное поселение*** в черте города, на дюне у **р.Тускарь**. В числе прочих материалов собраны фрагменты лепных сосудов 5-7 вв. В 60-е гг. здесь найден обломок нижнего щитка бронзовой малой пальчатой фибулы, орнаментированного вписанными друг в друга ромбами.

[Липкинг 1974, с.137; Горюнов 1981, с.104; Корзухина - в печати, с.198, каталог 88].

9. Москва. Разрушенный ***могильник*** с трупосожжениями **в черте г.Курска**. На выдувах дюн в 1922 г. была обнаружена цельнолитая пряжка (группа В-образных пряжек, тип II, вариант 4-2 или 4-4 по А.И.Айбабину) (рис.103:*16*), предметы геральдического поясного набора — наконечники ремней (тип I, вариант 2) (рис.103:*9,10*), поясные бляшки, "отлитые в виде двух соединенных кружков" (рис.103:*15*) и Т-образные бляшки (в т.ч. 2-го варианта) (рис.103:*7,8,13,14*), а также фрагмент серьги с полиэдрической бусой и др. Некоторые вещи повреждены огнем.

[Брайчевський 1950, с.44; Корзухина - в печати, с. 305,308, каталог 87, табл.58:*3-36*].

10. Каменево-2. Курская обл. ***Многослойное поселение*** на надпойменном мысу левого берега **р.Тускарь**. Исследовано Э.А.Сымоновичем в 1978 г. В культурном слое обнаружена лепная раннесредневековая керамика, а также билоновая или серебряная умбоновидная подвеска (рис.104:*8*) и бронзовая трубочка-пронизка (рис.104:*7*).

[Сымонович 1978, с.40,41,48, табл.II:*1,3*; Обломский 1991, с.238].

11. Лебяжье-1. Курская обл. ***Могильник*** на дюне в пойме правого берега **р.Сейм**. Ю.А.Липкингом в 1965-1966 гг. вскрыто 110 урновых и безурновых трупосожжений и 1 трупоположение. Сопроводительный инвентарь встречен в 54 погребениях: в погр.3 – бронзовая пряжка с геральдическим прорезным щитком (тип лировидных пряжек, вариант 3 по А.И.Айбабину) и Т-образная бляшка (вариант 2) (рис.103:*11,12*); в погр.11,39, 75,88 – железные пряжки с овальными, прогнутыми в передней части и напоминающими В-образные рамками и с "полуохватывающими" язычками (рис.103:*25*); в погр.12(14?) – фрагмент костяного украшения для пояса (щитковидная бляшка 2-го варианта) (рис.103:*21*); в погр.58,60 – две хрустальные бусины и одна бусина синего стекла; в погр.67 – бронзовое украшение пояса в виде фрагмента серповидной бляшки с двумя острыми углами и округлым вырезом; в погр. 68(73?) – две бронзовые поясные бляшки с прорезным орнаментом (рис.103:*17,18*); в погр.91 – пряжка из бронзовой проволоки; в погр.103 – наконечник копья; в разрушенном погребении (4?) – прорезной наконечник ремня (тип II, вариант I) (рис.103:*26*);в погр.39,42,48,56,63,65,67,69,71,77, 88,90,103 – фрагменты бронзовых браслетов; в погр.32, 44,47,58 – браслеты с расширенными, иногда орнаментированными концами; в погр.76 – фрагменты браслета с концами в виде стилизованных змеиных головок. В погребениях встречены также височные кольца, бронзовые трапецевидные подвески, пряслица, обработанные кремни.

[Липкинг 1974, с.141-151, рис.5:*10-16*; Тихомиров 1990, с.134-161].

12. Комаровка. Курская обл. ***Поселение*** около устья **р.Снагость (приток р.Сейм)**. Раскопками 1972 г. О.Н.Мельниковской и Э.А.Сымоновича зафиксированы слои юхновской, позднезарубинецкой, колочинской и других культур. К колочинскому горизонту селища принадлежит разрушенная полуземлянка и несколько ям. Из культурного слоя происходит обломок бронзового браслета с расширенными округло-гранеными концами, а также фрагменты горла и ручки светлоглиняной позднеримской амфоры типа F по Д.Б.Шелову.

[Мельниковська, Симонович 1975, с.85-87, рис.I:2; Горюнов 1981, с.106].

13. Гапоново. Курская обл. Колочинское ***поселение***, исследовано А.М.Обломским в 1994 г. В культурном слое поселения найден клад круга "древностей антов" (рис.15-34). Описание поселения и клада см. в главе 1 нашей книги.

14. Суджа. Курская обл. ***Многослойное поселение*** на дюне у **р.Суджа**, среди материалов есть колочинская керамика. С этой же дюны происходит найденный в 1947 г. Новосуджанский клад антского времени, в состав которого входят две пальчатые фибулы, украшенные циркульными окружностями и решеткой на нижнем щитке (группа II, серия В) (рис.50:*4*), предметы геральдического поясного набора – наконечники поясов (типы I и II), Т-образные бляшки (вариант 8), поясные накладки в виде двухчастных прямоугольных бляшек (рис.35:*8*;37:*7*;42:*8*;46:*11*), шейные гривны, браслетообразные и спиральные височные кольца, двухспиральные, трапециевидные и умбоновидные подвески, пронизки, обрывки цепочки, бронзовые колокольчики, бусы.

[Рыбаков 1949; Рыбаков 1953, с.64,66, рис.11; Корзухина - в печати, с.194-196, каталог 85, табл.60а-67].

15. Казачья Локня (уроч. Замощанская дюна). Курская обл. ***Поселение и могильник*** (?) на левом берегу **р.Суджа**, в 2 км к юго-востоку от с. Казачья Локня. Обследовано Ю.А.Липкингом в

1963 г. и В.М.Горюновой в 1982 г. Выявлена керамика и строительные объекты эпохи бронзы, черняховской и колочинской культур, а также несколько черняховских, по мнению Ю.А.Липкинга, погребений. Рядом с одним из этих погребений обнаружены бронзовая пронизка и выпуклая бронзовая пластинка. В 1962 г. на поверхности дюны подобрана бронзовая пальчатая фибула (рис.104:2).

[Липкинг 1974, с.137; Липкинг 1979, с.5-8, рис.1:*11*; Горюнов 1981, с.105, рис.14:4; Горюнова 1982, с.4-6, рис.10-15].

16. Княжий. Курская обл. ***Могильник*** на левом берегу **р.Суджа**, в 5 км от г.Суджа. В 1964-1965 гг. Ю.А.Липкингом исследовано 22 трупосожжения. В погр.1 найдено два железных наконечника копий, в погр.11 – бронзовое височное кольцо, в погр.12 – железная поясная пряжка с чуть прогнутой в передней части и напоминающей В-образную рамкой (рис.103:*20*). Еще одна подобная пряжка была обнаружена на поверхности могильника (рис.103:*19*).

[Липкинг 1974, с.137-141, рис.2:*1,2,10-12*; Тихомиров 1990, с.134-161].

17. Княжий. Курская обл. ***Поселение*** между двумя рукавами **р.Суджа**, в 3 км от г.Суджа. В ходе работ экспедиции под руководством Е.А.Горюнова в 1980 г. на памятнике был зачищен культурный слой и получена грубая лепная керамика третьей четверти I тыс. н.э. На поверхности памятника найдена "соколиная головка от серебряной пряжки или бляшки" (рис.103:*23*).

[Горюнов, Горюнова 1980, с.28, рис.78:*3*].

18. Картамышево-2. Курская обл. ***Могильник*** на дюне правого берега **р.Псел**. Е.А.Горюновым в 1979-1980 гг. исследовано 51 погребение по обряду трупосожжения. Около погр.8 найден бронзовый наконечник ремня (тип I, вариант I) (рис.103:*6*), в погр.16 – серебряная фибула с прямоугольным верхним щитком, украшенным решетчатым орнаментом (рис.99:*9*). В других погребениях найдены бусы, пряслица, обломок бронзового браслета, бронзовые колечки, другие бронзовые оплавленные вещи. На поверхности могильника обнаружен также язычок от бронзовой пряжки.

[Горюнов 1979, с.28-37, рис.91:*1-3*;92:*3,4*; 93; Горюнов, Горюнова 1980, с.1,15-21].

19. Красное-4. Сумская обл. ***Поселение*** на правом берегу **р.Сейм**, в 1,7 км к западу от центра села. Исследовано в 1991-1992 гг. А.М.Обломским. Обнаружены материалы эпох неолита, бронзы, скифского времени, зарубинецкой и колочинской культур. К колочинскому периоду относятся хозяйственная постройка и находки из слоя: лепная керамика, фрагменты черняховских гончарных сосудов, 6 пряслиц, обломок грузила для ткацкого станка, массивная железная рамка от пряжки. Последняя имеет утолщение и слабый прогиб на внешней стороне, ее концы в месте крепления к ремню не сомкнуты.

[Обломский - в печати].

20. Большие Будки. Сумская обл. ***Городище*** на правом берегу **р.Терн**. Обнаружена лепная керамика скифского времени и 5-7 вв. При зачистке внутренней стороны вала найден бронзовый браслет с утолщенными орнаментированными концами.

[Ильинская 1968, с.60,61; Горюнов 1981, с.106, рис.14:*5*].

21. Большие Будки (Хутор). Сумская обл. ***Селище*** в пойме левого берега **р.Терн**, около с.Большие Будки, исследовано в 1981-1982 гг. В.М.Горюновой. Обнаружены объекты позднезарубинецкого и колочинского времени. В заплывшем котловане производственной постройки 2, относящейся к колочинскому горизонту поселения, найден клад "древностей антов". В состав клада входят две маленькие пальчатые фибулы из свинцово-оловянистого сплава, орнаментированные вписанными друг в друга ромбами и полукругами (тип Марош-Гымбаш – Пергамон, серия В, вариант Ваплево по И.О.Гавритухину) (рис.102: *2,3*), обломок нижнего щитка серебряной пальчатой фибулы, выполненной в технике подражания гранчато-выемчатой резьбе (рис.104:*1*), фрагмент серебряной антропозооморфной фибулы, украшенной гравировкой (рис.101:*4*), обломок шейной гривны, фрагменты серебряных и бронзового (рис.104:*9*) браслетов с утолщенными орнаментированными и неорнаментированными концами, язычок бронзовой поясной пряжки со щитовидным расширением у основания, на котором заметны следы гравировки (рис.103:*22*), пластинчатая подвеска, мелкие нашивные бляшки из свинцово-оловянистого сплава и др. В культурном слое поселения найдены стеклянная бусина, бронзовый поясной наконечник (тип I) (рис.103:*3*) и язычок от пряжки.

[Горюнова 1992, с.126-140, рис.1-3].

22. Шишино-5. Белгородская обл. ***Поселение*** на дюне в пойме левого берега **р.Северский Донец**. Исследовано в 1985 - 1987 гг. экспедицией под руководством А.М.Обломского. Зафиксированы материалы эпохи неолита – бронзы, скифского периода, киевской культуры, раннесредневекового и древнерусского времени. К колочинскому горизонту поселения относятся хозяйственная постройка 3 и две ямы-погреба из раскопа Б, яма 36 из раскопа I, яма 2 раскопа II. В яме 36 найдена железная двучленная пружинная фибула с резко выгнутой спинкой из перекрученного дрота, пластинчатым приемником иглы и спиралевидным завершением ножки, а также бронзовый крючок с пластинчатой обоймой. Фибула относится к группе "средневековых, с завитком на конце сплошного приемника" (группа 13 по А.К.Амброзу) (рис. 99:*7*). Из ямы 17 раскопа II, принадлежащей киевской культуре, происходит миниатюрная бляшка из свинцово-оловянистого сплава.

[Обломский, Завьялов - в печати, рис.2:*1-3*].

23. Ходосовка (уроч. Диброва). Киевская обл. ***Поселение*** на левом берегу **р.Сиверко (Король)**, к северу от с.Ходосовка. Исследовано В.Н.Даниленко в 1950, 1961-1969 и Н.С.Абашиной

в 1988-1990 гг. Обнаружены материалы эпохи бронзы, скифского, раннезарубинецкого, древнерусского времени, а также 4 полуземлянки киевской и 2 – колочинской культур. В жилище 3 в комплексе с керамикой раннеколочинского типа найдена железная двучленная фибула с дуговидной спинкой, расширяющейся книзу трапециевидной ножкой и сплошным приемником иглы (группа 17 – воинские двучленные фибулы – по А.К.Амброзу) (рис.99:*3*).

[Даниленко, Дудкин, Круц 1967, с.210,212, рис.2; Даниленко 1976, с.88, рис.8:*1*; Абашина 1991, с.10,11].

Пеньковская культура

24. Пузино. Белгородская обл. ***Поселение*** в пойме левого берега **р.Оскол**, в 7 км от г.Валуйки. При обследовании в 1981 г. собрана лепная раннеславянская керамика. Недалеко от поселения найден фрагмент верхнего щитка антропозооморфной фибулы, украшенный человеческой и звериной головами (тип Ia или IIa[3]) (рис.101:*2*).

[Николаенко 1988, с.133, табл.IV:*5,2*, рис. 3:*12*; Любічев 1994, с.54].

25. Потаповка. Харьковская обл. На ***поселении*** собрана пеньковская керамика. Найден также фрагмент пальчатой фибулы.

[Любічев 1994, с.147, кат.58].

26. Занки. Харьковская обл. ***Поселение*** исследовано А.Г.Дьяченко в 1976, 1977, 1984, 1986-1989 гг. Жилища и некоторые связанные с ними материалы относятся к четырем культурно-хронологическим группам: позднезарубинецкой, киевской, пеньковской и волынцевской. С пеньковским слоем, по мнению автора раскопок, связаны заготовка бронзового браслета с расплющенными концами, серебряный браслет из дрота, бронзовый кистень, литая накладка сбруйного ремня "перещепинского типа", меловые литейные формы, в т.ч. форма для отливки бляшек новоодесского типа, детали железного нагрудного панциря, характерного для кочевников Азии 6-7 вв. Из культурного слоя происходят также железные пряжки, ножи, серпы, наконечники дротиков, крючки, однако их отношение к конкретным культурным комплексам пока остается неясным.

[Дьяченко 1984, с.5; Дьяченко 1986, с.16 и сл., табл.XXII:*20*;XXIV:*3,4,10*; Дьяченко 1987, с.4 и сл., табл.XIII:*17*; Дьяченко 1993, с.22,23].

27. Бельск. Полтавская обл. ***Скифское городище*** на **р.Ворскла**. При раскопках 1979 г. Б.А.Шрамко обнаружил строительные остатки раннесредневековой эпохи, лепную биконическую керамику. В культурном слое памятника найден обломок верхнего щитка бронзовой фибулы с каймой из птичьих голов (группа II, серия D), на котором нанесена надпись буквами греческого алфавита (рис.100:*4*).

[Шрамко 1980, с.74-79, рис.3:*9*;4:*1*].

28. Хитцы. Полтавская обл. ***Поселение*** на правом берегу р.Удай, исследовано Е.А.Горюновым в 1973-1976 гг. Зафиксированы объекты пеньковской и волынцевской культур. В жилище 3 найден обломок бронзового браслета с расплющенными концами, в жилище 9, относящемся, как и жилище 3, к пеньковскому горизонту памятника – вкладыш трехчастного костяного наборного гребня, в яме 97 – фрагмент железной фибулы (?). В культурном слое поселения обнаружен обломок бронзового круглопроволочного браслета с зооморфным изображением на конце (рис.104:*10*), железная прямоугольная рамка от пряжки (отдел VI, тип I, вариант 2 по В.Б.Ковалевской или группа пряжек "с трапецевидной или прямоугольной рамкой", тип II, вариант 8 по А.И.Айбабину), стеклянная бусина.

[Горюнов 1981, с.64-66,111-127, рис.21:*1*; 29:*2,5,7,12,13*].

29. Ольшаница. Киевская обл. ***Поселение*** на правом берегу **р.Большое Веремья**. Найдены фрагменты лепной раннесредневековой керамики и бронзовый колокольчик.

[Приходнюк 1980, с.136, рис.44:*3*].

30. Белая Церковь. Киевская обл. ***Городище*** на Палиевой горе на левом берегу **р.Рось**. При разведочных раскопках Р.С.Орлова в 1978 г. исследована полуземлянка, в заполнении которой найдена лепная керамика и железная пряжка с рамкой гитаровидной формы.

[Приходнюк 1990, с.86, рис.13:*5*].

31. Канев. Черкасская обл. ***Древнерусское городище*** на Княжой Горе в устье **р.Рось**. Здесь обнаружена лепная и гончарная керамика второй половины I тыс. н.э. и пальчатая фибула.

[Приходнюк 1980, с.133].

32. Григорьевка. Черкасская обл. В размыве берега **Днепра** обнаружено пеньковское ***поселение***, с которого происходят обломок верхнего щитка антропозооморфной фибулы, украшенного двумя сильно деградированными звериными головами (тип Iб или IIб, см. прим. к прил.2,24) (рис.101:*8*) и бронзовая поясная пряжка (?).

[Петропавловський 1993, рис.24:*3,4*].

33. Сушки. Черкасская обл. ***Поселение*** на правом берегу **р.Ореховки**. В 1980 г. О.М.Приходнюком исследовано 5 полуземлянок, 1 хозяйственное сооружение, 9 ям пеньковской культуры, 1 яма киевской культуры, а также железоплавильный горн. В постр.3 найден бронзовый перстень из четырех спаянных проволочек (рис.104:*3*).

[Приходнюк 1985, с.151,152,343, рис.87:*16*; Приходнюк 1990, с.94-97, рис.13:*2*].

34. Вильховчик. Черкасская обл. ***Поселение*** на левом берегу **р.Ольшанки**. В 1976 г. О.М.Приходнюк исследовал здесь 3 жилища с глинобитными и каменными печами и лепной биконической и округлобокой керамикой. В 1974 г. в северо-западной части поселения в лепном сосуде был обнаружен клад "древностей антов". Часть клада утрачена, в состав оставшейся входят серебряные детали геральдического поясного набора – наконечники ремней и поясные накладки (рис.35:*18*;42:*17-20*).

[Приходнюк, 1980, с. 129, рис. 61:*1-5*].

35. Будищи. Черкасская обл. ***Селище*** на северной окраине с.Будищи. Исследовано в 1978-1979 гг. В полуземлянке 3 вместе с лепной раннесредневековой керамикой, кувшином канцирского типа и фрагментом амфоры обнаружена железная пряжка с трапецевидной рамкой (группа пряжек "с трапецевидной и прямоугольной рамкой", тип II по А.И.Айбабину).

[Приходнюк 1980, с.127,128; Приходнюк 1990, с.87,88, рис.13:*4*].

36. Коробовка. Черкасская обл. Пойменное ***поселение*** на левом берегу **Днепра**. В 1957 г. здесь собрана лепная, в т.ч. биконическая керамика, фрагменты амфор и гончарных сосудов с вертикальными пролощенными линиями. Найдена также бронзовая поясная 3-образная бляшка (рис.103:*5*) и медная трубочка.

[Телегин, Махно, Шарафутдинова 1957, с.52-54, табл.XXX:3; Рутковская 1974, с.36, рис.4:*2,3*; Приходнюк 1980, с.134].

37. Миклашевский. Полтавская обл. ***Селище*** на берегу оз.Быстрик в устье **р.Сулы**. При зачистках М.П.Кучерой здесь обнаружены фрагменты лепных сосудов 5-7 вв. На возвышенной части берега вместе с грубой лепной керамикой найдены два продетых друг в друга серебряных браслета.

[Кучера 1959, с.44; Приходнюк 1980, с.135; Горюнов 1981, с.130].

38. Жовнин. Полтавская обл. ***Селище*** на коренном берегу **р.Сулы**. Л.М.Рутковской в 1969 г. исследованы остатки двух жилищ (?), из которых происходит лепная биконическая и подправленная на гончарном круге керамика, и хозяйственная яма. В разрушенном культурном слое найдены костяной предмет с пуансонным орнаментом и миниатюрная костяная ложечка, аналогичная найденным в аланских погребениях на Северном Кавказе. В размыве берега подобрана половина бронзового браслета с утолщенными концами.

[Рутковська 1972, с.226-229, рис.1;2;3; Рутковская 1974, с.31; Приходнюк 1980, с.132].

39. Беляевка. Кировоградская обл. ***Поселение*** у истоков Беляевского яра. В 1982 г. исследованы черняховские постройки, две полуземлянки и одна хозяйственная яма пеньковской культуры. В постр.3 вместе с лепной раннесредневековой и гончарной черняховской керамикой найден обломок железной пряжки.

[Приходнюк 1990, с.86].

40. Великая Андрусовка-3. Черкасская обл. ***Могильник*** на дюне левого берега **р.Тясмин**. В 1962 или 1963 гг. Д.Т.Березовцом исследовано 4 трупосожжения. В погр.4 найдена массивная бронзовая литая пряжка с овальной, несколько прогнутой спереди и украшенной рифлением рамкой (группа V или тип Притцир – Полибино по И.А.Бажану и С.Ю.Каргапольцеву). Тыльная сторона рамки выполнена в виде гладкого стержня. Язычок железный, сильно окислившийся (рис.99:*5*).

[Максимов, Петровская 1959, с.24; Березовець 1969, с.67-68, рис.2:*2*; Приходнюк 1980, с.128, рис.46:*9*].

41. Молочарня. Кировоградская обл. ***Многослойное поселение*** на правом берегу старого русла **р.Тясмин**. Д.Т.Березовцом в 1956-1959 гг. исследованы 4 полуземлянки с печами-каменками и 1 хозяйственная яма, относящиеся к пеньковскому горизонту памятника. Из культурного слоя поселения происходит лепная биконическая керамика, а также серебряная антропозооморфная фибула с двумя звериными головами на верхнем щитке и с железной иглой (тип Iб) (рис.101:*5*) и железная фибула с широкой выгнутой спинкой и шарниром около пружины. Фибула сильно корродирована, поэтому детали ее неясны.

[Березовец 1959, с.37-45; Березовец 1963, с.145-209, рис.4:*1,3,4*; Приходнюк 1980, с.70,137, рис.46:*5*].

42. Новоселица. Черкасская обл. В урочище Панское В.П.Григорьев в 1981 г. открыл ***местонахождение с лепной пеньковской керамикой***. Здесь же найден бронзовый браслет с расширенными орнаментированными концами.

[Приходнюк 1990, с.93, рис.13:*3*].

43. Дереивка. Кировоградская обл. ***Поселение*** на правом берегу **Днепра**. Исследована полуземлянка с открытым очагом, в ее заполнении – лепная, в т.ч. биконическая керамика. Найдены также бронзовое кольцо, трапецевидная подвеска, медная трубочка.

[Сміленко 1969, с.175,177; Приходнюк 1980, с.131, рис.44:*4,5*].

44-47. Игрень. Днепропетровская обл. На левом берегу **Днепра** у старого устья р.Самара расположен ряд раннесредневековых поселений.

Игрень-1. ***Поселение*** исследовано А.В.Бодянским в 1952-1953 гг. Раскопано 4 полуземлянки с лепной керамикой, найден поясной наконечник, "близкий к Мартыновскому кладу", бронзовые трубочки, трапецевидная подвеска, бусы.

Игрень-2. На ***поселении*** в 1952 г. А.В.Бодянским раскопано несколько полуземлянок с лепной и гончарной, близкой к салтовской, керамикой. В 1953 г. здесь найдена маленькая пальчатая фибула.

Игрень-3. ***Поселение*** обнаружено в 1953 г. на левом берегу р.Самары, между первым и вторым селищами. На поверхности А.В.Бодянский собрал фрагменты лепной керамики, амфор. Здесь же найдены антропозооморфная фибула длиной 5,7 см, трехлопастная железная стрела, железная пряжка с овальной рамкой (группа "трехчастных пряжек с овальной проволочной рамкой, язычком и щитком, вырезанными из тонкой пластины" по А.И.Айбабину).

Игрень-4. ***Поселение*** в устье р.Самара. На поверхности памятника в 1952 г. А.В.Бодянский нашел фрагменты лепных биконических сосудов и антропозооморфную фибулу[4].

У с.Игрень случайно найден также ряд других вещей.

[Бодянський 1952, с.44,72; Бодянський 1953, с.4,62,63, табл.XV:*15*; Березовец 1963, с.194-197; Смиленко 1975, с.95; Приходнюк 1980, с.133; Гавритухин 1991, табл.I:*7*; Корзухина - в печати, табл.104:*2,4*].

48. Волошское. Днепропетровская обл. ***Многослойное поселение*** в устье **р.Суры**, над Сурской Заборой. Исследовано в 1940, 1947, 1952 и 1953 гг. А.В.Бодянским, М.Ю.Брайчевским, В.Н. Даниленко. Среди находок из слабо выраженного культурного слоя – грубая лепная керамика, фрагмент антропозооморфной фибулы. В полуземлянке 2, относящейся к пеньковской культуре, в 1952 г. обнаружены пальчатая фибула с каймой из птичьих голов вокруг верхнего щитка (группа II, серия D) (рис.100:*5*), бронзовый колокольчик (рис.104:*6*), оловянный браслет, наконечник пояса (тип II) (рис.46:*2*), односпиральное височное кольцо, бронзовая трубочка.

Кроме того, ряд вещей происходит из сборов А.В.Бодянского "у с.Волошское": антропозооморфная (тип IIа), пальчатые (в т.ч. группы II, серий C и D), пластинчатые подвязные, в т.ч. шарнирные (1 экз. – с узкой спинкой, тип 1, вариант б по И.О.Гавритухину (рис.53:*14*), 2 экз. – с широкой спинкой – тип 2, вариант б по И.О.Гавритухину (рис.53:*3,8*)) фибулы, пряжки, из которых одна – с геральдическим щитком (тип лировидных пряжек, вариант 3 по А.И.Айбабину), поясные бляшки (в т.ч. двурогая бляшка 1 варианта и двухчастная накладка (рис.35:*12*)), бронзовый наконечник ремня (тип II) (рис.45:*32*), обломки браслетов с расширенными и уплощенными концами, на которых схематично изображены змеиные головки, проволочные спирали, колокольчики, трапецевидная подвеска, круглая подвеска с изображением человека и птицы, бронзовый перстень с четырьмя плоскими витками, зеркало, наконечники стрел, бусы и др.

[Бодянський 1952, с.49-56, табл.IV:*1-4,6-10*;V:*11,12,14,15,17,21*; VI:*25,26*; VII:*45, 46, 49*; Бодянський 1953, с.65-67, табл.XVI:*6,10*; Кухаренко 1959, рис.60:*1*; Березовец 1963, с.197-199, рис.24;25; Брайчевская 1963, с.260; Рутковская 1974, с.37,38, рис.4:*6-13*; Приходнюк 1980, с.130, рис.46:*2,11*; Приходнюк 1985, с.100, рис.83:*2*;86:*6*; Корзухина - в печати, табл.104:*1,3,5*;105:*3*).

49. Остров Сурской. Днепропетровская обл. В 1952 г. А.В.Бодянским на острове исследовано ***трупосожжение***, в котором обнаружены фрагменты лепных сосудов, трапецевидные подвески, в т.ч. украшенные выпуклыми кружками, трубочки из свернутой пластины, бронзовое спиральное кольцо, бусы, наконечник стрелы и др.

[Бодянський 1952, с.59-62; Березовец 1963, с.197-199; Рутковская 1974, с.34, рис.4:*14,15*; Приходнюк 1985, с.370, рис.25:*7,8,10*].

50. Балка Яцевая. Днепропетровская обл. ***Многослойное поселение*** на левом берегу **Днепра**. Исследовано в 1953 г. экспедицией под руководством П.П.Ефименко и в 1955-1956 гг. – отрядом под руководством А.Т.Брайчевской. На поверхности северной части селища собраны фрагменты лепных биконических сосудов. На территории этого же памятника А.В.Бодянский нашел верхний щиток бронзовой антропозооморфной фибулы с двумя звериными головками по краям (тип Iа или IIа, см. прим. к прил.2,24) (рис.101:*3*), обломок фибулы с широкой орнаментированной пластинчатой спинкой (тип 2, вариант б по И.О.Гавритухину) (рис.53:*7*), бронзовую петлю, колокольчик, трубочку, обрывок цепочки, различные железные предметы, фрагменты красноглиняных амфор, глиняные пряслица и др.

[Бодянський 1960, с.276, рис.1:*5,8,12*; Брайчевская 1963, с.251-259; Приходнюк 1980, с.20].

51. Остров Кизлевый. Днепропетровская обл. На северном склоне острова размыто ***несколько погребений*** по обряду трупосожжения. А.В.Бодянским найдены фрагменты лепных биконических сосудов и предметы из бронзы – двуглавая антропозооморфная фибула (тип Iб) (рис.101:*6*), шарнирная фибула с узкой пластинчатой орнаментированной спинкой и подвязным приемником иглы (тип 1, вариант а по И.О.Гавритухину) (рис.53:*10*), обломок широкопластинчатой фибулы с линейным орнаментом на спинке (тип 2, вариант б по И.О.Гавритухину) (рис.53:*6*), бляшка, орнаментированный наконечник пояса (рис.103:*4*), трапецевидная (рис.104:*5*) и двуспиральная подвески, браслеты со сплющенными концами, изображающими стилизованные змеиные головки (рис.104:*11*), односпиральное височное кольцо, железные наконечники стрел и др.

[Бодянский 1960, с.276, рис.2:*2*; 4:*1-12*].

52. Хут. Запорожец. Днепропетровская обл. На левом берегу **Днепра**, около устья р.Ворон А.В.Бодянским в 1952 г. исследовано ***трупосожжение*** и несколько кострищ. В погребении – бусы, бронзовые трапецевидные подвески, пронизки, колокольчик и др.

[Березовец 1963, с.199; Приходнюк 1980, с.132; Приходнюк 1985, рис.25:*3,4*].

53. Балка Осокоровка. Днепровское Надпорожье. На пеньковском ***поселении*** обнаружена железная двучленная фибула с дуговидной спинкой, короткой пружиной и сплошным приемником иглы. Относится к группе 17 (двучленные воинские фибулы), подгруппе 1-II (с узкой ножкой и широким кольцом для оси пружины) по А.К.Амброзу (рис.99:*1*).

[Приходнюк 1985, с.151, рис.85:*2*].

54. Звонецкое. Днепропетровская обл. ***Поселение*** на правом берегу **Днепра**, на правой стороне балки Звонецкой. В 1952 г. А.В.Бодянским в размыве берега зафиксированы каменные основания стен двух жилищ, при расчистке которых найдена лепная керамика, а также часть бронзовой пальчатой фибулы (группа II, серия C) (рис.100:*2*), бронзовые наконечник ремня (тип II, вариант 2, но с прорезью в виде замочной скважины) (рис.45:*38*), колокольчик (рис.104:12), железный нож. Рядом с жилищами в культурном слое обнаружены бронзовая шарнирная подвязная фибула с узкой пластинчатой орнаментированной спинкой (тип 1,

вариант б по И.О.Гавритухину) (рис.53:*11*), двуспиральное и односпиральное (рис.104:*4*) височные кольца, бронзовый браслет с расплющенными концами, изображающими змеиные головки, восьмигранная бляшка.

[Бодянський 1952, с.71; Бодянский 1960, с.274-276, рис.1:*1-4,6,7,10*; Приходнюк 1980, с.132-133; Приходнюк 1985, с.100-101].

55. Майорка. Днепропетровская обл. ***Поселение*** на правом берегу **Днепра**, на склонах балки Майоровой. Найдена пеньковская керамика и пальчатая фибула с каймой из птичьих головок вокруг верхнего щитка (группа II, серия D) (рис.100:*6*)[5].

[Березовец 1963, с.199, рис.25:*2*; Приходнюк 1980, с.132,133; Приходнюк 1985, с.100-101, рис.83:*1,5*;84:*2*; Корзухина - в печати, табл.105:*5*].

56. Звонецкий порог. Днепровское Надпорожье. Пеньковское ***поселение*** над порогом. Найдена железная двучленная фибула с дуговидной спинкой, короткой пружиной и сплошным приемником иглы. Принадлежит группе двучленных воинских фибул с узкой ножкой и широким кольцом для оси пружины (группа 17, подгруппа 1-II по А.К.Амброзу) (рис.99:*2*).

[Приходнюк 1985, с.151, рис.85:*3*].

Ингумации с вещами круга древностей антов

57. Рябовка-3. Сумская обл. ***Поселение*** на правом берегу **р.Ворсклицы**, исследовано в 1990 г. А.М.Обломским и Р.В.Терпиловским. Зафиксированы материалы лесостепной скифской, киевской, пеньковской культур, типа Гриней, этапа Сахновки, а также 4 ***погребения с трупоположениями***. В погр.1 найден детский бронзовый браслет с уплощенными концами, орнаментированными рельефными бугорками и параллельными линиями, а также стеклянная пронизь, в погр.2 – цельнолитая бронзовая пряжка с геральдическим щитком, украшенным прорезями (тип лировидных пряжек, вариант 3 по А.И.Айбабину) (рис.103:*1*) и фрагменты тонкой серебряной накладки, в погр.4 – бронзовый браслет с уплощенными концами, один из которых выполнен в виде змеиной головки. В культурном слое памятника, в 46 см к югу от погребения 4 был обнаружен еще один, вероятно, парный предыдущему браслет с расплющенными орнаментированными концами, а над захоронением 2 – обломок бронзовой поясной накладки с фигурной тыльной стороной (рис.103:*2*). В районе могильника подобрана также бронзовая подвеска в виде солярного знака со схематическим изображением человеческого лица над ним.

[Обломский, Терпиловский 1993, с.167-170, рис.2]

58. Березовка. Сумская обл. ***Курганный могильник***, исследован В.Е.Данилевичем и Е.Н. Мельник до 1902 г. Набор находок – фрагменты сосудов с проколами под венчиком, "орнаментированные рельефными кружками", пряслице со шнуровым орнаментом и т.п. — характерен для скифского времени. В кургане 1, насыпь которого содержала обломки лепных сосудов, уголь, пережженные кости и состояла, вероятно, из культурного слоя более раннего поселения или могильника, на глубине 94 см обнаружены истлевшие остатки человеческого скелета. На одной из костей найдена бронзовая пальчатая фибула 11,8 см в длину, украшенная спиральным орнаментом, с шарнирным креплением железной иглы (рис.102:*5*). На 6 см глубже этого места находилась вторая бронзовая пальчатая фибула, орнаментированная циркульными окружностями (группа II, серия C) (рис.101:*7*).

[Данилевич 1905, с.427,428,432, рис.56; Брайчевський 1950, с.44; Корзухина - в печати, с.189-190, каталог 82, табл.58:*1,2*].

59. Поставмуки. Полтавская обл. ***Курганный могильник*** на левом берегу **р.Удай**. В 1895 г. Н.П.Авенариус раскопал здесь 6 курганов. В сохранившейся части разрушенного кургана 2 найден человеческий скелет в сопровождении пряслица и бронзовой антропозооморфной двуглавой фибулы (тип Ia) (рис.101:*1*). Фибула почти плоская, со слегка приподнятой дужкой; игла не сохранилась. Около скелета найдены также медные гвоздевидная булавка и наконечник стрелы раннего железного века. Погребение с фибулой, очевидно, является впускным. Основное захоронение кургана, с которым связаны булавка и наконечник стрелы, по всей видимости, относилось к скифскому времени и находилось в обвалившейся в обрыв части насыпи.

[Авенариус 1896, с.178,181,183-185, рис. 53].

60. Мартыновка. Черкасская обл. В 1897 г. в селе были куплены две небольшие бронзовые пальчатые фибулы с ромбическим и деградированным спиральным орнаментом (рис.102:*4,6*), происходящие из разрушенного ***погребения*** с ***трупоположением***.

[Спицын 1928, с.494; Брайчевський 1950, с.43; Корзухина - в печати, каталог 27, табл.7:*5,6*].

61. Бабичи. Черкасская обл. При ***погребениях*** в ***двух курганах*** (?) у села найдены бронзовая маленькая неорнаментированная пальчатая фибула (тип Пергамон – Тай-зее, подтип неорнаментированных по И.О.Гавритухину) (рис.102:*1*), детали массивного серебряного поясного набора – бляхи и наконечники, бронзовое литое зеркало, бронзовая шпора с четырехгранным шипом, серебряный массивный уздечный набор, бронзовый "конский налобник", часть золотого нашивного украшения, половина бронзовых щипчиков.

[Каталог выставки... 1899, с.80,81, каталог 125-132; Брайчевський 1950, с.43; Корзухина - в печати, каталог 24, табл.3:*1-18*].

62. Балаклея. Черкасская обл. В 1896 г. по дороге из с. Балаклея в с. Старосельечко на глубине 0.5 м от дневной поверхности было случайно обнаружено ***погребение*** без следов кургана. Рядом со скелетом взрослого человека лежали две большие бронзовые пальчатые фибулы, одна из которых украшена кружковым орнаментом (группа II, серия C) (рис.100:*1*), другая – кружками и каймой из птичьих голов вокруг верхнего щитка (группа II, серия D) (рис.100:*3*). Здесь же найдены бронзовый браслет с неорнаментированными утолщен-

ными концами, на который был надет колокольчик, бронзовый и костяной набалдашники, бронзовая трубочка-пронизка, янтарные и стеклянные бусы, другие вещи.

[Бобринский 1901, с.29,148,149, табл.I:9; Брайчевський 1950, с.43; Корзухина - в печати, каталог 68, табл.22:*1,2*].

63. Алексеевка. Днепропетровская обл. На правом берегу **Днепра** над Тягинской Заборой на территории балки Довжик А.В.Бодянским были исследованы 3 ***трупоположения***. Первое (1940 г.), по-видимому, было безынвентарным, ко второму (1952 г.) относилось пряслице, "бронзовые сережки"[6], 2 янтарные бусины, к третьему (1953 г.) – "стальное кресало овальной формы, концы не соединены, оканчиваются округлыми выступами".

[Бодянський 1953, с.5,6,57,58; Приходнюк 1980, с.136; Приходнюк 1985, с.92, рис.27:*5-8*].

---

[1] *Более подробно о принципах отбора учтенных в настоящем каталоге материалов см. часть 4.4 нашей книги.*

[2] *Отметим, что все найденные на колочинских и пеньковских памятниках детали поясных наборов относятся к наборам II типа по А.И.Айбабину – с литыми прорезными и гладкими деталями.*

[3] *Отсутствие нижнего щитка у антропозооморфной фибулы из Пузино, так же, как и у фибул из Григорьевки (прил.2,32) и балки Яцевой (прил.2,50) не позволяет уточнить типологическое определение этих вещей.*

[4] *К сожалению, состояние источниковедческой базы на сегодняшний день не позволяет точно установить, какие именно фибулы из коллекции А.В.Бодянского, хранящейся в Киевском Историческом музее, найдены на поселениях Игрень - 2, 3, 4. В связи с этим в разных работах приведены различные описания и рисунки данных вещей.*

[5] *Ситуация вокруг последней находки сложилась не вполне определенная. Так, учтенная в данном каталоге фибула с каймой из птичьих голов приведена в своде Г.Ф.Корзухиной [Корзухина - в печати, табл.105:5], как найденная на поселении Майорка. Изображение этой же вещи, сделанное Р.Л.Розенфельдтом, рисовавшим предметы из коллекции А.В.Бодянского в Киевском Историческом музее, есть в архиве А.К.Амброза. В то же время в статье Д.Т.Березовца помещен рисунок этого изделия, но описана антропозооморфная фибула, "аналогичная фибуле из урочища Молочарня" [Березовец 1963, с.199, рис.25:2]. В диссертации О.М.Приходнюка изображение данной фибулы приводится также наряду с рисунком антропозооморфной фибулы "из Звонецкого" [Приходнюк 1985, рис.83:5;84:2].*

[6] *В докторской диссертации О.М.Приходнюка приводятся рисунки четырех обломков височных колец, два из которых были односпиральными. Вероятно, это и есть "сережки" А.В.Бодянского. Кольца находились "возле висков скелета". Скелеты лежали на спине с согнутыми или вытянутыми руками [Приходнюк 1985, с.92].*

Литература и архивные материалы

Абашина Н.С. ***1986***. Население Среднего Поднепровья в III-V вв. н.э. (по материалам киевской культуры). Дисс. ... канд. истор. наук. К. // Архив ИА НАН Украины.

– ***1991***. Поселение середины I тыс. н.э. у с. Ходосовка на Киевщине // Археология и история юго-востока Руси. Курск.

Абакаров А.И., Давудов О.М. ***1993***. Археологическая карта Дагестана. М.

Авенариус Н.П. ***1896***. Поставмукские курганы // ЗРАО, т. VIII,1-2.

Айбабин А.И. ***1982***. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М.

– ***1982а***. Раскопки могильника у с.Лучистое // АО, 1982.

– ***1985***. Раскопки могильника у с.Лучистое // АО, 1983.

– ***1988***. Хронология пальчатых фибул днепровского типа из Крыма // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К.

– ***1990***. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ, вып.1. Симферополь.

– ***1994***. Раскопки у с.Лучистое // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь.

Айбабина Е.А. ***1993***. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ, вып.III. Симф.

Алексеева Е.М. ***1978***. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, вып. ГІ-12. М.

– ***1982***. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, вып.ГІ-12. М.

Алихова А.Е. ***1963***. Авдеевское селище и могильник // МИА, N108.

Амброз А.К. ***1966***. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н.э.– IV в.н.э. // САИ, вып. Д1-30. М.

– ***1970***. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. МИА, N176.

– ***1971а***. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.I // СА, N2.

– ***1971б***. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.II // СА, N3.

– ***1973*** Рец. на: Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W., Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 // СА, N2.

– ***1980***. Бирский могильник и проблемы хронало-гии Приуралья в IV-VII вв.// Средневековые древности евразийских степей. М.

– ***1981***. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

– ***1982***. О двупластинчатых фибулах с накладками – аналогии к статье А.В.Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.

– ***1988***. Основы периодизации южно-кры-мских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М.

– ***1989***. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.

– ***1992***. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып.1. М.

– ***1993***. К происхождению днепровских антропоморфных фибул // РА, N2.

– Юго-западный Крым. Могильники IV-VII веков // МАИЭТ– в печати.

Апхазава Н.И. ***1979***. Материальная культура раннесредневековой Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений). (на груз. яз.). Тбилиси.

– ***1988***. Могильник Квемо Алеви (на груз. яз.). Тбилиси.

Артамонов М. ***1969***. Етническата принадлежност и исторического значение на пастир-ската култура // Археология N3. София.

– ***1974***. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья (В.В.Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.1970) // СА, N1.

– ***1990***. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА, N3.

Артишевская Л.В. ***1958***. Отчет о полевых работах, произведенных Деснинским отря-дом Верхне-Днерповской экспедиции в 1957 г. // Архив ИА РАН, р-I, N1656.

– ***1958***. Отчет о полевых работах Деснинского отряда ИА АН СССР за 1959 г. // Архив ИА РАН, р-I, N2220.

– ***1963***. Могильник раннеславянского вре-мени на р. Десне // МИА, N108.

Атаев Д.М. ***1963***. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала.

Ауліх В.В. ***1972***. Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI-VII ст. н.е. в Західній Волині. К.

Аун М. ***1980***. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тыс.н.э. Таллин.

Ахмедов И.Р. ***1995***. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Ахмеров Р.Б. ***1970***. Уфимские погребения IV-VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М.

Афанасьев Г.Е. ***1973***. Отчет о работе археологической экспедиции Пятигорского музея краеведения по изучению катакомбного могильника в Мокрой Балке близ Кисловодска в 1973 г. // Архив ИА РАН, р1, N 5959.

– ***1976***. Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

1979а. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА. N 3.
- *1979б*. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА, вып. 158. М.
- *1980*. Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей, М.
- *1987*. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-IX вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках, вып.2. М.

Багаев М.Х., Виноградов Ю.В. *1972*. Раскопки раннесредневекового могильника у с. Харачой // КСИА, вып.132.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. *1989*. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА, вып.198.

Балинт Ч. *1984*. О датировке центрально- и восточноевропейских степных древностей раннего средневековья (трудности и возможности) // Interaktionen der mitteleuropaischen Slawen und anderen Ethnika im 6.-10. Jahrhundert. Nitra.
- *1995*. Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы, Ижевск.

Банк Г. *1979*. В мире самоцветов. М.

Баран В.Д. *1978*. Славяне в середине I тыс.н.э. // Проблемы этногенеза сла-вян. К.
- *1981*. Черняхівська культура (За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). К.
- *1989*. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепной зоны Восточной Европы в первой половине I тыс.н.э. // Древние славяне и Киевская Русь. К.
- *1990*. Истоки раннеславянских культур Восточной Европы в свете ретроспективного анализа // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К.

Баранов И.А. *1990*. Таврика в эпоху раннего средневековья. К.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. *1983*. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск.

Березовец Д.Т. *1959*. Славянские поселения в устье Тясмина // КСИА АН УССР. Вып.8. К.
- *1963*. Поселения уличей на Тясмине // МИА, N108.
- *1967*. Новые раскопки у с.Волынцево.// Археологические исследования на Украине 1965-1966 гг., ч.1. К.

Березовець Д.Т. *1953*. До питання про літописних сіверян // Археологія, т.VIII. К.
- *1969*. Могильники уличів у долині р.Тясмину // Слов'яноруськи старожитності. К.

Березовец Д.Т. Петров В.П. *1960*. Лохвицкий могильник // МИА, N82.

Берестев С.И. Любичев М.В. *1991*. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Бобринский А.А. *1901*. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смела. т.III. СПб.
- *1914*. Перещепинский клад // МАР, I. Пг.

Богачев А.В. *1992*. Процедурно-методичес-кие аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). Самара.
- *1995*. О поздней дате древностей "гун-нского круга" // Культуры степей Евразии второй половины I тыс.н.э. Тез. докл. Самара.

Бодянский А.В. *1960*. Археологические находки в Днепровском Надпорожье // СА, N1.

Бодянський А.В. *1952*. Загальний звіт про археологічні досліди в Надпорожжі в 1952 р.// Архив ИА НАН Украины, 1952/22, N1873.
- *1953*. Звіт за археологічні відкриття та досліди в Надпоріжжі в 1953 р. // Архив ИА НАН Украины, 1953 /4Д.

Борисова В.В. *1959*. Могильник у высоты "Сахарная Головка" // Херсонесский сборник, Вып.V. Симферополь.

Брайчевская А.Т. *1960*. Черняховские памятники Надпорожья // МИА, N82.
- *1963*. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье // МИА, N108.

Брайчевский М.Ю. *1952*. К вопросу о генетических связях ювелирного ремесла антов и Киевской Руси // КСИА АН УССР, вып.1.
- *1953*. Об антах "Псевдомаврикия" // СЭ, N2.
- *1953а*. Пастырское городище в связи с проблемой восточнославянских племен // КСИА АН УССР, вып.2.
- *1956*. О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян (по поводу статьи Г.Ф.Корзухиной) // КСИА АН УССР, вып.6.

Брайчевський М.Ю. *1950*. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI-VIII ст. // Археологія, т.IV.
- *1991*. Антська проблема в контексті візантійськоі історії // Археологія, N2.
- *1994*. Періодизація історичного розвитку Східної Европи в I тис.н.е. // Археологія, N3.

Булкин В.А. *1993*. Мачинский, ставаны, КШК и др. // ПАВ, N6.

Бураков А.В. *1976*. Козырское городище рубежа и первых столетий н.э. К.

Бурцев А.К., Гуськова Т.В. *1992*. Драгоценные камни. М.

Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. *1984*. Славянские поселения I тыс.н.э. у с.Сокол на Среднем Днестре. К.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. *1993*. Скалистинский могильник. К.

Вернер И. *1972*. К происхождению и распространению антов и склавинов // СА, N4.

Винников А.З. *1990*. Контакты донских сдавян с алано-болгарским миром // СА, N3.

Воронина Р.Ф. *1974*. О некоторых деталях одежды среднецнинской мордвы VIII-XI вв. // КСИА, вып.140.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. *1979*. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии // КСИА, вып.158.

– *1985*. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. *1982*. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов. М.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. *1971*. Погребение VI в. н.э. в с. Цебельда в Абхазии // КСИА, вып.128.

Въжарова Ж. *1976*. Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI-XI в. на територията на България, София.

Вязмітіна М.І. *1962*. Золота балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. К.

Гавритухин И.О. *1989*. Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпритации // Vakaru baltu archeologija ir istorija (Археология и история западных балтов). Klaipeda.

– *1990*. К изучению изменений в материальной культуре севера Карпатской котловины в конце VI – начале VIII вв. н.э. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.

– *1991*. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

– *1991а*. Малые пальчатые фибулы из Великих Будков.// Тез. докл. конф. "Археология и история юго-востока Руси". Курск.

– *1993*. Раннеславянские памятники в районе Зимневского городища // Archeoslavica, N2. Krakow.

– *1994*. Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари (к изучению восточногерманского культурного наследия) // Боспорский сборник, вып.4. М.

– Пряжки с коробчатой петлей // МАИЭТ– в печати.

– Фибулы византийского круга в Восточной Европе. Византийские литые. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.).– в печати.

Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б., Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. *1996*. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Соросовские лауреаты. М.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. *1995*. Гапоновский клад // РА, N4.

Гавритухин И.О., Приймак В.В. *1995*. Пальчатая фибула из Малой Рыбицы // Раннеславянский мир, вып.2.– в печати.

Генинг В.Ф. *1979*. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА, вып.158.

Генинг В.Ф., Зданович С.Я. *1986*. Лихачевс-кий могильник на реке Ишим – памятник потчевашской культуры VI-VIII вв. н.э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Гмыря Л.Б. *1993*. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.

Голдина Р.Д. *1985*. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

– *1991*. О датировке и периодизации Неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск.

– *1995*. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. *1990*. Могильники Неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. *1989*. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Голдина Р.Д., Королева О.П. *1983*. Бусы средневековых могильников Верхнего При-камья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.

Гороховский Е.Л. *1982*. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К.

– *1988*. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс.н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дисс. ... канд. истор. наук. К. // Архив ИА НАН Украины.

Горюнов Е.А. *1972*. Селище Целиков Бугор на Средней Десне // КСИА, вып.129.

– *1973*. Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V - начале VIII вв. // СА, N4.

– *1974*. Некоторые древности I тыс.н.э. на Черниговщине // Раннесредневековые восточнославянские древности, Л.

– *1975*. О памятниках волынцевского типа // КСИА, вып.144.

– *1979*. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН, р-I, N 7561.

– *1981*. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Горюнов Е.А. Горюнова В.М. *1980*. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1980 г. // Архив ИА РАН, р-I, N 9264.

Горюнов Е.А., Казанский М.М. *1978*. О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА, вып.155.

– *1983*. К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья (VI-VII вв.) // Славяне на Днестре и на Дунае. К.

Горюнова В.М. *1982*. Отчет о работе Днепровского Левобережного археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-I, N 9206, 9206а.

– *1992*. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести, вып. I. СПб.

Гунба М.М. *1983*. Раскопки башни N2 и помещения N1 // Археологические исследования в Цебельде. Тбилиси.

Даниленко В.Н. *1955*. Славянские памятники I тыс.н.э. в бассейне Днепра // КСИА АН УССР, вып.4.

– *1976*. Пізньозарубинецькі пам"ятки Київського типу // Археологія, вып.19.

Даниленко В.Н, Дудкин В.П., Круц В.А. *1967*. Археологомагнитная разведка в Киевской области // Археологические исследования на Украине в 1965 - 1966 гг. К.

Данилевич В.Е. *1905*. Раскопки курганов около с.Буд и х.Березовка Ахтырского уезда Харьковской губ. // Труды XII АС, т.I, М.

Деопик В.Б. *1959*. Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв.// СА, N3.

– *1961*. Классификация бус Юго-восточ-ной Европы VI-IX вв. // СА, N3.

Дмитриев А.В. *1979*. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р.Дюрсо близ Новороссийска // СА, N4.

– *1982*. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи переселения народов V-VIII вв. М.

Добровольський А.В. *1960*. Розкопки ділянки А і Г Золотобалківського поселення та могильника рубежу н.е. в 1951-1952 рр. // АП, IX.

Дьяковская культура. *1974*. М.

Дьяченко А.Г. *1984*. Отчет об археологических исследованиях памятников пеньковской культуры в бассейне Северского Донца в 1977, 1984 гг. // Архив ИА НАН Украины, 181, N 21685.

– *1986*. Отчет о работе славяно-русской археологической экспедиции Белгородского пед. института в 1986 г. // Архив ИА НАН Украины, 79, N 22120.

– *1987*. Отчет о работе славяно-русской археологической экспедиции Белгородского пед. института в 1987 г.// Архив ИА НАН Украины, 61, n22544.

– *1993*. О культуре населения Днепро-Донской лесостепи в I тыс.н.э. (по материалам селища Занки) // Археология и история юго-востока Руси (материалы научной конференции). Воронеж.

Дьяченко А.Г., Приходнюк О.М., Петренко Е.Н. *1991*. Комплексы I тыс.н.э. селища Занки (по раскопкам 1976 г.) // Археология славянского Юго-востока. Воронеж.

Егорейченко А.А. *1991*. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области // Archaeoslavica, I. Krakow.

– *1991*. Очковидные подвески на территории СССР.// СА, N2

Енуков В.В. *1994*. Отчет о раскопках на территории Курской обл. в 1994 г. // Архив ИА РАН.

Завернин Ф.М. *1969*. Почепское селище // МИА, N160.

Засецкая И.П. *1990*. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV– начало VII в.) // Археологический сборник ГЭ, 30. Л.

– *1994*. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (IV-V вв.). СПб.

Ильинская В.А. *1968*. Новые данные о памятниках середины I тыс.н.э. в Днепровской левобережной лесостепи // Славяне и Русь. М.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. *1975*. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. *1994*. Степные империи Евразии. СПб.

Каталог выставки XI Археологического съезда. *1899*. К.

Каталог выставки XII Археологического съезда в г.Харькове. *1902*. Харьков. Качалов Н.Н. 1959. Стекло. М., Л.

Ковалевская В.Б. *1969*. Отчет о работе Средневекового отряда Северо-Кавказской экспедиции // Архив ИА РАН, р-1, N 4240.

– *1970*. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

– *1971*. Отчет о работе Средневекового отряда Северо-Кавказской экспедиции летом 1971 г. // Архив ИА РАН, р-1, N 5433.

– *1979*. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки.// САИ, E1-2.

– *1980*. Отчет о полевых работах Средневекового отряда Северо-Кавказской экспедиции в Ставропольском крае. 1980 г. // Архив ИА РАН, р-1, N 8204.

– *1981*. Северокавказские древности. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

– *1995*. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.

– *1995а*. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ.

Ковачева Т., Хараламбиева А. *1992*. Фибули от епохата на великото преселение на народите Плевенския музей // Известия на музеите в северозападна България, т.18.

Козак Д.Н. *1994*. Пам'ятки давньої історії Волині у с.Линів. Київ-Луцьк-Львів.

Комаров К.И. *1972*. Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону // КСИА, вып.129.

Кондић В., Поповић В. *1977*. Царичин град. Београд.

Кондратьев И.И. *1988*. Стекланные украшения сарматского Поволжья. Дисс. ... канд. истор. наук // Архив МГУ. М.

Корзухина Г.Ф. *1955*. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс.н.э. // СА, т.XXII.

– *1978*. Предметы убора с выемчатыми эмалями V-первой половины VI в.н.э. в Среднем Поднепровье // САИ, вып.E1-43.

– Среднее Поднепровье во второй половине VI–начале VIII вв. // Рукописный архив ИИМК Ф.N 77 – МАИЭТ – в печати.

Кравченко Н.М. *1967*. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П.Петрова и Н.М.Кравченко в 1961-1964 гг.) // МИА, N139.

– *1979*. Исследование славянских памятников на Стугне.// Славяне и Русь. К.

– ***1994***. Черняхівське поселення Обухів та його Київське оточення (до вивчення характеру зв"язків між черняхівською та "традиційними" культурами римськоі доби) // Старожитності Русі-України, К.

Краснов Ю.А. ***1980***. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.

Кропоткин В.В. ***1958***. Из истории средневекового Крыма // СА, т.XXVIII.

– ***1965***. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА АН СССР, вып.100.

Кропоткин В.В., Гусев С.В. ***1991***. Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР.// Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaria. T. XLV (2-3).

Кропоткін А.В., Обломський А.М. ***1991***. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III-V ст.н.е. // Археологія, N1.

Кулаков В.И. ***1990***. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V-VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // Barbaricum. 1989. Warszawa.

Кухаренко Ю.В. ***1959***. Широкопластинчатые фибулы // КСИИМК, вып.74.

– ***1980***. Могильник Брест-Тришин, М.

Кучера М.П. ***1959***. Отчет о раскопках на древнерусском городище у хут.Миклашевского Градижского р-на Полтавской обл. в 1958-59 гг.// Архив ИА НАН Украины, 1959/1 г., N 3331.

Лебедев Г.С. ***1989***. Археолого-лингвистическая концепция славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история, Л.

Леммлейн Г.Г. ***1947***. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК, вып.XVIII. М., Л.

Лещинская Н.А. ***1995***. Хронология и периодизация могильников в бассейне р.Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Липкинг Ю.А. ***1974***. Могильники 3-ей четверти I тыс.н.э. в Курском Посеймье // РВД. Л.

1979. Замощанская дюна под Суджей // Могильники черняховской культуры. М.

Лопатин Н.В. ***1987***. К соотношению керамики верхних слоев Тушемли, Демидовки, Колочина (опыт привлечения некоторых данных о технологии) // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология, М.

– ***1989***. Тушемля, Демидовка, Колочин. О соотношении керамики верхних слоев // КСИА, вып.195.

Львова З.А. ***1979***. Технологическая классификация изделий из стекла (По материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // Археологический сборгик ГЭ, N20.

1980. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // Археологический сборник ГЭ, N21.

– ***1993***. Облицовка Погребального сооружения из Перещепинского комплекса // МАИЭТ, вып.III. Симферополь.

Любичев М.В. ***1994а***. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения северо-западной Хазарии в конце VII– начале VIII вв. // Древности 1994. Харьков.

Любічев М.В. ***1994***. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межіріччя. Дисс.... канд. истор. наук. Харьків // Архив ИА НАН Украины.

Магомедов Б.В. ***1987***. Черняховская культура Северо-западного Причерноморья. К.

Магомедов М.Г. ***1983***. Образование хазарского каганата. М.

Мажитов Н.А. ***1981***. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.

– ***1981а***. Южный Урал в VI-VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

– ***1990***. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника // СА, N 1.

– ***1993***. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII-IX вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.

Максимов Е.В. ***1972***. Среднее Поднепровье на рубеже н.э. К.

Максимов Е.В., Петровская Е.А. ***1959***. Археологические памятники в окрестностях с.Большой Андрусовки на Тясмине // КСИА АН УССР, вып.8. К.

Макушников О.А. ***1987***. Нижнее Посожье во второй половине I тыс.н.э. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук, К.

Мамаев Х.М. ***1986***. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV– первой половины VIII в. // Проблемы хронологии памятников Чечено-Ингушетии. Грозный.

Мачинский Д.А. ***1976***. К вопросу о территории обитания славян в I-VI вв. // Археологический сборник ГЭ, N17.

– ***1989***. Территория "славянской прародины" в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н.э. (контуры концепции) // Славяне. Этногенез и этническая история, Л.

Мацулевич Л.А. ***1934***. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.-Л.

Медведев А.М. ***1991***. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н.э.– V в. н.э.). Автореферат диссер. на соискание ученой степени канд. истор. наук. М.

Мельниковська О.М., Симонович Е.О. ***1975***. Розкопки в с.Комарівці на Посейм'і.// Археологія, вип.15.

Минаева Т.М. ***1961***. Кераміка балки Канциркі в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія, т.XIII.

Митрофанов А.Г. ***1978***. Железный век Средней Белорусии (VII-VI вв. до н.э.). Минск.

Михеев В.К. ***1986***. Сухогомольшанский могильник.// СА, N3.

Могильников В.А. *1964*. Васюганский клад.// СА, N2.
– *1981*. Тюрки.// Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
Могильников В.А., Коников Б.А. *1983*. Могильник потчевашской культуры в среднем Прииртышье // СА, N2.
Монгайт А.Л. *1961*. Рязанская земля. М.
Мухамадиев А.Г. *1990*. Древние монеты Поволжья. Казань.
Некрасова Г.М. *1988*. Поселення черняхівськоі культури Хлопків-І на Київщині // Археологія, вип.62.
Нечаева Л.Г. *1975*. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э.– первая половина II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
Никитин Ю.В. *1979*. Поделочные камни и их обработка. Л.
Николаенко А.Г. *1988*. Лесостепное Приосколье в I тыс.н.э. (Материалы к археологической карте).// Исследования памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.
Никольская Т.Н. *1970*. К истории домостроительства у племен Верхней Оки // Древние славяне и их соседи. МИА, N176.
Обломский А.М. *1986*. Культурно-типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их взаимоотношение с деснинским вариантом К.ской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
– *1991*. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв.н.э. М.-Сумы.
– *1994*. Этнические процессы в междуречье Сумы и Ворсклы в I-V вв. н.э. // РА, N2.
– Среднее Посеймье в позднеримское время. Оформление южной границы колочинской культуры // РА - в печати.
Обломский А.М., Завьялов В.И. Новые памятники периода раннего средневековья бассейна Северского Донца.// Раннеславянский мир, вып.2– в печати.
Обломский А.М., Терпиловский Р.В. *1991*. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв.н.э., М.
– *1993*. Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.
– Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников К.ской культуры // Archaeoslavica– в печати.
Орлов Р.С. *1985*. Культура кочевников IV-VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс.н.э. К.
Падин В.А. *1960*. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска // СА, N3.
– *1974*. Древности VI-VII вв.н.э. в окрестностях Трубчевска // РВД. Л.
Петраускас О.В. *1993*. Історія обряду кремації на територіі Середнього Подніпров"я у I тис.н.е. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук, К.
Петрашенко В.А. *1990*. Волынцевская культура Правобережного Поднепровья // Проблемы археологии Южной Руси. К.
Петрашенко В.О. *1989*. Волинцевська культура на Правобережному Подніпров'і (за матеріалами Ходосівського поселення) // Археологія, N2.
– *1992*. Слов'янська кераміка VIII-IX ст. правобережжя Середнього Подніпров'я. К.
Петренко Е.Н. *1991*. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского Юго-востока. Воронеж.
Петропавловський А.Б. *1993*. Розвідки канівського музею у 1991 році // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк.
Плетнева С.А. *1989*. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевсий археологический комплекс. М.
Плиний Секунд Кай *1819*. Естественная история ископаемых тел. т.XVI. СПб.
Поболь Л.Д. *1970*. Раннесредневековые древности Белорусского Поднепровья (VI-IX вв.) // Тезисы докладов советской делегации II МКСА в Берлине. М.
– *1970а*. Памятники VI-VIII вв. южной и юго-восточной Белоруссии // Очерки археологии Белоруссии, ч.I. Минск.
– *1983*. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск.
Погребова Н.Н. *1958*. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА, N64.
Полесских М.Р. *1979*. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Сов. Мин. Мордовской АССР. Саранск.
Приходнюк О.М. *1980*. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст.н.е. К.
– *1985*. Славянское население юго-восточной Европы V-VII вв. (пеньковская культура). Дисс. ... докт. истор. наук, К. // Архив ИА НАН Украины.
– *1985а*. Пеньковская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. К.
– *1988*. О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья // КСИА, вып.194.
– *1990*. Новые данные о пеньковской культуре // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.
– *1991*. О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры // Древности юго-запада СССР. Кишинев.
– *1994*. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевых прикрас Пастирського городища // Археологія, N3.
Приходнюк О.М., Казанський М.М. *1978*. Про керамічні комплекси потясминського поселення Луг I // Археологія, вип.27.
Путь... *1996*. Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки.М.

Пушкина Т.А. *1987*. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V МКСА, т.III. вып.1б. М.

Радзіевська Е.С., Шрамко Б.А. *1980*. Нові археологічні пам'ятки на Харьковщині // Археологія, вип.33.

Распопова В.И. *1980*. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.

Рафалович И.А. *1972*. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев.

Репников Н.И. *1907*. Некоторые могильники области крымских готов. Ч.II.// Записки Одесского общества истории и древностей. Вып.XXVII. Одесса.

Родинкова В.Е. *1995*. К вопросу о хронологии могильника Суук-Су // Древности 1995. Харьков.

Розенфельд Р.Л. *1978*. Янтарь на Руси (X-XII вв.) // Проблемы советской археологии. М.

Розенфельдт И.Г. *1982*. Древности западной час-ти волго-окского междуречья в VI-IX вв. М.

Рунич А.П. *1968*. Отчет об археологической разведке в окрестностях г.Кисловодска // Архив ИА РАН, р-1, N 3636.

– *1969*. Отчет о полевых исследованиях в районе г.Кисловодска // Архив ИА РАН, р1, N 5244.

– *1970*. Отчет о полевых исследованиях в районе г.Кисловодска // Архив ИА РАН, р-1, N 4179.

– *1971*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод // Архив ИА РАН, р-1, N 4673.

– *1975*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод // Архив ИА РАН, р-1, N 5624.

– *1975а*. Аланский могильник в "Мокрой Балке" у Кисловодска // МАДИСО, т.III. Орджоникидзе.

– *1976*. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА, N 3.

– *1977*. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА, N1.

Русанова И.П. *1976*. Славянские древности VI-VII вв. М.

Русанова И.П, Тимощук Б.А. *1984*. Кодын – славянские поселения V-VIII в на р.Прут. М.

Рутковская Л.М. *1974*. О стратиграфии и хронологии древнего поселения у с.Стецовки на р.Тясмине // РВД. Л.

– *1979*. Археологические памятники IV-VI вв. в районе Кременчугского моря (Украина) // Slovenská archeológia, XXVII-2.

Рутковська Л.М. *1972*. Дослідження поблизу с.Жовнин Черкаської області // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вип.IV. К.

Рыбаков Б.А. *1949*. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК, вып.XXVII.

– *1953*. Древние русы // СА, т.XVII.

Рыков П. *1930*. Культура древних финнов в районе р.Узы. Саратов.

Седин А.А. *1992*. Результаты исследования городища Никодимово в Восточной Беларуси // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск.

Седов В.В. *1970*. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.

– *1973*. Еще раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (О статье Г.Ф. Соловьевой "О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья") // СА, N3.

– *1974*. Длинные курганы кривичей // САИ, вып.Е1-8. М.

– *1979*. Происхождение и ранняя история славян, М.

– *1982*. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М.

– *1994*. Славяне в древности. М.

Семенов А.И. *1986*. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга // Археологический сборник ГЭ, N27. Л.

– *1988*. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник ГЭ, N29. Л.

– *1991*. Византийские монеты келегейского комплекса // Археологический сборник ГЭ, N31. Л.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. *1990*. К.

Смиленко А.Т. *1985*. Славянская культура правобережья Днепра (типа Луки Райковецкой) // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс.н.э. К.

Сміленко А.Т. *1965*. Глодоські скарби. К.

– *1969*. Осіле населення степового Подніпров'я в ранне середньовіччя // Археологія, т.XXII. К.

– *1975*. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII с.). К.

– *1994*. Слов"яни Подніпров'я в ареалі черняхівської культури // Старожитності Русі-України. К.

Смиленко А.Т., Юренко С.П. *1990*. Восточные славяне в VIII-IX вв. Территория // Славяне юго-восточной Европы в предгосударственный период. К.

Спицын А.А. *1928*. Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И.Соболевского. Л.

Сребродольский Б.И. *1984*. Янтарь. М.

Степи Евразии в эпоху средневековья. *1981*. // Археология СССР, М.

Сухобоков О.В. *1975*. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). К.

– *1994*. Деякі спірні питання історії населення Дніпровского Левобережжя другої половини I тис. н.е.// Старожитности Русі-України. К.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. *1978*. Этнокультурные процессы на Левобережной Украине в I тыс.н.э. // Проблемы этногенеза славян. К.

– *1993*. Новое в изучении волынцевских памятников // Славянская археология 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России, вып.1. М.

Сымонович Э.А. ***1960***. Отчет о работах Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1960 г. // Архив ИА РАН, р-I, N2399.

1961. Отчет о работах Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1961 г. // Архив ИА РАН, р-I, N2606.

1962. Отчет о работах Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. // Архив ИА РАН, р-I, N2630.

1963. Отчет о работах Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1963 г. // Архив ИА РАН, р-I, N2823.

1963а. Городище Колочин I на Гомельщине // МИА, N108.

1966. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья (по керамическим материалам) // СА, N3.

1967. Новые работы в с. Черняхове // МИА, N139.

- ***1970***. Культуры римского времени и славяне на территории Восточной Европы // Тезисы докладов советской делегации на II МКСА в Берлине. М.

- ***1974***. Новые открытия на селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле Курска // РВД, Л.

- ***1978***. Отчет о работах Курской экспедиции ИА АН СССР. // Архив ИА РАН.

- ***1983***. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов // СА, N1.

Симонович Е.О. ***1972***. Деякі типи ранньосередньовічної керамікі // Археологія, вип.7.

Талис Д.Л. ***1989***. К анатомии некоторых классификаций.// Труды ГИМ, вып.70. М.

Тихомиров Н.А. ***1990***. Княжинский и Лебяжьинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

Телегин Д.Я., Махно Е.В., Шарафутдинова И.Н. ***1957***. Отчет о разведках и раскопках в Золотоношском и Ираклеевском районах Черкасской обл. в 1957 г.// Архив ИА НАН Украины, 1957/1е, N3060.

Терпиловский Р.В. ***1984***. Ранние славяне Подесенья III-V вв., К.

- ***1985***. Колочинская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. К.

Терпиловський Р.В. ***1994***. Слов'яни Подніпров'я у перший половині I тис.н.е. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук, К.

Терпиловский Р.В. Абашина Н.С. ***1992***. Памятники Киевской культуры (свод археологических источников). К.

Терпиловський Р.В., Левченко Д.І. ***1994***. Слов'янське поселення середини I тис.н.е. поблизу с.Сенча в Середньому Посуллі // Полтавський археологічний збірник, вип.2, Полтава.

Тревер К.В., Луконин В.Г. ***1987***. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.

Третьяков П.Н. ***1963***. Отчет об археологических исследованиях в Брянской обл. в 1963 г. // Архив ИА РАН, р-I, N2886.

- ***1966***. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М-Л.

- ***1970***. У истоков древнерусской народности. Л.

- ***1974***. Древности 2-й– 3-й четверти I тыс.н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // РВД. Л.

- ***1982***. По следам древних славянских племен. Л.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. ***1963***. Древние городища Смоленщины. М-Л.

Угрелидзе Н.Н. ***1967***. К истории производства стекла в раннесредневековой Картли (Иберии).(на грузин. яз.). Тбилиси.

Федоров-Давыдов Г.А. ***1987***. Статистические методы в археологии. М.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. ***1991***. Сургутское Приуралье в начале II тысячелетия н.э. // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург.

Хавлюк П.И. ***1974***. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.// РВД. Л.

Хараламбиева А. ***1991***. Фибули от V в. от Североизточна България // Археология, вып.XXXIII-I. София.

- ***1992***. Фибули от I-VII в. в Добричкия музей // Добруджа, 9.

Хараламбиева А., Атанасов Г.Ат. ***1991***. Фибули от V-VI в. в Шуменския музей // ИНМ, 27/42. Варна.

Черниенко Д.А. ***1995***. Элементы духовной культуры гуннов // Мир духовного: религиозно-культурные параллели. Ижевск.

Чиндина Л.А. ***1991***. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск.

Шекун А.В., Терпиловский Р.В. ***1993***. Памятники I в. до н.э. – VII в.н.э. у с.Деснянка близ Чернигова. Чернигов.

Шинаков Е.А. ***1995***. Археологические работы в Брянской области в 1988-89 гг. (древнерусская эпоха) // Слов'яно-руські старожитності північного Лівобережжя. Чернігів.

Школьникова Н.А. ***1978***. Стеклянные украшения конца I тыс. н.э. на территории Поднепровья // СА, N1.

Шмидт Е.А. ***1970***. О культуре городищ-убежищ Левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. МИА, N176.

- ***1975***. Днепро-двинские племена в I тыс.н.э. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук, М.

Шрамко Б.А. ***1980***. Ранньосередньовічне поселення в Більську // Археологія, вип.35.

Штадлер П. ***1995***. Аргументы в пользу подлинности "Аварского сокровища" // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Шувалов П.В. ***1989***. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в середине I тыс.н.э. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Л.

Щапова Ю.Л. ***1978***. О происхождении некоторых типов позднеантичных стеклянных бус // Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, вып. Г1-12.

1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., МГУ.

Щеглова О.А. *1986*. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА, N187.

– *1987*. Проблемы формирования славянской культуры VIII-X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII — первой половины VIII вв.). Дисс. ... канд. истор. наук // РА ИИМК, Ф.35, оп.2д.

– *1987а*. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

– *1990*. О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

– *1991*. Среднее Поднепровье конца VII — первой половины VIII вв.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.

Щукин М.Б. *1976*. Археологические данные о славянах II-IV вв. Перспективы ретроспективного метода // Археологический сборник ГЭ, N17.

– *1989*. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне. Этногенез и этническая история, Л.

– *1989а*. Поселение Лепесовка: вельбарк или черняхов? // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. II. Lublin.

– *1993*. Проблема бастарнов и этнического определения поянешти-лукашевской и зарубинецкой культур // ПАВ, N6.

– *1994*. На рубеже эр. СПб.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс.н.э. *1985*. К.

Юренко С.П. *1981*. Исследование раннеславянского поселения у с.Волынцево // АО 1980. М.

– *1982*. Работы Волынцевского отряда // АО 1981. М.

– *1983*. Днепровское лесостепное Левобережье в VII-VIII вв.н.э. (волынцевская культура). Автореф. дисс. канд. истор. наук. К.

– *1985*. Волынцевская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс.н.э. К.

Янкович Дж. *1980*. Позднеантичные фибулы VI-VII веков и славяне // Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave. T.2, Bratislava.

Јанковић D. *1981*. Подунавски део области Аквиса у VI и почетком VII века. Београд.

Якобсон А.Л. *1959*. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА, N63.

Яценко И.В. *1978*. Скифские захоронения I в. н.э. в греческом склепе близ Евпатории // Вестник Московского университета, N6.

Ausstellung. *1974*. Archäologische Funde der Volksrepublik China. Wien.

Barnea J. *1991*. Sur les rapports avec byzance du territorie situé au Nord du Bas-Danube durant la période Anastase I-er– Justinien I-en (491-565) //. Études byzantines et post-byzantines. Bucureşti.

Bálint Cs. *1985*. Über die Datierung der osteuropäischen Steppenfunde des frühen Mittelalters. Schwierigkeiten und Möglichkeiten // Mitteilungen des archäologischen Institut der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 14. Budapest.

– *1992*. Der Gürtel im fruhmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Üč Tepe (Sowj. Azerbajdžan) // Awarenforschungen, I. Wien.

Bierbrauer V. *1975*. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien // Biblioteca degli Studi medievali, 7. Spoleto.

– *1989*. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // Jahreschrift für Mittledeutsche Vorgeschichte, 72.

Bóna I. *1980*. Studien zum frühawarischen Reitergrab von Segvár // AAH. 32.

Bott H. *1976*. Bemerkungen zum Datierungsproblem awarenzeitliher Funde in Pannoinien vorgelegt am Beispiel des Gräberfeldes von Környe // Bonner Jahrbücher, 176. Bonn.

Broby-Johansen. R. *1968*. Body and clothes. An illustrated History of Costume. London.

Bucovală M., Paşca C. *1992*. Cercetări în necropola Romană de vest a Tomisului (1992) // Pontica.

Callmer J. *1977*. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800-1000 A.D. Lund.

Csallány D. *1956*. Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Budapest.

– *1961*. Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaubecken (454-568 u.z.). Budapest.

– *1962*. Der awarische Gürtel // AAH, XIV.

Daim F. *1987*. Das awarische Gräberfeld von Leobersdorf, NÖ. Wien.

– *1990*. Der awarische Greif und die byzantinische Antike // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern, II. Wien.

Daim F., Lippert A. *1984*. Das awarische Gräberfeld von Sommerein am Leithagebirge, NÖ. Wien.

Fettich N. *1972*. Vestiges archéolodiques slaves de l'époque des grandes migrasions dans bassin des Carpathes – relations Kotougours // Les questions fondamentales du peuplements du bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siecle. Budapest.

Fiedler U. *1992*. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn.

Garam É. *1978*. A Közép avarkor sirobulussal keltezhető leletköre. // Archeologia értesitö, N103. Budapest.

– *1979*. Das awarenzeitlich Gäberfeld von Kisköre. Budapest.

– *1980*. VII. Századi aranyékszerek a Magyar Nemzeti Múzeum gyűjteménVeibeh // Folia Archaeologica, XXXI. Budapest.

– *1990*. Bemerkungen zum ältesten Fundmaterial der Awarenzeit // Typen der Enhnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern, II, Wien.

– *1990а*. Bizánci típusú csüngö préselömintája tiszafüredről // Folia Archaeologica, XLI. Budapest.

1991. Die awarenzeitlichen Funde aus Ungarn im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Bonn.

1991a. Über Halsketten, Halsschmucke mit Anhängern und Juwelenkragen byzantinischen Ursprung aus der Awarenzeit // AAH, 43.

1992. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit //Awarenforschungen, I. Wien.

Gomolka-Fusch G. *1993*. Ostgermanische Föderaten im spätrömische Heer. Hinweise in der materiallen Kultur auf die ethnische Zusammensetzung der Befölkerung vom 4.-6. Jh. im Gebiet Nordbulgariens // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Papis.

Hahula K.*1988*. Kultura wielbarska na Ziemi Dobrzyńskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. I. Lublin.

Hančar F. *1938*. Kaukasische Sprossenfibeln // Eurasia septentrionalis antiqua. XII. Helsinki.

Hessen O. v. *1971*. Primo contributo alla archeologia Longobarda in Toscana. Le necropoli. // Accademia Toscana de scienze e lettere "La Colombria". Studi XVIII. Firenze.

Jorgensen L. *1992*. AD.568 A Chronological Analysis of Lombard Graves in Italy // Chronological Studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden. Arkaeologiske Skrifter. 5 Copenhagen.

Kalmár J. *1943*. Népvándorláskori akasztöhorgok és veretek // Arhaeologiai értesitő. 4. Budapest.

Kazanski M., Sodini J.-P. *1987*. Byzance et l'art "Nomade": remarques a propos de l'essal de J.Werner sur le dépôt de Malaja Pereščepina (Perescepino) // Revue Archeologique, 1.

Kivikoski E. *1973*. Die Eizenzeit Finnlards. Helsinki.

Kiss A. *1977*. Avar cemeteries in county Baranya. Cemeteries of the Awar Period (567-829) in Hungary, Vol. II. Budapest.

– *1984*. A Byzantine jewel from the 6th-7th centery in China // Acta Orientalia Academia Scientarum Hungaria, XXXVIII. Budapest.

1992. Germanen im awarenzeitlichen Karpatenbecken // Awarenforschungen, 1. Wien.

– *1992a*. Zur zeitstellung des "Munzdatieren" awarische Furstengrabes von Kunágota // A Janus Pannonius Múzeum Évkönyve, 36(1991). Péch.

Kovrig I. *1963*. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest.

– 1975. The Tiszaderzs Cemetry // Avar finds in Hungarian National Museum. Budapest.

Kuhn H. *1940*. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Bonn.

– *1956*. Das Problem der Masurgermanischen Fibeln in Ostpreussen // Documenta Archaeologica. Festschritt. W. La Baume. Bonn.

– *1974*. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. Süddeutschland. Graz.

1981. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. Mitteldeutchland. Graz.

Latvijas PSR Arheologia. *1974*. Riga.

Lohe K. v. d. *1994*. Das Gräberfeld von Skalistoje aut der Krim: Probleme und Ergebnisse einer belegungschronologischen Strukturalyse // Тезисы международной конференции "Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX)". Симферополь.

Lőrinczy G. *1992*. Vorlaufiger Bericht über die Freilegung des Gräberfeldes aus dem 6 -" Jahrhundert in Szegvár-Oromdűlő Communicationes archeologicae Hungarie Budapest.

Pástor A. *1986*. Adatok a közép-avarkori ékszerek kérdéséhez // Archaeologiai értesitő. N113 Budapest.

Pekarskaja L. V., Kidd D. *1994*. Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck.

Petre A. *1987*. La romanité in Scythie mineure (Ie VIIe siéclés de notre ère). Bucureşti

Profantová N. *1992*. Awarische Funde aus den Gebieten nördlich der awarischen Siedlung-sgrenzen // Awarenforschungen, 2 Wien.

Salmon A, Erdélyi I. *1971*. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld vom Környe. Budapest

Schulze-Dörrlamm M. *1986*. Romanisch oder Germanisch ? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n.Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Iahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 33. Mainz.

Somogyi P. *1987*. Typologie, Chronologie und Herkunft der Maskenbeshläge. Zu den archäologischen Hinterlassenschaften osteuropäischer Reiterhirten aus der pontischen Steppe im 6 Jahrhundert // Archaeologia Austriaca, 71. Wien.

Sós Á. *1961*. Újabb avarkori leletek Csepelszigetről // Archaeologia értesitő, N88. Budapest.

Stadler P. *1989*. Nuovi argomenti per la datazione della tombe principesca di Bósca — Istvan Bona. Die Gerschichte der Awaren im Lichte der archäologischen Quellen Popoli delle steppe: Unni, Avari, Ungari. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo, XXXV. Spoleto.

– *1990*. Verbreitung und Werkstätten der awarischen Hauptriemenbeschläge mit Greifendarstellung // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. II. Wien.

– *1993*. La chronologie de l'armement des Avars du VIe au VIIIe siècles // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.

Teodor Dan Gh. *1988*. Consideraţii privind fibulele romano-bizantine din secolele V-VII e.n. în spatiul Carpato-Dunareano-Pontic // Arheologia Moldovei, XII. Jasi.

– *1991*. Piese vestimentare bizantine din secolele VI-VIII în spaţiul Carpato-Dunareano-Pontic. A.Catarame cu placa fixa // Arheologia Moldovei, XIV. Jasi.

– *1992*. Fibule "Digitate" din secolele VI-VII in spatiul Carpato-Dunăreano-Pontic. // Arheologia Moldovei, XV. Jasi.

Tejral J. *1973*. Mähren in 5.Jahrhundent. Praha.

Tomaszewska I. *1988*. Groby kultury wielbarskiej na cmentarzysku w Kołozębiu, gm.Suehocin, woj. ciechanowskie // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim, I. Lublin.

Tóth E. H., Horvath A. *1992*. Kunbábony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kieskemét.

Uenze S. *1966*. Die Schnallen mit Riemenschlaufe aus dem 6. und 7. Jahrh. // Bayerische Vorgeschichts-blätter, 31. Munchen.

Vida T. *1991*. Chronologie und Verbreitung einiger awarenzeitlicher Keramiktypen // Antaeus, 19-20. Budapest.

Vinski Z. *1974*. Kasnoantički starojednosti u Salonitanskoj regiji prema archeološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // Vjesnik za archeologiju i historiju dalmatisku. 69 (1967). Split.

Werner J. *1950*. Slavische Bügelfilbeln des 7. Jahrunderts // Reinecke-Festschrift, Mainz.

– *1974*. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // La Civiltà dei Longobardi in Europa. Problemi attueli di scienze di culturo, 189. Accademia Nazionale dei Lincei, anno CCCLXXI. Roma.

– *1984*. Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München.

– *1986*. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Beiträge zur Archäologie der Awarenzeit im Mittleren Donauraum. Wien.

Zoll-Adamikowa H. *1992*. Zur Chronologie des awarenzeitlicen Funde aus Polen // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènzeit bis zum Fruhmittelalter. Kraków.

Zábojnik J. *1989*. Zur Frage der Kontakte der nördlichen Peripherie des awarischen Kaganats mit den westlichen Gebieten // A Wosinsky Mór múzeum évkönyve. XV. Internationale Konferenz über das Frühmittelalter. Szekszárd.

– *1991*. Seriation von Gürtelbeschlaggarnituren aus dem Gebiet der Slowakei und Österreichs (Beitrag zur Chronologie der Zeit des awarischen Kaganats) // K problematike osídlenia Stredodunajskej oblasti vo včasnom stredoveku. Nitra

Список сокращений

АО – Археологические открытия.

АП – Археологічні пам'ятки УРСР.

АС – Археологический съезд.

ГИМ – Государственный исторический музей. Москва.

ГЭ – Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

ЗРАО – Записки Русского археологического общества. М.

ИА – Институт археологии.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИНМ – Известия на Народния музей. Варна.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

ЛРЭ – Левобережная раннеславянская экспедиция

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Владикавказ (Орджоникидзе).

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МГУ – Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова.

МКСА – Международный конгресс славянской археологии.

НАН – Национальная академия наук.

ПАВ – Петербургский археологический вестник. Спб.

РА – Росссийская археология.

РАН – Российская академия наук.

РВД – Ранннесредневековые восточнославянские древности. Л.1974.

САИ – Свод археологических источников.

СА – Советская археология. М.

СЭ – Советская этнография. М.

ААН – Acta arcaeologia Hungarica. Budapest.

SCIVA – Studii şi cercetări de istorie şi arheologie. Bucureşti.

Summary

The hoard of 411 items was discovered some 2.5 km north-north-east of the northern part of the village of Gaponovo (Krasnooktabrskoie) in the Korenevo district of the Kursk region, Russia. Members of the Early Slav expedition of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, were able to collect all the artefacts and explore the site. As further investigation showed, the hoard had been buried in the archaeological deposits of a settlement belonging to the 5-7th-century Kolochin culture (see fig.2-14). The artefacts were originally wrapped in cloth, imprints of which have survived on certain items.

The hoard included a set of women's decorations, i.e. 2 lamellate silver head-bands (fig.15), loop-ended bronze torques (fig.16:*1*), 10 torques or temple rings with slightly widened edges (fig.16:*2, 3*; 17; 18), 2 C-shaped pendants with the spiral edges (fig.19:*1, 2*), 10 bispiral temple rings or pendants (one bronze and nine silver ones, fig.19:*4-14*), as well as silver clasps for fastening them to a string (fig.20:*8-15*), 14 bronze shield-bosshaped pendants (fig.20:*1-7*; 21:*1-7*), 27 pierced bronze and silver artefacts, including spirals (fig.21:*8-19*), hollow corrugated tubes (fig.22:*1-6*), and flat tubes of small diameter (fig.22:*7-15*); 3 trapeziform pendants (two of which make up a single composite decoration, fig.29:*16*, 21), a rounded bronze pendant (fig.23:*15*), 8 bronze bells (fig.22:*16-19*; 23:*19-21*,23), 4 radiate-head and 1 two-splint bronze fibulae (fig.24-26), 5 bronze rings (fig.22:*20-23*), and 88 glass, amber and coral beads.

Another group of decorations consists of metal details of the so-called heraldic belt fittings, i.e. a silver buckle (fig.23:*13,14*), 10 pseudo-buckles (fig. 27, 28), a strap end and a shield-shaped belt fitting with glass inlays (fig.23:*17,18*), 6 rectangular belt fittings (fig.29:*10-15*), 2 small bronze buckles (fig.29:*8,9*), two ‡-shaped bronze belt fittings (fig.29:*6,7*), 4 bronze belt fittings consisting of 2 symmetrical "shields" (fig.29:*2-5*), 2 T-shaped silver (fig.31) and bronze (fig.29:*1*) fittings, 2 cast bronze strap ends (fig.30:*2,3*), 2 boxshaped strap ends (fig.30:*4*; 32:*2*), 2 thin bronze lamellate belt fittings (fig.31:*1,2*), and fragments of fittings and strap ends manufactured by the pressing-technique as well as clips for their fastening (at least 17 items, fig.30:*6- 22*).

A third group of artefacts comprises details of horse harness, i.e. iron bit with psaliae (cheekpieces) (fig.32:*1*), a clamp (fig.32:*3*), 166 lead pendants of various sizes and 3 disc-shaped pendants (fig. 33:*7-68*; 34:*2-99*).

A fourth group includes unidentified artefacts as well as ingots, i.e. a bronze object made of two pierced parts soldered together (fig.31:*3*), fragments of a large lead openwork plate (fig.34:*1*), 3 lead pendants (fig.33:*4-6*), a spoon-shaped lead article (fig.33:*1*), a roundish lead ingot and 2 solid rings (fig.31:*12-14*).

The collection is kept at the Kursk Regional Archaeological Museum.

The analytical part of the present book deals with the investigation of the historical-cultural context of the hoard in question and its counterparts.

In chapter 2 artefacts most suitable for typological analysis, i.e. belt fittings as well as fibulae were examined. Types and varieties of belt fittings were distinguished (fig.35,37,38,40,43,45-47). Their mapping (fig.36,39,41,44,48) enables one to localize a number of schools and to trace the direction of cultural contacts of the population that buried hoards similar to that of Gaponovo. The relationship with the Crimean-Balkan zone of provincial Byzantine culture, the Volga and Azov-Northern Caucasian cultures was of major importance. A set consisting of a buckle, a large strap end and a triangular belt fittings belongs to the late classical tradition, while other belts show affinity to Iranian and Eastern European cultures of the 5-6th cc. AD (fig.42). Having reassessed J.Werner's typology of radiate-head fibulae the authors distinguished a number of local varieties (fig.49-51), simultaneously occurring within the same complexes, which fact enables them to attribute the multiplicity of these artefacts to the existence of a number of almost synchronous and relatively short-lived jewellery schools. The majority of artefacts are connected with the Dnieper basin, although their prototypes sprang from the Eastern Germanic tradition. Fibulae with turned over foot belonged to a specific series spread along the left bank of the Dnieper. The series can be traced back to provincial Byzantine prototypes, yet the Dnieper fibulae, like a number of Caucasian artefacts, have a similar mechanism (fig.52-54).

Bits fall under a type widespread both in the Volga basin and the Caucasus and originating from the south of the area (fig.55,56).

A system of complex bead description has been proposed. The further examination of beads needs the analysis of other Eastern European collections. Work on this task has now begun.

Owing to an almost complete lack of inhumation burials in the early mediaeval Dnieper cultures, the attribution of different artefacts and reconstruction of sets of furniture are based on the simultaneous occurrence of similar artefacts in a given complex as well as on analogies from adjacent or better known cultures (fig.57-60). The analysis of the simultaneous occurrence of certain artefacts in early mediaeval hoards enables one to propose the latter's subgrouping (fig.1). Group 1, which includes, among others, the Gaponovo hoard, is the most plentiful one and displays local varieties (fig.63). Group 2 (fig.61) can be divided into two subgroups: subgroup 2a is chronologically close to group 1 yet spread over a different territory; subgroup 2b, preserving the traditions of subgroup 2a, reflects the new vogue, which substituted that of group 1 on the left bank of the Dnieper.

Chapter 3 deals with a number of chronological issues. In order to establish absolute chronology, chronological sequences of cultures showing analogies to the group 1 artefacts are examined. Those are cultures of North-Eastern Balkans (fig.64-66), the Crimea (fig.67-72), the Middle Danube valley (fig.73-76), Transcaucasia (fig.77-79), the North-Eastern Caucasus (fig.80-82), Ossetia (fig.82-83), the Kislovodsk region (fig.84-87), the Caucasian shores of the Black Sea and the Volga-Ural region (fig.88,89). Then the relative sequences in question are synchronized and the established pattern enables one to distinguish between the date-fixing coins and those surviving from

earlier times (fig.90). The chronological network thus established has made it possible to date certain types from the Dnieper hoards to the second-third quarters of the 7th c. AD (fig.91).

The typological analysis of the Gaponovo hoard artefacts has shown that a number of decorations (radiate-head and fibulae and fibula with turned over foot and certain details of the heraldic belt fittings) were only locally spread, covering mainly the forest-steppe area of the Dnieper basin, the left bank of the Dnieper and the Seversky Donets basin. All the hoards containing "the Antiquities of Ants" with their specific sets of women's decorations (Group 1) have been discovered on the same territory (fig.1). To find out the date of and the reasons for burying the Gaponovo and similar hoards one should examine ethnic processes on the territory of the forest-steppe Dnieper basin and the neighbouring areas lying farther east in the early Middle Ages, in other words, to examine the cultural-chronological context of the so-called "Antiquities of Antes".

In the 5-7th cc. AD the Desna and Seim basins as well as the northern part of the forest-steppe zone of the Dnieper left bank were occupied by the sites of the Kolochin culture. Settlements and cemeteries of the Pen'kovka culture were situated south-east and west of them (including the Seversky Donets valley and the Middle Dnieper basin), while the north-western part of the Middle Dnieper basin was occupied by the Prague culture. Historiography, divisive issues of distinguishing archaeological complexes, and the chronology of the Kolochin and Pen'kovka cultures are covered in chapter 4 (parts 1-3). The Kolochin culture must have originated from the Desna-Seim subgroup of the Kievan culture, whereas the Pen'kovka one is associated with the Middle Dnieper and, probably, Seim-Donets varieties of the latter. Thus, both the Kolochin and the Pen'kovka cultures are the remote successors to the Zarubintsy ethno-cultural tradition of the Dnieper basin, although the participation of certain Kiev-Cherniakhov mixed groups of population in the genesis of the Pen'kovka tradition cannot be ruled out.

The Pen'kovka culture could be connected with the Antes, one of the earliest slavonic tribes.

Moreover, among the sites of the Pen'kovka culture there are occasional inhumations and artisan centres unrelated to the heritage of the Zarubintsy traditions. Some of them (inhumations with fibulae, etc.) can be traced back to the Cherniakhov culture traditions, while others (the Riabovka cemetery, centres of manufacturing Northern-Caucasian-type pottery) reflect interaction with the nomads.

The study of the chronological indicators of the mentioned cultures (***part 4.4***, fig.98-104) has shown that the burying of hoards of the group 1 coincided with the end of the Kolochin and the Pen'kovka cultures and the interution of the traditions, reflected in the above-mentioned inhumations.

The end of the Pen'kovka and the Kolochin cultures marks the change of the ethno-cultural situation in the area in question. In the Middle Dnieper basin the Pen'kovka sites are replaced by those of the Sakhnovka—Luka Raikovetskaya type of antiquities developed on the basis of the Prague culture and but partially maintaining local traditions. Similar evolution is observable both on the Dnieper left bank and in the Seversky Donets basin. Two components, the local and the introduced ones, can be distinguished within the complex of early sites of the Volyntsevo cultural-chronological horizon (part 4.5). The latter is connected with the traditions of the Sakhnovka—Luka Raikovetskaya culture, which have spread along with large-scale eastward migrations of the certain population to the left bank of the Dnieper-river (fig.97).

Date-fixing artefacts recovered from the Sakhnovka and Volyntsevo sites are examined in part 4.5.3. These comprise no artefacts encountered in the Dnieper hoards of group 1, while some later specimens did occur.

Artefacts characteristic of group 2b hoards show affinity to phase 1 of the Volyntsevo cultural-chronological horizon marked by the emergence of the Sakhnovka-type artefacts. The Kharyevka hoard of the said group contains a buckle typologically similar to those of the late Avar epoch (early 8-th cc. AD).

Phase 2 saw the spread of wheel-thrown pottery of the Bititsa-Volyntsevo type that can be dated by means of artefacts belonging to the Fativizh-hoard tradition of the Late Avar Period and the Saltovo type dating to the 2-nd half or the late 8-th c.

Thus, group 1 hoards were buried at the end of the Pen'kovka-Kolochin phase of the Dnieper basin settling. The correlation between the Pen'kovka-Kolochin and the Sakhnovka-Volyntsevo sites (fig. 106) reveals that group 1 hoards were buried as a result of the spread of the Dnieper right-bank Slavs up to the Oskol river.

In order to determine the date of this large-scale migration the data on the absolute chronology of Slav sites of the Dnieper right-bank Ukraine are used (***part 5.6***). A comparative analysis of a series of archaeo-magnetic and C14 dates has shown that the Luka Raikovetskaja—Sakhnovka archaeological complex emerged in the late 7th c. (fig.105). Therefore, the eastward migration of the right-bank Slavs could not have preceded that time.

Chapter 5 contains an overall survey of historical-cultural processes in the Middle Dnieper basin and on the Dnieper left bank in the 5-8th cc. AD compiled on the basis of the above-examined materials as well as other sources. The majority of the population of the examined area succeeded the elements of the traditions of the Zarubintsy-type archaeological cultures.

The descendents of the Cherniakhov population inhabiting the Middle Dnieper were likely to have fairly stable contacts with the Eastern Germanic cultures, as it could be judged from a certain types of the 5-7th-century decorations. From the 6-th c. onwards a compact group of the Middle Dnieper population maintained contacts with the south-eastern Crimea. The population of the northern part of the area in question were interrelated with cultures of the Eastern European forest zone, while in the south various forms of interaction with the steppe peoples were observed. In the mid-6th c. both hostile and peaceful contacts between the Dnieper basin population and Byzantium were established. This interaction furthered the formation of the social strata, with which the genesis of the original decorative styles reflected by the group 1 hoards was connected.

The geopolitical situation of the 7th c. was dominated by the confrontation between Byzantium,

on the one hand, and Iran, the Avar Khaganate and the Slavs, on the other. The Byzantine Empire succeeded in holding back the enemy through a crafty recruitment of barbarians as its allies. In the mid-7th c. the Empire won to its side, along with the Great Bulgaria, the tribes of the Middle Dnieper basin and the Dnieper left bank. Thus the stability of Eastern Europe was ensured and Byzantium survived in spite of a number of defeats inflicted by the Arabs. It is these few decades that saw the Dnieper jewellery schools take shape and flourish. In the last third of the 7-th c. a new wave of wars and migrations swept the vast territory from the Baltic Sea and the Mediterranean over to the Ural river and Central Asia. Their interdependence is not clear yet, but the defeat of Great Bulgaria by the Khazars and the spread of the Slavs onto the Dnieper left bank undoubtedly took place at that time. It was then that the numerous hoards of group 1 were buried (like the Gaponovo one, never to be claimed by the owners).

The Khazar expansion to the Dnieper left bank is implied by such signs of a new era as the deposition of the group 2b hoards, the emergence of the Bititsa outpost and the spread of the Bititsa-Volyntsevo-type pottery and the Fativizh-Saltovo-type decorations. It is probable that the submission to and, later on, confrontation between the Khaganate of the former enemies and the local population and the Slavs from the west, together with their linguistic and cultural affinity, favoured the integration that finally resulted in the emergence of the Severians and some other Eastern Slav tribes.

Перевод С.В.Кулаковы

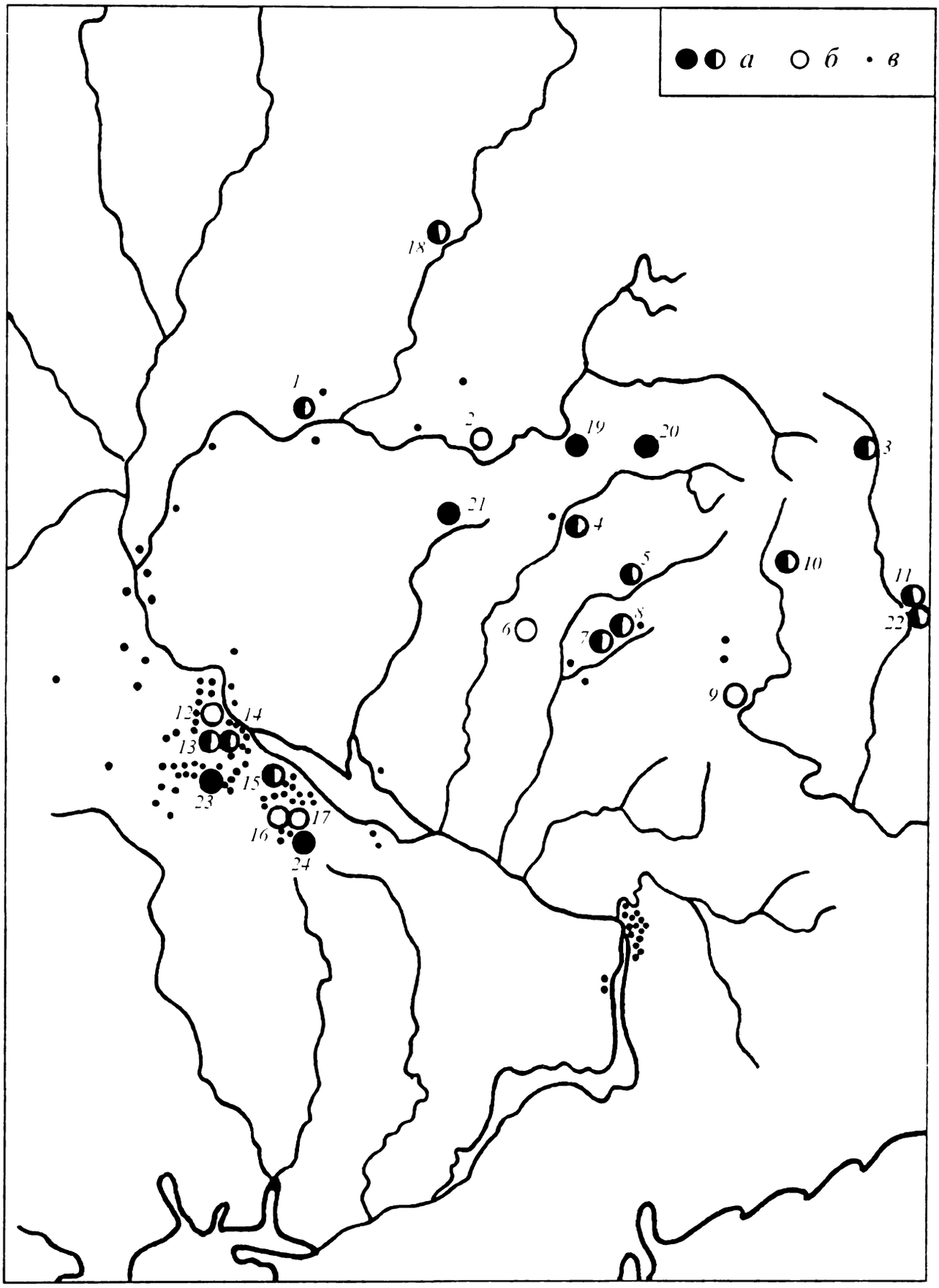


Рис.1. Клады круга "древностей антов".

а – клады первой группы (чёрными кружками обозначены комплексы, обнаруженные на пеньковских и колочинских поселениях; б – клады второй группы (по О.А.Щегловой, 1990), в – случайные находки изделий, входящих в состав кладов первой группы. 1 – Мена, 2 – Харьевка, 3 – Углы, 4 – Нижняя Сыроватка, 5 – Смородино, 6 – Блажки, 7 – Новая Одесса, 8 – Козиевка, 9 – Зайцев, 10 – Цепляево Первое, 11 – Колоскова, 12 – Воробьевка, 13 – Малый Ржавец, 14 – Мартыновка, 15 – Хацки, 16 – Пастырское 1949 г., 17 – Пастырское 1892 г., 18 – Трубчевск, 19 – Гапоново, 20 – Суджа, 21 – Большие Будки, 22 – Валуйки, 23 – Вильховчик, 24 – Пастырское 1992 г.

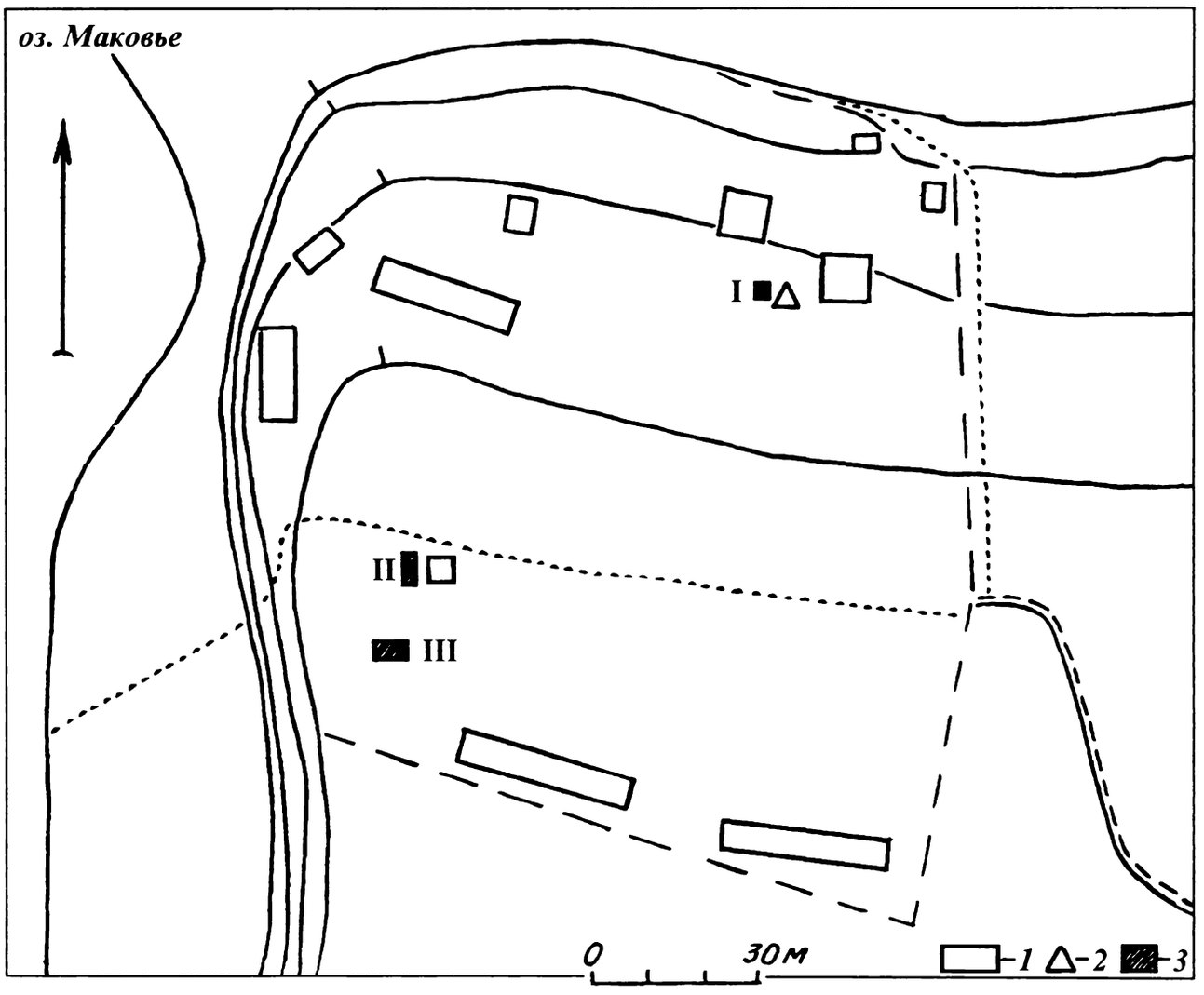


Рис.2. Гапоново, план поселения.
1 – постройки пионерлагеря, 2 – водопроводная колонка, 3 – раскопы; I-III – номера раскопов.

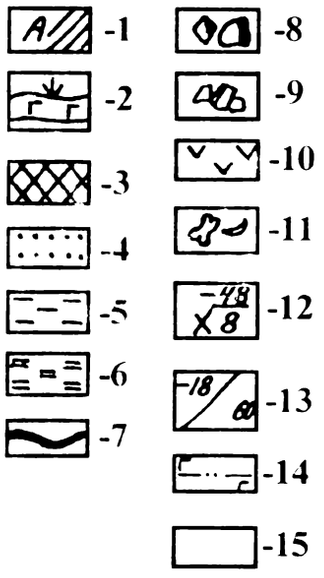


Рис.3. Условные обозначения к планам и профилям раскопов в Гапоново (рис.4,6,8-10,13,14).

1 – аллювий; 2 – дерн, пашня; 3 – поздний перекоп; 4 – песок; 5 – глина; 6 – глина обожженная; 7 – материк; 8 – камни; 9 – керамика; 10 – уголь; 11 – кости; 12 – индивидуальные находки: нивелировочная отметка/номер находки; 13 – нивелировочные отметки уровня современной поверхности и материка; 14 – серая гумусированная супесь; 15 – темно-серая гумусированная супесь.

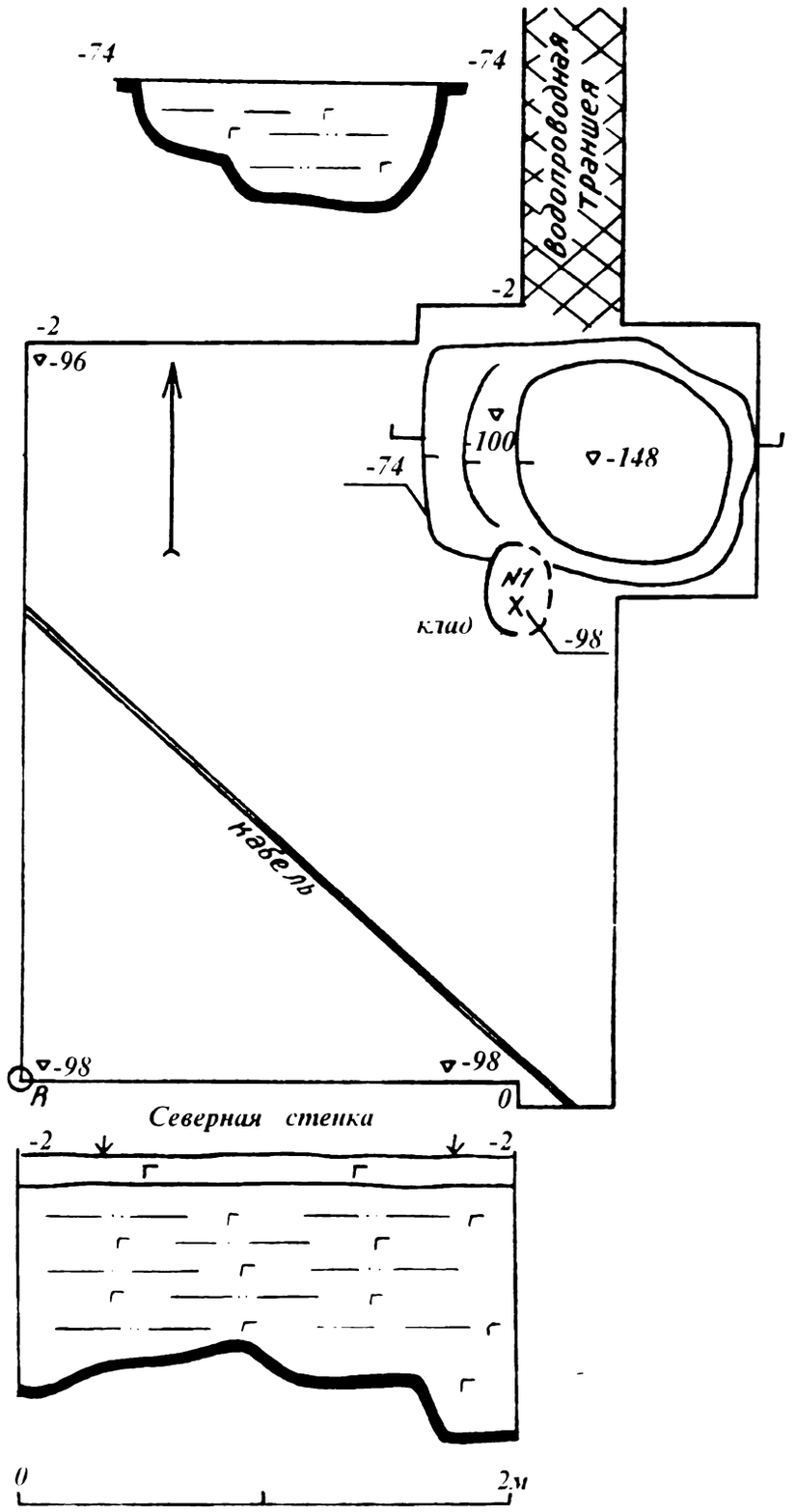


Рис.4. Гапоново, шурф I. План и профиль северной стенки. Разрезы заполнения ямы.

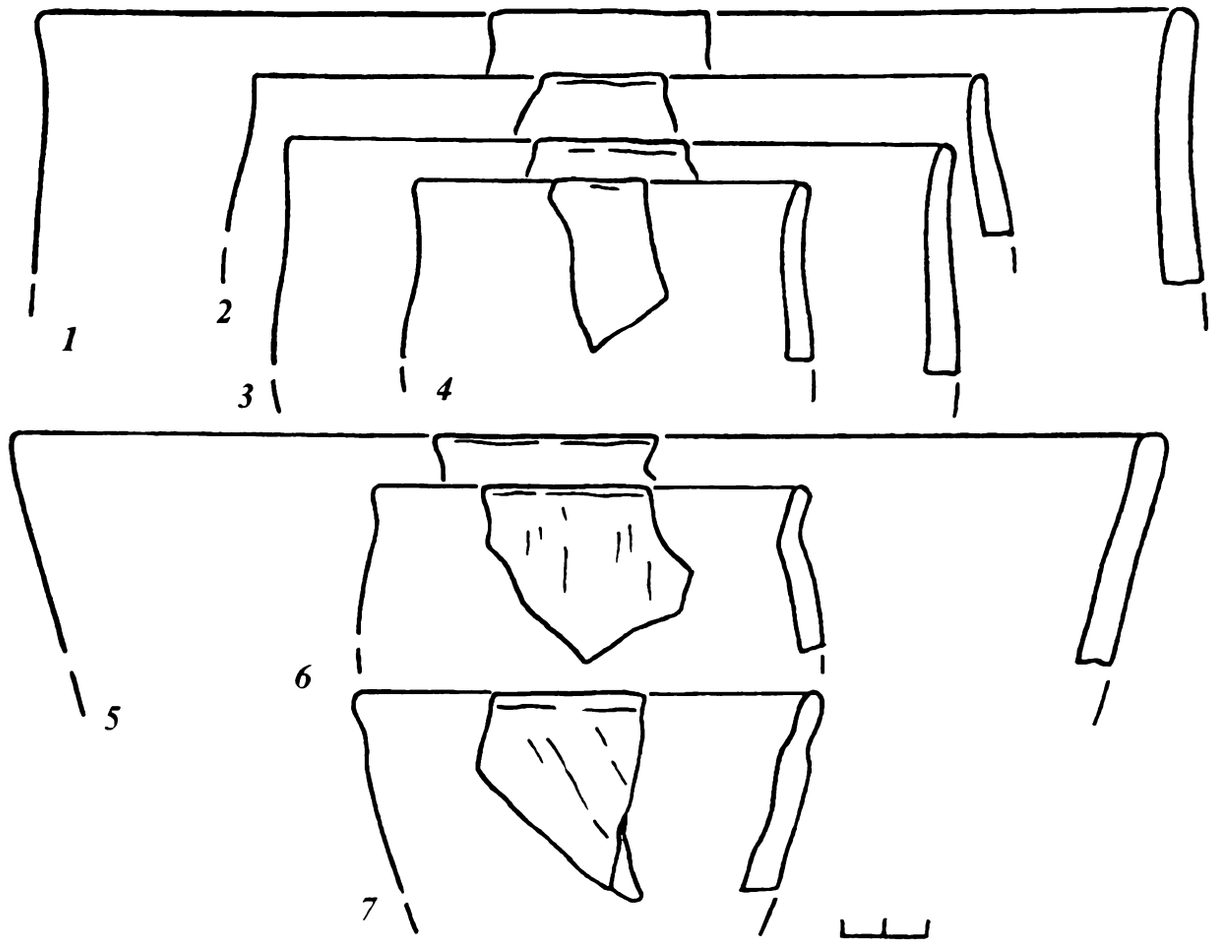


Рис.5. Гапоново, шурф I. средневековая лепная керамика.
1-4,7 – выброс из водопроводной траншеи; 5,6 – культурный слой.

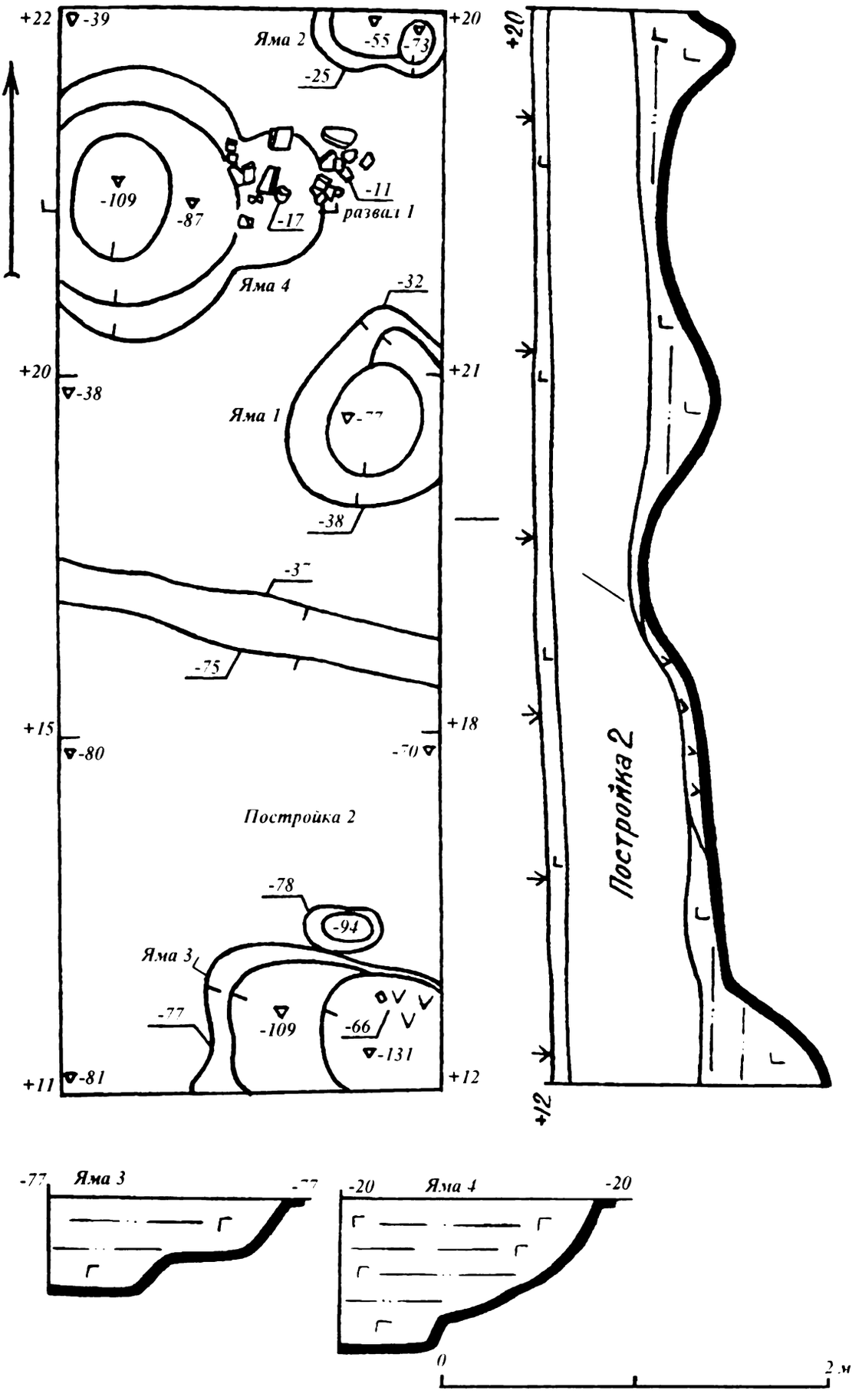


Рис.6. Гапоново, траншея II, план и профиль восточной стенки. Разрезы заполнения ям 3 и 4.

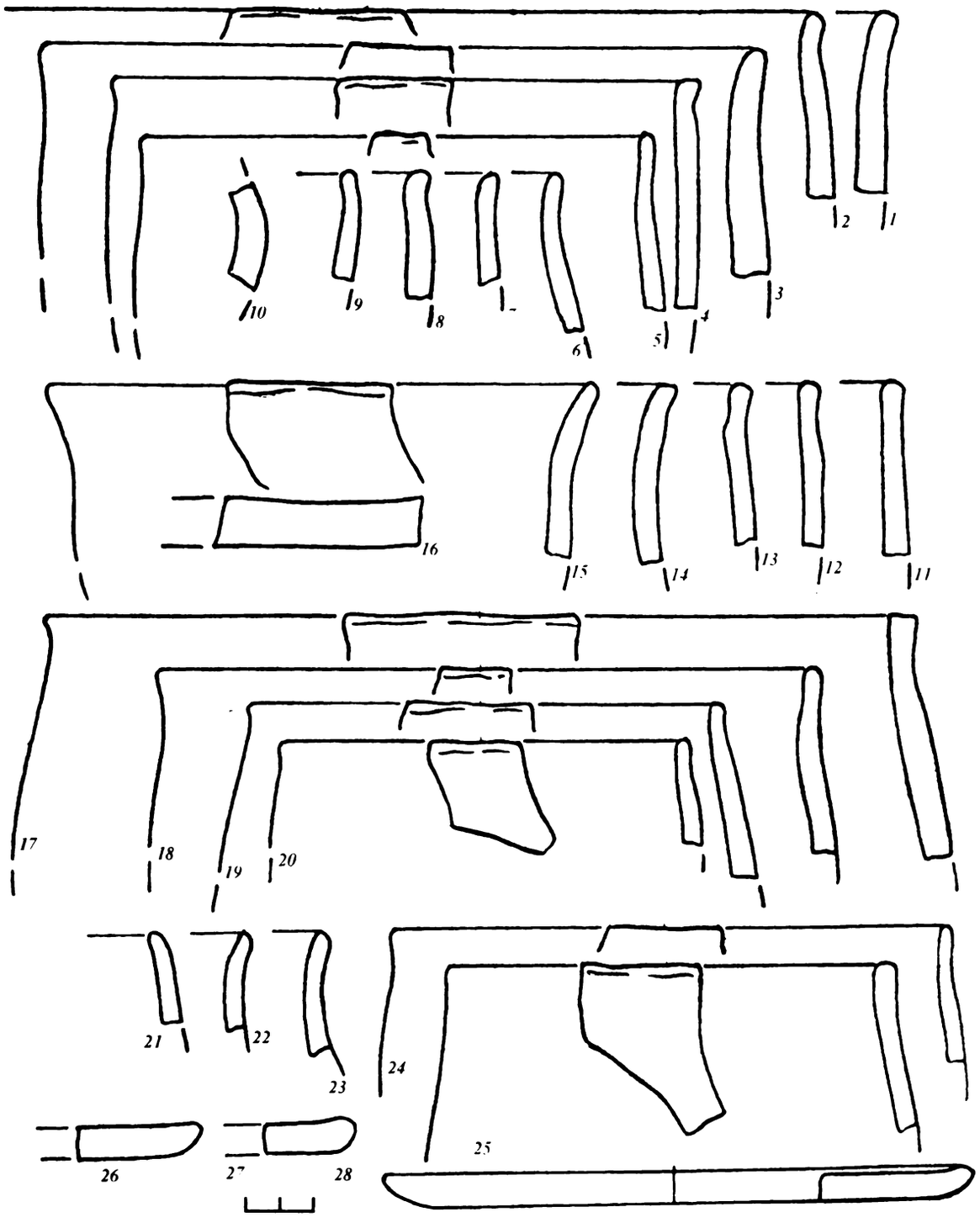


Рис.7. Гапоново, траншея II. Лепная средневековая керамика.
1,2,10,16 – темное пятно (верхний уровень заполнения постройки 2); 3,5,9 – постройка 2, пласт 1; 4,6,7 – постройка 2, пласт 2; 8,15 – постройка 2, пол; 11,12 – яма II-1; 13 – яма II-3; 14 – яма II-4; 15,28 – слой

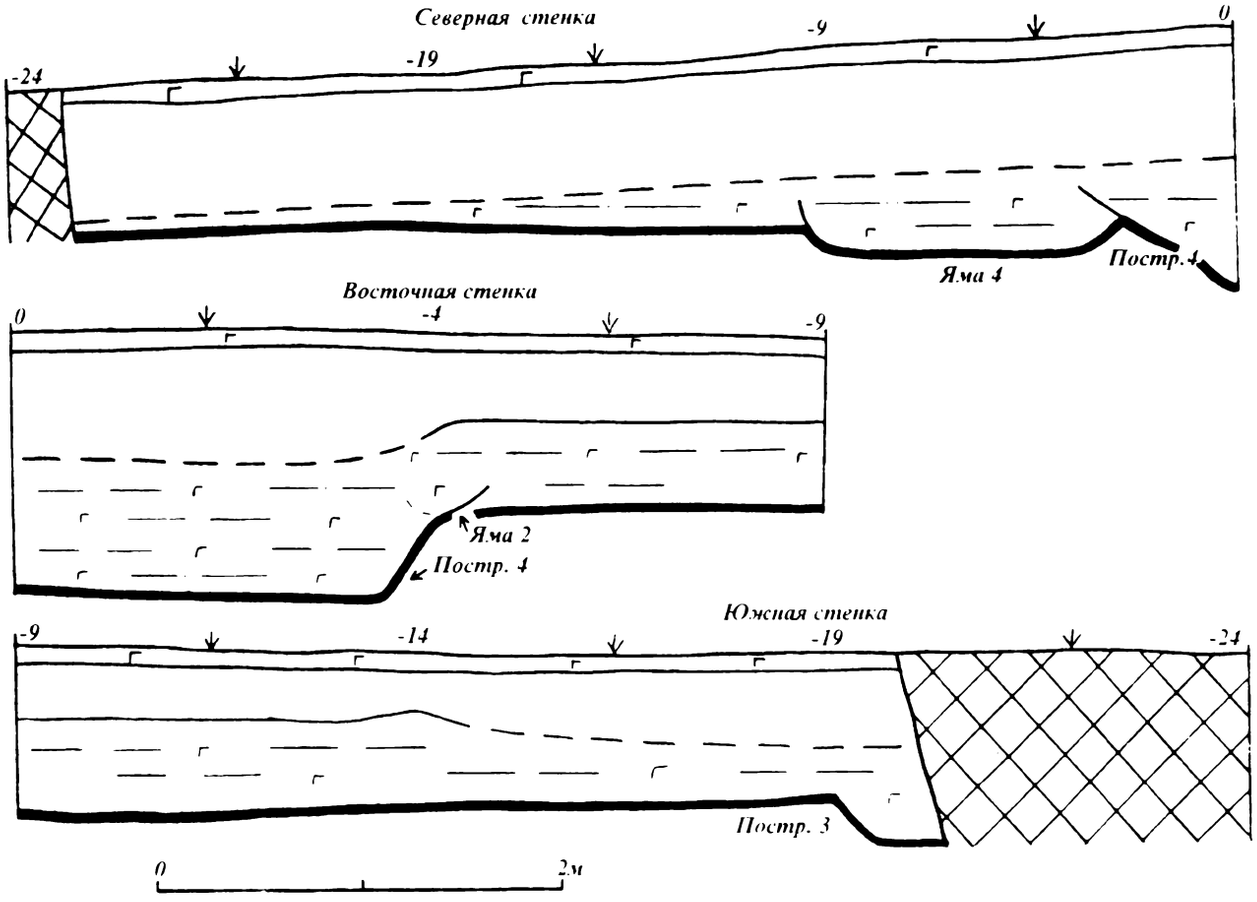


Рис.8. Гапоново, раскоп III, профили раскопа.

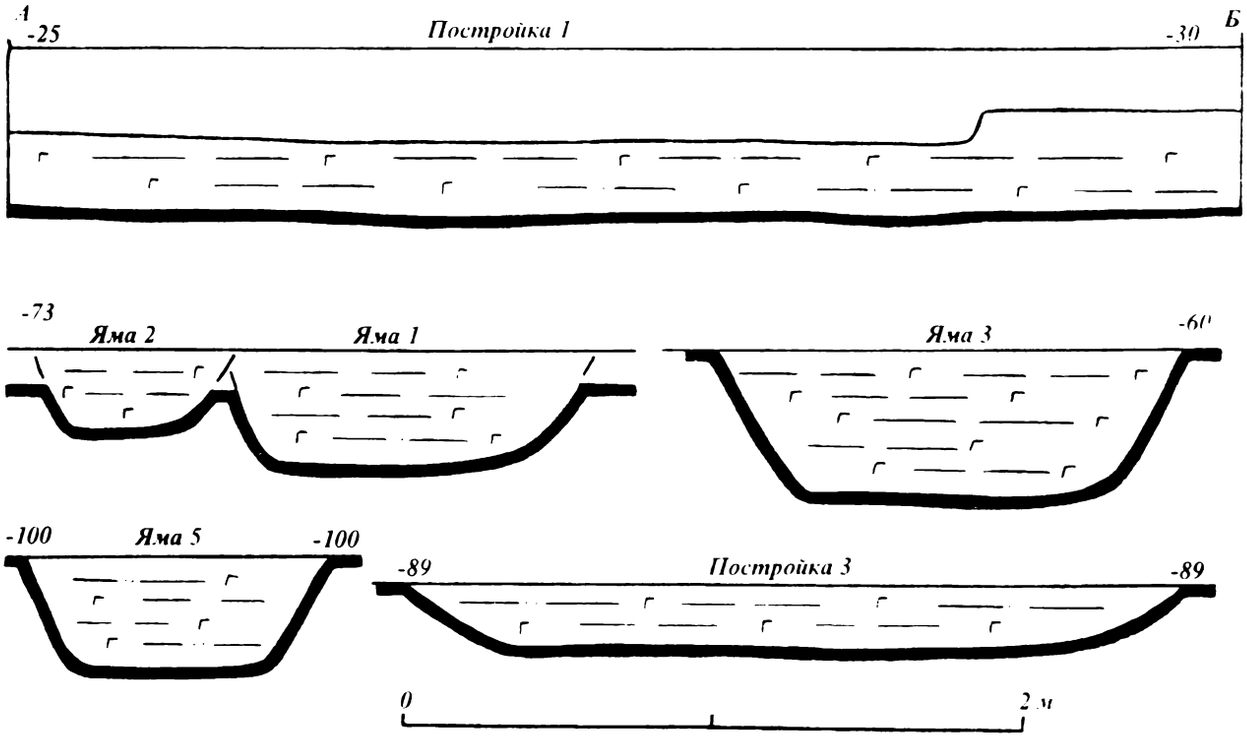


Рис.9. Гапоново, раскоп III, разрезы заполнения сооружений.

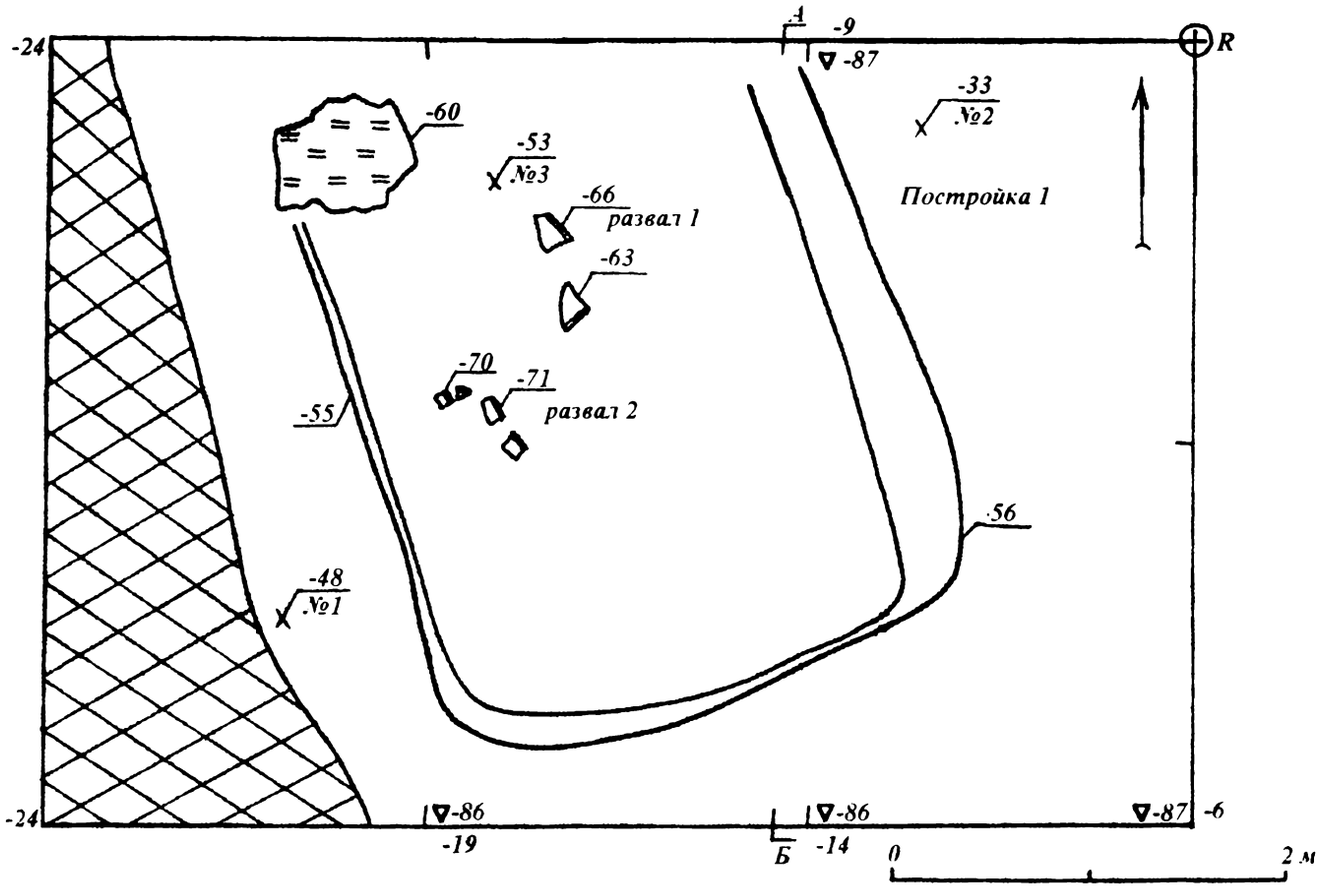


Рис.10. Гапоново, раскоп III, горизонт I, план.

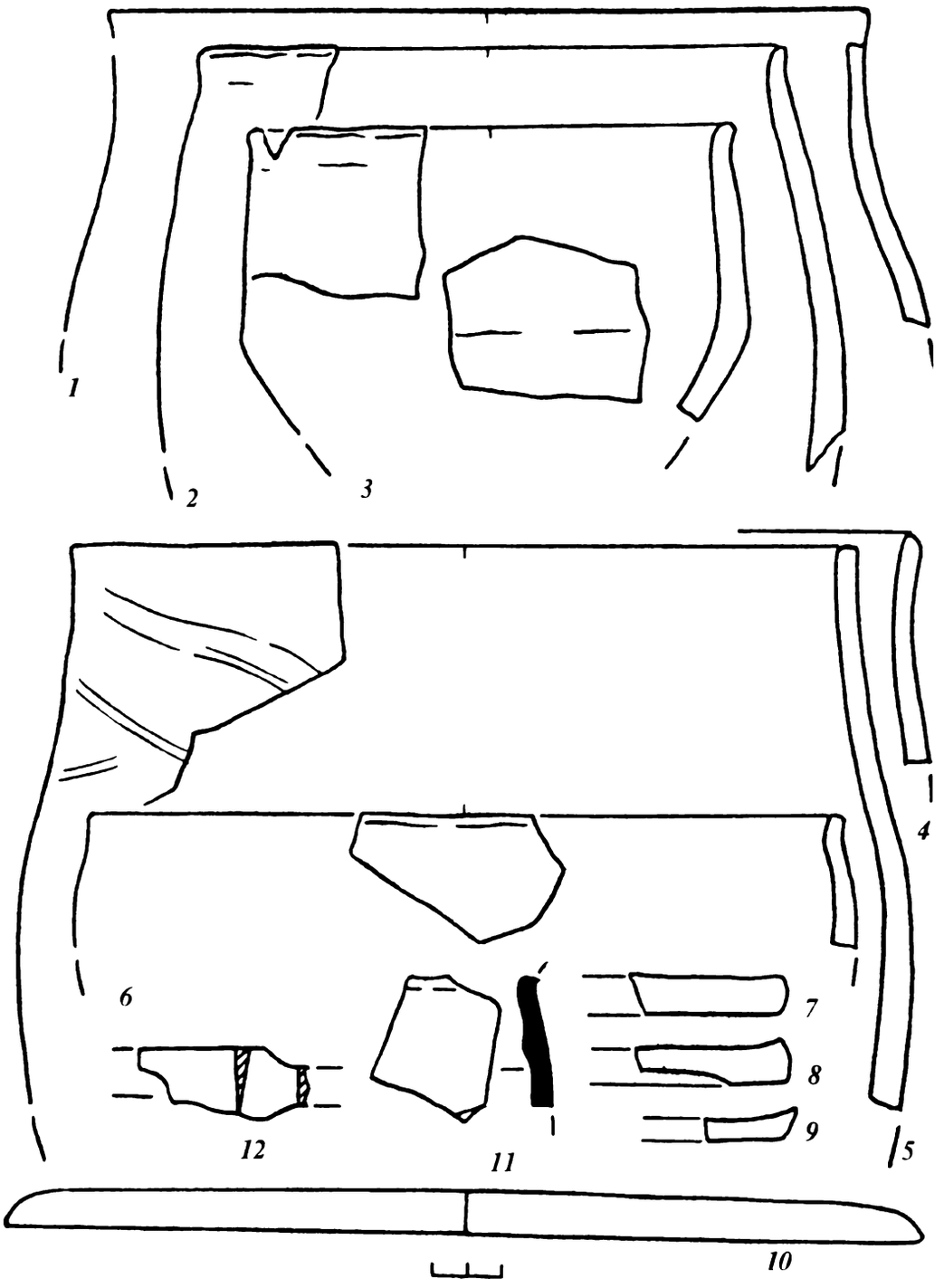


Рис.11. Гапоново, раскоп III, материалы.

1-10 – средневековая лепная керамика; 11 – фрагмент черняховского гончарного сосуда; 12 – обломок железного ножа; 1,4,5 – постройка I, нижняя часть заполнения; 2,6,10,11,12 – постройка I, заполнение; 3,7-9 – темное пятно (верхний уровень заполнения постройки I).

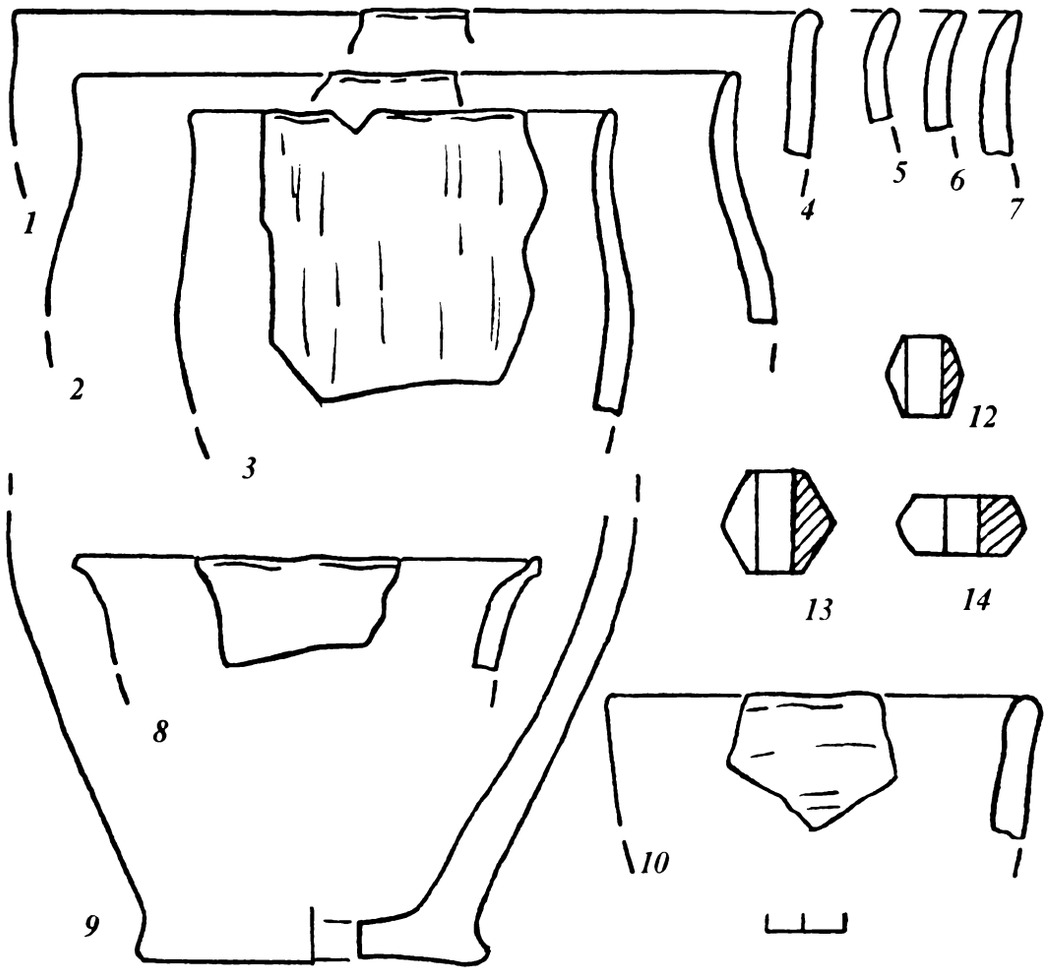


Рис.12. Гапоново, раскоп III, материалы.
1-10 – лепная средневековая керамика; 12-14 – глиняные пряслица; 1,4-7 – постройка 3, заполнение; 2,3,12-14 – слой; 8 – яма III-3; 9 – яма III-5; 10 – яма III-2

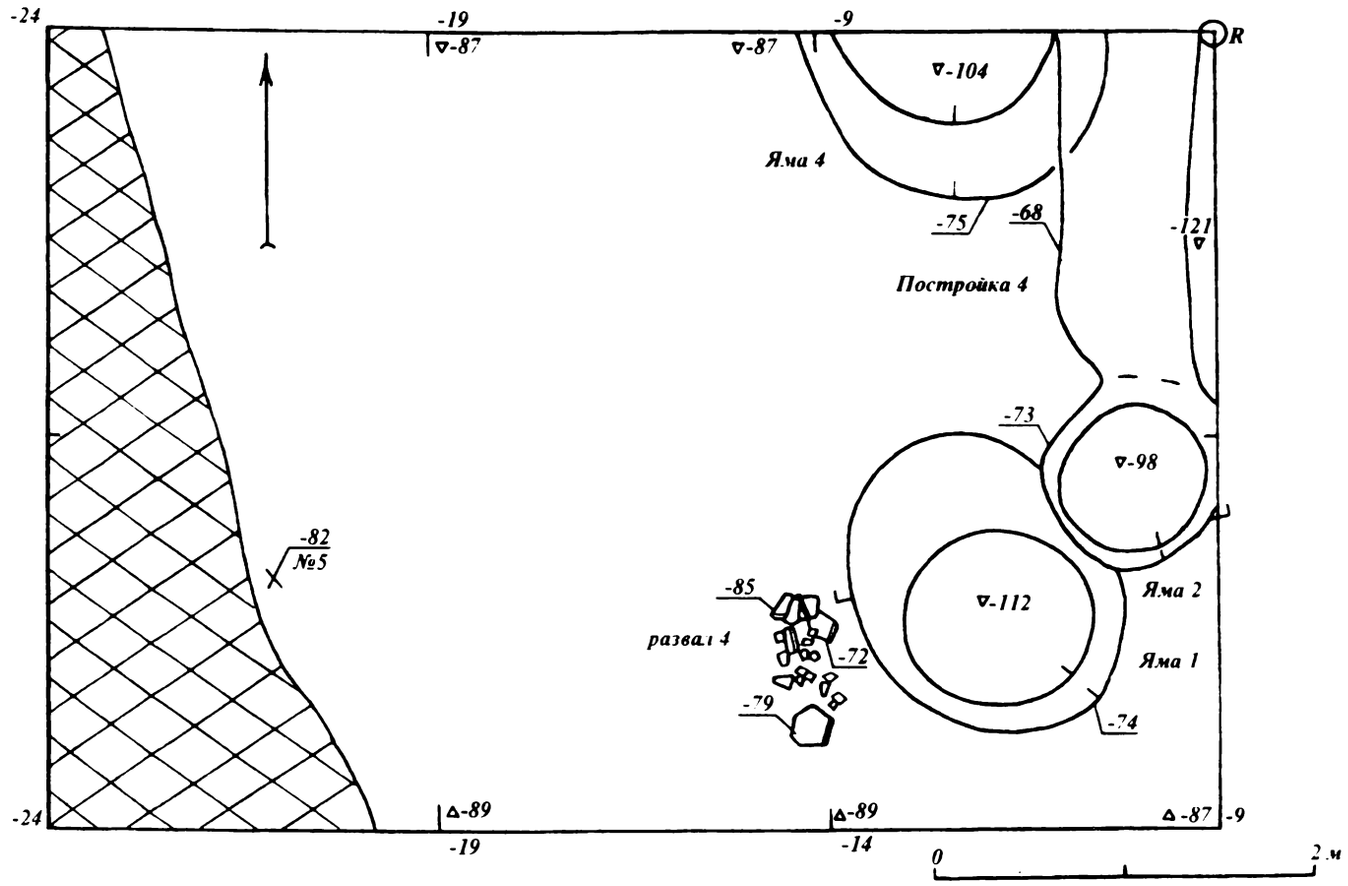


Рис.13. Гапоново, раскоп III, горизонт 2, план.

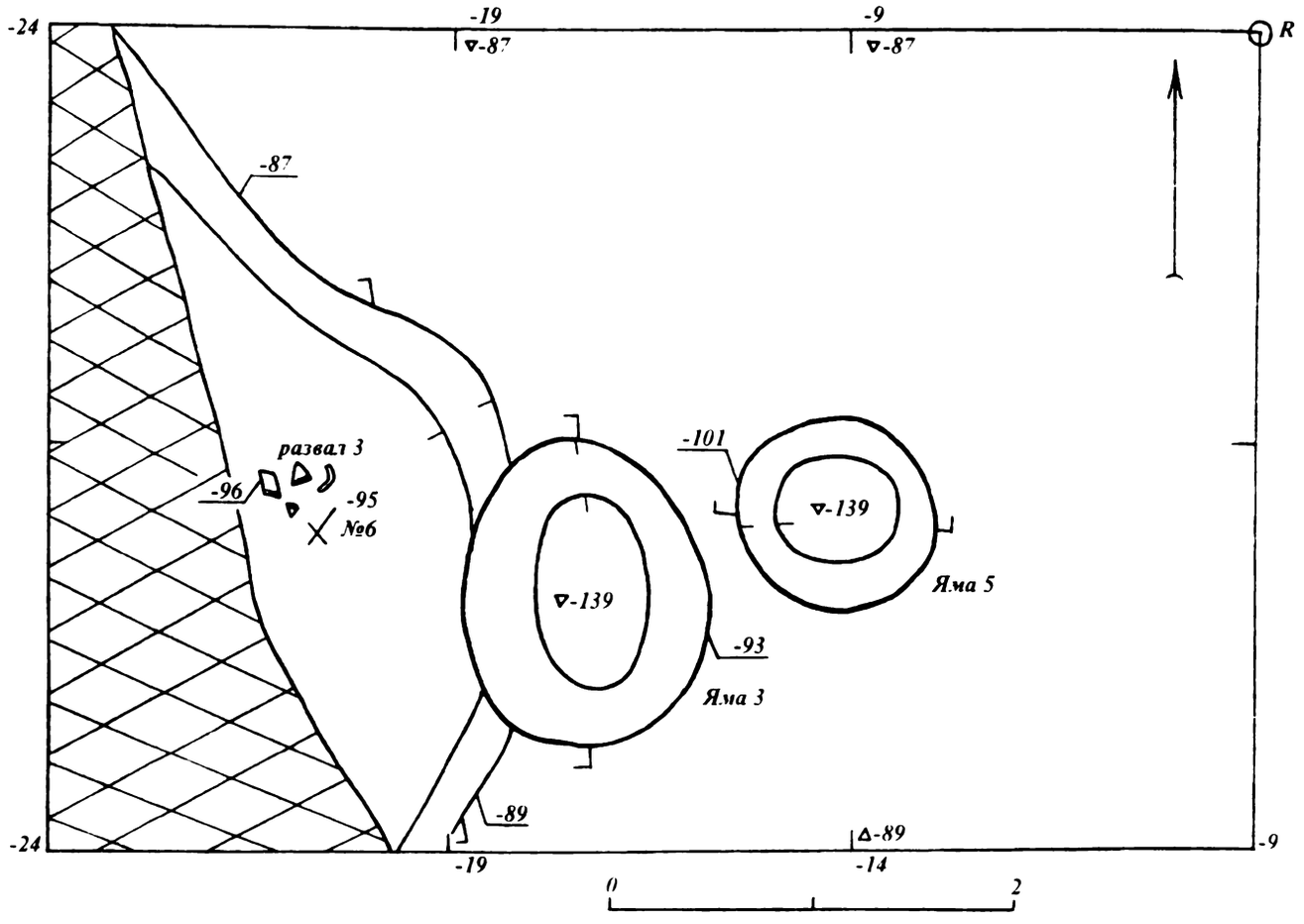
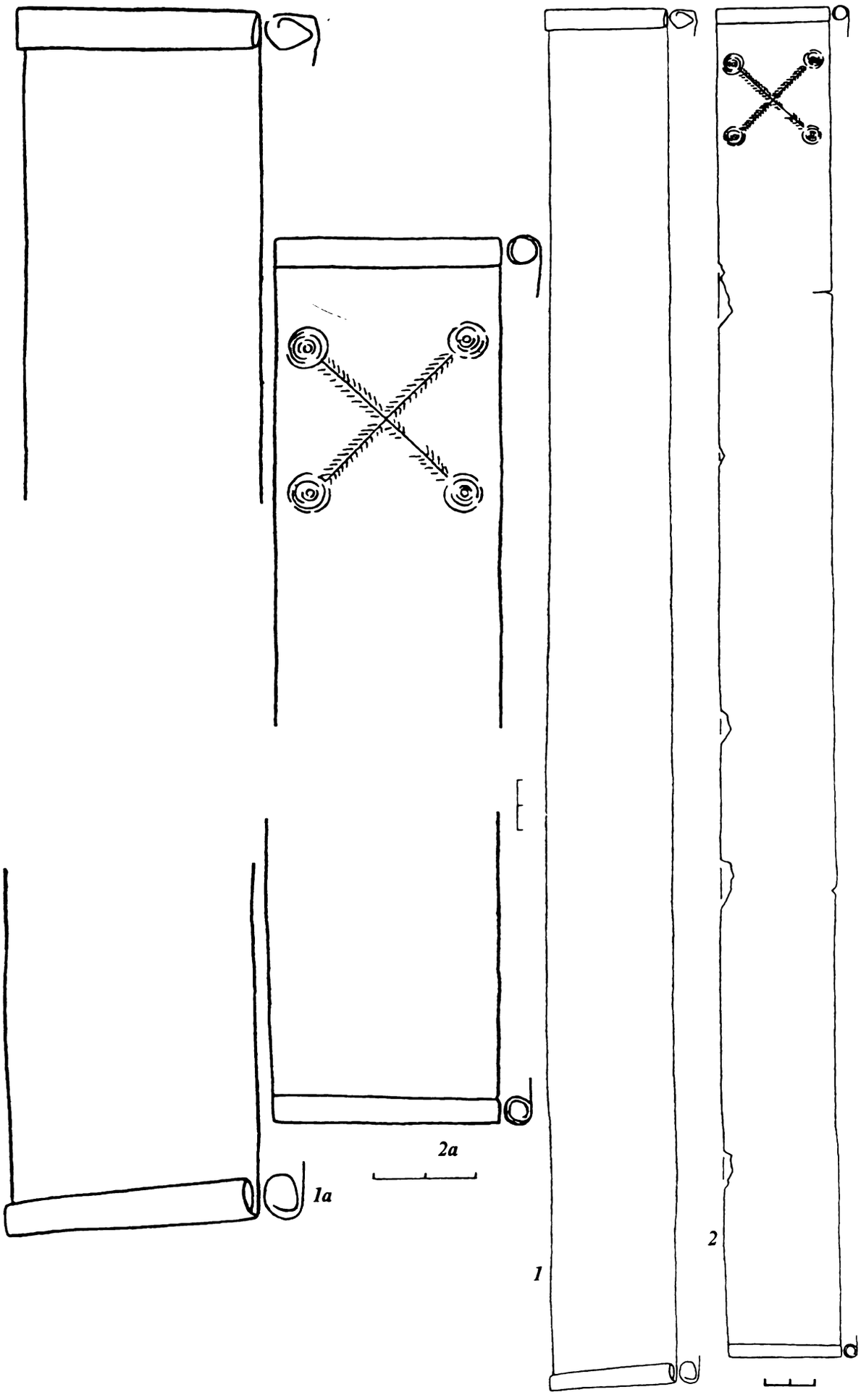


Рис.14. Гапоново, раскоп III, горизонт 3, план.

Рис.15. Гапоновский клад. Серебряные лобные венчики (развертка); Кат.N 1. ⟹


2a
1a
1
2

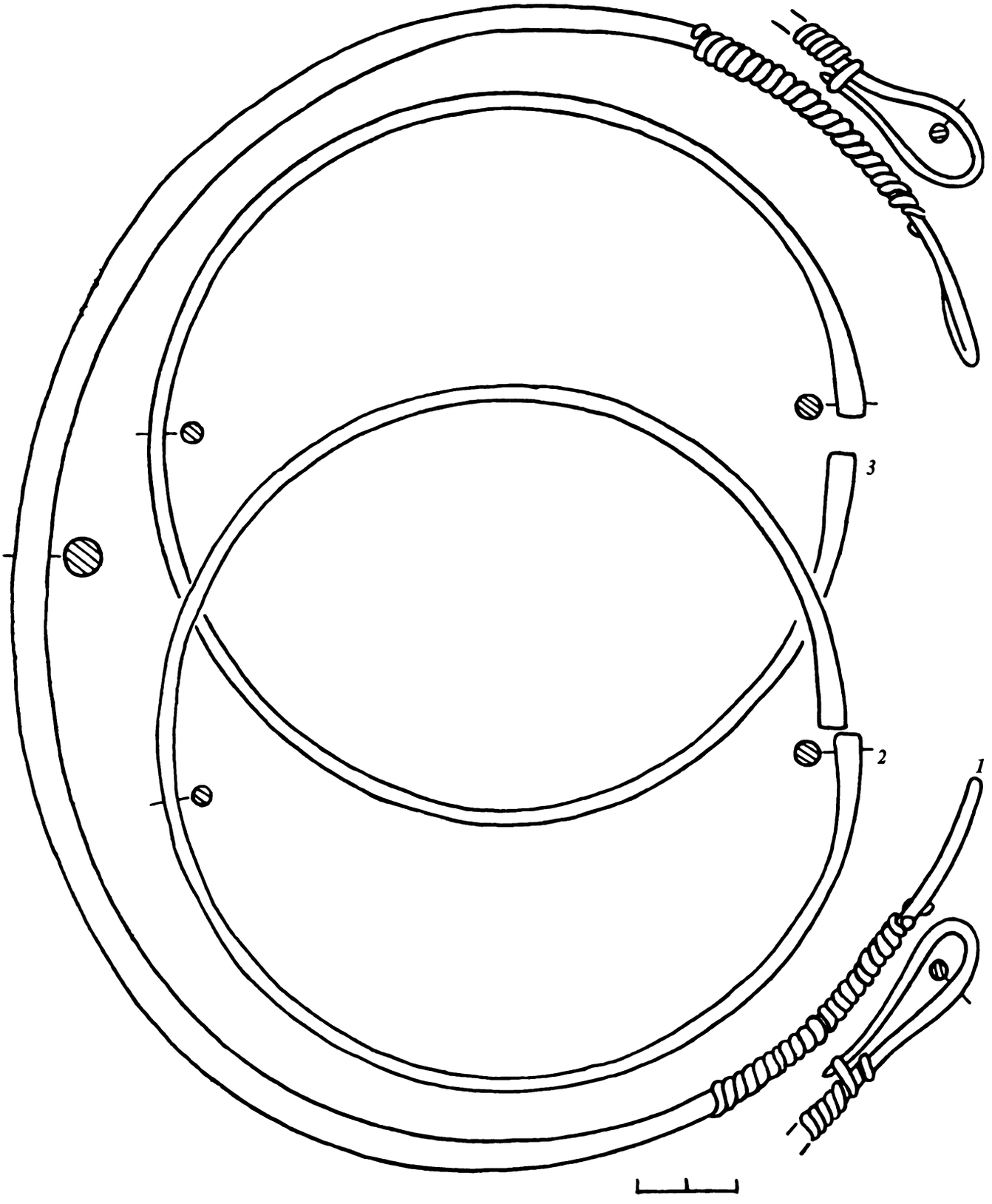


Рис.16. Гапоновский клад. 1-3 – бронзовые гривны. 1 – Кат.N 2; 2,3 – Кат.N 3.

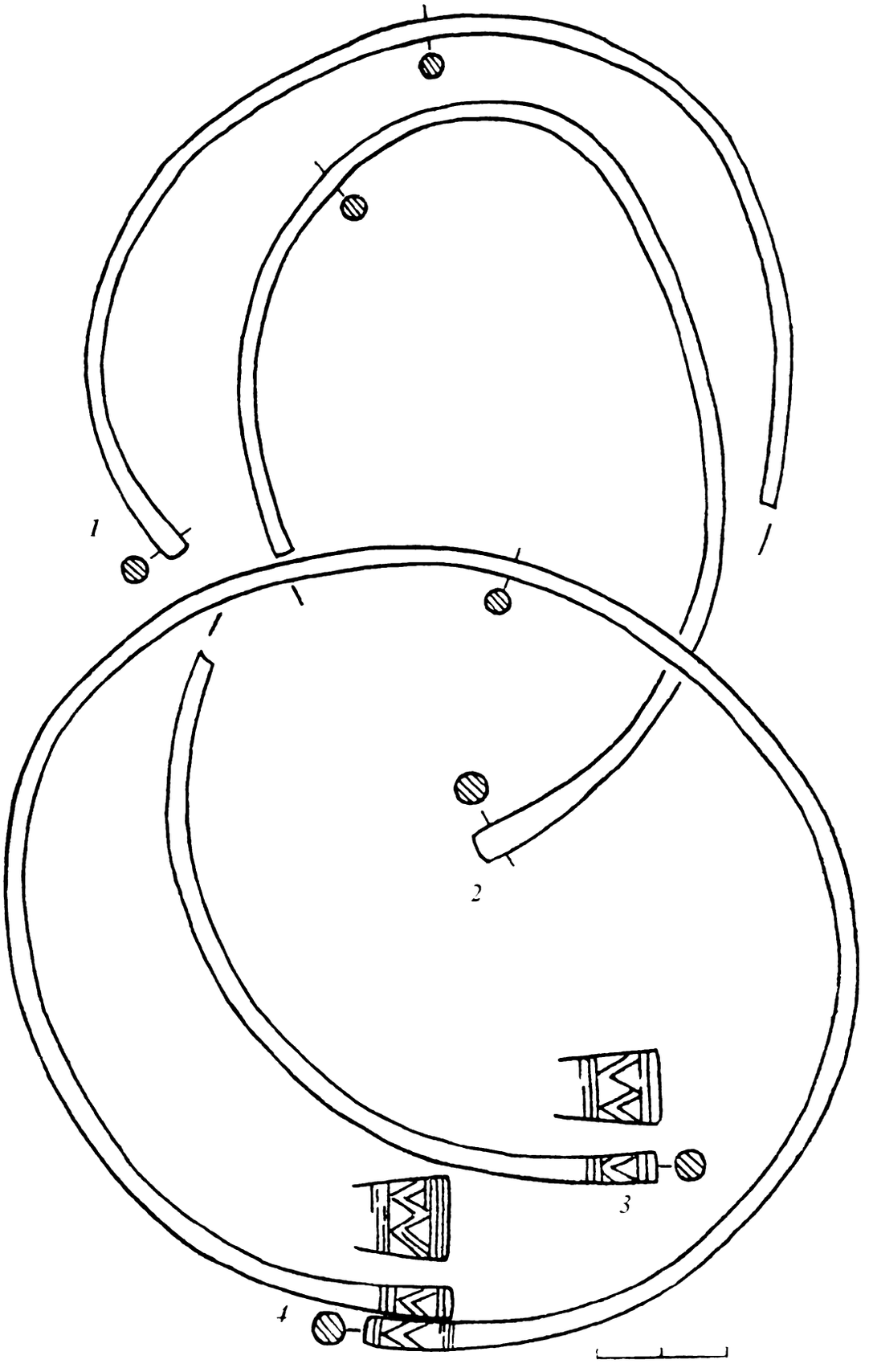


Рис.17. Гапоновский клад. 1-4 – бронзовые гривны. 1,2 – Кат.№ 3; 3,4 – Кат.№ 4

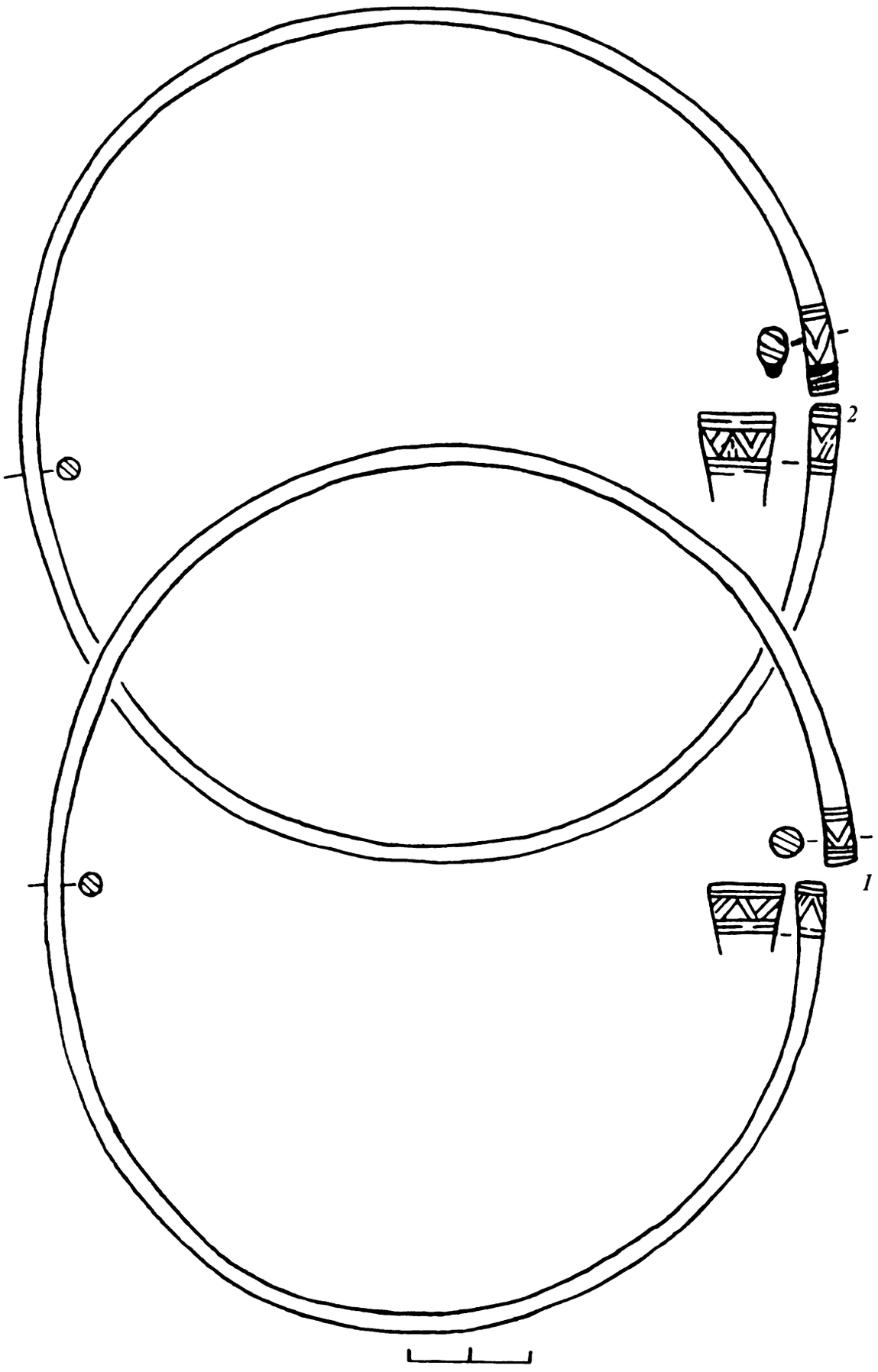
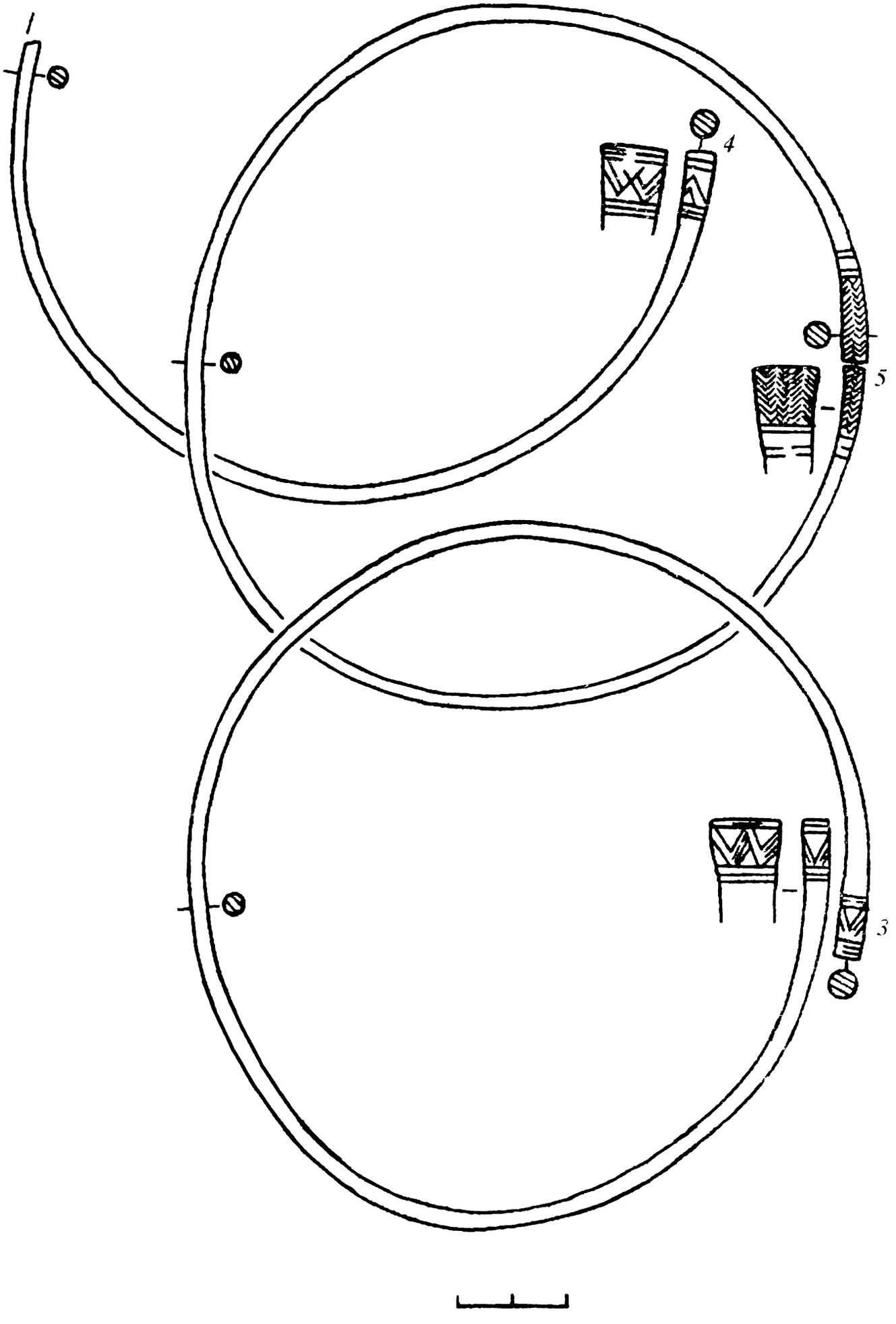


Рис.18. Гапоновский клад. 1-2 – бронзовые гривны. 1,2 – Кат.N 4.

Рис.18а. Гапоновский клад. 1-3 – бронзовые гривны. 3,4 – Кат.N 4; 5 – Кат.N 5. ⟹


1
4
5
3

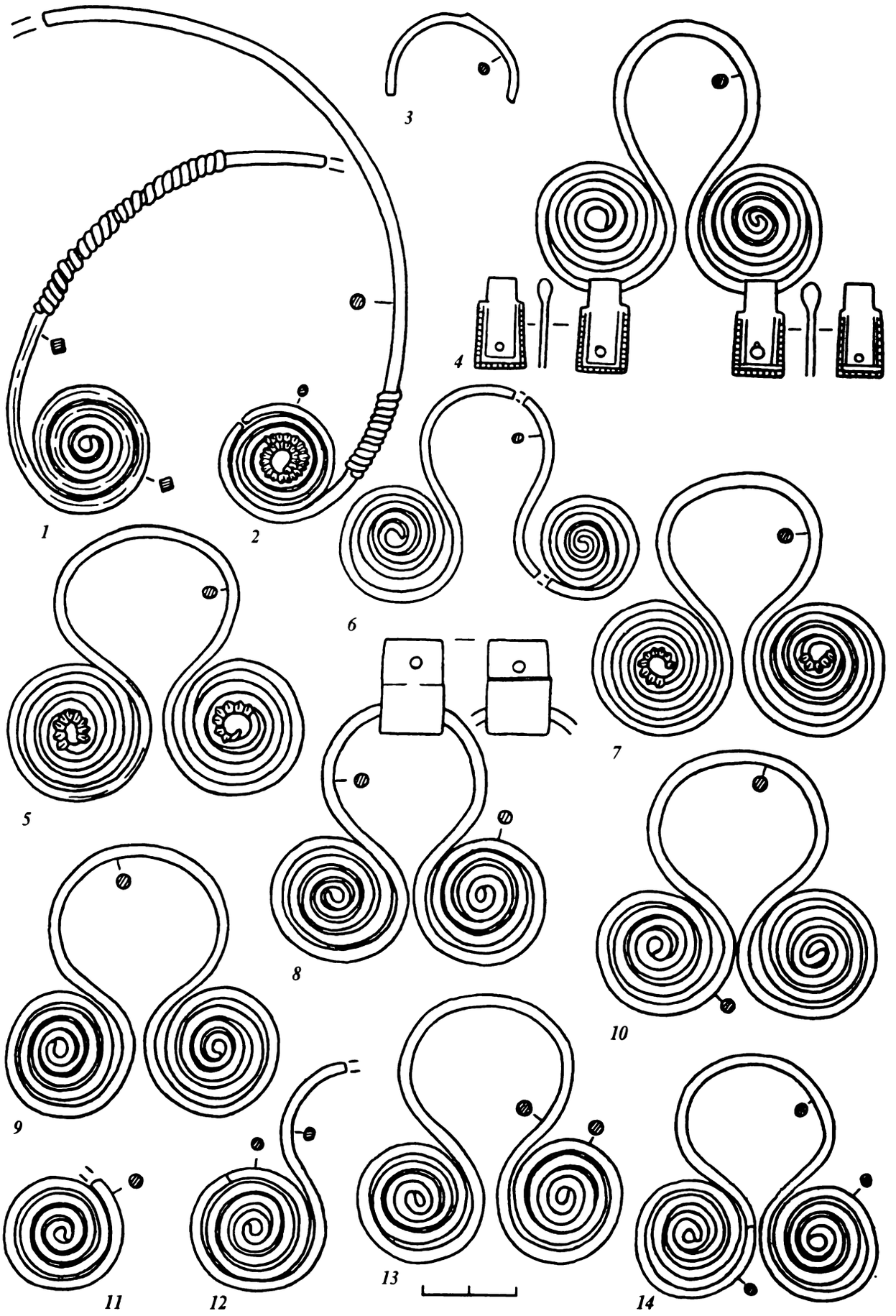


Рис.19. Гапоновский клад.

1,2 – фрагменты С-овидных подвесок (височных колец) из бронзы или плохого серебра (Кат.N 6); 3 – фрагмент спирального окончания бронзового височного кольца (Кат.N 6); 4 – двуспиральная очковая подвеска из бронзы (Кат.N 8); 5-14 – серебряные двуспиральные очковые подвески (Кат.N 7).

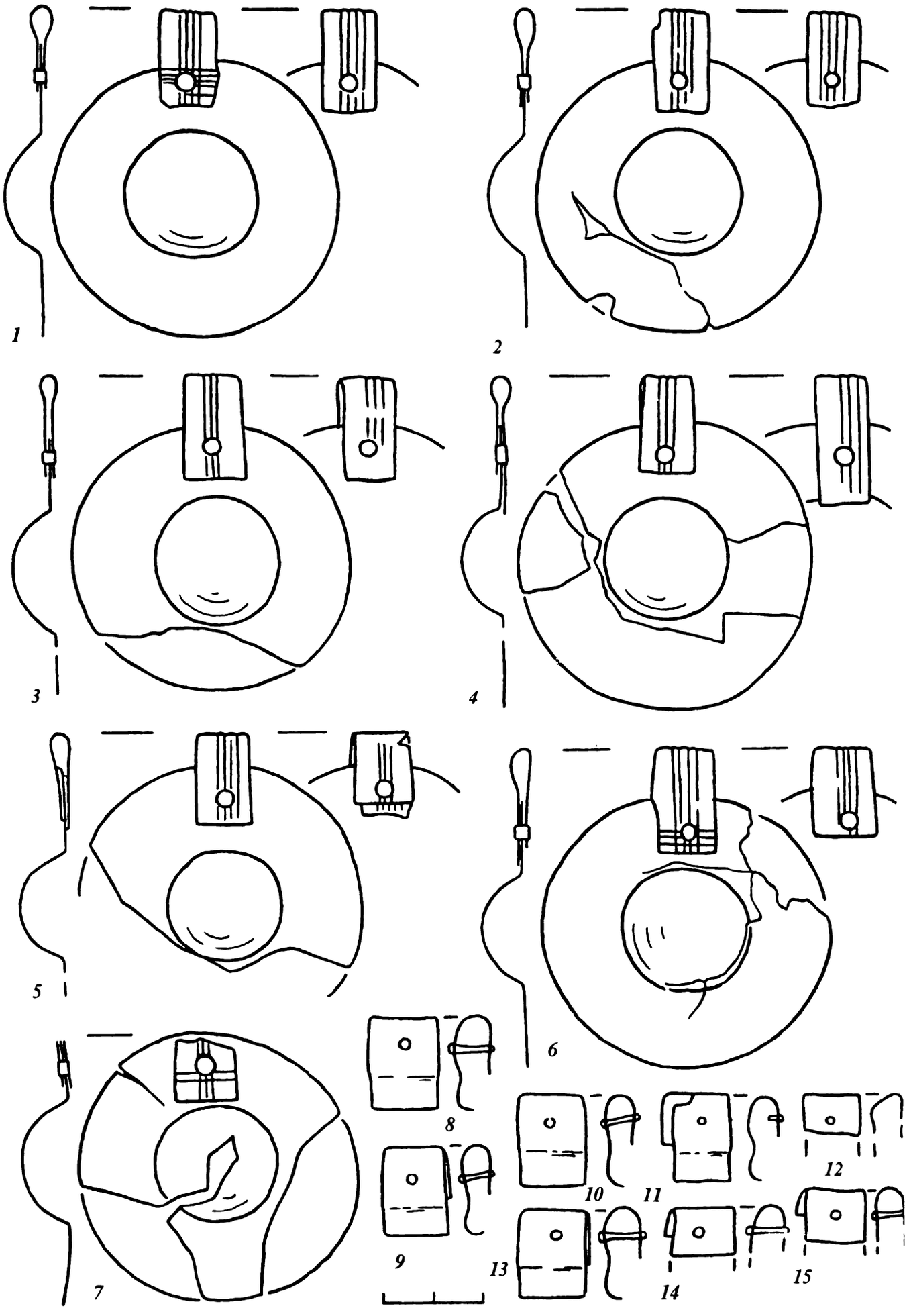
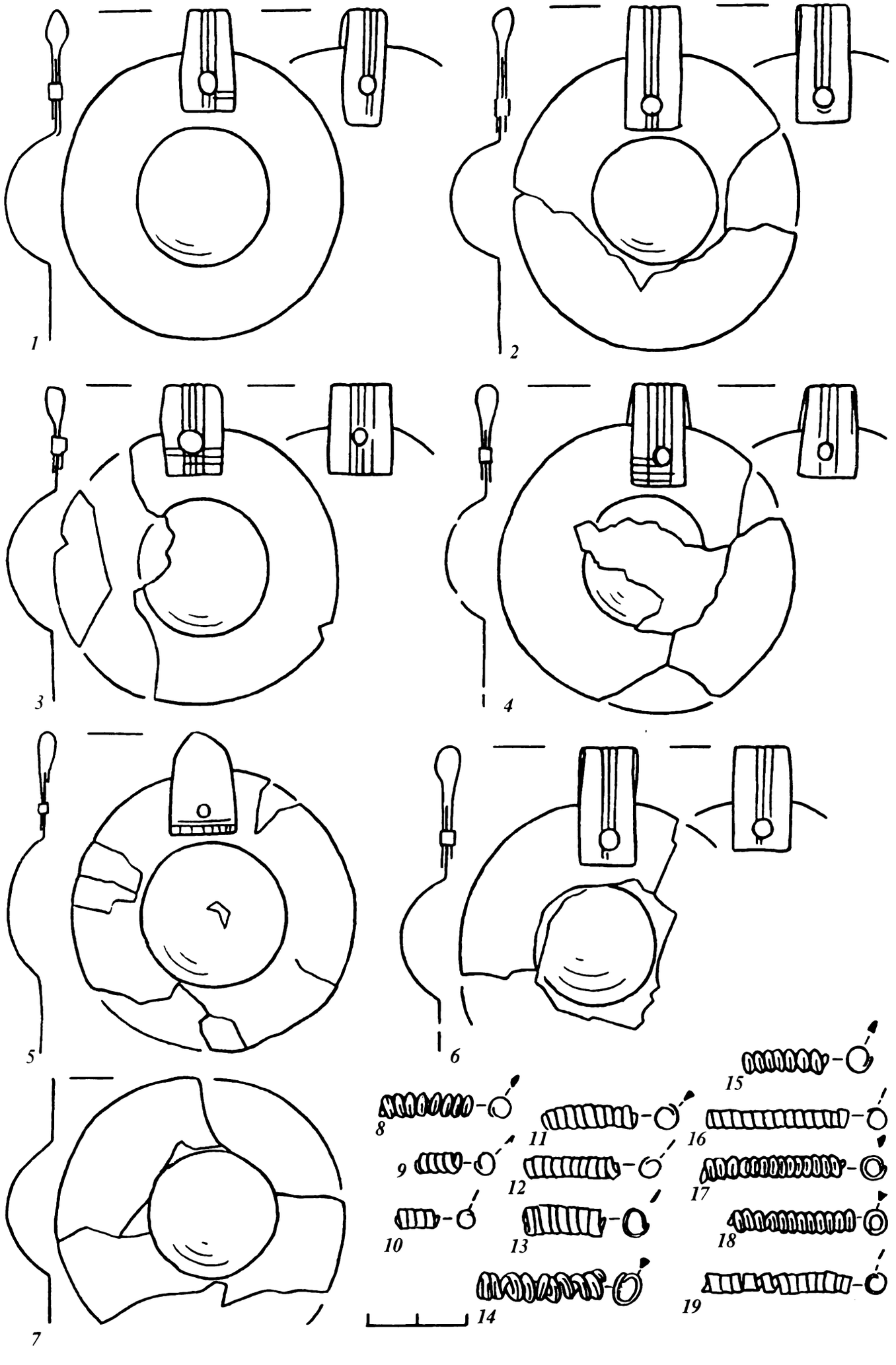


Рис.20. Гапоновский клад.
1-7 – бронзовые умбоновидные подвески (Кат.N 10); 8-15 – обоймы для крепления двуспиральных (очковых) подвесок из серебра (Кат.N 9).


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

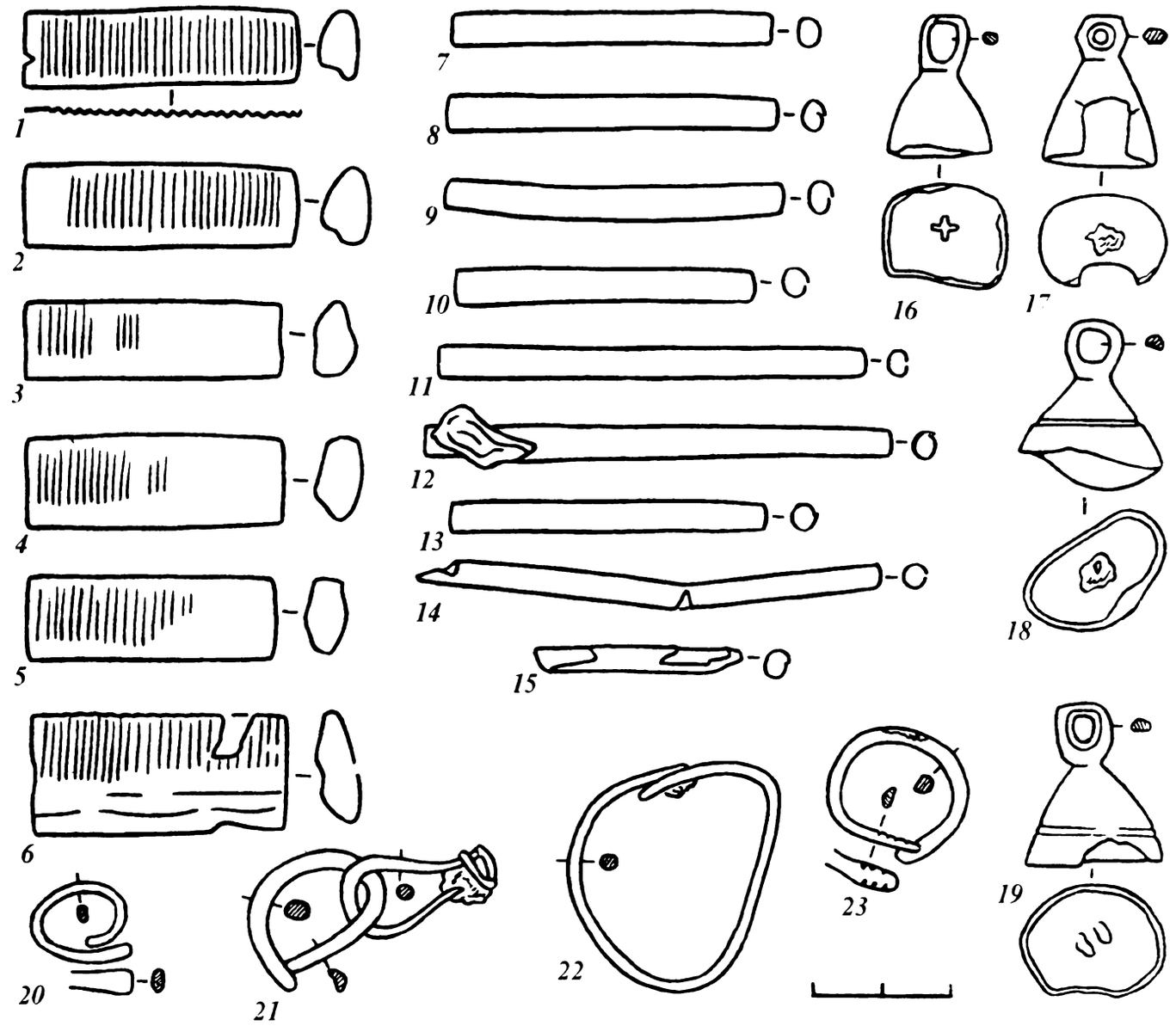
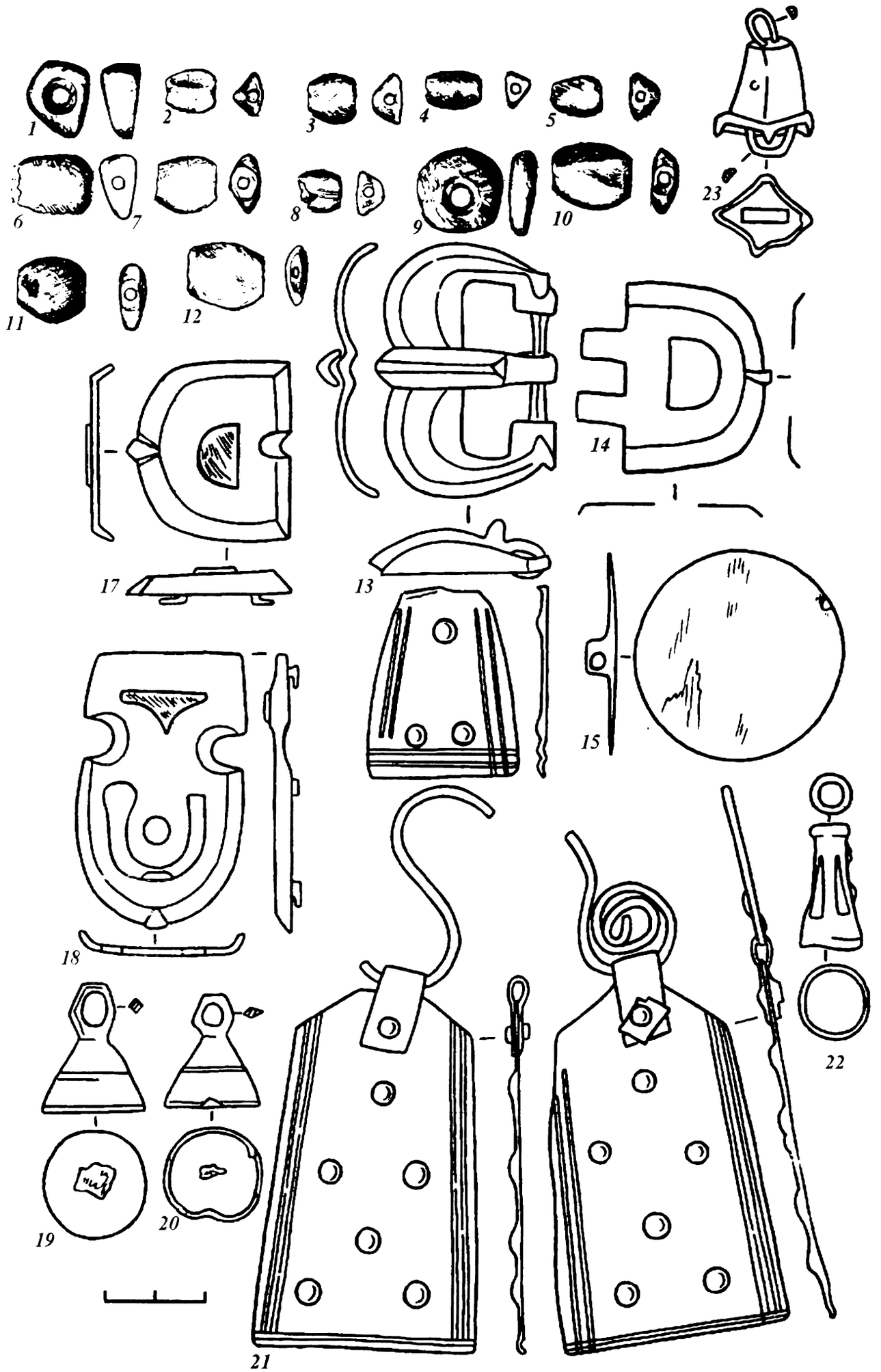


Рис.22. Гапоновский клад.

1-6 - серебряные пронизи в виде гофрированных трубочек (Кат.N 12); 7-15 - бронзовые пронизи-трубочки гладкие (Кат.N 13); 16-19 - бронзовые подвески-колокольчики (Кат.N 17); 20-23 - бронзовые кольца (Кат.N 24,25,26,27).

⇐ **Рис.21.** Гапоновский клад.

1-7 - бронзовые умбоновидные подвески (Кат.N 10); 8-19 - бронзовые спиралевидные пронизи (Кат.N 11).


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
23
14
17
13
15
18
22
19
20
21

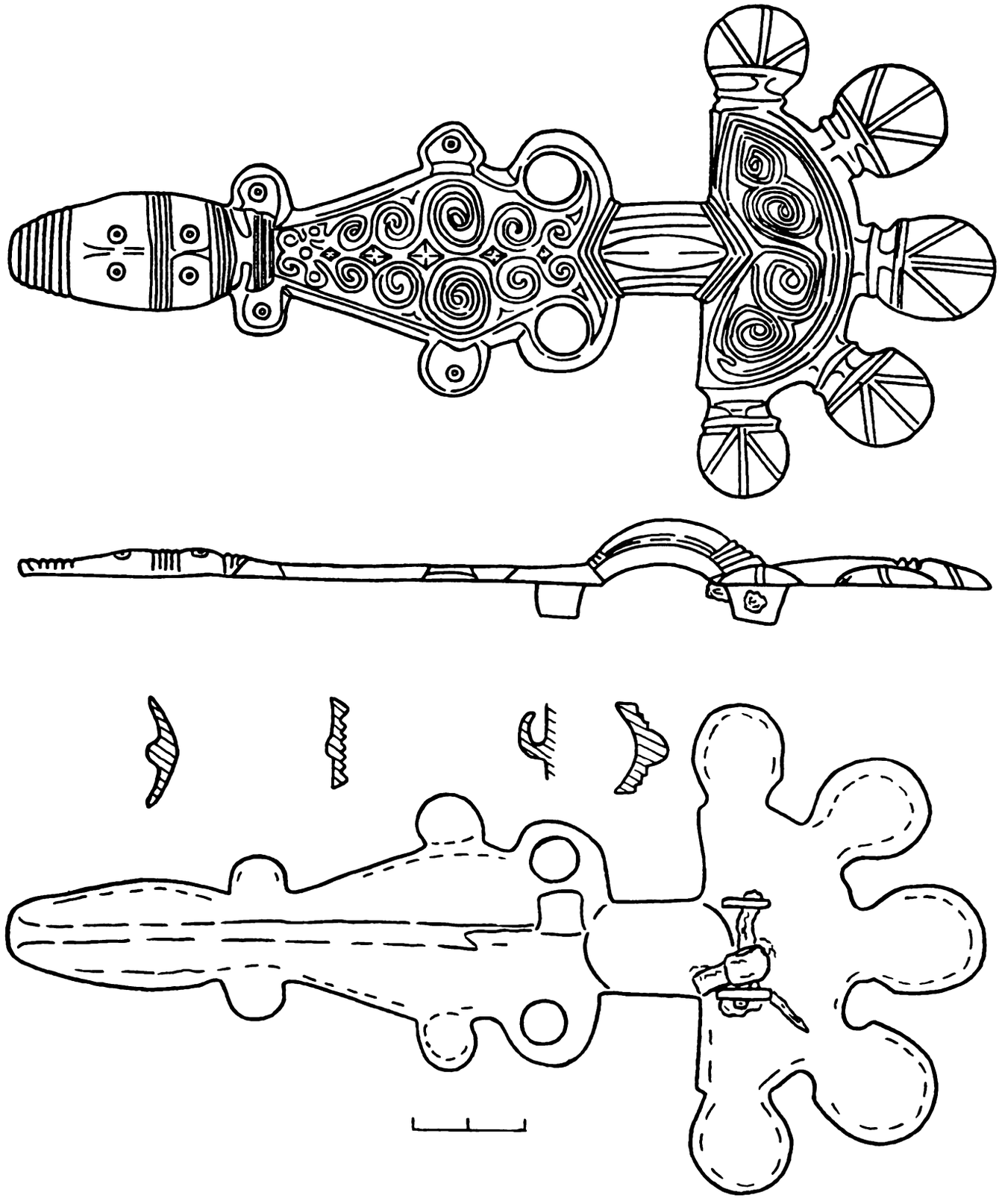
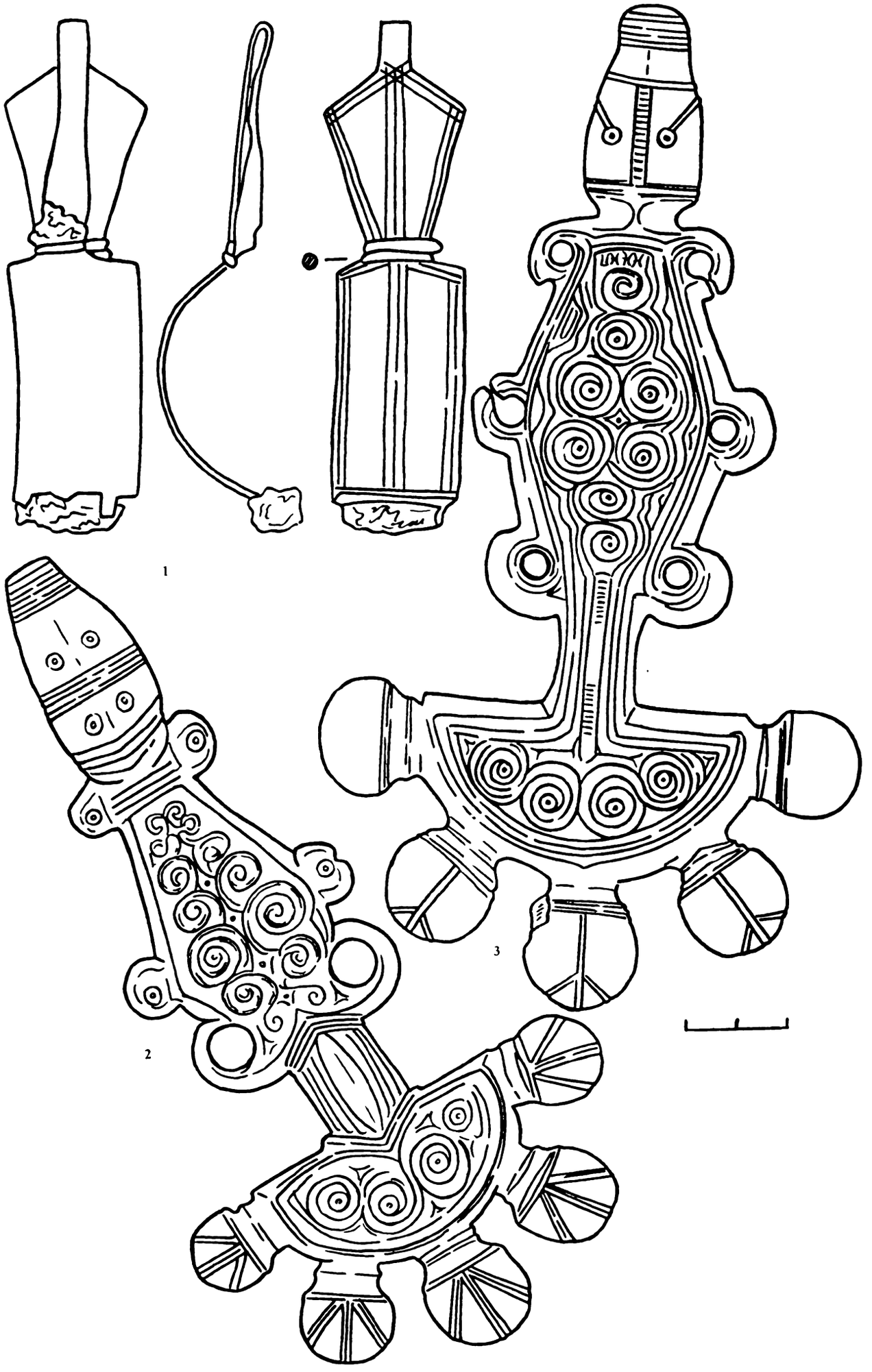


Рис.24. Гапоновский клад. Пальчатая фибула из бронзы (Кат.N 21).

⇐ **Рис.23.** Гапоновский клад.

1-12 – бусы (Кат.N 91-96); 13 – пряжка (Кат.N 28); 14 – обойма от пряжки (Кат.N 29); 15 – круглая плоская подвеска или накладка (Кат.N 16); 16,21 – пластинчатые трапецевидные подвески (Кат.N 15,14); 17 – накладка поясная (Кат.N 32); 18 – наконечник пояса (Кат.N 31); 19,20,23 – подвески-колокольчики (Кат.N 18,19); 22 – подвеска коническая прорезная (Кат.N 20); 1-12 – янтарь; 13,14,17,18 – серебро (17,18 – со стеклянными вставками); 15,16,19–23 – бронза.



1

2

3

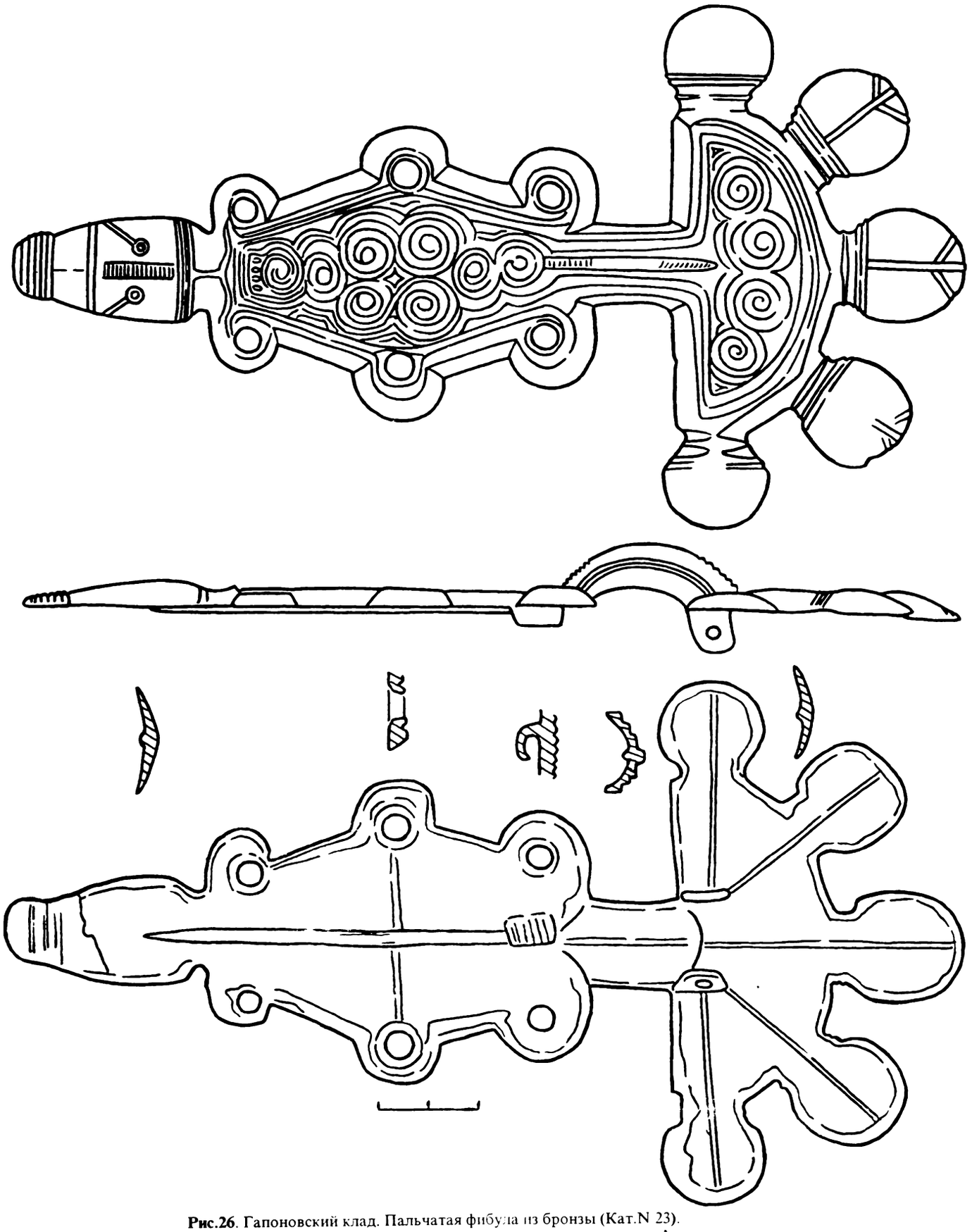
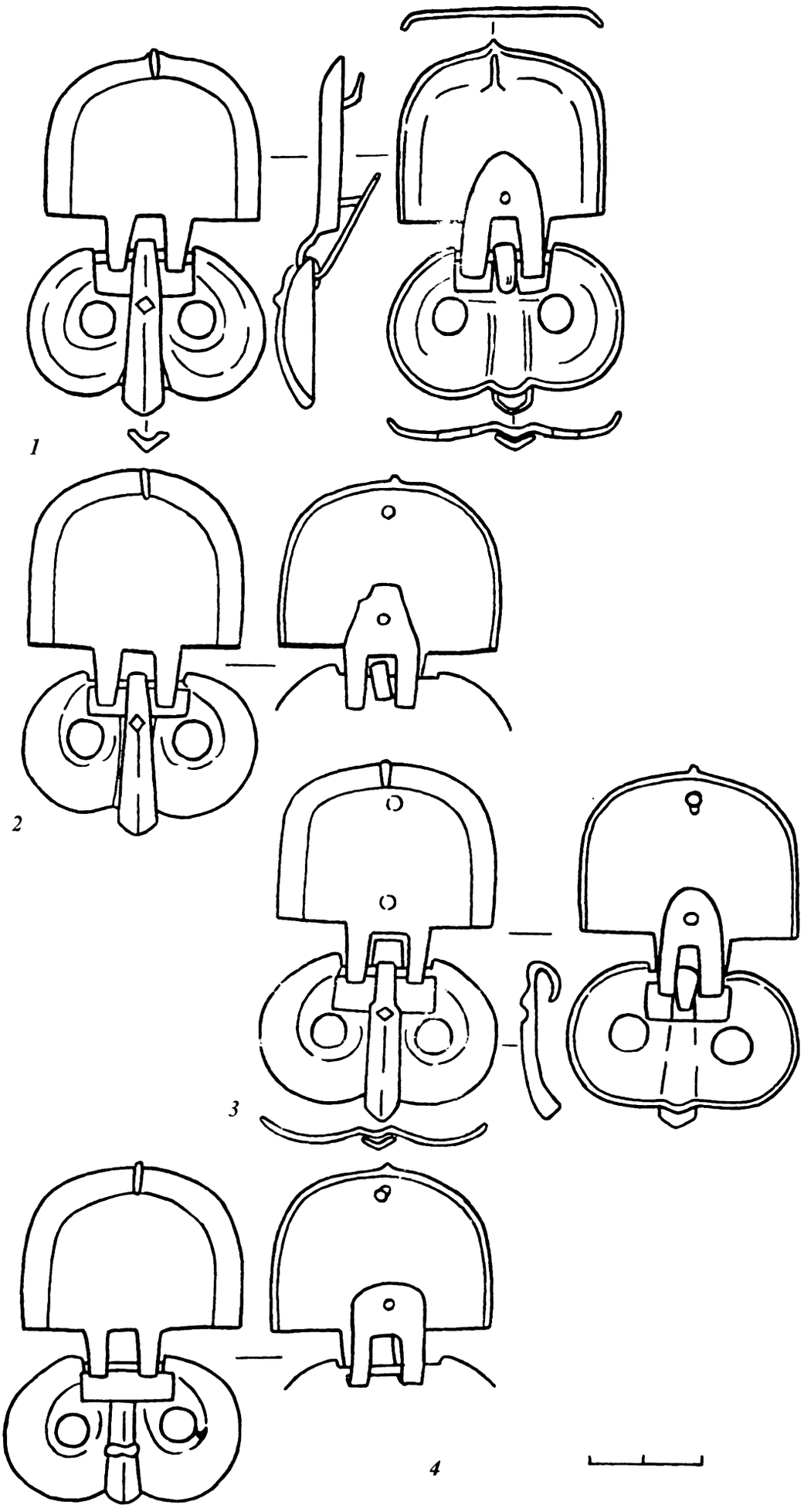


Рис.26. Гапоновский клад. Пальчатая фибула из бронзы (Кат.N 23).

Рис.25. Гапоновский клад. 1-3 – бронзовые фибулы. 1 – Кат.N 22; 2 – Кат.N 21; 3 – Кат.N 23.


1
2
3
4

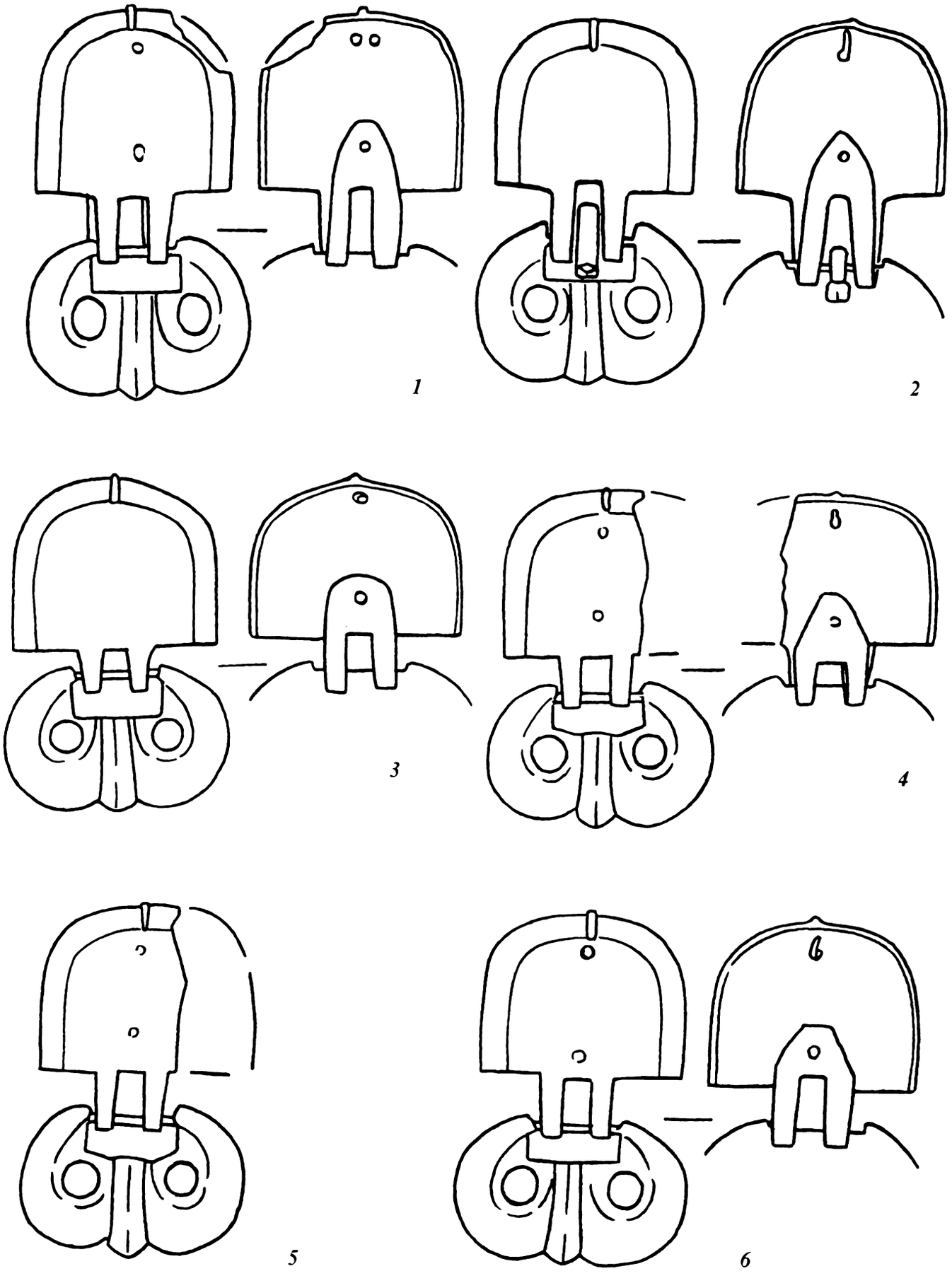


Рис.28. Гапоновский клад. 1-6 – серебряные псевдопряжки (Кат.N 30).

⇐ **Рис.27.** Гапоновский клад. 1-4 – серебряные псевдопряжки (Кат.N 30).

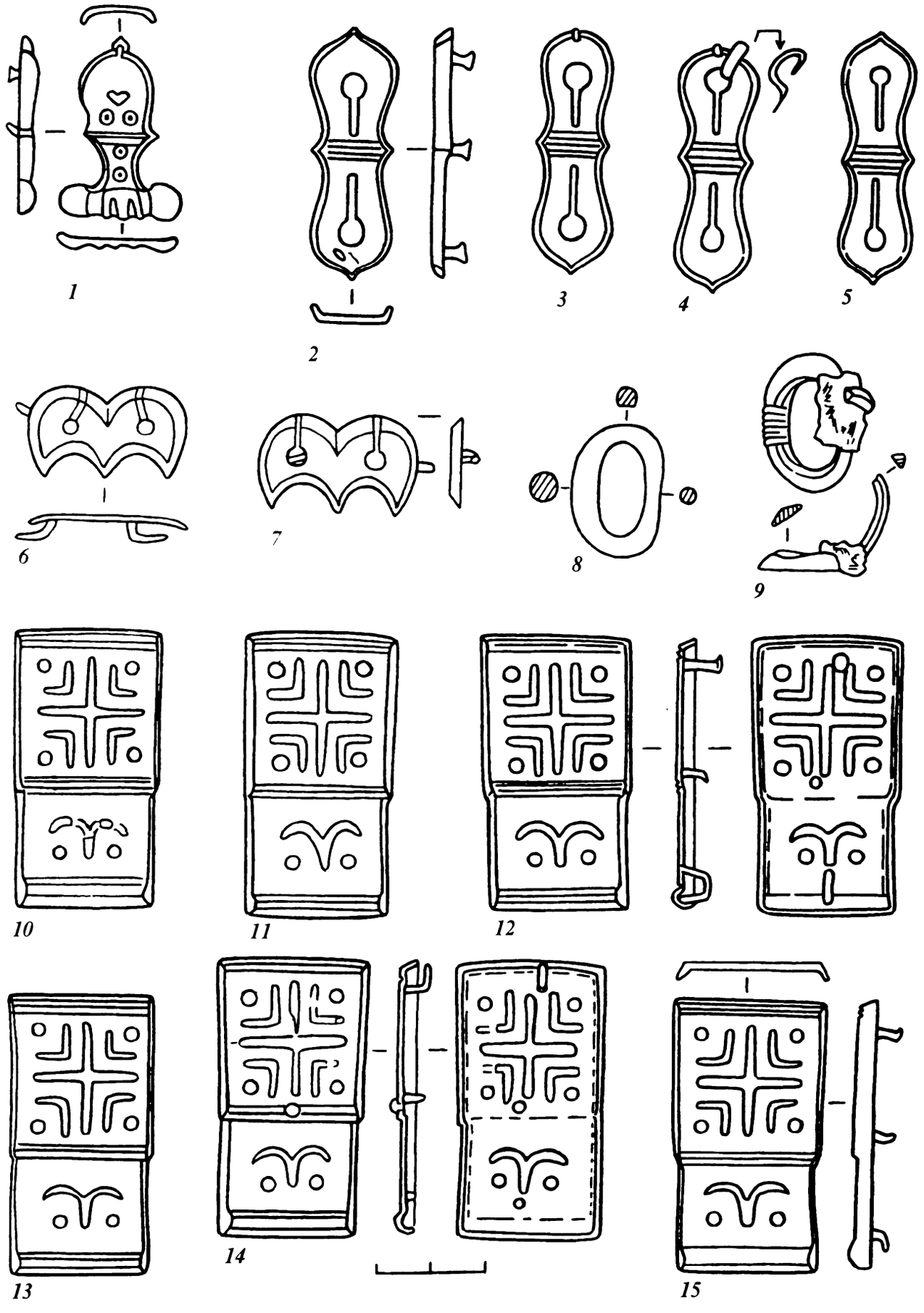


Рис.29. Гапоновский клад.
1-7 – накладки (Кат.N 36,39); 10-15 – накладки (Кат.N 23); 8,9 – пряжки (Кат.N 34,35); 1-9 – бронза; 10-15 – серебро.

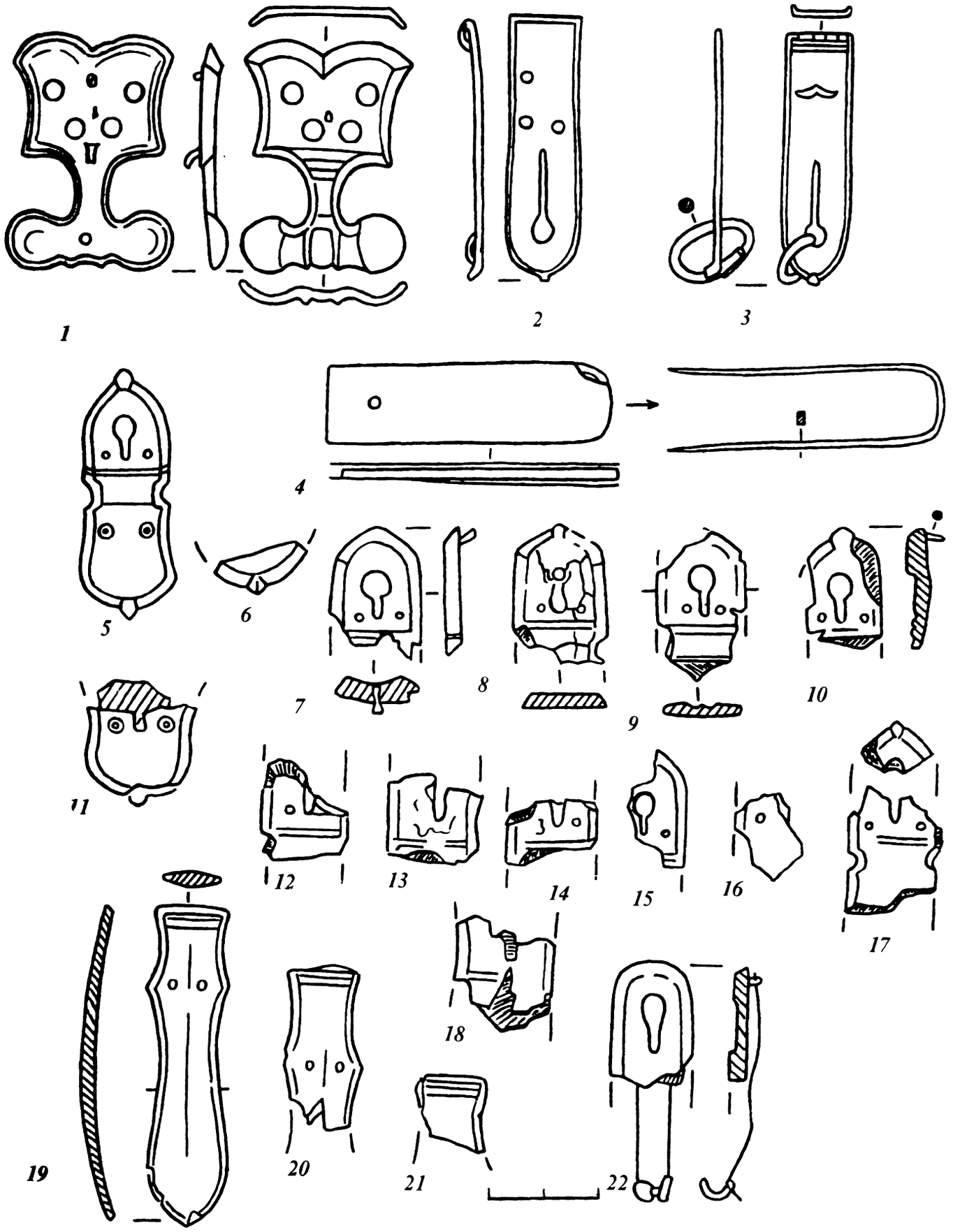


Рис.30. Гапоновский клад.

*1 – **накладка поясная** (Кат.N 38); 2-4, – наконечники поясов (Кат.N 41,40,46); 5 – вероятная реконструкция **формы бляшек-накладок**, изготовленных в "прессованной" технике; 6-18,22 – фрагменты бляшек–накладок (**Кат.N 42,44**); 19-21 – фрагменты наконечников поясов (Кат.N 43) ; 1 – серебро; 2-4 – бронза; 6-22 – **"прессованные" изделия**.*

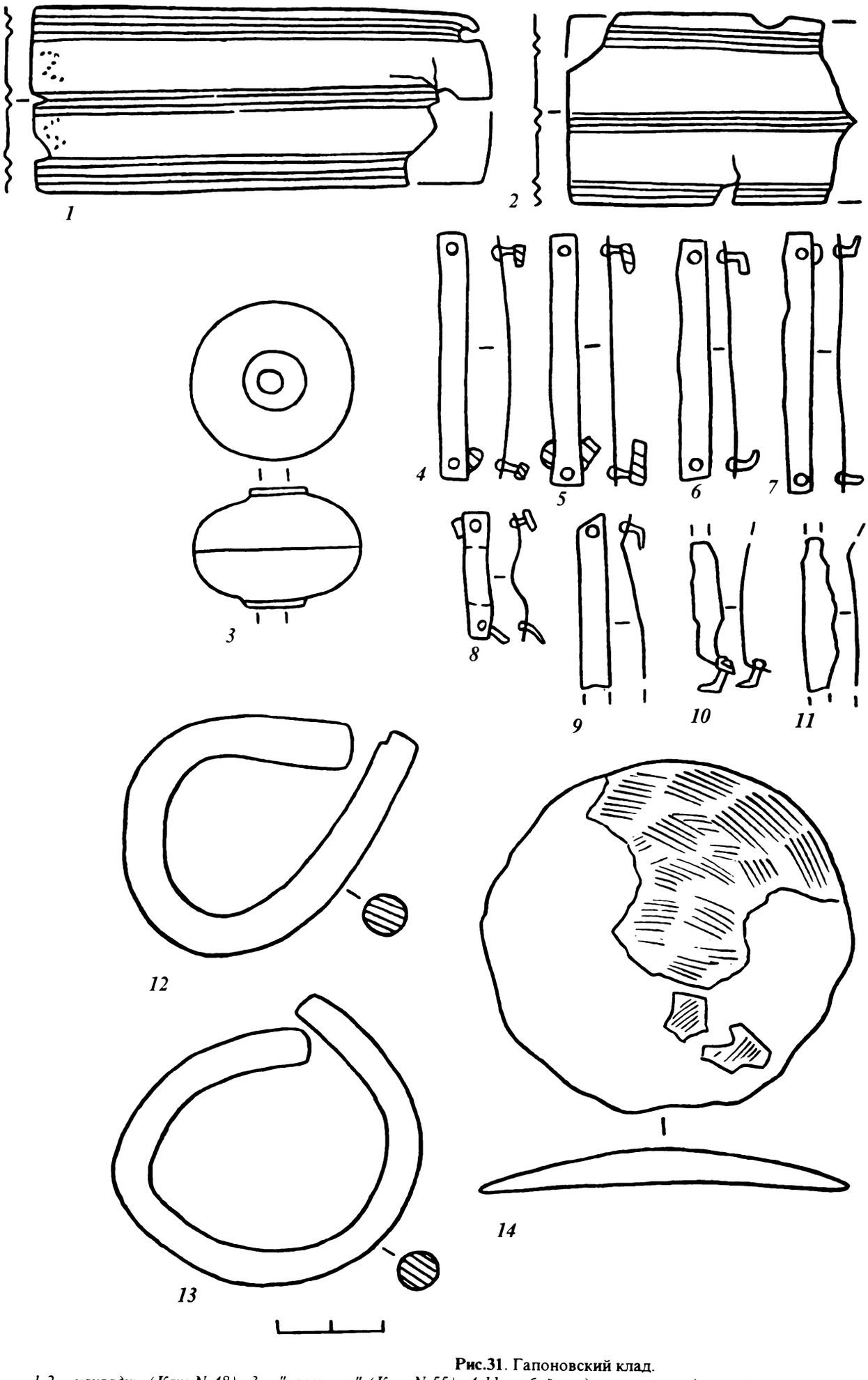


Рис.31. Гапоновский клад.

1-2 – накладки (Кат.N 48); 3 – "наверщие" (Кат.N 55); 4-11 – обоймы для крепления деталей гарнитуры пояса, выполненной в "прессованной" технике (Кат.N 45); 12,13 – массивные кольца (Кат.N 61); 14 – слиток (Кат.N 60); 1-11 – бронза; 12-14 – свинец.

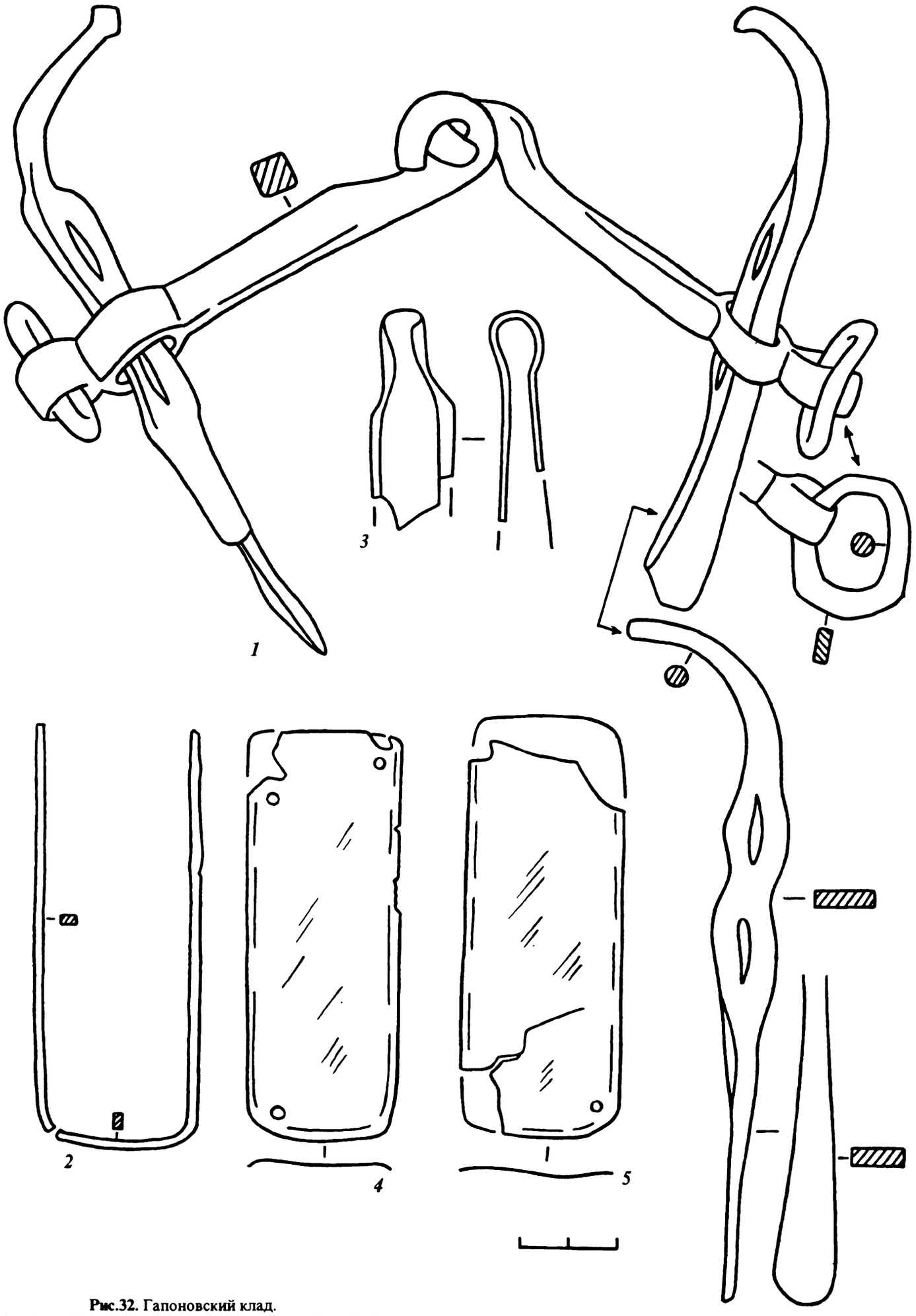
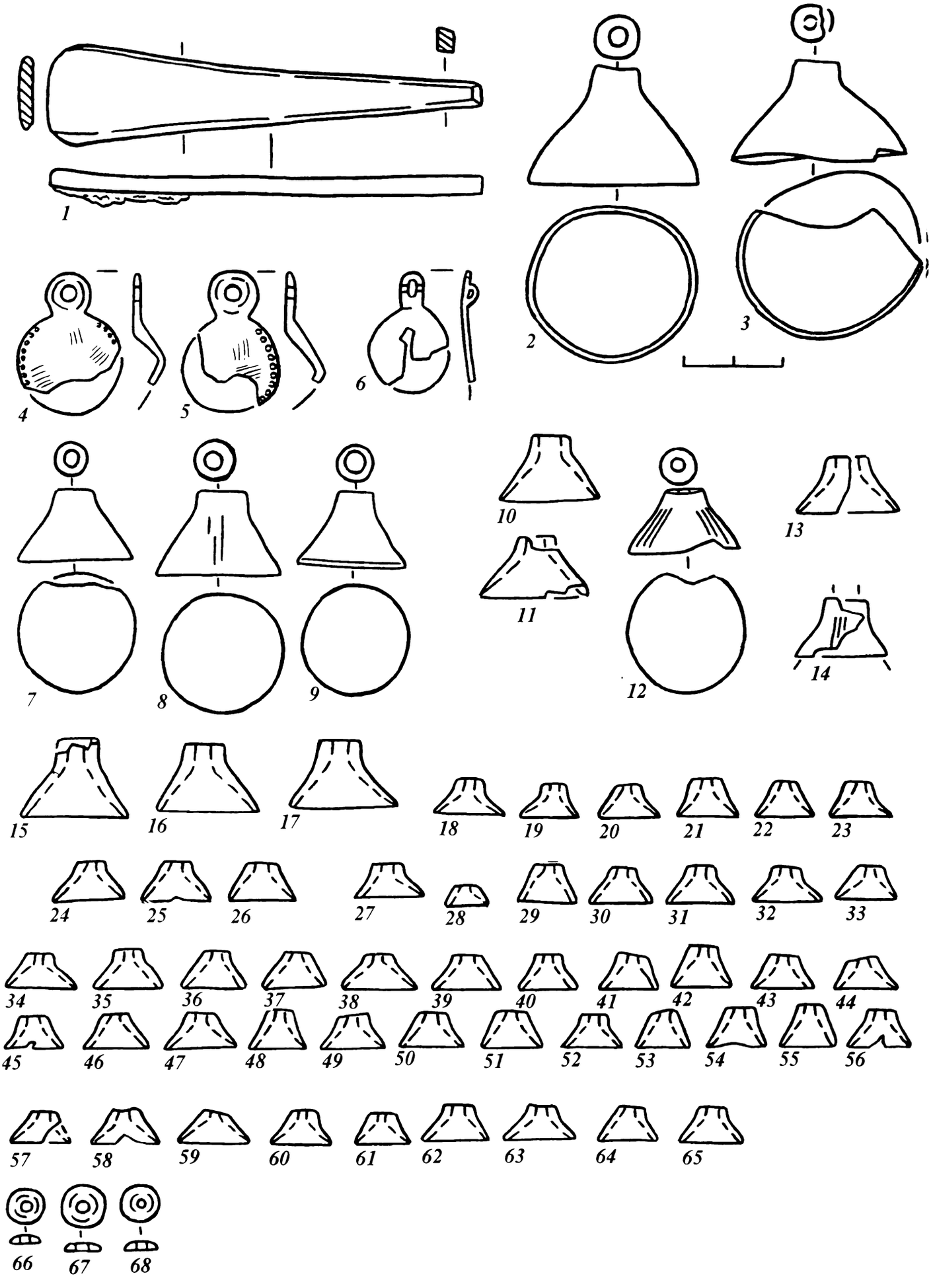


Рис.32. Гапоновский клад.
1 – удила (Кат.N 49); 2 – наконечник пояса (Кат.N 47);
3 – скрепа (Кат.N 50); 1,3 – железо; 2 – пластины – из серебра, окантовка – из бронзы.



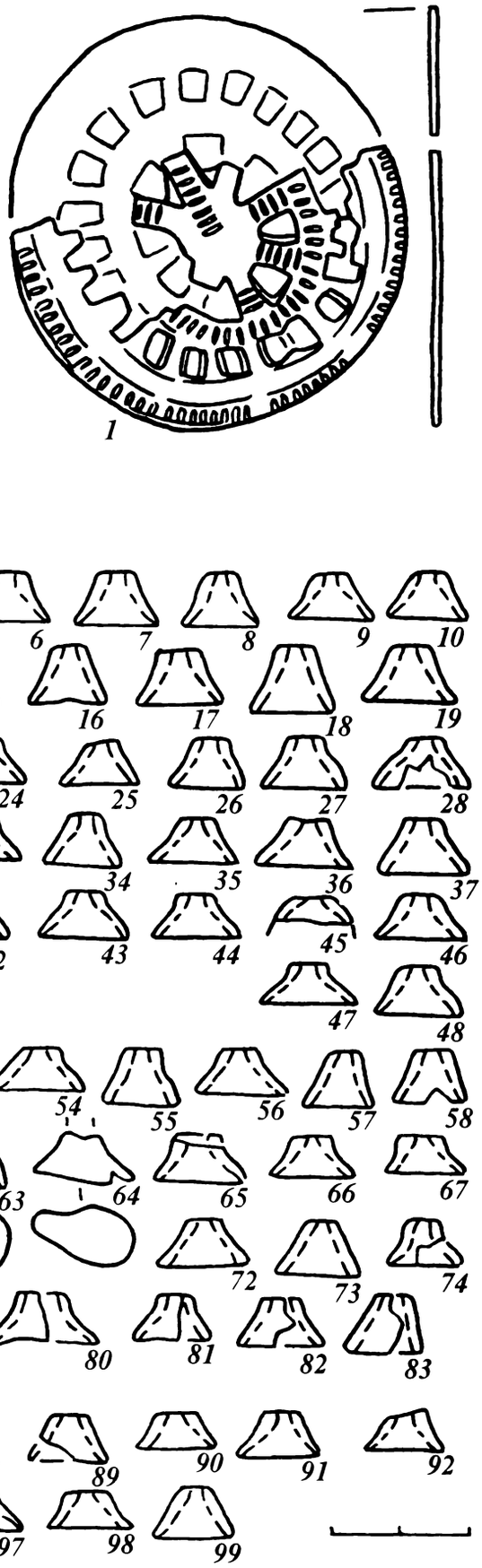


Рис.34. Гапоновский клад, изделия из свинца.
1 – фрагментированная ажурная подвеска (Кат.N 56); 2-99 – ворворки (Кат.N 53).

⇐ **Рис.33.** Гапоновский клад, изделия из свинца.

1 – предмет в виде ложки (Кат.N 59); 2,3,7-65 – ворворки (2,3 – Кат.N 51; 7-17 – Кат.N 52; 18-65 – Кат.N 53); 4-6 – подвески (Кат.N 57,58); 66-68 – "бусы" (Кат.N 54).

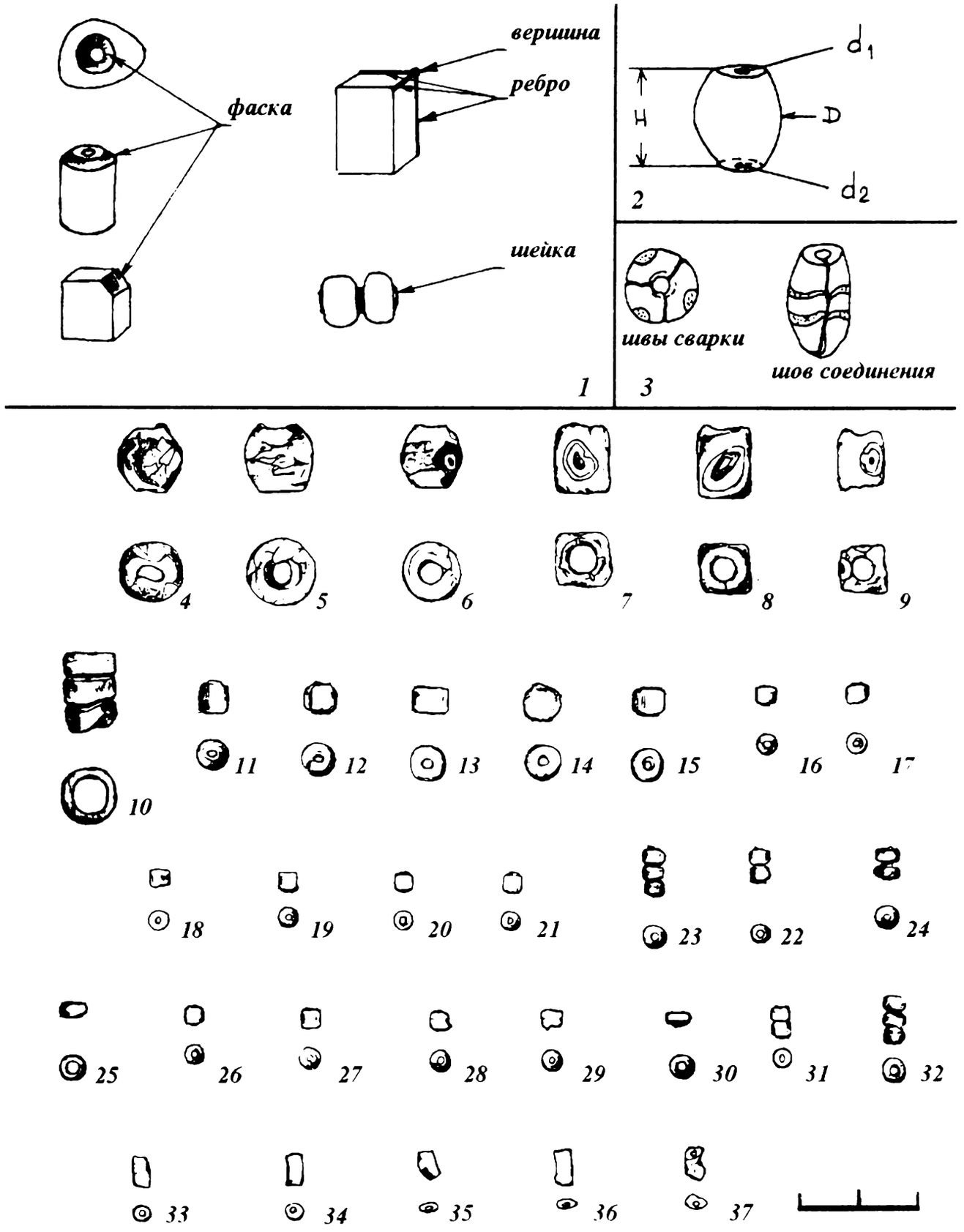


Рис.34а. Бусы Гапоновского клада и их характеристики.

1 — элементы описания формы; 2 — метрические характеристики; 3 — следы технологических операций; 4-9 — стеклянные полихромные (Кат.№ 62-67); 10-32 — стеклянные монохромные (Кат.№ 68-90); 33-37 — коралловые (Кат.№ 97-101).

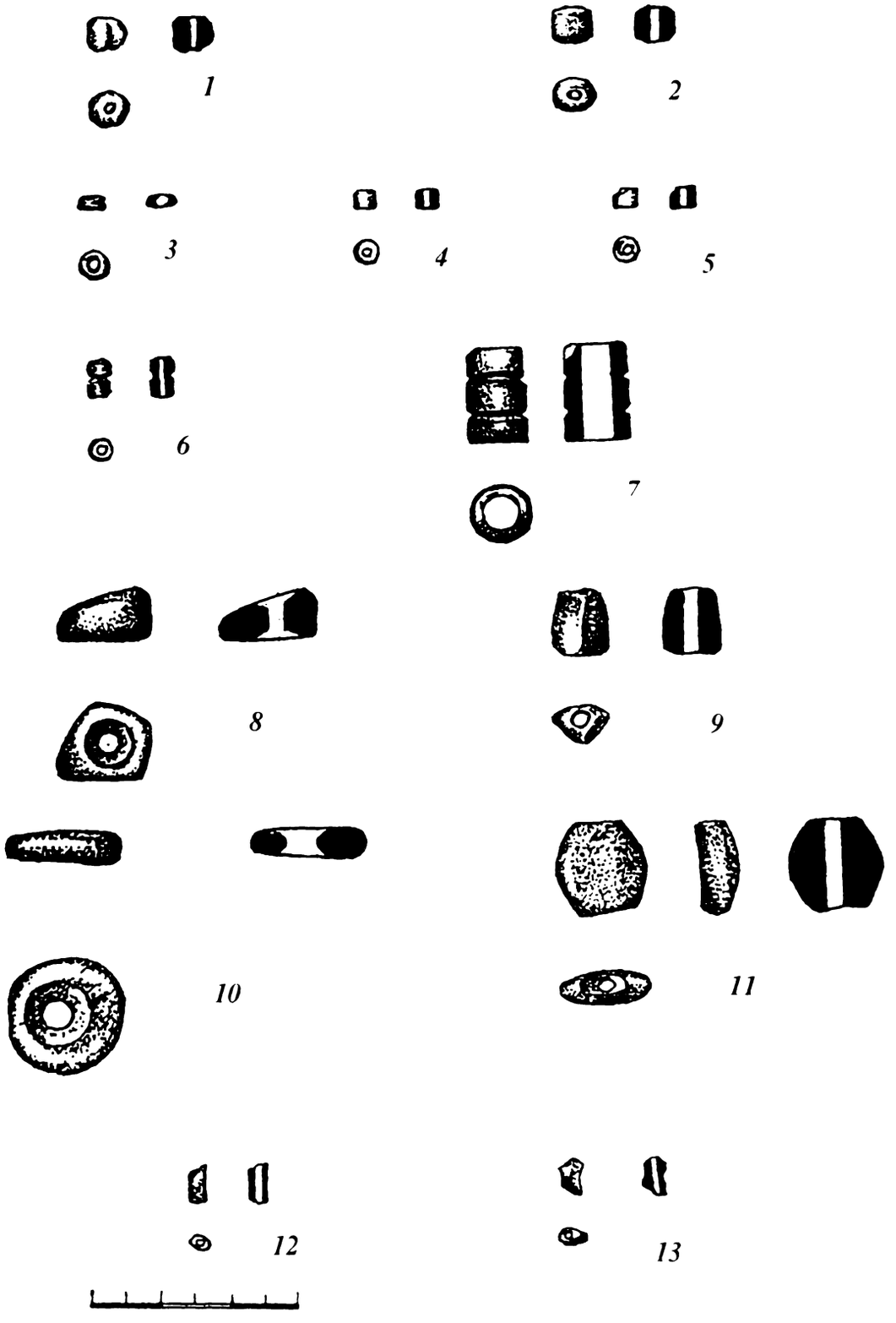


Рис.34б. Морфологические характеристики бус Гапоновского клада.

1-7 — основные формы стеклянных бус, изготовленных из трубочки; 8-11 — основные формы янтарных бус; 12,13 - - основные формы коралловых бус.

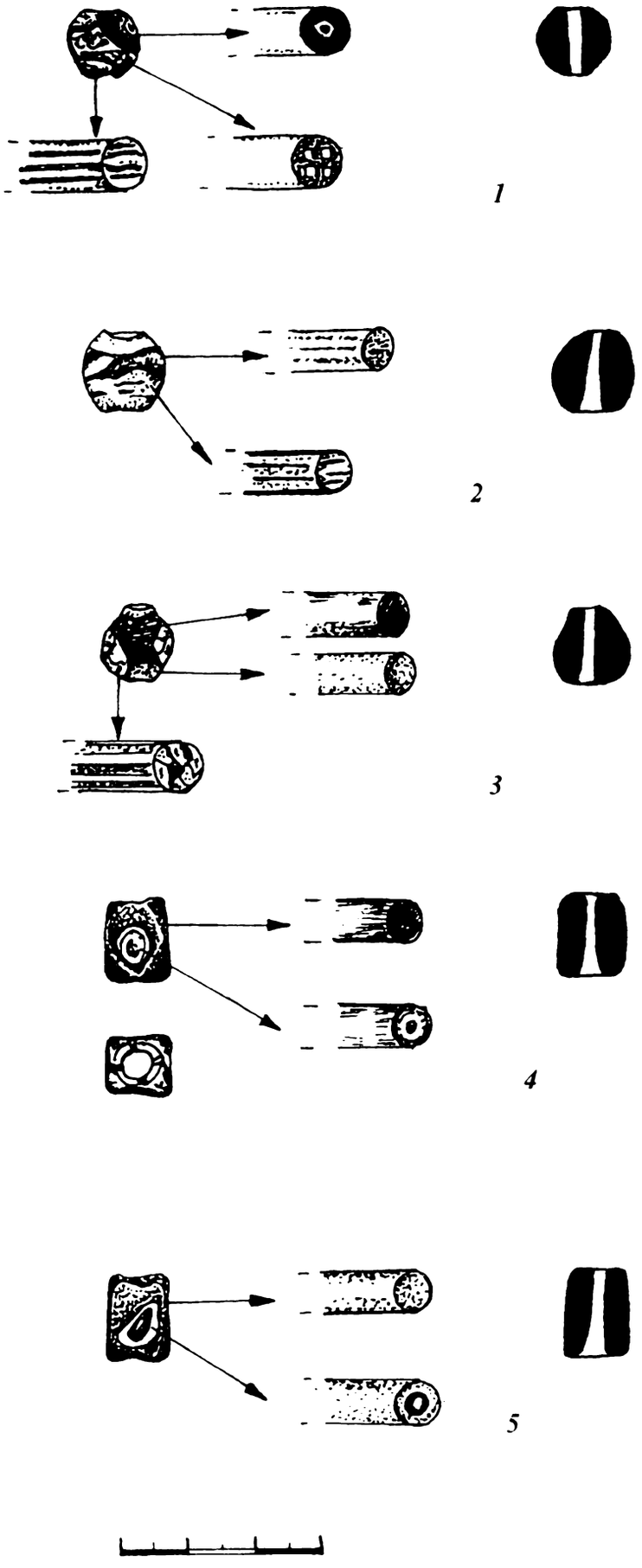


Рис.34в. Технологические схемы изготовления стеклянных полихромных бус.
1-3 — изготовленные посредством сварки; 4,5 — изготовленные из тянутой палочки с накладными глазками.

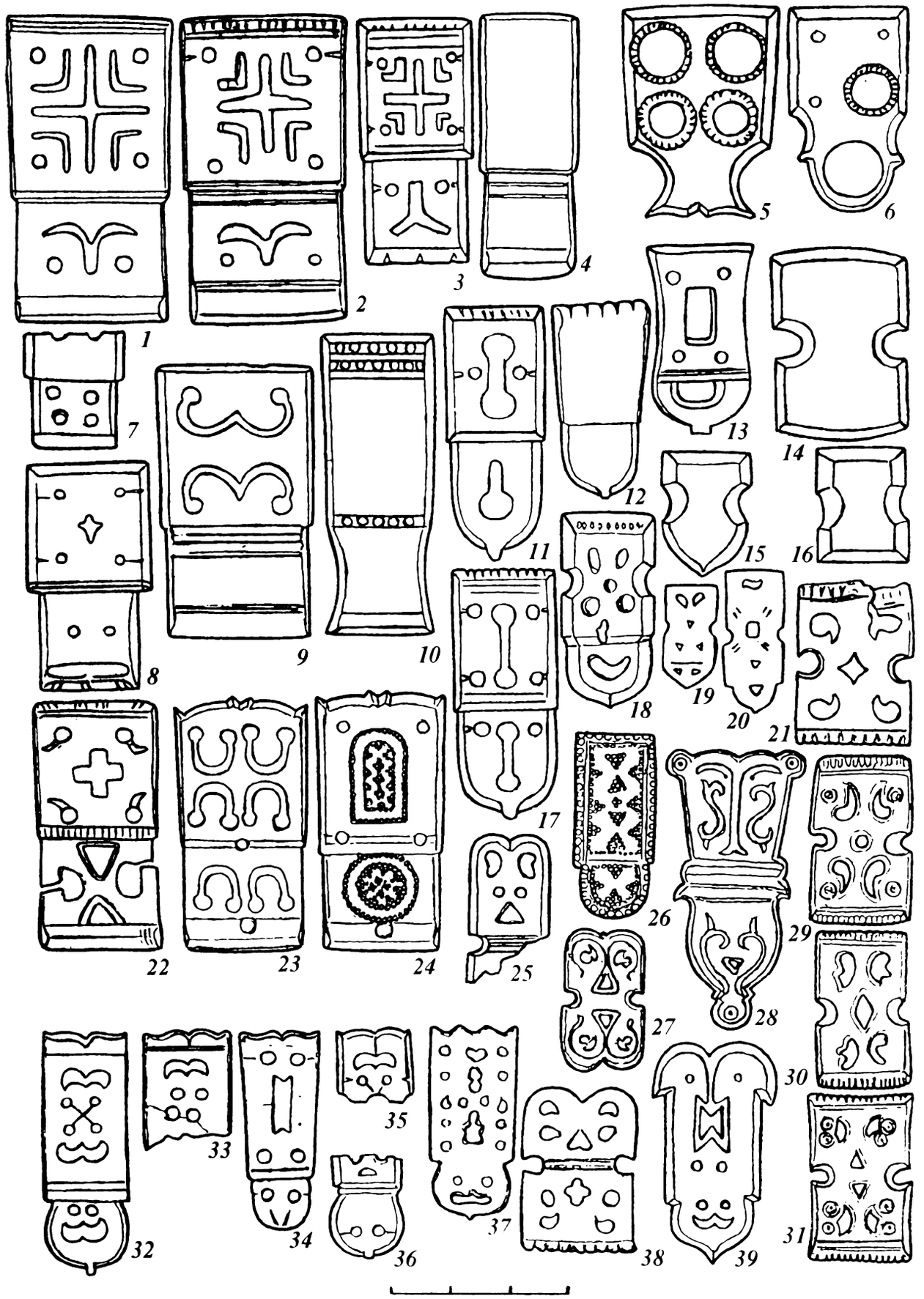


Рис.35. Двучастные накладки с прямыми боками.

1 – Гапоново, 2 – Колосково, 3,11 – Елизавет-Михайловка, 4,9,21,28 – Мартыновка, 5,6 – "Северная Италия 7,25,32 – Суук-Су, 8 – Суджа, 10 – Ст.Бадиково, 12 – Волошское, 13 – Керчь, 14 – Алтын-асар, 15,16 – Упорих 17 – Паново, 18 – Вильховчик, 19,20 – район Черкасс, 22-24 – Хашки, 26 – Васильевка, 27 – Кларафалва, 29-31 – район Дайламана (Иран), 33,34 – Садовец, 35 – Одесщи, 36 – Эски-Кермен, 37,38– Пьятра Фрекацей, 39– Пьшта

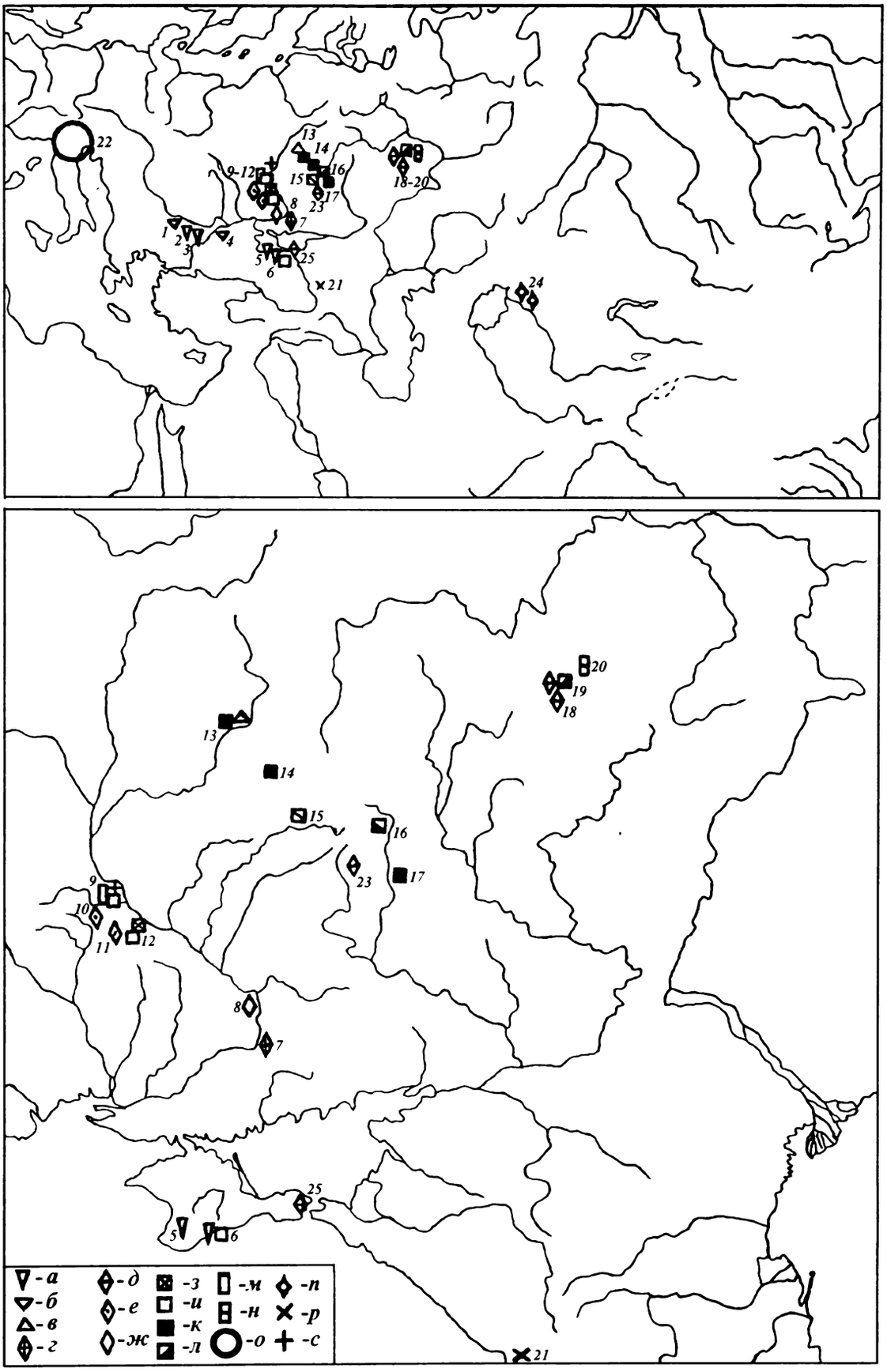


Рис.36. Распространение двучастных накладок с прямыми боками по вариантам.

а – 1а, б –1б, в – 1в, г – 2а, д – 2б, е – 2г, ж – 2в, з – 3а, и,к,л – 3б (к – подвариант "Колосково", л – близкие ему разновидности), м,н – 3в (с учетом разновидностей), о – североитальянская серия, п,р,с – специфические разновидности.

1 – Плевна, 2 – Садовец, 3 – Одерци, 4 – Пьятра Фрекацей, 5 – Эски-Кермен, 6 – Суук-Су, 7 – Васильевка, 8 – Волошское, 9 – Мартыновка, 10 – Вильховчик, 11 – "район Черкасс", 12 – Хацки, 13 – Трубчевск, 14 – Гапоново, 15 – Суджа, 16 – Углы, 17 – Колосково, 18 – Паново, 19 – Елизавет-Михайловка, 20 – Ст. Бадиково, 21 – Пшита, 22 – зона лангобардских могильников, 23 – Цепляево первое, 24 – Алтын-асар, 25 – Керчь.

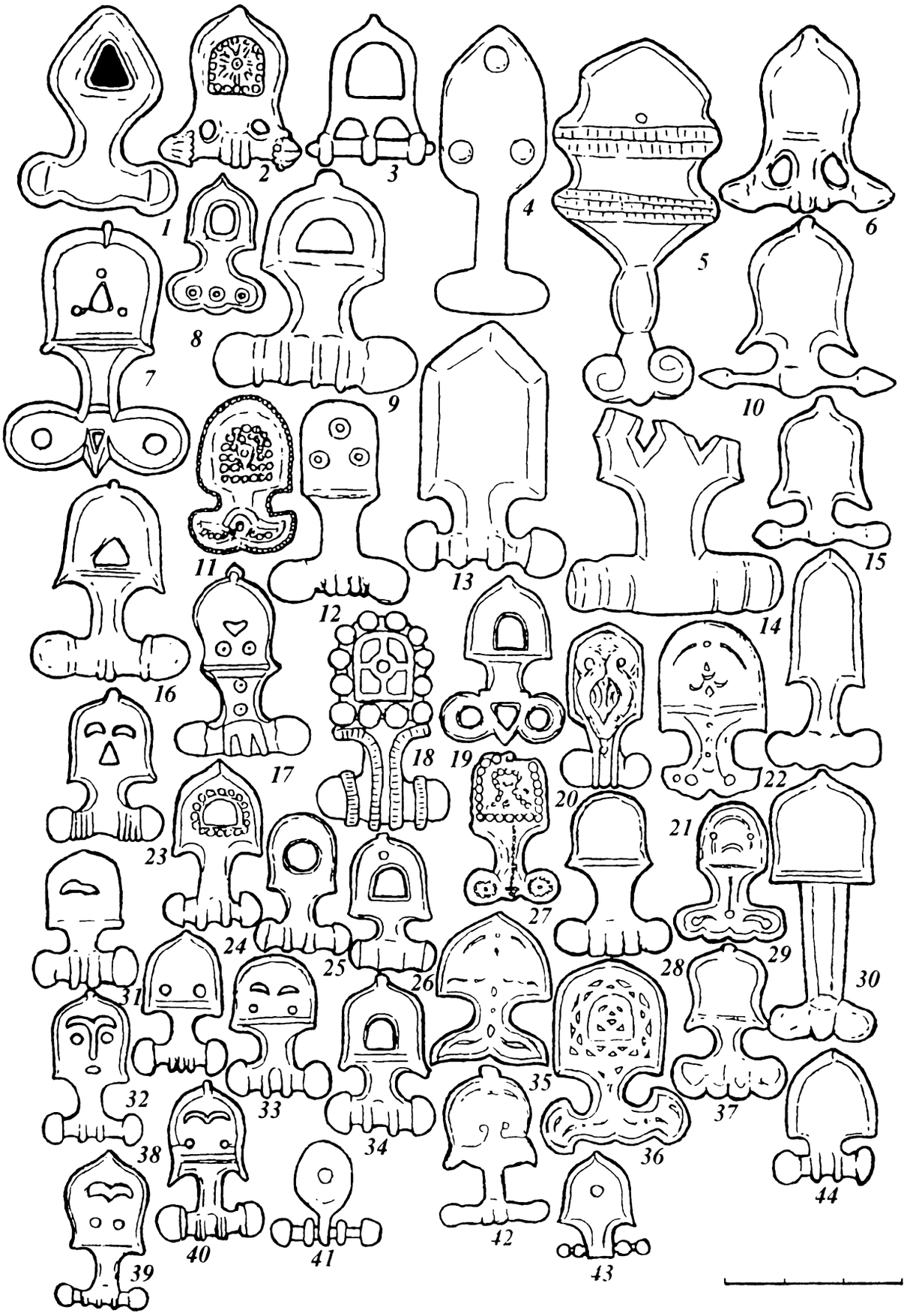


Рис.37. Т-образные бляшки с пламеневидной пластиной (группа А).
1 – Мокрая Балка, 2 – Маняк, 3 – Висим, 4 – Озора, 5 – Курман, 6 – Агафоново, 7 – Суэжа, 8,41,43 – Цибилум, 9 – Муромский уезд, 10,15 – Лихачевка, 11 – Кастель Трозино, 12 – Аодь, 13 – Ясси, 14 – Васьюганск, 16 – Хацки, 17 – Гапоново, 18 – Боча, 19,32,34 – Чми, 20 – Будапешт Фаркашрет, 21,42 – Скалистое, 22 – Чир-юрт, 23 – Агойский аул, 24 – Крым, 25 – Мцхета, 26 – Орджоникидзе, 27 – с Крупской, 28 – Врбас, 29 – Верона Виа Монте Суэлла, 30 – Варпалота, 31,33 – Дюрсо, 35 – Эски-Кермен, 36 – Бакстер, 37 – Херсонес, 38 – Чми, 39 – Словец, 40 – Сынташтамак, 44 – Унорих.

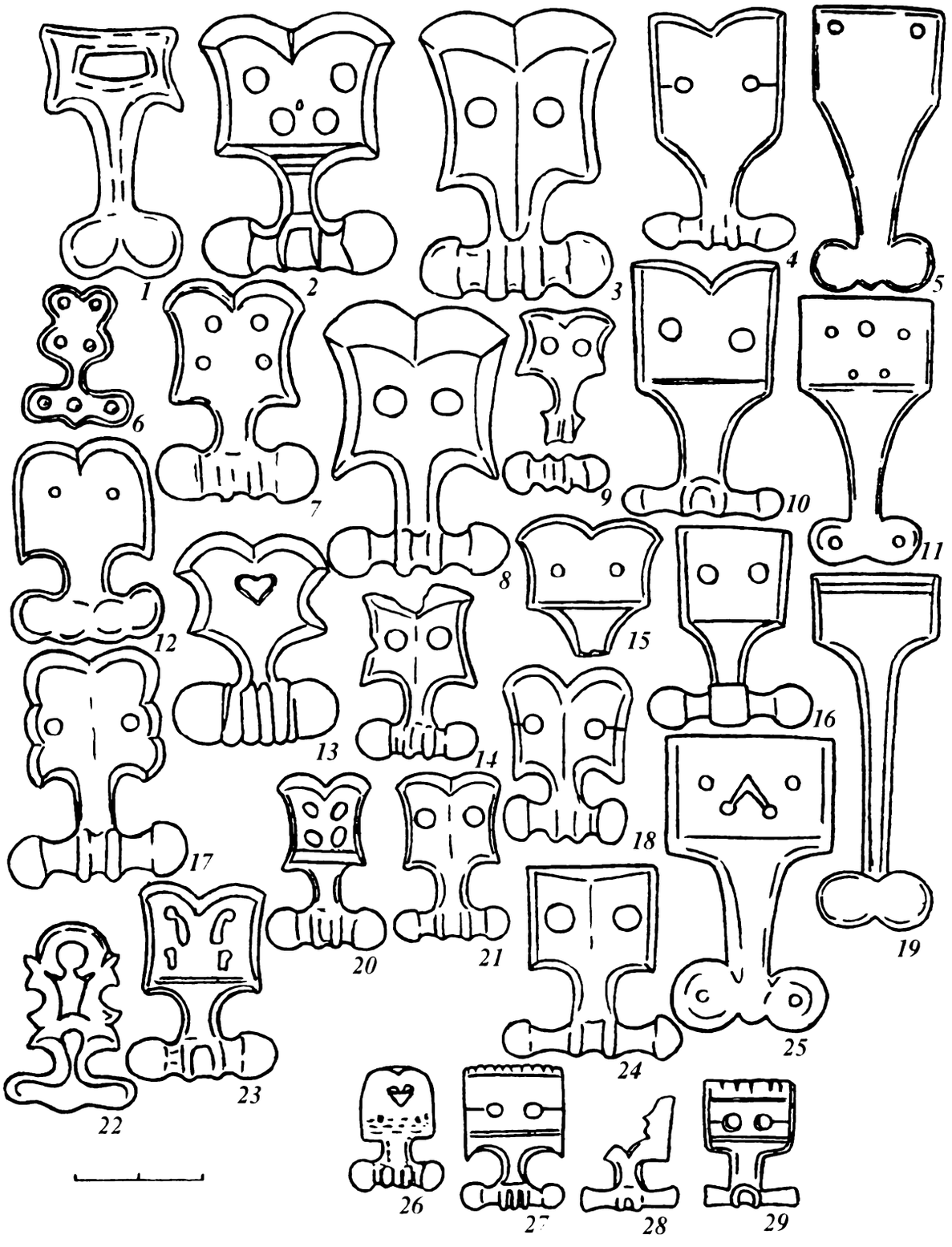


Рис.38. Т-образные бляшки с пластиной прямоугольной, рогатой или сложных очертаний (группа Б).
1,12 – Алтын-асар, 2 – Гапоново, 3 – Урья, 4 – Красногорский курган, 5,11 – Кернье, 6 – Релка, 7 – Чуфут-кале, 8 – Волчиха, 9 – Малаи, 10 – Сынтыштамак, 13 – Козиевка, 14 – Поободотье, 15 – Игрень, 16 – Ст.Кайлы, 17 – Ахмылово, 18 – Камунта, 19 – Кунбабонь, 20 – Дай, 21 – Уфа: Новиковка, 22 – Ночера Умбра, 23 – Чмы, 24 – Армиево, 25 – Гудермес, 26-29 – Сууk-Су

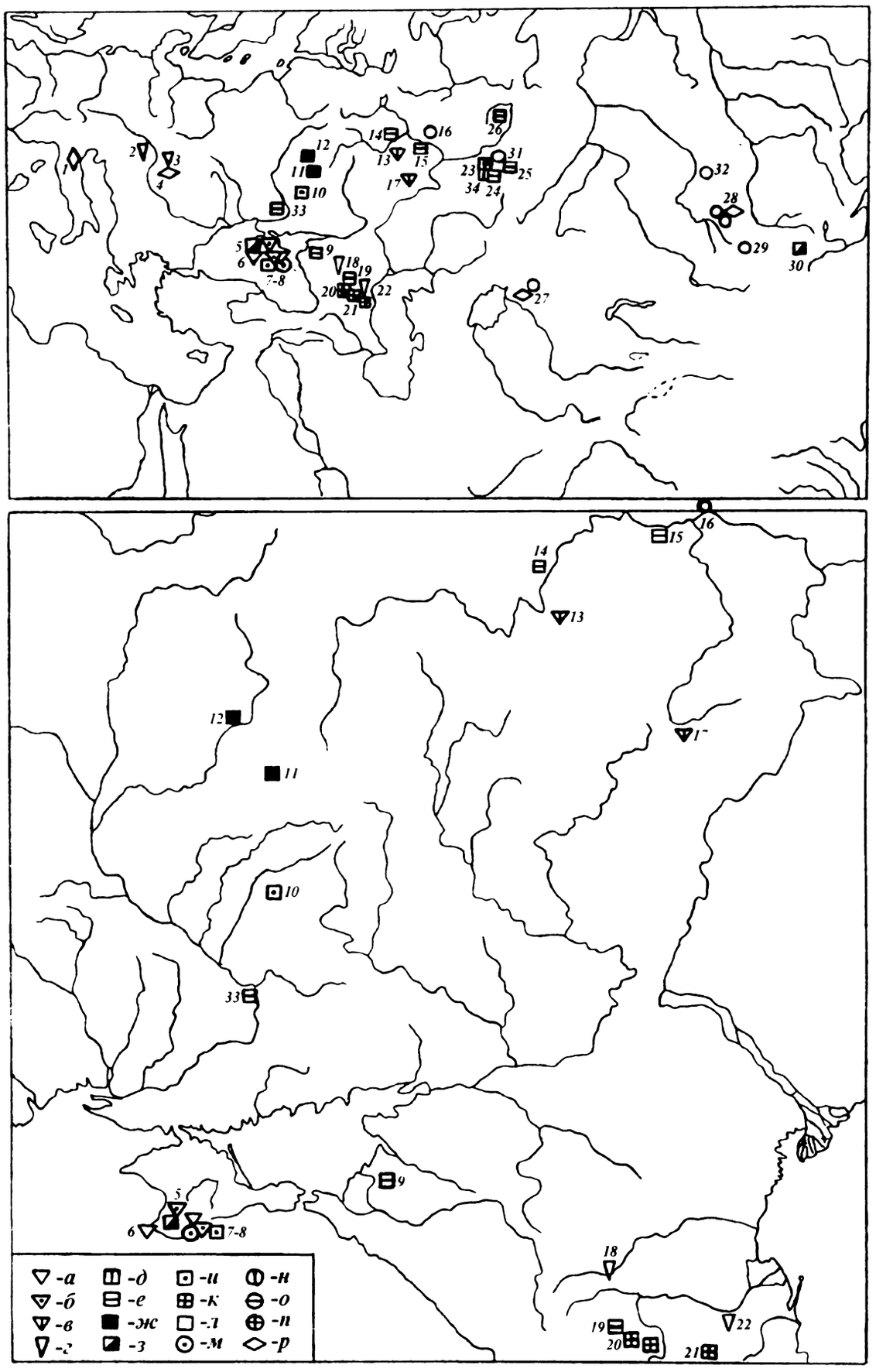


Рис.39. Распространение Т-образных бляшек с рогатой или прямоугольной пластиной по вариантам.

а – 1а, б – 1б, в – 1в, г – 1г, д – 2а, е – 2б, ж,з – 2в (ж – подвариант Гапоново), и – 2д, к – 2г, л – специфические разновидности в рамках типа 2, м-п – специфические разновидности в рамках типа 3, р – в рамках типа 4 и 5.

1 – Ночера Умбра, 2 – Кернье, 3 – Кунбабонь, 4 – Деск, 5 – Чуфут-кале, 6 – Скалистое, 7 – Суук-Су, 9 Малаи, 10 – Козиевка, 11 – Гапоново, 12 – Трубчевск, 13 – Ст.Кадом, 14 – Подболотье, 15 – Волчиха, 16 – Ахмылово, 17 – Армиево, 18 – Клин Яр, 19 – Камунта, 20 – Чми, Осетия, 21 – Дай, 22 – Гудермес, 23 Сынтыштамак, 24 – Уфа Новиковка, 25 – Петропавловская, 26 – Урья, 27 – Алтын-асар, 28 – Кудыргэ, 29 – "Горный Алтай", 30 – Чибчинск, 31 – Бирск, 32 – Тимирязевский, 33 – Игрень, 34 – Красногорский.

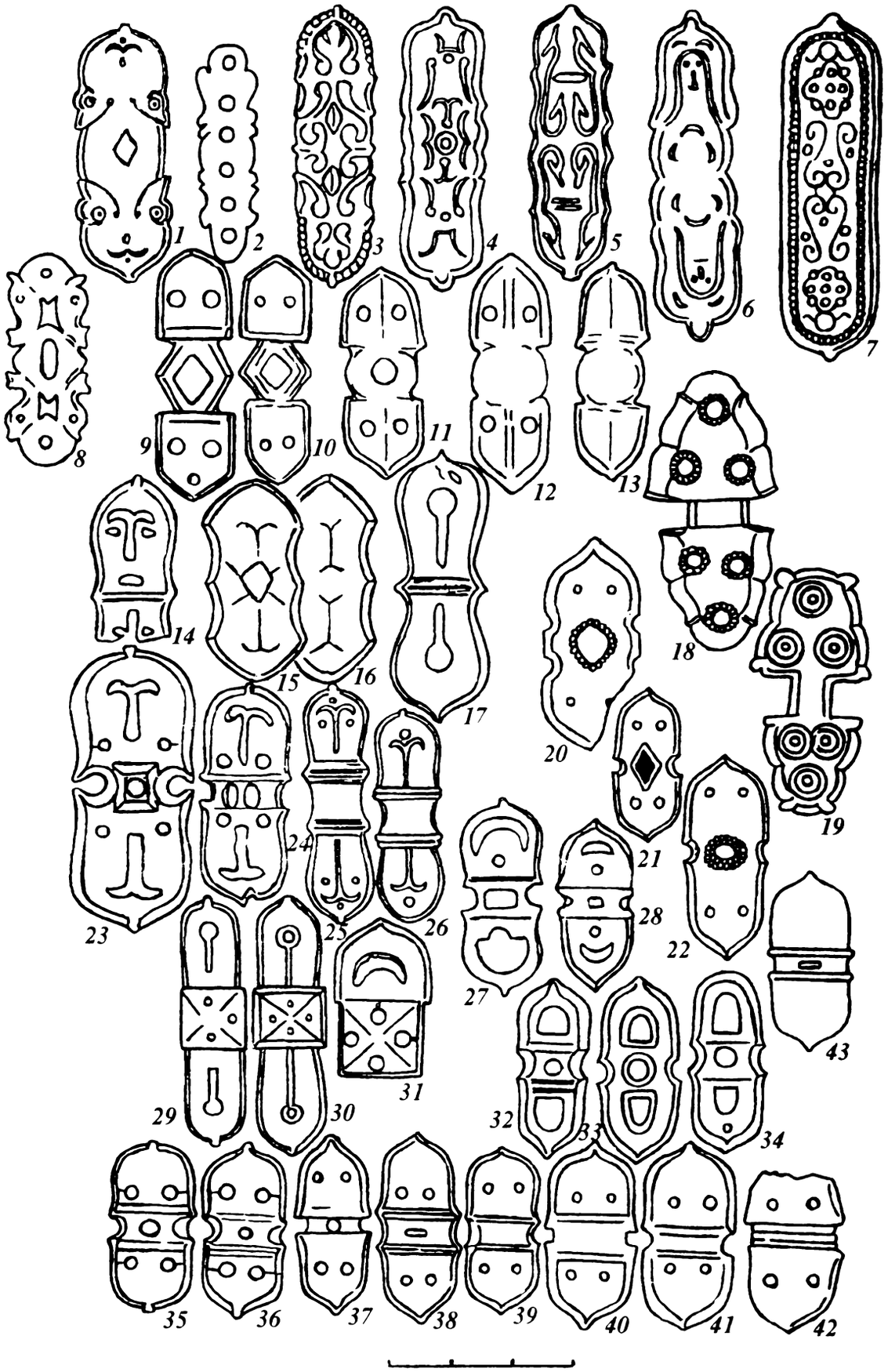


Рис.40. Горизонтальносимметричные накладки с окончаниями щитовидной формы.
1,15,16,23,35 – Мартыновка, 2 – Манербе, 3 – Зальген, 4,6 – Ночера Умбра, 5 – Бекуль, 7 – Нидеритоцинген, 8 – Арчиса, 9,31 – Сынтышламак, 10 – Новобикинский курган, 11 – Алтын-асар, 12 – Булгарский курган, 13 – Агафоново, 14 – Борисово, 17 – Гапоново, 18,19 – "Северная Италия", 20 – 22,33 – Кугуль, 24,36 – Вишенки, 25,26,30 – Зимно, 27 – "Северная Сирия", 28,43 – Мокрая Балка, 29 – Красюковская, 32 – Селикса, 34 – Рисовое, 37 – Христофоровка, 38 – Скалистое, 39 – Чми, 40 – Хусанты, 41 – Керчь, 42 – Чир-юрт.

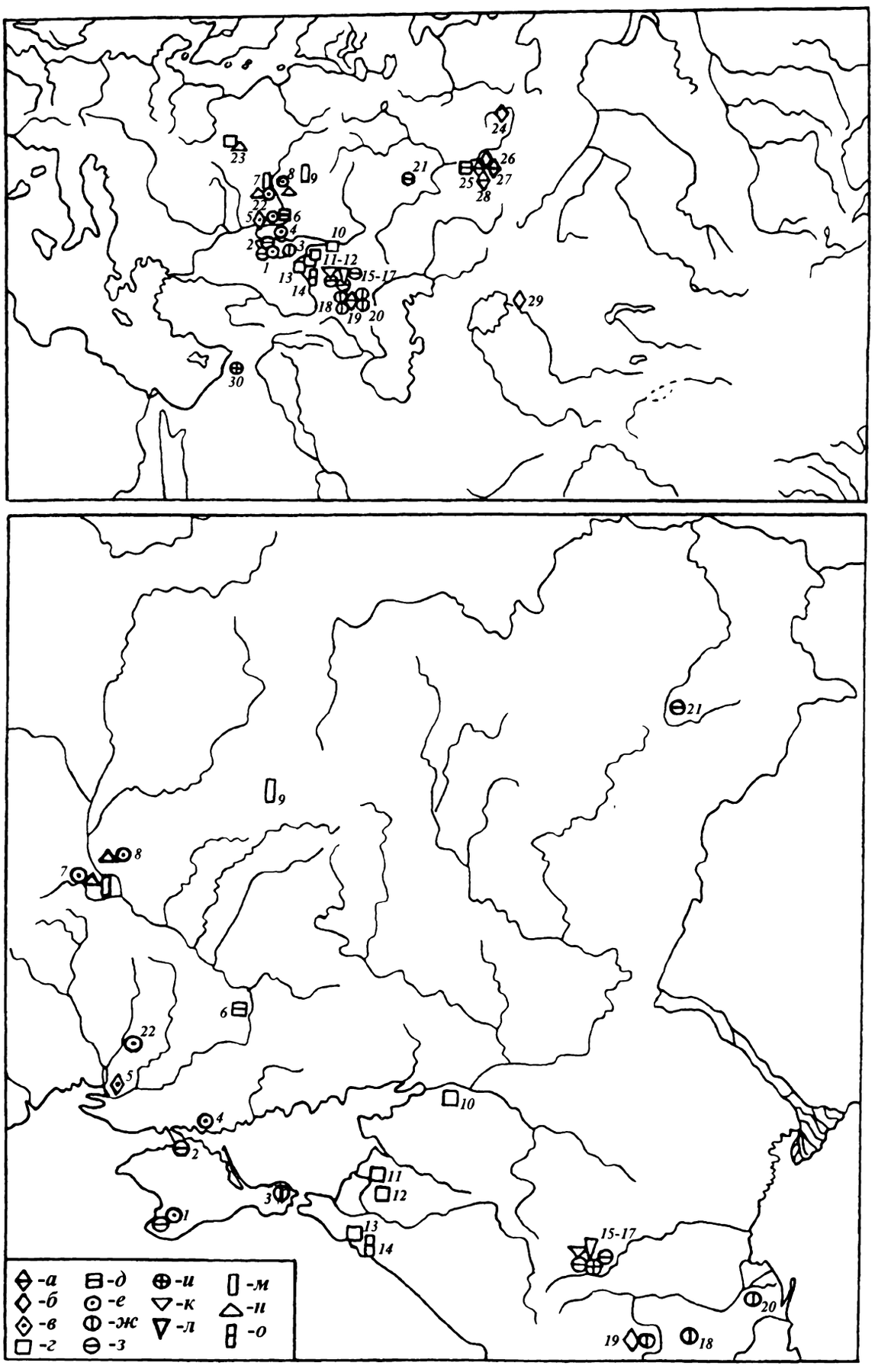


Рис.41. Распространение горизонтальносимметричных накладок с окончаниями щитовидной формы по вариантам.

а,в – 1а (в – подвариант Белозерка), б – 1б, г,д – специфические формы в рамках типа 2, е – 3б, ж – 3в, з,и – 3г, к – 3д, л – 3е, м,оспецифические формы в рамках типа 4, н – 3а. 1 – Скалистое, Чуфут-кале, 2 – Рисовое, 3 – Керчь, 4 – Сивашовка, 5 – Белозерка, 6 – "Днепровские пороги", 7 – Мартыновка, 8 – Вишенки, 9 – Гапоново, 10 – Красюковская, 11 – Царский, 12 – Калининская, 13 – Дюрсо, 14 – Борисово, 15 – Кугуль, 16 – Мокрая Балка, 17 – Клин Яр, 18 – Чир-юрт, 19 – Чми, Камунта, 20 – Хусанты, 21 – Селекса, 22 – Христофоровка, 23 – Зимно, 24 – Агафоново, 25 – Сынтыштамак, 26 – Булгарский курган, 27 – Новобикинский, 28 – Кушнаренково, 29 – Алтын-асар, 30 – "Северная Сирия".

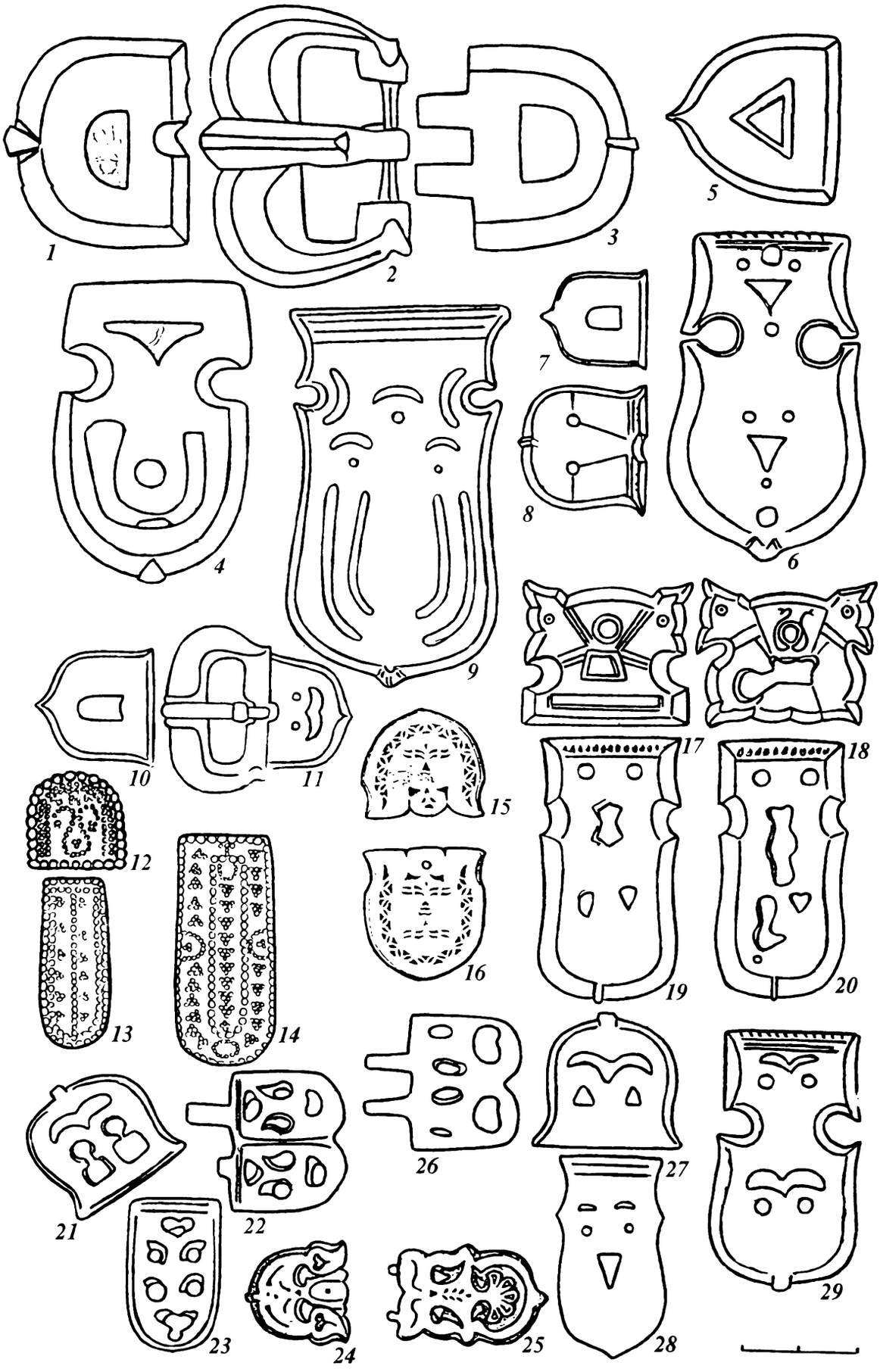
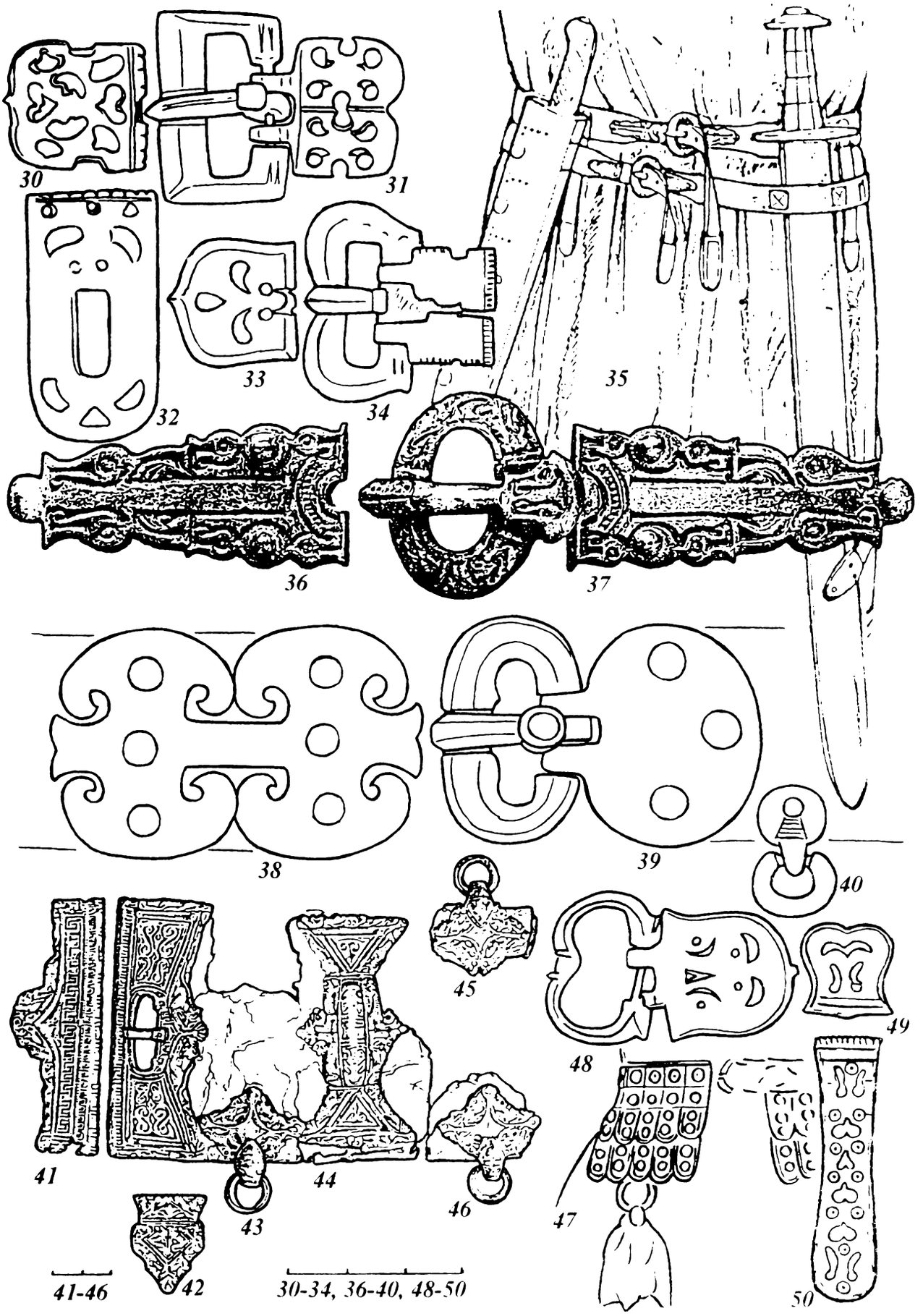


Рис.42. Детали поясных

1-4 – Гапоново, 5-6 – Мартыновка, 7 – Вишенки, 8 – Суджа, 9 – Арцыбашево, 10-14 – х.Крупской, 15 –16, 24-25 – 30-32 – Пьятра Фрекацей, 33-34 – Суук-Су, 35 – баварский воин 7 в. (реконструкция К.Целлера, консультант В.Хельцль).



гарнитур разных традиций

Малая Азия (район Измира?), 17-20 - Вильховчик, 21-25 - Херсонес, 26-28 - Чуфут-кале, 29 - Хашки
36-37 - Валлерсдорф, 38-40 - Цебельда, 41-46 - Ренен, 47 - по барельефам Так-и-Бустана, 48-50 - район Амлаха

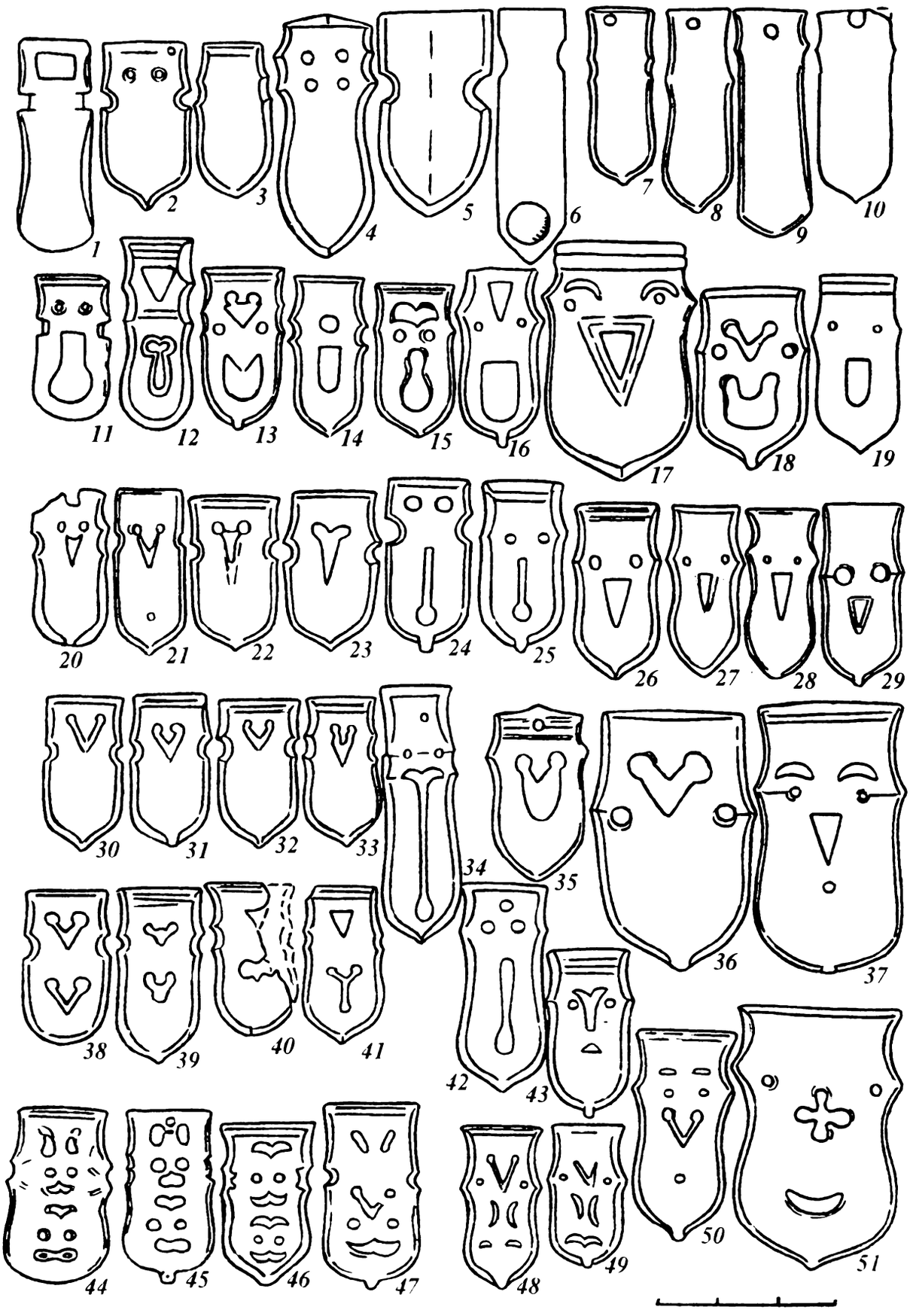


Рис.43. Наконечники с боковыми вырезами и их аналоги с боковыми выступами.
1,24,31,32 – Керчь, 2 – Царский, 3 – Борки, 4 – Ст.Баойково, 5 – Ст.Кафом, 6 – Сумбатлийский могильник, 7,8 – Сентеш Дерекегьхаза, 9 – Кларафалва, 10 – Куппесер, 11,13,36,38,50 – Чми, 12,25,43 – Селекса, 14 – Буйнак, 15 – Мцхета, 16 – Поднепровье, 17 – Адонь, 18,29 – Аланская крепость, 19 – Дюрсо, 20 – Рисовое, 21 – Богачевка, 23 – Острый мыс, 24 – Боксанское ущелье, 26 – Чапаевский, 27,28 – Аверкино, 30 – Кукуль, 33 – Нижний Боксан, 34,42 – Грабижск, 35 – Среднее Поднепровье, 37 – Камунта, 39 – Изобильное, 40 – Шатрищи, 41 – Мокрая Балка, 44 – Сентеш Надхеоь, 45 – Прахово, 46 – Пышта, 47 – Сарошд, 48 – Сыпыпштамак, 49 – Маняк, 51 – Египет.

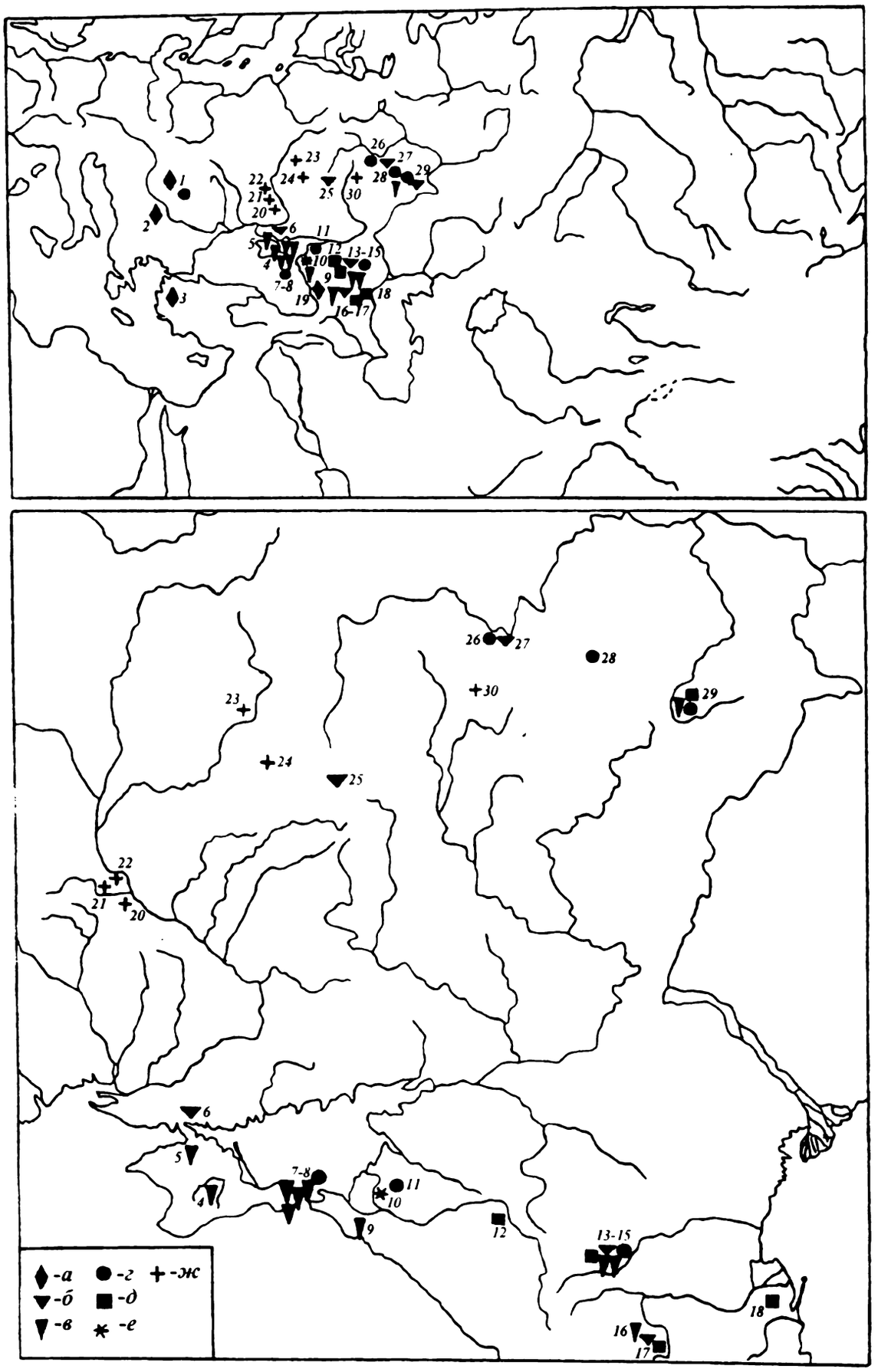


Рис.44. Распространение наконечников с боковыми вырезами по вариантам.

а – 1, б – 2, в – 3, г – 6, д – 5, е – наконечник из х.Крупской, ж – подтип крупных.

1 - Сентеш Надьхедь, Сентеш Деренедьхаза, 2 – Прахово, 3 – Сароис, 4 – Богачевка, 5 – Рисовое, 6 – Сивашовка, 7 – Керчь, 8 – Сиреневая Бухта, 9 – Дюрсо, 10 – хут. Крупской, 11 – Чапаевский, 12 – Спокойная, 13-15– Кугуль, Острый Мыс, Мокрая Балка, 16 – Боксан, 17 – Чми, 18 - Буйнак, 19 – Пышта, 20 – Хацки, 21 – Вильховчик, 22 – Мартыновка, 23 – Трубчевск, 24 – Гапоново, 25 – Лебяжье, 26 – Ст.Каоом, 27 – Шатрпаци, 28 – Ст.Бадиково, 29 – Селекса, 30 – Арцыбашево.

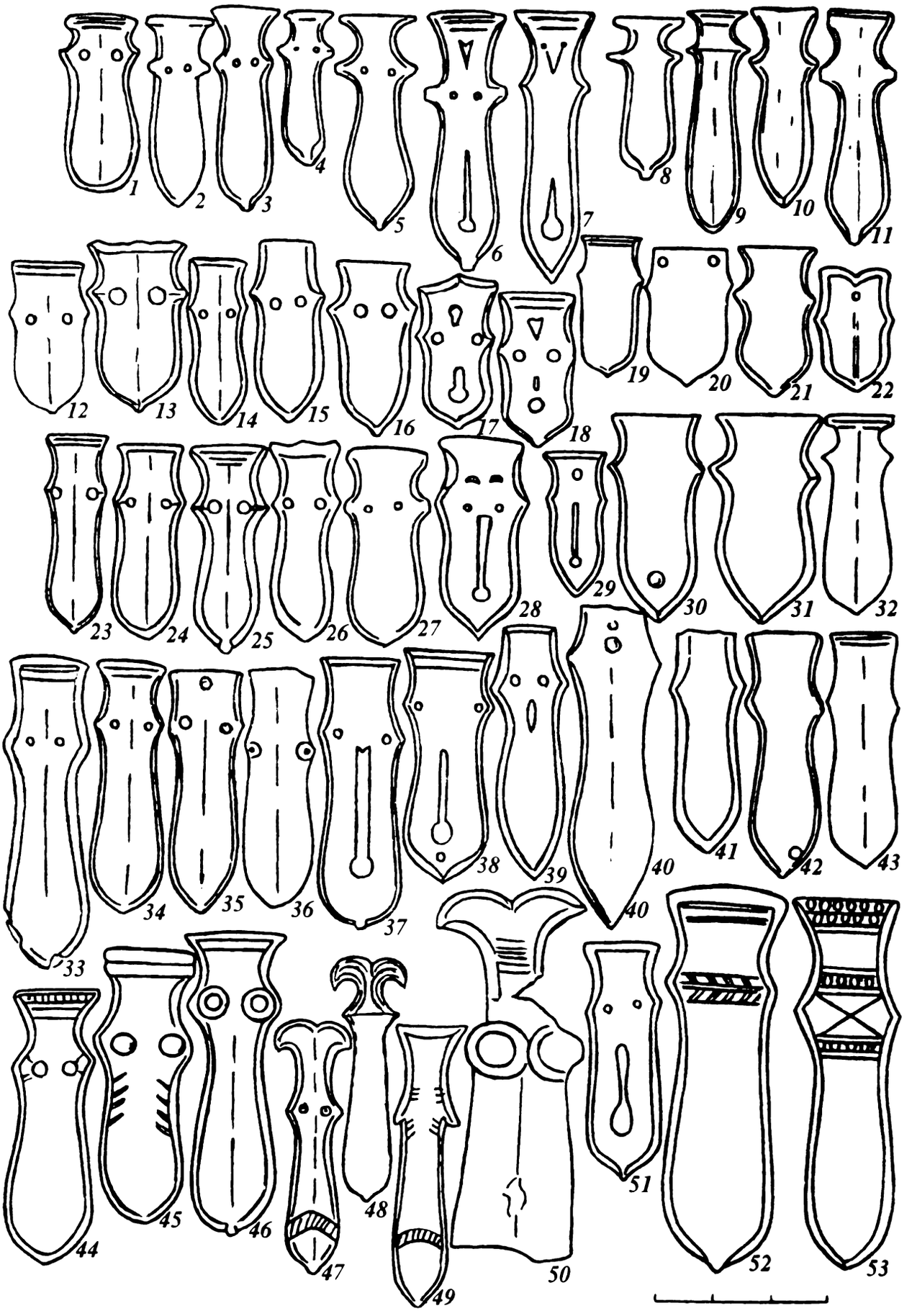


Рис.45. Наконечники с боковыми выступами.

1 – Малаи, 2,16-18,30-31 – Алтын-асар, 3 – Маняк, 4,9-11,14-15 – Агафоново, 5 – Поповское, 6-7,28-29,41-43 – Неволино, 8 – Лихачево, 12,24 – Мокрая Балка, 19 – Б.Буйнак, 20 – Кунпесер, 22 – Дюнапентеле, 23 – Лагереево, 25-26 – Борисово, 32 – Волошское, 33 – Гапоново, 35 – Релка, 36 – Чир-юрт, 37 – Игрень, 38 – Звонецкое, 39,45 – Шокша, 40 – Архиерейская заимка, 44 – Паново, 46,53 – Ст.Баоиково, 47,49 – район Дайламана, 48 – Северная Сирия, 50 – Курман, 51 – Кагамлык, 52 – Томниково.

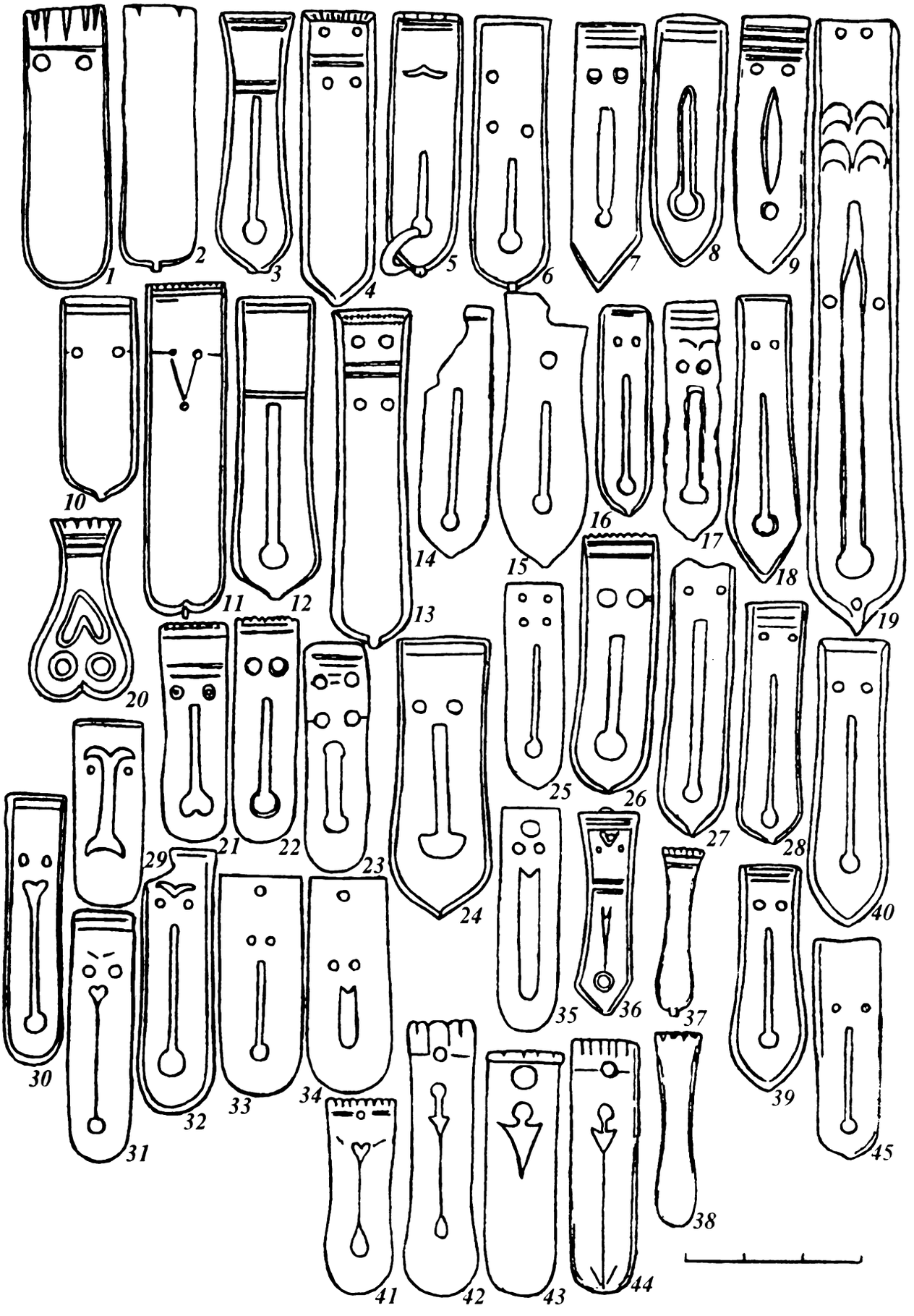


Рис.46. Наконечники с прямыми и слегка прогнутыми боками.

*1 – **Надпорожье**, 2 – **Волошское**, 3,4,36 – **Козиевка**, 5,6 – **Гапоново**, 7 – **Деменки**, 8,30 – **Агафоново**, 9 – **Неволино**, 10,33,34 – **Дюрсо**, 11 – **Суджа**, 12,13,26 – **Новая Одесса**, 14 – **музей г.Сентеш**, 15 – **Осетия**, 16,21,22 – **Дай**, 17 – **Плесо**, 18,19 – **Верхний Каранай**, 20,37 – **Сирия**, 23 – **восточные уезды Полтавской губернии**, 24 – **Игрень**, 25 – **Северная Осетия**, 28,39,40 – **Чир-юрт**, 29 – **Сексаро**, 31 – **Броды**, 32 – **Чми**, 35 – **Суук-Су**, 38 – **Северная Сирия**, 41 – **Чивидале Челла**, 42,43 – **Арчиса**, 44 – **Садовец**, 45 – **Керчь**.*

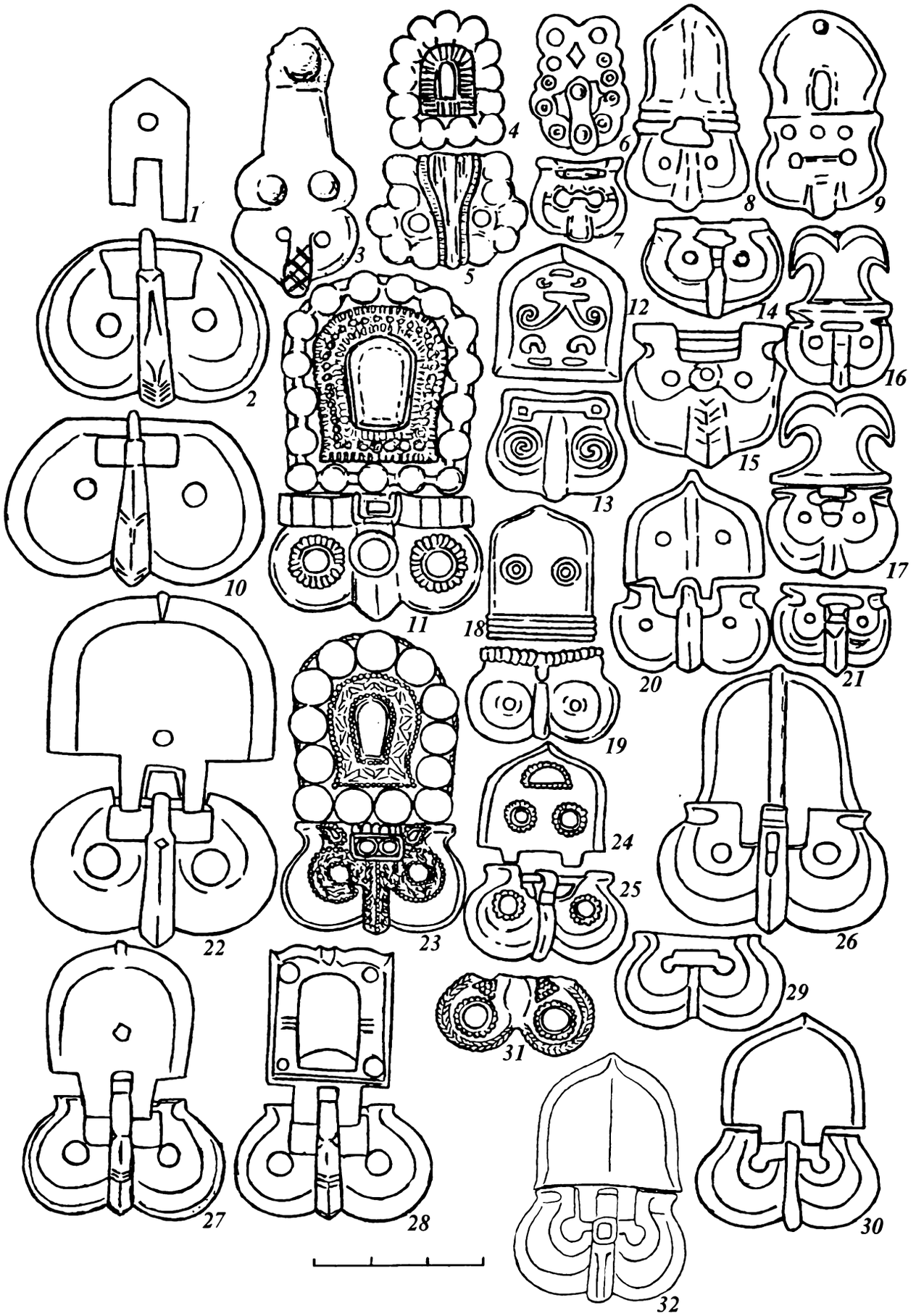


Рис. 47. Псевдопряжки.

1,2 – Мартыновка, 3 –Киев, 4-5 – Папа, 6 – Релка, 8 – Окунево, 9 – Тимирязевский могильник, 10 – Блажки, 11 – Кунбабонь, 12-13 – Кестхей, 14 –район Новороссийска, 15 – Барсов городок, 16 – Агафоново, 17 – Аверкино, 18-19 – Кернье, 20 – Чапаевский, 21 – Бартым, 22 – Гапоново, 23 – Тепе, 24 – 25 – Былым, 26 – Урья, 27,28 – Хацки, 29 – Камунта, 30 – Верх-Саинские курганы, 31 – коллекция Новочеркасского музея, 32 – хут. "Дружба", Карачаево-Черкессия.

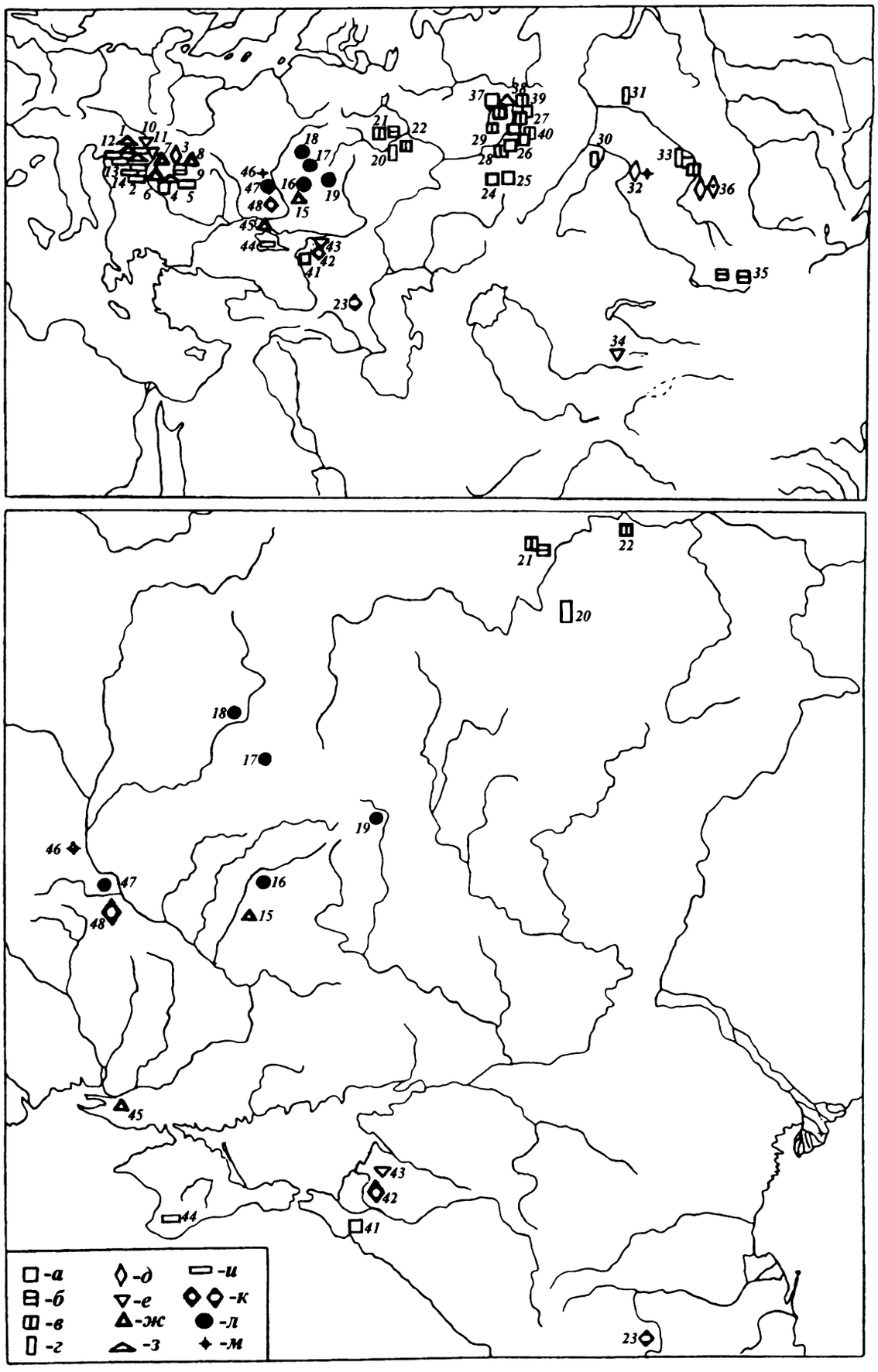


Рис. 48. Распространение псевдопряжек по типам и вариантам.

а– 1в, б– 1а, в– 1б, г– 1г, д– 1д, е– 1е, ж– 2а, з– 2б, и– 2в, к– 3, выделен Былымский экземпляр, л– 4, м– особые формы.

1 – Папа, 2 – Сексард, 3 – Чатасег, 4 – Кишкунфельдьхаза, 5 – "район Сегеда", 6 – Боча, 7 – Кунбабонь, 8 – Тепе, 9 – Бадьог, 10 – Кернье, 11 – Чакберень, 12 – Пакасепетк, 13 – Кестхей, 14 – Дюнапентеле, 14а – Дьонок, 15 – Перещепино, 16 – Блажки, 17 – Гапоново, 18 – Трубчевск, 19 – Углы. 20 – Шокша, 21 – Подболтье, 22 – Безводное, 23 – Былым, 24 – Маняк, 25 – Лагереево, 26 – Верх-Сашнский, 27 – "район Соликамска", 28 – Неволино, 29 – Аверкино, 30 – Лихачево, 31 – Барсов городок, 32 – Тимирязево, 33 – Релка, 34 – Боржары, 35 – "Алтай", 36 – Окунево, 37 – Плесо, 38 – Агафоново, 39 – Висим, 40 – Бартым, 41 – "район Новороссийска", 42 – Малаи, 43 – Чапаевский, 44 – Эски-Кермен, 45 – Келегеи, 46 – Киев, 47 – Мартыновка, 48 – Хацки.

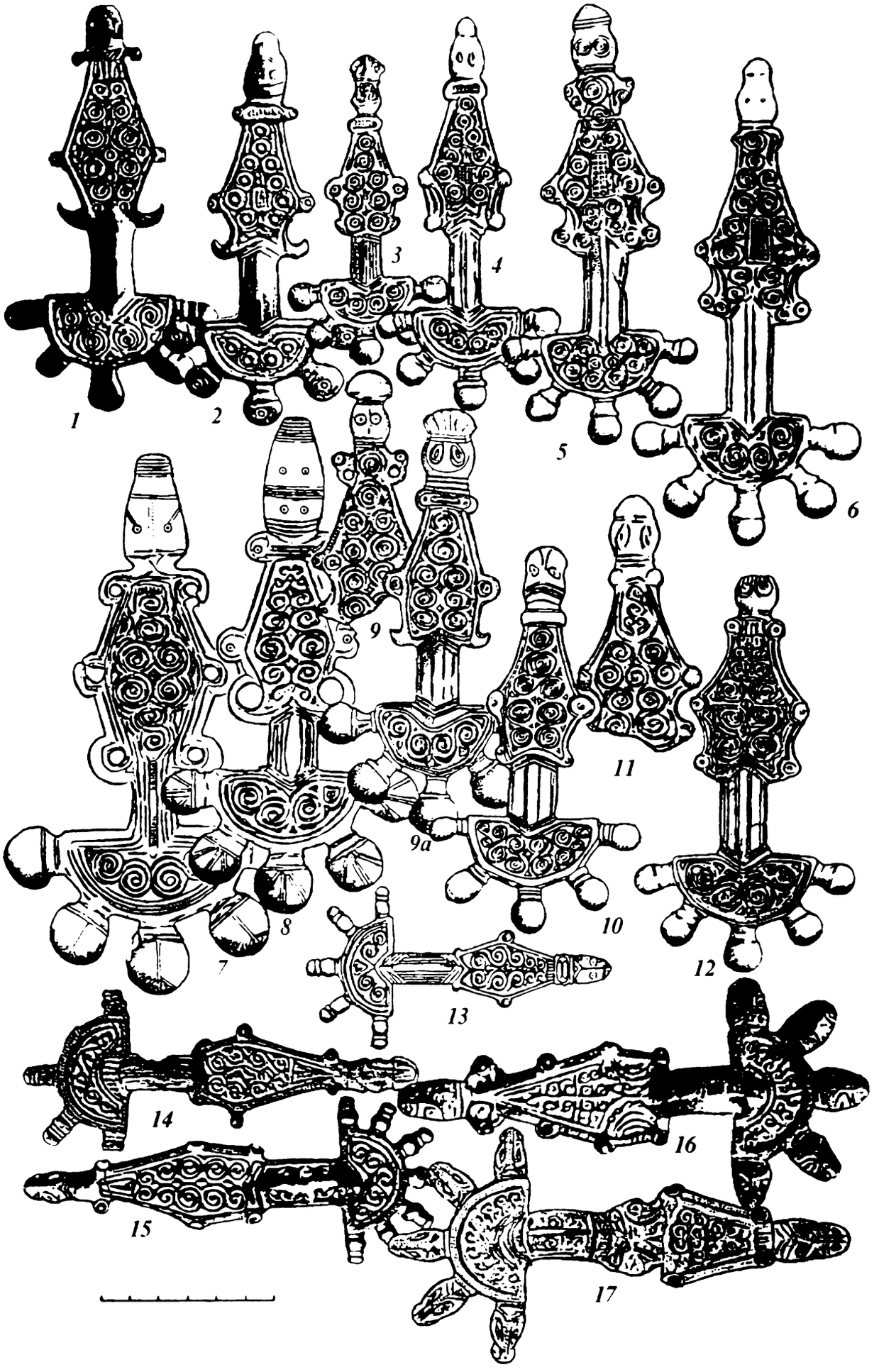


Рис. 49. Пальчатые фибулы восточногерманских серий (13-17) и поствосточногерманские днепровской подгруппы (1-12).

1 – Мужиново, 2 – Мазепинцы, 3 – Нижняя Сыроватка, 4 – Григоровка, 5 – Гатер, 6 – Подболотье, 7,8 – Гапоново, 9 – Папа, 9а – Суук-Су, 10 – Букрин, 11 – Пастырское, 12 – Веремье, 13 – Княжья гора, 14 – Ирлмаут, 15 – Шейка Мика, 16 – Сремска Митровица, 17 – Берегово.

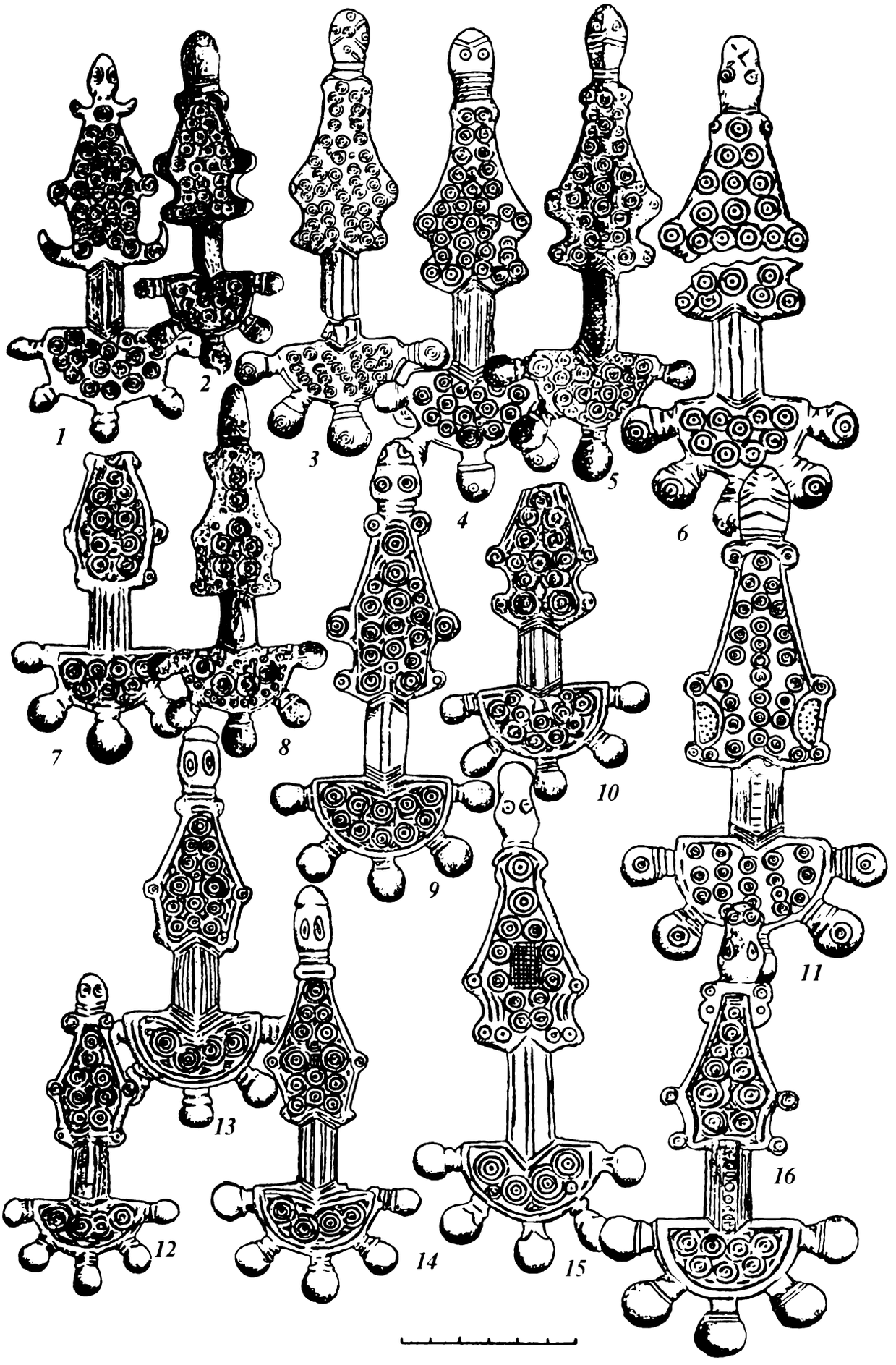


Рис. 50. Поствосточногерманские пальчатые фибулы днепровской подгруппы.
1 – Драксинь, 2,11 – Новая Одесса, 3 – Суук-Су, 4 – Суджа, 5 – Богодухово, 6 – Колоскова, 7 – Хмельна, 8 – Козиевка, 9 – Бэлтень, 10 – Вутчань, 12 – Тропеум Трояни, 13,14 – Данчены, 15 – Россава, 16 – Нижняя Сыроватка

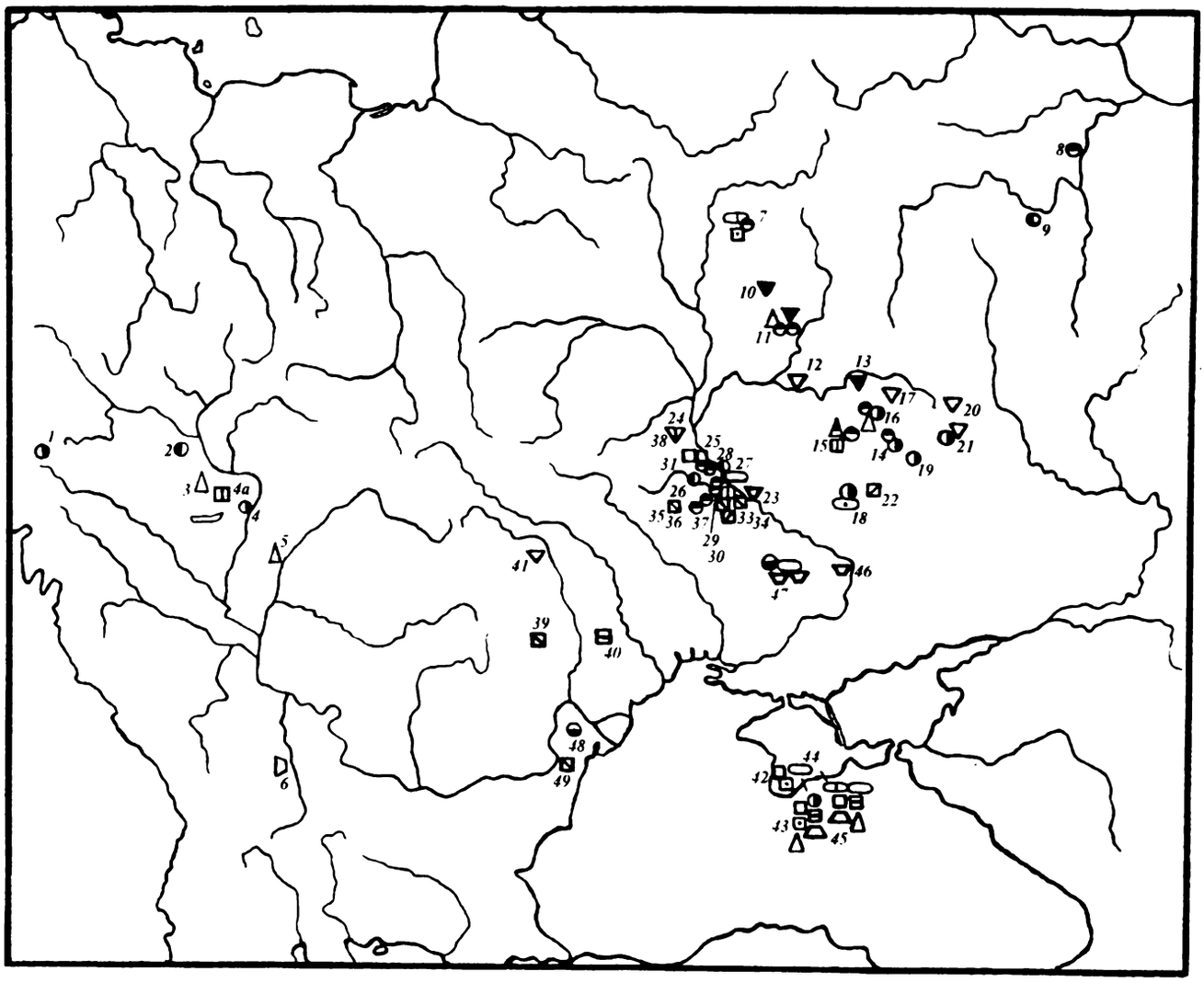


Рис.51. Распространение пальчатых фибул. Условные обозначения расшифрованы цифрами, которые соответствуют вариантам, описанным в части 2.2.1.

1 – Южный Тироль, 2 – Штаасдорф, 3 – Гатер, 4 – Чепель, 4а – Варпалота, 5 – Папа, 6 – Царичин-град, 7 – Никодимово, 8 – Подболотье, 9 – Борки, 10 – Мужиново, 11 – Трубчевск, 12 – Мена, 13 – Гапоново, 14 – Смородино, 15 – Нижняя Сыроватка, 16 – Суджа, 17 – Малая Рыбица, 18 – Новая Одесса, 19 – Богодухов, 20 – Углы, 21 – Колосково, 22 – Козиевка, 23 – Колоберда, 24 – Мазепинцы, 25 – Букрин, 26 – Погребы, 27 – Григоровка, 28 – Дуодари, 29 – Мартыновка, 30 – Сахновка, 31 – Россава, 32 – Черкасский уезд, 33 – Хмельна, 34 – Гамарня, 35 – Чернин, 36 – Журженцы, 37 – Петрушки, 38 – Веремье, 39 – Бэлтень, 40 – Данчены, 41 – Драксинь, 42 – Эски-Кермен, 43 – Суук-Су, 44 – Артек, 45 – Лучистое, 46 – Звонецкое, 47 – Пастырское, 48 – Слава Руса, 49 – Тропеум Трояни.

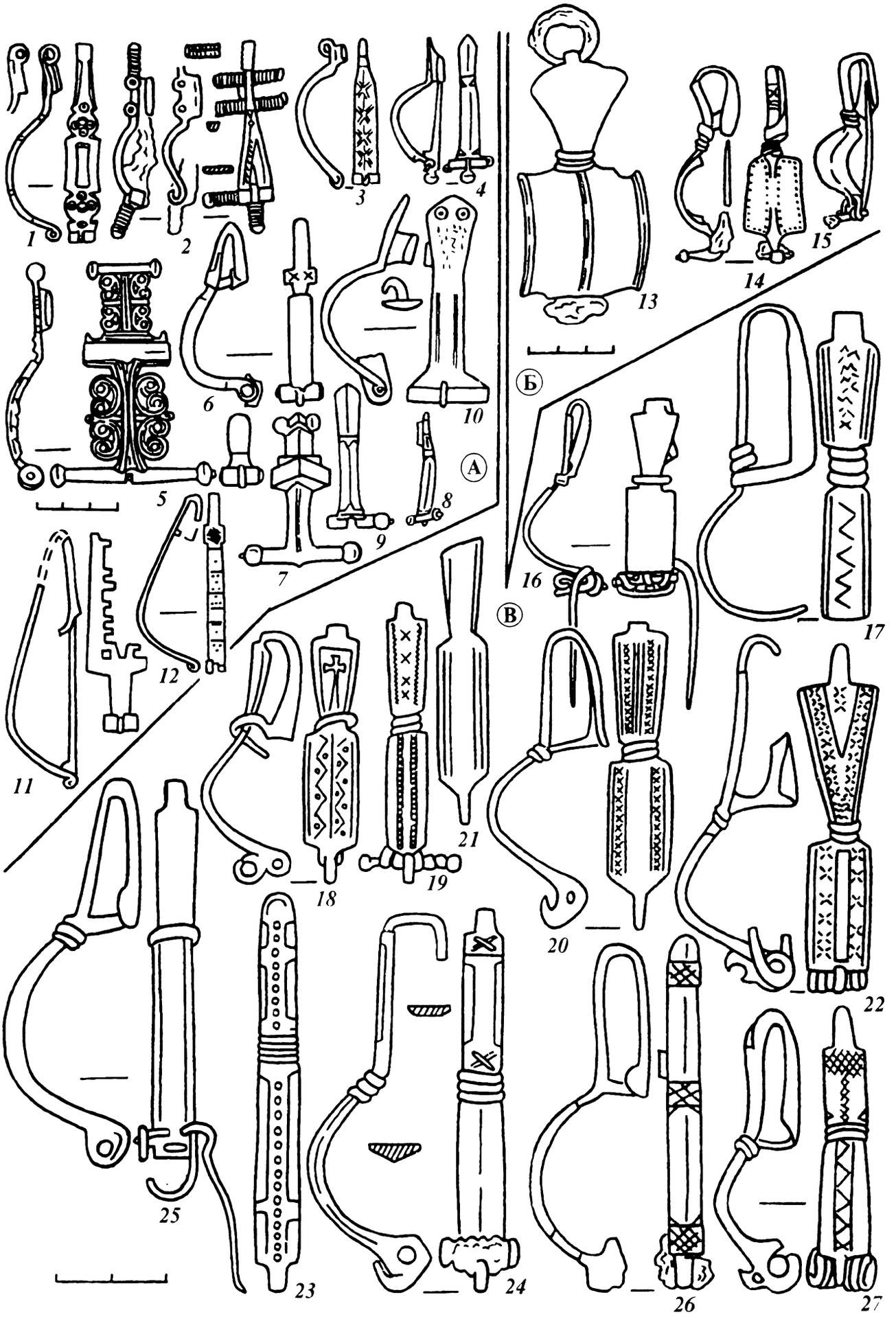


Рис.52. Раннесредневековые фибулы. **А** - образцы шарнирных кавказских серий, **Б**- серия балканских широкопластинчатых, **В**– византийские типы и их аналоги в Поднепровье.

1 - Камунта, 2,6 - Бежта, 3 – Махческ, 4 – Пятигорский район, 5 – Дай, 7 – Чинухой, 8 – Аргунское ущелье, 9 – Боксан, 10 – Северная Осетия, 11 – Модинахе, 12 – Когото, 13 – Афиона, 14 – Вир Пазар, 15 – Коман, 16 - Львовский исторический музей, 17,22,27 – Градижск, 18 – Виминаций, 19-21 – Дюрсо, 23 – Тыргшору Вехе – Прахово, 24 - Дебрене, 25,26 – Волошское.

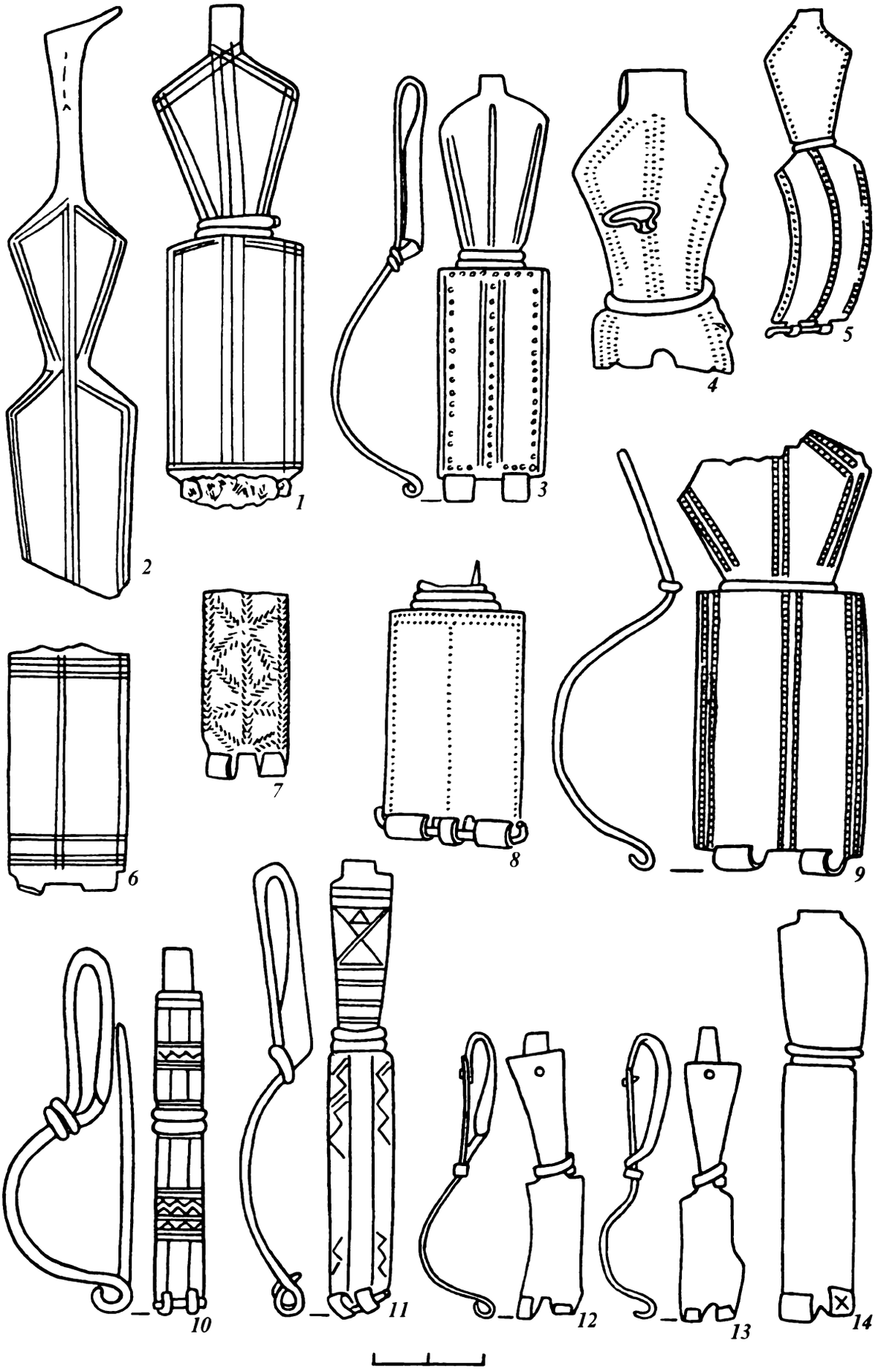


Рис.53. Двучленные прогнутые подвязные фибулы днепровской раннесредневековой серии.
1 – Гапоново, 2 – Колосково, 3,8,14 – Волошское, 4 – Козиевка, 5 – Богодухово, 6,10 – о.Кизлевый, 7 – балка Яцевая, 11 – Звонецкое, 12 – Градижск, 13 – Кагамлык.

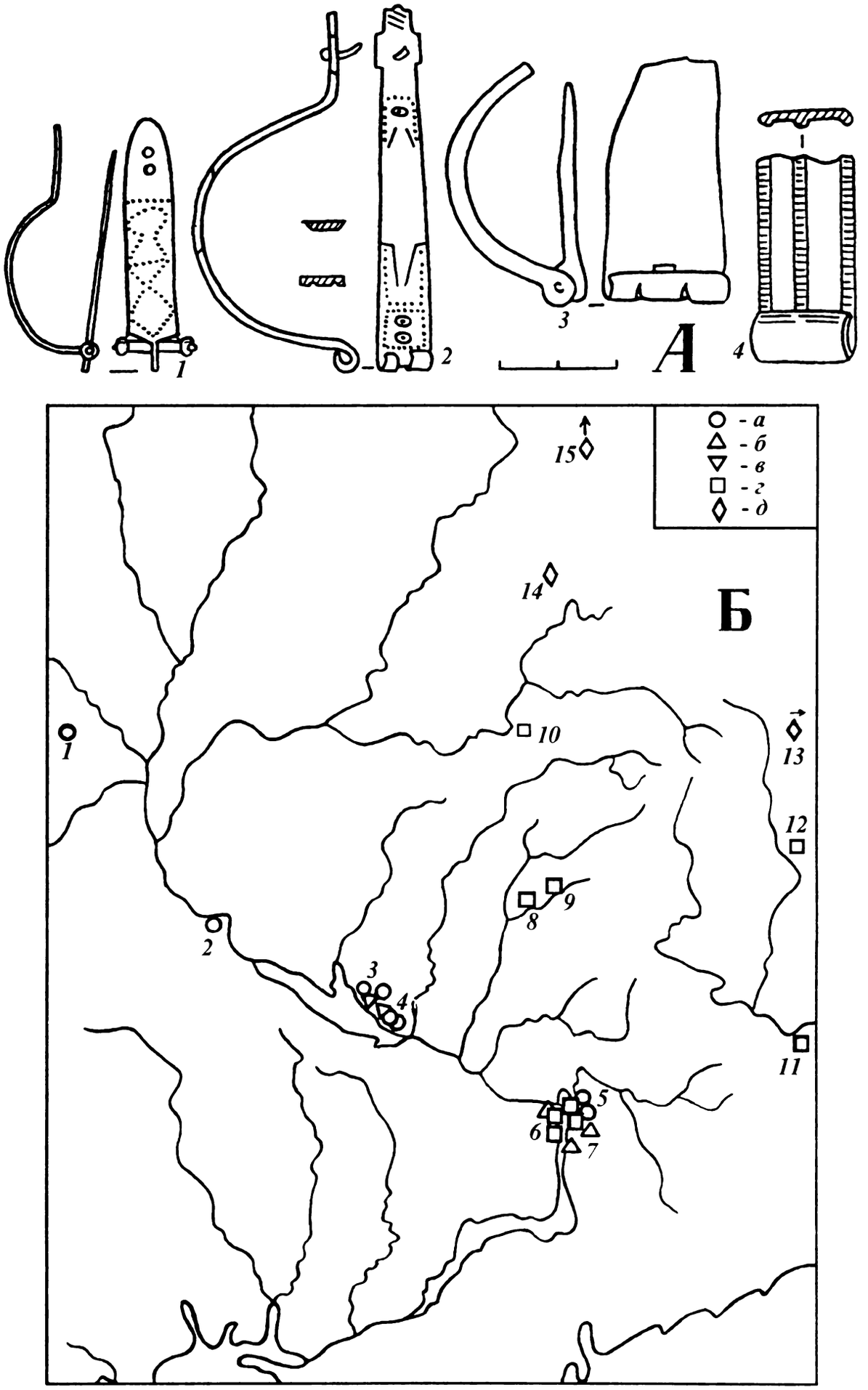


Рис.54. Образцы шарнирных фибул (*А*) и распространение раннесредневековых подвязных фибул в Поднепровье (*Б*).

А: 1 – Дмитриевский могильник, 2 – Чир-юрт, 3 – Лужки, 4 – Щербинское городище. Б: а – византийских типов; б-д – днепровской серии: б – тип 1, в – тип 2а, г – тип 2б, д – особые формы (см. рис. 54а).

1 – район Овруча, 2 – Григоровка, 3,4 – Градижск, Кагамлык, 5 – Волошское, 6 – Звонецкое, 7 – о.Кизлевый, 8 – Козиевка, 9 – Колосково, 10 – Гапоново, 11 – Богодухово, 12 – Новая Одесса, 13 – Дмитриевский могильник, 14 – Лужки, 15 – Щербинское городище.

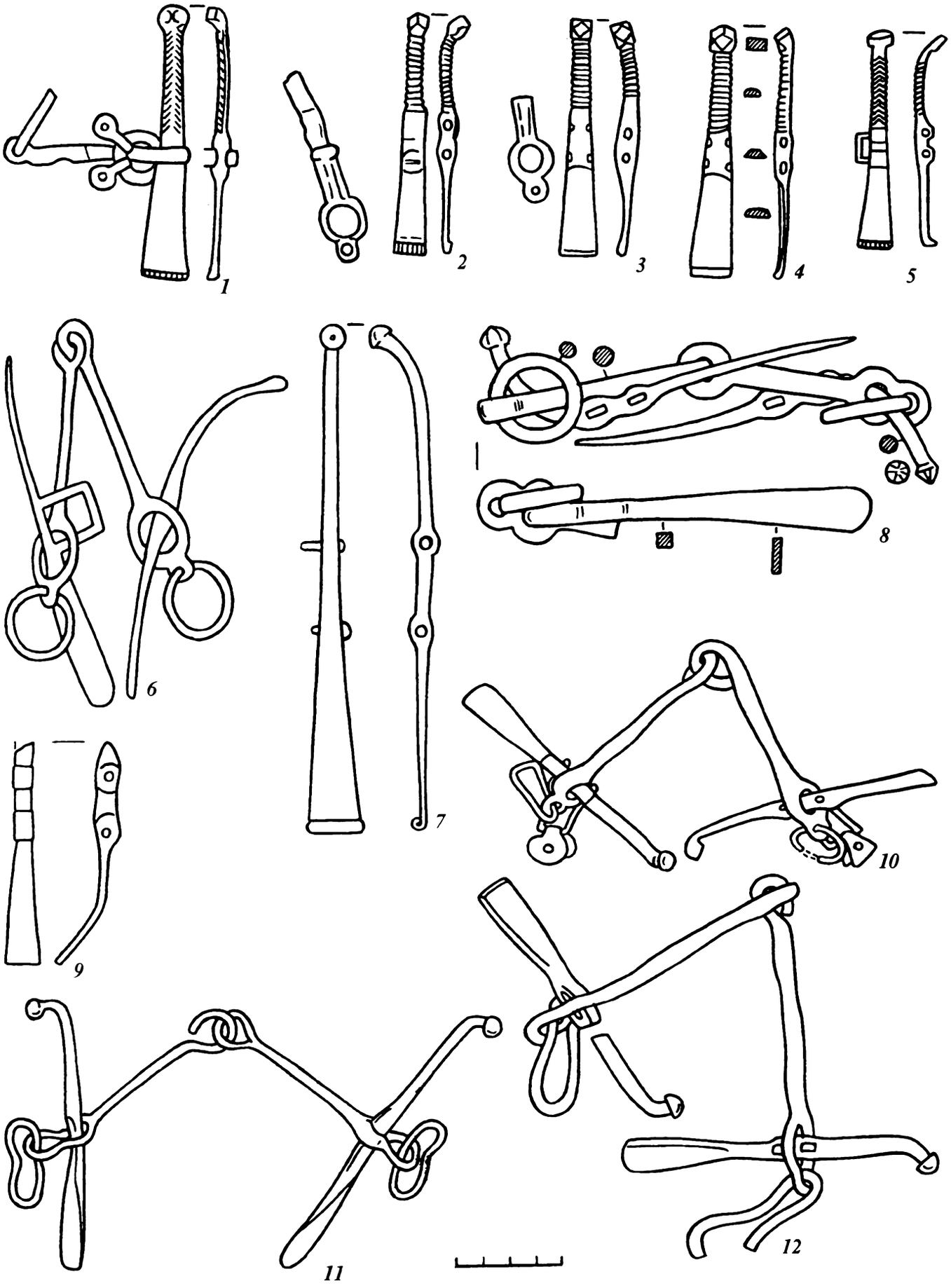


Рис.55. Удила и псалии.

1 – Лермонтовская скала 2, Кат. N7/10, 2 – Сахарная головка, склеп 4, бронзовый псалий, 3 – Кумбулта, Дигорское ущелье, бронзовый псалий, 4 – Кабардино-Балкария, бронзовый псалий (дано по рисунку из личного архива А.К.Амброза), 5 – Дюрсо, конское погребение 4, бронзовый псалий, 6 – Лермонтовская скала 2, кат.4/14, железо, 7 – Цибилиум, перибол, железный псалий, 8 – Цибилиум, помещение 1, железные удила и псалии, 9 – Ровное, фрагмент железного псалия, 10 – Дюрсо, конское погребение 8, железные удила и псалии, 11 – Армиевский могильник, погр. 57, железные удила и псалии, 12 – Шокшинский могильник, п.941, железные удила и псалии.

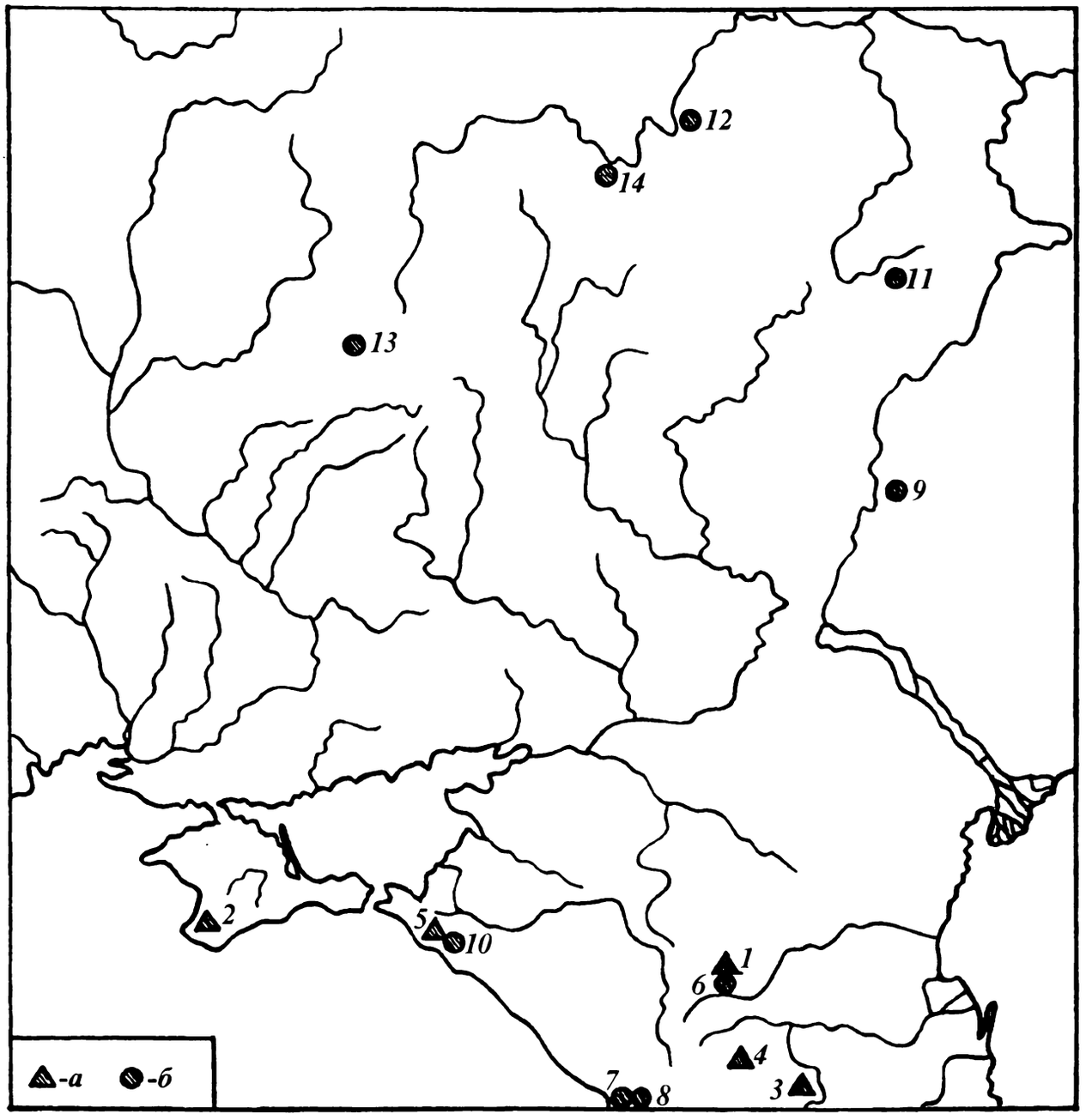


Рис. 56. Распространение аналогов гапоновских удил и псалий.
а – прототипы (Сахарная Головка, Кумбулта, Кабардино-Балкария, Цебельда, Лермонтовская скала, Дюрсо), б – гапоновский вариант (Цебельда, Дюрсо, Лермонтовская скала, Армиевский могильник, Шокшинский могильник, Ровное, Гапоновский клад, Борки). Нумерация находок 1-13 соответствует рис.55; 14 – Борки.

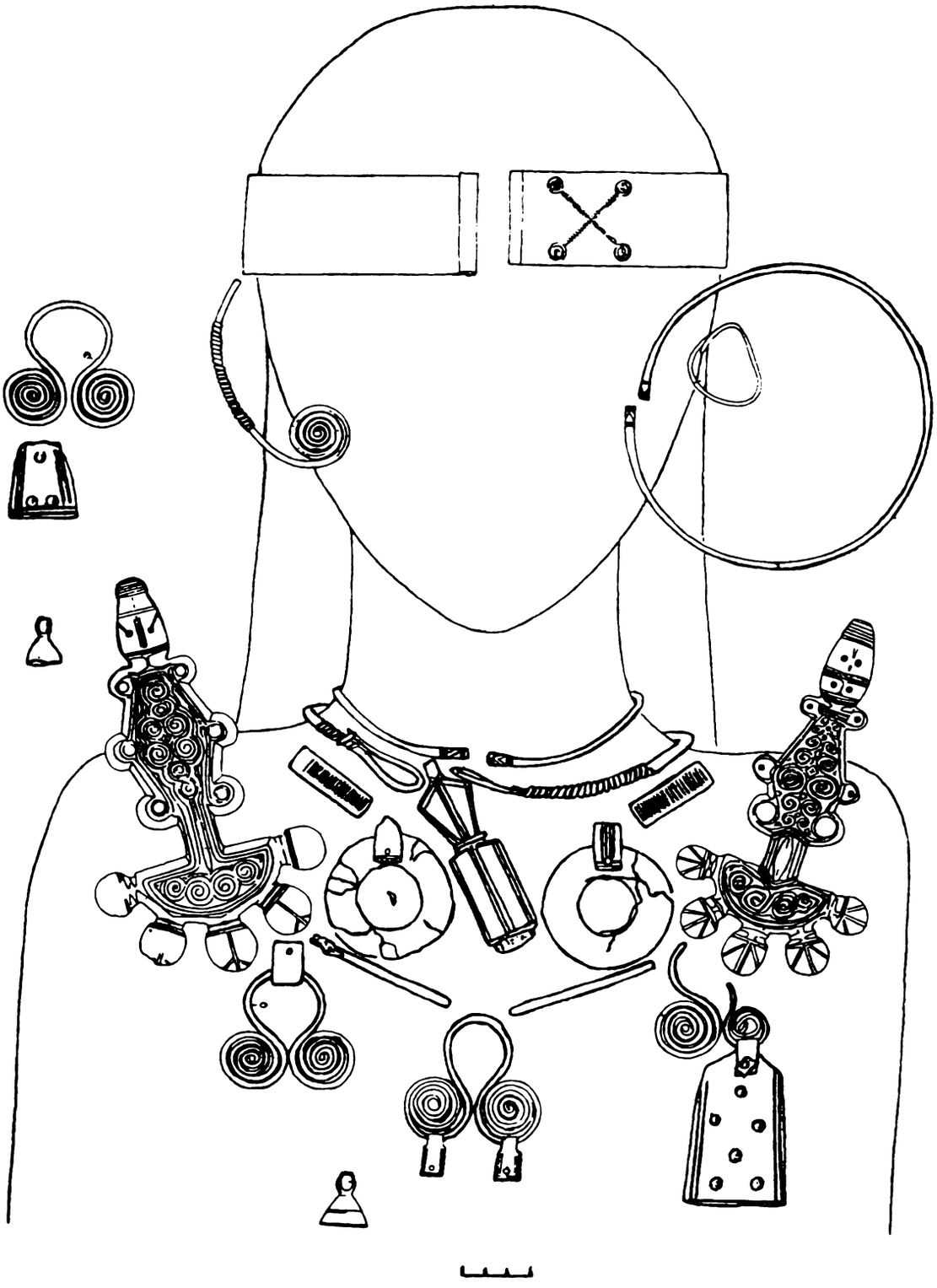


Рис.57. Реконструкции функций некоторых предметов Гапоновского клада.

Рис.58. Раннесредневековые женские украшения груди и головы.
а – Лучистое, склеп 54, погр.20; б – Ярославль 2, погр.40; в – Деск "G", погр.31; г – Кишкереш Вагохид, погр.1; д – Безводное, погр.134; е – Кузьминки, погр.42; ж – Крюково-Кужновский могильник, погр.417 (по Р.Ф.Ворониной); з – Вайсмайн; и – Равенна, церковь Сан Витале, изображение Феодоры; к – Вежачай; л – Ментике, погр.462; Тумяны, погр.103

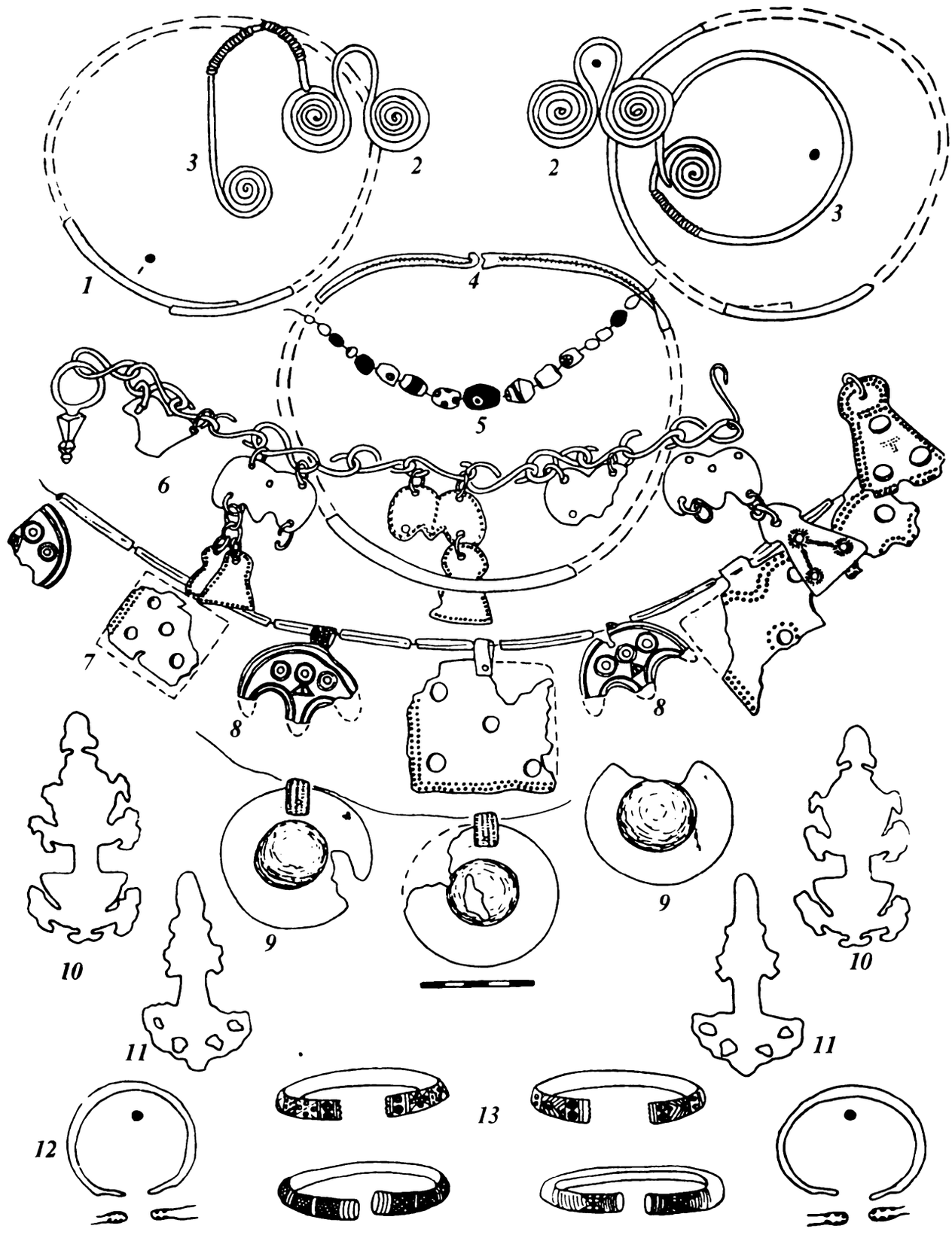


Рис.59. Комплекты женских украшений из Козиевского клада (по О.А.Щегловой 1990).

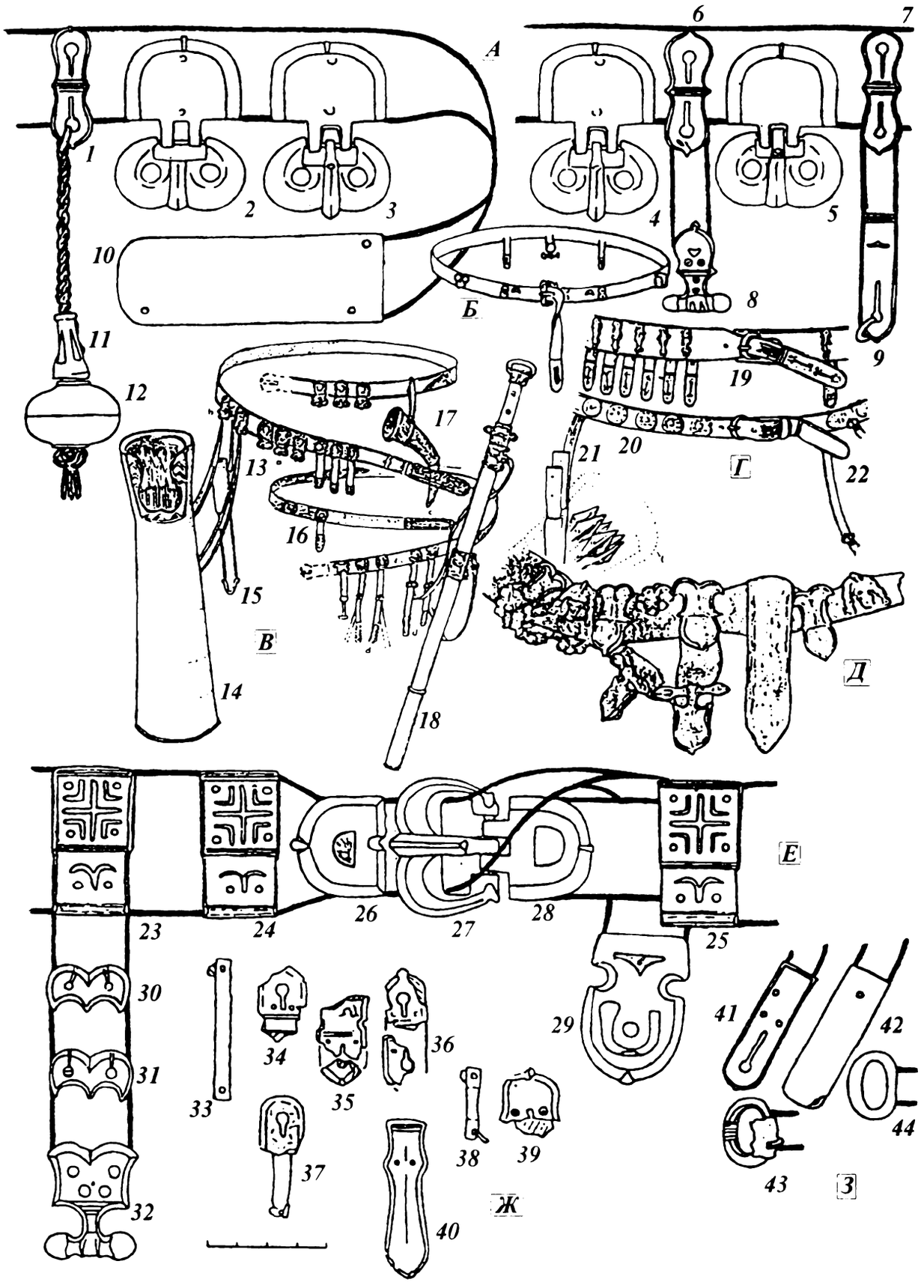


Рис.60. Поясные гарнитуры.
А,Е,Ж,З – Гапоново, Б – Цебельда 1а, погр.3 (по Ю.Н.Воронову и Н.К.Шенкао), В – Боча (по Д.Ласло), Г – Кишкереш Вагохид, погр.9 (по Т.Хорвату), Д – Таш-Тюбе.

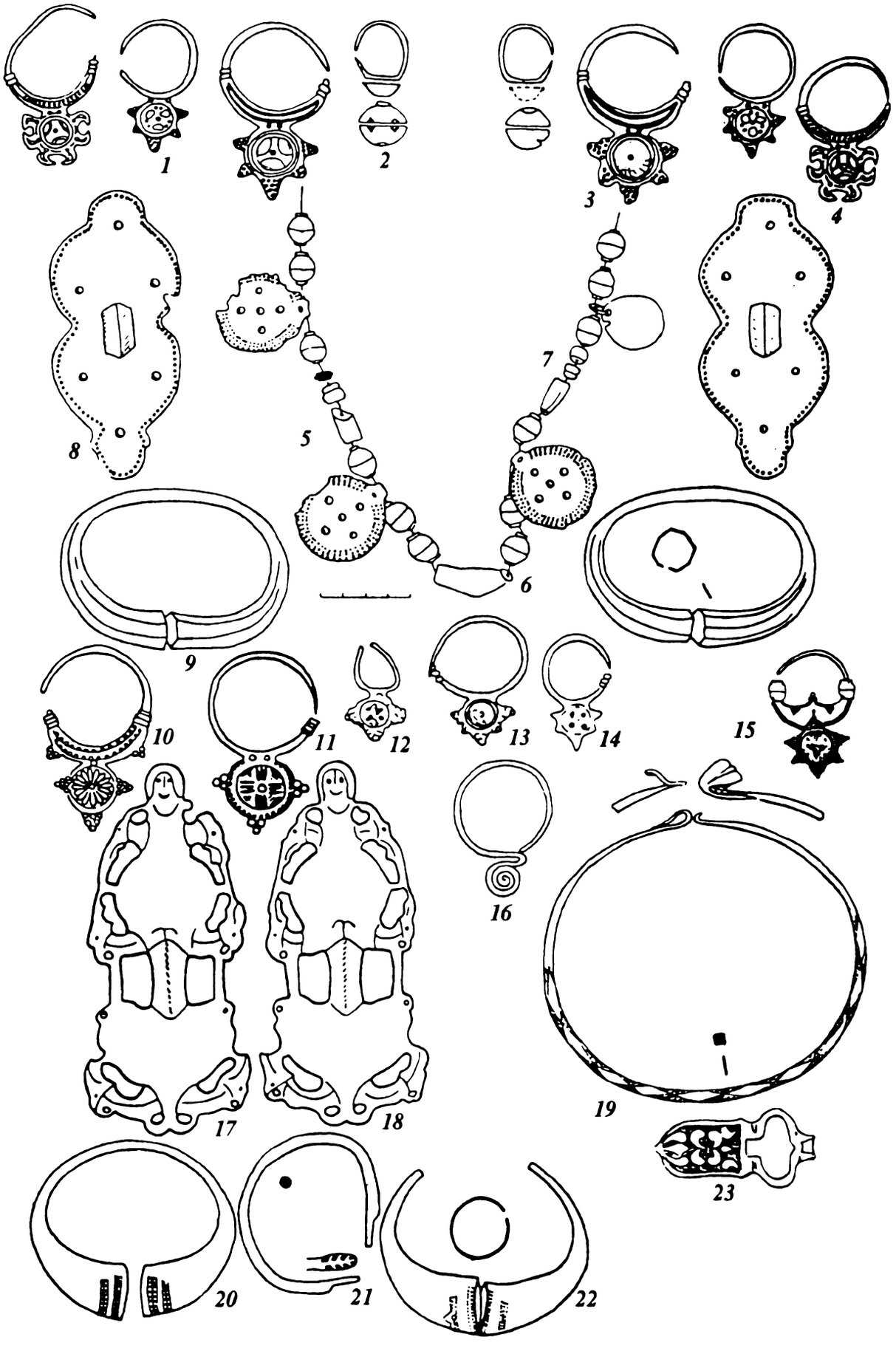


Рис.61. Материалы днепровских раннесредневековых кладов группы 2.
1-8 – Пастырский 1949г.; 10, 17, 20 – Киевский 1892г.; 11, 18, 21, 22 – Пастырский 1898г.; 12-14,16 – Зайцевский; 15,19,23 – Харьевский.

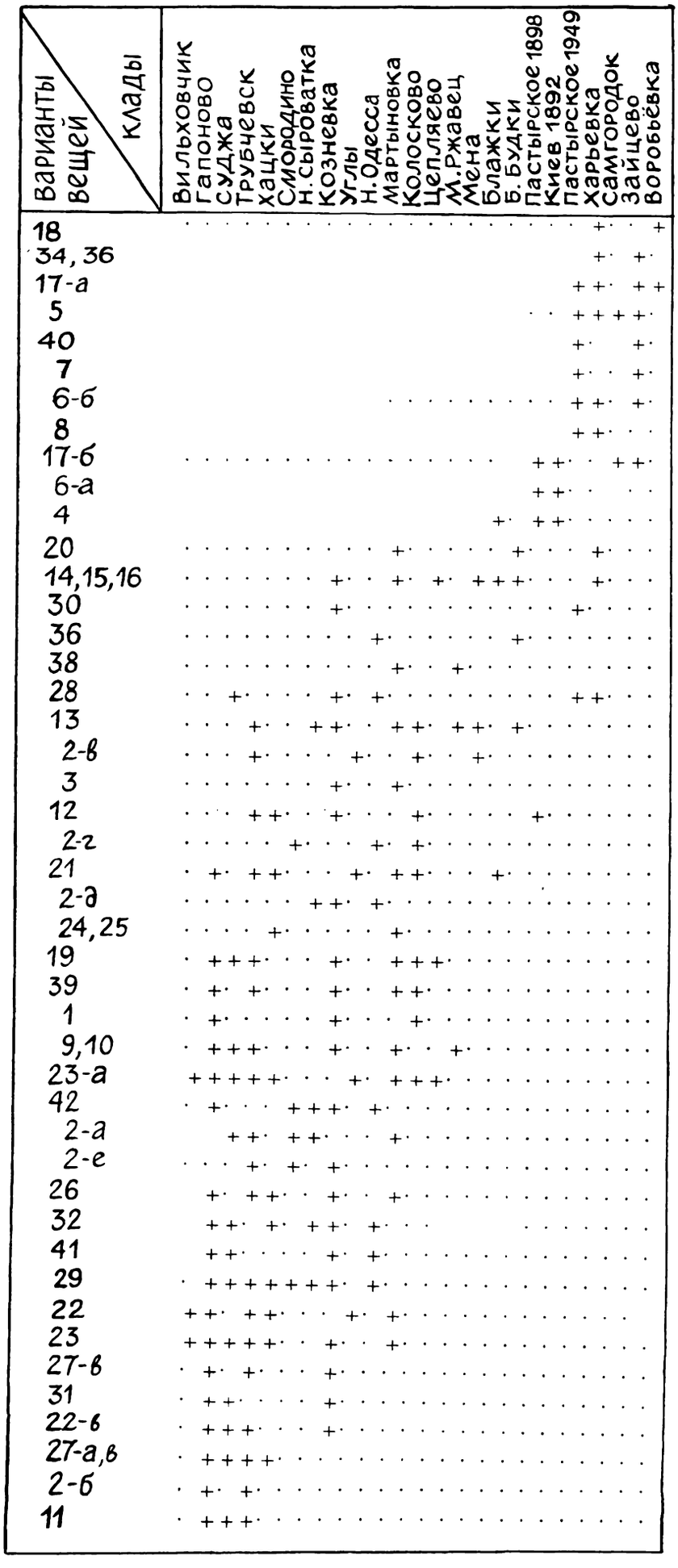


Рис.62. Сочетание типов и вариантов вещей в днепровских раннесредневековых кладах.
По вертикали – признаки (варианты вещей, см. часть 2.8); по горизонтали – клады.

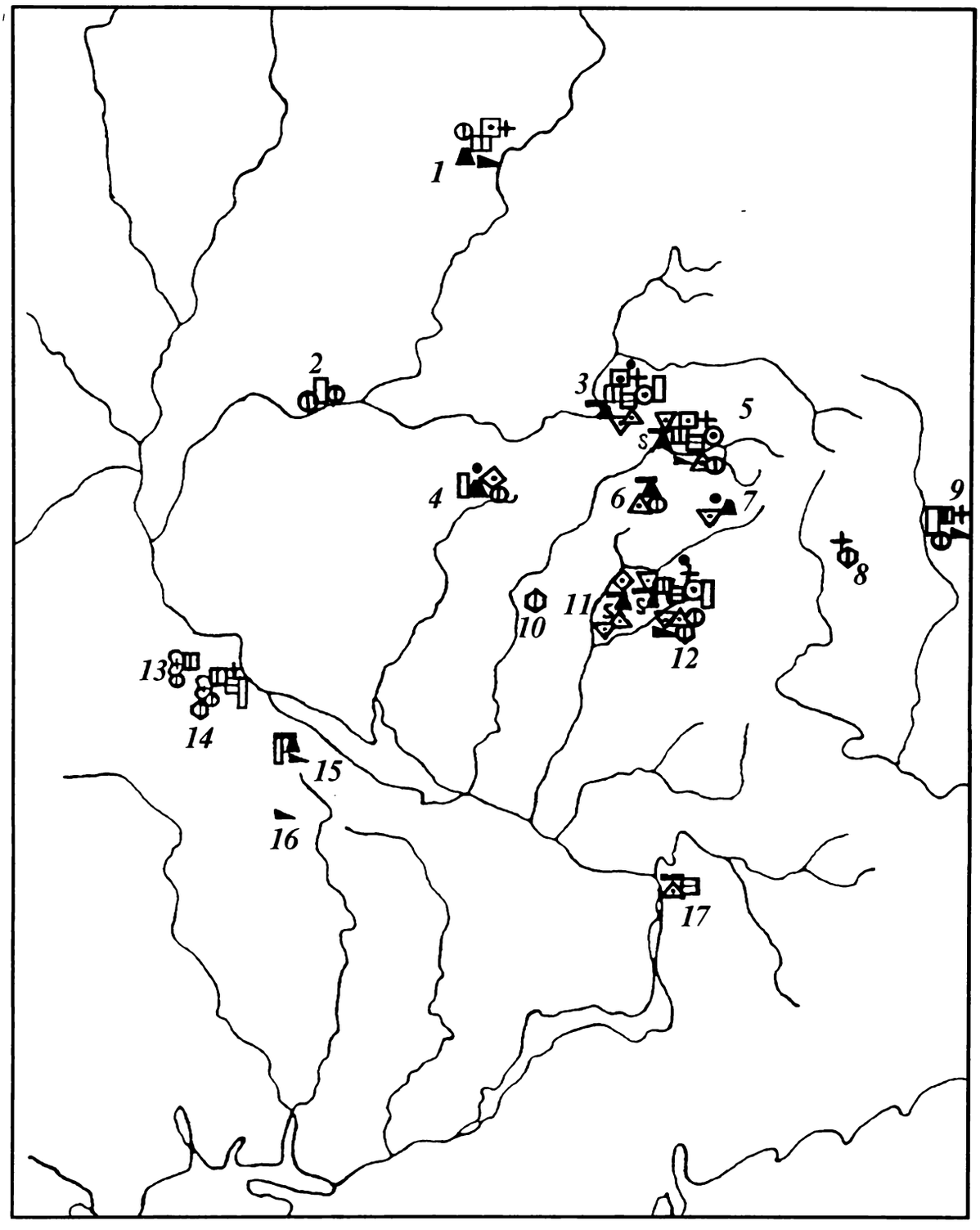


Рис.63. Распространение типов и вариантов женских украшений в днепровских кладах группы 1.

Условные обозначения (в скобках даны NN признаков, см. рис.62 и часть 2.8).

Подвески:

- *очковидные (9)*
- *С-видные (10)*
- *гривноподобные (11)*
- *умбовидные (31)*
- *трапецевидные (29)*

Браслеты:

- *округлого сечения (13)*
- *граненые (14-16)*
- *змееголовые (12)*

- *гривны (18,19)*
- *бобовидные пластины (38)*
- *колокольчики (41)*
- *ворворки (42)*
- *трубочки (32)*
- *миниатюрные нашивки (36)*
- *металлические пластины (головные венчики? - 39)*
- *цепочки (28)*

кроме того: ● - *сырье свинцово-оловянистых сплавов*

Вещи, обычные для "мартыновской" подгруппы кладов отмечены значками с черточкой, "хацковской" – залиты, специфичные для востока Днепровского Левобережья отмечены значками с точкой в центре.

Клады: 1 – Трубчевский, 2 – Менский, 3 – Гапоновский, 4 – Великобудковский, 5 – Суджанский, 6 – Сыроваткинский, 7 – Смородиновский, 8 – Цепляевский, 9 – Колосковский, 10 – Блажковский, 11 – Новоодесский, 12 – Козиевский, 13 – Малоржавецкий, 14 – Мартыновский, 15 – Хацковский клады; 16 – Пастырское городище (клад 1892 г., группа 2а); 17 – Волошское, жилище 2.

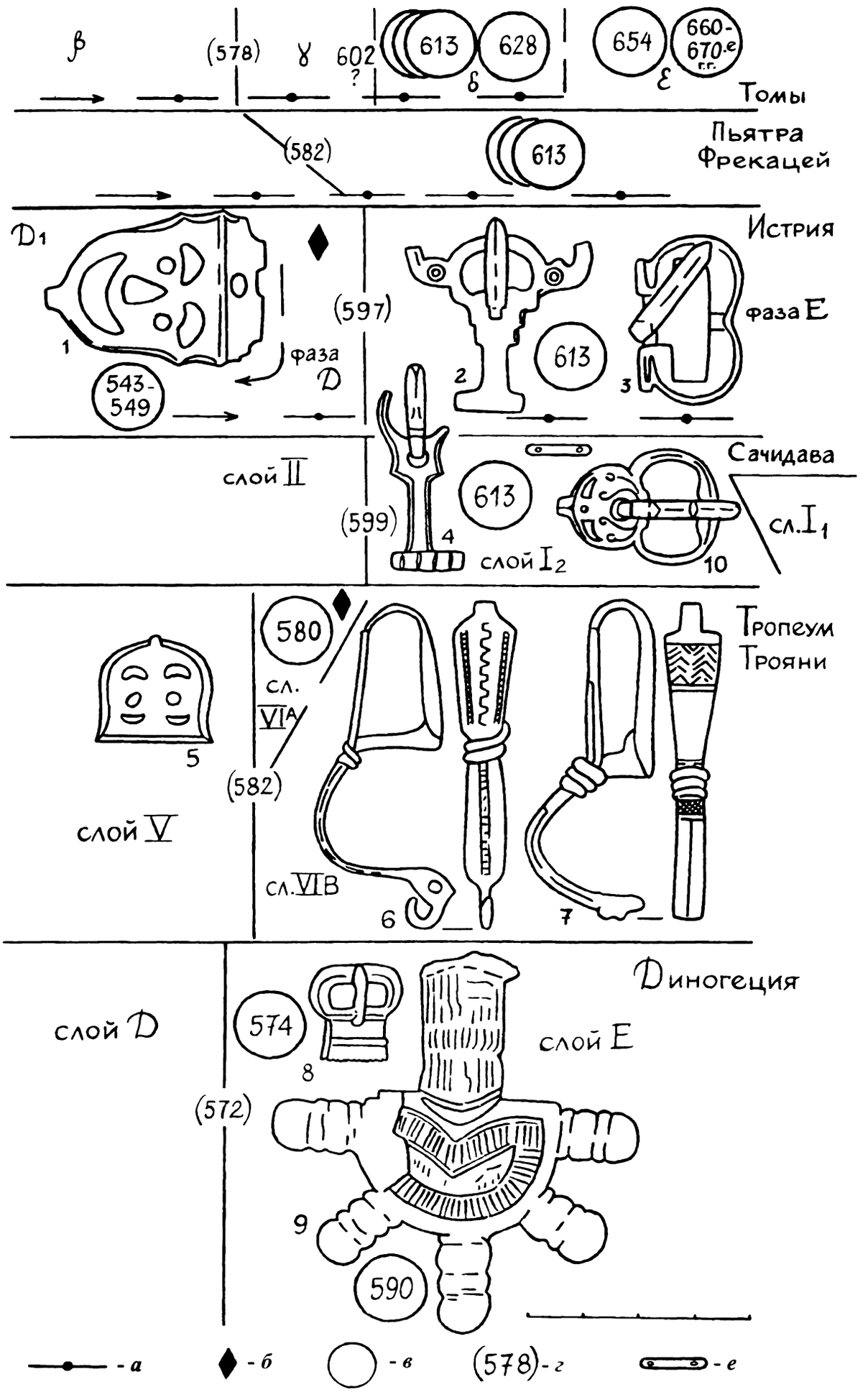


Рис. 64. Украшения из датированных позднеантичных слоев памятников Румынской Добруджи. **а** – наличие рядом с поселением могильника, где встречены ременные накладки геральдических стилей, **б** – литая византийская фибула, **в** – показания позднейших монет, **г** – дата разрушений по письменным и иным источникам, **е** – костяная накладка на сумку.

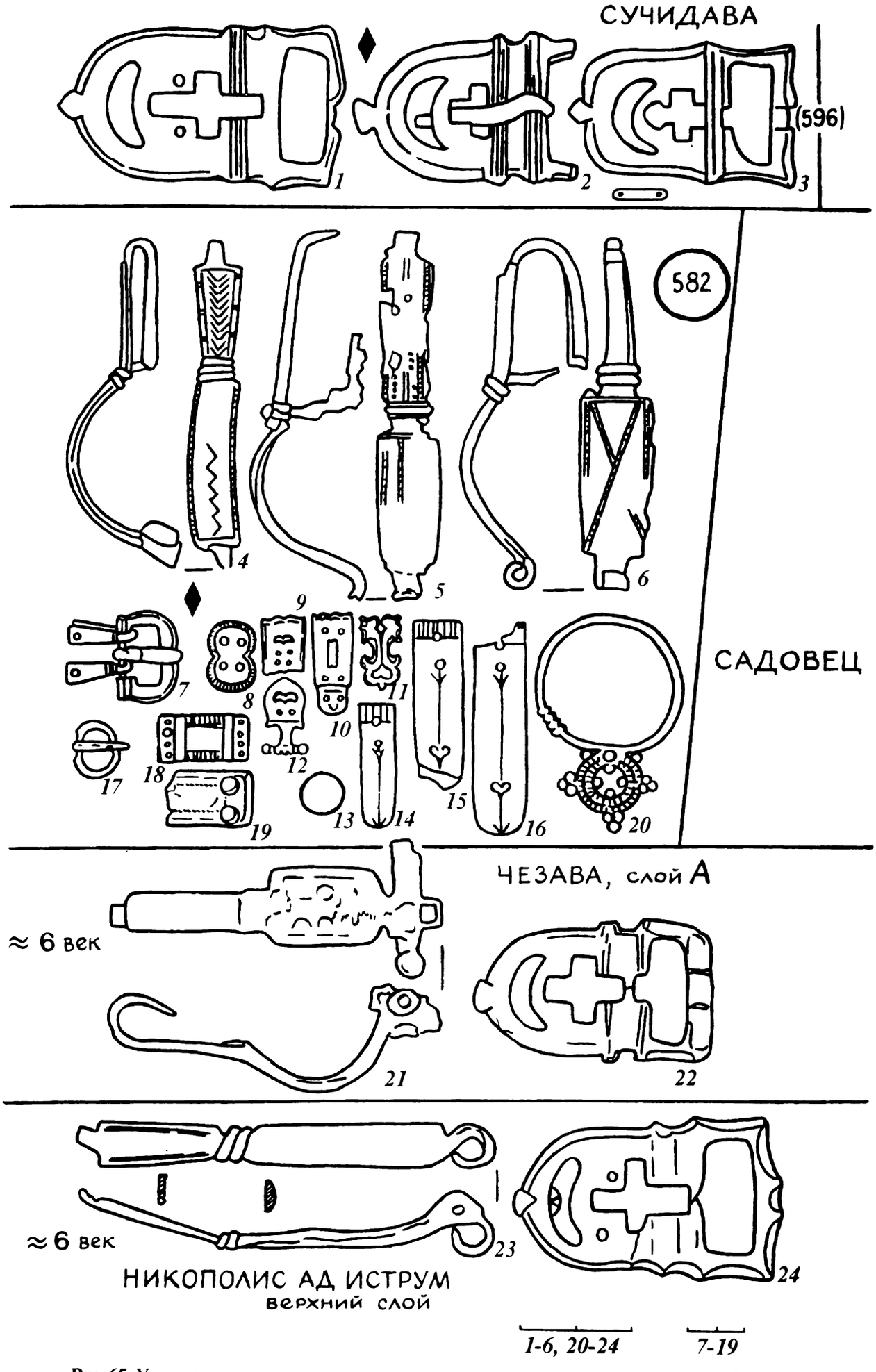


Рис. 65. Украшения из датированных позднеантичных слоев памятников северной Болгарии. Условные обозначения - как на рис.64.

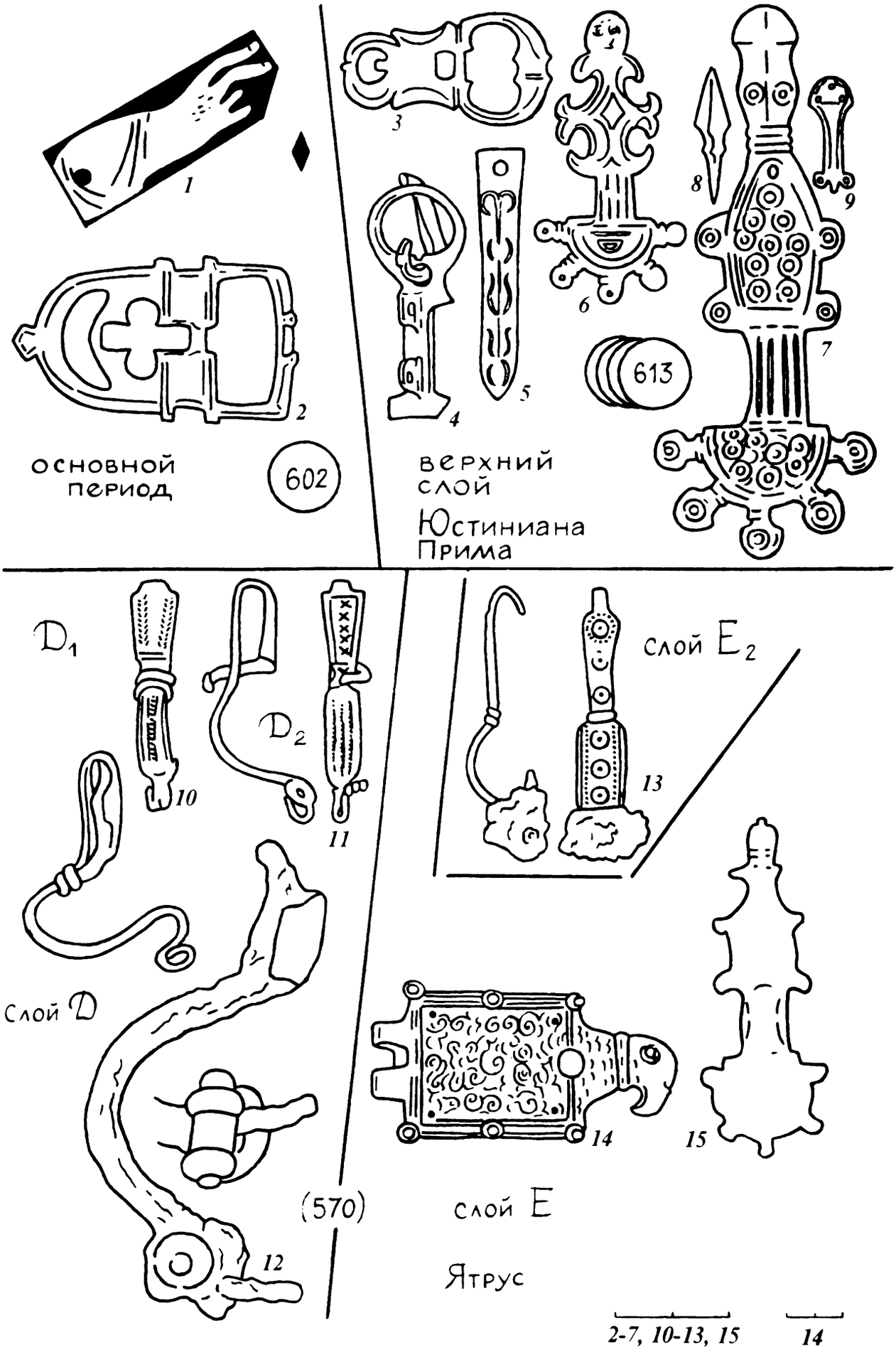


Рис. 66. Украшения из датированных позднеантичных слоев Ятруса и Царичин-Града. Условные обозначения - как на рис.64.

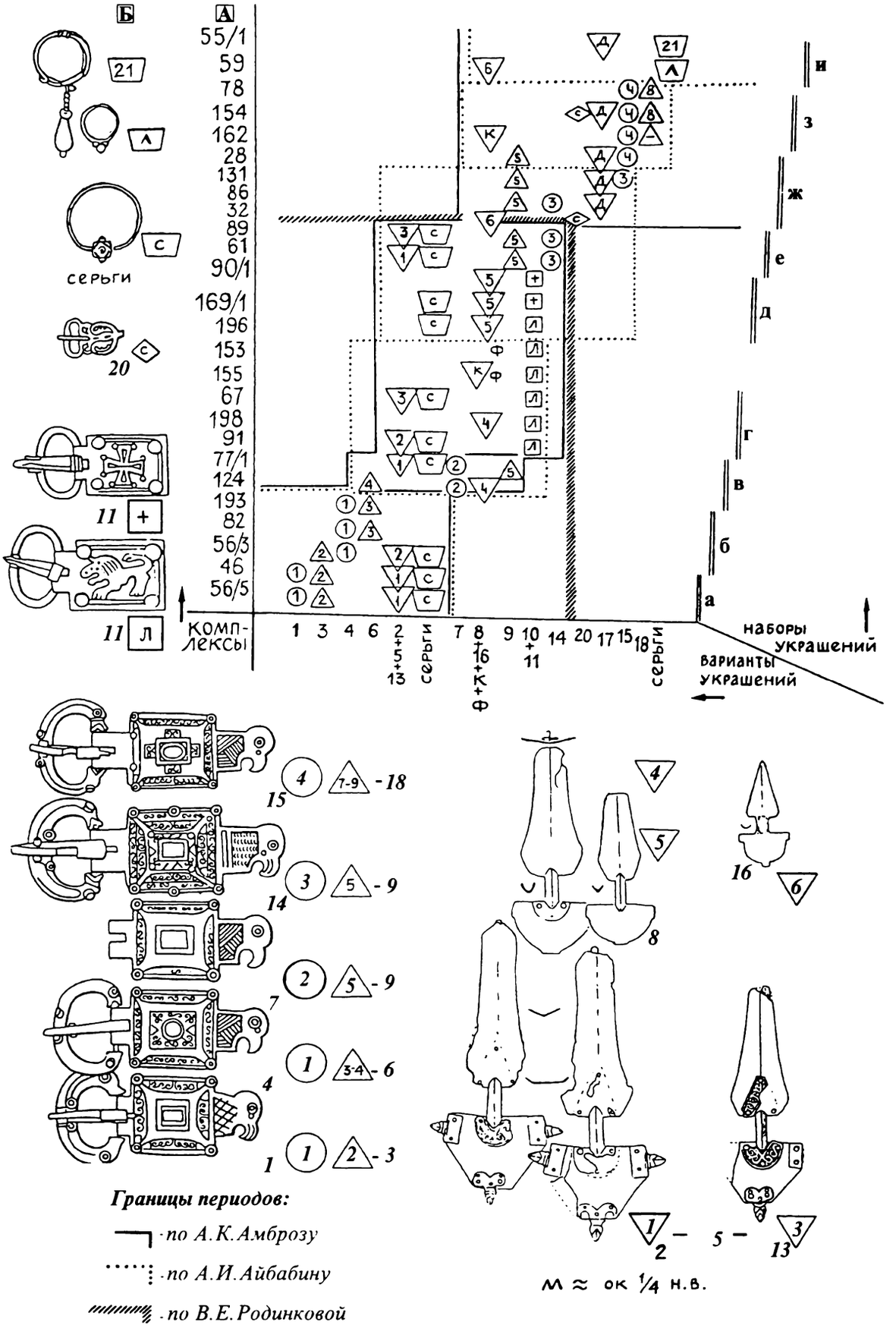


Рис. 67. Эволюция женских украшений на памятниках Юго–западного Крыма (по материалам Суук–Су).

Не обведенными цифрами в таблице совстречаемости и у образцов обозначены признаки, а обведенными – их значения; они даны по А.К.Амброзу [1988], лишь разделение двупластинчатых фибул варианта 2 на подварианты в соответствии с общими размерами вещи и варианты орлиноголовых пряжек, соответствующие вариантам длины держателя, даны по А.И.Айбабину [1991], но более дробное деление А.К.Амброзом варианта 1отражено в таблице, как различие признаков 1 и 4.

Условные обозначения к рис. 67:

Двупластинчатые и пальчатые фибулы:

1 - *вариант 1а*

2 - *вариант 1б*

3 - *вариант 1в*

4 - *вариант 2а*

5 - *вариант 2б*

6 - *вариант 3*

А - *пальчатые днепровской подгруппы*

К - *пальчатые керченских серий*

Ф - *подвязные фибулы*

№ - *длина держателя орлиноголовых пряжек (№ - номер варианта по А.И.Айбабину)*

№ - *вариант орнамента щитка орлиноголовых пряжек (по А.К.Амброзу)*

\+ - *пряжки с крестом на щитке*

Л - *пряжки со львом на щитке*

С - *византийские литые пряжки (С - тип Сиракузы)*

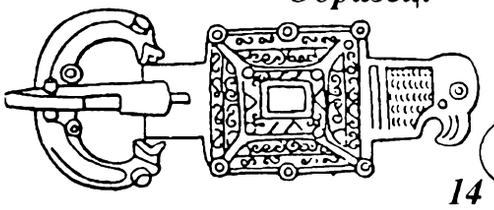
серьги

21 - *с застежкой-крючком на кольце*

^ - *цельнолитые*

С - *с полиэдрической бусиной*

Образец:



Орлиноголовая пряжка;

Держатель: ◯ *- вариант 3 (по А.И.Айбабину или вар. украшений 14 по А.К.Амброзу).*

Орнамент щитка: △ *- вариант 5 (или вар. украшений 9 по А.К.Амброзу).*

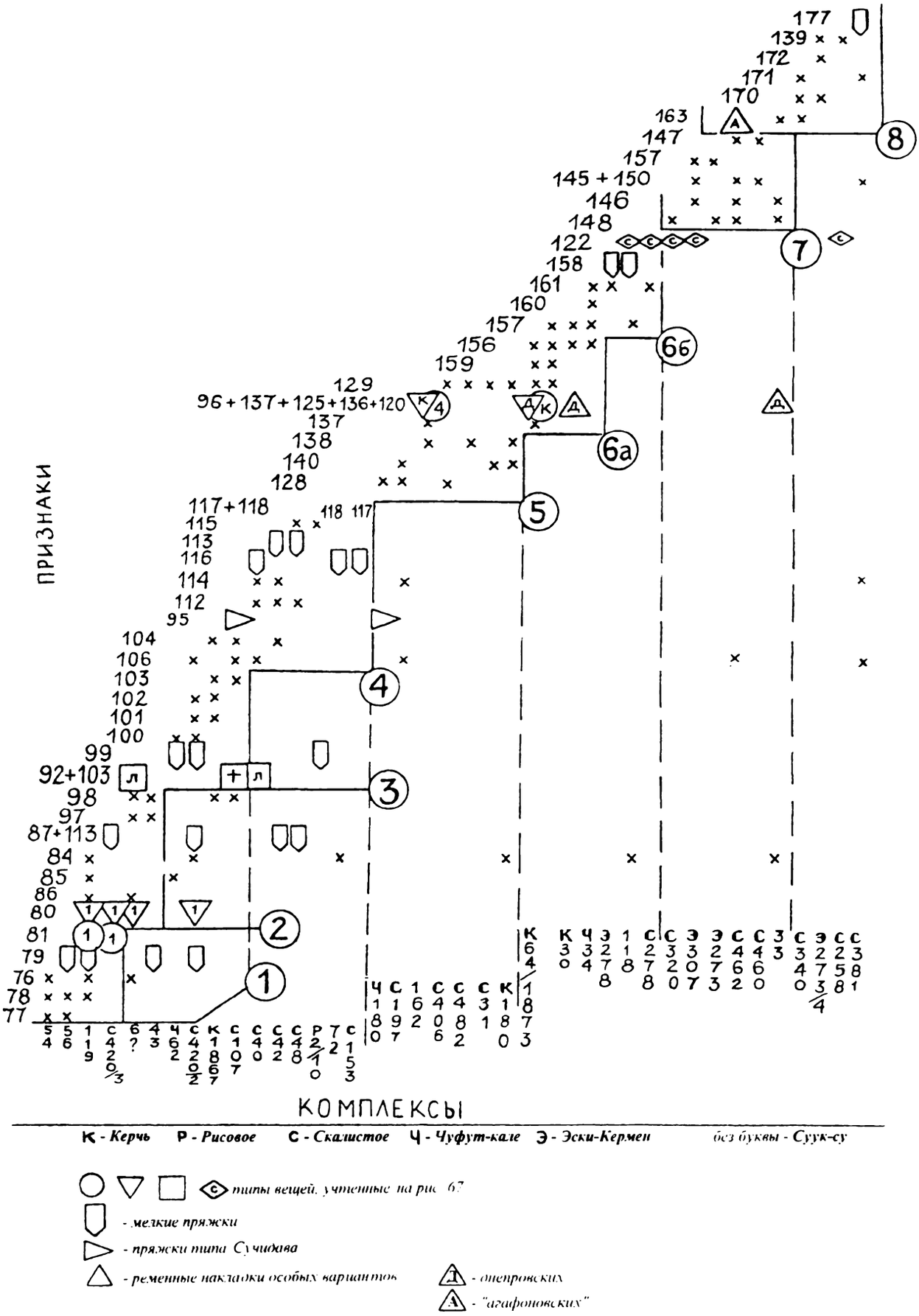


Рис. 68. Совстречаемость вариантов деталей ременной гарнитуры в комплексах Крыма.

По горизонтали в таблице и у образцов дан номер признака, по вертикали в таблице – номер комплекса и обозначение могильника: С– Скалистое, К– Керчь, Ч– Чуфут-кале, Э– Эски-Кермен, без буквы – Суук-Су (по материалам А.И.Айбабина). Обведены кружком номера групп.

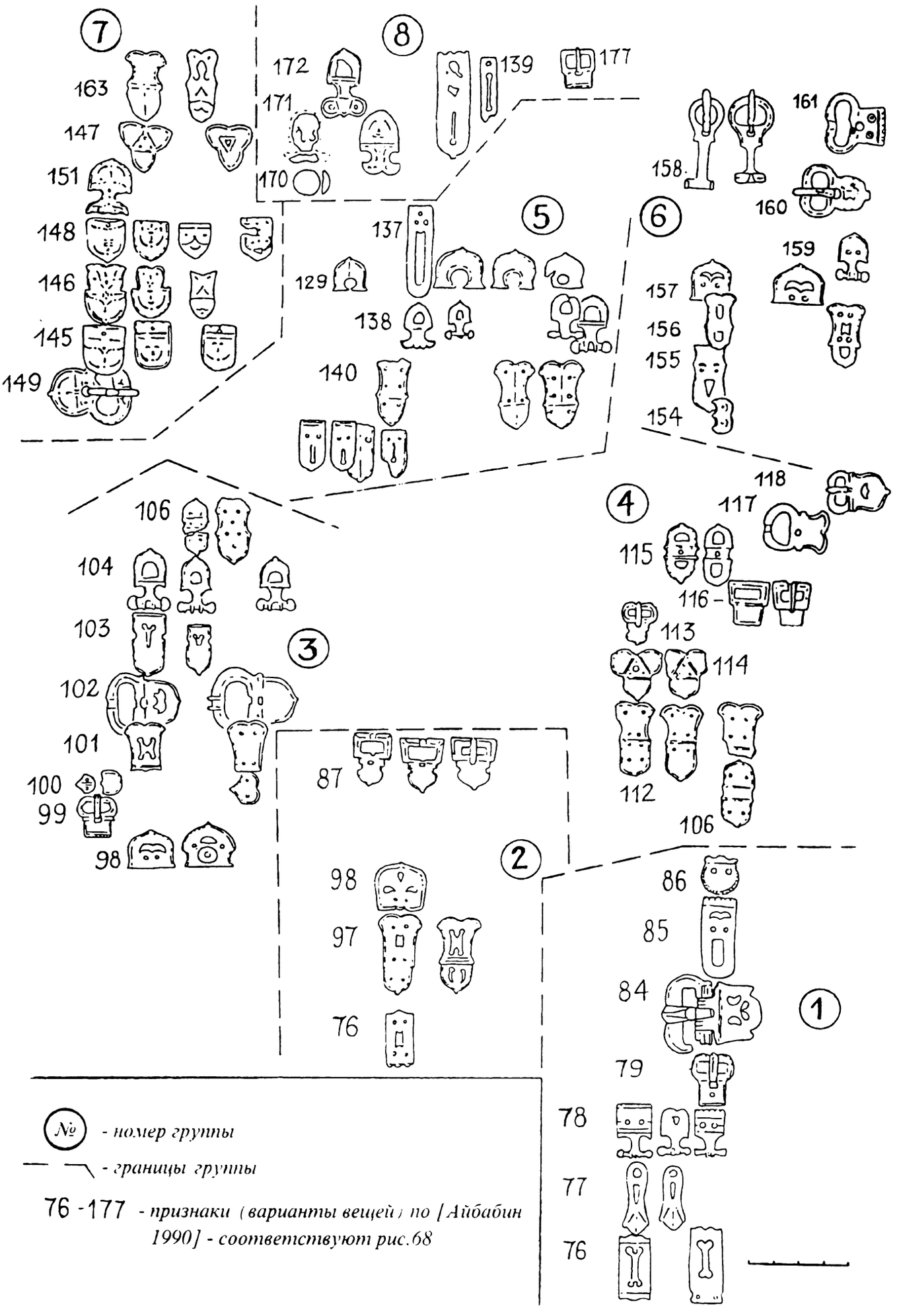


Рис.68а. Детали ременных гарнитур из Крыма.

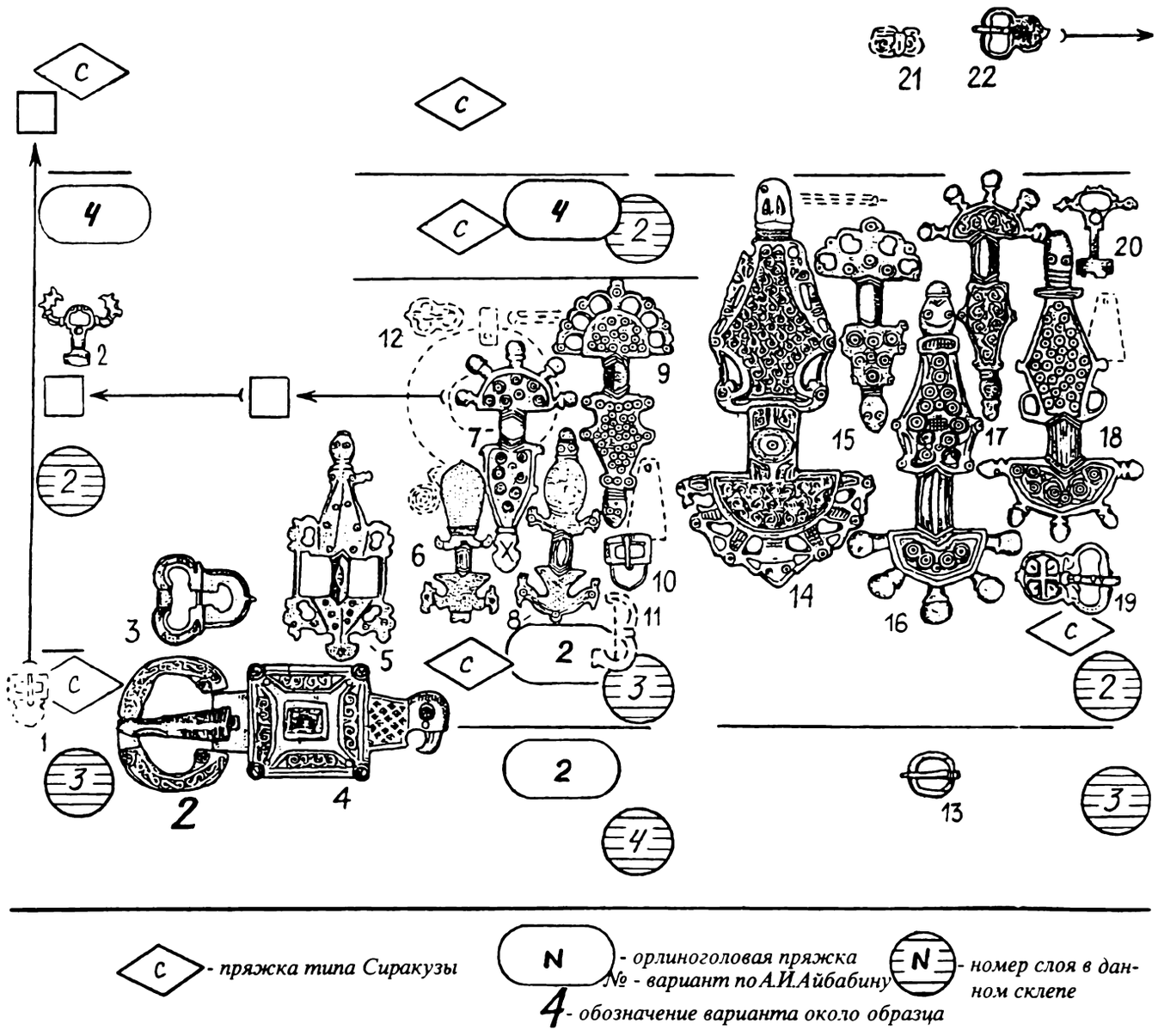
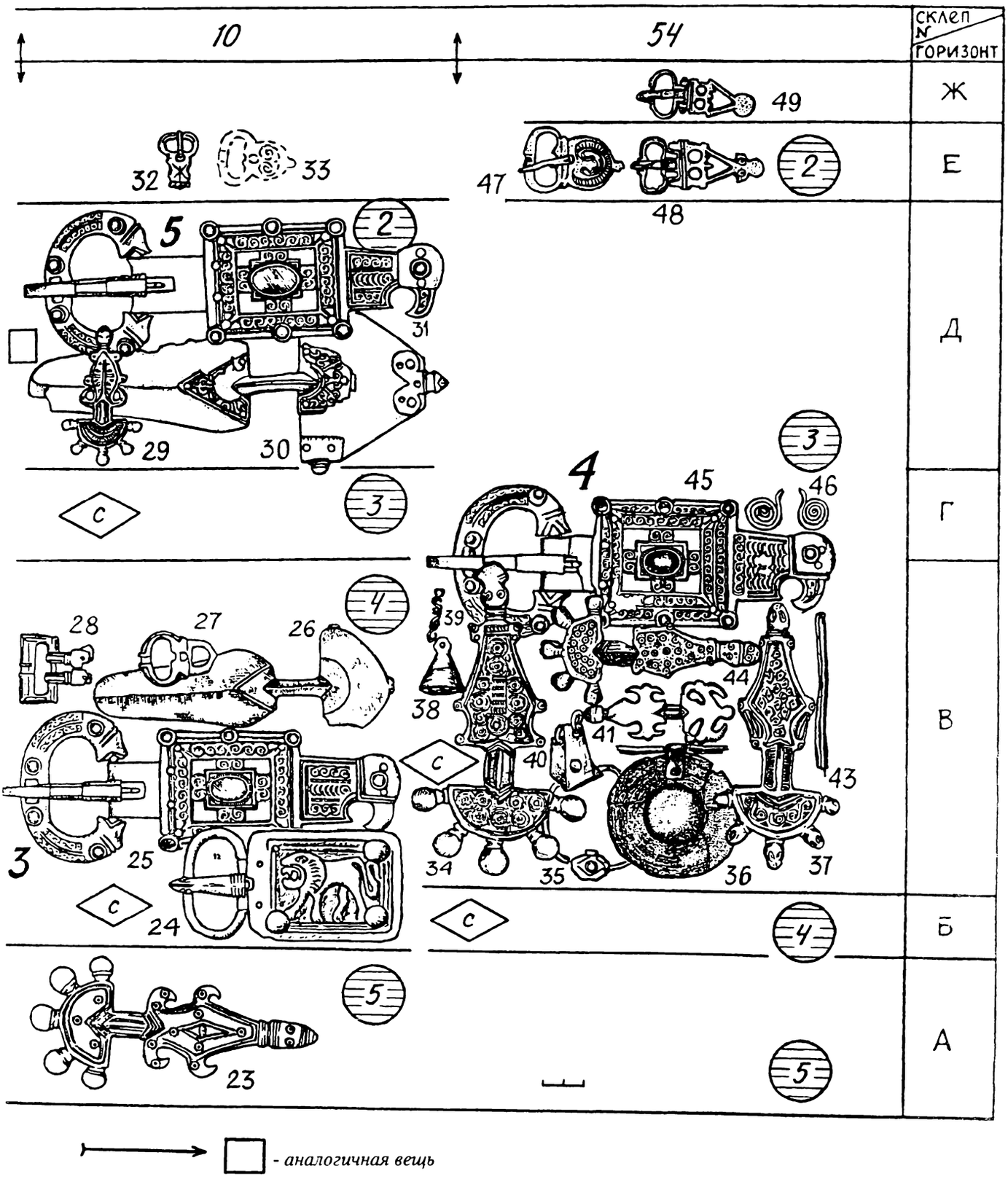


Рис. 69. Лучистое. Синхронизация стратиграфии некоторых



склепов (по данным А.И.Айбабина, опубликованным к 1995 г.)

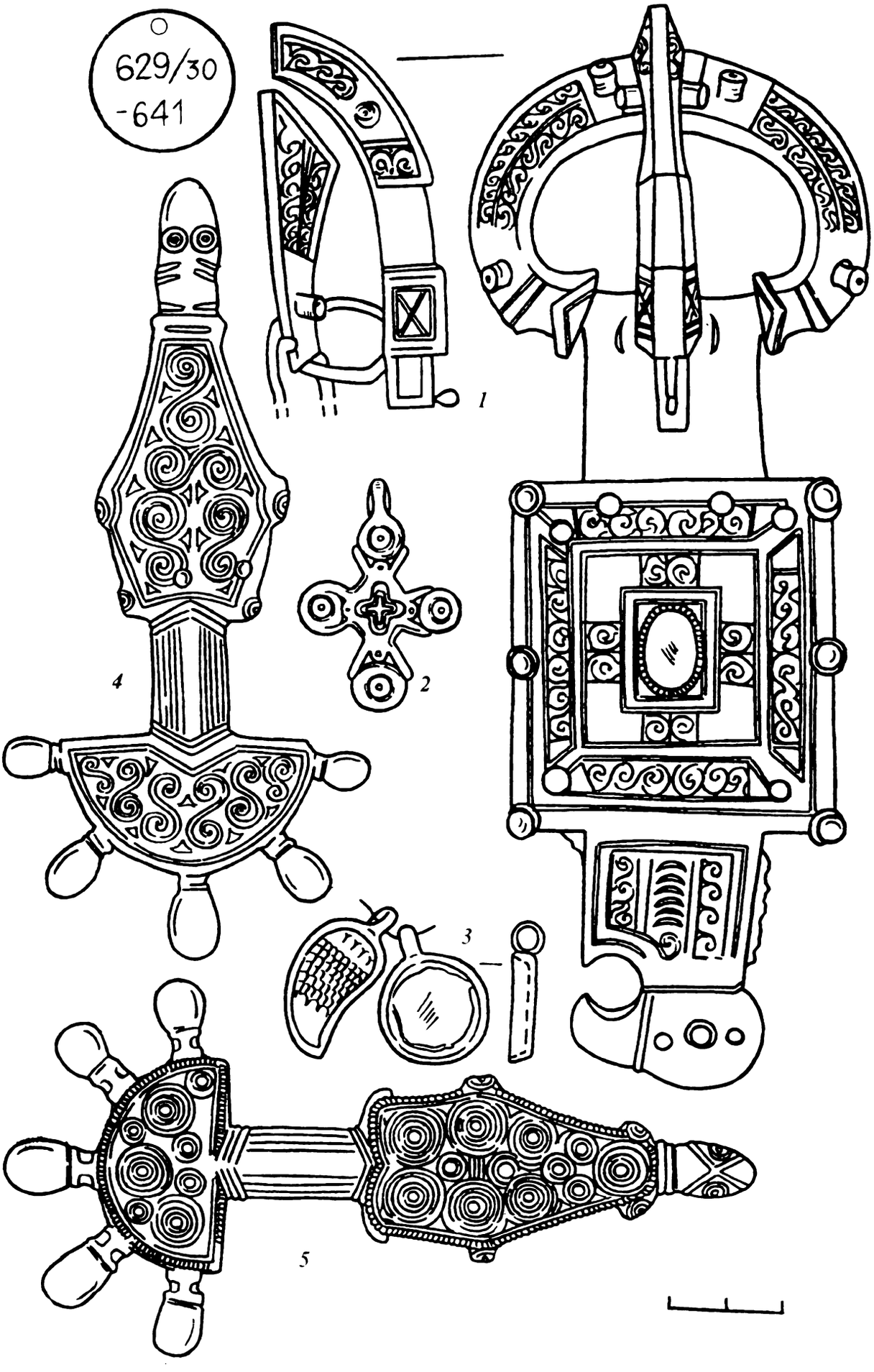


Рис. 70. Эски-Кермен. Склеп 257, материалы из погребения 6 (по А.Н.Айбабину).

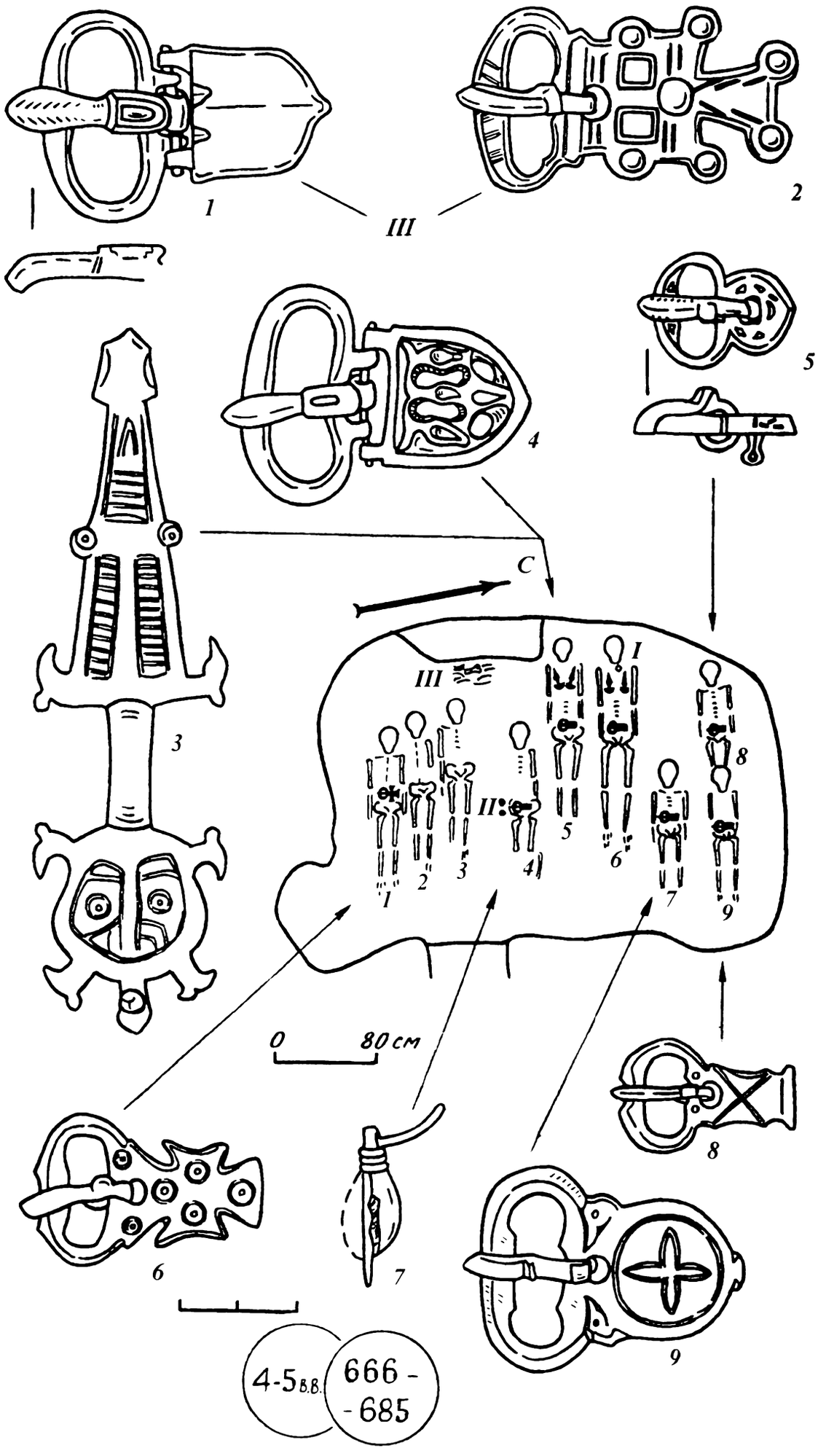
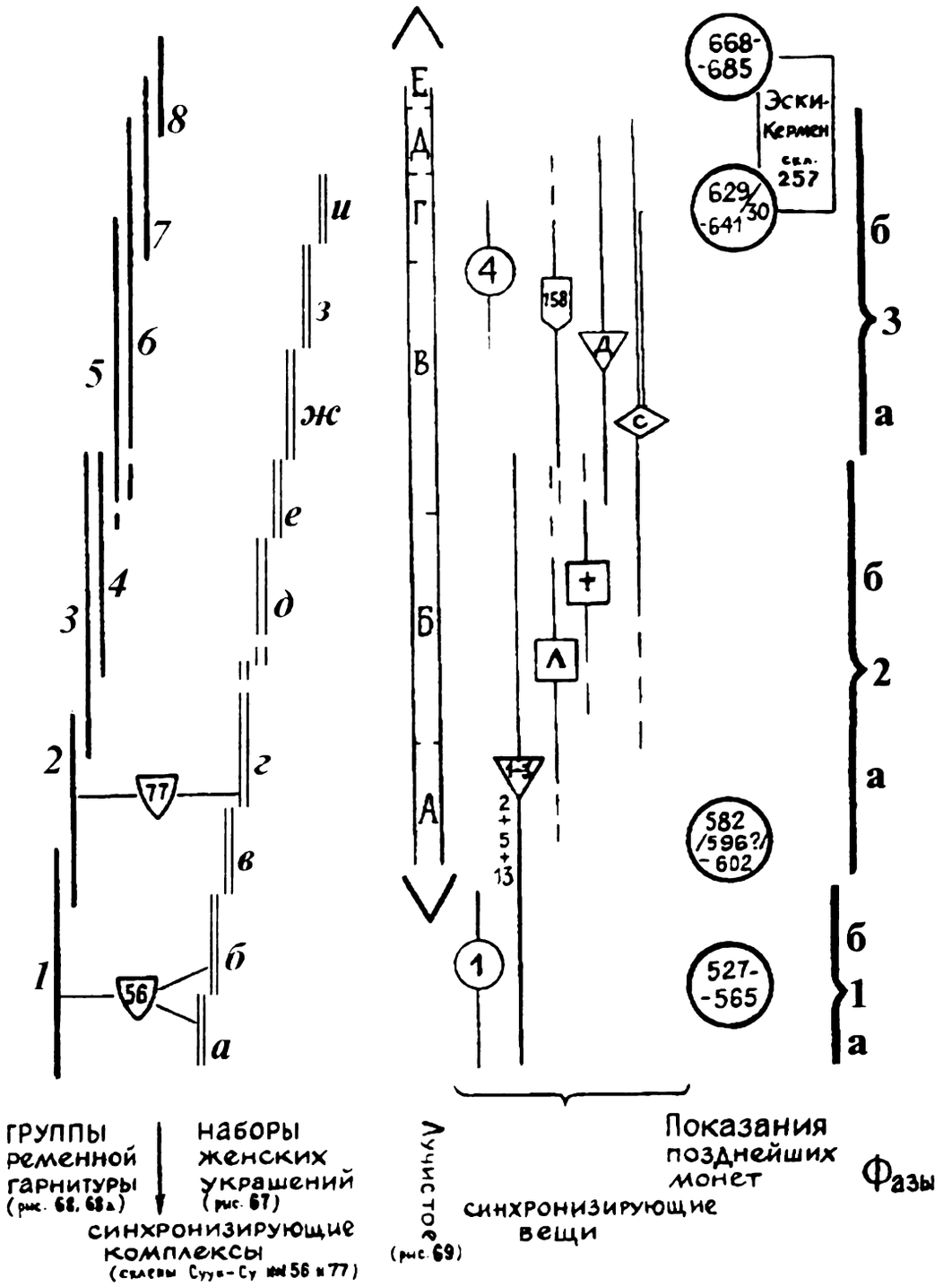


Рис. 71. Эски-Кермен. Склеп 257, материалы из погребений (по А.И.Айбабину).



Синхронизирующие вещи

(обозначения как на рис. 67-68)

(1) (4) — *орлиноголовые пряжки с держателями варианта 1 и 4 (по А.И.Айбабину)*

[+] [Λ] — *пряжки со щитком, украшенным львом или крестом*

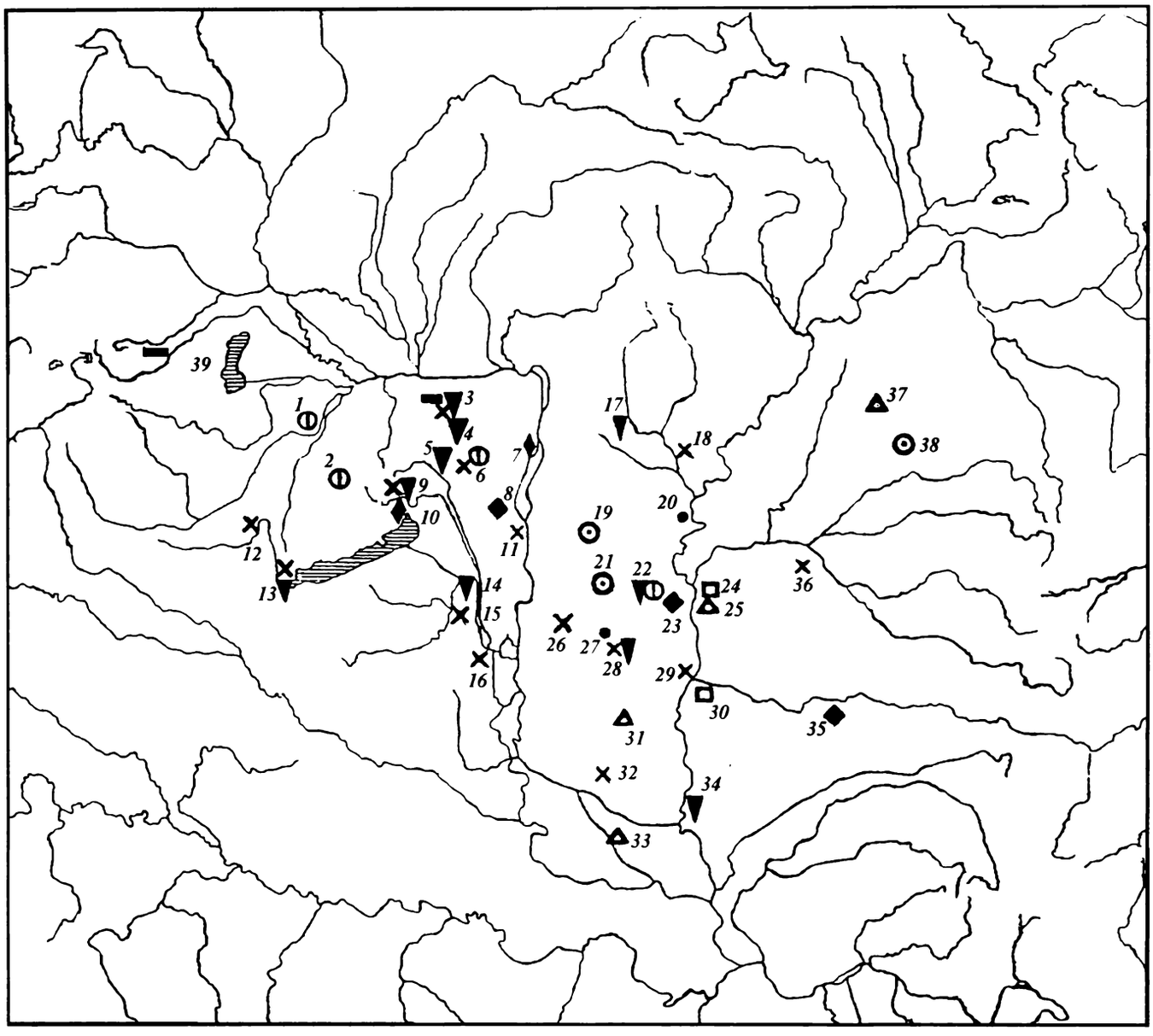
<c> — *пряжки типа Сиракузы*

[158] — *пряжки с коробчатой петлей*

1-3 — *двупластинчатые фибулы с накладками*

Д — *фибулы днепровской подгруппы*

Рис. 72. Синхронизация древностей типа нижнего горизонта Суук–Су. Итог – в правой колонке. Обозначения и материалы см. на рис.67–71.



- комплексы группы Кернье-Адонь
- находки литых псевдопряжек варианта 1в
- комплексы круга Боча-Перещепино
- Папа-Пакапуста
- наборы ювелиров
- группа Тольнамедь-Татабанья
- комплексы с отдельными накладками геральдического круга восточноевропейских вариантов
- группа Хадьюсобло-Суботица
- группа Кларафалва-Сентеш
- Факазрет-Юташ

Рис. 73. Группы некоторых памятников ранне- и среднеаварского времени в Карпатской котловине.
1 – Бадьог, 2 – Папа, 3 – Кернье, 4 – Татабанья, 5 – Мор, 6 – Чакберень, 7 – Будапешт Факазрет, 8 – Адонь, 9 – Варпалота, 10 – Юташ, 11 – Дюнапентеле, 12 – Покасепетк, 13 – Кестхей, 14 – Тольнамедь, 15 – Дьонк, 16 – Сексард, 17 – Замбок, 18 – Алаттьян, 19 – Кунбабонь, 20 – Чатасег, 21 – Боча, 22 – Пакапуста, 23 – Гатер, 24 – Кларафалва, 25 – Сегвар, 26 – Кецекль, 27 – Кишкунфельдьхаза, 28 – Кунпесер, 29 – район Сегеда, 30 – Сентеш, 31 – Суботица, 32 – Врбас, 33 – Манджелос, 34 – Арадац, 35 – Фельнак, 36 – Мезоберень, 37 – Хадьюсобло, 38 – Тепе.

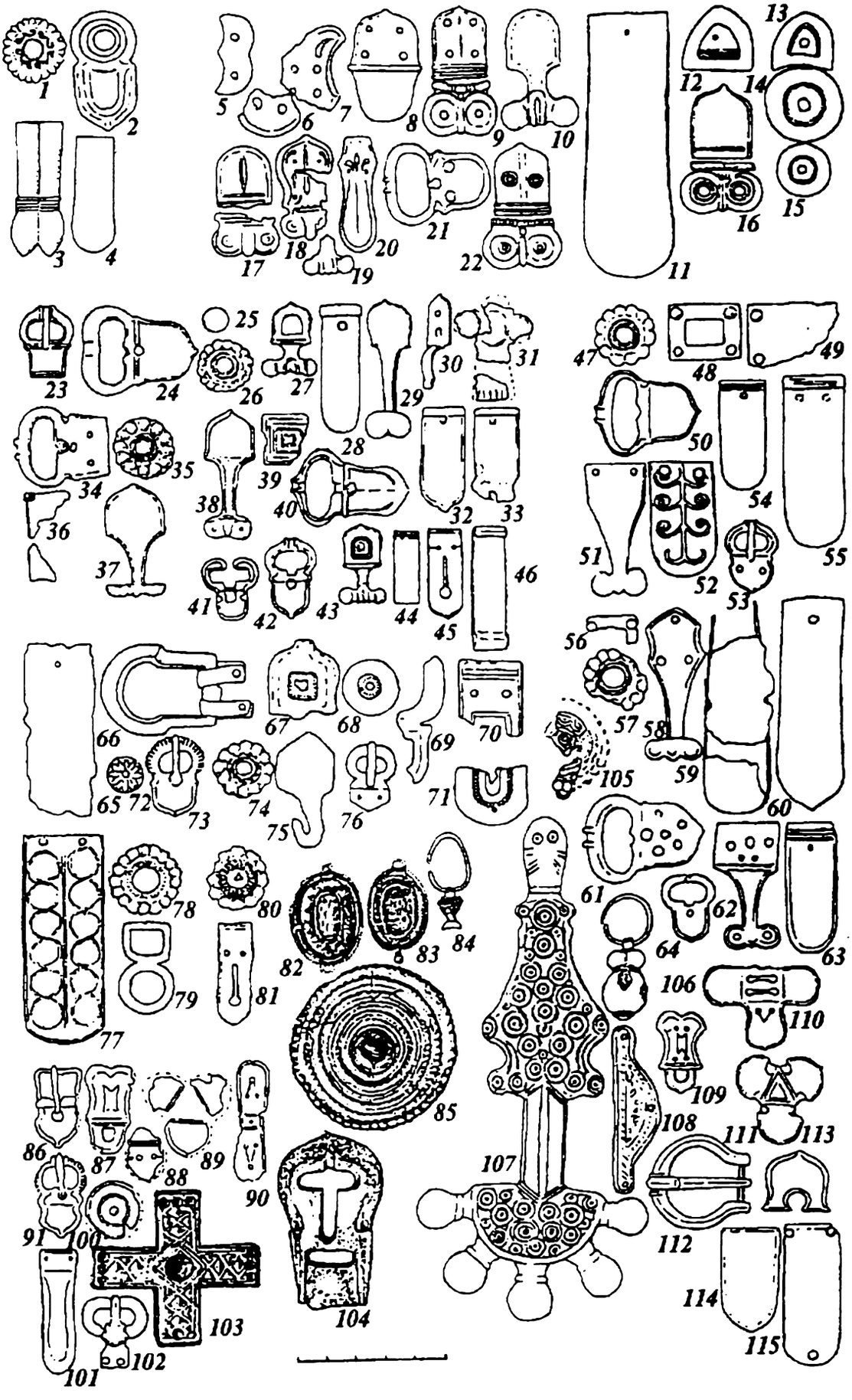


Рис. 74. Комплексы из Карпатской котловины, содержащие элементы ременной гарнитуры геральдического стиля и пальчатые фибулы.

Ракоцифала – 1–4; Кернье: п.151 – 5–11, п.71 –12–15, п.130 – 21–22, п.23 – 34–37, п.60 – 47–55, п.147 – 61–64, п.78 – 65–76, п.149 – 77–75; район Сегеда –17–20; Мор Акастодомб п.21 – 23–33; Татабанья: соор.5 – 38, соор.5 или 6 – 39; Тольнамедь – 40–46; Леоберсдорф п. 1953 г. – 80–81; Сегвар Оромдюло п.1 – 82–104; Чепель п.14 – 105–107; Манджелос – 108–109; Хадьюсобло – 110–111; Суботица – 112–115.

Рис. 75. Комплексы из Карпатской котловины, содержащие элементы ременной гарнитуры геральдического стиля и зооморфные накладки.

Фельнак – 1–44; Будапешт XII (Факазрет) – 45–50; Гатер п.11 – 51–63; Адонь – 64–76; Сексаро: п.605 77,79, п.603 – 78; Кестхей Фенекпуста: п.II – 80–83, п.III – 84–85.

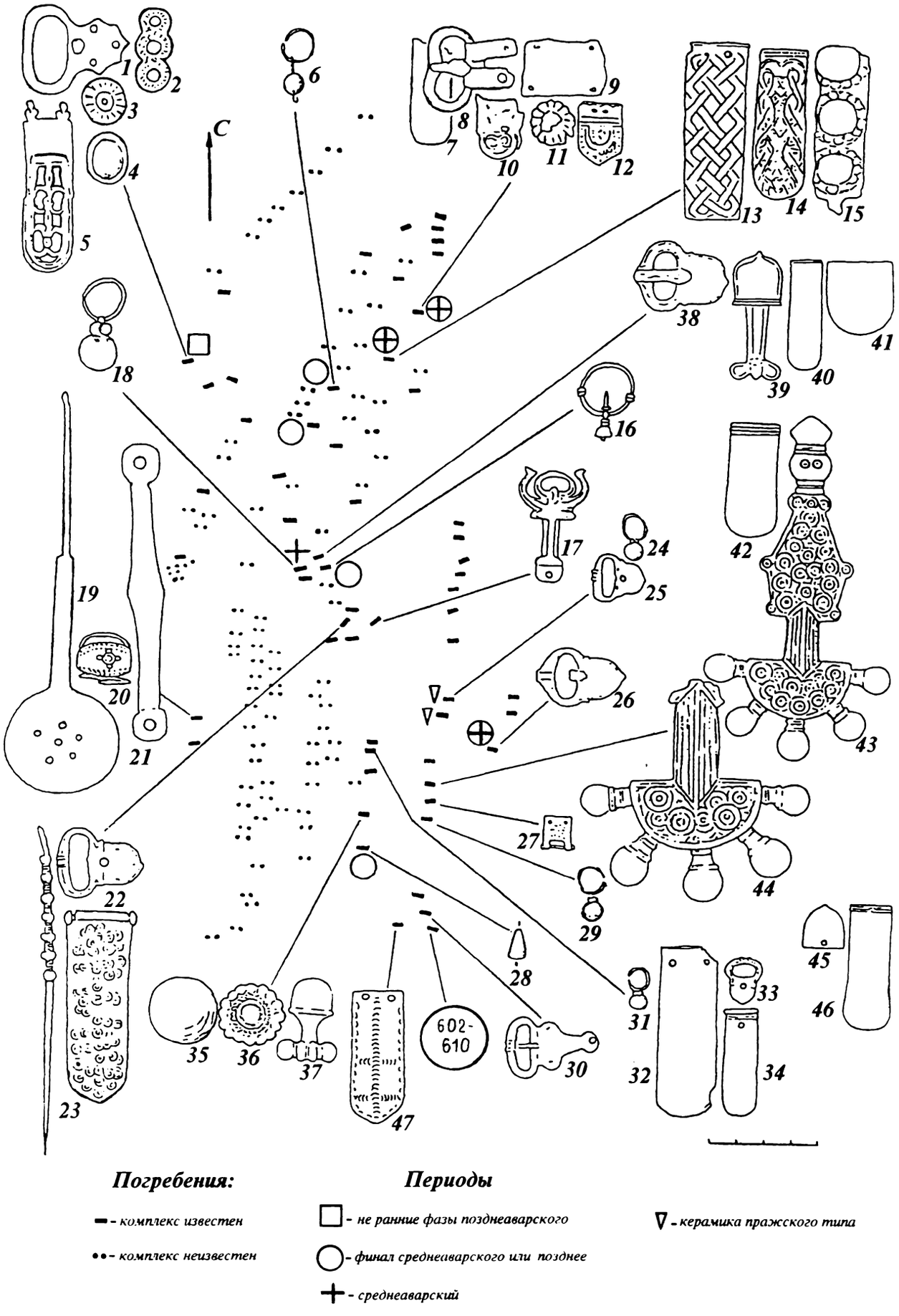


Рис. 76. Планиграфическое распределение материалов могильника Варпалота Гимназия.

1-5 — погр.141; 6 — погр.128; 7-12 — погр.132; 13-15 — погр.134; 16 — погр.196; 17 — погр.204; 18 — погр.192; 19-21 — погр.210; 22-23 — погр.208; 24-25 — погр.220; 26 — погр.227; 27 — погр.213; 28 — погр.203; 29 — погр.214; 30 — погр.223; 31-34 — погр.199-200; 35-37 — погр.202; 38-41 — погр.194; 42-44 — погр.212; 45-46 — место погр. на плане не известно; 47 — погр.222.

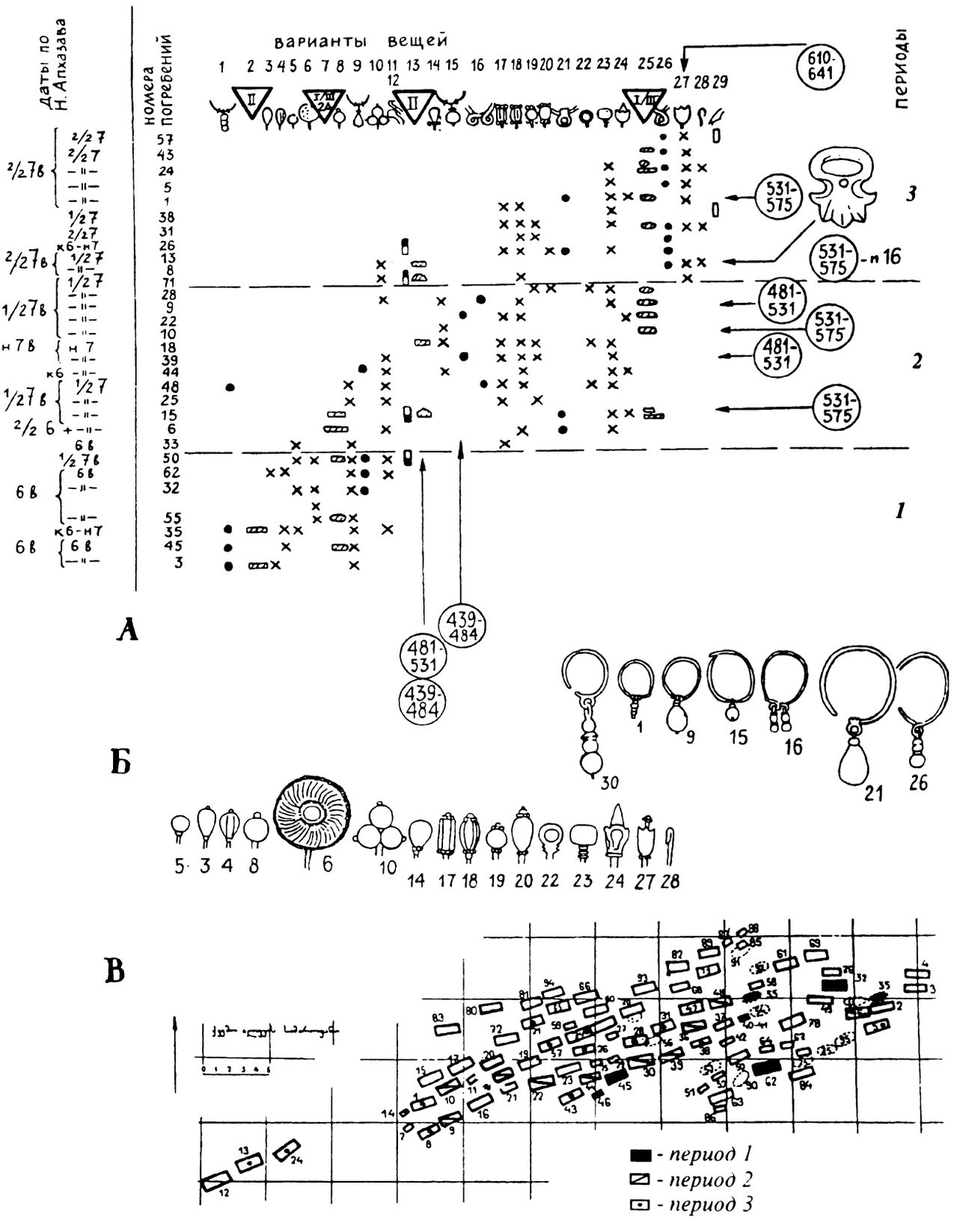
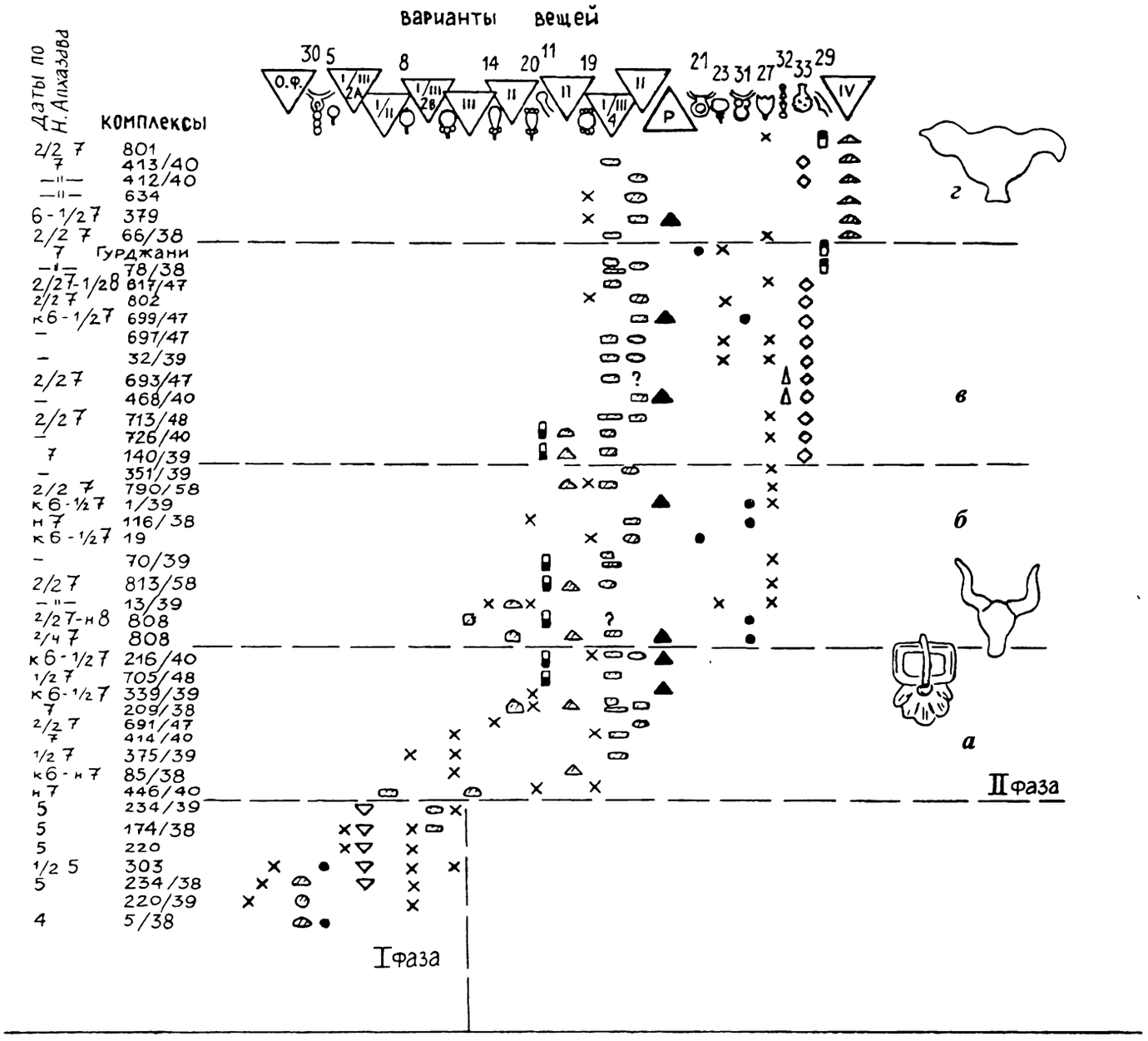


Рис. 77. Материалы могильника Квемо Алеви.

А – сочетания вариантов вещей в комплексах погребений; образцы вариантов вещей и обозначения даны на рис.77Б и 78; Б – образцы вариантов серег и булавок; В – планиграфическое распределение датированных погребений в Квемо Алеви.



№ - *фибулы (№ - группа по Н.И.Апхазаве)*

сечение дужки фибулы

Р ▲ - *детали гарнитуры многочастных ремней (рис.79)*

браслеты (11 - с загнутыми концами; 12 - с шариками на концах; 29 - с утолщенной серединой

● - *серьги: 31 - цельнолитые с подвеской из шариков (рис.79: 19, 31, 40); прочие - см. рис. 77б*

× - *булавки - см.рис.77б*

застежка-пуговица с перехватом в середине и шариками на концах (признак 32 - как на рис.81: 40д)

◇ - *бутылки с налепами (признак 33 - рис.79:14, 21)*

Рис. 78. Сочетания вариантов вещей в комплексах Самтавро и Гурджани.

В правой колонке, кроме обозначения фаз, даны образцы некоторых единичных вещей.

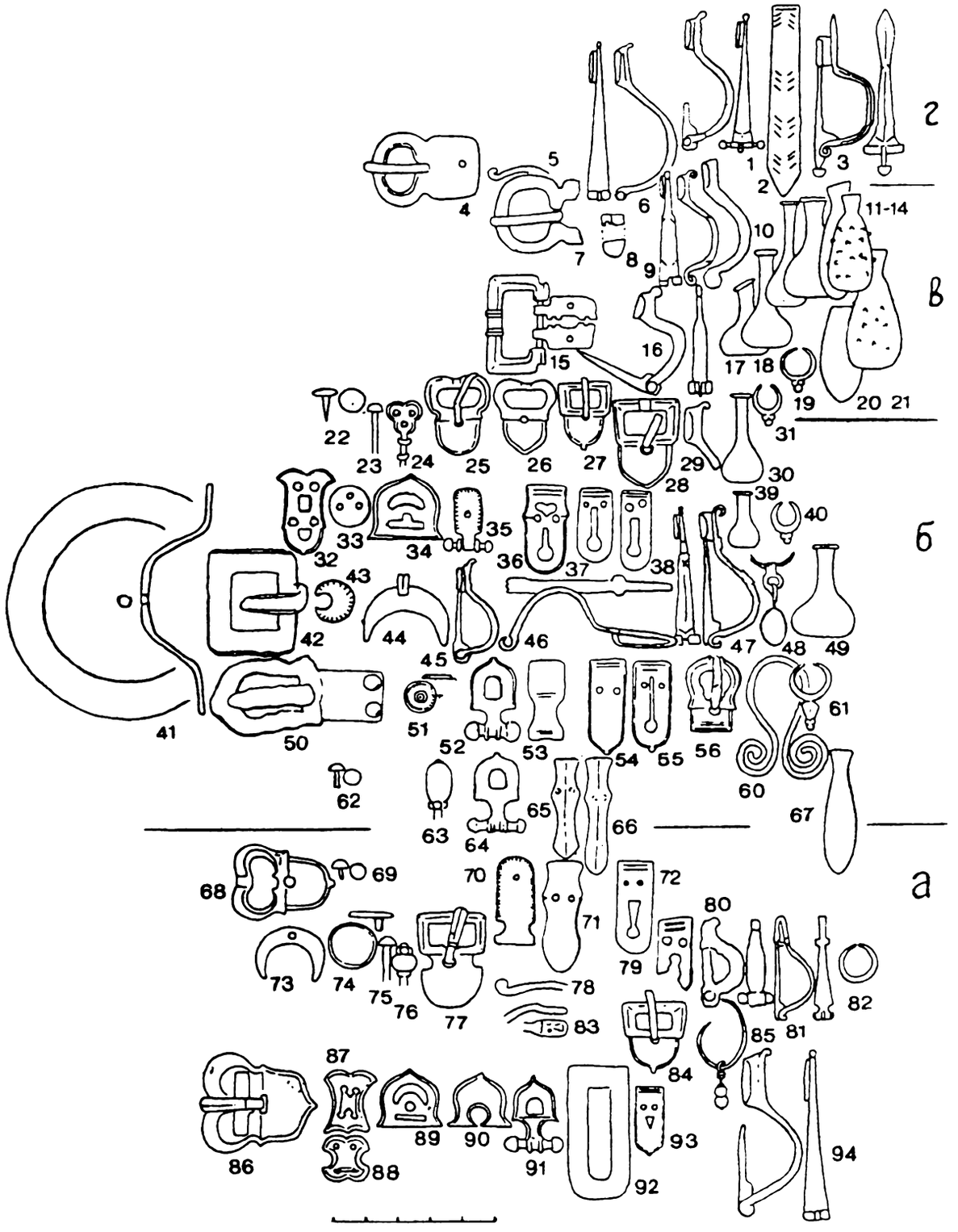


Рис. 79. Гарнитуры раннесредневековых ремней из Грузии и некоторые сопровождающие их находки.

Самтавро: п.379 – 1–3, п.47/38 – 4–5, п.468/40 – 7–14, п.669/47 – 15–21, п.810/58 – 22–31, п.623/47 – 32–40, п.808 41–49, п.339/39 – 62–67, п.120/38 – 68–72, п.216/40 –73–82, Гавази – 50–61, Квемо Алеви: п.21 – 83–85, п.23 – 86–94

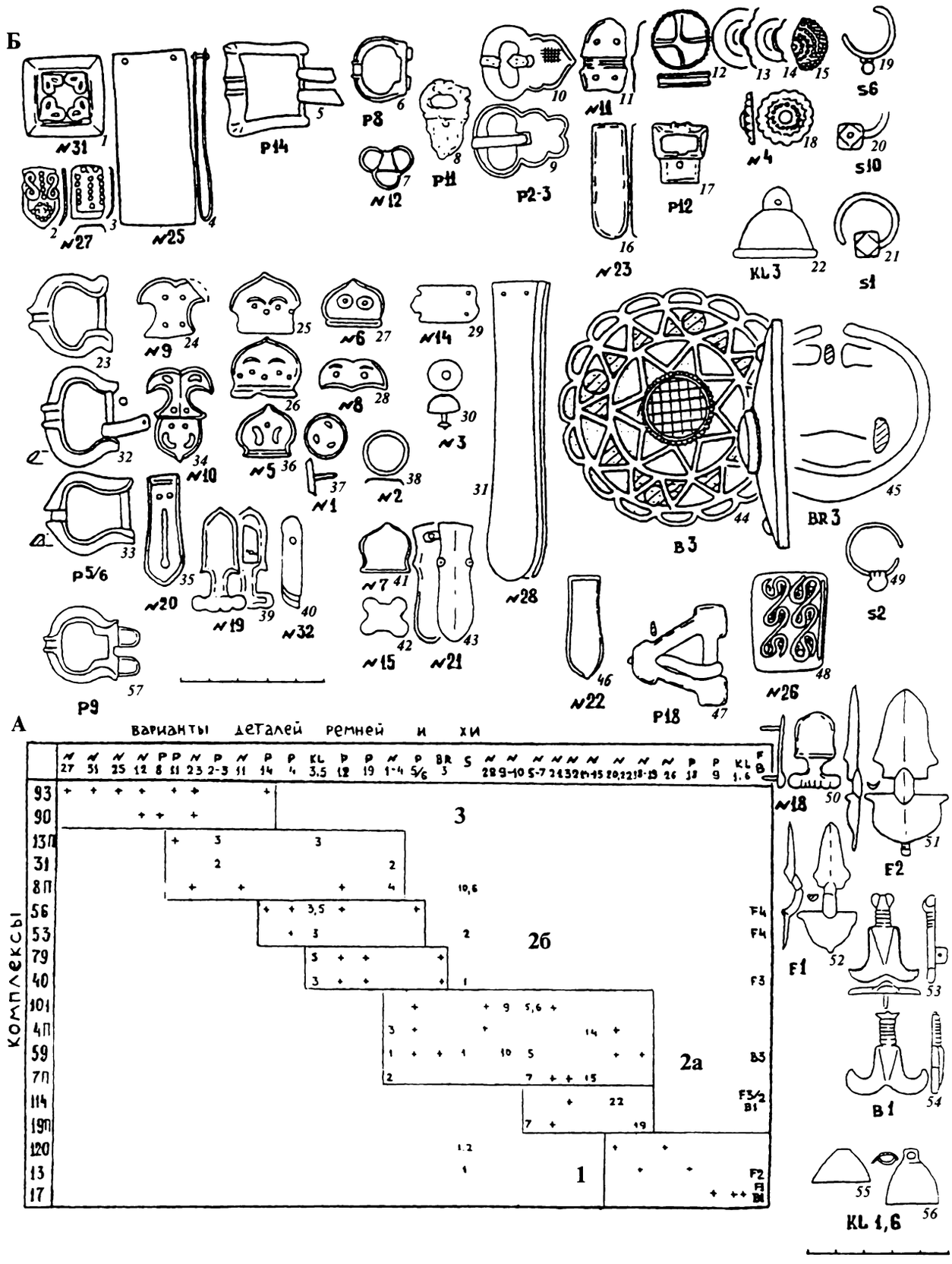


Рис. 80. Ременные гарнитуры из Чир–юртского грунтового могильника и сопровождающий их хронологически показательный инвентарь.

А - сочетание вариантов деталей ремней и некоторых хронологических индикаторов (ХИ) в комплексах. Комплексы: со знаком "П" - из раскопок Н.Д.Путинцевой; прочие - из раскопок И.П.Костюченко.

Б - образцы вещей. N - накладки, P - пряжки, KL - колокольчики, S - серьги, BR - браслеты, F - фибулы, B - броши.

1-5 — погр.93; 6-7 — погр.90; 8-9 — погр.31; 10,22 — погр.13П; 11-20 — погр.8П; 32-34, 44-45 — погр.59; 23-28 — погр.101; 29-32 — погр.4; 38, 40-43 — погр.7П; 39 — погр.19П; 46 — погр.114; 47,50-51 — погр.13; 48-49 — погр.120; 52-57 — погр.17.

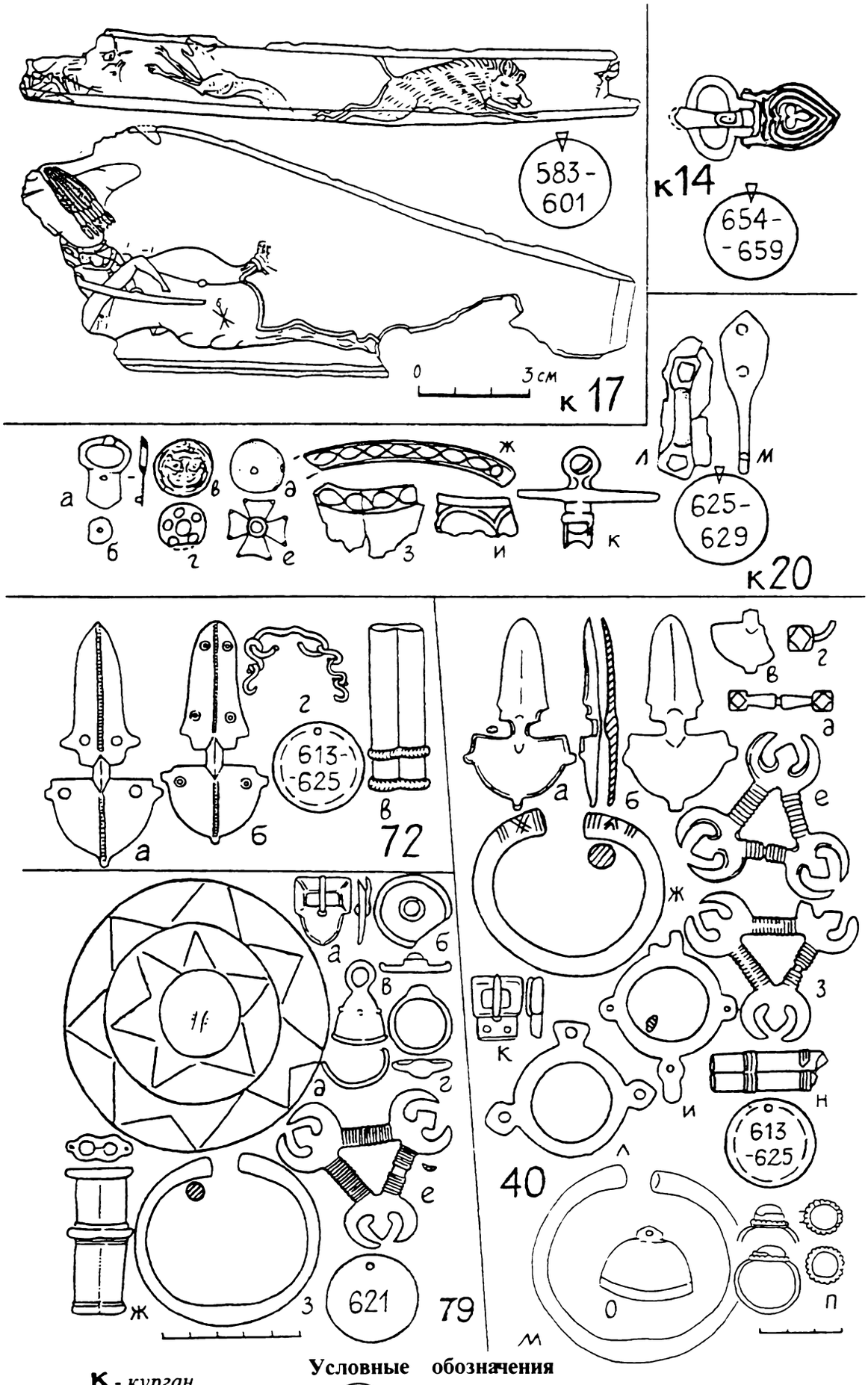


Рис. 81. Датированные монетами комплексы из Чир–юрта.

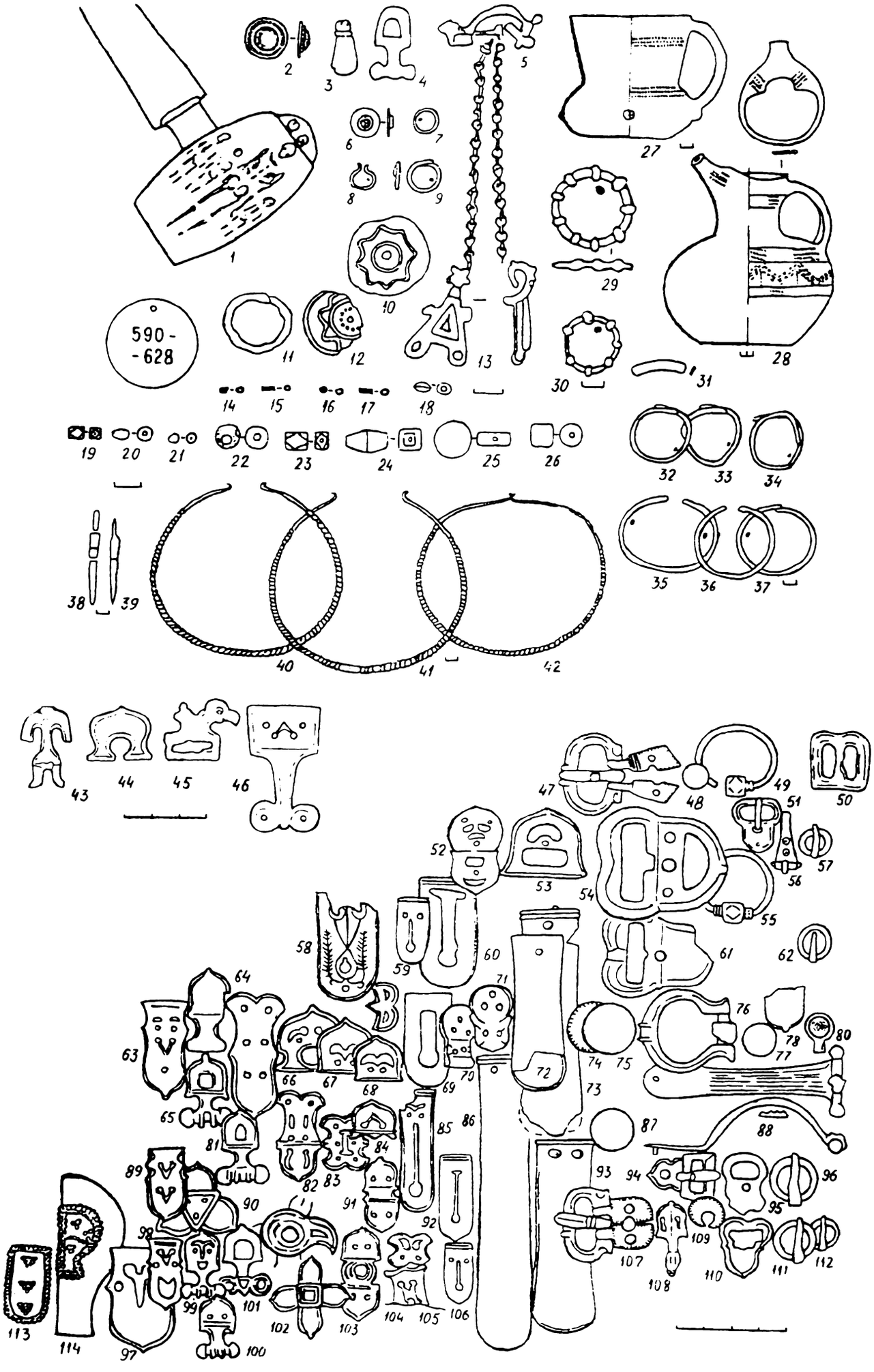


Рис. 82. Комплексы из восточной и центральной части Северного Кавказа.
Мартан-чу 2, п.7 – 1–42; Гудермес – 43–46; Чми: кат.А – 47–50, кат.Г – 52–57, кат.Д – 58–62, кат.17 – 63–80, кат.12 – 81–88, кат.16 – 89–96, кат.11 – 97–112.

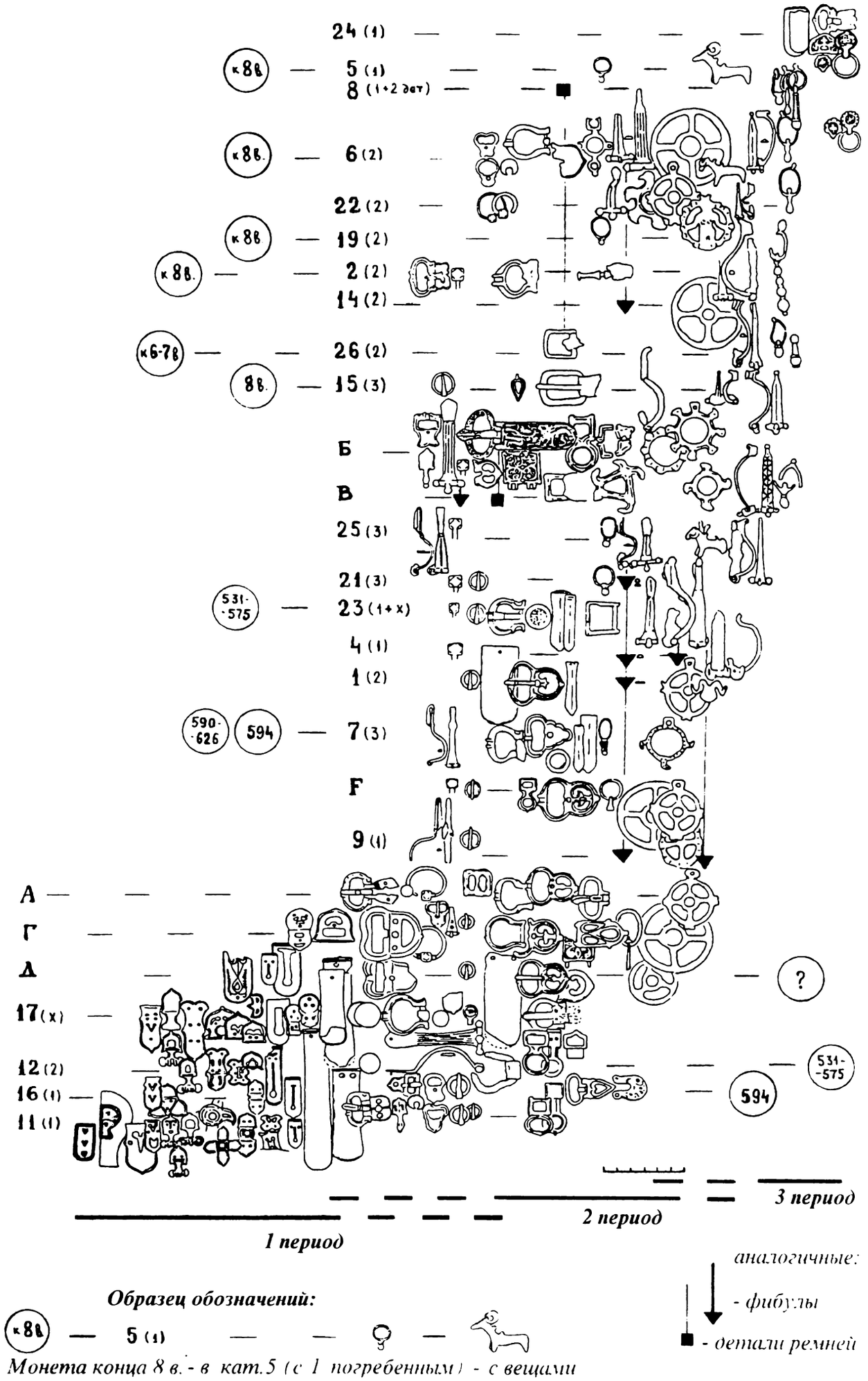


Рис. 83. Материалы периодов могильников в Чми.

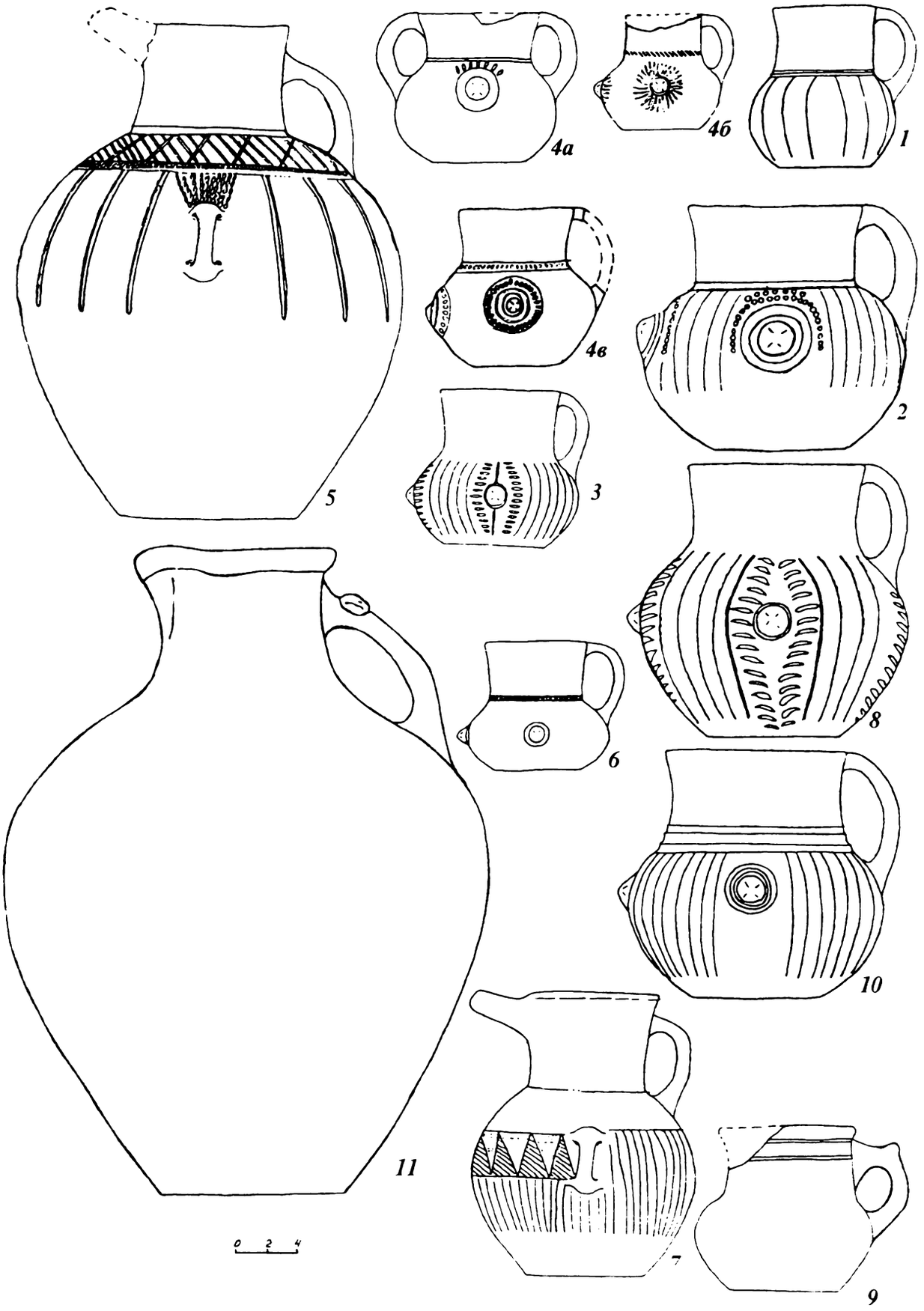
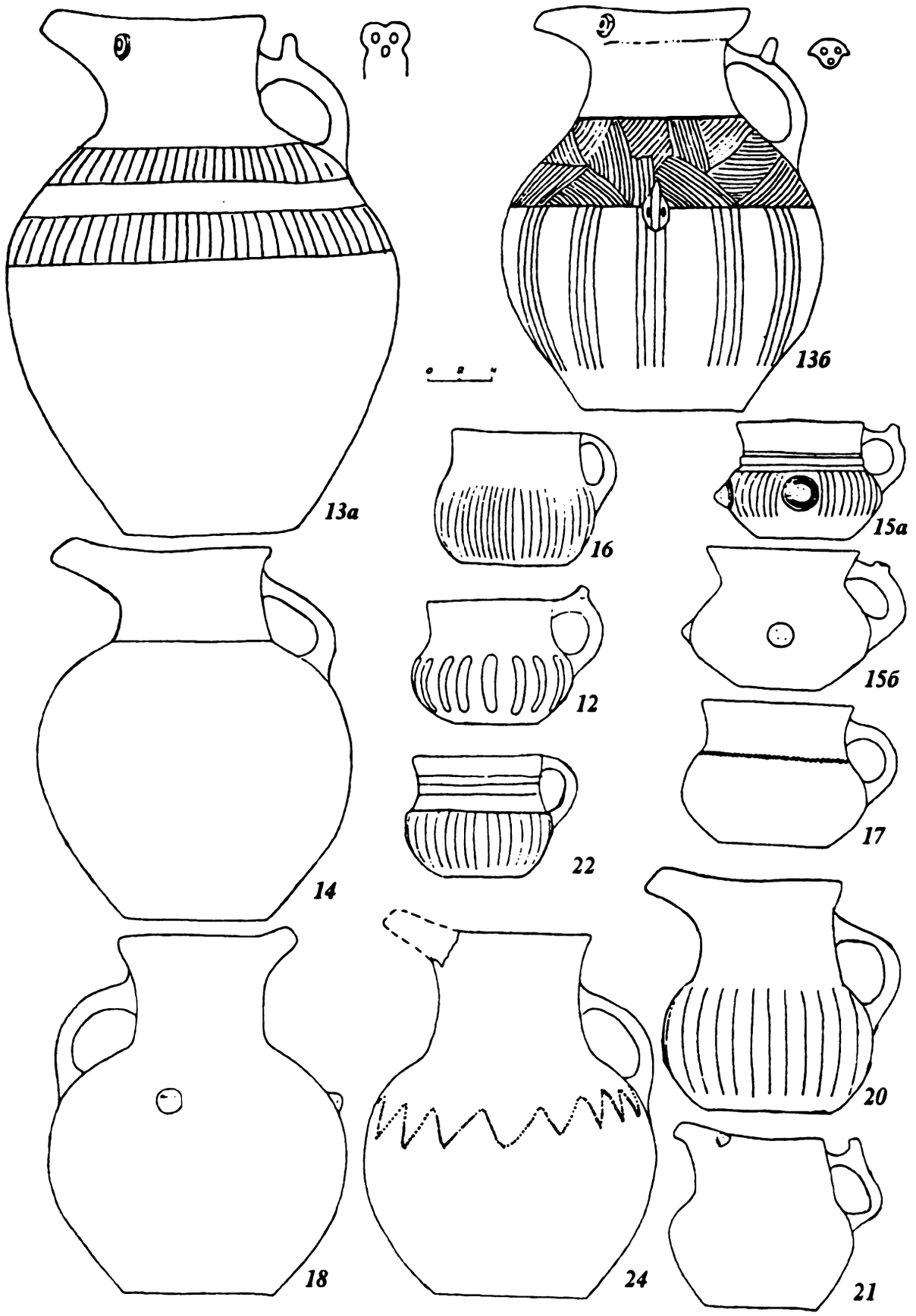


Рис. 84. Образцы сосудов из
1 - Кр.4.(к.121); 2 - Кк.2.(к.37), 3 - Кр.3. (к.121); 4 - Кр.2.(а-к.4, б-к.46, в-к.1-Аф), 5 - Кв.9 (к.82); 12 - Кр.12.(к.11-К); 13 - Кв.2.(а-к.125, б-к 122); 14 - Кв.5.(к.94), 15 - Кр.7.(а-к.122, б-к.10); 16 - Кр.11а.(к.94).



могильника Мокрая Балка

6 - Кр.1.(к.105); 7 - Кв.10.(к.-61); 8 - Кк.3.(к.46); 9 - Кр.5.(к.25-К); 10 - Кк.1.(к.123); 11 - Кв.1.(к.4-К); 17 - Кр.6.(к.9-К); 18 - Кв.4.(к.17); 20 - Кс.5.(к.22); 21 - Кс.1.(к.104); 22 - Кр.11а\б (к.17); 24 - Кв.3.(к.27).

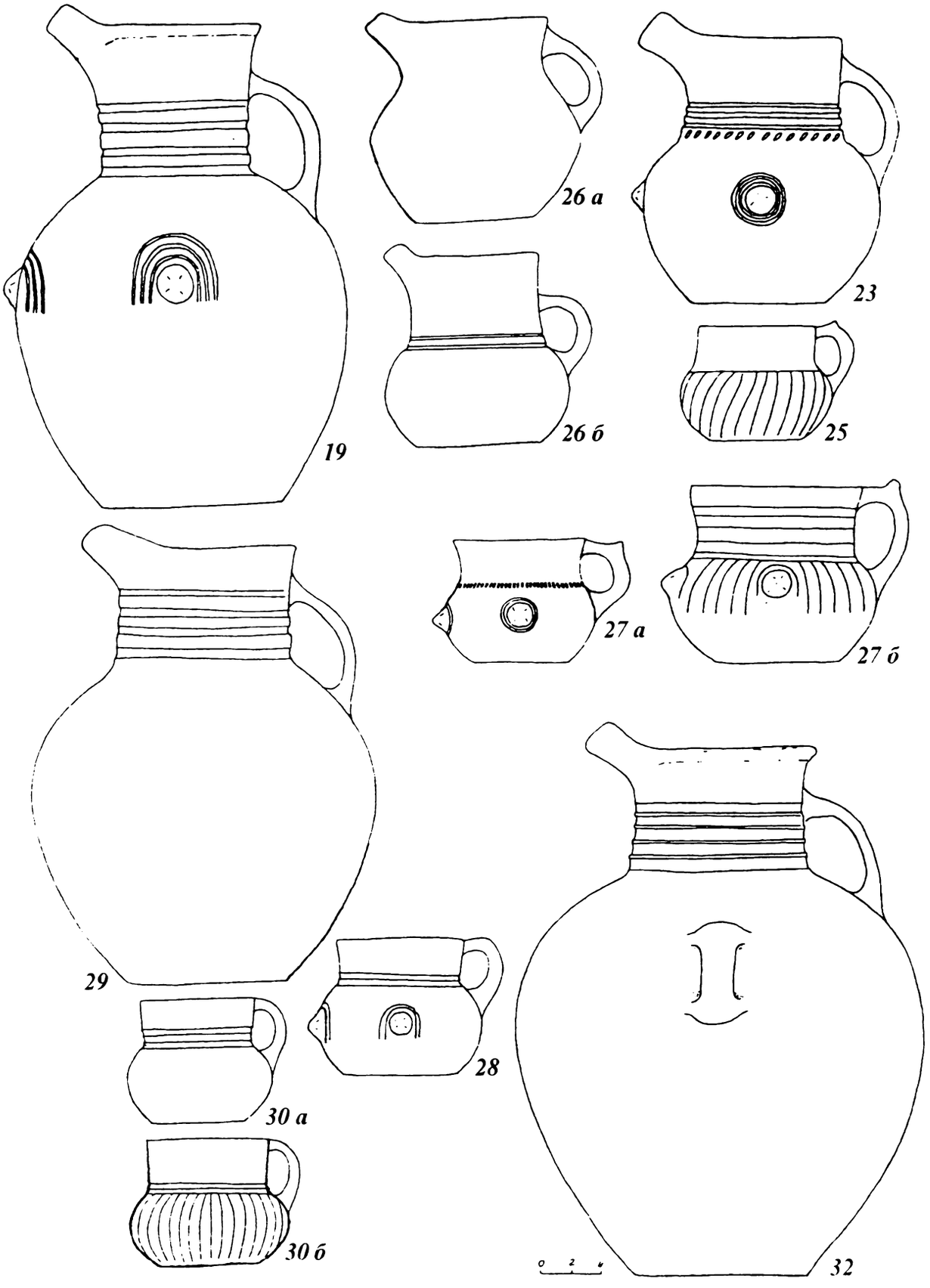
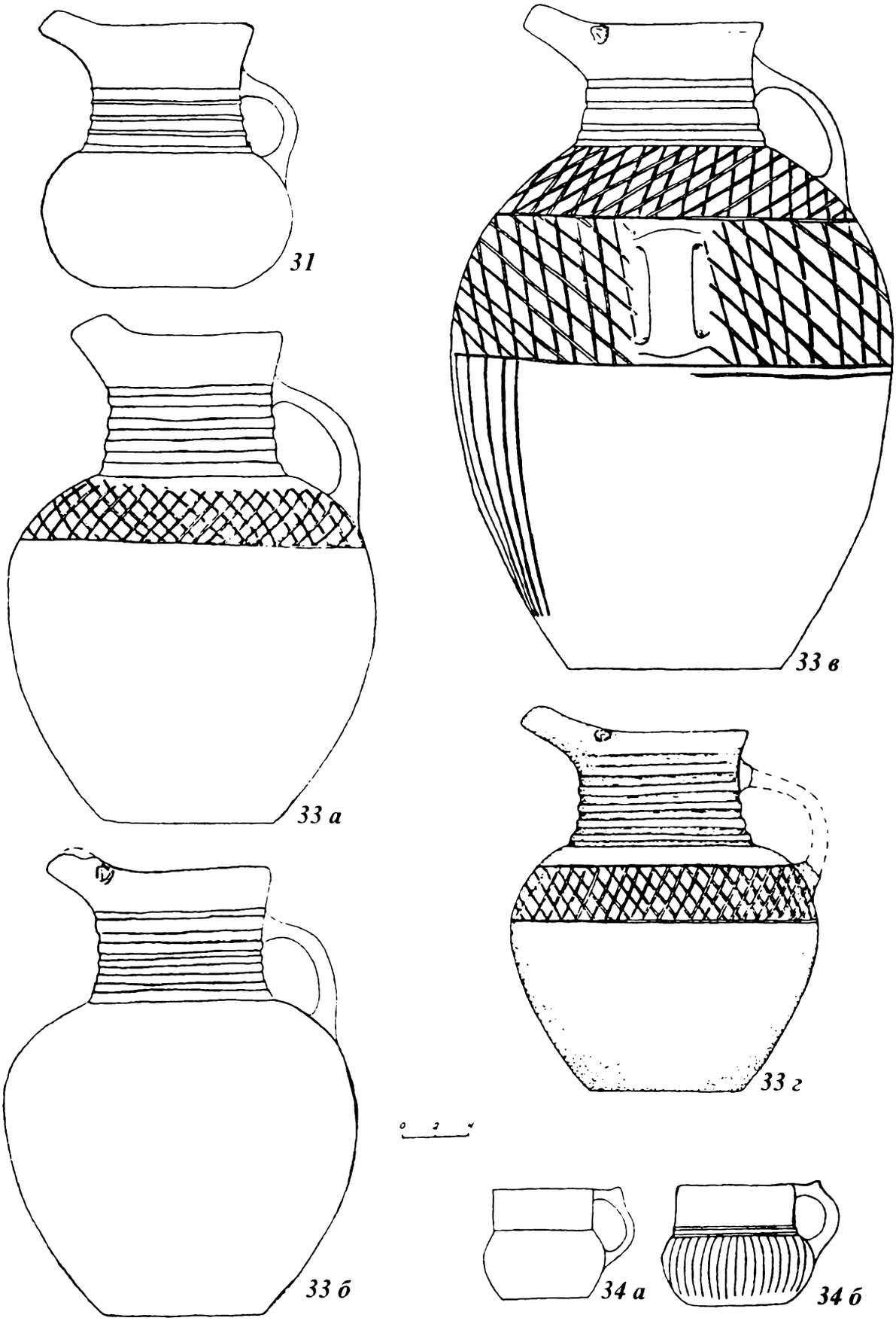


Рис.85. Образцы сосудов

19 - Кв.7.(к.52); 23 - Кс.4.(к.90); 25 - Кр.10а,а\б.(к 117); 26 - Кс.2.(а-к.45, б-к 117); 27 - Кр.8.(а-к.52, б-к 9
Кв.6.(а-к 78, б-к.113, в-к.118, г-к.92



из могильника Мокрая Балка

28 - Кр.9.(к.15); 29 - Кв.8.(к.113); 30 - Кр.11б.(а-к.16-к, б-к.114); 32 - Кв.11.(к.117); 31 - Кс.3.(к.114); 33 - 34 - Кр.10б.(а-к.124, б-к.73).

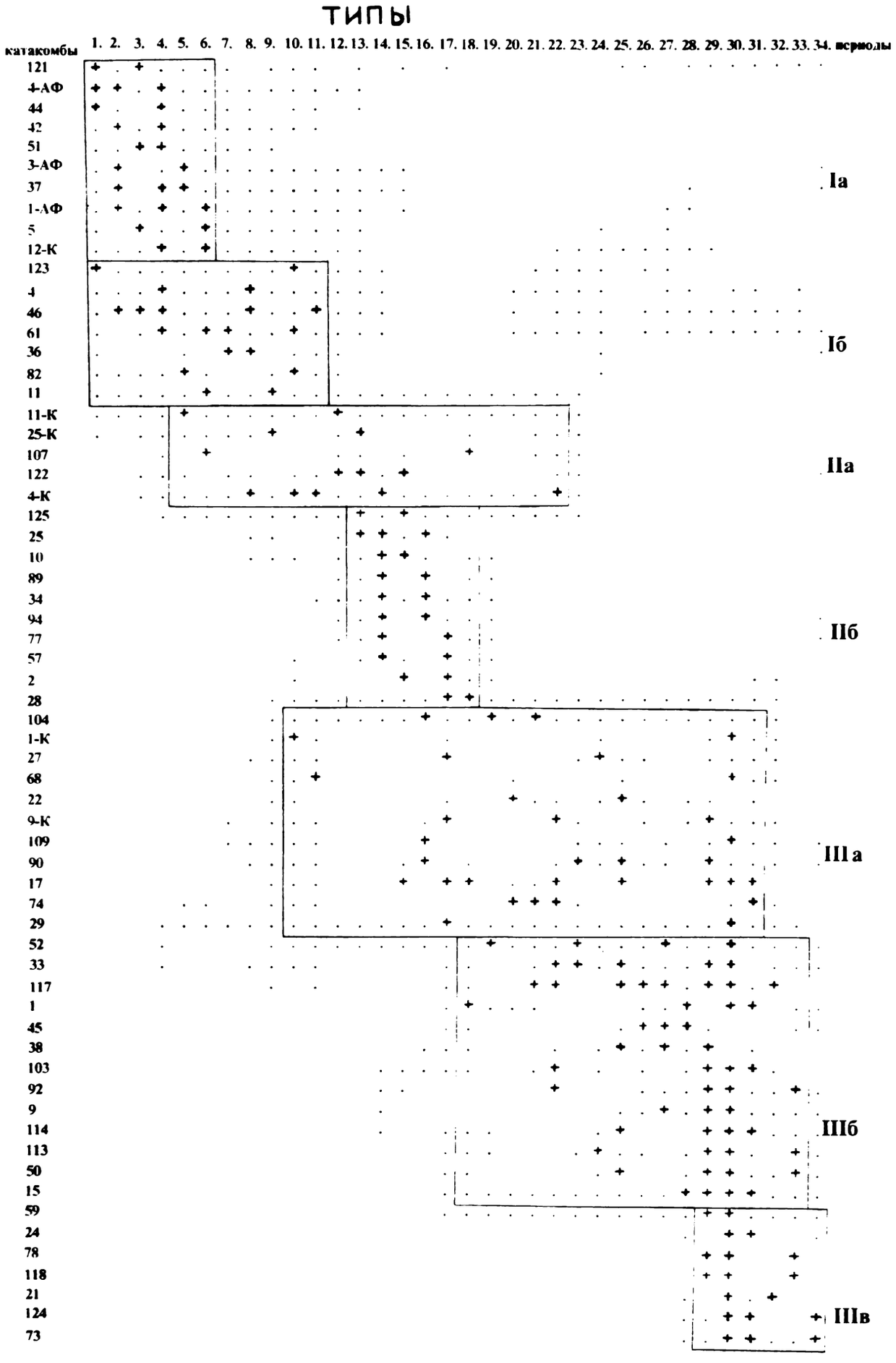


Рис. 86. Взаимовстречаемость сосудов в катакомбах могильника Мокрая Балка.

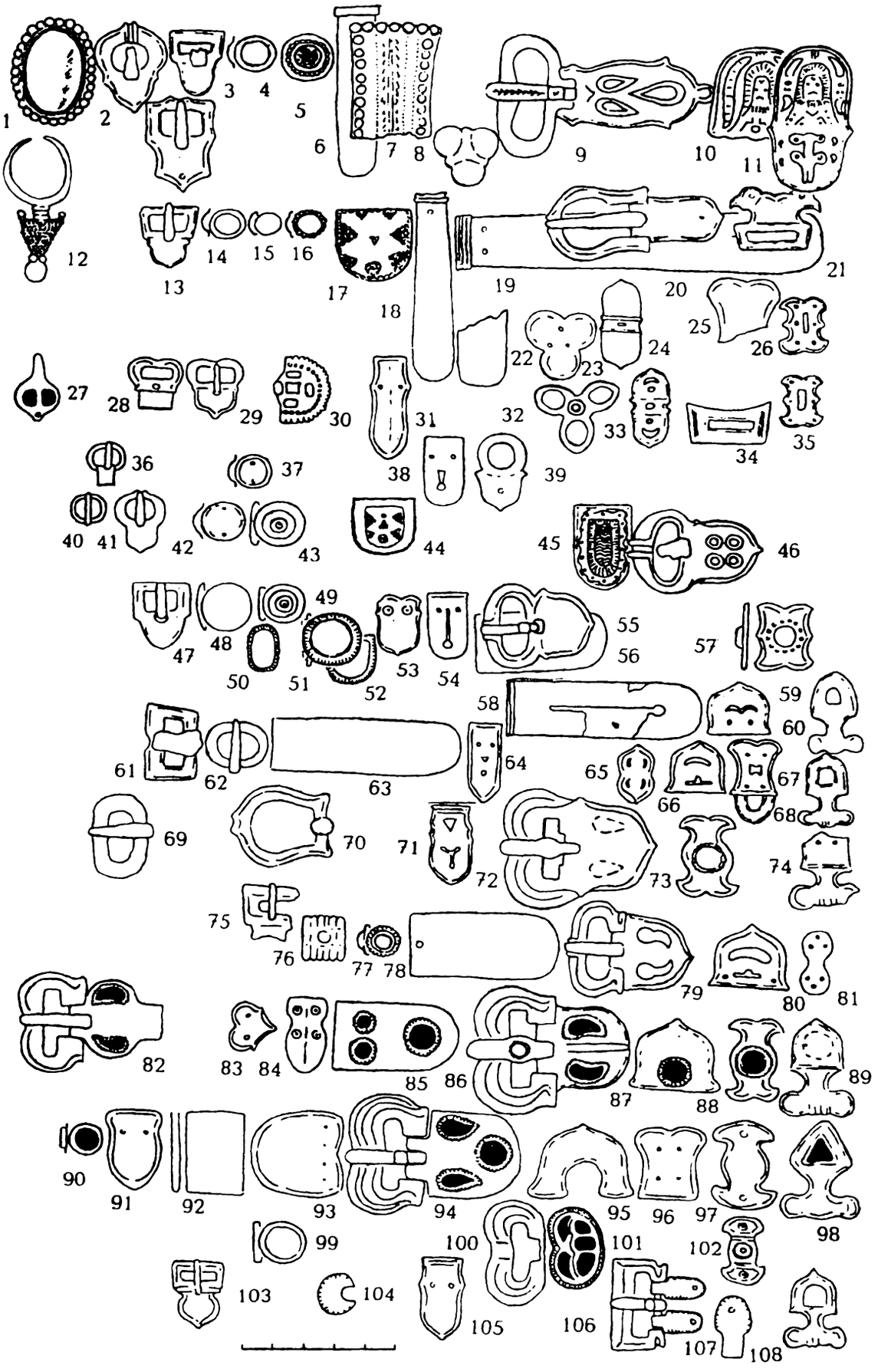


Рис. 87. Образцы ременной гарнитуры из могильника Мокрая Балка.
Распределение по периодам,выделенным на основе анализа керамики.
Кат.113 – 1–11, кат.117 – 12–21, кат.45 – 22–26, кат.1 – 27–35, кат.29 – 36–39, кат.17 – 40–44, кат.1К – 45– 46, кат.2А – 47–57, кат.34 – 58–60, кат.94 – 61–68, кат.25 – 69–70, кат. 89 – 71–74, кат.125 – 75–81, кат.122 – 82–89, кат.100 – 90–98, кат.4К – 99–102, кат.107 –103–108.

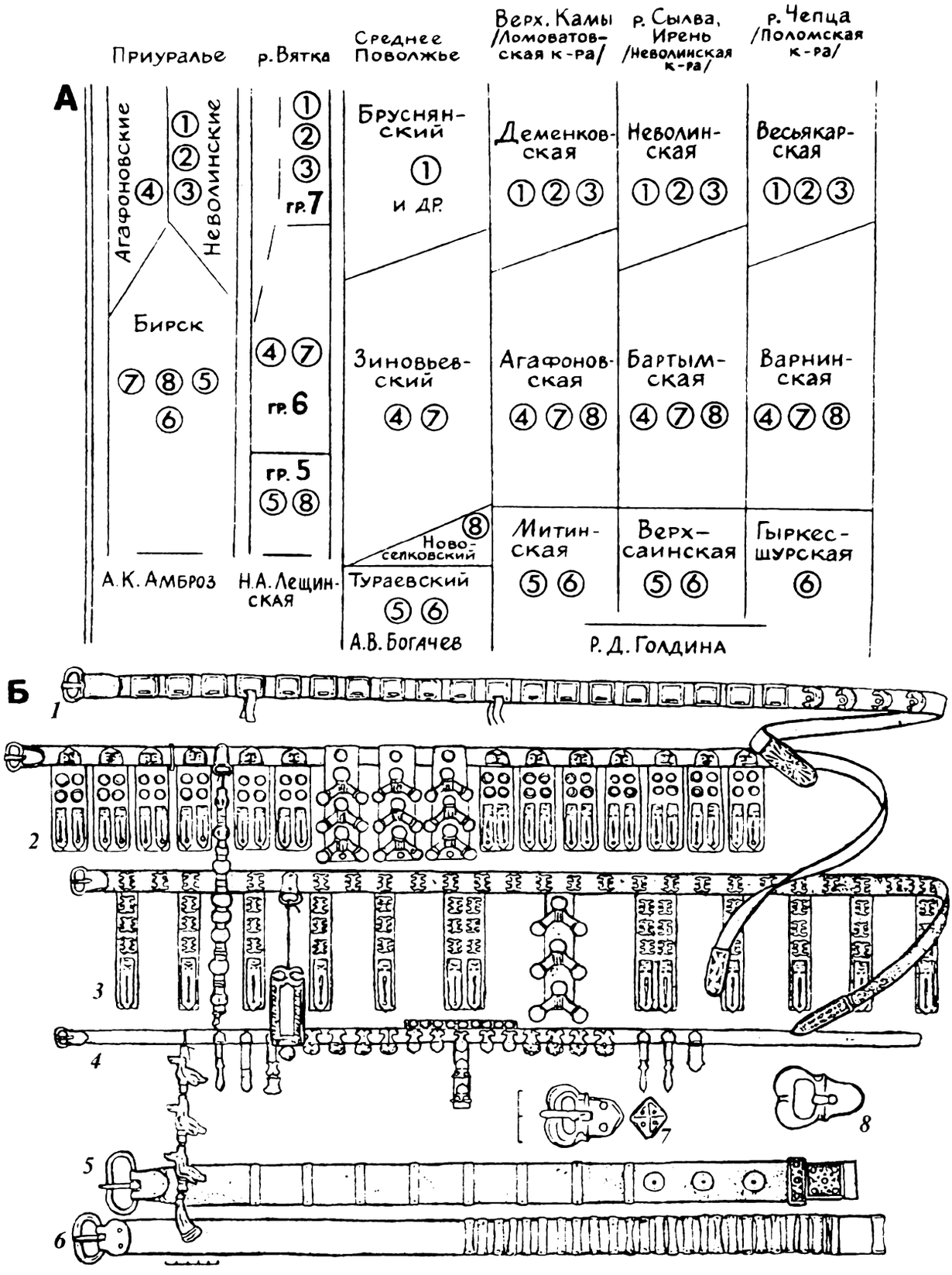


Рис. 88. Материалы Приуралья и Поволжья.

А. Соотношение хронологии раннесредневековых древностей Приуралья и Поволжья в работах разных авторов. По вертикали обозначен автор и рассматриваемый им район, в клетках даны названия этапов, групп, типов древностей или опорных памятников; в кружках обозначены отнесенные к указанным подразделениям детали ременных гарнитур (образцы см. на рис.88Б).

Б. Реконструкции поясов и образцы деталей ременных гарнитур Приуралья (по Р.Д.Голдиной и Н.В.Водолаго): Неволино п.191 – 1, п.157 – 2, п.212 – 4; Верх-Саинский могильник: п.50 – 3, кург.12,п.2 – 5, кург.4п.1 – 7, кург.10,п.1 – 8; Бартым п.9А – 6.

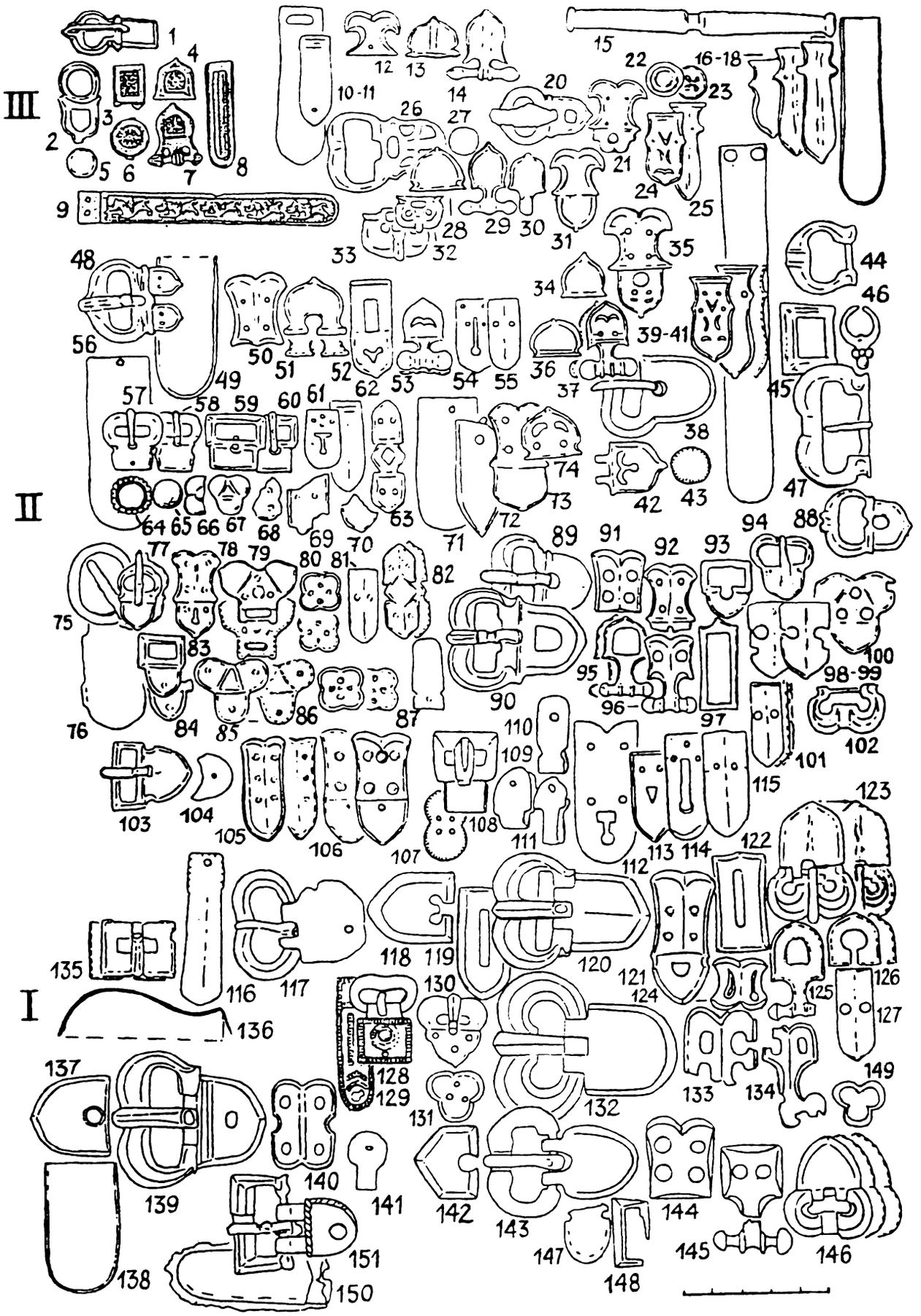


Рис. 89. Ременные гарнитуры и некоторые встреченные с ними вещи из Поволжья и Приуралья.
Маняк: 1–9 – р.1,п.1, 10–14 – р.2,п.10, 15–19 – р.1,п.25, 20–25 – р.2,п.2, 71–74 – р.1,п.9; Лагереево: 26–32 к.46,п.2, 33 – к.56, 34–35 – к.55, 42–43 – к.43, 44 – к.54, 45–47 – к.57; Бережновка: 48–55 ю-з гр.,к.1; Н.Турбаслы: 36–41 – к.27, п.8; Ново-Бикинский к.: 56–70; Кушнаренково: 75–82 – п.2, 83–87, 103–106 – п.17; Уфа – Новиковка: 88–102; Зиновьевка: 107–115; Верх-Сашинский: 116–127 – к.15; Бирск: 128–134 – п.165, Иловатка 135–141 – к.3,п.2; Армиево: 142–149 – п.191; Новоселки: 150–151.

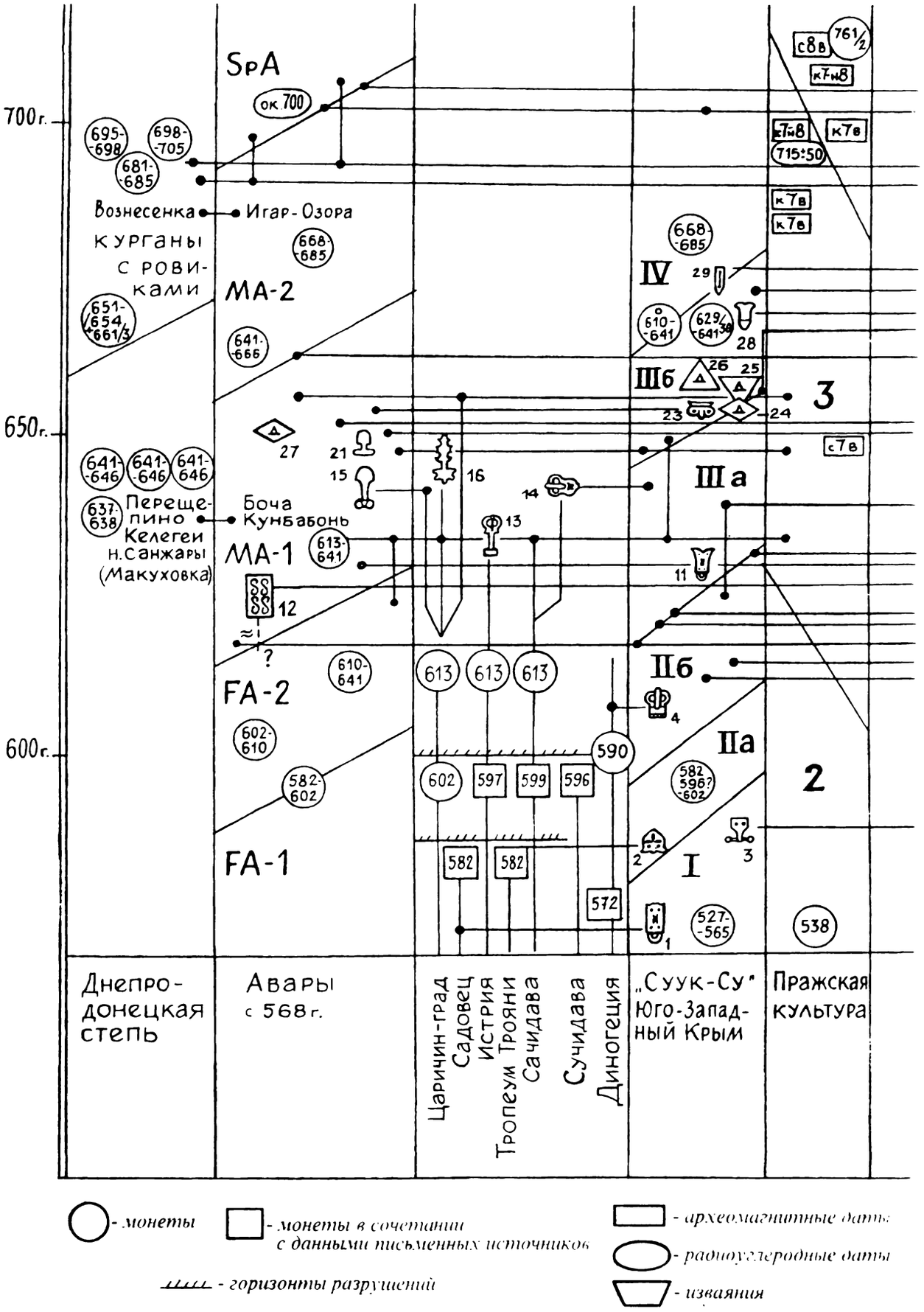
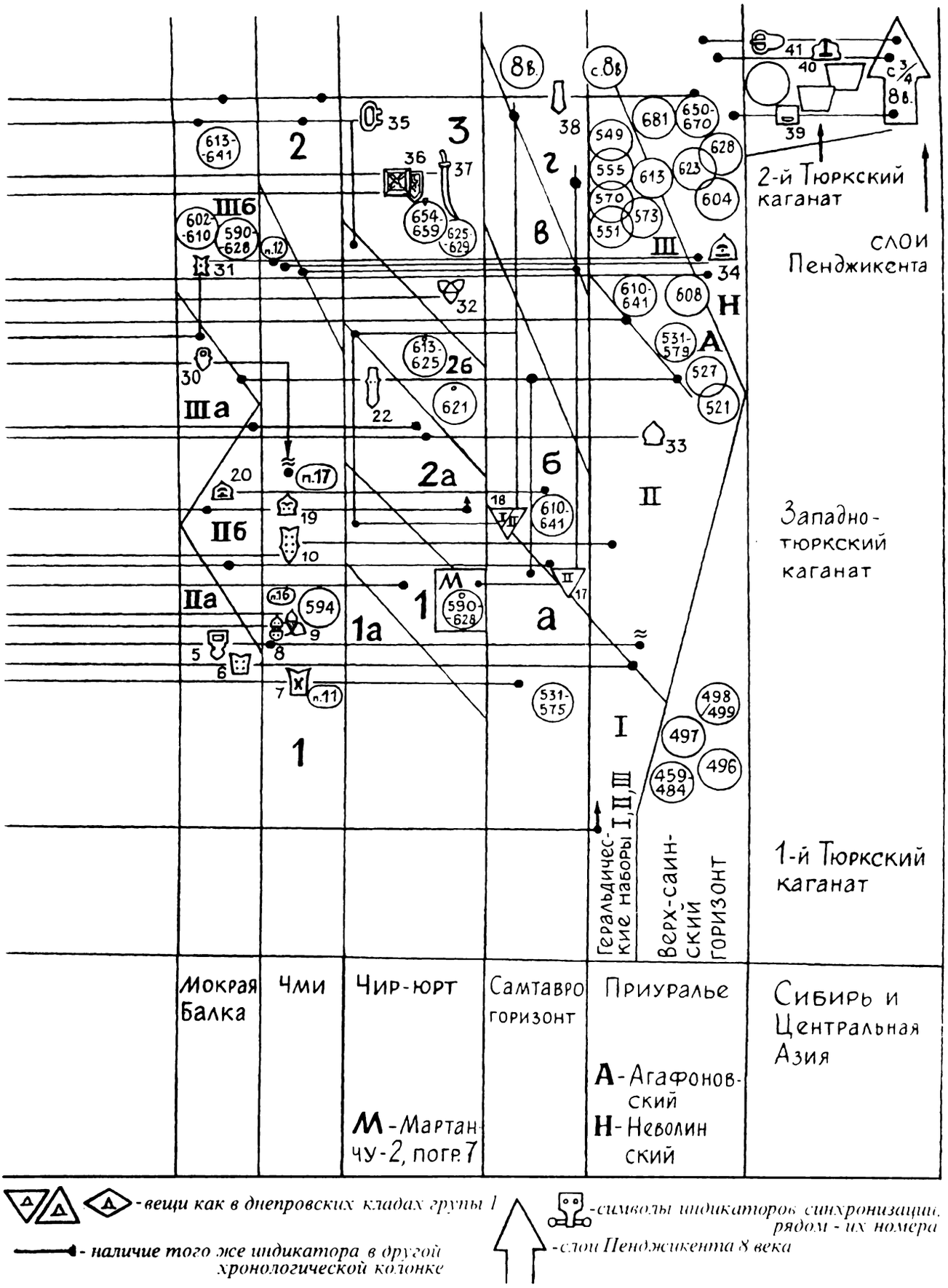


Рис. 90. Синхронизация локальных

Наклонные линии обозначают границы хронологических периодов.



хронологических колонок.

фаз и т.д., их наименование *дано здесь же и выделено жирным шрифтом.*

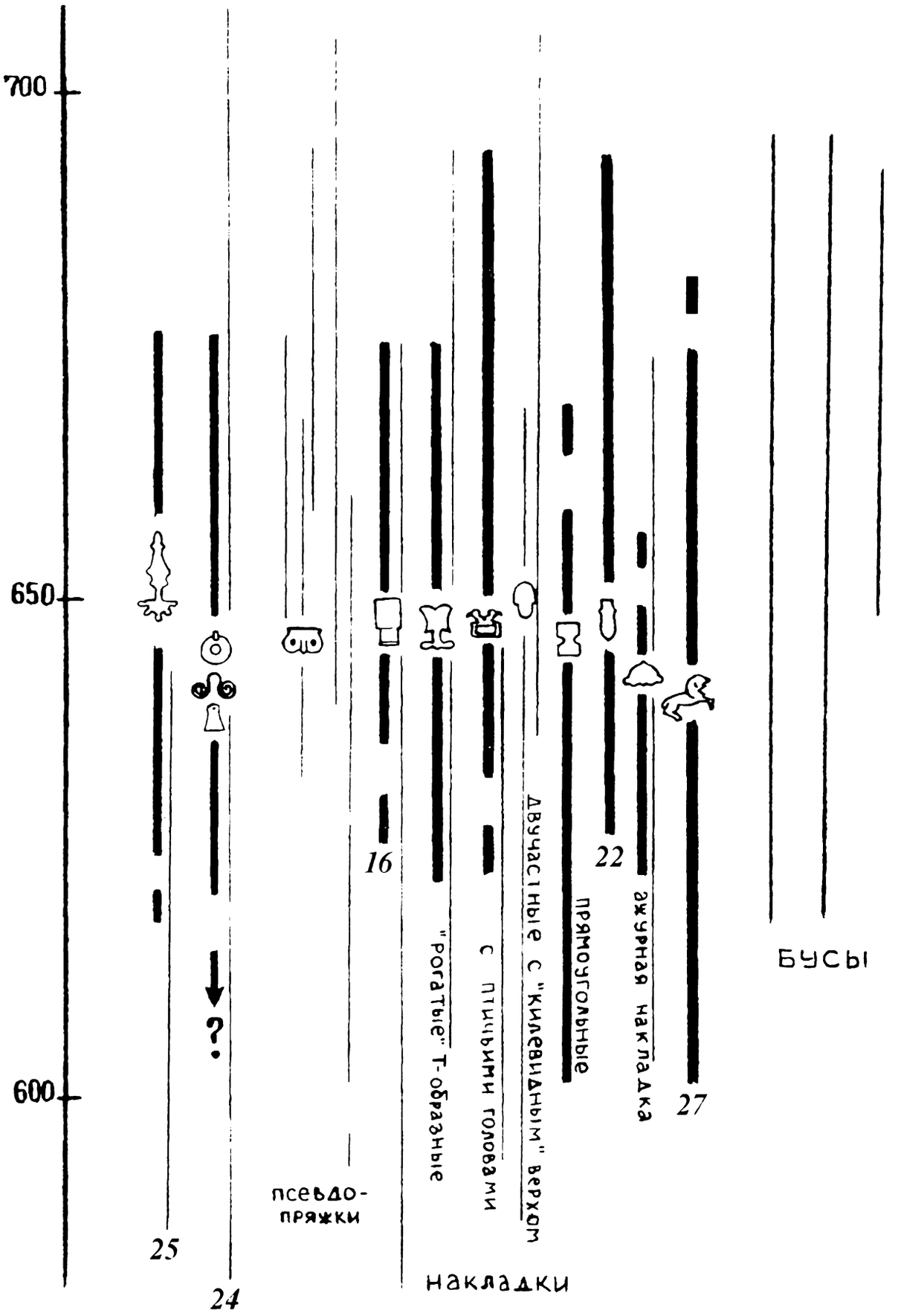


Рис. 91. Соотношение хронологических индикаторов днепровских кладов группы I.

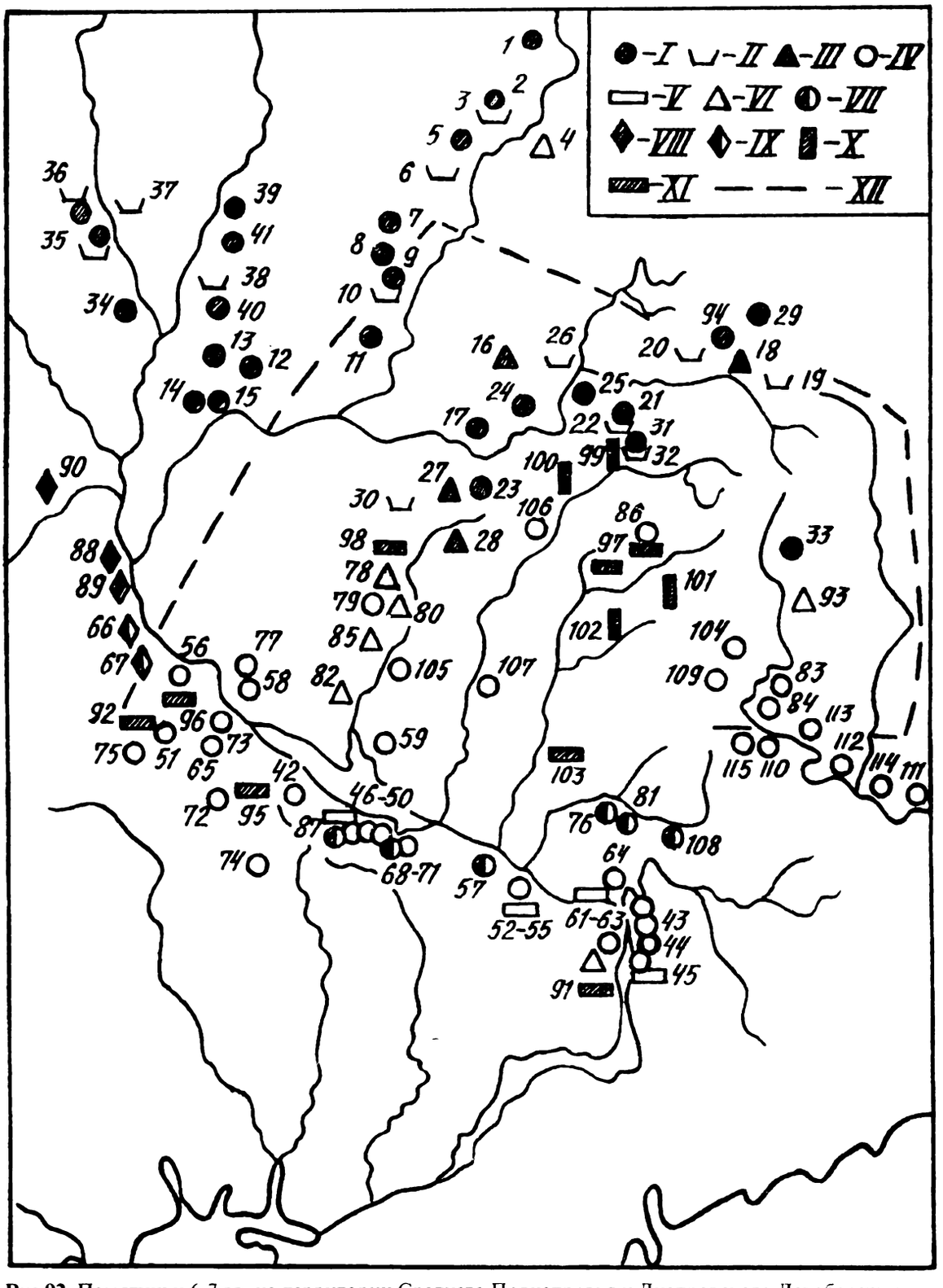


Рис.92. Памятники 6-7 вв. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья.

I – поселения колочинской культуры, исследованные раскопками; II – могильники колочинской культуры, исследованные раскопками; III – памятники, с которых происходит достоверно колочинский материал, обнаруженные при разведках; IV – поселения пеньковской культуры, исследованные раскопками; V – могильники пеньковской культуры, исследованные раскопками; VI – памятники, с которых происходит достоверно пеньковский материал, обнаруженные при разведках; VII – пеньковские поселения с кочевническими элементами домостроительства; VIII – памятники типа Корчак; IX – смешанные пеньковско-корчакские памятники обуховского микрорегиона; X – трупоположения 5–6 вв.; XI – трупоположения 7 в.; XII – ареал кладов круга древностей антов (I группы);

1 – Смольянь, 2 – Мансурово, 3 – Усох, 4 – Хохлов Вир, 5 – Макча, 6 – Кветунь, 7 – Синьково- Дмитрово, 8 – Посудичи, 9 – Случевск, 10 – устье р.Смячь, 11 – Лёвкин Бугор, 12 – Ровчак, 13 – Роище, 14 – Выгоры-1, 15 – Александровка, 16 – Некрасово, 17 – Харьевка, 18 – Курск (Кировский мост), 19 – Лебяжье-1, 20 – Авдеево, 21 – Казачья Локня (Замощанская дюна), 22 – Княжий, 23 – Большие Будки (Хутор), 24 – Пески, 25 – Гапоново, 26 – Артюшково, 27 – Раковая Сечь, 28 – Правдюки, 29 – Каменево-2, 30 – Артюховка, 31 – Картамышево-1,3, 32 – Картамышево-2, 33 – Шишино-5, 34 – Колочин-1, 35 – Новый Быхов, 36 – Тайманово, 37 – Нижняя Тощица, 38 – Демьянки, 39 – Нисимковичи-1-3, 40-Носовичи, 41-Новые Громыки, 42 – Будище, 43 – Васильевка (низовья р.Вороной), 44 – Васильевка (Любимовская Забора), 45 – Васильевка (о-в Кизлевый 46- 50 – поселения и могильники у с.Андрусовка, 51 – Вильховчик, 52–55 – поселения и могильники у с.Волошского, 56 – Григоровка, 57 – Дереивка, 58 – Домантовое, 59 – Жовнин, 60 – поселение у с.Игрень, 61–63 – Звонецкое, 64 – могильник у с.Игрень, 65 – Белая Церковь (Палиева гора), 66 – Обухов-2, 67 – Обухов-7, 68–71 – Пеньковка (Молочарня, Луг-1,2, Макаров Остров), 72 – Журавка, 73 – Крещатик, 74 – Беляевка, 75 – Завадовка, 76 –Осиповка, 77 – Сушки-1, 78 – Вороньки, 79 – Хитцы, 80 – Городище, 81 – Чернеччина, 82 – Миклашевский, 83 – Занки, 84 – Задонецкое, 85 – Вязовка, 86 – Рябовка-3, 87 – Стецовка, 88 Киев, 89 – Оболонь, 90 – Ризня, 91 – Алексеевка (балка Довжик), 92 – Мартыновка, 93 – Карьерная, 94 – Воробьёвка-2, 95 Балаклея, 96 – Бабичи, 97 – Берёзовка, 98 – Поставмуки, 99 – Большой Каменец, 100 – Сумы (Сад), 101 – Лихачёвка, 102 Любовка, 103 – памятники окрестностей Новых Санжар (Малое Перещепино, Зачепиловка), 104 – Фески-3, 105 – Засулье 106 – Бельское городище, 107 – Полузерье, 108 – Богатое, 109 – Соколово, 110 – Нижний Бишкинь-1, 111 – Веделиха, 112 Бондариха, 113 – Раковка-1, 114 – Богородичное, 115 – Сухая Гомольша.

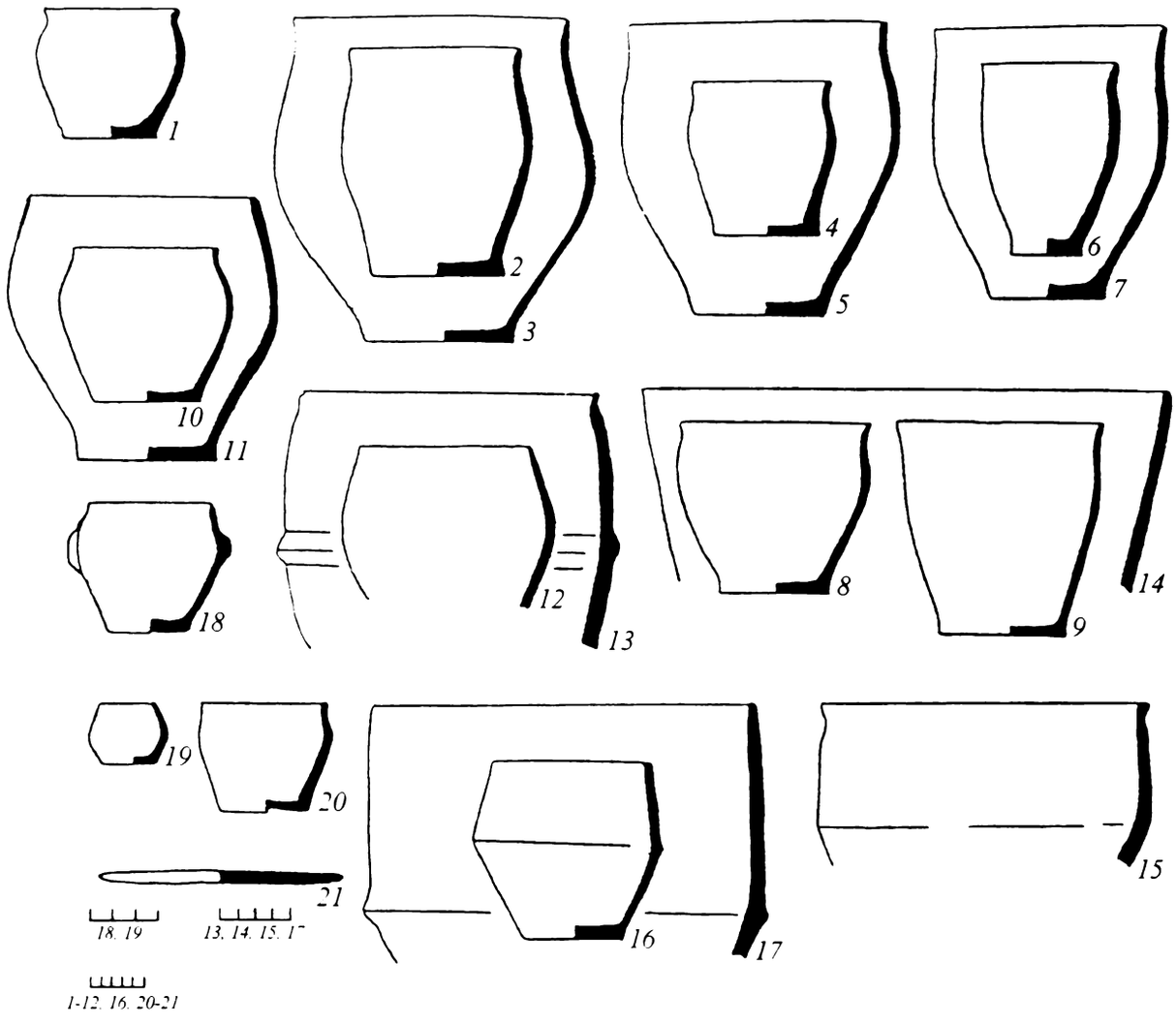


Рис.93. Классификация колочинской лепной посуды.

1 – тип I,1; 2–5,10 – тип I,3–а; 6–9 – тип I,3–б; 11 – тип I,4,а; 12 – тип I,4,б; 13 – тип I,4,в; 14 – тип I,4,г; 15 – тип II,2, 16,17 – тип II,5; 18–20 – мискообразные сосуды; 21 – диск; 1 – Роище; 2,6,7,9,12 – Княжий; 3,5,8,10,11,18–20 – Лебяжье; 13,14,17,21 – Шишино–5; 15 – Гапоново.

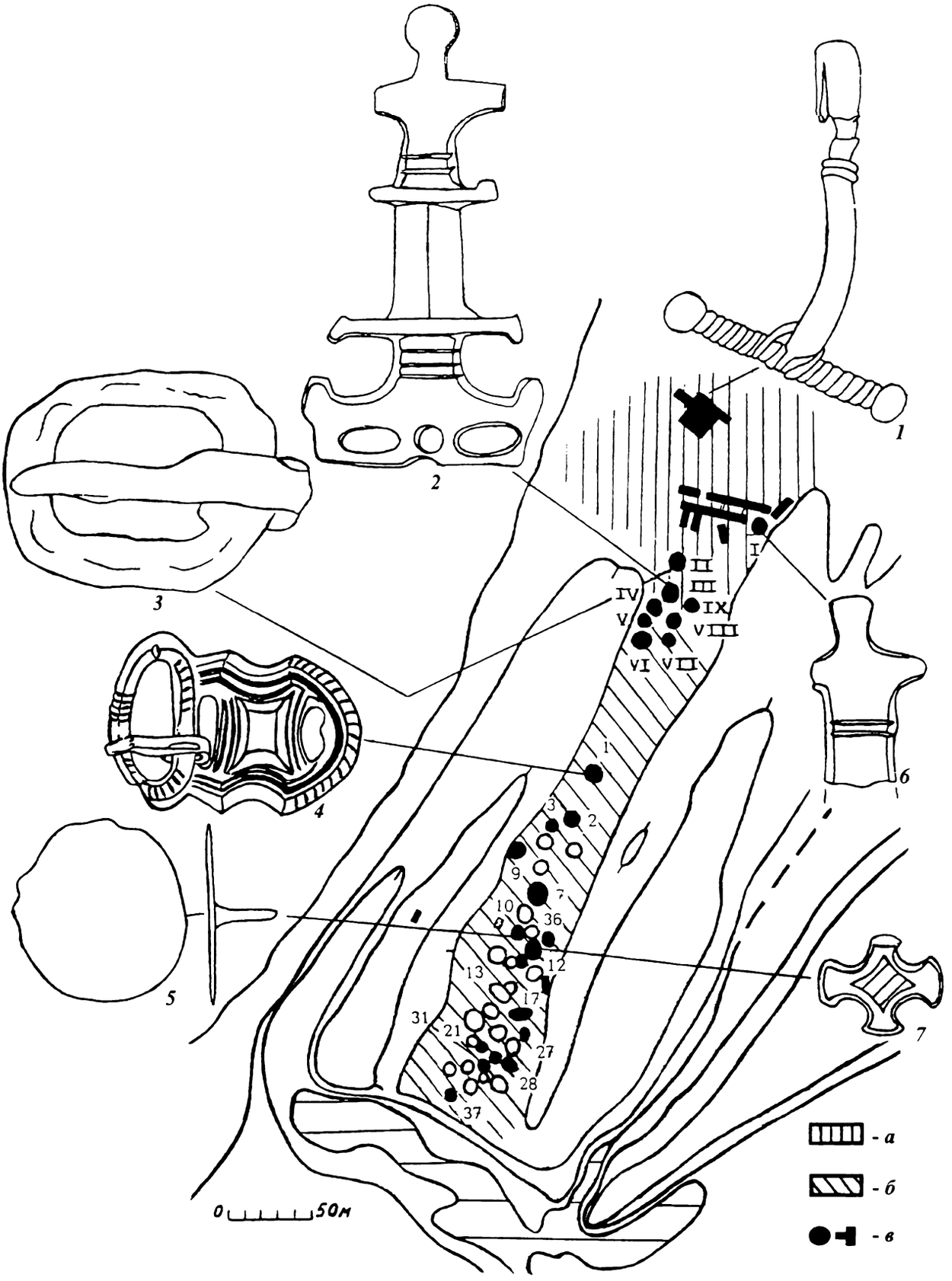


Рис.94. Кветуньский археологический комплекс.

а – территория поселения позднеримского времени; ***б*** – территория раннего грунтового могильника; ***в*** – раскопанные курганы и вскрытые на поселении площади;

1–7 – изделия из металла (1,3–железо; 2,4–7 – бронза; 7 – бронза, красная эмаль).

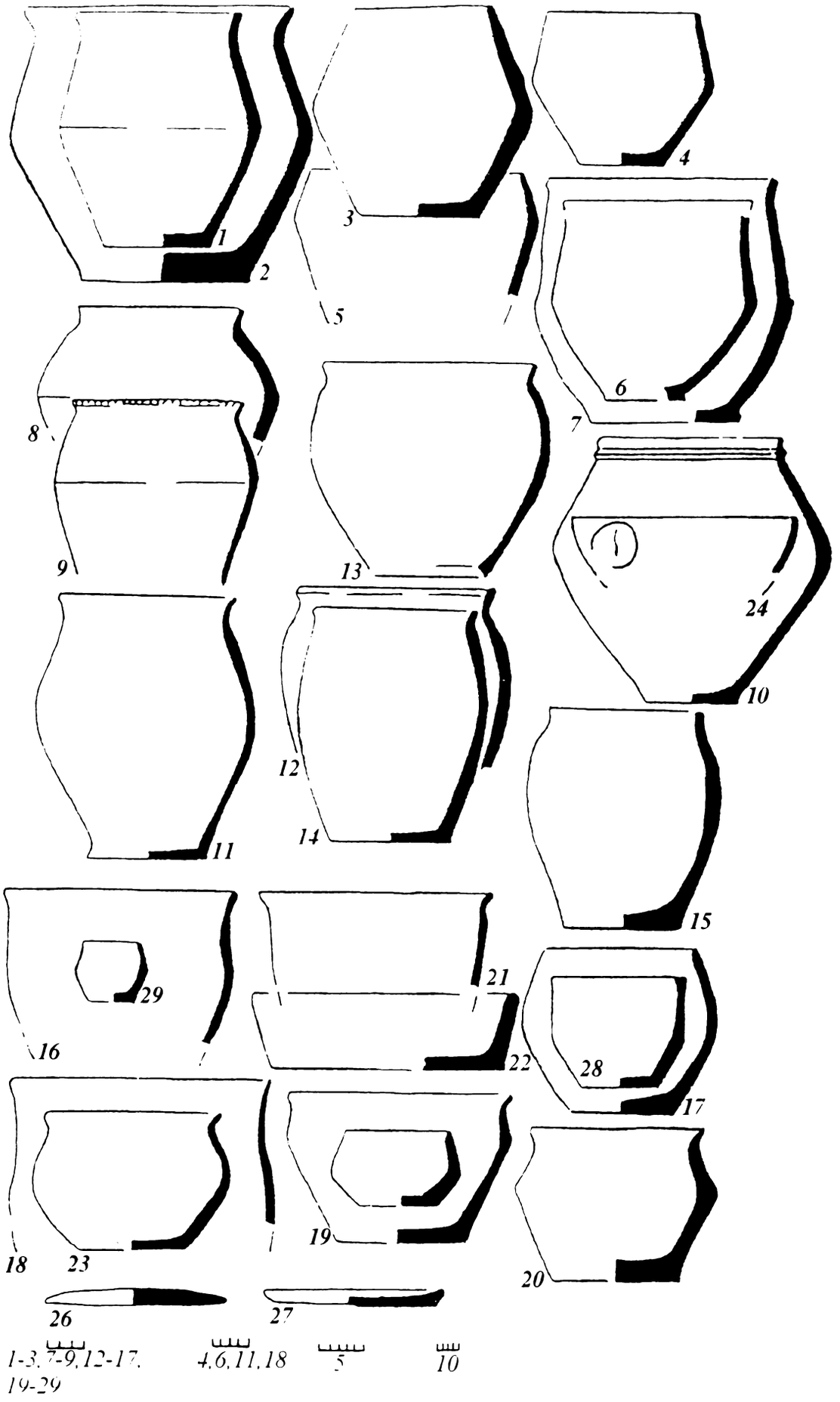


Рис. 95. Классификация пеньковской лепной посуды.

NN позиций и типы: *1,2 – 1; 3,4 – 2; 5 – 3; 6,7 – 4; 8,9 – 5; 10 – 6; 11,12 – 7; 13 – 8; 14 – 9; 15 – 10; 16,21 – 11; 17, 12; 18 – 13; 19 – 14; 20 – 15; 22 – 16; 23 – 17; 24 – 18; 25,28 – 19; 26 – 20; 27 – 21; 29 – 22; 1,4–8,13,14,17–19,22,24,26,27–29 – Хитцы; 2 – Луг–1; 3,15 – Крещатик; 9 – Осиповка (Пляж); 10,20 – Кочубеевка; 11 – Белая Церковь; 12,16 – Жовнин; 23 – Волошское; 25 – Большая Анорусовка.*

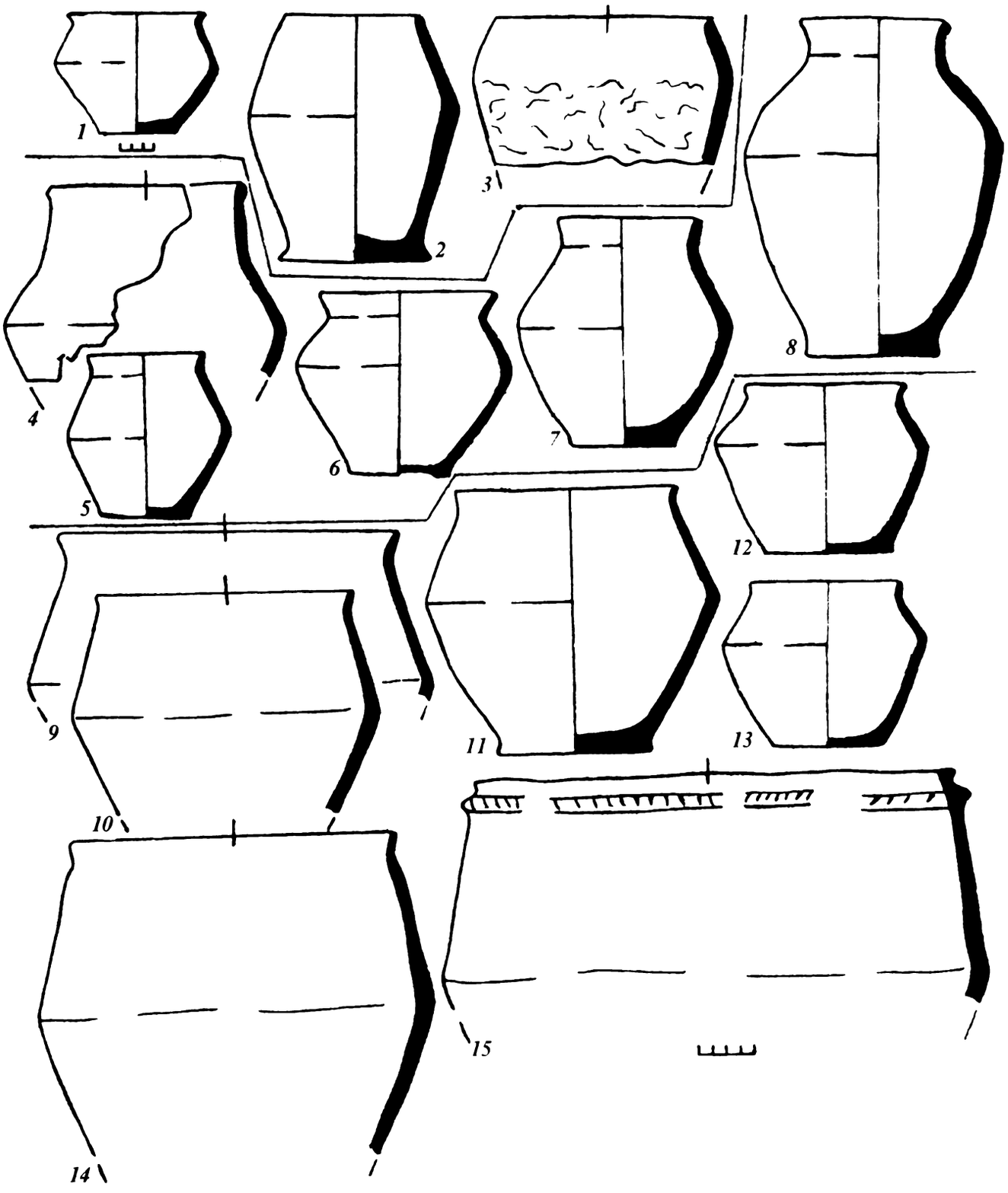


Рис.96. Биконические лепные сосуды на черняховских памятниках.

1–3 – вельбарской традиции; 4–8 – скифской традиции; 9–15 – киевской традиции:
1 – Касаново, погр.18; 2 – Компанийцы, погр.56; 3 – Цыбли, поселение; 4 – Городок, поселение; 5,6 – Каменка Анчекрак, поселение; 7 – Компанийцы, погр.120; 9–11,14,16 – Хлопков, поселение; 12 – Компанийцы, погр.60; 15 – Компанийцы, погр.95.

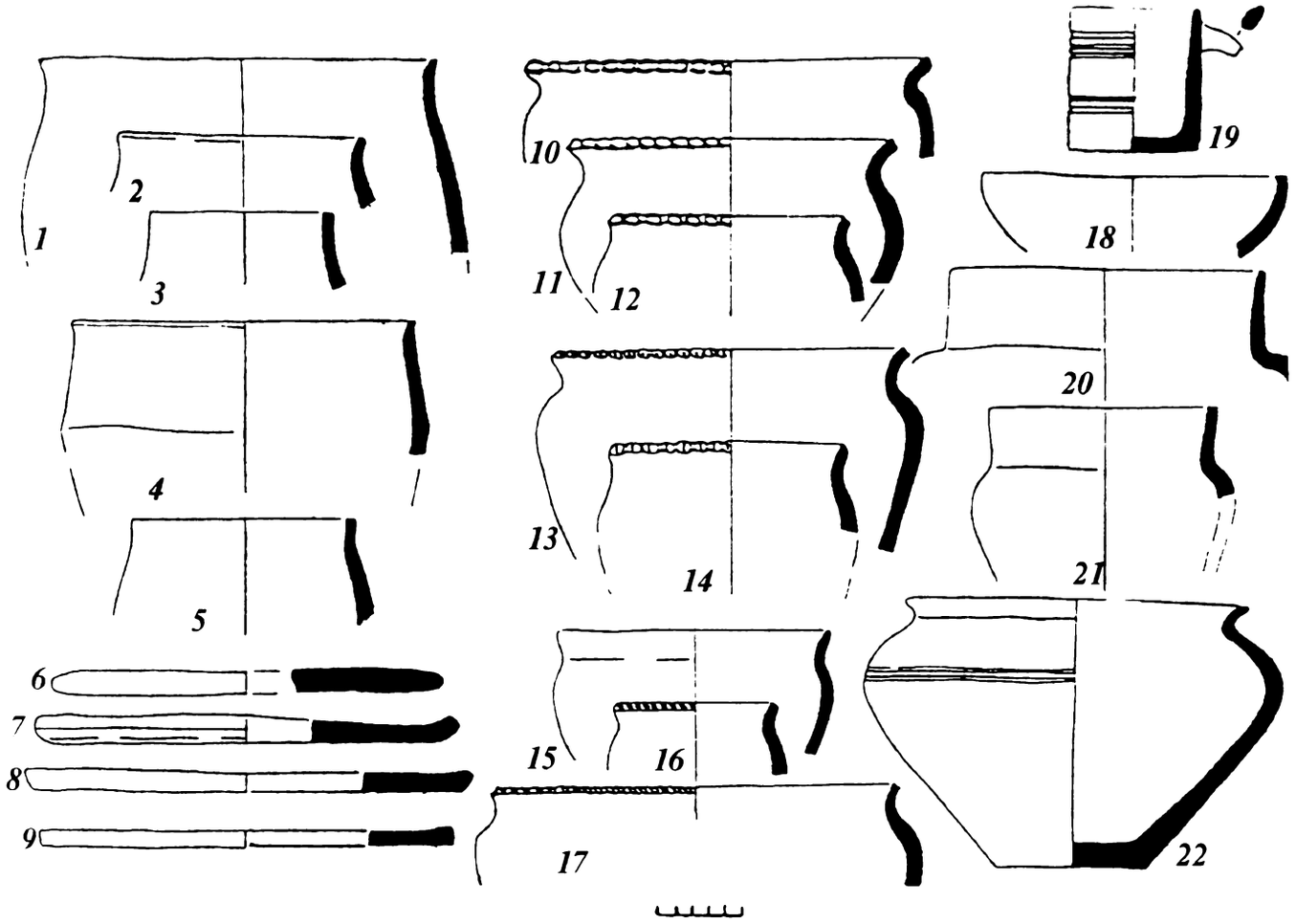


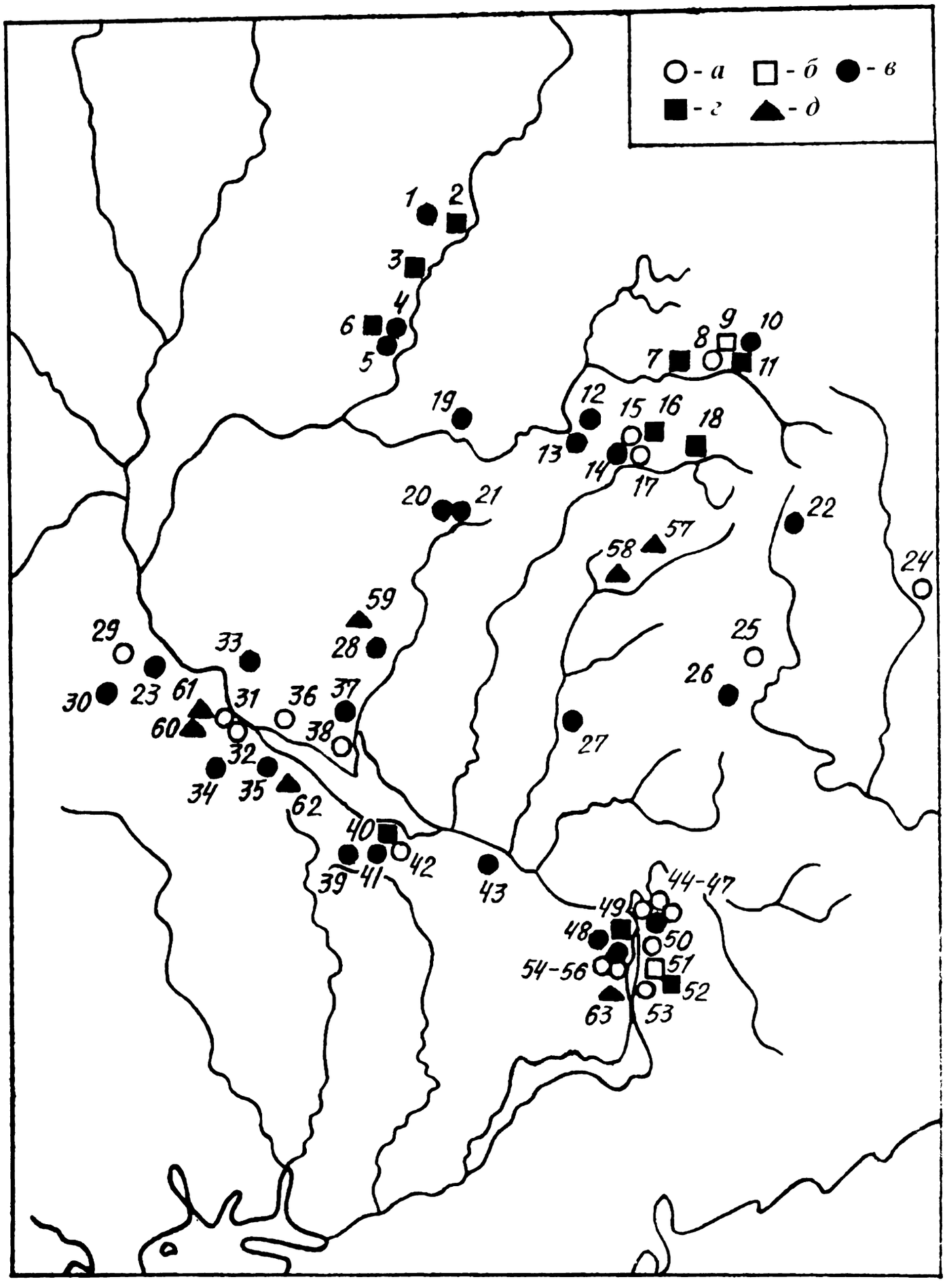
Рис.97. Керамический комплекс жилища 6 поселения Волынцево.
1–18 – лепная керамика; 19–22 – гончарная керамика; 1–9 – посуда группы I; 10–17 – посуда группы II.

Рис. 98. ⟹

Распространение датирующих находок на памятниках пеньковской, колочинской культур и в погребениях с ингумациями в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье.

А, В – поселения, Б, Г – могильники, Д – погребения с ингумациями; А, Б – датирующая находка сделана на поверхности или рядом с памятником, содержащим колочинские или пеньковские материалы; В, Г – датирующая находка сделана в процессе раскопок памятника, в колочинском или пеньковском культурном слое или закрытом комплексе.

1 – Посудичи; 2 – Усох; 3 – Кветунь; 4 – Целиков Бугор; 5 – Колодезный Бугор; 6 – Смячь; 7 – Авдеево; 8 – Курск; 9 – Москва; 10 – Каменево–2; 11 – Лебяжье–1; 12 – Комаровка; 13 – Гапоново; 14 – Суджа; 15 – Казачья Локня (Замощанская дюна); 16,17 – Княжий; 18 – Картамышево–2; 19 – Красное–4; 20 – Большие Будки; 21 – Большие Будки (Хутор); 22 – Шишино–5; 23 – Ходосовка; 24 – Пузино; 25 – Потаповка; 26 – Занки; 27 – Бельск; 28 – Хитцы; 29 – Ольшаница; 30 – Белая Церковь; 31 – Канев; 32 – Григорьевка; 33 – Сушки; 34 – Вильховчик; 35 – Будищи; 36 – Коробовка; 37 – Миклашевский; 38 – Жовнин; 39 – Беляевка; 40 – Великая Анорусовка–3; 41 – Молочарня; 42 – Новоселица; 43 – Дереивка; 44 – 47 – Игрень–1–4; 48 – Волошское; 49 – о.Сурской; 50 – о.Яцевая; 51 – о.Кизлевый; 52 – хут.Запорожец; 53 – о.Осокоровка; 54 – Звонецкое; 55 – Майорка; 56 – Звонецкий порог; 57 – Рябовка–3; 58 – Березовка; 59 – Поставмуки; 60 – Мартыновка; 61 – Бабичи; 62 – Балаклея; 63 – Алексеевка.


а - а
б - б
в - в
г - г
д - д
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
24
25
26
27
28
29
30
23
61
60
31
33
36
37
38
32
34
35
62
59
57
58
40
42
39
41
43
44-47
49
48
50
54-56
51
52
63
53

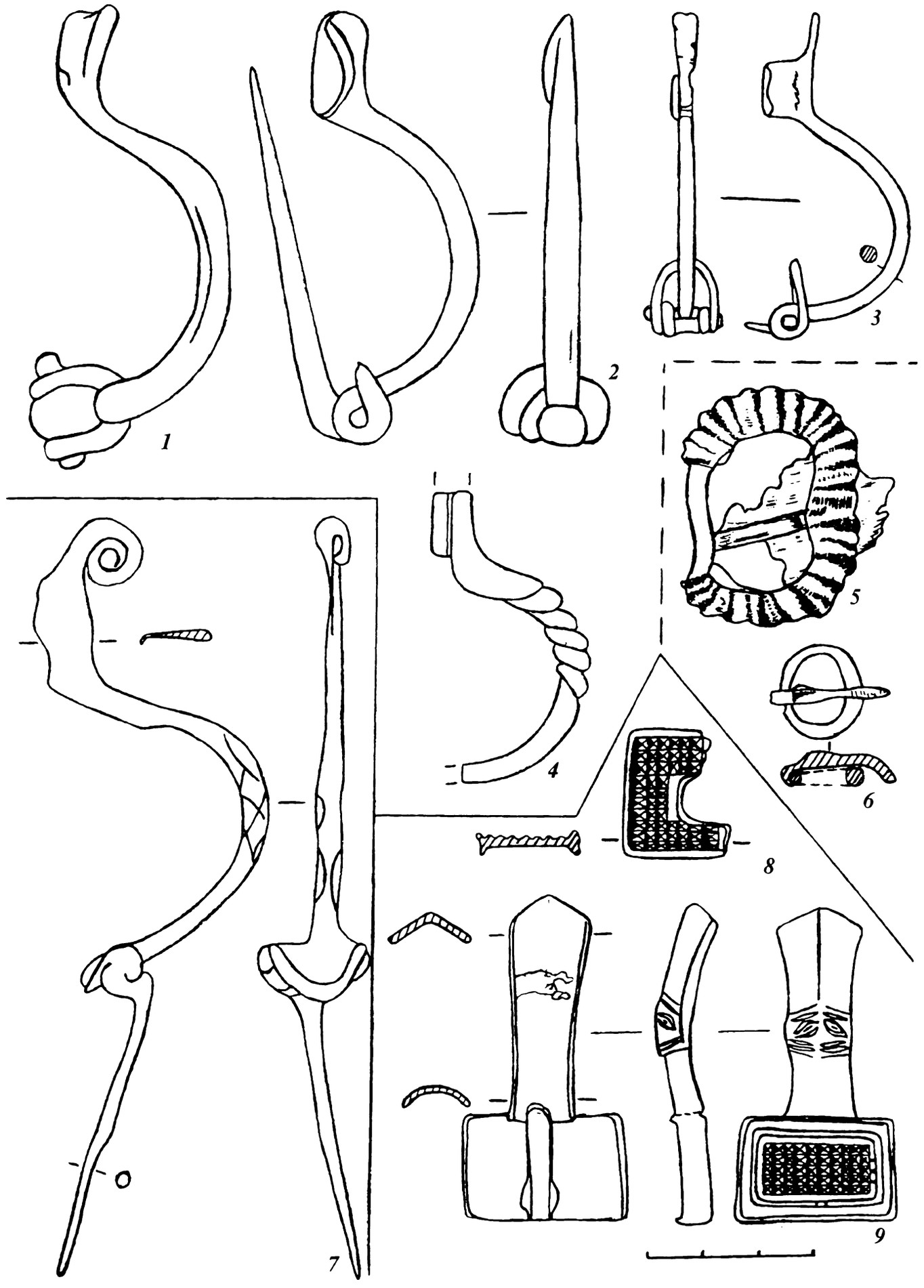


Рис. 99. Датирующие находки с памятников колочинской и пеньковской культур.

1 – 6.Осокоровка; 2 – Звонецкий порог; 3 – Ходосовка; 4 – Колодезный Бугор; 5 – Великая Андрусовка–3; 6 – Смяч; 7 – Шишино–5; 8 – Посудичи; 9 – Картамышево–2.

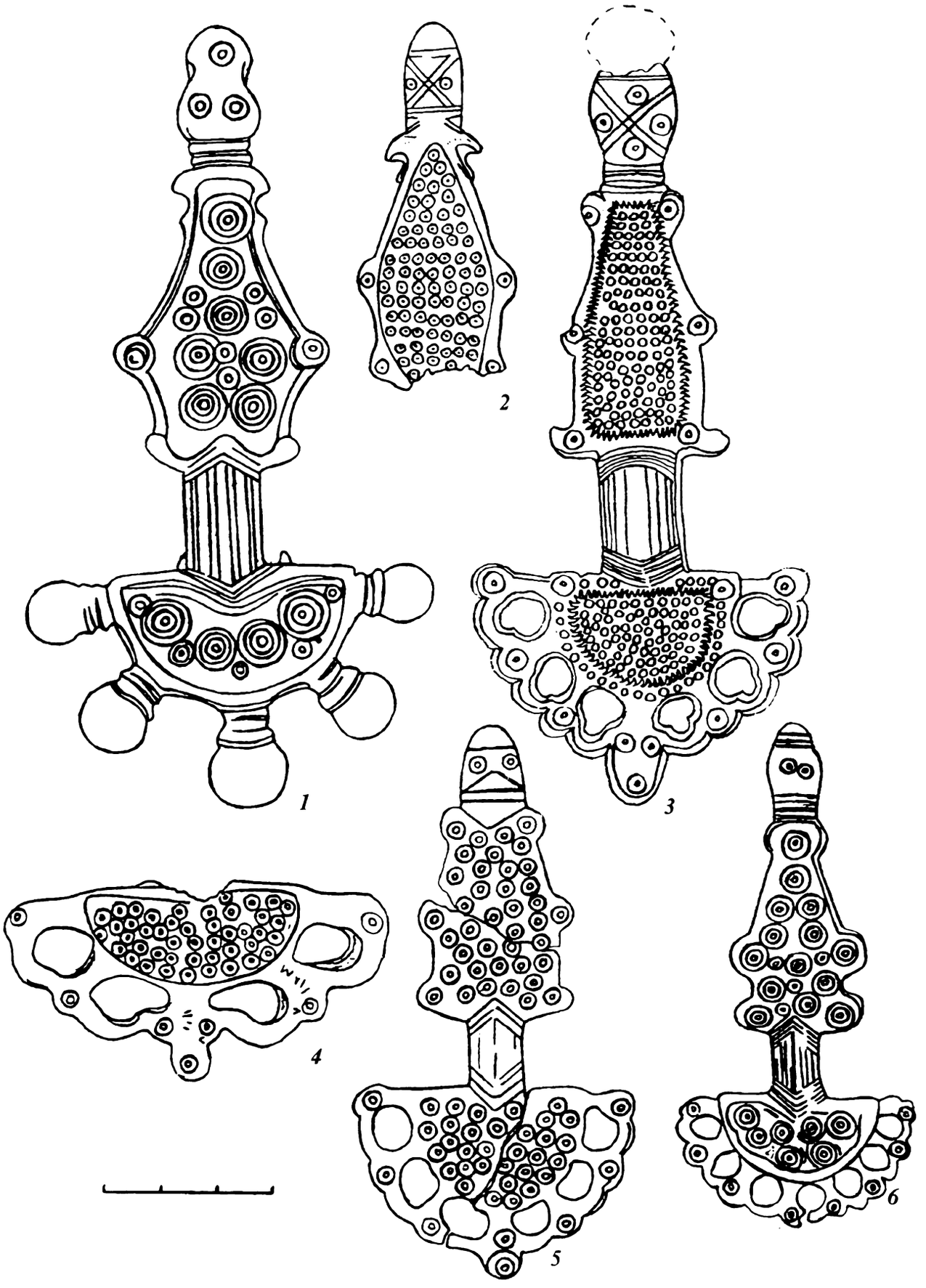


Рис.100. Пальчатые фибулы с памятников колочинской и пеньковской культур и из погребений по обряду ингумации в их зоне.

1, 3 – Балаклея; 2 – Звонецкое; 4 – Бельск; 5 – Волошское; 6 – Майорка.

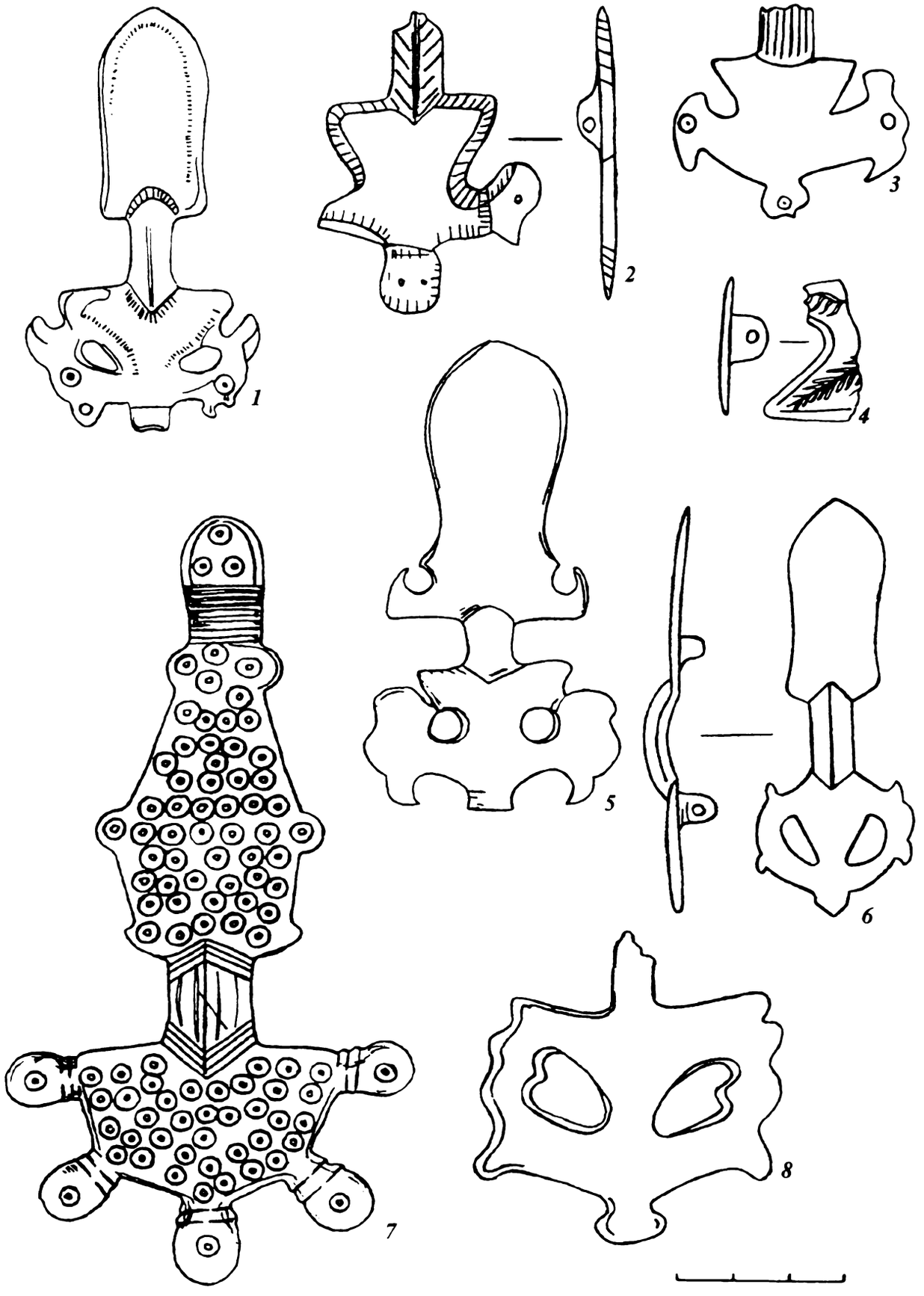


Рис.101. Антропозооморфные фибулы с памятников колочинской и пеньковской культур и пальчатая фибула из погребения по обряду ингумации.

1 – Поставмуки; 2 – Пузино; 3 – б.Яцевая; 4 – Великобудковский клад (Хутор); 5 – Молочарня; 6 – о.Кизлевый; 7 – Березовка; 8 – Григорьевка.

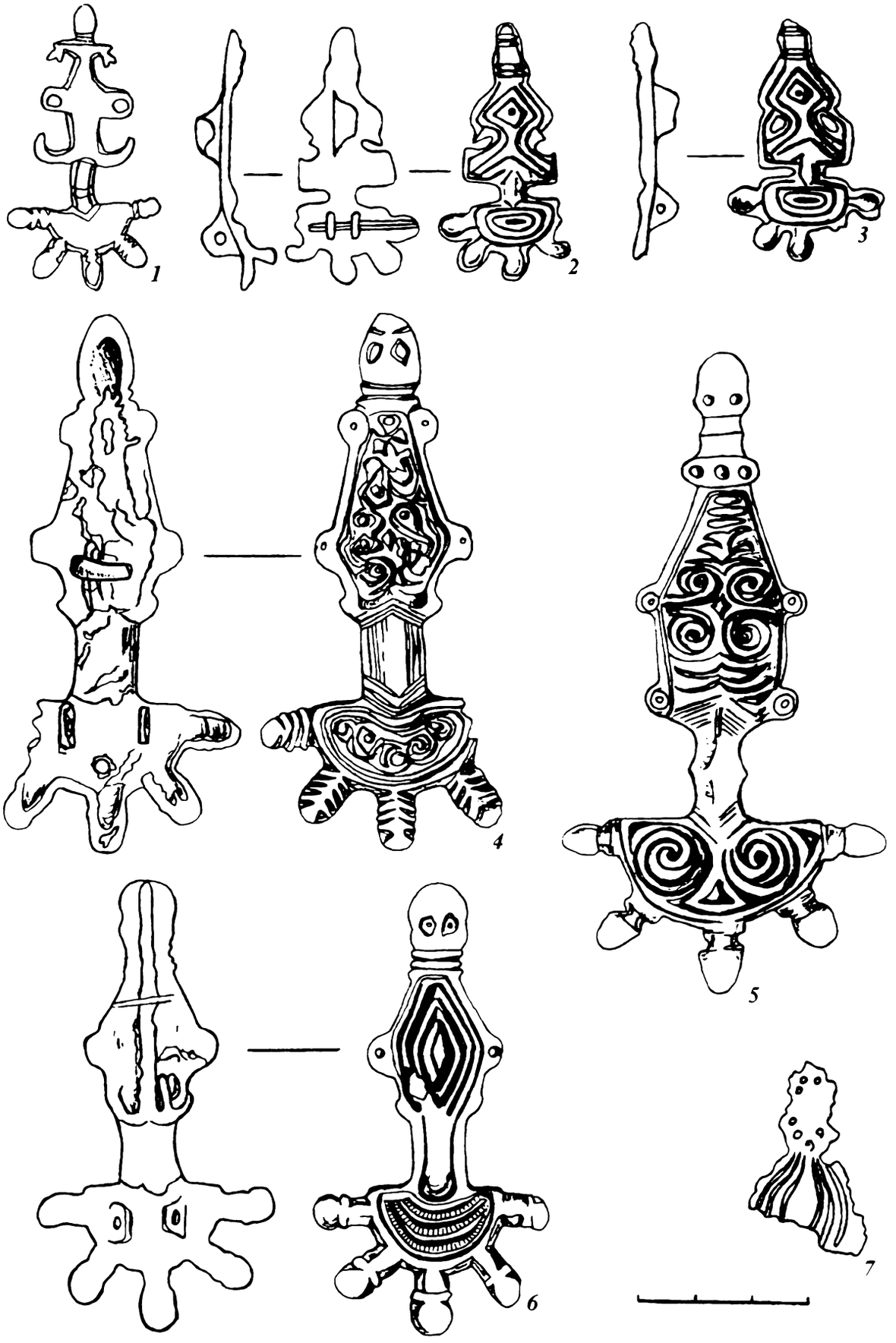


Рис.102. Пальчатые фибулы с памятников колочинской и пеньковской культур и из погребений по обряду ингумации в их зоне.

1 – Бабичи; 2,3 – Великобудковский клад (Хутор); 4, 6 – Мартыновка; 5 – Березовка; 7 – Усох.

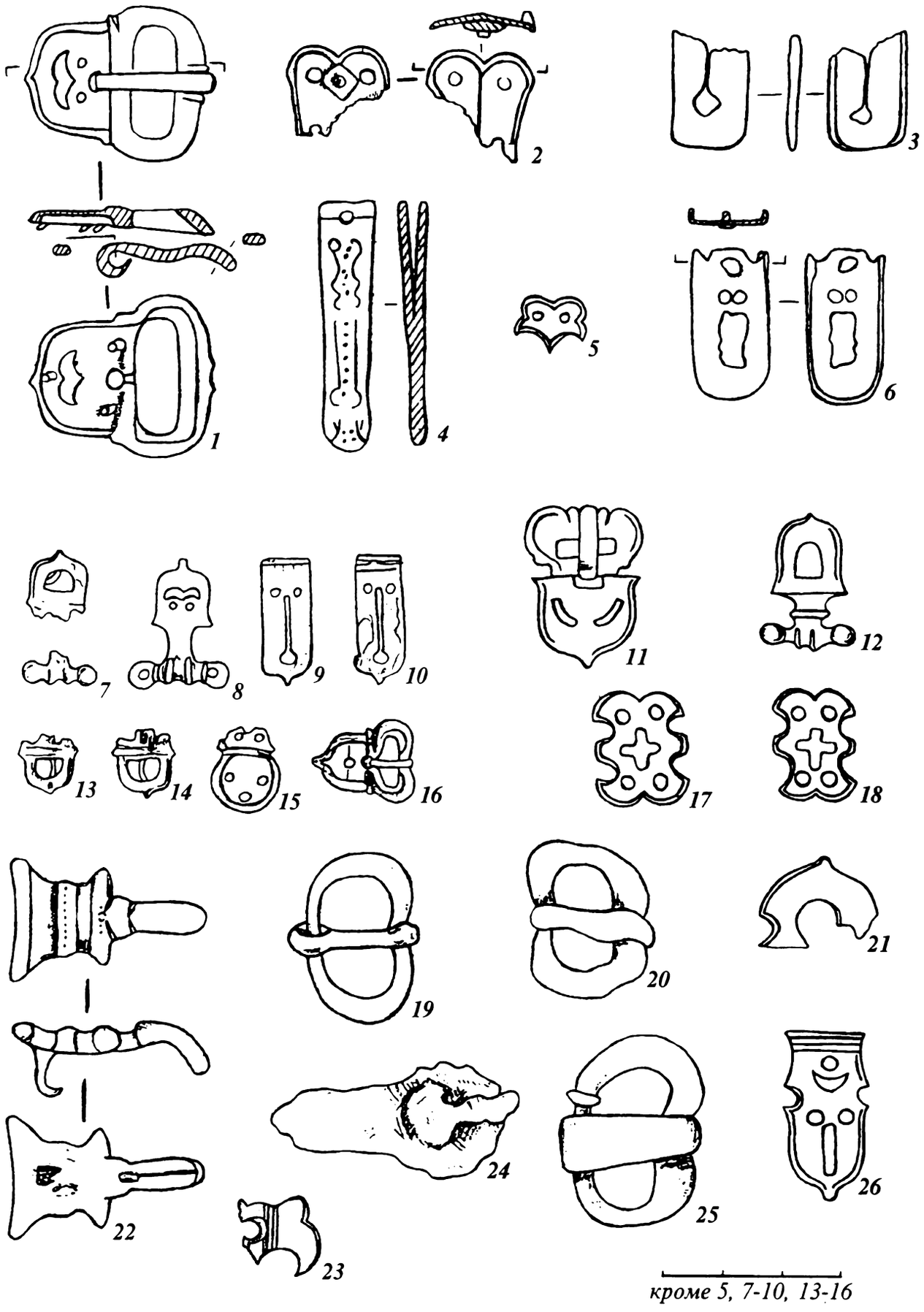


Рис.103. Детали ременных гарнитур с памятников колочинской и пеньковской культур и из ингумаций в их зоне.
1,2 – Рябовка–3; 3 – Хутор; 4 – о.Кизлевый; 5 – Коробовка; 6 – Картамышево–2; 7–10,13–16 – Москва;11,12,17,18,21,25,26 – Лебяжье–1; 19,20 – Княжий (могильник); 22 – Великобудковский клад (Хутор); 23 – Княжий (поселение); 24 – Усох.

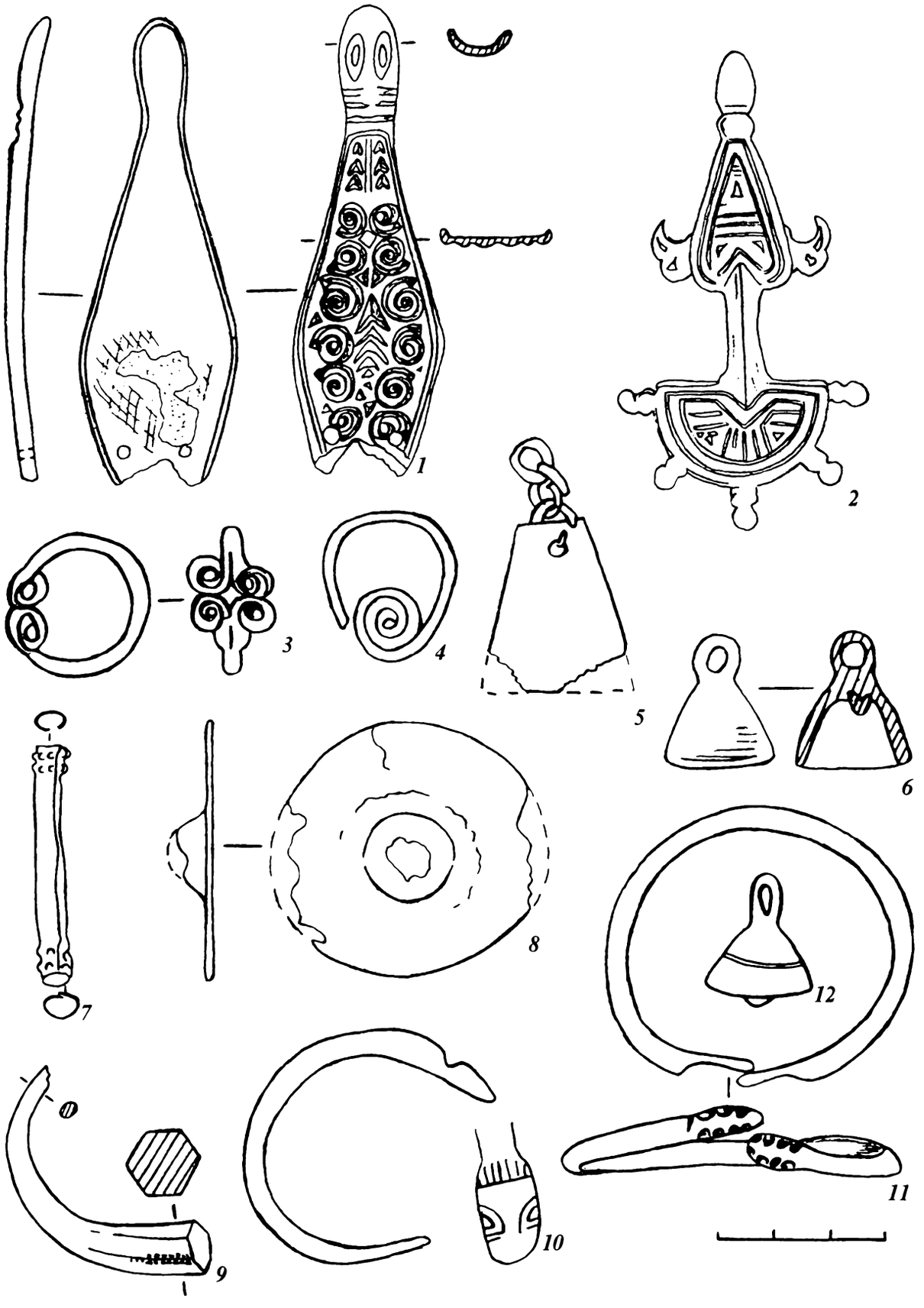
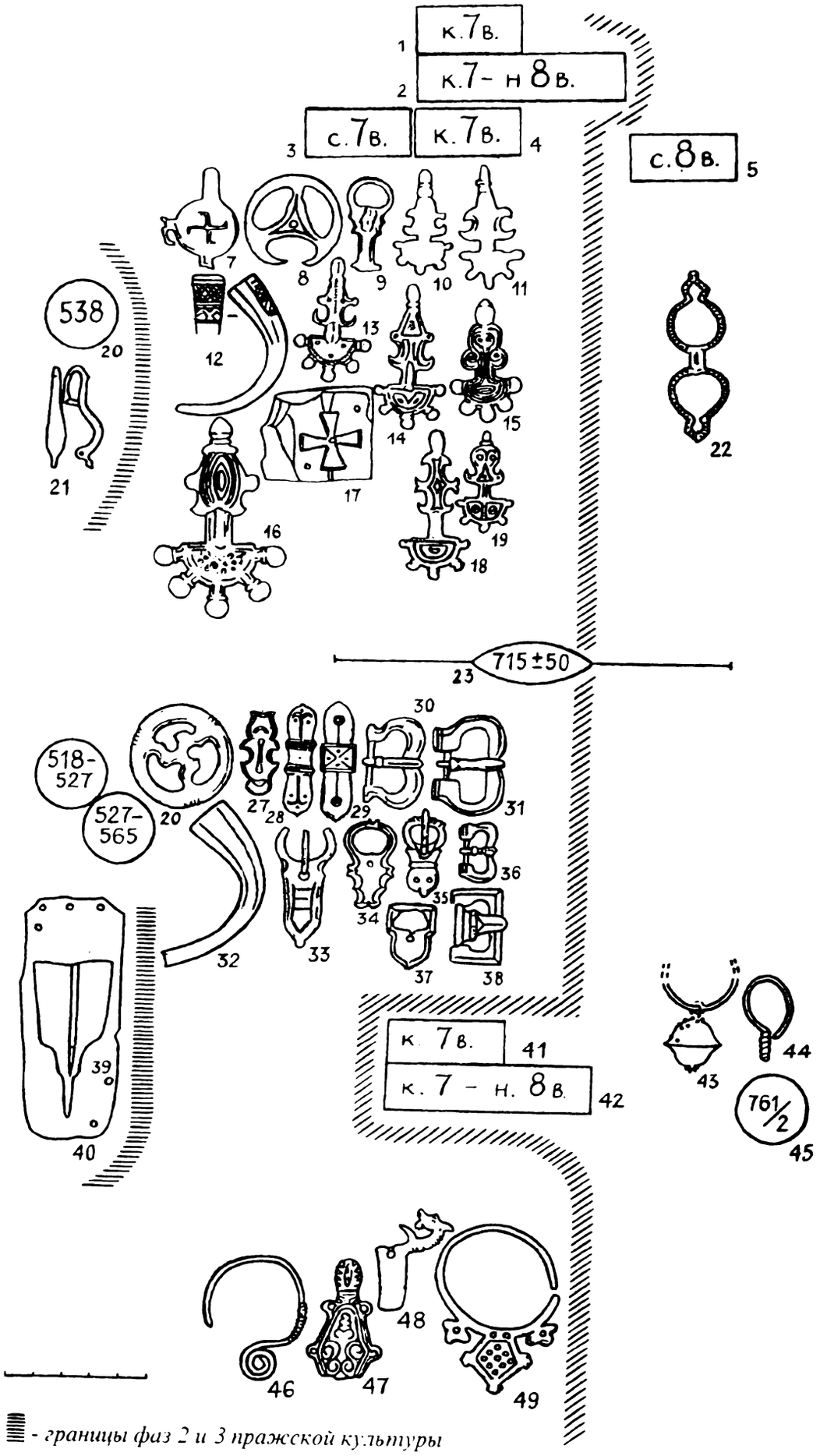


Рис.104. Некоторые находки с памятников колочинской и пеньковской культур.
1,9 – Великобудковский клад (Хутор); 2 – Казачья Локня (Замощанская дюна); 3 – Сушки; 4,12 – Звонецкое; 5,11 – о.Кизлевый; 6 – Волошское; 7,8 – Каменево–2; 10 – Хитцы.



- границы фаз 2 и 3 пражской культуры

-граница пражской культуры и культуры Луки Райковецкой

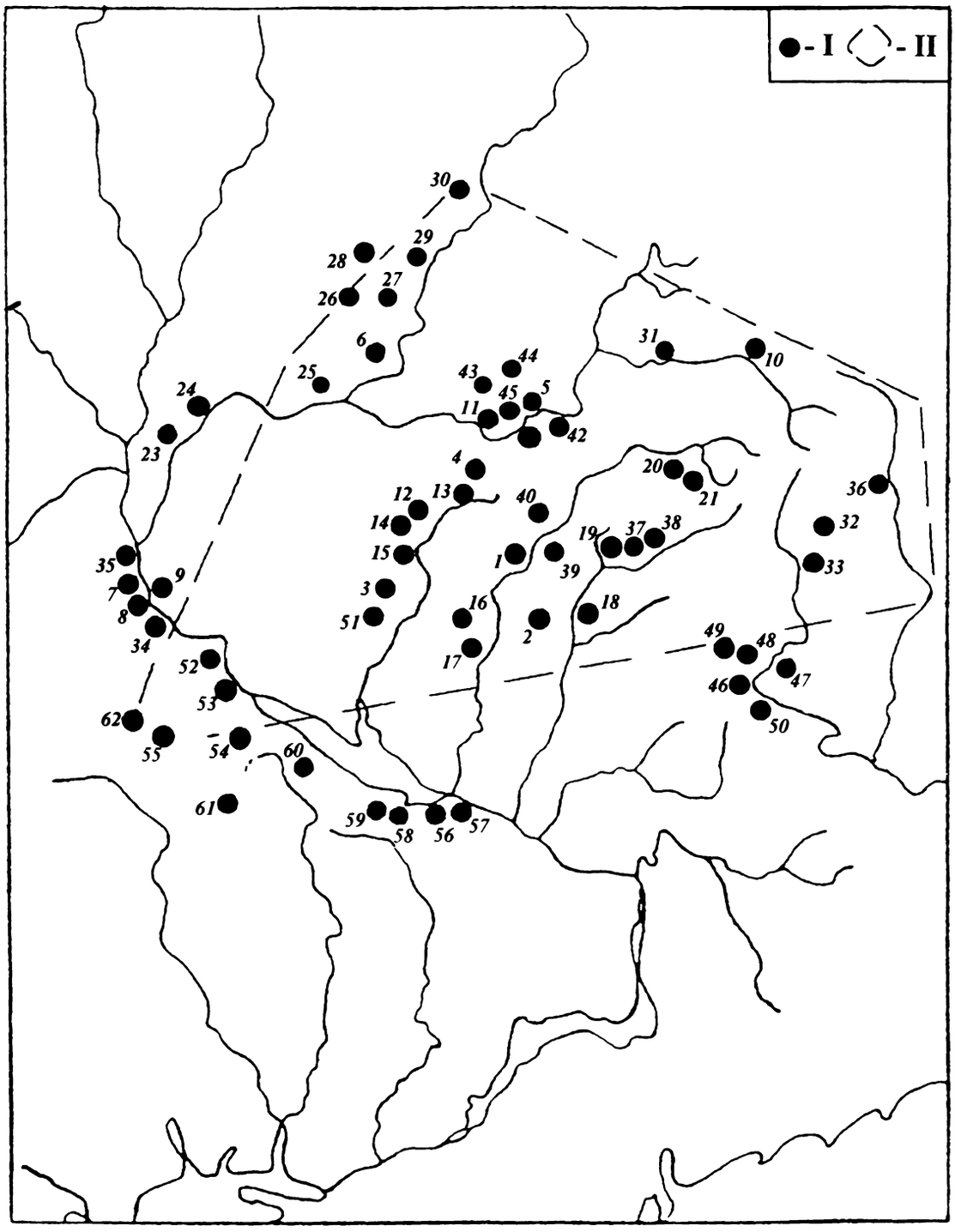


Рис.106. Памятники круга Сахновки–Луки Райковецкой и Волынцева и ареал "антских" кладов первой группы.

1 – Битица; 2 – Вовки; 3 – Васильки; 4 – Малые Будки–Беседовка; 5 – Волынцево; 6 – Сосница; 7 – Ходосовка; 8 – Обухов–2; 9 – Стовпяги; 10 – Лебяжье–3; 11 – Латышевка; 12 – Раковая Сечь; 13 – Деркачёвка–Довжик; 14 – Глинск; 15 – Пески; 16 – Терновый–Савинцы; 17 – Поповка; 18 – Хухра; 19 – Берёзовка; 20 – Гочево–3; 21 – Бобрава–5; 22 – Сущаны; 23 – Шестовица; 24 – Роище; 25 – Мена–5; 26 – Залиновье; 27 – Целиков Бугор; 28 – Посудичи; 29 – Макча; 30 – Голяжье; 31 – Авдеево; 32 – Дмитриевский могильник; 33 – Шоссейное; 34 – Белгородка; 35 – Киев–Детинка; 36 – Приоскольское–2; 37 – Солдатское; 38 – Рябовка–3; 39 – Токари; 40 – Запселье; 41 – Пески; 42 – Попово–Лежачи–4; 43 – Литвиновичи–3; 44 – Воргол; 45 – Харьевка; 46 – Сухая Гомольша; 47 – Занки; 48 – Соколово; 49 – Тимченки; 50 – Нижний Бишкинь–1; 51 – Хитцы; 52 – Монастырёк; 53 – Канев; 54 – Сахновка; 55 – Момоты; 56 – Пеньковка (Макаров Остров); 57 – Большая Андрусовка; 58 – Пеньковка (Луг–1); 59 – Пеньковка (Луг–2); 60 – Стецовка; 61 – Пастырское; 62 – Журавка.

⇐**Рис.105.** Хронологические индикаторы финала пражской культуры и начала культуры Луки Райковецкой. В прямоугольниках даны археомагнитные даты, в кружках – показания монет, 23 – Радиоуглеродная дата.

1,2– Городок, 3,4,6–9,12,13,17– Рашков, 5– Бакота, 10,21 - Сучава, 11– Горошева, 14,22– Ханска, 15– Великая Слобода, 16 - Яссы Кручеа луй Ференц, 18– Зеленый Гай, 19– Черновка, 20– Ботошань Сучава, 23– Подгорье, 24–38– Зимно, 39,40– Хотомель, 41,42 - Сахновка, 43,44– Обухов, 45– Монастырек, 46,47– Семенки, 48 - Самчинцы, 49– Скибинцы.

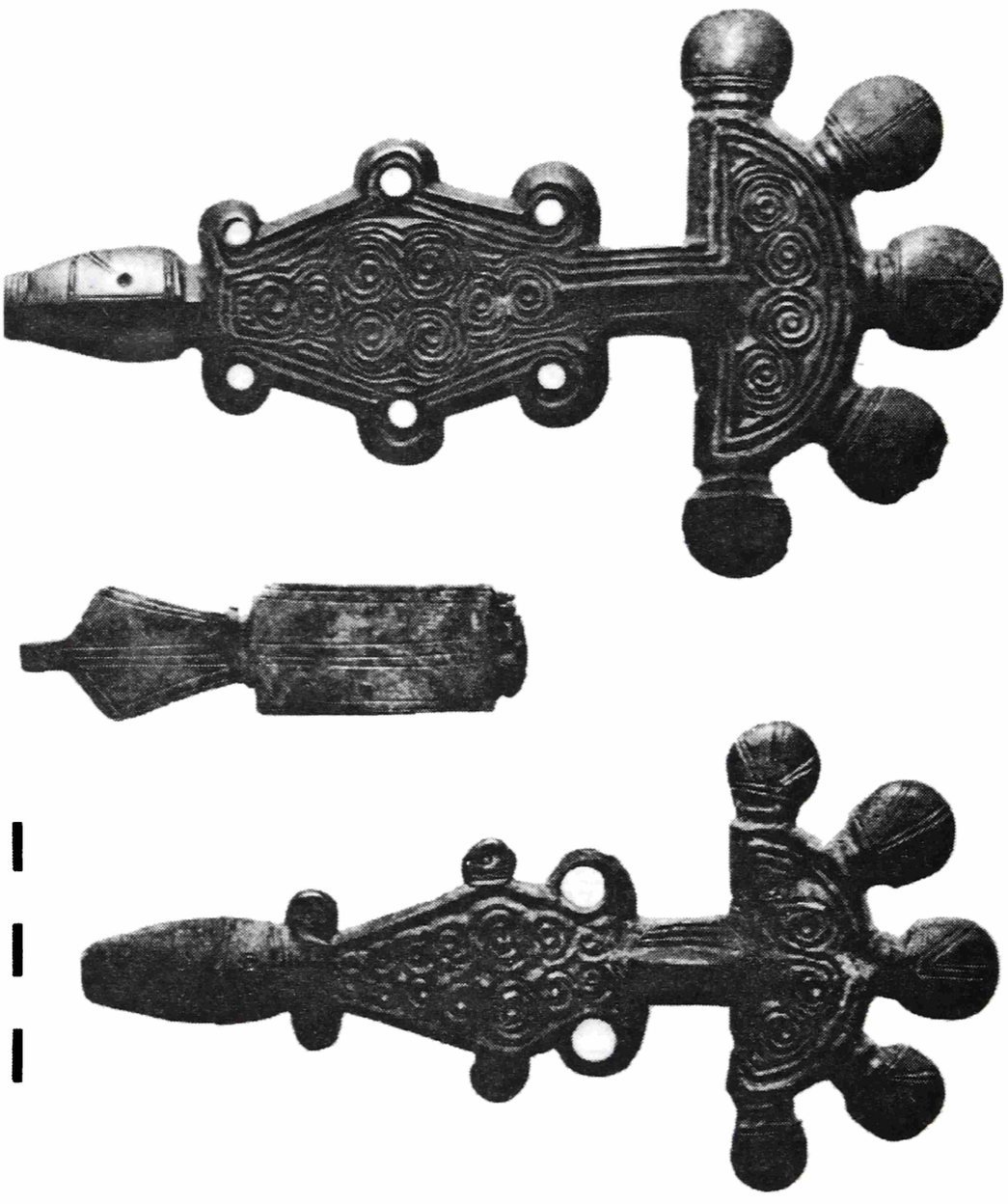


Рис. 107. Образцы вещей Гапоновского клада. Фибулы (лицевая сторона).

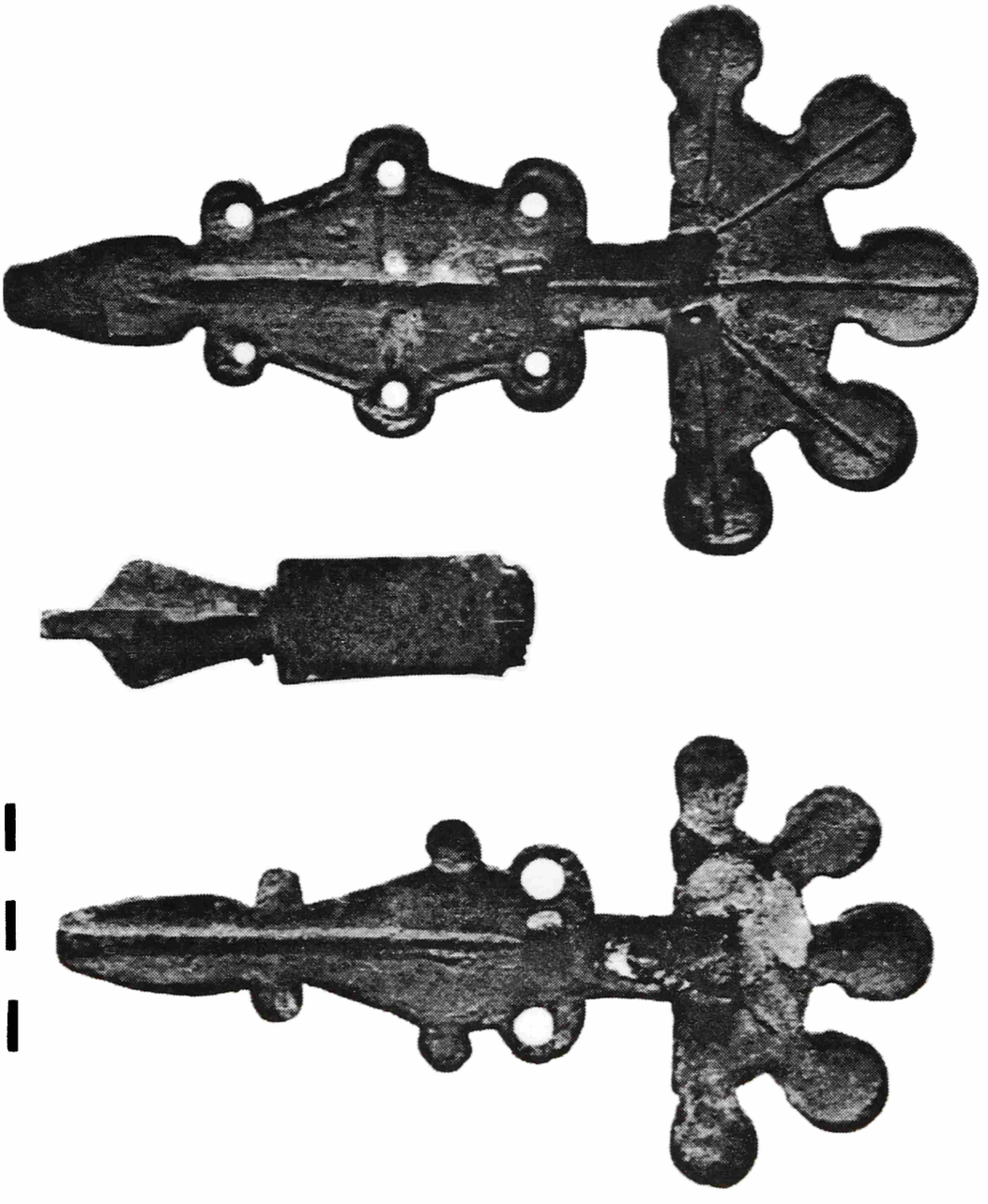


Рис. 108. Образцы вещей Гаповского клада. Фибулы (оборотная сторона).

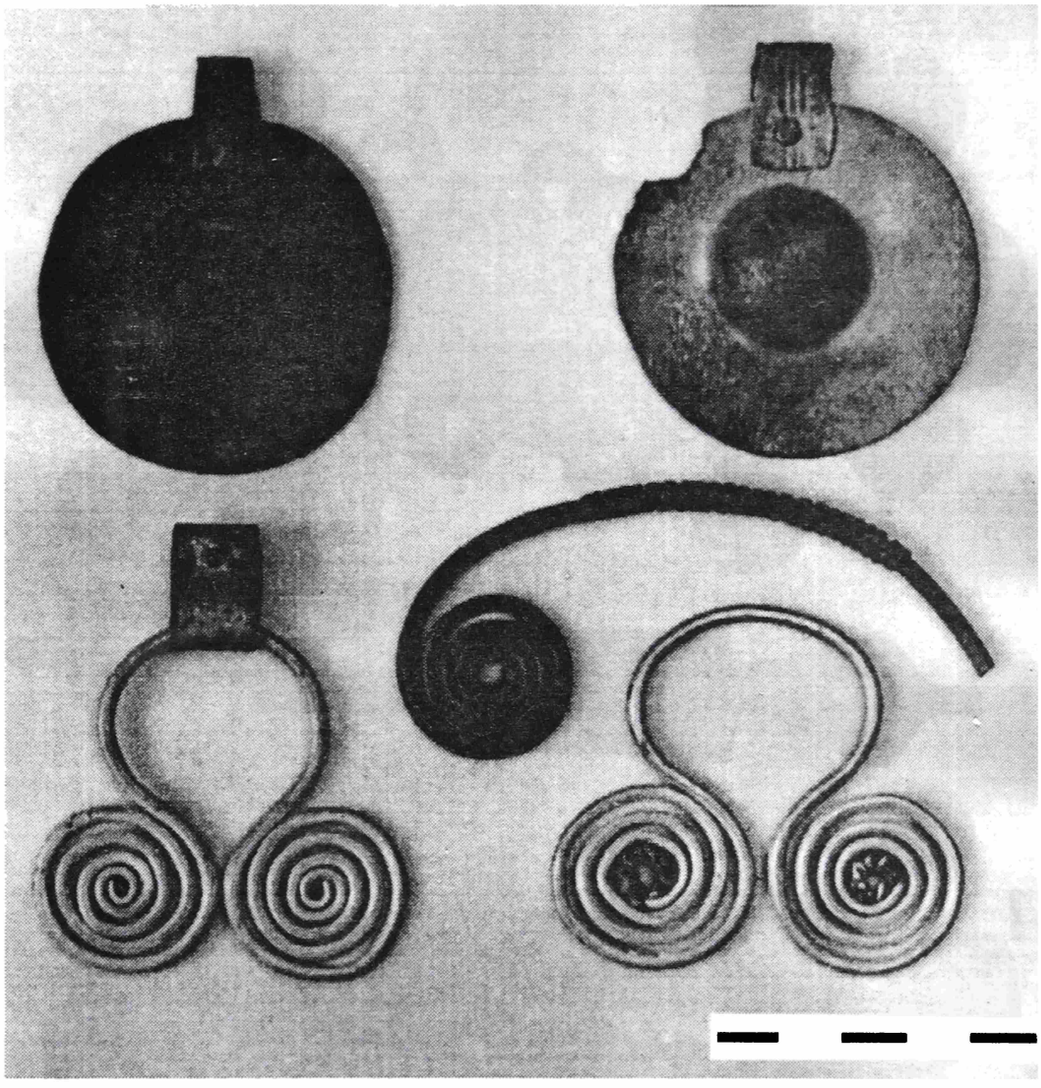


Рис. 109. Образцы вещей Гапоновского клада. Подвески и височные кольца.

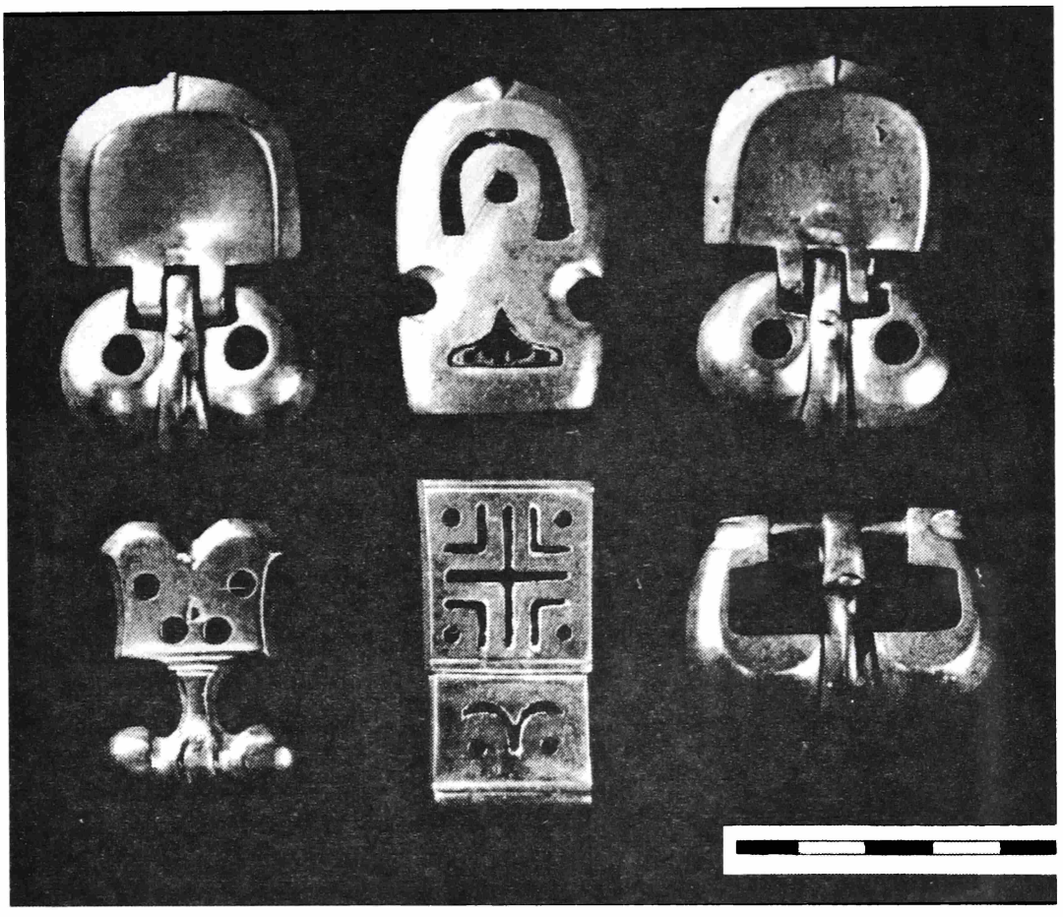


Рис. 110. Образцы вещей Гаиоповского клада. Детали ременной гарнитуры.

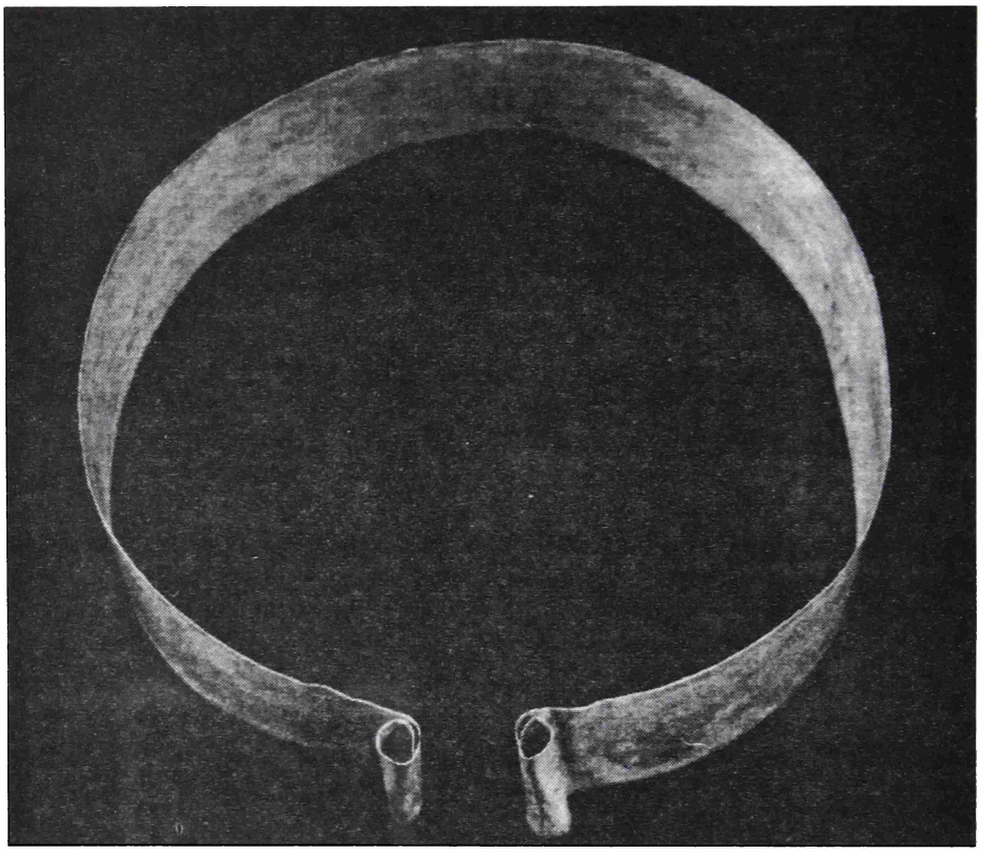


Рис.111. Образцы вещей Гапоновского клада. Гривны.

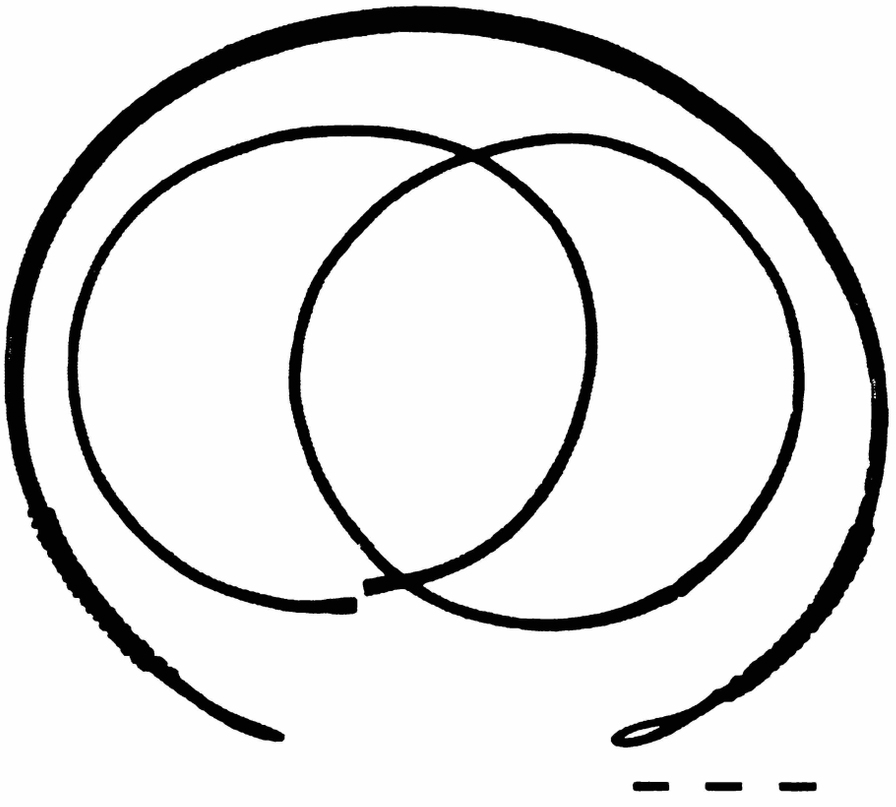


Рис. 112. Образцы вещей Гапоновского клада. Гривны.

Фирма "НОВЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ"

(Москва, Россия)

образована в1991 году при участии ведущих специалистов треста "Гидроспецфундаментстрой" Минмонтажспецстроя СССР.

Фирма "НОВЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ"

осуществляет на территории Российской Федерации
(Лицензия Правительства Москвы № 132-ПР МСЛ от 23.06.95)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ГРУНТАХ

- работы в мелиоративном и водохозяйственном строительстве (строительство и реконструкция гидротехнических сооружений, систем водоснабжения и канализации, природоохранительных объектов)

- устройство противофильтрационных завес, закрепление грунтов, понижение уровня грунтовых вод

- проходка шахтных стволов специальными методами (опускной колодец, "стена в грунте", замораживание и др. способы закрепления грунтов)

- работы по устройству скважин (глубинное водопонижение, катодная защита и др.)

ВСЕ ВИДЫ СВАЙНЫХ РАБОТ

МОНТАЖ СБОРНЫХ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

ЗЕМЛЯНЫЕ И ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Среди клиентов фирмы **"НОВЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ"**:
- **УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
восстановление в 1993 г. Дома правительства на Краснопресненской набережной
- **МГП "МОСВОДОКАНАЛ"**
Акуловский гидроузел, Рузская ГЭС, Северная водопроводная станция
- **"ЭКИПАЖ"** (Россия)
комплекс жилых домов в Кунцево
- **"ХАККА"** (Финляндия)
офисный центр на Саввиновской набережной(Москва)
- **МОСБИЗНЕСБАНК**
Киевский филиал на Брянской улице(Москва)

Фирма "НОВЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ"

Факс: (095) 903-68-55
Тел.: (095) 903-62-77, 903-63-22

The NEW BUILDING TECHNOLOGIES COMPANY

was founded by leading construction firm experts in Moscow, Russia, in 1991.

The NEW BUILDING TECHNOLOGIES COMPANY

is active on the territory of the Russian Federation
specializing in the following types of work
(licensed by the Moscow Municipality on June 23, 1995):

HYDRO-AMELIORATION AND WATERWORK CONSTRUCTION

(the building and reconstruction of water-development works, water-supply and waste-water disposal systems as well as harmonious exploitation projects)

soil stabilization, ground water lowering andconstruction of screens

special-method shaft sinking
(by water lowering sump, "the soil wall", freezing and other ways of soil stabilization)

hole-making
(deep water lowering, cathodic protection, etc.).

ALL KINDS OF PILE CONSTRUCTION WORK

ERECTION OF PREFABRICATED FERROCONCRETE STRUCTURES

EARTH- AND SPADEWORK

The New Building Technologies has provided services to:
THE MANAGING OFFICE OF THE PRESIDENT OF RUSSIA
(restoration of the Government building on Krasnopresnenskaya Embankment)
THE MOSCOW WATER-SUPPLY SERVICE
(the Akulovo hydroscheme, the Ruza Hydro, and the Northern Moscow Waterworks)
THE EQUIPAGE FIRM
(a residential area at Kuntsevo)
THE HAKKA COMPANY, FINLAND
(the office centre on Savinovskaya Embankment)
MOSBUSINESSBANK
(a branch in Bryanskaya Street)

The NEW BUILDING TECHNOLOGIES COMPANY

Fax: (095) 903 68 55
Tel: (095) 903 62 77, 903 63 22

Сдано в набор 16.05.96. Подписано в печать 1.10.96.
Гарнитура таймс. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объём 37.5 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ 285.
Отпечатано в типографии ООО "Спецэлектрострой".
Москва. 5 Войковский пер. д.6.